

Без ИЛЛЮЗИЙ

Алексей
Уманский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Николаевич Уманский

Без иллюзий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51567663

SelfPub; 2020

Аннотация

«Без иллюзий» продолжает ряд сюжетных линий предыдущего романа. Тот же лирический герой, Михаил Горский, от имени которого велось повествование в романе «Легко видеть», размышляет о жизни и своем поколении. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	45
Глава 3	98
Глава 4	120
Глава 5	141
Глава 6	199
Глава 7	259
Глава 8	310
Глава 9	386
Глава 10	441
Глава 11	535
Глава 12	589
Глава 13	646
Глава 14	742
Глава 15	841
Глава 16	898
Глава 17	974
Глава 18. Эпилог.	1112
Post scriptum.	1129

Посвящается М. Г. и сверстникам из нашего с ней близкого круга общения

Москва, 2007 год

А все-таки она вертится!

*Галилео Галилей о движении Земли вокруг Солнца,
1642 год.*

Глава 1

Время медленно приближалось к концу рабочего дня. Остался всего какой-нибудь час, и Нина, тяготясь незанятостью, с удовольствием бы уже ушла, но эта благоразумная мысль наткнулась на разумное же предостережение – уйдешь без спросу, а тогда кто-нибудь явится сюда, в партбюро, возможно даже сам поганец секретарь, он же заодно и заместитель директора – Виктор Титов-Обскуров, а то и сам директор института позвонит. Тогда скандал будет. Директор Беланов еще при Сталине был пожалован в генералы за его политические подвиги – как же: очищал от вредителей кадровый состав Главсевморпути. Кроме как в политике и в мелочах никаким генералом он на самом деле не был. Нине все-таки доводилось видеть и встречаться с настоящими генералами на фронте или близ него в течение всей войны, так что сравнить Беланова ей было с кем. Преданность последнего товарищу Сталину была главным оружием, которое он мог и умел использовать, которым он в достаточно совершенной степени владел. Но эпоха Сталина кончилась, всего какой-то год назад кончилась и карьера, нет – тоже эпоха – Никиты Хрущева, тоже в достаточной степени сталинского лизоблюда и столь же «подлинного» генерала, как Беланов, только на одну звезду чином повыше. Культ личности Сталина он, правда, разоблачил – в этом надо отдать ему спра-

ведливость: выпустил политзаключенных из лагерей, народ при нем стал жить заметно лучше и достаточней, но все равно на гребне доброй волны не удержался: укрепив личную власть, во вскружившем ему голову вихре подхалимских похвал и поддакиваний, возомнил себя абсолютно всегда правым вождем и даже начал сажать кое-кого из с ним несогласных, куда его же подхалимы и прихлебатели, испугавшись за свою судьбу, не сместили его со всех постов в партии и государстве, превратив тем самым в персонального поднадзорного пенсионера, который может теперь на досуге беспрепятственно разбирать свое великое прошлое и, главным образом, те ошибки, которые он допустил в отношении своих выдвинутцев-друзей. Теперь он для них не представлял никакой опасности. Но для страны он ее все-таки представлял. Его горячее желание обеспечить страну зерном в настоящем изобилии – в первую очередь за счет кукурузы – привело в расстройство все земледелие и на долгие годы обрекло государство на постоянный огромный импорт пшеницы из Канады и США, а, стало быть, – и на постоянный шантаж со стороны врагов СССР уморить страну если не совсем голодом, то, как минимум, серьезным недоеданием – будто при Ленине и Сталине народ этого еще не нахлебался. И вот теперь в итоге страной правит все такой же славный «боевой» политический генерал, как и его предшественник – дорогой Леонид Ильич Брежнев. От Хрущева его в лучшую сторону отличала разве что приятная внешность –

вроде как удалец, особенно если увидишь его с дамой, танцующим фокстрот, когда правая рука сама собой соскальзывает со спины куда-то пониже талии. Вся страна видела, что он – бабник и своих удовольствий ни на что не променяет – даже на плетение партийных политических интриг и на непрерывный надзор за друзьями, особенно же на контроль за членами политбюро и теми, кто особенно настойчиво туда лезет. Ну, а Нина со своим собственным богатым опытом жизни тем более обмануться не могла – такие ей были видны буквально насквозь.

Ее мысли прервал звонок городского телефона. Стало быть, это было не институтское начальство со срочным заданием отпечатать какую-нибудь бумагу до конца рабочего дня. Она сняла трубку: «Аллё? И услышала в ответ: «Нина Александровна? Здравствуй, Нинон, это Миша!» – но она успела узнать его голос до того, как он назвался. – «Здравствуй! – отозвалась она. – Ты что, не в институте?» Михаил Горский работал здесь же начальником отдела. – «Нет, не в институте, – ответил он. – Но хотел бы увидеть тебя сегодня за его стенами. Ты могла бы уйти сегодня пораньше? Тогда бы мы поехали к тебе.» Нина на секунду задумалась. Вообще-то ей уже давно хотелось добраться с Мишей до постели. Он частенько заходил к ней в партбюро, хотя и не являлся членом партии (впрочем, пока что и она – технический секретарь партбюро – еще не была членом партии, хотя по соображениям устойчивости склонялась к тому, чтобы им

стать) – заходил, откровенно и интересно для обоих говорил на всякие-разные темы от институтских новостей до мировой политики и до спортивных туристских походов, в которых он был большой мастак, а главное – под эти разговоры он обнимал и целовал ее, ласкал как ей нравилось, вплоть до того, что у нее начинала кружиться голова. И однажды, после того, как Михаил уже очень распалил ее, Нина в сердцах ткнула его в грудь кулачком и сказала: «Гангстер ты, вот кто! Распалишь меня – и идешь домой к жене! А я после этого возвращаюсь в свой дом одна!» Нина могла бы добавить, что не только к жене. Весь институт знал, что у него в любовницах завсектором из его отдела – Ольга Дробышевская – ничего не скажешь – видная и очень аппетитная дамочка, особенно за счет сногшибательного бюста, по слухам – не особенно умна, но уж свое-то дело знает хоть куда, в этом не может быть никаких сомнений. Нине где-то льстило, что, Ольга, приблизительно ровесница Михаила, не заслоняет от него ее, Нину, зрелую женщину, старше Мишиной любовницы на девять или десять лет, и отдает ей явное предпочтение перед другими дамами института, том числе и явно красивыми, каких немало попало в коллектив во время авральной кампании набора сотрудников. Насчет Ольги она не пеняла Михаилу по нескольким причинам. Во-первых, ей самой представлялось вполне естественным в один и тот же период времени поддерживать любовные отношения с несколькими мужчинами – ведь ничто другое не при-

носит таких приятных ощущений, как это, ну, а поскольку она признает это верным для себя, то по справедливости подобное же право на нескольких любовниц можно признать и за мужчиной. Во-вторых, врожденный такт подсказывал Нине, что упрекать мужика, с которым охота переспать, за его любовницу – дело глупое и бесполезное. А коль скоро она действительно пожелает быть его единственной женщиной для любви, то должна будет сама постараться настолько затмить конкуренток, чтобы у любовника и мысли не возникло желать кого-то кроме нее. Ну, в-третьих, разве при такой неустойчивости жизни имеет смысл упускать возможности, которые сами в руки идут? Так уж сложилось у нее, что после мужа-майора других претендентов на ту же роль больше не нашлось. Она хотела было выйти замуж за своего балеруна, да он предпочел какую-то более выгодную бабу, по его же признанию, очень уступающую ей как женщине. Нина не сомневалась в его искренности, поскольку и после свадьбы он продолжал бегать к ней даже чаще, чем прежде, покуда рутина не взяла свое, и он не отдалился совсем. Дома ему, скорей всего, пригрозили отлучением от денежных средств, если не разводом. Вот и пришлось ему прислуживать в постели не той, кому хотелось.

– Ты откуда звонишь? – спросила Нина после короткой паузы.

– Из автомата на улице Горького.

– Ладно. Подожди, попытаюсь отпроситься.

Миша слышал, как Нина говорит по внутреннему телефону. Потом она вернулась на его линию:

– Хорошо. Жди меня через полчаса на Пушкинской площади возле памятника.

– Непременно! – ответил он, и она ощутила по голосу, как он обрадован.

Михаил еще накануне днем продумал, как ему обеспечить возможность интимного сближения с Ниной. Он и сам уже давно хотел познать эту очень красивую женщину с открытыми и свободными взглядами на любовь. В ней все было искренним, без малейшего притворства, а потому в ней, несмотря на приверженность к разным партнерам, безошибочно угадывались честность и благородство. Не ее вина в том, что она не нашла подходящего по уму и темпераменту мужа среди своих сверстников – война истребила их, оставив от всех от силы двадцатую часть. И не одной испорченностью объяснялась ее склонность к романам с более молодыми мужчинами, что свойственно многим распутным и требовательным дамам, а в первую очередь тем, что на ее возрастном поле неразобранных мужчин не осталось совсем.

Впрочем, первоначальный его интерес к Нине произошел не из этого. Возбудитель передался ему опосредованно, через сотрудницу соседнего отдела Клару, яркую и фигуристую красавицу, которая попыталась было заинтересовать собой Михаила больше, чем он интересовался Ольгой, в чем, однако, не преуспела. Они стали просто приятелями, причем

Клара иногда напоминала ему, за что он предпочел Олю. Михаил воспринимал это всего лишь как легкий укор.

Однажды Клара взволнованным тоном передала ему новость: накануне она была с несколькими сотрудниками в гостях у Нины – ну, ты знаешь ее, сидит в партбюро техническим секретарем. Михаил кивнул.

– Так вот представляешь, вошли мы в комнату, и первое, что бросилось в глаза – большое горизонтальное зеркало на уровне спинки дивана и прямо над ним на стене. Пораженный Штучник прямо так и выдохнул там: «Вот это да!» – и все почувствовали то же самое.

Штучник был, по мнению Михаила, полным интеллектуальным импотентом, что не мешало ему, однако, иметь диплом кандидата технических наук и чувствовать себя в институте достаточно уверенно, по крайней мере, на первых порах. Нехватку ума он пытался возмещать светской обходительностью, которая служила ему полезным дополнением к хорошему росту, достаточно стройной фигуре и не выдававшему его глупость лицу. Удивляясь тому, как такой человек смог стать кандидатом, Михаил не поленился в каталоге диссертантов в Ленинской библиотеке найти его карточку. В названии диссертации значилось: «Исследование весового износа режущего инструмента». В голове мгновенно возник образ исследователя,двигающего науку вперед. Вот он взвешивает резец перед установкой его на токарный или какой-то иной металлообрабатывающий станок, а когда

рабочий-станочник находит, что инструмент уже износился, то есть затупился, утратил режущие свойства, и заменяет его новым резцом, Штучник тут как тут принимает заменяемый резец в свои исследовательские руки и снова кладет на весы, после чего подсчитывает потерю веса победита, быстрорежущей стали или чего-то еще. Никаких попыток вывести из исследований стойкость режущих кромок во времени в зависимости от режимов резания, ни даже установления допустимого числа переточек вплоть до исчерпания режущего ресурса инструмента, что все же было бы полезно знать. Единственное, что можно было установить в ходе данного исследования – так это расход массы режущих материалов на данном производстве с данными материалами, подвергшимися обработке. То есть очень немного, особенно в свете тех номинально высоких требований, которые предъявляет к диссертации ВАК. Как могли утвердить такую тему диссертации, не говоря уже о том, как он смог благополучно ее защитить? Ответ мог быть только один: кто-то из сильных мира сего либо в области металлообработки, либо выше – в управляющих кругах – обеспечил своему протеже Штучнику достаточную поддержку, чтобы ученый совет не заметил незначительности научного труда.

Подозрения Михаила насчет «высокого научно-технического уровня» кандидата наук Штучника вскоре действительно подтвердились. Однако это отнюдь не значило, что Штучник ничего не понимал в постельных делах.

Сведения, полученные от Клары, взбудоражили и Михаила. Он легко представил себе женщину на коленях, позади которой активно работает, то, поглядывая вниз, на красавицу, то на боковое ее отражение в зеркале, переполняясь видами с двух в высшей степени завлекательных сторон. И даме в данной позиции в свою очередь легко было видеть, как именно действует партнер, чтобы воспринимать его не только посредством осязания. Да, по всему получалось, что Нина – женщина что надо. А он до сих пор знал ее только вприглядку, причем одетой и остающейся на немалой дистанции. Ему захотелось познакомиться с Ниной поближе. Нет, это еще не было страстным влечением или категорическим сексуальным императивом, но вызовом оно являлось бесспорно, причем недвусмысленно сексуальным.

Случай к знакомству вскоре представился, вроде как сам собой. Секретарь партийной организации Титов-Обскуров желал быть не только первым заместителем директора института, каковым он официально являлся. Ему хотелось быть всевластным хозяином института, разве только не номинальным. Он здраво судил о том, что директором его все равно не назначат – даже если он подсидит и скомпрометирует генерала Беланова – просто тогда назначат кого-то еще со стороны из резерва номенклатуры МК или ЦК. В таком случае ему оставалось только обосноваться в роли серого кардинала, эдакого мини-Ришелье при Беланове, которым он манипулировал, как хотел. По этой причине он

вызывал к себе как партийный секретарь всех начальников отделов, дабы осуществлять партийное руководство и контроль за всеми делами института. По статусу он действительно имел такие права и такие обязанности. Дошла очередь и до Горского. Разговор шел при Нине. Титов-Обекуров спрашивал, Михаил отвечал. Секретарь знал, что Михаилу нелегко прокладывать путь, которым он считал нужным идти. Многочисленные противники старались привести его к норме на основе полубредового демагогического подхода к созданию всех официальных классификационных систем производственного, управляющего и экономического характера, отправляясь всего лишь от всесоюзного классификатора продукции, построенного по прямой аналогии с классификатором федеральных поставок министерству обороны Соединенных Штатов. Титов-Обскуров был неглуп, скорее наоборот, поэтому он легко понял, о чем заботится Михаил, равно как и то, что со временем классификатор номенклатурной продукции проявит свою поисковую ограниченность и непригодность для решения более широкого круга задач, кроме задачи обеспечения поставок. Разумеется, он не выразил никакого стремления поддерживать Михаила в его борьбе за действительно значимый государственный интерес, но запомнил, что за этим довольно молодым инженером с десятилетним стажем есть, однако, и некоторая правота, и что он не уклоняется от борьбы, стараясь делать так, как считает правильным. В сущности, Титов обес-

печивал себе возможность в зависимости от конъюнктурных обстоятельств высказываться «партийным словом» в любую сторону – в пользу Михаила или против – как будет полезней для него, серого кардинала и партсекретаря. Среди разговора с Михаилом Титова-Обскурова вызвал директор, и Михаил довольно надолго остался с Ниной наедине. Он поинтересовался, чем она занималась до того, как попала в этот институт. Оказалось, что Нина и прежде секретарствовала, в том числе и в Министерстве торговли РСФСР. Там она заочно окончила экономический институт, но по специальности экономиста работала недолго. Сюда ее в значительной степени занес случай. Директор с громадной радостью обнаружил, что новая сотрудница в только что созданном институте, главой которого он стал, безукоризненно и быстро печатает на машинке все важные бумаги, которые шли в разные инстанции. По этой причине он убедил ее стать техническим секретарем партбюро, где она могла в любой момент послужить ему палочкой-выручалочкой.

Нина спросила у Михаила, чем он занимался после окончания МВТУ. Оказалось, путь у него был простой – конструктор на приборостроительном заводе, конструктор третьей, второй, затем первой категории в авиационном ОКБ стандартов. А потом они свободно заговорили о том, что им нравится, а что не нравится в этом институте. У Михаила ни на мгновение не возникла предостерегающая мысль, стоит ли откровенничать с малознакомой особой, находящейся-

ся в непосредственной близости к директору и его амбициозному заму. Он точно почувствовал, что она не играет в доверительность и откровенность – не играет и всё, такая уж у нее натура. С этого и началось. А после первого знакомства пошло, как говорил герой Бориса Можаяева – «дале-шире». Михаил заходил в партбюро к Нине без всяких вызовов. Иногда он заставал там и Титова-Обскурова, но из-за этого не тушевался, находя повод поговорить и с ним, и с Ниной. Секретарь парторганизации несомненно чувствовал, что визиты Михаила происходят совсем неспроста, однако и Михаил не чувствовал, чтобы Титов ревновал к нему Нину, хотя это несколько удивляло. К женщине такого класса трудно было оставаться равнодушным. Вскоре Нина и Михаил перешли на «ты», а затем в дополнение к речам пошли в ход руки и губы. Нина не противилась с самого начала. Слова, в которых он передавал ей свое восхищение, достигали цели, а объятия и поцелуи подкрепляли успех. Конечно, время от времени Нина напоминала ему, что они рискуют, что сюда могут внезапно войти посторонние, но в конце концов это мало заботило их обоих. Порой Михаил ловил себя на мысли, что с Ниной ему не хуже, чем с Олей, тем более, что с Олей наедине им случалось оказываться вместе из рук вон редко. Мест для любовных свиданий не было ни у нее, ни у него, а согласия знакомых насчет встречи в их квартирах давались очень непросто. В перспективе с Ниной не должно было быть никаких затруднений. Выбери только время, когда тебя

не будут подозревать в недопустимых вольностях ни жена, ни любовница – и ты, «гангстер», сподобишься получить индальгенцию в постели на диване под длинным горизонтальным зеркалом, о котором никогда не хотелось забывать. Хотя нет, не просто не хотелось. Это было просто невозможно по природе вещей, воплощенной в sex areal, усиленный взаимной симпатией. Впрочем, одно отличие – и притом важнейшее – между Олей и Ниной все-таки постоянно оставалось. Олю он любил, о Нине же он грезил как о еще одной женщине, с которой ему могло быть душевно и телесно хорошо. Нинина сексуальная поливалентность его не оскорбляла, не обижала, не задевала и даже не занимала. Окажется ли под зеркалом на диване другой мужчина – а Михаил был уверен, что непременно окажется – это было ее делом, ее жизненным выбором или уделом, но не его. Плоскости их эклипстик пересекались, но не совмещались, а в результате обоим было хорошо друг с другом время от времени, а от времени до времени совсем не тяжело. Михаил уже знал с Нининых слов, что она познала любовь в ночь сразу после выпускного школьного вечера, когда ею овладел, а она с охотой отдалась тому, кого любила. Он был лучшим спортсменом школы, а она – самой красивой девушкой в старших классах, и им бы и любить друг друга дальше, но на следующий день началась война. Её милый сразу попал в авиационное училище. Наскоро выученный, он вскоре погиб на фронте. Нинин отец был известным цирковым бор-

цом того классического стиля, которому так соответствовали в свое время полосатые трико и черные закрученные усы. И вообще почти вся Нинина семья в трех как минимум поколениях принадлежала цирку. Племянница стала гимнасткой-воздушницей и, по оценке специалистов, делала нечто небывалое, жена брата работала в кассе цирка, зять дрессировал медведей и выступал с ними. Наверное, цирковой бум чисто случайно не вовлек в себя и Нину. Правда, Михаил не слышал, чтобы ее воспитывали в каком-либо цирковом жанре, но если бы она захотела делать что-то в этом смысле, ей бы это наверняка удалось. Тело у нее до сих пор было сильное, стройное и молодое, лицо, надо сказать, тоже. А насчет Нининой груди, до которой он уже добирался не только руками, но и глазами, он услышал ее собственную, сказанную с гордостью оценку – нет, утверждение: «как у девочки». И это была правда – как у девочки, но уже очень хорошо развитой, не просто свежей. С началом войны дальновидный отец, понимавший, что мобилизация в такой войне очень скоро захватит и большинство молодых женщин, тем более – незамужних и бездетных девчонок, став начальником санитарного поезда, без проволочек зачислил дочь в штат этой по преимуществу женской воинской части, где он сам мог как-то ограждать ее от грубых посягательств находящихся в нескольких шагах от смерти мужчин, которым придавали решимость и силу не только долгий отрыв от домов и семей, но и доводящие до отчаяния ожидания гибели

в любой следующий момент хрупкого бытия. Нина не говорила, что бывала совсем на передовой или на поле боя, где надо было вытаскивать раненых из-под огня или отбиваться самой, стреляя из пистолетика, но что под обстрелы и бомбежки их поезд попадал, об этом она рассказывала определенно. И вот, пройдя через все это, она сохранила себя такой (или почти такой), какой встретила войну с погибшим милым. Она была вправе гордиться собой, а не просто радоваться тому, что уцелела, тому, что ни люди, ни обстоятельства не обобрали и не сломали ее – пусть отчасти благодаря отцу, но несомненно и в результате ее собственной заботы о своей судьбе. Да, Михаил действительно находил ее восхитительно молодой, даже юной, а то, что в ней при этом существовала весьма искушенная женщина, придавало ее юной прелести особенно привлекательную остроту. Даже при такой необычайно одаренной, роскошной женщине, какой предстала ему любимая Оля, он чувствовал, что внутри него осталось достаточно места, чтобы наряду с ней там поместилась и Нина. Как очень дорогой человек, которому очень хочется желать счастья и которому ты готов в меру сил помогать, чтобы он действительно был счастлив.

Чувствуя себя виноватым за то, что распалив Нину, он не удовлетворял ее, Михаил понял, что больше оттягивать время решительной встречи нельзя, несмотря на то, что мысль об Оле его до сих пор все-таки сдерживала. Он зашел в партбюро, поцеловал Нину и, сказав, что завтра он

будет в комитете по науке, обещал позвонить, когда освободится. Из института он напрямик вернулся домой. Часа через два ему позвонила Оля. Голос ее, любимый, волнующий голос, казалось, светился радостью. Она сказала, что завтра вечером будет дома одна и сможет подарить ему себя. Вот это был номер! Михаил мгновенно понял, что ему предложена принципиальная проверка со стороны Высших Сил. Еще днем Оля ничего не знала об отъезде мужа. И вот, пожалуйста, ему предстоит немедленно выбирать, кто ему дороже из двух женщин, нет, вернее другое – Олю он несомненно любит больше, дело в другом – кого он выберет для любовной встречи назавтра: Олю, по которой уже давным-давно соскучился, или Нину, которую еще не знал, но обещал узнать и себе, и ей. Можно было найти выход в том, чтобы завтра предупредить Нину о переносе встречи на другой день, но он понял, что волынка со свиданием будет воспринята Ниной как очередной гангстерский маневр. Жаль было обмануть ожидания обеих, но обойтись без обмана одной из них никак не получалось. Михаил оттягивал свой ответ Оле до последней микросекунды, пока еще можно было дать его без вызывающей подозрения паузы. Он и сам уже жалел себя, когда начал говорить.

– Олечка, завтра никак не получится. Мы с Леной обещали завтра вместе пойти в гости. Отменять визит уже поздно. Голос любовницы, еще несколько секунд назад обещавший ему отдать себя для Небесного Счастья, в один миг стал

совершенно другим. В окраске глубоко драматичного минора Оля произнесла:

– Как жаль!

Положив трубку после нескольких своих слов сожаления, Михаил уже не знал, сможет ли в той степени, в какой ожидал, радоваться встрече с Ниной. Нет, не спроста вдруг у Оли освободился вечер, как только он договорился впервые побывать у Нины – у нее и в ней.

– Наверху все видят и знают, – устало подумал он.

– А как ты выглядел после предложенного испытания? – спросил он себя и тут же сознался:

– Плохо, и еще раз плохо. Только Нина в этом не виновата.

Плох ты сам.

Они встретились около памятника Пушкину. Нина пришла со стороны Никитского бульвара улыбающаяся и размягчившаяся на морозе. Поцеловавшись, они сразу сели в маршрутное такси и меньше чем за десять минут доехали до Нинино дома. Она жила на углу Ленинградского проспекта и улицы «Правды» в памятном ему длинном темно-сером здании, в котором наряду с квартирами находился спортклуб «Крылья Советов». Мимо него он множество раз проходил немного дальше от центра, ища встречи со своей первой в жизни любовью – Ирочкой Голубевой, и почти не надеясь на нее, настолько он был скован с головой захватившим его абсолютно новым чувством. Впрочем, Нине он ничего не сказал. Они со двора поднялись к ее квартире.

И вот он увидел просторную комнату, долгожданное длинное зеркало и диван под ним немного большей длины. Все оказалось так, как он думал, кроме одного – просторное помещение было лишено интимной ограниченности будуара. Впрочем, это мало что значило. Когда есть с кем, есть где и на чем, и никто не мешает, любовь запросто обходится без будуара. Вот только любовь ли? И всегда ли любовь?

Михаил не угадал с приношением. Шампанское, как будто бы всегда уместное в подобных случаях, для Нины оказалось не совсем приемлемым. То есть, конечно она выпила и его, но очень немного, опасаясь, что иначе у нее разболится голова. Торт был признан не вредным. Но это были всего лишь аксессуары прелюдии, но не само действие. Обе стороны не были склонны затягивать подготовку.

Михаил попросил:

– Нинон, красавица, разденься! Хочу, наконец, увидеть тебя всю!

Она не стала ломаться и стала быстро раздеваться, но заметив, что Михаил только смотрит, спросила полусерьезно, полуиронично:

– Синьор, а вы?

Михаил спохватился и начал ее догонять. Нинина нагота соответствовала его ожиданиям. Пропорции – самые эстетические, в его вкусе: где надо – крупно, где надо – тонко. Линии – соблазнительно плавные, в гармонии с лицом. Треугольник в контрасте с белизной кожи – черный. Неуди-

вительно. Нина говорила, что по природе она брюнетка, но и окрашенные волосы на голове не портили ее. И все действительно в изумительной девичьей сохранности – и бедра, и зад, и грудь – особенно грудь, только живот несколько выпадал из юношеского безмятежного стиля. Михаил даже не мог понять, почему.

Нина тоже разглядывала его – с интересом, но без цинизма. Впрочем, иного Михаил и не ожидал. Они обнялись стоя, поцеловались, легли на диван. Нина была согласна делать все, что ему нравилось, в том числе и то, что он мечтал видеть сбоку от себя в зеркале. И с любой стороны Нина выглядела восхитительно, не говоря уж об умении отдаваться искренно и до конца.

И все же Олю она не затмевала. Нет-нет, все было хорошо, но даже тут у Михаила мелькала мысль, что именно сейчас он мог бы получать еще большее наслаждение, испытывать еще больший восторг, если бы не выбрал верность слову, данному Нине, а сохранил бы верность главной любви. Это еще нельзя было считать раскаянием, но самообвинение уже поднимало голову, заявляло о себе и, без сомнения, обещало какие-то покуда неясные, непроявившиеся осложнения в той общей будущности, о которой они всерьез говорили с Олей. Какими они окажутся? Пока что его не то чтобы тревожило – скорее призывало ко вниманию только одно Олино свойство – как она думает в браке с Михаилом самостоятельно утверждать себя творческой личностью? Или во-

все не думает? Прямых планов и целей на этот счет у Оли как будто и не было. Да, она хотела защитить диссертацию и стать кандидатом наук подобно множеству научно остепененных людей, которых знала и наблюдала. Было несомненно разумно следовать их примеру, чтобы можно было точно так же, как и им, пользоваться кандидатскими привилегиями: увеличенной почти вдвое зарплатой в той же должности, преимуществами при устройстве на работу, а кое-где и в полтора раза увеличенным отпуском – живи себе и не горюй, после защиты и утверждения в ВАКе степень будет до окончания века работать на тебя, а не ты на степень. Похоже, что достижением такого блаженного состояния интерес Оли к науке исчерпывался. У Нины, правда, и такого не находилось, но хуже от этого она не выглядела, не имея к науке претензий и не ожидая дополнительных благ от нее. У Нины был иной конек, с которого она не собиралась пересаживаться ни на какой другой. Секс работал на нее, и она работала ради секса, не ожидая от жизни большего блага, чем это. Первую любовь у нее отняла война. Сколько было попыток обрести другую, трудно было представить, а спрашивать Михаил не хотел – понимал, что они, разумеется, были, только вряд ли привели к успеху, а вот огромная радость от секса была вполне достижима несмотря на войну, на отсутствие постоянного мужа, на неизбежные осечки с проходящими или постоянными любовниками. Для достижения радости ей требовалось относительно немного и вполне достижимое –

чтобы партнер сам по себе был симпатичен, хорошо сложен и в специфическом смысле вполне работоспособен, чтобы при этом был в меру тактичен и безусловно не хам. А остальное она и так имела – свою постоянную комнату в коммуналке и свободное время для встреч.

Её никак не могли характеризовать иные слова, кроме приятной и честной любовницы, смысл которых состоит в том, чтобы принизить достоинства женщины – особенно с моральной стороны. К ней не липли определения вроде «честной давалки», «дамы легкого поведения», тем более такое как блядь. Ни легкомыслия, ни неразборчивости, ни корыстолюбия в ней не чувствовалось ни грамма. Возможно, в древности она могла бы вполне подойти к роли жрицы любви для упоения в страсти в честь богини любви с высшими слоями духовного сословия, но с храмами подобного рода было давным-давно покончено, по крайней мере, в Европе. Их заменили бордели, дома свиданий вкупе с кафе-шантанами, стриптиз-барами и кабаре, хотя всему этому вместе взятому было не под силу достичь того, что могли дать настоящие храмы любви. Слава Богу, – думал Михаил – существуют еще порядочные женщины, понимающие толк в любви и не стесняющиеся проявить своих умений.

– Нина, Нина! – благодарно шептал Михаил, чувствуя, как в нее истекает.

Он успел перед кульминацией спросить ее, надо ли предохраняться, но она ответила: – Нет!

Нина повернула к нему лицо, тронутое легкой улыбкой. Вместо слов, похлопав ладонью по простыне, она пригласила его прилечь рядом с собой. Он лежал, приобняв ее одной рукой, другая в это время ласкала грудь «как у девочки». Действительно, надо было ухитриться сохранить абсолютную начальную свежесть. А ведь прошла войну, а после войны к тому же она родила, только ребенок умер.

– Ты рад? – спросила Нина.

– Рад? Не то слово! От тебя можно быть только в восторге! Тебе это, наверно, все твои мужчины говорили.

Нина подтвердила кивком подбородка.

– Ну, а теперь со своей радостью к ним присоединился я. Знаю, что не очень оригинален, но ты редкая женщина и редкий человек. Есть у тебя дар.

– Какой?

– Особенный. Чистота, откровенность, искренность проливаются от тебя как в праздник. Ты даешь больше, чем получаешь. В любом случае не меньше. И симпатия, симпатия – она становится совсем близка к любви, хотя мы в ней друг другу не признавались.

– А как ты думаешь, могли бы?

– Если отвлечься от других привязанностей – конечно!

– Вот то-то и оно. Вы, мужики, все связаны-перевязаны. Свободных практически не встречается. Вот вы и перепархиваете с цветка на цветок, не принимая на себя никаких обязательств.

– Да, ты права, – признался Михаил, обдумав ее слова. – Нам проще перепархивать. Правда, не всем и не всегда.

– А, брось! Всех вас стрелять надо! – доверительно сообщила Нина и тотчас погладила грудь легкими пальчиками, которыми перед этим ткнула Михаила в грудь.

– А с кем или чем вы тогда, дамы, останетесь, если и таких перебьете? – возразил Михаил, погладив точно так же Нинину грудь.

– М-да... с этим проблема... – отозвалась Нина.

– Но если на ней не зацикливаться, разве все так плохо?

– Нет, сам знаешь, – смеясь, согласилась Нина. – Но и среди перепархивающих нечасто встретишь понимающих мужчин. Вот как ты, например.

– Тебе это нравится во мне?

– Да, разумеется. Ты мне сразу таким показался.

– И ты мне тоже сразу. До чего приятно, когда влекущая к себе женщина оказывается именно такой, как ты представил ее себе в грезах! Даже лучше! В тебе это наверняка многие чувствуют, верно?

– Можно сказать и так, если судить по тем, кто пристаёт.

– А среди пристающих не все могут нравиться?

– Далеко не все. Знаешь, в отделе Титова-Обскурова есть такой парень – Саша Бориспольский?

– Вприглядку знаю. Филфак МГУ недавно закончил. А что?

– Представляешь, однажды заявляется он ко мне в парт-

бюро и после пары банальных комплиментов в мой адрес без обиняков предлагается мне в любовники. А чтобы я побыстрее согласилась, добавил: «Меня все хвалят»!

– Поухаживал, значит?

– Именно!

– Молодые люди боятся даром упустить время, а в результате упускают нечто гораздо более значимое. Решил, значит, сыграть на опережение?

– Думал, что я буду так рада заполучить его!

– Получив афронт, он обозлился?

– Вроде даже растерялся. Считал себя совершенно неотразимым. Это для МЕНЯ! Внаглянку полез безо всяких сомнений!

– Плохо, значит, знает женщин. Ну, ты помогла ему начать понимать больше.

– Конечно! Его, видите ли, «все хвалят»! А кто они – эти «все»?

– В большинстве, наверно, девки с факультета, может не только со своего. А еще, вероятно, какие-то безмужние дамы из круга знакомых его родителей. Вот он и решил, что знает всех.

– А что самому надо бы больше собой представлять, так и не понял, – твердо подытожила Нина.

– А Титов-Обскуров не пытался навязаться тебе? По-моему, он тоже не их тех, кто стесняется?

– Виктор достаточно мерзкая личность. С такими я не мо-

гу.

– Я пока мало с ним контактировал. Вроде бы он даже играл со мной в понимание. Но верить в его искреннее расположение я совершенно не в состоянии. И всего лишь потому, что у него такой визгливый, фальшивый смех. Меня всего передернуло, когда впервые услышал!

– Все верно, – подтвердила Нина. – Он юрист. Знаешь, среди них есть такие, которые из всего способны сделать человеку хуже. Так что в прокуратуре он себя нашел. Это он оттуда попал к нам. Там он хорошо распустился! Я вижу, как он обращается с людьми, да и от других тоже слышала. Веру Ивановну знаешь?

– Знаю. Приятная женщина

– Вот она училась с Виктором в Юридическом институте. Тогда она и стала его любовницей. Он сам мне как-то похвастал – дескать Вера была тогда НИЧЕГО!

– Да она и сейчас хороша и выглядит прекрасно! Даже сразу как-то жалко ее стало. По природе он, конечно, садист. Но, видно, умен и ловок, если достигает своего. И с Верой Ивановной, и с директором.

– Чем он очаровал Веру, не знаю. Возможно, тогда он еще не успел проявиться как садист в полной мере. А директора он держит в руках шантажом. Сын Беланова в чем-то сильно набедокурил, мог схлопотать срок. Титов-Обекуров был тогда в прокуратуре и «оказал» папаше помощь в отмывании сына. А когда генерал стал директором нового ин-

ститута, одним из первых сотрудников стал его разлюбленный Виктор Петрович. Я думаю, что какие-то сложные для сына Беланова концы до сих пор остаются в руках Титова. Иначе ничем не объяснить, каким образом он заставляет директора делать все, что он попросит, вернее все, что он требует. Думаю, он не остановится перед новыми поглощениями других направлений деятельности института в свою пользу, помимо терминологии. Я слышала, что ваш Альбанов вскоре уйдет из института.

Альбанов был заместителем директора того направления, к которому принадлежал отдел Михаила.

– Значит, ты полагаешь, что я попаду в прямое подчинение Титову?

Нина кивнула. Это было важным известием. Хотя Михаил не очень жаловал Альбанова, но по манере поведения, да и с точки зрения порядочности, он был много предпочтительней Титова, который со своими сотрудниками в терминологии не церемонился совсем. Об этом знал весь институт. Правда, помешать успеху Титова возможностей не было, если директор плясал под его музыку.

– Ты огорчен? – спросила Нина.

– Да уж не обрадован. Надо думать, Альбанову «помогли» захотеть уйти?

– По-моему, да. Хотя тот пользуется личной симпатией председателя нашего комитета, министра то есть. Его сын с Альбановым давние друзья.

– Ну, значит, не пропадет и получит пост лучше прежнего. А вот чем мне надо вооружиться против нового начальника, еще не представляю.

– Пока что он при мне плохо о тебе не говорил. Наоборот – отдавал должное твоей голове.

– Ну, это еще ни о чем не свидетельствует. Возможно, некое сочувствие мне с его стороны в моем конфликте с Орловой понадобилось ему для того, чтобы пресечь ее поползновения на роль руководителя направления классификации, только и всего. Орлова неспроста жила с Альбановым, как теперь, говорят, живет с Портновым.

Портнов являлся первым заместителем председателя комитета.

– Да, я тоже об этом слышала, – подтвердила Нина. – Вот как надо делать карьеру, мой милый.

– Может, я оттого и нравлюсь тебе, что занимаюсь подобными делами не ради карьеры, – с улыбкой возразил Михаил.

– Да уж, – отозвалась Нина. – Но ведь несмотря на это, женщины тебе все равно могут быть полезны.

– С этим не спорю. Женщины – величайшая сила независимо от того, хотят ли их использовать в корыстных целях или не хотят. Неужели за это «всех нас стрелять надо»?

Нина засмеялась:

– А как ты думал? Все равно ведь используете!

– Как и вы нас. Такова уж природа вещей!

– Такова природа вещей, – повторила за Михаилом Нина и демонстративно потрясла его членом.

– Такова, – отозвался Михаил, просовывая ребром свою ладонь между ее бедрами.

– Ты, мне думается, никогда не обманывала мужских ожиданий, – снова сказал ей Михаил, – ни как женщина, ни как человек.

– Чего нельзя сказать о некоторых моих мужчинах. Вот тот балерун, – Нина явно не хотела называть его имени, – взял и женился, но не на мне. А уж в чем-чем, в этом я совершенно уверена, что с ней в постели он не испытывал такого, как со мной. Каждый день бегал от нее ко мне не один месяц после свадьбы.

Это в общих чертах Михаил уже слышал раньше, но не перебивал. И, словно отвечая на его невысказанный вопрос, сказала:

– Нет, я не рассчитывала совсем оторвать его от жены, совсем вернуть к себе, хотя такое желание иногда появлялось. Так просто – решила брать свое, пока возможно. Для меня он был подходящим мужиком, только вот разница в возрасте была еще больше, чем у нас с тобой. К тому же человек искусства, какой-никакой. Приятно было видеть его на сцене в Большом. Красивый, стройный, подвижный. Глубокого ума, конечно, не имел. Но и дураком не был.

– А испорченным? – поинтересовался Михаил.

– Конечно, да! Там днем с огнем не найдешь другого! Они

даже женщин любят с извращением, если имеют с ними дело.

– Но твой-то имел!

– Да. Ты, кстати, мог бы проявить себя в таком стиле, вполне подходишь...

Она снова коснулась рукой – ТАМ.

– Не пробовал?

– Нет, – ответил Михаил, отдавая себе отчет в том, что со стороны Нины, вероятно, это был не вопрос, а предложение.

Нина оставила эту тему.

– На душе у меня долго было тошно.

– А ты давно его не видела?

– Последний раз – месяца полтора назад. Случайно, в электричке. Он, как и я, из Калинина, из Твери, его жена, кстати говоря, тоже. Электричка уже подъезжала к Калинину, когда народ начал из задних вагонов переходить в головные, знаешь, чтобы поближе оказаться к выходу с перрона в город. Смотрю – он со своей женой тоже идут по проходу. Увидел меня – и не знает, что ему делать. И со мной совестно не поздороваться, и жены боится. Я отвернулась. Не скажу, что это легко далось, но мы уже порядком не встречались.

– А если бы он теперь попытался вернуться к тебе?

– Нет, теперь-то зачем он мне? Себя показал во всей красе. Чего мне его дожидаться – второго случая?

– Да, верно.

– Ничего. Свою жизнь я и без него устраивала и устрою.

На фиг мне его вранье? Тебе интересно слушать обо мне? – вроде как спохватилась Нина.

– Конечно интересно. И я это очень ценю. Вроде как еще ничем серьезным не заслужил твою откровенность. Тем более дорожу таким авансом.

– Вот тебе еще одна история из моей жизни. Она произошла еще раньше. Я работала тогда в министерстве торговли РСФСР секретарем у зам. министра. Случилось в один момент, что прежнего министра сняли, нового еще не назначили. И вдруг является ко мне в приемную молодой красивый человек и просит открыть ему кабинет. Оказалось – новый министр. Ключи действительно находились у меня. Я захватила их, пошла с ним и отперла дверь. Он вошел за мной, захлопнул дверь и, ни на что не глядя, обнял меня и стал целовать. А потом потянул на диван. Вот так мы с ним и познакомились. На следующее утро он уже назначил меня своим секретарем. И знаешь, что самое противное – как разные хамы дружно залебезили передо мной. В том числе и тот зам. министра, у которого я до этого была секретарем.

– А он тебя домогался?

– Нет, что ты, он был стар для этого. Просто они представляли, что теперь их судьбы зависят от меня. Секретари вообще знают немало почти о всех окружающих, а тут о них могут рассказать в самое главное ухо что угодно. Вот у них поджилки и затряслись. Лъстиво улыбались, а за спиной называли, сам знаешь как.

– Небось, и доносили, куда следует?

– А как же! Это первое дело! Прямых последствий это дело как будто бы не имело, но потом и у нас жаркая страсть прошла. Я почувствовала, что он начал от меня отдаляться – нет, не резко, едва заметно, но на кой черт мне было дожидаться явного разрыва? Я взяла и ушла.

– Без сожалений?

– Можно сказать – без больших сожалений. Что-то внутри все-таки царапало, хотя я не имела никаких намерений женить его на себе, как это нередко делают другие секретарши в подобном положении. Любовником он был хорошим. А вот хорошим мужем вряд ли бы был. Не та порода, чтобы на нее можно было положиться.

Некоторое время они лежали молча.

– Рассказал бы мне о себе, – вдруг предложила Нина, и он понял, что не имеет права отказываться, когда откровенность дается в расчете на откровенность.

– У меня не столь богатая сексуальная биография. Женился на Лене по любви.

– А она у тебя была первой?

– Да, как и я у нее. Довольно долго – семь лет – сохранял ей верность. Потом полюбил, нисколько не разлюбив жену, одну сотрудницу на работе.

– Красивую?

– Красивую, хотя не во всем.

– И она тебя?

– И она. Но кроме как внешностью она очень мало чем волновала меня, хотя и старалась показать, как я ей дорог. Ну, а потом жена заподозрила, что у меня есть кто-то на работе. Я не стал отрицаться и естественно, был поставлен перед выбором: я или она. У меня, конечно, были сожаления, но без больших колебаний. Конечно, я выбрал Лену. Наташа не привыкла к осечкам – как же – лицо как у итальянской кинозвезды, но переживала она не больно долго. Правда, наделяла меня некоторыми эпитетами, а себя в связи со мной называла душой.

– А кто из вас первый сделал шаг навстречу – ты или она?

– Она.

– Я так и думала, – объявила Нина.

– Почему?

– Красивым женщинам, привыкшим к успеху у мужчин, свойственно желать включать новых кандидатов в свою свиту. А ты, как я поняла, туда не спешил. А потом она сама попала под твоё обаяние.

– Тебе кажется, оно у меня есть?

– Да, и очень большое. И внешнее обаяние, и обаяние ума.

– Ничего себе, – сказал Михаил, – я-то старался не приписывать себе лишних достоинств.

– В отношении тебя – это лишнее. Что есть, то есть.

– Ну вот, а я – то подумал, что ты опять скажешь «всех вас стрелять надо».

– Это уже другой принцип. Ну, а еще?

– Наташа была уже второй раз замужем и с маленьким ребенком. А потом, опять же на работе, возникла еще одна связь. Меня, как случайно выяснилось, уже любила другая сотрудница, и девушкой отдалась мне.

– А ты ее любил?

– Не поворачивается язык сказать именно это слово. Она мне была глубоко симпатична, приятна, и я ей почему-то очень сочувствовал. И ей уже время пришло расстаться с невинностью, а она все ее берегла для будущего мужа, а отдала вот мне – настолько она была искренна в любви.

– Сколько лет ей было?

– Двадцать восемь.

– Да, – отозвалась Нина, – давно была пора.

– И нам совершенно не было где встречаться, кроме как на работе после окончания рабочего дня. А обстановка – убогая-убогая, это тебе не комната отдыха при кабинете министра. Долго так продолжаться не могло. Она ушла на другую работу. Временами мы еще виделись, а затем потеряли друг друга из вида. Ну, а следующую мою любовь ты представляешь. Позволь мне об этом не говорить.

– А с женой у тебя все по-прежнему?

– Нет, совсем не по-прежнему. Я любил ее сильнее, чем она, но постепенно это стало напрягать. Ей столько моей любви, сколько я мог ей дать, было не нужно. И у меня стал угасать интерес к тому, чтобы возбудить в ней большие чувства, чем были. Сравняться мы с Леной могли в итоге

только одним способом – чтобы я стал любить ее меньше, чем раньше. А тут вот встретились другие дамы, и если с двумя первыми я не увидел причин убавить свои чувства к Лене, то с третьей это стало для меня ясно как дважды два.

– Вы думаете пожениться?

– Этого обе стороны не исключают, но сказать тебе что-нибудь более определенное я не могу.

– М-да... – произнесла Нина, потом добавила: – Вам обоим для этого надо разводиться, а дети и у тебя, и у нее еще далеко не взрослые, хоть и не маленькие, – и добавила:

– А она во всем устраивает тебя?

– Во многом, Нинон, очень во многом, особенно в том, что важно и для тебя. Но вот спортивным туризмом она никогда не занималась и не знаю, сумеет ли заинтересоваться. А ты представляешь, как это принципиально важно для меня.

– Да уж, – в голосе Нины Михаил услышал иронию, – вон какими вы с Леной вернулись из своего голодного похода. Беланов уж как хотел устроить тебе жестокий разнос за опоздание на работу, а посмотрел на твою физиономию – и ничего не сказал.

– Да уж, – подтвердил Михаил. – Череп под кожей лица уже явно угадывался. И в глазах стояло что-то такое, чего в них раньше никогда не бывало.

– Да доходил ты! Уже, небось, тот свет рядом видел!

– Ну нет, такого еще не достиг. Правда, левая сторона гру-

ди потеряла чувствительность, да левая же рука почти ничего держать не могла. Но все-таки мы сами выбрались из чертоломной горной тайги.

– Охота была там оказаться! На свою голову!

– Вот именно – охота была и постоянно жгла изнутри эту самую голову. Кстати, после этого похода она не пропала.

– Ну и фанатик!

В ответ Михаил пожал плечами.

– А жену отчего не берег? Потому что стал меньше любить?

– Нет, хотя любить стал действительно меньше, но берег изо всех сил. В походы она сама ходила с удовольствием. Тебе трудно поверить?

– Да уж не просто.

– А для нас это всегда было лучшее время жизни. И самое памятное. Ты не представляешь, сколько приносишь с собой из походов! И красоту мира, и новое самопознание, и даже решения неподдающихся проблем! Там жизнь заставляет ко многому относиться иначе, чем в сугубо цивилизованном мире. И к себе, и ко всему окружающему.

– Закаляет характер?

– Насчет характера предпочел бы не говорить. Кого-то и когда-то закаляет, кого-то и где-то – нет. Конечно, он как-то меняется, тут спорить не о чем. Но насчет закалки ответить непросто. У разных людей оказывается разный предел. Вроде как при закалке металла – только опытным

путем узнают, какие режимы нагрева и охлаждения приносят пользу для будущего изделия. Бывает, при закалке разлетаются на куски огромные прокатные валки из прекрасной стали, если что-то с ними сделают не совсем так, как надо. Тут однозначный ответ невозможен.

– Тебя послушаешь – захочешь попробовать.

– А я бы с удовольствием взял бы тебя в лес. Ты бы убедилась, как там хорошо. И как уютно в хорошей палатке.

– Ну, там бы, в палатке, все пошло бы, как здесь.

Нина уточнила свою мысль, теснее прижавшись к Михаилу.

– А чем плохо? Одно другому не мешает, по-моему, наоборот – способствует. Воодушевления больше. Честное слово.

– Может, ты и прав, – подумав, согласилась Нина. – Вот только...

– Что «вот только»?

– Не поздно ли мне?

– Совсем не поздно. Ты в полном порядке. Начинать, разумеется, надо с простого, перемогаться, конечно, тоже временами придется – это неизбежно, можешь поверить моему опыту, но усилия искупаются с лихвой. Знаешь, у меня даже есть подходящий пример. В моем первом альплагере была инструктором совсем немолодая дама – Елена Васильевна Греченина. А позже я случайно узнал от одного туристского знакомого, старше меня по возрасту, Бориса Петрови-

ча Петрова, как он еще до войны пришел пешком из альплагеря, кажется, в Нальчик, голодный, без денег и встретил там Елену Васильевну с мужем. Попросил одолжить ему денег на обед, сказав, что ему должны прислать сюда, но почта закрыта, и у него так горели глаза, когда он говорил о горах, и так он, наверно, был хорош в молодое время, что Елена Васильевна решила сама узнать, что же такое этот альпинизм, если он так преобразает человека. И вот видишь, осуществила намерение, и осталась верна альпинизму на всю оставшуюся жизнь. И шесть лет спустя я опять встретил ее в другом альплагере. И пусть молодежь за ее спиной посмеивалась над старушкой, а мне было так радостно за нее!

После войны она одна пошла в горы, а вернувшись, стала обивать пороги разных инстанций, добиваясь восстановления разрушенных немцами альплагерей. И представь себе – достучалась.

– А муж ее что?

– Про мужа ничего не знаю. Не спрашивал ни ее, ни Бориса Петровича. Так, по логике вещей, вероятней всего, погиб на войне, а Елена Васильевна отправилась с памятью о нем в те места, где им было хорошо, как нигде. Внешне она довольно миниатюрная салонная дама, очень воспитанная, наверняка из хорошей культурной семьи – знаешь, из таких, о ком можно подумать, что они даже не знают смысла некоторых, так сказать, кондовых слов родного русского языка, такая у них речь и такая ментальность, но вот выносила же

совершенно непривычные для светской женщины нагрузки, сама шила себе легчайшие предметы альпинистского снаряжения. Помню, как на Медвежьих ночевках я восхитился ее спальным мешком – всего восемьсот граммов вес! – четыреста граммов шелка и четыреста граммов пуха, и она мне подробно описала, как его надо шить, не простегивая два слоя ткани по пуху, а как для каждого квадратика делать между этими слоями вертикальные стеночки и как после этого закладывать внутри такого объемного кармана порцию пуха. Если шить все насквозь, мешок очень теплым не будет. Вот какой человек! А так, со стороны, действительно можно было подумать, кто она – просто божий одуванчик!

– Замечательно рассказываешь, – заметила Нина, как показалось Михаилу, с иронией.

– Ну вот, надоел тебе своими байками.

– Нет, совсем не надоел.

– Ну, и что скажешь?

– Скажу, что одобряю.

– Кого, меня?

– А то еще кого? Ты делаешь то, что тебе нравится. Ходишь в походы. Женщин не забываешь обхаживать, стараешься быть с ними... поделикатней. Чего ж еще желать?

– Еще желаю писать побольше, чем пишу.

– Пишешь что?

– С вашего разрешения – художественную литературу.

– Ну, это пристойное занятие. И много уже написал?

– Не так много, как надеялся, но кое-чем все-таки остался доволен. В том смысле, что сделал то, что хотел, так, как хотел.

– Можешь дать почитать?

– Тебе, конечно, могу.

– А что это?

– Повесть и ряд рассказов.

– Повесть? Как она называется?

– «Вверх и вниз». Кое-кого такое название весьма позабавило, хотя оно к месту и точно соответствует сюжету.

– Опубликовать пробовал?

– Пробовал. У тех, кому понравилась вещь, нет возможностей определить ее куда-нибудь для печати. Те, у кого есть возможности, считают повесть не заслуживающей публикации. Кое-кто предлагал ее переработать.

– А ты?

– Что я? Я ведь сказал тебе, что сделал то, что хотел. А делать то, что хотят от меня другие, не собираюсь. Лучше уж зарабатывать на жизнь тем, чем я здесь занимаюсь, чем писать не то, что хочу.

– Это правильно. Хотя писать в стол – радости, я думаю, мало.

– Нет, Нин, не так мало, особенно когда привыкнешь к отказам. Главное не бросать любимое занятие, даже если обществу на это наплевать. Просто те, кто им правит, не в состоянии понять – то, что хорошо написано для себя, может быть

полезно другим людям, хотя и необязательно, а то, что написано не для себя, а для других, хорошим не будет никогда.

– Да, – согласилась Нина.

Они замолчали, ненадолго погруженные во все то, что узнали друг о друге. Сексуальное сближение, откровения о других партнерах, совпадение взглядов на любовь и на работу – чем они взаимно одарили друг друга – она его, а он ее? Михаил искал одно имя тому, что привело их в постель и в законченном, завершенном виде вышло из нее. Любовь? – Да, но не полная. Обоюдное тяготение тел к соитию? – Да, но у обоих бывало посильней. Доверие, полное, можно сказать, безграничное, исчерпывающее доверие, ставшее совершенным именно благодаря тому, что соединило их души здесь и сейчас в Нининой постели. Они убедились, что могут делиться всем – интимным, бытовым и общечеловеческим, испытывая при этом нежность и радость от любых встреч, одухотворяющих, как глоток волшебного эликсира, и никому не мешающих. Это было столь ценным душевным человеческим обретением в жизни, ничем никого не задевающим и по существу необходимым – они оба ничего не отрывали от кого-то еще – что Михаилу было не очень стыдно, когда он думал об Оле. И все-таки ему было жалко, что ставшая внезапно возможной встреча с ней, не состоявшаяся по его вине, еще станет причиной для какого-то возмездия.

Глава 2

Александр Бориспольский был довольно долговязым и стройным парнем веселого и легкого нрава. Он хорошо двигался в танце и легко знакомился с людьми, причем не только с девушками. Казалось, он был не очень способен заниматься каким-то серьезным делом, но это было не совсем так – некоторыми делами он готов был заниматься со всей энергией. За глаза его все называли Сашкой, но так ему было даже удобней – меньше внимания к его истинным целям и, соответственно, к его целенаправленным действиям. Он окончил филфак МГУ как русист, и с такой специальностью в кармане вряд ли мог рассчитывать на трудоустройство с приличной зарплатой. Выпускники «ромгерма» могут хоть в переводчики податься, структурные лингвисты тоже как-то оказались востребованы в наши дни. А русистам куда дорога: в Институт русского языка, где молодые люди годами сидят в «маньесах» и еще десятилетиями, прежде чем засветит перспектива сделаться заведующим сектором. Диссертацию, правда, можно сделать довольно быстро, если постоянно проявлять подобострастие ко всем, от кого зависит благожелательное отношение к диссертанту, точнее к его работе, а это не всегда просто, особенно если у тебя имеются свои соображения насчет «правоты» корифеев. В сложившихся условиях лучше было попытаться счастья на стороне.

Помог случай, вернее – обширные знакомства. О том, что генерал Беланов уже давно хлопочет о создании для себя нового всесоюзного информационного института первой категории и теперь близок к своей цели, ему сообщили номенклатурные приятели отца. Он заручился соответствующей рекомендацией и оказался перед генералом в самый подходящий момент – когда вопрос об основании института был положительно решен в правительственных инстанциях, и Саша оказался в числе первых трех сотрудников новоиспеченного директора. Должность ему, конечно, все равно определили самую маленькую – младшего научного сотрудника – «маньеса», но здесь он мог рассчитывать на куда большую скорость перепрыгивания с должности на должность, чем в академическом институте русского языка.

Генерал Беланов, до мозга костей политик, в науке и технике лично понимал крайне мало, а ему хотелось достаточно много понимать хоть в каком-нибудь деле, которым по статусу мог или должен был заниматься институт.

Поскольку административно институт подчинили Госкомитету по стандартизации, ему пришла счастливая идея (или ему ее подкинуло какое-то лицо, которое тоже хотело под его «руководством» заниматься непыльным делом): в целях обеспечения однозначности понимания научно-технической информации заниматься стандартизацией значений научно-технических терминов. В этой сфере Александр Бориспольский мог себя чувствовать достаточно свободно,

ибо что такое терминология? – те же слова живого языка в узком специфическом значении, а работа с ними – в принципе та же самая, какая присуща созданию любого толкового словаря. О такой работе Саша думал даже со снисходительной усмешкой: «уж с этим-то я как-нибудь справлюсь!»

Справляться в создавшихся условиях и в самом деле было не сложно. Беланов по существу целиком зависел от подсказчиков и от их шпаргалок, и Саша сразу стал одним из подсказчиков. Нет, не единственным и не главным, но все-таки приобретающим определенное положение и вес. Институт, созданный Белановым для себя (в первую очередь для себя, потом уж и для государства) был не единственным учреждением, которое кормилось на ниве терминологии. Более того, уже много лет функционировал его самый явный конкурент – Комитет научно-технической терминологии (КНТТ) Академии наук СССР. В период подготовки к созданию института Беланову пришлось немало потрудиться в инстанциях, используя все свое красноречие записного политического оратора, чтобы, с одной стороны, нейтрализовать угрозу торпедных атак против только что строящегося судна, сиречь его института, и, с другой стороны – действительно создать разделительную стену между своим институтом и КНТТ, дабы не брать на себя по неведению слишком тяжелую ношу и по возможности не пускать «соседей» в свой огород. Кандидат технических наук Николай Константинович Сухов, бывший работник КНТТ, детально знавший всю тер-

минологическую кухню, охотно согласился перейти в новый институт, где мог рассчитывать на гораздо большую творческую самостоятельность, чем в КНТТ. Однако в своих расчетах он несколько просчитался, поскольку другой кандидат – уже юридических наук – Виктор Петрович Титов-Обскуров тоже разинул рот на терминологический пирог, а поскольку он был клеветом Беланова и имел свои серьезные рычаги влияния на последнего, то он и постарался стать прямым начальником Сухова.

Как недавний прокурор, Титов хорошо знал, как можно и нужно оттирать от контроля над кормушкой более грамотных людей, заставляя их работать в полную меру, но не на себя, а на начальника. Однако на первых порах он особенно сильно не лез в дела Сухова, пока тот работал над созданием той научно-методической основы технологии, по которой Беланов и Титов собирались развернуть деятельность в области стандартизации терминологии. Бориспольский благоразумно не лез с советами к начальству, когда не звали, и использовал все возможности узнать побольше от Сухова. Как защищать диссертацию на этом поприще, он еще не знал – не в смысле процедуры, конечно. Это-то ему было вполне понятно, а вот как ее писать, не имея конкретного материала, ясности пока еще явно не хватало.

По мере формирования института Саша присматривался как к новым людям, так и новым темам, под которые принимались на работу новые кадры. Часть отделов с их тема-

тикой отпала для него сразу: ни конкретное информационное обеспечение Госстандарта, ни пропаганда идей стандартизации его несколько не интересовали, в первую очередь тем, что там и не пахло возможностями защиты диссертации. А иного пути Бориспольский для себя не видел – не становиться же записным комсомольским вожаком вроде Юры Климова с перспективой пересесть из кресла секретаря комсомольской организации в кресло партийного секретаря Титова-Обскурова, прости, Господи – вот уж образцовый секретарь! Только такие и «нужны партии и стране», из них потом выбирают секретарей райкомов, горкомов, обкомов, ЦК союзных республик и, наконец, членов ЦК КПСС, опять-таки прости, Господи! Вариант для комсомольского вожака – пойти по рекомендации партии на службу в КГБ и стать вооруженным верным стражем коммунистической идеологии от всякой заразы и врагов советской страны внутри и вне ее. Нет уж – большое спасибо, не надо. Пусть обходятся без нас! И в итоге что? Только диссертация, получение ученой степени и какая-никакая гарантия приличного устойчивого заработка, при условии, конечно, что тебя не поймают на диссидентстве. Слов нет, ловить они – специалисты парткомов и КГБ – умеют, особенно если втираться в интеллигентную среду под видом единомышленников или перевербовывать попавшихся на чем-то не очень страшном, действительных участников диссидентских компаний, которым там продолжают доверять.

Кстати, Юра Климов ровно столько пробыл секретарем комсомольской организации, сколько требовалось для того, чтобы заработать рекомендацию в органы госбезопасности. Правда, и в его жизни комсомольского вожака был один инцидент, который мог бы заставить задуматься, стоит ли идти в ряды защитников советского строя «с холодным рассудком и горячим сердцем» как завещал своим младшим коллегам незабвенный Феликс Эдмундович. А дело было в том, что по поводу агрессивной политики Израиля, всячески поддерживаемой Соединенными Штатами, по разнарядке райкома партии и комсомола состоялась демонстрация протеста советских людей у американского посольства – протестовать перед израильским посольством было абсолютно бессмысленно, так как дипломатические отношения с Израилем Советский Союз порвал уже давно. Демонстрантов по соответствующему списку снабдили в магазине канцтоваров флакончиками чернил, которыми они в знак протеста должны были закидать стены посольства США и тем самым заклеить агрессоров и их покровителей. Они и закидали. Каково же было искренне возмущение Юры Климова и иже с ним, когда им на следующий день вручили счет не только со стоимостью чернил, но и со стоимостью работ по отмыванию испачканных («поклеименных») стен вражеского посольства?! Это что же это такое?! Сами снабдили, сами послали по своему решению, а теперь ты за это плати?! Саша Бориспольский безошибочно вывел из признания Юры

Климова, что тот на подобные «социальные и политические нужды» и райкомовские затеи из своего кармана даже одного пузырька чернил не купил бы. На фиг это делать? Если тебе дома нужны чернила, принеси домой с работы. А тут еще плати за пачкотню, к которой тебя обязали власти? Ну вся выручка заведению, ничего тебе даже за усердие! Вот и верь им после этого! Если раз обманули, вполне могут надуть еще. Но соблазн перебраться в более высокий общественный слой, в разряд более привилегированных граждан, чем тот, к которому принадлежал раньше, был слишком велик. Юра решил стать тем, кому больше платят и с кого меньше взыскивают деньгами, кто сам заставляет платить. А так парень был вполне ничего. На бытовом и рабочем уровне не подличал, не заносился. Нормальный, можно сказать, был человек. Простой и советский. Но вот решил стать другим.

Существовало одно подразделение института – отдел создания единой системы классификации печатных изданий и документальных материалов – иными словами – классификации всего на свете который Саша всегда держал в поле зрения. Непосредственно со слов директора Беланова ему было известно, что только после подтверждения готовности взять на себя разработку этой единой системы классификации как главной задачи новой организации Беланов получил добро на создание института в Государственном Комитете (ГКНТ) Совета Министров СССР по науке и технике. Возглавляла этот отдел некая Орлова, которая сама до это-

го работала в ГКНТ. Однако, судя по беспокойству Беланова и даже Титова-Обскурова, дела по созданию этой суперклассификации шли из рук вон плохо. ГКНТ мог не только открыть, но и закрыть институт или, по меньшей мере, сменить его руководство. Беланов заранее поеживался, не находя осмысленного выхода из положения, которое от месяца к месяцу становилось все более безнадежным. И одной смелой начальницы отдела кураторам из ГКНТ рот нельзя было заткнуть: куда, дескать, два с половиной года смотрело главное институтское руководство? А как смещать Орлову, если она при живом муже, правда, в другом отделении института, жила сначала со своим заместителем директора Альбановым, а теперь с самим первым заместителем председателя Госстандарта Портновым? Саше было хорошо известно, какое значение генерал Беланов придает соблюдению политеса в отношении начальства. Директор лично наставлял и научных сотрудников, и машинисток, что писать письмо тому же Портнову полагалось только так: Первому Заместителю Председателя Госстандарта товарищу (ни в коем случае не тов., тем более нет.) П. П. Портнову. А уж Беланов знал, что делал в партадминистративной сфере он все науки превзошел, особенно насчет того, как при товарище Сталине не только остаться целым и невредимым, но и сделаться не пониженным, а повышенным в чине. Мелочи в карьерном деле значили не меньше, а порой даже больше, чем серьезные вещи. Однако, примеряя к себе полученные Белановым

с таким риском тонкие знания дела, Саша сознавал, что кому-кому, а ему они не понадобятся. Во-первых, номенклатурным кадром его не сделают ни за что; а во-вторых, ему самому без надобности становится членом ТАКОГО истеблишмента. Вот уж в этом-то Саша оставлял свободу выбора подходящего для себя общества, в том числе и для обеспечения карьерного роста, будто не хватало ему унижений и без этого – как рядовому гражданину своей необъятной страны.

Бориспольский с непонятно откуда берущимся интересом и надеждой следил за тем, что происходило вокруг и внутри отдела Орловой. Пока в состоянии открытой схватки с ней находился только начальник отдела создания единой системы классификации технической документации Михаил Николаевич Горский, мальчишеского облика любитель туристских походов, инженер, закончивший МВТУ. Орлова сама и через начальство пыталась заставить его принять уже одобренный в ГКНТ подход к тому, чтобы все используемые в сфере материального производства вещи классифицировались исключительно на основе или с применением Общесоюзного классификатора промышленной и сельскохозяйственной продукции (ОКП). В десятизначном цифровом коде для любого конкретного вида продукции шесть первых знаков представляли код той или иной так называемой высшей классификационной группировки (ВКГ), то есть собственно классификационную часть цифрового обозначения,

из которых первых два знака означали код отрасли народного хозяйства, то есть министерства или ведомства.

Горский разумно, но безуспешно доказывал на всех совещаниях и советах, что разрешающая поисковая способность такой классификации ничтожна (это несомненно так), что для обеспечения эффективного поиска нужна совершенно иная стратегия – обозначать предметы производства нормализованными, т. е. однозначно понимаемыми словами естественного языка, так называемыми дескрипторами (однозначными описателями понятий), а существующие между дескрипторами и заменяемыми ими словами фиксировать в соответствующих дескрипторных статьях специального словаря-тезауруса с указаниями на другие иерархически высшие и низшие дескрипторы, а также со ссылками на заменяемые дескрипторы. Посещая научные конференции по вопросам научно-технической информации, Саша понимал, что такой подход является предпочтительным при любого рода тематическом поиске документальной информации. Однако до сознания людей, управляющих страной и производством, этот факт никак не доходил, впрочем, и до их подхалимов-конъюнктурщиков, к которым несомненно относилась не совсем глупая (возможно даже – совсем неглупая, но бесчестная) Орлова – тоже.

Горского старались заблокировать со всех сторон – сверху Портнов и Альбанов, сбоку – Орлова и ей подобные в институте, в Госстандарте и в ряде отраслей, снизу – с помощью

начальника сектора в отделе Горского – некоего Лернера, которого в свое время подсунула ему Орлова. Дело шло к тому, что Горского с треском снимут с должности за его несговорчивость и упрямство. И тут не то Беланова, не то Титова осенила великолепная мысль – зачем просто так снимать Горского, если решением главной задачи, стоящей перед институтом, где положение, по словам самого Альбанова, стало просто катастрофическим (катастрофы в отделе Горского как таковой даже не назревало), если можно вывести Орлову из-под удара на безопасное место Горского, а на направление главного удара переместить именно его? Вокруг предложенного проекта мгновенно сложился консенсус у всех заинтересованных в изгнании Горского администраторов, особенно же у тех, кто желал увести Орлову в безопасную зону. Если Горский завалит работу по теме, его погонят поганой метлой, предав забвению тот факт, что почти все время, которое отводилось на разработку проекта, бездарно израсходовано и упущено Орловой. Если справится (паче чаяния, конечно – ведь никто не верил, что это могло бы удаться кому-либо вообще) – тоже неплохо – Беланов окажется на коне и получит еще год-два спокойной жизни на старости лет – по крайней мере, со стороны надзирателей из ГКНТ.

До сих пор у Саша Бориспольского не было никаких собственных прогнозов насчет успеха или неуспеха Горского в совершенно новом для него деле. Отдел Орловой разрывала вражда между его половинами: одна отстаивала мысль,

что в качестве единой системы классификации должна быть безоговорочно принята международная Универсальная Десятичная Классификация (УДК), другая – что единой системой столь же безоговорочно должна быть Библиотечная Библиографическая Классификация (ББК). Со стороны это напоминало скорее борьбу Остроконечников и Тупоконечников в Свифтовском «Гулливере у лилипутов», нежели борьбу серьезных научных взглядов. Одни доказывали, что УДК используется во многих странах мира, активно развивается под надзором Международной комиссии по классификации, в составе которой есть советские представители, что там существует жесткая процедура принятия решений по совершенствованию системы, что техническая тематика развита в УДК лучше, чем в ББК, – поэтому Постановлением (с большой буквы!) Совета Министров СССР УДК утверждена как система обязательного индексирования всей издаваемой научно-технической литературы. Другие доказывали – и при этом проявляли свой в высшей степени доблестный советский патриотизм – что в отличие от безыдейной УДК, ББК создавалась сугубо на марксистско-ленинской основе, исключает индексирование советской литературы по идейно ошибочным классификационным критериям, зачастую заложенным в УДК на разных уровнях классификации, в силу чего для индексации художественной литературы и литературы общественно-политического содержания она совершенно не пригодна. Об этом уже проин-

формирован Идеологический отдел ЦК КПСС. При этом защитники ББК не отдавали себе отчет, что многим руководящим органам в послесталинское время надоело постоянно ощущать себя в роли жертв собственной демагогии (что и вылилось, в частности, в утверждение УДК как обязательной для изданий в области естественных и технических наук, да и вообще – в поручение ГКНТ создать НОВУЮ ЕДИНУЮ систему), а потому торжества ББК над системой-соперницей там не ожидают. Но как объединить две иерархические системы, построенные на разных основаниях, в условиях, когда фундамент УДК никак не зависит от воздействий со стороны СССР, тогда как другая нигде, кроме СССР, точнее в одной только главной Ленинской библиотеке страны, не применяется, никто из Орловских рысаков не представлял. Беланов, исходя из своего политического прошлого, когда самой страшной опасностью был идеологический «уклон» (все равно какой – левый или правый, если на него указывал Генеральный секретарь гениальный товарищ Сталин), очень опасался перевода дискуссии в политическую плоскость. Мало ли, что Заместитель Председателя Совета Министров СССР товарищ Новиков утвердил постановление насчет применения УДК – а вдруг это своевременно не дошло до товарища Сулова, а он возьмет и признает вопрос разрешенным совершенно неверным, идеологически порочным способом? Пожалуй, назначение Горского на место Орловой было удобно директору еще с одной стороны.

Он уже был наслышан, что Горский не признает подходящей для решения задачи ни УДК, ни ББК, а, значит, постарается отвязаться как от той, так и от другой, и критика той и другой системы, коль скоро он сумеет ее изобрести, уже не будет в такой степени фокусироваться на вопросах идеологии – ведь он инженер, стало быть, технарь. А что ни говори, положи руку на сердце, надо признать, что в области техники решения очень слабо зависят от идеологии, господствующей в обществе. Там действуют и признаются совсем другие критерии: эффективно или неэффективно, рационально или нерационально, надежно или ненадежно, осуществимо или нет. Иначе чем объяснить, что сталинское руководство очень часто принимало на вооружение либо иностранные образцы в цельнотянутом виде или в виде тех или иных прототипов для отечественных разработок?

Участь Горского, таким образом, была предрешена. Бориспольский узнал об этом в деталях раньше Михаила, хотя тот и понимал, к чему идет дело, особенно после предупреждения, сделанного Ниной Тимофеевой. Вождевший к ней и даже обалдевший от ее прелестей и кажущейся легкодоступности, а потому и обнаглевший Бориспольский, не знал, пожалуй, только о последнем – что Горский предупрежден, тем более – кем именно. Но сути дела это не меняло. Предстояла не только рокировка двух начальников на позиции друг друга, но и некоторая реорганизация двух коллективов. Её-то и следовало использовать Саше на все

сто. С Титовым-Обскуровым, от которого он, собственно и знал о предстоящих событиях, поскольку часто оказывался невольным слушателем разговоров двух главных начальников, он договорился о своем переводе в новый отдел Горского, от которого должны были шарахнуть (и действительно шарахнулись старые значимые фигуры отдела Орловой) уже в качестве старшего научного сотрудника, а не «маньеса» – как никак, а три с половиной года в институте он уже оттрубил.

Прежде Сашу при виде Горского занимал главным образом другой вопрос – чем тот покорила такую великолепную, роскошную женщину как Ольга Александровна Дробышевская? Саша всегда в мечтах рисовал себя обладателем подобной роскоши, но в жизни у него с такими дамами ничего не бывало. Такие встречались очень редко, а если и встречались, то он мог только на расстоянии за ними наблюдать. От этого ему становилось обидно. Саша не сомневался, что обложенный противниками со всех сторон Горский обязательно настоит на том, чтобы вместе с ним перевели в новый отдел и его любовницу, а иначе они оба уйдут, что было бы не совсем на руку начальству. Там он и надеялся поближе рассмотреть будоражащую его воображение женщину – вдруг и ему обломится что-нибудь? В конце концов, чем он хуже Горского? И ростом выше сантиметров на десять. И моложе на десять лет. Хотя переход в отдел Горского был уже в принципе решен с Титовым-Обскуровым, Бор-

испольский на всякий случай решил предварительно поговорить с будущим начальником – чтобы все выглядело уважительно. Он здраво полагал, что в данный момент Горскому не до детальных бесед с желающим перейти к нему в новый отдел, когда сам этот отдел даром ему был не нужен – ворох неразрешимых проблем, необходимость заниматься делами, в которых он не был вполне компетентен. Горский спросил Сашу, почему тот хочет перейти в его отдел. Саша ответил, что Михаил Николаевич, как он знает, видит будущность поиска информации за использованием дескрипторных словарей, а он, Бориспольский, лингвист, с правилами создания словарей знаком – и не только теоретически. Так что это дело ближе к нему и по специальности, и по внутренней склонности. Больше Горский его не допрашивал, против назначения старшим научным не возражал. Среди случайных людей, ступивших на поприще информатики, Бориспольский со своим образованием представлялся даже более перспективным работником, чем люди с нелингвистическим прошлым. Молодой человек годился также и для другого дела: для работы по разрядкам райкома и Госстандарта на овощной базе, в подшефном колхозе или на строительстве загородного пансионата для ведомственного начальства, который Горский в ближнем кругу называл просто бордельчиком.

Итак, после издания приказа о преобразовании двух отделов каждый занялся своим делами. Орлова приступила

к развертыванию демагогии вокруг общесоюзного классификатора продукции, которая должна была неизбежно лопнуть, но не сразу, а Горский принялся за поиски выхода из положения, то есть за поиски другой работы с не меньшей зарплатой, а, поскольку, как это бывает в случае острой необходимости, ничего спасительного найти не удавалось, то надо было срочно решать, что делать, дабы остаться на плаву. Ждать помощи ни от начальства, ни от таких сотрудников, как Саша Бориспольский, нечего было и мечтать. Начальство института давно расписалось в беспомощности, а Саша, это Горский знал вполне определенно, будет думать только о своей диссертации, покуда его начальник не выберет какой-нибудь спасительный курс, или пока не определится с курсом его преемник.

Оля Дробышевская восприняла реорганизацию как полную и бесповоротную катастрофу. Она взяла на себя основные хлопоты по новому трудоустройству. Если Михаилу уже не первый и не второй раз жизни приходилось браться за совершенно новую работу, к которой он не был подготовлен в институте, то Олю новая перспектива основательно напугала, если точнее – то как раз отсутствие на новом поприще каких-либо перспектив. Еще недавно она твердо рассчитывала вместе с Михаилом защитить диссертацию по старой тематике. Теперь эта мечта безвозвратно накрылась. Она была уверена, что теперь это сделает Орлова. Отчасти на их же материалах. В новой тематике классификации печатных из-

даний и документальных материалов она не знала ничего. И хотя она осталась при Михаиле в прежней должности заведующего сектором, ей было боязно думать, что придется руководить кем-то из подчиненных, а она не сможет сказать ни бе, ни ме. Поэтому для нее выход был только один – найти другую работу, причем как можно скорее, пока ее некомпетентность не будет резко бросаться в глаза. Вслух она не обвиняла Михаила, что он доигрался почти до остракизма со своей научной принципиальностью, до остракизма, который лишь в силу конъюнктурных обстоятельств был заменен рокировкой на институтской шахматной доске, а то ее бы уже съели, а ему объявили бы мат. Но в ней жила достаточная воля к жизни и достижению цели, настолько достаточная, чтобы решиться покинуть институт даже без него, а, возможно, даже и предпочтительней без него. Ведь на новом месте он все равно оставался бы таким же, как здесь – неуступчивым, упрямым, пытающимся добиться своего, хотя все вокруг пели другие песни, пусть и неверные, но ведь именно они составляли хор, допущенный к исполнению государственной мелодии. Она с ужасом думала: неужели он надеется своим голосом и своим убеждением в правоте перекрыть, перекричать, а затем выставить вон этот хор или заставить его петь свою музыку? Это уже пахло какой-то неадекватностью любимого человека. Легко ли ей было в этом убедиться после трех лет любви, начавшейся еще на прежней работе, где он очаровал ее и своим видом,

и поведением, и умом? Но к чему привел весь его ум, весь его потенциал, в который она позволила себе так неосмотрительно поверить? Теперь перед ней разбитое корыто, перед ним – какие-то жалкие руины, слегка раскопанная земля, оставшаяся после Орловой, на которой не только не возвести хрустального храма государственной мечты, но за оставшийся срок до конца главного этапа разработки не построить даже приличной временки, чтобы получить возможность найти что-то вполне устраивающее и не хвататься за первое подвернувшееся место. Вон Альбанов – ушел наверняка не потому, что Титов-Обскуров с помощью Беланова хочет выжить его из института, чтобы безраздельно господствовать самому, во всяком случае, не в первую очередь потому – ведь он близкий друг сына министра и его просто так институтскому начальству не слопать, он просто трезво оценил ситуацию, осознал, что отвечать за провал придется не столько Орловой – кто она для начальства из управления научно-технической информации ГКНТ? – Никто и ничто! – и скорей всего не Беланову, который с коммунистической принципиальностью покается, что он не так силен в науке, как хотелось бы, но делал все, что было в его силах и во всем способствовал своему заместителю по науке Альбанову, но тот тоже не справился с заданием необыкновенной сложности – ведь недаром головной институт в системе научно-технической информации страны наотрез отказался заниматься этой проблемой, решение которой было возложено на наш моло-

дой институт. Альбанов своевременно сделал то, что следовало сделать всякому разумному человеку на его месте – использовать личное знакомство и симпатии министра, попросить перевести его на другую работу вместо того, чтобы просить защитить себя на том посту, который был у него здесь. Он и объявил о катастрофическом положении дел у Орловой, когда с его переходом было уже все решено. Вот как надо спасаться с тонущего корабля! Пусть и без любовницы – да на кой она ему нужна, если кроме безграничной готовности к сексобслуживанию у нее никаких сколько-нибудь заметных качеств не было и нет – вон – секретарша Альбанова Надя, с которой он тоже жил, хотя бы имеет в достатке все, за что мужчины так любят подержаться, да он бы себе свободно достал в изобилии любое, что хочешь, и на этой работе, и на другой, тем более, что Орлова, тоже заботясь о спасении, завела шашни с первым заместителем министра, сиречь председателя госкомитета. Тоже разумно, а если отвлечься от морали – то и вполне уместно. Один Миша твердо стоит на своем. Вот и достоялся. Вышвырнули его с нашей тематики, подставили под гильотину вместо себя. А он еще хочет успеть что-то придумать. Неужели и в самом деле настолько верит в себя и в свои возможности? Уж сколько надежд они вместе возлагали на будущую совместную семейную жизнь, а что будет? Ни диссертации, ни приличной работы, если все у Миши пойдет так и дальше. Все-таки надо помнить, что в этом мире нельзя терять высоту. Это слишком опас-

но. Того, кто упал, стараются растоптать. Сказать, что случившееся разочаровало ее всерьез, в том числе и в Михаиле, значило сказать почти ничего. Она чувствовала себя обобранной почти до последней нитки.

Михаил тоже считал, что потерпел серьезное поражение. Оно не могло не сказаться не только на настроении, но и на самооценке. Правда, вопрос, мог ли он вести себя иначе, чем вел, он себе не задавал. Не мог – и все тут. Он уже не был пешкой, обязанной делать именно то, что прикажут, а некоторой профессионально созревшей фигурой, вполне представляющей, что хорошо, что плохо, что эффективно, что неэффективно, что разумно, что бездарно. Присоединиться к хору конъюнктурщиков и бездарей было ниже его достоинства, а уж об этом он был обязан заботиться, если хотел себя уважать, когда для этого оставалась хоть малейшая возможность. Да, вышвырнуть его с этой работы могли, на какое-то время оставив совсем без заработка. Более того, «доброжелатели» вполне могли раззвонить во все места, куда он мог сунуться в поисках работы, что он упрям, неуправляем, не желает слушаться советов людей, во сто крат лучше его понимающих, что надо делать. Более того, несколько его сотрудников – подчиненных по прошлому отделу, которые были евреями, считали, что своим поведением он ставит под удар не только себя, но и их, имевших по вопросам разработки системы классификации технической документации совсем другое мнение, чем так называе-

мый шеф. Главой внутренней оппозиции в отделе был внедренный Орловой агент по фамилии Лернер. Его ампула заключалась в том, чтобы с умственным видом изрекать банальности и больше ничего не делать. Михаилу было предельно ясно, что Лернер просто ждет, когда сможет занять его место. Последний был в этом настолько уверен, что, во-видимому, остался единственным недовольным после смещения Горского, поскольку назначение вместо него Орловой было абсолютно неожиданным для него. В итоге всей своей фронды бездельника, которого Михаил уже несколько раз документально уличил в невыполнении плана с тем, чтобы на этом основании выставить его вон, Лернер не выиграл ничего. Ему оставалось лишь делать вид, что он очень радуется вместе с другими евреями. Один из них, в недавнем прошлом офицер, командир взвода Фишер, привыкший безынициативно выполнять то, что прикажет начальство, оказался абсолютно растерянным перед лицом фронта работ, с которыми он должен был справляться самостоятельно. Естественно, его больше устраивала позиция Лернера, с которого он поспешил взять пример.

Третьим, кто чувствовал себя оскорбленным в еврейском представлении о том, что еврей не может быть неумным человеком, хотя именно таковым по существу и являлся, был Яков Берлин, полагавший, что обладая очками и голосом, способным на некоторые модуляции, он может придать вес давно известным сентенциям. Его портфель, с которым он

не расставался, служил, пожалуй, главным атрибутом, определявшим его статус старшего научного сотрудника. Он перешел в новый институт из научно-исследовательского института кинематографии во время массового набора новых сотрудников, когда кого только ни принимали, лишь бы укомплектовать штатные единицы до того, как «срежут» должности, на которые никого не успели взять – таково было главное стратегическое указание многоопытного генерала Беланова, считавшего, что когда штат полностью замещен людьми, директор может быть спокоен. А вот если не успеть укомплектоваться до внезапно ограниченного времени набора сотрудников, то директором ты уже можешь не остаться. Берлин, естественно, хвалил Пастернака и Мандельштама. А о стихах последнего он говорил с расстановкой, свидетельствующей о серьезности и продуманности его оценки: «Они ... обжигают...» Ничего не имея против ни Пастернака, ни Мандельштама, Михаил все-таки находил, что старший научный сотрудник должен выдавать на-гора и еще что-то полезное. Увы, Берлин оказался совершенно неспособным на это. Единственным лицом еврейской национальности, попавшим в отдел Михаила по просьбе самого товарища Арутюнова из ГКНТ, переданной через Беланова, мог получиться – и действительно получился – толк, был молодой выпускник института инженеров железнодорожного транспорта Женя Фельдман. Этот схватывал мысли на ходу, умел делать из посылок логически правильные выводы,

и вот с ним-то у Михаила сложился деловой контакт. Но три старших по возрасту еврея объявили ему, что он вместе с ними должен держаться в рамках национальной солидарности, к которой он не замедлил примкнуть, но по другой причине. Орлова обратила внимание на умного и приятной внешности молодого человека, к тому же спортсмена-пловца, загорелась к нему страстью и очень быстро затащила его в свою постель. Темперамента у дамы хватало на кучу мужчин. Как к этому относился ее муж, Михаилу было неизвестно, однако внезапный карьерный рост супруга наводил на мысль, что обслуживание его женой первого заместителя председателя Госкомитета имело смысл и для него. Что и говорить – смысл в политике этой дамы безусловно был. А для своего удовольствия, как говорили в прежние времена, она соблазнила Женю Фельдмана. Что привлекло его кроме легкости овладения женщиной много старше его, причем определенно не обладавшей легко возбуждающими мужчин прелестями – трудно было понять. Ведь в том же отделе Орловой на него вешалась и другая дама, тоже старше Жени, но куда более привлекательная, чем шефесса. Или все дело было в том, что для Жени было чем больше, тем лучше? Подозревать его в том, что он хотел делать карьеру в постели начальницы, Михаил не мог. Женя и сам был в состоянии продвигаться вверх, тем более, что за ним маячила тень самого товарища Арутюнова, который во время организации института заставил Беланова взять на себя, то есть на инсти-

тут, обязательства разработать единую систему классификации печатных изданий и документальных материалов, злить которого, особенно ввиду скверного состояния дел по ее созданию, в институте никто не собирался.

Стараясь избавиться от Горского, Орлова решила нажать еще на одну педаль. Несмотря на внешне вполне русскую фамилию, генерал Беланов был евреем. Орлова упомянула в беседе с директором, скорее всего как бы вскользь, насколько Горский предвзято относится к таким замечательным работникам как Лернер, Фишер и Берлин, объяснение чему, по-видимому, можно найти только в его антисемитизме. При нем чувствует себя хорошо только его любовница Дробышевская, которой позволено делать все, что ей заблагорассудится. Михаил понял это, когда Беланов вызвал его к себе в кабинет и устроил ему разнос по-генеральски: дескать, он знает, что творится в отделе у Горского, как он относится к своим сотрудникам и кому благоволит. К изумлению директора «изобличенный» зав. отделом тоном, близким к генеральскому, заявил, что бездельников в отделе терпеть не может и не будет, тем более на ведущих должностях, где они должны инициативно и самостоятельно работать на пользу дела, а в действительности не способны делать вообще что-нибудь, систематически не выполняя даже щадящего задания по плану.

Пораженный директор замолчал. Атака, инспирированная Орловой и компанией, захлебнулась, не дав прямого

результата. Возможно, не в последнюю очередь, потому, что Михаилу посчастливилось иметь тетью, которая, узнав, что он работает в институте генерала Беланова, настоятельно просила племянника передать ему привет. Михаил передал во время совещания записку, в которой изложил директору просьбу тети. После совещания директор попросил его задержаться. Тетя была председателем секции литературы для детей и юношества в союзе советских писателей, а жена Беланова, по роду занятий писательница, принадлежала как раз к этой секции. Беланов с живым интересом выяснял, с какой стороны Мария Павловна является его тетей. Михаил ответил: «Мария Павловна является женой родного брата моего отца». – «Александра Григорьевича?» – «Да». После этого краткого разговора Михаил сразу ощутил уменьшение начальственного давления на себя. Нет, рокировки с Орловой это не отменило, но кусать его без крайней надобности больше не стали. Да и нужды в том действительно не было никакой. Главного противники добились и без этого. Орлова ушла от удара, получила индульгенцию за грехи и вид на жительство в той среде, где господствовала официальная демагогия и ничто больше не угрожало ей. Можно было свободно распускаться дальше.

Знакомство с «духовным наследием» Орловой на оставленном ею поприще заняло у Михаила совсем немного времени. Один из ее главных идеологов, адепт ББК, оставил вместе со своей свитой около двух десятков тощих отче-

тов о проведенных исследованиях и инструкций по частным вопросам индексирования литературы. Ничего полезного для решения проблемы они не содержали – ровным счетом ничего. Авторы этих опусов дружно уволились, оскорбленные в лучших чувствах, еще до того, как Михаил познакомился с ними.

Чуть лучше обстояли дела в другом секторе, где под руководством Дианы Марковны Прут трудились – причем почти в поте лица – как идейные, так и безразличные сторонники УДК. Диана форсировала работы, поскольку торопилась защитить кандидатскую диссертацию. Ее подгонял страх из-за неопределенности перспективы положительного решения проблемы. Если ГКНТ признает всю работу института по главной порученной ему теме провалившейся, ей трудно будет убедить любой ученый совет, что ее диссертация имеет практическое значение. Не откладывая дела в долгий ящик, Диана принялась доверительно вводить Михаила, с которым до этого была в нейтральных доброжелательных отношениях, в курс произошедших событий. Из ее слов вытекало, что ГКНТ достаточно определенно патронирует выбор курса на применение УДК в качестве единой системы классификации. Фактически она уже используется как таковая, поскольку постановление Совета Министров обязывает индексировать всю печатную продукцию по УДК. Сложность на пути признания главенства не столько в том, что ее пытаются представить идеологически непри-

эмлемой сторонники ББК – в конце концов – это всего лишь марксистствующие демагоги из Ленинки – сколько в том, что она действительно громадна. Её таблицы содержат сотни тысяч простых индексов, на основе которых с помощью искусственной грамматики можно создавать неограниченное множество составных индексов, посредством которых передаются главные и составные темы книг и документов. Решение в таких условиях надо искать не в создании новых таблиц классификации, а в разработке единой методики индексирования по уже существующим таблицам. Этим она, собственно, и занимается на примере индексации литературы по радиоэлектронике. Михаил отчасти был осведомлен об этом раньше. Ему уже приходилось наблюдать дискуссии децималистов, в равной степени опирающихся на одни и те же таблицы УДК и делающих из них весьма разнящиеся выводы при индексировании. В воздухе буквально висели произносимые вслух по памяти многозначные цифровые индексы, сочетающиеся с помощью знаков: плюс, минус, двоеточие, косая черта. Это была абракадабра, смысл которой посторонний человек мог понять, только посвятив свою жизнь работе в качестве жреца и заклинателя. Вот отчего представители разных направлений удековской веры с яростью и неиссякающим исступлением доказывали, что именно они правильно служат божеству УДК. Михаил давно уже представлял себе слабости иерархических классификационных систем, в том числе неустранимые изъяны их искус-

ственного цифрового индексирования. Любой предмет, любая тема характеризовалась с помощью индексов в первую очередь с точки зрения ее генезиса – от кого или от чего произошел предмет индексирования. На эту малополезную информацию затрачивалась большая часть цифр в индексе. Во всем массиве информации – в любом документальном фонде эта часть индексов была практически неразличима, то есть, бесполезна для различительного тематического поиска. Искусственность десятичного деления объектов классификации не более, чем на десять группировок на каждой ступени классификации, заставляла применять неуклюжие искусственные меры для тех случаев, когда равноправных членов деления на одной ступени классификации было больше десяти. Это фактически ломало прозрачную десятичную структуру УДК при поиске на основе признаков, положенных в основу иерархии по соответствующим ступеням в цепочке «род-вид». Была понятна еще одна трудность – едва ли не главная. В любом информационном фонде более или менее универсального тематического охвата каталог – главный поисковый инструмент – должен был состоять как минимум из десятков тысяч, условно говоря, классификационных ячеек, по которым распределялась проиндексированная книжная и документальная информация. В таких условиях не только неискушенный пользователь фонда не мог быстро и эффективно находить то, что ему нужно по тематике запроса, но и специалист-оператор поисковой системы че-

рез раз вынужден был ломать себе голову над тем, под какими индексами еще ему надо искать документы. Диана Прут для аргументации своих диссертационных соображений старалась на небольшом массиве по тематике радиоэлектроники доказать, что при индексировании по ее методике полнота и точность поиска вполне хороши. В успех этой затеи, если скрупулезно оценивать качество индексирования не на ограниченном, а на универсальном массиве, Михаил не верил совершенно – особенно в том случае, если индексирование печатной продукции производится централизованно в издательствах, как того требует ГКНТ ради того, чтобы в накопительных фондах литература больше не индексировалась – там должны были решаться задачи индексирования только запросов абонентов. Диана же сама со своими сотрудниками индексировала и документы, и запросы. Естественно, что так должно было получаться лучше и по полноте, и по точности поиска, чем в реальных фондах. Можно было понять стремление Дианы выгадать за счет подмены одной технологической схемы индексирования другой, потому что редко у кого из диссертантов, особенно подвигающихся не на поприще точных наук (а информатика оставалась еще ох как приблизительна и неточна!) – получалось свести концы с концами без тех или иных натяжек и самоубеждений, будто все, что они ни делают, хорошо. Однако Диане с помощью диссертации надо было решать личный вопрос, а Михаилу – государственную проблему. И это были две большие раз-

ницы, если выразаться по-одесски. Но что оставалось делать Михаилу в сложившихся обстоятельствах? Ведь максимум через месяц институту предстояло отчитываться перед Арутюновым в ГКНТ. Указать начальнику управления НТИ, что проводимая ими линия на индексирование литературы перед ее изданием не избавляет накопительные фонды от расхода сил и средств на повторное корректирующее индексирование документов? Не будет ли это равно подрубанию последнего сука, на котором сидишь? До рассмотрения у Арутюнова ничего нового не придумать, не говоря о том, что не придумать такое, чтобы сразу всех убедить. Значит, для выигрыша времени остается только дать понять, что поиск новых конструктивных решений будет вестись на основе выводов из экспериментов на основе УДК, но пока не более. Нельзя себя сразу связывать с УДК по рукам и ногам.

В канун заслушивания в ГКНТ вопроса о ходе работ по созданию единой системы классификации печатных изданий и документальных материалов Диана Прут познакомила Михаила со своим научным руководителем. До этого момента Михаил видел его только на конференциях и совещаниях, но представлен Илье Исидоровичу Берковичу не был. Это был молодой, но солидного вида мужчина. Он и впрямь держался среди коллег неким авгуром, понимающим толк в профессиональных священнодействиях как никто другой. Для этого у Берковича были определенные основания. Он первым в стране защитил кандидатскую диссертацию имен-

но по информатике. Заполучить его в руководители своей диссертационной работы хотели бы многие соискатели степени. Диане Прут это удалось. И вот он, любезно улыбающийся, предстал перед Горским в качестве человека, который должен помочь последнему найти верный способ успешно пройти опасное для новичка испытание в управлении товарища Арутюнова. Фактически он просто повторил все то, в чем старалась убедить его Диана – разве что добавил несколько мелких, но полезных советов, исходя из собственного опыта общения с Арутюновым. Михаил внимательно, вежливо, но отнюдь не подобострастно слушал вежливые наставления маститого коллеги. Удивительным для него было то, что в своей диссертации Илья Исидорович пропагандировал совсем другой подход к решению языковых проблем информационного поиска, чем тот, который предполагала защитить опекаемая им диссертантка. Беркович не был специалистом в части УДК. Таким образом, данный союз руководителя и соискательницы ученой степени выглядел несколько неестественным и странным. Объяснить его природу Михаил мог только двумя возможными причинами. Либо дама заинтересовала собой кавалера (а этого не стоило исключать, ибо, не будучи красавицей и располнев несколько сверх того, что было бы вполне эстетически приемлемо, она обладала рельефной фигурой и достаточно развитым умом); либо это было обычным проявлением еврейской национальной солидарности, когда один человек, принадле-

жащий к угнетаемому национальному меньшинству, помогает по естественным причинам другому человеку из того же меньшинства, которая позволяет свести влияние угнетающих факторов к минимуму, а то и превратить их в свое явное национальное преимущество. Так или иначе, но Илья Исидорович был готов заступиться за свою подопечную и советовал Михаилу сделать то же самое. На фоне абсолютно полного безрыбья в данной форме поведения было хоть что-то, что Михаил мог предъявить неизвестному ему до тех пор товарищу Арутюнову. Директор Беланов и его первый зам Титов-Обскуров тоже пожелали предварительно узнать, о чем Михаил будет и о чем не будет докладывать в ГКНТ. Их явно больше занимало второе. Тот факт, что смена руководителя разработки произошла буквально перед самым рассмотрением проблемы в ГКНТ, не мог остаться незамеченным для Арутюнова. Его следовало каким-то образом объяснить. Однако, Михаил отказался придумывать подходящие поводы, напомнив, что реорганизация и рокировка с Орловой была проведена отнюдь не по его инициативе и не в его интересах. Он собирался говорить только по существу дела. Беланов с Титовым поняли, что им тоже придется о чем-то говорить, как бы ни хотелось уклониться от этого.

Совещание у товарища Арутюнова началось точно в назначенный час. Кратко, по-деловому, он изложил для своего аппарата и приглашенных известные мысли об особой важности решения проблемы для реализации единой системы

научно-технической информации страны и внедрения прогрессивных методов информационного поиска. Свое вступление он закончил вопросом: кто будет выступать от института, отвечающего за разработку единой системы классификации печатных изданий и документальных материалов.

– Николай Багратович! – обратился к Арутюнову Беланов – Позвольте начать мне насчет некоторых организационных мер, которые мы предприняли для активизации работ, а затем я передам слово товарищу Горскому, который теперь возглавляет отдел, для подробного информирования.

– Сколько времени вам для этого понадобится?

– Мне – минуты три. Товарищу Горскому – двадцать.

– Хорошо. Приступаем, – объявил Арутюнов.

Беланов уложился в полторы минуты. Давно обкатанные фразы о важности темы. О том, как она сложна. Как в институте решили активизировать работы. Затем встал Михаил. Глядя прямо ему в лицо, Арутюнов добавил:

– Для начала прошу вас сказать немного о себе.

Михаил усмехнулся. Его внешность и впрямь была обманчива. В тридцать четыре года его все еще нередко принимали за мальчика.

– В 1955 году я окончил МВТУ им. Баумана. По специальности – инженер-механик. По распределению после института проработал три года с лишним на Мытищинском заводе электросчетчиков в бюро автоматизации производственных процессов, затем пять лет инженером-конструктором тре-

твѣй, второй и первой категории в ОКБ стандартов авиационной техники, в бригаде общетехнической документации. Там и пришлось впервые столкнуться с решением задачи поиска предметов производства для обеспечения заимствования и стандартизации на основе классификации и систем обозначения чертежей и других документов. Там под руководством своего начальника Николая Васильевича Ломакина разработал дескрипторный словарь наименований предметов производства авиационной техники. Затем уже в нашем институте занялся разработкой единой системы классификации и обозначений технической документации. Вот недавно начал осваиваться на новом месте. Должен сказать, что большая часть времени, отведенного на разработку темы, была до сих пор направлена на исследование вопроса, что перспективнее – УДК или ББК, точнее – на разрешение спора, по какому типу надо строить единую классификацию. Я не буду подробно останавливаться на позициях спорящих, они всем присутствующим известны, видимо, гораздо лучше, чем мне. До моего прихода был выпущен в процессе работы ряд промежуточных отчетов, а также инструкций и методик.

– Сколько их было? – тут же спросил Арутюнов.

– Общее число, насколько помню – двадцать два документа. Позвольте мне перейти к своим выводам. Если исходить из потребностей возможно более точного индексирования печатных изданий и документальных материалов

по тематике технического универсума знаний и в области естественных наук, то УДК имеет бесспорные преимущества перед ББК. Она детальней проработана, особенно в области техники, имеет в своем арсенале скромную искусственную грамматику, представляющую, однако, хорошие возможности для индексирования политематических документов, с чем обычные иерархические классификации справляются, прямо скажем, не лучшим образом. УДК имеет особо ценное качество за счет того, что ведется Международной комиссией по классификации, имеет для совершенствования и углубления системы соответствующий аппарат и процедуру, а, главное, используется для индексирования литературы и документов во многих странах и потому должна рассматриваться как инструмент, обеспечивающий возможность международного обмена информацией без больших затрат на ее переиндексирование в других государствах. Все это весьма ценные качества УДК как информационно-поискового языка, и они безусловно должны быть использованы в системе научно-технической информации страны будущего. Такова позитивная часть моих суждений. На мой взгляд, поскольку УДК не предполагается у нас использовать для индексации по темам общественных наук, обсуждать ее идеологические несовершенства практически нет нужды.

Михаил краем глаза нет-нет да и следил за Авгуром Берковичем и его реакцией на свое выступление. Судя по глазам, тот был немало удивлен, поскольку услышал больше то-

го, на что наставлял. Михаил продолжил:

– Теперь о том, в чем именно УДК не очень удобна или пока недостаточно эффективна.

Сказав это, Михаил отметил, что напрягся не только Артюнов, но и две представительницы главной научно-технической библиотеки страны. Дело было в том, что институту Беланова на обязанностях соисполнителей была придана эта самая библиотека, использующая в своих фондах УДК (естественно в противовес Ленинке), а также головной институт по созданию всей единой системы научно-технической информации страны, классификацией для которой теперь вынужден был заняться Михаил – человек почти без имени в этой среде. Отмотаться этому головному институту от разработки единой классификации удалось не полностью, его тоже обязали участвовать в создании основ, хотя там, правда, ничего не делали и, видимо, делать не собирались. Этот институт на совещании представлял всего лишь зав. сектором, правда, достаточно широко известный в профессиональной когорте маститых кандидат физ.-мат. наук Черняевский. Пикантность ситуации с точки зрения института Беланова заключалась в том, что будучи вроде как командирами над головным институтом в части создания единой классификации, он в то же время был подчинен головному институту, поскольку именно ему в будущем должен был сдать свою работу. Двойственность положения заставляла ерзать не только Беланова, но и самого Михаила. Грубого давления

на себя, тем более жалоб высокому начальству на его бездеятельность головной институт потом мог сперва не простить, а потом и отыгаться.

Присутствующие приготовились слушать.

– Поскольку основную массу фондов единой системы научно-технической информации, которую все мы должны создать, составляют документы по прикладной научно-технической направленности, подавляющее большинство их индексов по УДК начинается одним и тем же набором и порядком цифр. С точки зрения интересов поиска по запросам и затрат труда, это почти бесполезная часть индексов. Желательно было бы найти способ обойти данное неудобство, но к сожалению, это неотъемлемая черта всех иерархических классификационных систем, построенных по принципу генезиса. Второе, чему надо уделить самое пристальное внимание при практическом применении УДК, это сведение к минимуму субъективизма при индексировании документов, особенно печатных изданий. Да, линия на то, чтобы в процессе подготовки издания все материалы получали индексы УДК, совершенно правильна и рациональна. Но ведь на местах, то есть как в издательствах, так и в организациях, направляющих к ним свою продукцию, сидит много разных людей, разных специалистов со своими субъективными взглядами на использование тех или иных средств УДК. Легко понять, на чем основывается этот субъективизм. УДК содержит не одну сотню тысяч основных индексов, многие

из которых отличаются друг от друга тонкими нюансами смысла. А представим себе ситуацию, когда два тематически эквивалентных материала попадают в два разных издательства и получают там в связи с предпочтениями работающих там индексаторов разнящиеся в какой-то части индексы – можно ли тут кого-то винить, тем более, что из-за этого при поиске по запросам вероятны – и обязательно будут потери информации? На мой взгляд – нет. Я не так часто бывал на разных совещаниях, как другие присутствующие здесь коллеги, но и то достаточно много наслушался дискуссий между децималистами разных организаций, которые оспаривали друг у друга правильность индексации тематически одинаковых материалов. Каков тут может быть выход из положения? Полагаю, часть таких трудностей могла бы быть снята при еще более высокой степени централизации индексирования документов по УДК, чем уже достигнута, но это устранил еще не все трудности. В таком случае будут сказываться задержки, вызванные пересылками материалов от авторов к индексаторам, от индексаторов к издателям, а это плохо с точки зрения снижения оперативных возможностей системы информирования пользователей. Кроме того, та часть документов, которые не подлежат изданию, все равно индексировалась бы в других местах, а не в централизованном органе. Значит, здесь все равно оставался бы не бросающийся в глаза источник потерь при поиске. Это очень серьезный и малоисследованный во-

прос, в рамках которого сочетаются и объективные свойства самой УДК, и психологические, в том числе образовательные особенности людей, как профессионалов-индексаторов, так и произвольных пользователей системы. Не уверен на сто процентов в успехе, но мне представляется целесообразным некоторую часть сил разработчиков сосредоточить на создании некоей универсальной методики индексирования документов и запросов, учитывающей практику работы с УДК. В этом деле несомненную пользу общему делу могли бы принести наши соисполнители из главной научно-технической библиотеки.

– А что, разве они такой работы не проводили? – нахмурил густые брови Арутюнов.

– Я не могу говорить, что не проводили, но за то время, которое у меня было для знакомства с материалами по теме, я таких материалов не нашел.

– Так, – сказал Арутюнов. – Ну, а что в это время успели представить вам, то есть у института, – поправился Николай Багратович – и это очень понравилось Михаилу, понявшему, что за ним еще пока признается право «новенького» не знать сразу все обо всем – из головного института по созданию системы НТИ? Ведь и они ваши соисполнители!

– Да, согласно утвержденному вами координационному плану, должны. Но их материалами я пока не располагаю.

– Что происходит?! – вскричал Арутюнов. – Всем вам поручено решать, да сложные, да небывалые, но ВАЖНЕЙ-

ШИЕ задания, от которых очень сильно зависит научно-технический прогресс! А что мы видим: головной институт по теме создания единой системы классификации три года из пяти упустил, да, упустил – ткнул рукой в сторону Беланова глава управления, – упустил фактически на мелочи, на второстепенные вопросы, в то время как основному делу было придано очень мало внимания. Когда вы решили, как выразились, – Арутюнов снова ткнул рукой в сторону Беланова, – активизировать работы по теме? Какой-нибудь месяц назад! А до этого у вас не было времени разобраться, кто способен работать над порученным вам делом, а кто нет! Вынужден еще раз напомнить вам, – третий выпад руки в сторону Беланова, – что ваш институт, подчеркиваю – всесоюзный институт первой категории! – был создан именно для решения этой задачи, а если он не способен это делать – что же – наш комитет может пересмотреть его статус и сделать его обыкновенным центральным ведомственным информационным органом, то есть институтом второй категории! Вам этого хочется?! Ответьте прямо!

– Николай Багратович! – вскинулся Беланов. – Ваша критика в адрес разработчиков в основном справедлива. —

– Она полностью справедлива! – вспыхнул Арутюнов. – Полностью!

– Мы в институте пришли к тем же выводам, Николай Багратович. Согласен, часть времени упущена на второстепенные вещи, в то время, как на линии главного удара, –

генерал нашел соответствующие его воинскому званию слова, – усилия были сконцентрированы недостаточные. Мы приняли необходимые кадровые решения, оздоровили коллектив и оставили в нем тех, кто подтвердил свою способность делать новое дело. Ведь нельзя же сбрасывать со счетов, что по данной специальности ни один ВУЗ страны специалистов не готовит, что большинство только учится этому в процессе работы. Тут трудно было обойтись совсем без потерь времени. Но могу вас заверить, что эта тема постоянно находится в центре нашего внимания, и мы постараемся во что бы то ни стало выполнить порученное задание.

– Старайтесь! Из всех сил старайтесь! – изрек Арутюнов. – А пока будьте любезны прислать нам в управление для объективного рецензирования все те двадцать два промежуточных отчета и прочих материалов, о которых говорил докладчик. Без промедления! Маргарита Васильевна! Попрошу вас проследить за этим! Ну, а теперь – что все-таки скажут нам соисполнители? Начнем с библиотеки!

По его знаку встала довольно молодая, вполне привлекательной внешности дама. Михаил вопрошающе взглянул на сидящую рядом Диану Прут.

– Заместитель директора библиотеки. Ирина Васильевна Холодова.

– Николай Багратович! Нам тоже представлялось необходимым в первую очередь исследовать объективные и субъективные причины неоднозначности индексирования доку-

ментов по УДК, какая часть индексов, присвоенных информационным материалам, поступающим в фонд, подвергается переиндексированию или корректировке. Выяснилась следующая картина. В среднем одна треть документов, поступающих в фонды, сохраняет при контроле назначенные им индексы, еще одна треть документов претерпевает частичную корректировку присвоенных им индексов, а еще одна треть документов подвергается почти полной переиндексации.

– Вот видите, насколько это важные выводы! А почему мы здесь впервые узнаем это от человека, который лишь недавно начал заниматься данным вопросом? Ведь он вашего отчета не читал! Почему?

– Мы просто не успели его представить туда, но обязательно обсудим с головным институтом все, что следует из наших исследований и наметим следующие работы в ближайшее же время.

– Не задерживайтесь! – приказал Арутюнов и, повернувшись к Черняевскому, спросил; – Ну, а вы, что сделали вы?

– Наш институт в рамках данной темы работал над созданием алгоритма поиска информации. – Михаил впервые слышал, чтобы кто-нибудь произносил вместо «алгоритма» «алгоритм» (он еще не знал, что так отличают московскую математическую школу от ленинградской).

– Ну, и каковы успехи? – не скрывая иронии, спросил Арутюнов.

– Наша цель состояла в том, чтобы установить, в какой

степени использование тех или иных искусственных грамматических средств влияет на полноту и точность при поиске информации и целесообразно ли их использовать в сравнении с поиском по языкам без грамматики.

– Какие грамматики вы исследовали?

– Указатели связи, указатели роли. Весовые коэффициенты. Многместные предикаты.

– Каковы результаты?

– Чем сложнее грамматика, тем выше точность поиска, но при этом уменьшается полнота и усложняется процедура индексирования.

– Разве это неочевидно?

– Не совсем. Мы старались добиться заметного повышения точности поиска без заметного снижения полноты.

– И удалось? – уже саркастически улыбнулся Арутюнов.

– Результатами мы еще не удовлетворены.

– Понятно. – Арутюнов престал улыбаться. – Направьте нам отчет о проделанной работе. Без промедления. Маргарита Васильевна, вы слышали.

– Конечно, Николай Багратович, я прослежу.

– Так, – произнес Николай Багратович и на несколько секунд задумался. Потом резким движением приблизил к себе телефон и набрал номер.

– Леонтий Иванович! Здравствуйте! – Да, это я.

Михаил понял, что Арутюнов позвонил Темникову – заместителю директора института, который на совещании был

представлен одним Черняевским, и был сразу узан Темниковым благодаря заметному кавказскому акценту.

– Признаться, я полагал, что вы непременно воспользуетесь моим приглашением на совещание, которое сейчас проходит у меня без вас.

Некоторое время Арутюнов, не прерывая, слушал оправдания Темникова, который меньше всего хотел сегодня являться в ГКНТ, поскольку предъявлять шефу управления было нечего. Но Николай Багратович не зря использовал корректный, спокойный, лишь светски ироничный, но не насквозь начальственный тон. Леонтий Иванович Темников был главным из трех соавторов, выпустивших первый относительно капитальный труд по основам информации. Авторитет как минимум научного просветителя отечественного корпуса специалистов нового профиля заставлял даже такое высокое начальство, каким был Арутюнов, обращаться с ним аккуратно хотя бы по форме.

– Допустим, – наконец, отозвался Арутюнов. – А теперь ответьте вашему коллеге по созданию единой системы классификации изданий и документальных материалов, какие работы были сделаны вашим институтом по данной теме. Он мне жаловался, что по существу от вас ничего не имеет. Передаю ему трубку.

Михаил подошел к аппарату и взял трубку из рук Арутюнова. В голове лихорадочно металась мысль, как избежать неприятностей при лобовом столкновении в отношении

ях с уважаемым лицом вследствие простой провокации, которую позволил себе – должно быть, по привычке сталкивать людей лбами – высокий чиновный администратор.

– Здравствуйте, Леонтий Иванович! С вами говорит Горский! – он чувствовал, что все присутствующие будут жадно ловить каждое его слово. – Николай Багратович сейчас играет ... в телефон. – Михаил хотел было выразиться, как обычно – «в испорченный телефон», но в последний миг сообразил, что слово «испорченный» будет уж слишком обидным для такого начальника. Реакция Арутюнова оказалась мгновенной.

– Это вы, вы! играете в телефон! – выкрикнул он.

Михаил не сомневался, что Темников это слышит и теперь испытывает немалое удовольствие от услышанной дерзости, лишь немного смягченной выпадением из ее формулы всего одного слова.

Чиновники из управления Арутюнова обомлели, дамы из библиотеки заулыбались. Беланов с Титовым не знали, что лучше себе позволить – веселье или возмущение. Еще никто и никогда в этом кабинете не позволял себе настолько удивительной вольности, особенно при достаточном стечении народа. Первым, однако, из всех пришел в себя именно Арутюнов. Делая явную скидку новичку, который успел ему чем-то понравиться, он вдруг искренне рассмеялся, покачал головой и сказал:

– Ладно, я потом поговорю с Леонтием Ивановичем. На-

до же – юморист! Играю, видите ли, в телефон! Будем считать это ошибкой молодости!

Получив такое разрешение, в кабинете засмеялись все. В тот момент Михаил еще не знал, как залюбили его за эту Арутюновскую игру в телефон чиновники управления. Их трудно было чем-то расположить к себе, однако он ухитрился. Когда он появлялся в чьем-то служебном кабинете, его встречали на удивление приветливо, почти ласково. Михаил долго не мог понять, почему. А ларчик, оказывается, очень просто открывался. Таким оказался его первый шаг к признанию в качестве значимой фигуры на новом поприще, где по замыслу «доброжелателей» он должен был скорее загнуться, чем выжить и закрепиться на значимой высоте.

Михаил слышал, что в Госстандарте давно ходят разговоры, что «Беланов развел у себя синагогу». Евреев в институте было и впрямь порядочно во всех отделах. В его бывшем отделе их собралось относительно его численности не больше, но и не меньше, чем в других. Вроде бы полагалось говорить «работали», а не «собрались», но язык не поворачивался произносить, будто Лернер, Фишер и Берлин как-то работали. Один только Женя Фельдман трудился и на трудовом, и на сексуальном фронте. Всех их, кроме Лернера, которого привела Орлова, Михаил принимал в штат отдела сам. Чем он руководствовался, о чем думал? Если честно, то во время экстренного набора кадров в институт зачисляли без разбора кого угодно. Но он полагал, что среди случайных

людей вероятность того, что еврей окажется если не умней, то уж наверняка инициативней, чем лицо любой другой национальности, будет выше. К этому убеждению его в явной и неявной форме подвела прежде всего мама. Среди ее знакомых евреи если не преобладали, то именно о них она высказывалась с неизменной симпатией и теплотой, приглашая таким образом и сына думать так же, как она. Лишь о двух-трех евреях мама отзывалась крайне отрицательно, причем скорее всего потому, что считала их позорящими свой народ отступничеством от него, а не по какой-то другой причине. Собственный жизненный опыт поначалу не противоречил тому, что он слышал от мамы. Его одноклассники Марик Лившиц, Гоша Гиммельфарб, Олег Либерман были хорошими, умными, открытыми, честными и спортивными ребятами. Симпатией к ним можно было проникнуться безо всякой натуги. На Мытищинском заводе электросчетчиков работали несколько молодых инженеров, которые не только не позорили свою национальность, но и наоборот – на местном уровне с достоинством оправдывали лучшие ожидания Михаила. Александр Шаргородский, Абрам Рейн и первый начальник Михаила на его трудовом поприще по найму Семен Григорьевич Яцкаер имели вполне хорошие головы. Семен Григорьевич даже возглавлял бюро автоматизации, не получив для этого специального высшего образования – просто мозги у него работали как надо, и при этом не имело значения, что он вместо «эмпирия» говорил: «чистая им-

перия» – несмотря на это, многие его устройства исправно работали на поточных линиях в цехах. Порой он предлагал Михаилу подумать о чем-либо «на досуге», и, надо сказать, нередко бывало так, что он думал о том, что должен сделать, безотносительно к месту и времени суток и таким образом осознал, что иной работа настоящего конструктора (такой, скажем, как «от сих до сих») быть не может. Абрам Рейн был, правда, замкнут и высокомерен, к общению с ним по этой причине никого не тянуло. Зато Соломон Мовшович, который стал близким другом Михаила, был безусловно умнейшим инженером на заводе и при этом держался столь естественно просто, что находил общий язык не только с людьми своего круга, но и со всеми рабочими, с кем только ни вступал в контакт, заставляя уважать себя даже самых натуральных антисемитов. Однако в институте, возглавляемом Белановым, наблюдалась совсем другая картина, хотя Михаил был далек от мысли, что будучи нормальным номенклатурным карьеристом, директор хотел превратить свое учреждение в синекуру для евреев. Явное покровительство соплеменникам в практике людей его положения исключалось начисто, но и косвенное было для них опасно, потому что спокойно могло выйти боком. Или само это поприще, такое новое, никому еще не ведомое, само, как магнитом, притягивало к себе всякую шваль? Ведь на нем легко было в организационной суеде и неразберихе занять приличный пост, с помощью всего лишь демагогии быстро выско-

читать в дамки, а затем уже постоянно выдавать себя за значимую фигуру в зарождающейся научной дисциплине. Попробуй-ка выставиться просто так, внаглянку, где-нибудь на поприще теоретической физики или математики, даже в инженерном искусстве! Ничего путного не получится! Разве что удастся физически убрать кого-то с дороги с помощью доноса на истинного творца идеи, одновременно прикармавив его багаж, как это было принято в сталинское время, когда из ничего возникали разного рода лысенки и презенты – дутые тузы советской науки. Ну, да теперь таким образом оказаться выше заслуживающих продвижений людей стало уже не столь просто, как при родном отце и учителе всех времен и народов, хотя, конечно, тоже возможно, но все-таки сложнее. Партийно-государственная управляющая машина комплектовалась главным образом умственно ограниченными людьми, без стремления к глубокой образованности и вкуса к творческой работе. Сфера их деятельности была совсем другой – надзирать, пресекать, не выпускать вперед и наверх опасных для себя мнимых и действительных конкурентов. Эта система была органически настроена на то, чтобы принимать серьезные решения в той же мере на основе клеветнических доносов, как и на базе достоверных сведений, причем доносам автоматически присваивался больший вес, отчего в активной части общества зараза клеветнического доносительства столь широко распространилась и стала неистребимой. Власть с удовольствием питалась ядо-

витыми бумагами, а отравители-фальсификаторы делали карьеру. Только там и тогда, когда исключительная важность и экстренная срочность какого-либо дела, без выполнения которого власть сама могла попасть под смертельный удар, она до завершения работ ограждала своих самых способных граждан, в том числе и в первую очередь евреев, от клеветы, дискриминации, задвигания в темные углы и даже позволяла делать заслуженную научную карьеру. Но это только когда кто-то был остро нужен и практически незаменим. А так – извольте жить по общим правилам, подвергаться управляющим воздействиям по единой процедуре без льгот. Ты же не Курчатов, Харитон или Зельдович при разработке атомной бомбы, не Сахаров и Гинзбург при создании водородной и не Лавочкин со своими самолетами во время Отечественной войны?

Вспоминая евреев, которых он лично видел и знал, и с кем был связан родственными узами, Михаил был вынужден сделать простой тривиальный вывод: еврейская нация не отличается от любой другой – в ней есть и очень умные и очень глупые, и в высшей степени благородные, принципиальные люди и, в противоположность им, беспринципные конъюнктурщики, халтурщики и подлецы. Почему он раньше не обращал внимания на теневую сторону этой нации, столь же неприглядную, как у любого другого народа, кроме самых далеких от нынешней цивилизации и потому еще не испорченных – вроде чукчей, эвенков, нгана-

сан? Да потому что не хотел включать наблюдения такого рода явлений в число фактов, анализ которых и должен приводить к определенным выводам, прежде, чем все это войдет во внутренне кредо. Михаил никогда не считал разумным и верным лжесиллогизм, сводящийся к умозаключению, что раз евреи знамениты своим умом, а я тоже еврей, то и я являюсь очень умным человеком, хотя многие евреи, будучи умственными импотентами, льстя себе, именно так и полагают.

И вот теперь жизнь заставляла Михаила без всяких розовых фильтров посмотреть не только направо, но и налево. И стало совершенно очевидно, что нет целиком состоящего из умников и праведников еврейского народа, хотя действительно существовал и существует народ-страдалец, и есть в нем люди во всем ассортименте свойств, которые присущи любому этносу. А потому необходимо каждое лицо оценивать строго индивидуально, не допуская к своим суждениям какие-либо групповые и собирательные характеристики типа «все евреи – гешефтмахеры, эгоисты, хриstopродавцы и подлецы» или «все цыгане – конокрады» (равно как и обратное), ибо все это ведет к ложным представлениям о живых людях, а не о людях из неких вымышленных схем.

Можно было поделиться своими выводами с мамой, но Михаил был уверен, что выслушав его, она бы ничего не сказала – крыть его аргументы нечем, а соглашаться с ними неохота. Поэтому он решил поговорить с Алей Минделе-

вич, зная ее честность и прямоту. Аля искренне удивилась, выслушав его соображения:

– А ты что, раньше этого не знал? Что евреи отличаются от всех других людей разве что большим разбросом к полюсам: умных среди них больше нормы и глупых тоже сверх нормы; много очень порядочных и много подлецов, каких еще поискать! Только средних поменьше. А так – все как у людей!

С этим можно было согласиться. Михаил так и поступил.

Глава 3

Александр Бориспольский не очень волновался насчет того, как пройдет заслушивание института по теме, которой он теперь номинально занимался, в комитете по науке и технике. Точнее – не волновался совсем. Полемические способности Горского были ему известны, и он почти не сомневался, что все обойдется хорошо. Главным для него являлось одно – чтобы Горский остался на своем новом месте. После пребывания в отделе Титова-Обскурова работа у нового начальника казалась почти раем. Библиотечный день – нелегальный, но твердо гарантированный шефом каждому, кто хоть как-то приносит пользу отделу. Мелочной опеки с его стороны тоже нет – где пропал, по каким причинам отлучался с рабочего места – все это осталось в прошлом. Саша чувствовал, что благодаря этому перед ним обязательно откроются новые возможности и в карьере, и в любви.

Он не мог бы сказать, что сохранять верность жене ему совсем не хотелось, но и противоположная по смыслу идея совсем не была ему противна. Скорее наоборот. Хоть тресни, но ничего другого не придумать, когда понимаешь, что даже при хорошей жене не все располагает к ней, а уж если в поле зрения попадает более эффектная женщина, то само собой хочется оприходовать и ее. Даже не обязательно, чтобы более эффектная, пусть даже менее, но поновей. Не ему пер-

вому это пришло в голову. Настоящий мужчина всегда хочет чего-то сверх того, что имеет. Собственно, в этом и проявляется его «настоящность». Саша полагал, что и его новый начальник думает (считает) точно так. Тоже женат и имеет любовницу, да такую, что трудно представить себе что-то более возбуждающее. Грудь, наверное, номер шесть. Талия тонкая. Ноги красивые от и до. Двигается красиво, лицо выразительное и приятное. М-да. Явно хороша в постели, ничего не скажешь. Интересно, чем он ее взял? Представить себя на месте Горского Саша мог без труда. Но вот Горскому повезло, а ему, Бориспольскому – нет, а отчего – непонятно. Одно хорошо, что тот по-прежнему ведет себя, как молодой человек, действительно ХОЧЕТ вести себя так, а потому и другим, в том числе тем, кто моложе его, жить не мешает. И куда он занят поиском нового пути в своем деле, надо успеть сделать для себя возможно больше. То есть, поступить в аспирантуру на стороне – создания своей не скоро дождешься, если вообще здесь когда-нибудь будет свой полномочный ученый совет.

Он стал чаще бывать на родном факультете, околачиваясь на кафедрах, где ему можно было бы как-то зацепиться, то есть найти научного руководителя и вместе с ним измыслить тему, которая как-нибудь соответствовала бы тематике филфака и одновременно тематике института, конкретнее – отдела Горского. Найти научного шефа оказалось не очень просто. На кафедрах привыкли ограничивать-

ся изысканиями и прояснениями каких-то собственно филологических вопросов. В институте Русского языка, правда, имелось кое-что подходящее. Мельчук строил, например, модели «смысл-текст», о которых много говорили, в том числе и в кругах информанщиков, но они были столь сложны и абстрактны, что прилагать их к любой конкретной информационной деятельности было пока, мягко говоря, рановато. Они годились для изложения на научных конференциях, для докторской диссертации самого Мельчука, но не для кого-то рангом ниже и поплоче. Это была сверхзадача, барахтаться в разрешении которой Саша не желал. Он понял это скорей даже не тогда, когда старался вычитать в работах Мельчука что-то подъемное для себя, а когда ходил вместе с энтузиастами, группировавшимися вокруг молодого шефа-идеолога, в непродолжительные подмосковные походы пешком или на байдарках. Их с таким же успехом можно было считать походами, как и учебными семинарами, в меньшей степени – дискуссионными клубами. Конечно, там много говорили о политике, о глупости и подлости начальства разных уровней. И Саша с очевидностью уяснил для себя, что Мельчука не оставят в покое и не дадут раз за разом докладывать на всяких подходящих конференциях свою модель «смысл-текст» с небольшими новыми дополнениями и комментариями, потому что он был не сдержан на язык и с высоты своего высокого научного полета давал нелицеприятные оценки административно значимым лицам

как в филологии-лингвистике, так и в политике, и что кто-то из окружения начальства на него обязательно настучит в органы, а затем, скорее всего его выдавят прочь из страны. С чем тогда останутся его адепты? Или около чего? У разбитого корыта – вот и все! Так не годилось. А жаль. Все-таки Мельчук первым из лингвистов перекинул мост к тому, что могло бы, в принципе, конечно, только в принципе! – стать универсальной отмычкой для открывания дверей в содержание тех текстов, которое ускользало в процессе поиска по ключевым словам, подобно тому, как рыбная мелочь ускользает сквозь полотно крупноячеистой сети. А от мелочей, как уже убедился в своей жизни Саша, зависело на самом деле очень многое. Понравишься – не понравишься. Будешь считаться хорошим человеком или не будешь. Найдешь ли в своем деле изюминку, которая позволит раздуть научное кадило и создать благоприятное ароматное облако вокруг автора, или не найдешь. От этого зависело, хорошо ли пойдет дальнейшая жизнь. Славословить советскую власть и ее коммунистических лидеров было глупо и немодно, хотя кое-кто делал карьеру именно на этом, стараясь войти со временем в номенклатурный резерв. Но таких кадров много не требовалось. Функционеры системы старались замещать образующиеся вакансии своими детьми. Саша к ним уже давно не мог принадлежать. Если во время войны его отец был успешным директором пулеметного завода, то уже вскоре после ее окончания он вылетел с этого места – и имен-

но потому, что он был еврей. Тогда очень многие производственные и научные работники распрощались со своими высокими и кормными должностями, кое-кого еще и посадили для острастки (не так уж и мало, кстати говоря), но в детские и школьные годы Саши семье Бориспольских жилось достаточно туго. Хорошо еще мама была русская, ее не тронули, но какая у нее была должность? Простого сталинского «винтика», вот и все! А винтику много не полагалось вообще, не говоря о том, тем более, что ничего не полагалось даром даже за лояльность. Это доставалось только тем, кто проявлял личную преданность и полезность вождям, разным советским фюрерам от членов политбюро и ЦК до районных крейселейторов. Водиться с такими было полезно, но противно. В глазах окружающих ты переставал быть своим человеком. А порывать с теми, кто был тебе интересен, вызывал у тебя уважение и желание в чем-то им подражать, чтобы как-то подровняться под их уровень, желания у него не было ну просто никакого. Кому не ясно, что обязательно надо расти, становиться значимой личностью в кругу интересных и значимых людей для тебя? Чаще всего в роли тех, кто обладал особым весом и привлекал к себе общее внимание, оказывался высокий интеллектуал-еврей. Как тот же Мельчук в лингвистике, а еще больше – как Александр Семенович Гельфанд, математик, за свои нескрываемые политические взгляды вылетевший из академического института и временно бросивший якорь в институте патентной инфор-

мации. О нем Саша много слышал от своего двоюродного брата Димки. Он и сам специально захаживал к кузену, чтобы посмотреть на знаменитого упорствующего интеллектуала. Александр Семенович всеми силами старался показать власти, что она принципиально не может одержать над ним верх. Изгнать – да, может, и даже не единожды. Но заставить его не то что думать, но даже произносить то, что ему изначально противно, чего не переносит его дух и ум, она не в силах. Перед людьми своего поколения выставляться ему было бессмысленно. Зачем нужен чей-то пример тем, кто смирился, нашел для себя конформистские оправдания, и с этого пути, обеспечивающего «нормальную» жизнь для себя и семьи, уже не сойдет? Гельфанд знал, что если кому-то и нужен его пример, то это молодежи. Зная свою страну и уровень государственного террора, он не тешил себя иллюзией, что среди молодежи он обретет много стойких последователей. Хорошо, если таких найдется пара-тройка-четверка людей из сотни, для которых, как и для него, поддержание собственного достоинства будет значить больше покупаемых смирением и послушанием удобств. Но все равно, даже те, кого сломят соблазны или форс-мажорные обстоятельства, будут помнить свои более счастливые времена, когда и у них горели глаза при виде возможностей несклоняемого разума, открывающего для всех сущих новые горизонты развития, когда они радовались тому еще не обретенному, ради чего явились на свет и должны были действовать по совести

и уму, даже не сваливаясь в непримиримые диссиденты.

Александр Семенович мог беседовать с подчиненными, присев одной ногой для удобства на стол. Он вслух – не поймешь – себе или всем, ставил некую проблему и большей частью без созвучных его мышлению подсказок от аудитории (хотя и такое случалось) намечал варианты рассуждений. Он никого не призывал мыслить небанально – просто расхожие стереотипы научных и бытовых представлений ничего для него не значили – каждый видел, что пользоваться ими как аксиомами (или печками, от которых разрешается танцевать), он не собирается. Для него знанием было то, что выдерживало любой анализ, любую критику; гипотезой – то, что твердо опиралось на наблюдаемые явления и ассоциации между ними, и было обращено в сторону пока еще не вполне очевидного всем.

Посылки к достижению нового знания всегда существуют в толще предшествующих знаний, причем многие из них надо раскапывать и искать. Научное озарение не сходит с небес на тех, кто не старается обнаружить такие отправные послышки, тем более – на тех, кто не хочет или не может искать способ возвести над ними объединительные конструкции.

Весь облик Гельфанда говорил об интеллектуальной мощи этого человека, причем его ум не казался окружающим, в том числе и Саше и его кузену, столь подавляющим, чтобы при нем было стыдно проявлять способности собственного мозга. Но в то же время Александр Семенович не был,

что называется, ласковым интеллектуалом. Чтобы он согласился с вами, требовалось либо вам доказать его неправоту, либо признать верными его рассуждения. Третьего было не дано, хотя сам мэтр на этом не настаивал. Он лучше окружающих видел, сколько всего в науке и в жизни остается неразрешимым. Однако, помимо всех иных черт личности Гельфанда, кроме ума, для Саши самой главной из них являлась та, что он был еврей – именно по тому стереотипу распространенных национальных предпочтений, который так льстил всем соплеменникам, считающим, что если ты еврей, то уже поэтому значит, что умный, а если ты среди евреев слынешь особенно умным, то, значит, умнее вообще никого не может быть. По сути своей Саша Бориспольский не был верующим человеком, тем более ортодоксальным религиозным адептом иудаизма – нет, последнего он даже внутри себя как-то боялся, но все же, что Бога нет, он на всякий случай говорить никогда бы не стал, скорее думал и даже знал, что есть, и все же Всемогущество и Всеведение Создателя оставалось для него абстракцией, которую он не способен был целиком вместить в себя, не представляя себе, каким образом они достигаются.

Молодые люди вокруг Гельфанда в основном тоже были евреями либо совсем на сто процентов по крови (хотя кто в этом ужасном мире может поручиться за все сто, если сами евреи додумались считать родство, тем более принадлежность к еврейству, исключительно по материнской ли-

нии – ведь только по генам еврейской матери можно решить, что ребенок еврей, а кто там вместе с нею участвовал в зачатии из мужчин – еврей или нет – точно знает один только Бог!), либо евреями по духу и по внутренним предпочтениям или по той части генов, которые привнес в его тело один из родителей-евреев. Саша бесспорно относился и к тому, и к другому из последних двух типов, а потому он и сблизился главным образом с такими же людьми – с другими ему было не так интересно, даже более того – свободно погружаться в атмосферу вполне комфортной для него духовной идентичности с людьми другого происхождения он просто не мог, у него так не получалось, для этого требовалась та невыразимая, несказанная радость ощущения, что ты ОТТУДА и он ОТТУДА, и потому ближе тебе, чем такой человек, никакой другой уже не может быть. И только на девчонку это предпочтение у Саши не распространялось. Если бы еврейские женщины возбуждали его своим видом, то есть фигурой, лицом или распространяемым вокруг себя духом или обаянием, как никакие другие – тогда да, распространялись бы, но в жизни этого не было. Как можно было отворачиваться от влекущего к себе существа противоположного пола, если у нее для этого дела все находилось в полном порядке? Русские, армянки, украинки, польки, узбечки – да все годились на этот случай, и еврейки тут заметного преимущества отнюдь не имели. И умными среди них можно было считать женщин разного происхождения. Все-таки по своей

ментальности Саша был в достаточной степени евреем, чтобы по умолчанию признавать женский ум изначально слабейшим, чем мужской. А потому какой был смысл находить себе женщин именно по уму, когда от них на самом деле требовалось совсем другое?

На своем родном филфаке он с кем только не сближался! И он честно не мог себе сказать, кто же из них, представительница какого народа ему больше всех нравится. Правда, у него не было негритянок (хотя одна мулатка была), китайнок, индианок, но он твердо верил в то, что к ним просто надо привыкнуть – и будут выявлены в них в соответствии с принципом единства женской природы все необходимые и украшающие связь качества. Самый известный ловец на филфаке (он же был и самым известным на факультете стукачом) – Гога Джапаридзе – видимо, думал точно так же, даже если для сравнения исходным эталоном ему служили грузинки, а не еврейки. Саша в бодром темпе вел сексуальную жизнь, перепархивая с одной бабочки на другую и до, и после своей женитьбы – кстати сказать, на русской. Но вот почему он выбрал в жены не филолога, а математика, объяснить сексуальным влечением, даже любовью, не удавалось. В Анне его несомненно влекло то, что она математик – пусть это было не главное, но это было! Должно быть, слишком много умных людей вокруг него являлись не просто евреями, а еще и математиками, как достопочтенный Гельфанд. Как быть среди них на равных ему, всего лишь филологу-ру-

систу? От жены Саша усвоил, возможно, и не очень бросающийся в глаза, но все же заметный лексикон, характерный для тех, кто принадлежал или хотел принадлежать к избранному математическому кругу. Поэтому он стал говорить «ровно то же самое» вместо обывательского, «точно то же самое» и другое в том же роде. Так что можно было прослыть если не математиком, то понимающим – или как когда-то говорили в компартии большевиков – сочувствующим. В глазах высокопосвященных это и в самом деле воспринимается хорошо – ну что взять с человека, который не обладает нужным качеством, но он хоть, в отличие от многих, сознает свою неполноценность, даже пытается ее чем-то компенсировать – и это некоторым образом все же положительно характеризует его интеллект. Физики для общения тоже Саше годились, но в них как-то не чувствовалось того высшего ментального аристократизма, который отличал математиков. Физики были попроще, всеяднее во вкусах и не так высоко воспаряли в абстракции.

Саша быстро поднаторел в стилистике неформальных семинаров и дискуссий, которые сами собой возникали при встречах трех или более сходно мыслящих насчет политики людей, будь они на работе, дома на кухне или в застолье или на биваке у походного костра. Каждый текущий миг возникающей духовной общности немедленно заполнялся словами – по делу или не очень, но всегда полагалось что-то произнести, чтобы чувствовать себя членом ко-

манды. Можно было высказаться некомпетентно, но непременно так, чтобы твое замечание выглядело парадоксально, свидетельствуя, хотя и неудачно, о попытке выяснения истины с другой стороны, нежели принято – и тем самым внести в атмосферу доверительного жонглирования мыслями собственный значимый вклад. Хорошо это было или плохо, правильно или неправильно, но именно таким манером возникало что-то вроде свободного общественного сознания, которое в советском обществе нигде нельзя было безнаказанно проявлять кроме как в кругу доверяющих друг другу и ценящих друг друга приятелей и друзей, а кипеть ох как хотелось! Потому как ох как надоел демагогически стерилизованный и единственно разрешенный диалектический материализм Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, все эти материализмы и эмпириокритицизмы, к вопросам ленинизма, как нам обустроить рабкрин – и над всем этим висящий глыбой, грозящей раздавить всякого, кто приблизится вплотную, «Капитал» Маркса, который к счастью, кроме экономистов-систематиков, педантично стремящихся выяснить, а что же он все-таки привнес в экономику – этот Маркс, никто дальше десятой части глав первого тома не читал, поскольку для нормального человека, то есть не для экономиста-теоретика, это было психофизически невозможно. Это знал любой член общества, начиная с генерального секретаря ЦК КПСС и секретаря ЦК по идеологии и кончая любым беспартийным большевиком, который хоть как-то за-

висел от средств из государственного бюджета, однако признаться в этом вслух не смел никто – это было бы равносильно святотатству. Пожалуй, весталок в Древнем Риме, которых зарывали в землю за нарушение девственности, подвергали такому наказанию за что-то менее ужасное, чем советских нарушителей коммунистической идеологической чистоты. Поэтому, когда речь в избранном обществе заходила о марксизме-ленинизме, Саша Бориспольский бормотал магическое заклинание: «Чур меня!...» или даже в более редких случаях цитировал фразу советского философа Юрия Щедровицкого, человека на пол-поколения старше Саши: «Я марксист, следовательно, я идеалист». Так удачно выразиться вслед за Декартом, сказавшим: «Я мыслю, следовательно, я существую», – мало кому удавалось. Вот уж действительно – нашелся человек, определивший самую суть «не рассчитанного на применение» учения, не рассчитанного в том смысле, что построить провозглашаемое этим учением общество невозможно НИКОГДА, поскольку оно противно природе вещей, хотя его очень старались осуществить и даже думали, что это получается. Но одно дело было требовать от своего народа бороться за торжество коммунизма во всем мире, и совсем другое – обязывать соглашаться с противоестественной дурью все остальное человечество, не считая, конечно, Китая, людоедских стран Африки, строящих социализм, и военных диктатур Южной Америки, которым мы продаем турбины и генераторы. Все, что в осталь-

ном мире делается законно, принародно, свободно, в стране «развитого социализма» реализуется только вопреки законам, ограничивающим свое народонаселение во всем, чего ни коснись: в изданиях произведений иностранных авторов, в поездках за границу, в приобретении вещей и продуктов, даже в перемещениях внутри своей страны: тут выпишись – там пропишись, а там и вовсе для туристской поездки или похода оформи пропуск в пограничную зону – даже в Норильск.

То ли потому, что Сашин отец в свое время с энтузиазмом вступил в большевистскую партию и в ее рядах мечтал построить идеальное общество, то ли потому, что сам по себе коммунистический идеал обладал такой же неотразимой привлекательностью, как финансовая пирамида (где на тебя работают новенькие, покуда их ряды не иссякнут), но Саша тоже мечтал жить по принципу «каждому по потребностям, от каждого по способностям», против чего не посмели бы возражать не только закоренелые лентяи, но и самые настоящие трудоголики. Ну пусть мечта всегда немного вранье и себе, и другим, но ведь можно, оказывается, строить социализм для своих граждан, а не для мирового господства, как доказали всему человечеству, всему миру скандинавы. Там научились так грамотно раздевать капиталистов (не догола, разумеется, тем более – не ставя их к стенке), что и у них, «эксплуататоров», и у посильно трудящихся в хорошо защищенных и невредных условиях с лиц сходит

зверское выражение, присущее борющимся классам, которым по Марксу-Энгельсу-Ленину-Сталину полагалось сражаться насмерть вплоть до полного уничтожения – ликвидации, как нравилось говорить большевикам – и, после чего о чудо! – должен был возникнуть незапятнанный кровью социализм с человеческим лицом!

Да, внутри себя Александр Бориспольский оставался социалистом в мечтах, и он искренне презирал Ленина, Троцкого, Сталина, Хрущева и Брежнева за то, что на посту высших вождей они только одно и практиковали из идей социализма – беспощадную классовую борьбу, пытаясь на этой разрушительной основе подчинить себе весь мир, чтобы сделать свою власть несменяемо вечной. Ведь нашлись же другие мыслящие марксисты, тоже кстати, евреи (как сам основоположник Маркс и продолжатель его дела Ленин), которым пришло в голову нечто гораздо лучшее, продуктивное, компромиссное и примиряющее, чем классовая борьба, а именно: нерушимое классовое партнерство. Когда Саша в общих чертах услышал, какую стратегию создания социализма разработали Карл Каутский и особенно Эдуард Бернштейн, он понял, почему советские теоретики и практики с такой патологической ненавистью отзывались об этих вождях второго Интернационала – они были умнее, их идеи в экспериментальном и массовом практическом применении прививались в обществе, оборачивались всеобщим процветанием, а не потоками крови, как у нас, а потому их счита-

ли гнусными предателями, отвратительными прислужниками капиталистов-эксплуататоров рабочего класса. Каутский и Бернштейн оказались удачливее лениных-троцких-сталиных-каменевых, зиновьевых, бухариных – и в этом тоже состояла их, то есть Каутского и Бернштейна – огромная непростительная вина. Для прихода к власти их последователям не потребовались ни конспиративный союз с национальным врагом (как большевикам с Германией), ни Парвус, ни Гражданская война, ни чистки, ни Гулаги, ни всемогущие и недремлющие органы госбезопасности. На советских «коллег» эти марксисты-соглашатели имели право смотреть с жалостью как на упорствующих в неправоте психов и с еще большей жалостью – на руководимый ими народ, давая в высшей степени дельный совет: начнем вместе строить наше общее светлое будущее по пути конвергенции, схождения – вы возьмете себе то хорошее, что есть у нас, а мы возьмем у вас, если таковое найдется. Но вот как им, человеколюбивым социалистам, объяснить, к кому они обращались, кому протягивали руку – ведь не «коммунистам-интернационалистам», а угнетателям и истребителям собственного народа в масштабах, которые и не снились самым гнусным царям? Естественно, конвергенцию как идею заклеямили точно так же, как идею классового партнерства, назвав, как обычно, гнусными происками мирового империализма, старающегося нас просто заставить расслабиться, а затем взять голыми руками. Вот такие у нас ответы «партнерам»

на мировой арене: «Лорду в морду!» – как тот более новый и не менее вежливый:

«Утритеесь вы своей конвергенцией!»

К великому Сашиному огорчению, выяснилось, что настоящим творцом победной стратегии прихода большевиков к власти был не полуеврей Ленин, а настоящий стопроцентный еврей Парвус, имевший на самом деле такую же исходную фамилию, какая была у безгрешного уважаемого Александра Семеновича – Гельфанд, кстати, тоже Александр, только Лазаревич (может, они и принадлежали одному роду – как знать!). Гельфанд-Парвус, став в эмиграции на партийные деньги капиталистом, причем очень удачливым – зарабатывал деньги для себя и для революции в России. Это ему принадлежала мысль обратиться в генштаб воюющей с Россией Германии с предложением финансировать детально проработанный им проект разложения российского фронта и тыла с помощью агрессивной антивоенной большевистской агитации. Для осуществления плана Парвуса требовалось до смешного мало – несколько миллионов рейхсмарок, пропуск через территорию Германии из Швейцарии в Швецию в запломбированном вагоне российских главноагитаторов во главе с Лениным и помощь в доставке привычного оружия – винтовок Маузера – немецким военнопленным, сидящим в русских лагерях. Изнемогающие от непосильной борьбы на два фронта немцы с величайшим энтузиазмом откликнулись на предложение Парвуса. Оплом-

бированный вагон перевез смутьянов в Швецию, из которой они перебрались в Россию. В Петрограде большевики в июле устроили путч, который провалился, но затем повторили попытку в октябре и взяли власть, свергнув временное правительство. А дальше и поехало и пошло, и в благодарность немцам за предоставленные миллионы позорнейший, похабнейший, невыгоднейший России Брестский мир, пролонгация на целый год мировой войны благодаря уступке по этому договору Украины голодающей Германии, затем без роздыха беспощаднейшая, прокатившаяся практически по всей территории бывшей царской России гражданская война, принесшая стране вдвое больше жертв, чем собственно Первая Мировая. Дальнейший путь России известен. Кампания за кампанией проходили подавления антибольшевистских мятежей, белых, зеленых и прочих врагов, изгнание антантовских войск, карательные возмездия территориям, питавшим самых ярых врагов советской, точнее большевистской власти – областям казачьих войск и украинской повстанческой армии народного социалиста и одновременно удачливейшего бандита Нестора Махно. На этих территориях Ленин, Троцкий, Сталин и компания собирались извести все коренное население дочиста. Средства для этого – голод и расстрелы, грабеж и снова голод. Итог – снова столько же жертв, сколько во всю Гражданскую войну. Правда, на сей раз обошлось без Парвуса. Российские большевики решили, что целее будут, если не дадут вернуться такому

умнику на его родину.

Оскорбило ли это Парвуса? Надо думать, что оскорбило. Ведь он не был философом, отрешенно смотрящим на то, как свершается его провиденье. Он представлял собой человека дела, крупномасштабного деятеля-воротилу, ему льстило, что оказалась способна сотворить с миром его деятельная мысль. Он был готов управлять Россией вместо царя, но его предала неблагодарная шпана, которую он привел к власти. Разумеется, Парвуса это потрясло, хотя, разумеется, всего лишь морально. Его богатства от этой измены не ubyло. Он с величайшим комфортом жил себе в Швейцарии или Германии, по настроению приобретал и менял роскошных блондинок, к которым питал большую слабость, и умер от ожирения и распутства, тогда как мечтал умереть правителем России – пусть тоже от ожирения и распутства, но не в Германии – слава Богу, роскошные блондинки в России всегда были и есть в большем изобилии, чем где-то еще. Ну что же, не сбылась всего лишь одна мечта Александра Лазаревича Гельфанда, хотя возможно, и главная. Но другие его мечты очень даже сбылись – их было по меньшей мере три. Он, бежавший за границу, преследуемый царской охранкой, бесправный еврей, добился ликвидации ненавистной власти и всей ненавистной династии. Он отомстил старицей казакам и щирым украинцам за все жертвы еврейских погромов. Он уничтожил гнусную черту еврейской оседлости и обеспечил массовое расселение евреев по всей территории страны.

Разве этого мало? Разве это было исполнено плохо, тем более, что он ухитрился все это повернуть, управляя событиями дистанционно, издалека? Не было в мире политика с самыми большими амбициями, который столь ничтожными средствами достиг бы таких потрясших мир грандиозных изменений. И пусть о нем постарались забыть предавшие его пигмеи, им ли было состязаться с ним в уме? В этом проявилось даже нечто особенное, он сумел заставить ничтожеств их руками воплотить в жизнь ЕГО ВЕЛИКИЙ ПЛАН, что бы они там себе ни воображали. Да, такого еврея, как этот Гельфанд, было еще поискать. Был ли он счастлив, подводя итоги своей жизни, если, конечно, подводил? Саша Бориспольский считал – вполне мог быть, А что? Упоения с блондинками достигал в любых количествах, на какие только был способен. Сделал то, чего не могли добиться ни банкиры Ротшильды из-за рубежа, ни евреи-народовольцы внутри России – ликвидировал, причем не только номинально, но и на практике черту оседлости. Воздал по заслугам всем российским антисемитам – от царствующего дома до хуторов и станиц. Если удовлетворение удавшейся местию может дать ощущение счастья, то он его получил. Вот только одно ли ожирение его доконало? Что ж поделать – работал мозгами, считая, что мускульной работой некогда заниматься кроме как с блондинками: туда-сюда, туда-сюда. Так что его ожирение можно объяснить только по-грибодовски – горе от ума. М-да. «Горе так горе. Причем, сот-

ням миллионов людей, среди которых и я, – мелькнуло в голове у Саши Бориспольского, – среди которых много таких, как и я, как ни странно, тоже вроде Парвуса, евреев», – уточнил он про себя.

– Вот Горькому, Алексею Максимовичу, этот богач Гельфанд действительно помогал. Содержал его вместе с виллой на Капри, семьей и любовницами. Интересно, чем его до такой степени пробрал наш великий пролетарский босьяк-алкоголик, что он до самой своей смерти все давал ему большие деньги, да еще издавал? Неужто преклонялся перед горьковским литературным талантом? Талант, конечно, у Горького был, однако ведь не такой «потрясный», как у ряда других писателей того времени в России. Но вот завещать Горькому деньги или имущество, Парвус не захотел или не успел. И остался великий пролетарский писатель, привыкший к роскоши, с пустым карманом. А потому ему и пришлось взять сталинскую приманку из золотой клетки, в которую Горький попал, да больше так и не выбрался. Мог он предвидеть такое? Скорей всего – мог, но уж очень боялся, поднявшись из грязи в князи, снова удариться в грязь. После роскоши, которая вошла уже во все поры тела, даже скромное приличное существование кажется унижительным, почти порочным, хотя, вероятно, порочным даже без «почти». Вот он и стал игрушкой-содержанкой у Сталина, и был таковой, покуда игрушка Сталину не надоела. И церемониться с Горьким он не стал. Как тут снова не вспомнить Грибо-

едова: «Избавь нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»?

Так «великий гуманист» (разумеется, Горький, а не его кремлевский покровитель и кукловод) стал жертвой двух могущественных представителей Сил Зла на Земле – с одной стороны, почившего Гельфанда-Парвуса, развратившего Алексея Максимовича роскошью, и Джугашвили-Сталина, обещавшего ему, что от роскоши и народного поклонения ему не придется отвыкать. От роскоши действительно отвыкать не пришлось – Сталин угробил его без отлучения от должности или перевода в армию врагов народа. История, конечно, вышла весьма поучительная, но кто бы мог извлечь из нее урок? Разве, что тот, кому предложили роскошные условия жизни. А Саше их никто предлагать не стал. Ему бы повезло, если бы удалось создать себе вполне приличные – так он считал. И за это еще предстояло побороться.

Глава 4

Институтское начальство сочло дебют Михаила Горского в НКНТ в целом вполне удачным. Беланов уже не журил его за дерзость по поводу игры Арутюнова в телефон. Если сам Арутюнов снизошел к молодости докладчика и простил его, чего уж тут было усердствовать в перевоспитании?

В отделе Михаил тоже сделал небольшое сообщение коллективу о том, как прошло опасное мероприятие. Сотрудники поняли, что немедленно их не разгонят, что до нового рассмотрения можно будет жить, как жилось. Диана Прут даже была довольна тем, что это ее диссертационная работа лежит в русле, вполне одобренном ГКНТ, а это сулило существенное упрощение ее защиты. Один Михаил не видел никаких оснований для успокоения, даже временного. Да, передышка была выиграна, но ничего больше, в то время, как вместо конструктивной идеи, способной стать основой осуществления государственной задачи, зиял вакуум, который при всем желании нельзя было прикрыть вывеской УДК, по крайней мере, для самого Михаила это было вполне очевидно.

Очень скоро он убедился, что так считает не он один. Старший научный сотрудник, оставшийся в отделе по наследству от Орловой, Михаил Петрович Данилов, заговорил с ним о своем представлении о том, что на самом деле мог-

ло бы вывести работу из тупика. Михаил Горский вспомнил, что еще примерно год назад Данилов поделился с ним предложениями, которые он сделал еще академику Несмеянову, тогдашнему президенту Академии наук СССР. Поводом для того давнего разговора послужила публикация Горского в отраслевом журнале «Стандарты и качество», в котором рассматривалась перспектива использования дескрипторно-иерархического языка для поиска конструкторской документации. В то время это звучало вызовом устоявшемуся в передовых информационных кругах представлению, что дескрипторный и иерархический принципы – антиподы, и их комбинация невозможна. Один из нахрапистых и, как сам он считал, в отличие от Горского, образованных коллег, попытался даже менторским тоном отчитать Михаила и даже потребовать, чтобы он прочел соответствующую литературу прежде чем публиковать несусветную чепуху. (Однако не прошло и двух лет, как этот «ментор» с растерянным видом подошел к Горскому и уже совсем другим тоном спросил, где он в свое время вычитал то, что теперь становится все более и более очевидным для многих специалистов. Михаил честно ответил: – «Нигде», – но тот не поверил. Для него было, можно сказать, чем-то противоестественным, что такой же работник института, как он, пусть должностью повыше, но зато образованностью пониже, МОЖЕТ ИМЕТЬ в своей голове идеи, которые не у кого было бы подцепить).

У Данилова, однако, представления о необходимости комбинировать дескрипторный поиск с иерархическим были столь же определенным, как у Горского, только куда более масштабными. Это Михаилу хорошо запомнилось. Но тогда Данилов принадлежал отделу Орловой, и как там будет (или не будет) претворяться в жизни комбинаторный подход, Горского мало занимало. Но теперь ситуация радикально переменялась, и ему, а не Орловой, предстояло создавать нечто, чего нельзя было нигде вычитать, да при этом еще отвечать за успех чуть ли не головой. Оля Дробышевская уже нашла другую работу более или менее по старому профилю и прихватила с собой еще двух дельных сотрудниц, которых Михаил перевел с Олей в новый отдел. Оля обещала пробить для него место начальника над собой, но для этого требовалось время. Пока что он только радовался, что любимая женщина вышла из-под удара, пока он выдерживал тяжелейшие арьергардные бои. Михаил не хотел, чтобы она оставалась и рисковала вместе с ним. Тем более, что в новой обстановке Оля чувствовала себя совсем неуверенно, и толку от ее присутствия не могло быть никакого. Скорей наоборот – ему еще приходилось думать, чем и как оправдывать ее присутствие в глазах окружающих, когда никакого определенного задания Оле для самостоятельной работы он поручить не мог. Видеться им наедине было почти негде, и от этого становилось совсем скверно на душе. Темная полоса в их жизни делалась все более чер-

ной. Держаться на плаву и сохранять достоинство, не поддаваясь неблагоприятным обстоятельствам, стоило огромного труда. И Оле не было смысла изнуряться, оставаясь вместе с ним. Но от того, что своей близостью из-за отсутствия мест, подходящих для этого, она не могла вдохновлять его, было по-настоящему тяжело и плохо.

Давно уже продуманная Даниловым линия построения единой системы информационно-поисковых языков, совершенно не оцененная вертихвосткой Орловой, пришлась Михаилу Горскому по душе. Во-первых, она не требовала создания одного единственного сверхсложного языка, своей громоздкостью напоминающего динозавра, которого не держит земля, а потому и неспособного двигаться достаточно быстро. Вместо полного единства требовалась лишь необходимая для определенных взаимодействий разных составных частей языковой системы согласованность, не мешающая автономному развитию и использованию этих частей. Особо ценной для реализации идеи Данилова представлялась еще одна вещь. Ничто не мешало разрабатывать отдельные информационно-поисковые языки для поиска информации в отдельных отраслях знаний, соблюдая минимальные требования, обеспечивающие «стыковку» с соседями, ориентируясь на собственные возможности и ресурсы и, образно говоря, не дожидаясь, пока последняя пуговица не будет пришита к мундиру последнего солдата в едином строю для одновременного ввода всей системы языкового обеспечения в дей-

стве. Поэтому более развитые, продвинутые и богатые отрасли могли внедрить свои языки быстрее, чем менее продвинутые и хуже обеспеченные отрасли. Это было важно, поскольку один институт Беланова всеми ресурсами, необходимыми для реализации всей затеи, не располагал и распорядиться ими не мог. Все вопросы все равно неизбежно должны были решаться вместе с отраслями, а не за них и не вместо них. Оба Михаила, Данилов и Горский, принялись думать, что делать дальше. Во-первых, следовало за столбить идею – не в том смысле, чтобы потом стричь дивиденды после ее внедрения – об этом при социализме вообще не могло быть и речи, а в том, чтобы прочно обосновать ее в других головах – и в головах специалистов, которые при желании, конечно, могли быстро осознать все достоинства предложения Данилова, и в головах различного рода и уровня руководителей, что представлялось уже на порядок более сложным делом. Оба Михаила не имели ученой степени, а для пробивания начальственных умов требовался бесспорный квалифицированный авторитет, и в этом они видели серьезную загвоздку для дела. Михаил Петрович взялся поговорить с доктором Влэдуцем – первым в стране, получившим эту высшую ученую степень именно по информатике. Он был с ним слегка знаком. Георгий Эмильевич Влэдуц откликнулся на призыв к встрече. Идею сторону решения проблемы он одобрил сходу без сомнений и возражений, но вот как обеспечить его привлечение к работе официаль-

но, чтобы ему за это могли платить, пока не знал ни один троих. Горский, правда, обещал нажать на все педали, чтобы пробить Влэдуцу разрешение на работу по совместительству (поскольку основную свою работу он бросать не собирался), а это было весьма трудной задачей, особенно учитывая непробивной вид и характер Горского. На том тогда и порешили, что вернуться к дальнейшим переговорам, если разрешение на совместительство будет получено. Получать же его надо было не где-нибудь, а в конце концов в ГКНТ. А начать пришлось с Титова-Обскурова и Беланова. Горский прямо заявил, что хотя они с Даниловым убеждены в правильности предложенного последним подхода – более того – в единственной правильности и реализуемости именно этого подхода – слишком молодая внешность у первого, а также отсутствие известности и ученых степеней у обоих в большой степени затруднят усвоение правильной идеи научной общественностью и начальством без привлечения к делу на официальной основе и поддержки со стороны лица с высоким научным авторитетом. Единственным доктором в новой специальности, в информатике, является Георгий Эмильевич Влэдуц, ученик и протеже бывшего президента Академии наук академика Несмеянова. Да, он уроженец и бывший гражданин Румынии. Но Несмеянов лично исхлопотал ему советское гражданство. Он член КПСС, и потому никакие сомнения в его надежности на могут иметь место. Титов и Беланов морщились, однако крыть им было нечем. Михаил Горский

составил убедительные письма от института в Госстандарт и от Госстандарта в ГКНТ, и машина согласования со скрипом пошла в ход. Михаил сам ходил по разным кабинетам в обеих инстанциях и доказывал там, что без этого не обойтись. Да, он знает, что совместительство разрешается академикам и член-корреспондентам – и то лишь в очень важных случаях, но что делать, если академиков в информатике вообще нет еще ни одного, да и доктор в этой научной дисциплине только что утвержденный есть всего один на весь Союз, и именно его они стараются ввести в ведущие разработчики. Кабинет за кабинетом вставал на сторону Горского, и он подумал, что нет худа без добра – он несолиден и выглядит больно молодым, хотя убежденным, но ведь по этой причине на самом деле нуждается в поддержке авторитетом. В конце концов разрешение после визита к товарищу Арутюнову было получено. Тот действительно не держал на Горского зла после той памятной несколько обидной, но комической выходки. По молодости Михаила Арутюнов простил ему её, по его молодости же помог и с привлечением Влэдуца.

Теперь их действительно стало трое, и они быстро убедились в том, что помимо общей убежденности в правильности подхода их сила состоит в комбинации таранного авторитета Влэдуца, потрясающего глубокомыслия и эрудиции Данилова и в великолепных полемических качествах и речевой убедительности Горского, который был полезен еще и тем,

что в ряде направлений очень удачно развил идею Данилова. Вскоре Беланов убедился, что его сомнения насчет неспособности этой троицы (лучше триумvirата, как думали сами ее члены) напрасны. Одна за другой проводились встречи и совещания с приглашенными авторитетами из близких областей и со специалистами из сферы информатики, и практически везде обсуждение кончилось одобрением. Пора было выходить на уровень Арутюновского управления в ГКНТ.

Николай Багратович не был бы начальником управления Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, если бы не знал, как обставлять свои решения по важным вопросам. При управлении Арутюнова существовал Научный совет по проблемам научно-технической информации. Казалось бы, что возглавлять его тоже должен был бы Николай Багратович Арутюнов. Но шалишь! Если он САМ будет возглавлять этот совет, ему и придется отвечать за принятые там решения и рекомендации, которые он потом, уже как чиновник, как ответственное перед государством высокопоставленное должное лицо, должен будет претворять в действительность. А если решение окажется ошибочным или неудачным? Кто тогда будет виноват? Товарищ Арутюнов Николай Багратович собственной персоной. Да не единожды, а дважды. В первый раз – как глава совета, второй раз – как исполнительный руководитель. А ему это надо? Нет уж, ищите себе другого такого умника, чтобы он был, как когда-то говорили в Одессе, одновре-

менно «мужской портной, он же и мадам». А потому научный совет по рекомендации Арутюнова возглавлял профессор Михальский – директор того самого головного института по созданию единой системы научно-технической информации страны, который наотрез отказался разрабатывать для этой системы единую классификацию печатных изданий и документальных материалов, сделать которую пообещал Арутюнову Беланов, лишь бы для него разрешили создать институт. Профессор Михальский был непростым человеком и совсем необычным профессором. По сведениям, дошедшим до Михаила Горского из нескольких источников, выяснилось, что тот достаточно долго не был ни научным сотрудником, ни даже студентом какого-либо ВУЗа, а просто долго и успешно служил в органах госбезопасности. Когда над государственной системой научно-технической информации, создаваемой в стране, органам понадобился свой доверенный надзиратель, выбор по каким-то причинам остановился на Михальском. Отсутствие у него высшего образования было признано не заслуживающей внимания мелочью. По ходатайству КГБ как исполнительного органа, от лица коммунистической партии управляющего страной, решением коллегии Министерства высшего образования Михальскому был выдан диплом о высшем образовании без его защиты. Ну, а потом Михальского тем же путем сделали профессором. Правда, это был совсем не тот случай, который имел место в жизни действительно выдающегося уче-

ного-физика Якова Борисовича Зельдовича, который стал не то что профессором, а даже академиком, так и не имея диплома о получении высшего образования, да и разрабатывал Михальский в отличие от Зельдовича, не атомное оружие, тем более не занимался вопросами космогонии и астрофизики – у него была своя «экологическая ниша». Вместе с тем, став директором всесоюзного научного института, находящегося в двойном подчинении у ГКНТ и Академии Наук СССР, он быстро усвоил стилистику поведения, приличествующую человеку его положения в науке и обществе. Это свидетельствовало о его природном уме и, возможно, о неплохих актерских способностях и готовности проявлять такт там, где надо. Естественно, что где не надо, он его и не проявлял. Директорское кресло обеспечило ему весьма широкие возможности становиться автором научных трудов в соавторстве с подчиненными ему действительно учеными коллегами. Профессор Михальский в равной степени стремился к обеспечению своей научной репутации в качестве человека передовых взглядов и к сохранению за собой своего места. Мало ли, вдруг найдется какой-нибудь шустрик то ли из органов, то ли из ЦК, то ли отпрыск знатной партийной фамилии – а на то уже давно мода пошла – как закончит сынок учебный институт, чуть-чуть поработает под чутким руководством заинтересованного в верховной поддержке лица – и пожалуйста: ему уже подыскивают либо готовый директорский пост в научно-исследовательском инсти-

туте, либо учреждают новый институт для него как директора специально. Когда Арутюнов предложил рассмотреть проект Влэдуца, Горского и Данилова на совете при ГКНТ, Михальский крепко задумался. С одной стороны, его совсем не тянуло раньше времени что-либо одобрять, хотя дело неуклонно шло именно к этому. Альтернативных решений никто, кроме этой троицы, не предлагал, в готовность УДК заменить все остальные классификации собой он совершенно здраво не верил – ведь даже в его институте основной рабочей классификационной системой была совсем не УДК, а рубрикатор реферативных журналов, к которому, кстати сказать, очень уважительно отнеслись три автора, три возмутителя спокойствия, рассматривая перечень реферативных журналов как исходный ряд для построения неглубокой – двух-трехуровневой классификации, с помощью которой намечалось распределять информацию по отраслям знаний и координировать состав и наполнение дескрипторных словарей. Это Михальскому нравилось, однако сходу брать на себя ответственность за одобрение было не в его интересах. Получалось, что Влэдуц, заведующий сектором в его институте, работая совместителем в институте Беланова, серьезно опережает работы по созданию единой государственной системы НТИ, за создание которой нес ответственность сам Михальский. Своей научной концепции его институт еще не подготовил, не выдвинул, не обсудил. А тут на тебе – маломощные соисполнители его головного института, выхо-

дит, уже в принципе справились с серьезнейшей проблемой, за которую он, Михальский, ни за какие коврижки не брался. Разве тот же Арутюнов упустит возможность почувствительней ущипнуть его по этому поводу? Разумеется, не упустит. Из этого следует, что лучше было бы с окончательным одобрением предложенного к рассмотрению проекта, как бы это помягче выразиться, повременить. Но формально от рассмотрения уже не откажешься, материалы подготовлены, Арутюнов ждет. Хорошо бы нашелся предлог на самом заседании, чтобы там уже все и притормозить. И повод, на который так рассчитывал профессор Михальский, вдруг сам собой нашелся, образовался даже без малейшего его участия. Прямо-таки «по щучьему велению, по моему хотению»!

А повод к замедлению рассмотрения проекта Влэдуча, Данилова и Горского был инспирирован не где-нибудь, а в институте Беланова и, более того – в отделе Горского Дианой Марковной Прут. Ее побудили к этому две причины: первая – мысль о том, а не помешает ли принятие нового подхода успешной защите ее диссертации по методам использования УДК в координатном режиме; вторая – желание наказать Горского за вмешательство в кадровую политику ее сектора. Относительно опасения Дианы Прут за преждевременную кончину возможностей защититься на использовании УДК можно было сказать одно: и Горский, и сам Влэдуч заверили ее, что бояться ей в обозримое время, в течение

которого она могла бы подготовить и сдать в ученый совет свою диссертацию, совершенно нечего. В проекте нет ни слова против использования УДК в каком угодно режиме, хоть в нормальном, хоть в многокоординатном, покуда система НТИ не заработает по-новому, а это произойдет не раньше окончания следующей пятилетки. Однако Диана предпочла на всякий пожарный случай этому не поверить и кинулась за помощью к профессору Антоничеву, который на регулярных форумах Международной комиссии по классификации (то есть по УДК) в Гааге представлял Советский Союз. Естественно, она наговорила Антоничеву всяких страхов насчет будущности УДК, намекнула на возможность того, что из-за этих распоясавшихся архаровцев вскоре в Гаагу просто никого не станут посылать. Седовласый благообразный профессор – прямо-таки обладатель соответствующей плакатной внешности и велеречивости – понял Диану с полуслова. Он тотчас же кинулся к своему директору Михальскому, в штате которого числился и получал зарплату, и они очень быстренько обо всем договорились. Влэдуц узнал об этом заблаговременно, но ни помешать сговору, ни отменить его ему не удалось – Михальский здесь решал свои проблемы. Тем самым Диана сознательно дала своему начальнику и его коллегам повод к войне. Это было неприлично ни с точки зрения профессиональной этики, ни с точки зрения принципа «живи и жить давай другим», которого они до сей поры придерживались и который из сугубо эгоистических сообра-

жений больше не желала выполнять она.

В свою очередь Диана Прут восприняла как казус белли действия Михаила в отношении не так давно принятой на работу в ее секторе сотрудницы Ламары Ефремовой. Михаила специально попросила об этом сотрудница смежного отдела Галина Вещалова, с которой у него была прочная, но не любовная взаимная симпатия. Ламара была сокурсницей Гали и выглядела тоже весьма симпатичной. Определив ее в сектор Прут, Михаил оказал обеим подругам не очень удачную услугу. Хотя Ламара была исполнительна и старательна в том, что ей поручала делать Прут, последняя быстро невзлюбила свою новую подчиненную. Михаил сперва было терялся в догадках, отчего так происходит, за что Диана систематически лишает ее библиотечных дней, которые своей властью в отделе Горский предоставлял всем, пока не догадался, что Ламара не проявляет к своей непосредственной начальнице полагающегося, по мнению Дианы, подобострастия. Официально библиотечных дней в институте никому не полагалось. Но в своем отделе Михаил был единственным, кто их не имел, поскольку на это потребовалось бы разрешение Титова-Обскурова, к которому, во-первых, было противно обращаться с просьбами вообще и который наверняка бы не разрешил так называемой работы в библиотеке. Михаил попытался повлиять на Диану по-хорошему, но в ответ она ответила дерзостью, прощать которую у него не было ни малейшего желания. Диана заявила, что это ее дело, ко-

му предоставлять библиотечный день, а кому нет, и пусть он не свое дело не лезет, намекнув при этом, что знает об истинной причине его заступничества. То есть в его заинтересованности в романе с Ламарой. Михаил даже не столько возмутился беспардонностью отпора, сколько удивился границей с откровенной глупостью недалёковидности Дианы, позволившей себе забыть, что ее работа на себя не является полезной для отдела, и ей разрешают ею заниматься из милости, которую в лучшем случае можно называть корпоративной лояльностью. Еще больше Диана забылась насчет того, что это он, начальник отдела Горский, брал на себя смелость давать сотрудникам библиотечные дни, в том числе и ей, Диане, хотя свободно мог и не давать, и что это – исключительно его собственная инициатива и прерогатива, но никак не ее. В тот же день Михаил подозвал Ламару и предложил ей написать заявление на свое имя с просьбой перевести в сектор, фактически возглавляемый Даниловым (Титов-Обскуров под всякими предлогами волянил с официальным утверждением Михаила Петровича в этой должности, но Горский знал, что скоро обязательно его дожмет).

На другое утро Горский вывесил на стене свое распоряжение по отделу, в котором сообщил о переводе Ефремовой к Данилову из-под Прут. Михаил знал, что Диана будет в ярости и даже предвидел, что она попытается переиграть все по-своему, обратившись в Госстандарт к начальнику планово-финансового управления, который ей некото-

рым образом покровительствовал. Об этом чиновнике Михаил прежде слышал от Лернера, который с восхищением сообщил о Березовском, что это – «еврей при короле», то есть при председателе Госстандарта. А в переводе на общепринятый язык это означало, что Березовский из казенных средств, предназначенных для ремонта зданий и помещений ведомства выкраивает деньги, материалы и рабочую силу на строительство дач для высокого начальства, что по этой причине он чувствует этих чиновников у себя на крючке и в кармане, вынужденными всегда делать то, что он считает нужным, а коли они этого делать не будут – им придется об этом пожалеть. Наблюдая за ним на нескольких заседаниях Комитета, Михаил даже заподозрил, что Березовский уже забыл границы дозволенного – ведь выстрелить компроматом в свое начальство он мог всего лишь один раз, прежде чем его самого прикончат, в то время, как привольно жить в ведомстве ему хочется вечно и ради этого стоило бы держаться несколько скромнее и деликатней, чем он себе позволял.

Вот к этому самому Березовскому к началу рабочего дня бросилась на прием Диана Марковна Прут, доказав тем самым, что Михаил в своих прогнозах не ошибся. На всякий случай он приготовил отповедь давлению со стороны институтского начальства, полагая, что Березовский будет давить в пользу Дианы через посредство Беланова, а не лично. Но, как ни странно, визит в Комитет ни к каким действи-

ям в пользу Дианы не привел. Результатом кампании вокруг судьбы Ламары и ее библиотечных дней стала только почти нескрываемая злоба Прут, хотя другие, более умные сотрудницы ее сектора, уговаривали ее не начинать войну с Горским из-за Ламары. Это было чревато худыми последствиями для всего сектора – они правильно понимали положение вещей, но Диана закусил удила. Как? Ей, такой умной, пытается портить жизнь этот жалкий новичок Горский? Да она!..

Да. Она очень рассчитывала на то, что продемонстрирует свою силу, сорвав обсуждение доклада Влэдуца на совете при управлении Арутюнова, и заставит считаться с собой, доказав, кто здесь в отделе хозяин.

В день заседания совета по проблемам НТИ в Госкомитете по науке и технике Влэдуц, Данилов и Горский ждали выяснения только одного пока неизвестного фактора – под каким именно соусом Михальский не допустит принятия никакого решения – ни положительного, ни отрицательного. В повестке дня значился докладчиком доктор наук Влэдуц, оба Михаила готовы были выступить с короткими содокладами. Председатель совета Михальский был на месте, основной докладчик Влэдуц был на месте, отсутствовал только товарищ Арутюнов, но Михаил уже знал, что это в порядке вещей у начальника управления, поскольку опоздание позволяло под конец заявлять о своей позиции, не считаясь с тем, о чем говорилось без него, словно ничего и не говорилось. Но на сей раз данная манера поведения никакой выгоды Ни-

колаю Баградовичу не принесла. Видимо, Михальский (недаром все-таки профессор) тоже просек стереотипный приемчик начальника управления, собиравшегося кольнуть ученого коллегу, и потому сразу взял быка за рога. Он открыл заседание следующими вступительными словами:

– Уважаемые члены совета! Сегодня у нас в повестке дня два вопроса. По первому вопросу нам надлежит заслушать доклад уважаемого коллеги – доктора наук Георгия Эмильевича Влэдуца о принципах и способах построения единой системы информационно-поисковых языков для будущей автоматизированной единой системы НТИ страны. Материалы вам заблаговременно розданы, с тезисами доклада вы, таким образом, уже знакомы. Но понимаете, какая вещь. Мы с вами должны дать всестороннюю и глубокую оценку предложенной концепции – ведь от ее правильности или, наоборот, неправильности, в будущем будет в большой степени зависеть поисковая эффективность системы НТИ. К сожалению, с принципами технологии работы этой единой, подчеркиваю, автоматизированной системы НТИ еще далеко не все ясно. Я понимаю – и думаю, вы со мной согласитесь, что предложенная на сегодняшнее заседание совета языковая концепция вносит немалую определенность в желаемый характер функционирования всей системы. В этом я вижу безусловно положительную сторону работы авторского коллектива. И вместе с тем я полагаю, что именно этот аспект технологических взаимодействий, их влияния на структуру

системы НТИ, под которую авторы предложили систему языкового обеспечения, нам бы следовало обсудить более детально на различных отраслевых и межведомственных совещаниях, прежде, чем выносить на утверждение научную сторону вопроса о том, какими должны быть при том или ином варианте структуры системы ее языковые поисковые средства. Положа руку на сердце, могу сказать, что по моему мнению достаточного времени на рассмотрение этого аспекта у нас все же не было. А потому я предлагаю поблагодарить авторов и перенести обсуждение их концепции на следующее заседание совета.

Это означало – на целый квартал. Как минимум.

– Я хочу услышать на этот счет мнение совета. Есть ли у кого-нибудь возражения против моего предложения? – спросил Михальский.

Возражения, конечно, были, однако только у одного члена совета – у доктора Влэдуца. Но он по понятным причинам промолчал. Во-первых, Михальский был его главным директором, и портить отношения с ним по не самому принципиальному поводу не стоило. Во-вторых, само совместительство Влэдуца зависело от согласия или несогласия Михальского. Настаивать на рассмотрении вопроса сегодня – значило ставить участие Влэдуца в дальнейшей работе под удар, а это было не интересах ни Горского, ни Данилова. Остальные члены совета – почти сплошь директора отраслевых и центральных органов НТИ – тоже не видели смысла воз-

ражать директору Головного института, у которого всегда была возможность жаловаться в ГКНТ на их недостаточно активную деятельность или же на полную бездеятельность. Поэтому вопрос Михальского к аудитории завис без ответа. Михальский обвел ряды глазами и, не увидев поднятых рук, удовлетворенно сказал:

– Возражений как будто никто не имеет. Если я прав, то мы можем без голосования принять мое предложение о переносе и сразу перейти к обсуждению второго вопроса.

А там была уже такая ерунда, на которую вообще не стоило тратить время. Явившийся, наконец, в зал после обдуманной задержки товарищ Арутюнов, похоже, опоздал даже к шапочному разбору.

– Как просто он переиграл всю диспозицию! – не без восхищения ловкостью фокусника Михальского подумал Горский, но сразу вслед за этим подумал о другом. О том, как Титов-Обскуров будет выставлять через него претензии к Влэдуцу, почему он в интересах института Беланова не стал возражать своему директору Михальскому. О том, что из-за случившегося Титов может еще на квартал отодвинуть назначение Данилова заведующим сектором, о том, наконец, как довольна Диана Прут нанесенным ненавистной ей тройце ущербом.

Влэдуц явно думал о том же. Он наклонил голову и, повернув лицо в сторону двух соавторов, тихо произнес:

– Возможно, я в чем-то ошибаюсь, но по-моему, Диана

Прут не защитит свою диссертацию.

Это было окончательное объявление войны. Оба Михаила согласно кивнули в ответ. Диана сама выбрала такой исход и развязала им руки.

Глава 5

У Михаила Горского уже больше года все тянулась и тянулась черная полоса. И конца ей не было видно. То, что время от времени получалось удачно контратаковать наседающие враждебные силы, кое-где и кое – в чем переламывать в лучшую сторону неблагоприятные обстоятельства, большого оптимизма внушать не могло. Вместе с Даниловым и Влэдуцем они сумели оставить корабль на плаву, а также заткнуть небольшую пробоину, которую по собственной дурости проделала в его обшивке Диана Прут. Забрехала перспектива создать работоспособную систему информационных языков на основе подхода, предложенного Даниловым. Добиться одобрения концепции они сумеют точно. Однако дальше-то что? Беланов и не подумает вернуть в распоряжение отдела ту кадровую численность (и соответствующие деньги), которые были выделены институту по координационному плану – директор в буквальном смысле расхитил и то и другое на милые его политкомиссарскому сердцу дела: на создание целого пропагандистского направления в деятельности института. Оно включало отделы прессы, кино и телевидения. Беланов как человек, понимающий толк в этом деле, лично следил за тем, чтобы все потребности этих отделов удовлетворялись вовремя и в приоритетном порядке. Маховик пропаганды стандартизации уже вер-

телся на полных оборотах, разгоняя туфту по всем возможным каналам во все возможные места. А ведь трудоемкую работу по созданию дескрипторных словарей даже с помощью отраслевых специалистов из-за этого разгула пропаганды выполнять окажется некому. Тех сотрудников, которые уже есть, точно не хватит на это, тем более, что половина отдела работала на УДК. Да-да, на ту милую сердцу ГКНТ и товарища Арутюнова УДК. Кроме сектора Дианы Прут, экспериментировавшей в собственных целях с УДК, еще один сектор был занят экстренной подготовкой нового русского издания полных таблиц универсальной десятичной классификации. За это дело с энтузиазмом взялся Беланов не только затем, чтобы угодить Арутюнову, но и ради того, чтобы доказать – институт выдает реальную продукцию. Получится ли создать новую систему или нет, ему до конца неизвестно. А так в актив института все же будет занесено нечто важное с точки зрения ГКНТ и вполне осязаемое.

Таким образом Беланов поджег и без того сильно укороченную свечу с другого конца. Даже если представить, что сама Диана Прут достаточно скоро перестанет в отделе существовать и ее сектор, то есть оставшихся сотрудников, удастся перебросить на основную тематику, это будет очень слабым подспорьем: и людей там не очень много, да и по квалификации они подходили для главной работы далеко не во всем. А потому выходило, что для него, для Горского, будет лучше отвязаться от УДК, чтобы не отвечать

хотя бы за это. Так, кстати, станет еще заметней, как общипали в институте ресурсы, которые он был обязан отвести для разработки своей главной темы. И хотя Михаил даже приятно (а может все равно неприятно) удивил Беланова и Титова тем, как повел катастрофически заброшенное дело, в дальнейшем он снова должен будет оказаться у разбитого корыта, только уже на новом этапе и новом уровне. И тогда возможности удачно совершить новый маневр для спасения себя, отдела и института в статусе первой категории, скорей всего, не будет уже совсем. Но даже и это было не самым скверным. Хуже всего, тяжелее всего было переносить ежедневные стычки с Титовым-Обскуровым, который с фантастической изобретательностью заваливал Михаила все новыми требованиями, выставляемыми в истерической форме с угрозами окончательной расправы. В ответ Михаил не молчал. Наоборот, зная о собственных художествах Титова (главным образом от Нины, но не только) он в свою очередь угрожал заместителю директора пагубными для него разоблачениями. Это помогало осадить распутившегося садиста, но только на короткое время. Жить без угроз и истерик Титов просто никак не умел. Это была уже самая настоящая клиническая патология. Почти ежедневно приходилось затрачивать на это столько сил и энергии, что Михаил серьезно сомневался, надолго ли его хватит, не говоря уже о том, каким бременем на его душе лежал тяжелейший камень от сознания собственной ущемленности и вы-

нужденности терпеть недостойные условия бытия. Вот это и было самым что ни на есть труднопереносимым. И с этим надо было кончать как можно скорее. Но вот с «как можно скорее» как раз ничего и не получалось. Найти себе место с подходящей зарплатой, то есть такой, чтобы была не ниже, чем сейчас, он еще никак не мог. Не зря Арутюнов пугал Беланова переводом института из первой категории во вторую. Таких, то есть имеющих первую категорию по зарплате, было всего раз, два и обчелся. Другие, не худшие возможности представляла по деньгам только так называемая «оборонка». Но там все зависело от личных знакомств даже в части элементарного информирования – объявлений о приеме на работу кадров такого уровня, как начальник отдела или лаборатории, не давали ни в прессе, ни даже на дверях контор своих отделов кадров. Там приглашали слесарей, монтажников, сварщиков, станочников, о работниках же в области информации не бывало ни слова.

Оля Дробышевская нашла места для себя и двух сотрудников из бывшего отдела Михаила как раз в одном из «почтовых ящиков». Это был еще не отдел, а только его будущий зародыш. Быстро ли там может развернуться полномасштабная деятельность, у Михаила представления не было. Оля держала его только в курсе своих текущих дел. Она бесспорно представляла, как его припекло и припекает, но ускорить процесс его перехода не могла. Наконец, уже можно сказать, неожиданно, через Олю было передано приглаше-

ние на прием к заместителю директора по кадрам и режиму (анкета Михаила лежала у него уже давно). Им оказался пожилой, если так можно выразиться, имея в виду манеру обращения, смягченный, культурный представитель органов. Он расспросил Михаила о прежних местах работы и о роде занятий на них, хотя все данные подобного рода уже сохранились в анкете и приложенной к ней автобиографии. Зачем это делалось, догадаться было нетрудно. Кандидатов на должность проверяли таким образом на наличие несовпадений между тем, что писал и что говорил тот или иной претендент, а также наверняка сравнивали где-то в недрах системы госбезопасности на совпадение или несовпадение данных в старых анкетах с прежних мест работы и учебы – и в новой. Михаил свободно мог дать всем поступающим простой рецепт поведения на такой случай – сделать для себя дубликат анкеты и старательно воспроизводить его при всех последующих приемах на работу.

Но пока ему грех было жаловаться на память, и сквозь фильтры подобного рода можно было проходить без труда, без подобной шпаргалки. Затем заместитель и Михаил заговорили о зарплате. Михаил старался выжать хотя бы небольшую прибавку. Он не запрашивал лишнего. Просто наниматель старался на податливости претендента выгадать некоторую экономию фонда заработной платы. Пришлось немного попрепираться, но в конце концов заместитель сказал, что постарается решить этот вопрос положительно, хо-

тя и не сказал, когда. Сигнал не поступал очень долго – месяц, второй. Наконец, он пришел, но не прямо из отдела кадров и не через Олю, а через Аню, перешедшую вместе с ней из отдела Михаила, которая очень желала, чтобы он оказался там. Потеряв терпение, она сама пошла узнавать к заместителю директора по кадрам и режиму, когда же решат вопрос о приеме на работу Горского.

– Он нам подходил, и вопрос о зарплате тоже был решен. Но Ольга Александровна информировала нас, что он к этому времени нашел себе другую работу.

С Аней, удивительно умной, способной самостоятельно мыслить, достаточно молодой и обаятельной женщиной, принципиальной и ценящей принципиальность в других людях, у Михаила были теплые, доверительные и в то же время деликатные отношения. У нее был муж и двое детей. По каким-то причинам, относящимся именно к мужу (или исходящим от него) – скорей всего, тривиальным, она собиралась расстаться с ним. Видимо, он был интересным человеком нервно-интеллигентного типа, у которого и для которого собственные интересы и увлечения составляют первейший приоритет в жизни. Аня же была достойным и гордым человеком. Обмануть ее наблюдательность муж не мог, да, скорей всего, и не особенно старался. Зная о тяге Михаила к горно-таежным походам, Аня как-то раз принесла показать ему несколько фотографий, сделанных мужем в экспедиции в Сибирь, куда он однажды нанялся рабочим. По ши-

рине и характеру реки и берегов, он решил, что это скорей всего Саяны, и сам не зная в точности, почему, спросил: «Это Восточно-Саянская Уда?» Оказалось, он угадал, хотя сам на Уде никогда не был. На одной глянцевой карточке был муж, на другой – два медвежонка на галечном берегу у ног людей. «Они что, от матери отбились?» – поинтересовался Михаил. «Трудно сказать, почему, но медведицы они не видели», – ответила Аня. – «Ну, в этом им повезло!» – покачал головой Михаил. – «А что? Могла напасть?» – «Запросто!» – сказал Михаил.

Аня, конечно, прекрасно знала, какие отношения связывают Ольгу и их общего начальника, и, как иногда казалось Михаилу, даже про себя жалела об этом, а может, жалела и его тоже. Теперь, когда она сообщила о великолепном Олином ходе конем в игре под названием их «совместного» перехода на новую работу, Михаил точно мог сказать, что Аня его жалела и жалеет.

– Понятно, – собрав в кулак самообладание, отозвался ей Михаил.

Будь у нее другая возможность передать ему свое открытие, она бы предпочла сама не делать этого. Но посредников не было, да они и по существу исключались в деле, где заинтересованными сторонами являлись не только Ольга и Михаил, но и Аня с Милой, считавшие дни и недели, когда он присоединится к ним. Теперь Аня посчитала своим долгом показать, с кем он на самом деле связался.

– Вы очень расстроены? – услышал он голос в трубке.

– Порядком, – подтвердил он, – хотя вообще-то в мыслях я уже допускал и такой оборот событий. Не волнуйтесь, Анечка, я вам действительно очень признателен. Всегда лучше знать истину, чем не знать. Не скрою, больше хотелось верить в другое, но против факта не попрешь. – И после паузы добавил:

– Можете мне верить. Я это учту.

Ему хотелось убедить Анечку, а через нее и Милу, что новость не раздавила его. Да, он подпал под очарование и власть роскошной женщины и ее великолепного тела. Подпал под власть – это так, но не попал в рабство. Теперь ему предстояло долго работать над собой, чтобы покончить с Олиным влиянием на себя, – прежде всего на свою память и воображение. Он даже был уверен, что быстро, враз, это не получится. И рассчитывать в этом деле можно было на помощь только с одной стороны – со стороны чувства собственного достоинства. Нельзя было ни унижаться, ни стремиться унизить другую сторону, как не имело смысла в чем-то упрекать даму, решившую, что ее дальнейшая жизнь будет гораздо лучше без него. Вот только с этим последним фактом и предстояло в дальнейшем считаться.

Все остальное утратило какой-либо смысл.

И сейчас не имело значения, верит ли Анюта в то, что у него достанет силы воли, чтобы освободиться от влияния Оли, или не верит. Это следовало доказывать не ей,

а только себе. А себя он худо-бедно все-таки знал. И не сомневался в том, что освободится безусловно и непременно. Никакой другой исход его в этом деле не устраивал. НИКАКОЙ. Даже если Оля сама предложит ему вернуться к прежнему положению вещей. Что ж, спать с ней после этого, он, вероятно, сможет, но любить и самому добиваться этого снова безусловно не станет – нет, нет и нет.

За все время, прошедшее после постельного сближения с Ниной, Михаил не прерывал дружеских отношений с ней. Но спали они вместе еще всего два раза – причем в обоих случаях Михаил брал ее с собой в подмосковные походы на выходные. Возможно, могли бы и чаще, будь Михаил настойчивей. Но сначала его сдерживало чувство вины перед Олей – он понимал, что по счету настоящей любви позволил себе больше, чем имел на это право с точки зрения принципа равных возможностей у членов любящей пары, а потом к этому его стала обязывать и деликатность. Нина вступила в жилищный кооператив, во главе которого встал оборотистый гешефтмахер Лемар Лернер, столь неспособный в вопросах классификации, и теперь ей срочно нужны были деньги на первый взнос за отдельную однокомнатную квартиру. Принимать разных любовников порядочной женщине в коммуналке всегда неудобно, а уж в чем – в чем, а в Ниной порядочности Михаил сомнений не имел. Нина позанимала денег у всех родственников и все-таки ей не хватало. Узнав об этом, Михаил предложил Нине деньги, которые

завещала ему недавно умершая бабушка, взяв с нее слово, что деньги не будут стоять между ними, и она вправе будет отказывать ему в случае чего точно так же, как если бы не была ничего должна. В ответ прекрасная благодарная Нинон порывисто поцеловала его в губы. Дорого стоила их безотнoсительная к постели душевная близость – гораздо больше того, чем он мог ей помочь. Нина по своей инициативе и раньше не напрягала его. Означало ли это, что ее любвеобильная натура удовлетворялась параллельно с кем-то еще, Михаила не беспокоило. Он полагал, что да. Более того, он бы удивился, узнав, что это не так. Но вот появилась же в его душе уверенность, что раз Нине с кем-то хорошо, для него это тоже совсем не плохо. Просто он любит замечательную женщину без каких-либо претензий, дружит с ней, дорожит ее отношением к себе и ее преданностью в дружбе с ним по всем остальным делам, которые не касаются постели. Всепоглощающей такая любовь действительно не была, но ведь это признавалось обеими сторонами с самого начала. А разве такая любовь очень сильно уступает всепоглощающей? По чести – нельзя было сказать, насколько, а теперь – так вообще трудно было ставить такой вопрос. Вот только в том случае, если тебя тянет только к одной, причем желать себе другую и в голову не приходит, – когда ОДНА женщина способна воплощать в себе весь женский пол – тогда да, преимущества всеобъемлющей любви вполне очевидны. Так вроде бы и обещали развиваться его отношения с Олей. Но вот по-

ди ж ты – и он без особых расстройств отклонился в сторону, и она вот отклонилась в свою. Вполне возможно – в ответ. Хотя нельзя было исключить и другого – что Небесам не был угоден этот брак. И вот ему был представлен соблазн, удержаться от которого Михаил не пожелал (и был впоследствии за это наказан), а ей показалось соблазнительным и заслуженным стать самой себе начальницей без бывшего возлюбленного, и она тоже не упустила открывшейся возможности, обещающей дальнейший карьерный рост. Претерпит ли Оля какое-то наказание за это – Михаил затруднялся сходу сказать, а размышлять на сей счет не видел никакого смысла. Даже если нет – разве это должно было его обидеть? То, что она успела искренне отдать от себя, заслуживало только благодарности, причем преогромной. То, чего она не могла или не хотела отдать, было целиком в ее собственной юрисдикции. Нравилось это Михаилу или не нравилось, не имело никакого отношения к той реальности в ее голове, из которой она единственно и должна была исходить. Все другое могло быть вызвано только проявлениями жалости к нему, а на кой ему нужна была ее жалость? Чтобы смягчить разрыв? А зачем пытаться его смягчать? Разрыв есть разрыв, и ничто другое заменить эту истину не может. Да и зачем ей тратить на жалость свои душевные силы, тем более, что и ему это не нужно?

Так думал он, мобилизуя внутренние силы для борьбы против драгоценных образов, вольготно развернутых вооб-

ражением. Одного только он не мог себе еще представить теперь: куда дальше пойдет его путь – с кем.

А Аня и Мила со своей стороны тоже решили, с кем им стало не по пути. Достаточно скоро после того разговора, в котором окончательно выяснилось, кто ждал, а кто не ждал Михаила на «почтовом ящике», обе сотрудницы Ольги Александровны одновременно подали заявления о своем уходе. Они вместе ушли на другой «почтовый ящик», где уже Аня стала начальницей. Ольга без них осталась как без рук и Михаил догадывался, что и Аня, и Мила сделали этот шаг с особым удовольствием, воздавая тем самым женщине, которую их бывший шеф полюбил еще до того, как встретил и ту, и другую сотрудницу, тогда как каждая из них за свое отношение к нему заслуживала любви куда больше, чем Ольга. У Михаила были основания считать именно так. О том, что Мила любит его и сожалеет о том, что он занят Ольгой, хотя и ей он хотел уделять какую-то часть себя, видимо, не знал больше никто. А вот что и Ане он стал далеко не безразличен, Михаил начал догадываться слишком поздно, когда она вместе с Милой тосковала без него на новой работе у Ольги. Простили ли они ему, что не сумели оторвать его от любовницы, которая, как они считали, уступала им в уме да и в прочих достоинствах, где разница в их пользу была не столь заметна, и которая в конце концов расчетливо предала его, думая, что все будет шито-крыто? Этого Михаил с уверенностью сказать не мог. Женщины многое способны

прощать тем, кого сильно любят, но вот чего подавляющее их большинство простить органически не могут, так это то, что ВМЕСТО них они любят другую.

– Бог ты мой! – думал он, пытаясь увидеть себя их глазами. Они-то не были ослеплены Олиными прелестями, как он. Они-то видели, что он не считает нужным проверять ее и перепроверять. Им было ясно, к чему идет дело. И, наконец, для того, чтобы у них появилось желание полностью простить его за связь с Ольгой, им теперь не доставало уверенности, что он избавится от зависимости от нее.

– Избавлюсь! – мысленно пообещал он и Ане и Миле, наперед зная, что действительно избавится, несмотря на буквально клеточное сопротивление внутри себя этому решению. Все-таки он уже кое-что знал о себе, хвастать нечем, но ведь не впервые доводилось переживать и в конце концов изживать из себя неудачную, неразделенную или прерванную не им любовь. Мало радости подниматься из руин, спорить не о чем, но ведь поднимался же с Божьей помощью и никогда не стыдился фиаско именно потому, что переносил поражение стойко, не теряя достоинства. Просто замыкался в себе, не позволяя унижить себя ни чужой, ни тем более, собственной жалостью, упирался и все – до тех пор, пока прошлое не переставало тянуть к себе назад вопреки его воле идти вперед и искать новое счастье с другой женщиной – другое и настоящее. Главное тут – не обольститься никакими иллюзиями насчет того, что все вернется, что все в этой жиз-

ни бывает и еще может быть. Ничего не вернется из главного. А держаться за осколки второстепенного, третьестепенного и так далее – какой смысл? Довольствоваться ее или своими или обоюдными уступками в память об общем воодушевляющем прошлом? По привычке провести вдвоем время в постели, наперед сознавая бесперспективность этой имитации не то что любви, но даже просто получаемого прежде удовольствия? Да, наперед можно сказать – будет не противно, но все равно это будет жалкий акт, как поминки по уже неблизкому родственнику – с той только разницей, что на поминках исполняешь всамделишный долг перед покойным, а какое исполнение долга, тем более приятное, можно увидеть в соитии после пропажи любви? Легких побед над собой у него никогда не бывало, в любви ли, в походе ли, словом, везде, где требовалось перемогаться, чтобы не выглядеть хуже других. А ведь от природы, да и по воспитанию тоже, он был заметно хуже многих и в физическом, и в волевом отношении. В детстве часто болел, и потому в семье его старательно оберегали от того, что могло бы стать труднопереносимой нагрузкой для слабого организма. Это тоже способствовало тому, что он был более хилым в сравнении с большинством сверстников. Михаилу не слишком часто приходилось об этом жалеть, хотя, конечно, случалось. Но всерьез поставил его в общий ряд, где от всех участников требовалось терпение и воля перед лицом напряженной работы, первый туристский водный поход. Гребля, особенно для нович-

ка, всегда тяжкий труд – недаром преступников, заслуживших каторгу, посылали на галеры. Приходилось перемогаться каждый день по многу раз. А первый пятидесятикилометровый пеший переход в том же походе с увесистым рюкзаком запомнился ему, как тяжелейшее испытание. От позорного отступления, вернее – отступничества от походов – спасло его только одно – на всю оставшуюся жизнь он утвердился в убеждении, что только в ходе тяжелых испытаний вдали от привычной городской цивилизованной жизни можно познать действительную красоту мира, какую больше не откроешь для себя нигде. Награда оправдывала перенесенные труды и невзгоды. Из них выходил обогащенным, даже если изнурение казалось превышающим человеческие возможности. А еще помогало – да еще как! – напоминание себе о том, что другим людям выпадало переносить и гораздо большее, чем выпадало ему, и они это все-таки переносили, не теряя достоинства. Так какое же он имел после этого право ослаблять давление на себя, если хотел преодолеть в себе хилость и стать заслуживающим уважения человеком со стороны спутников, которым ничуть не легче, чем ему? Ответ был один – никакого, и так он начал шаг за шагом делать свой характер более адаптивным ко все более усложняющейся работе при возрастании категорий походов в маршрутах, которые прямо-таки манили к себе. Выяснилось, что получается. Неравномерно, но все же монотонно, то есть хуже, чем было до этого, он себе не казался.

И в любви получалось так же. Неминуемые испытания вынуждали быть готовым как к получению высочайших наград, так и к внезапным отставкам. Поручаться за вечную прочность отношений, которые имели высшую ценность в его глазах, он, приобретя известный жизненный опыт, явно не имел никакого права по логике вещей – она, эта самая логика, имела мало общего с логикой, в соответствии с которой мозг строил себе мечты, иллюзии, которые тоже сбывались, однако не в полном объеме и далеко не всегда. А несбывшуюся их часть, тем не менее укоренившуюся в сознании, приходилось оттуда выбивать, перенося силой воли на будущий случай с этого, закончившегося неудачей и уже никак не способного дать ему счастье. Но вот уж от его-то поисков Михаил отказываться не собирался, как и от поисков новых красот в общении с природой. Разве хотелось жить для чего-то другого? Ну, а то, что обстоятельства, как бы помягче сказать, нередко обрекали его на сопротивление кому-то и отчего-то, перестало удивлять его достаточно давно. Значит, на Небесах ему определили именно такую долю. Чтобы он научился изворачиваться, но идти к цели, не доходить до исступления и отчаяния, когда не видно выхода и почти не осталось сил, и вот получать после этого уже почти неожиданную награду за выдержку, за перенесенные трудности и даже за риск. Поскольку он неотделим от непредсказуемой жизни.

Александр Бориспольский руководствовался своими представлениями о том, как следует жить в данное время

в данной стране. Поскольку за пределы СССР никуда кроме Израиля (он же тебе Австрия, Италия или Америка) выехать ему было нельзя – да и не тянуло, он взял себе за правило вести себя так, чтобы сохраняя вольномыслие, ни на чем криминальном, с точки зрения властей, не попадаться. И в этом почти невинном занятии ему везло. Да, в институте, особенно в Первом отделе, он слыл неблагонадежным, но больше как болтун, нежели как человек, способный чем-то, кроме несерьезного трепы, вредить советской власти. Будто ему не говорили, да и сейчас сам не знал, как власть поступает с интеллигентами, бросавшими ей даже невинный бессмысленный вызов. Вот как, например, свалившаяся на беду в этот институт Лариса Богораз. Чего ее понесло во все тяжкие? Кандидат наук, работа не бей лежачего, занимайся своим лингвистическим делом, пока тебе разрешают. Так нет! Муж ее, Даниэль, написал и издал под псевдонимом «Абрам Терц» во Франции антисоветский роман или что-то в этом роде. Думал, небось, что под псевдонимом его никогда не сыщут. Сыскали. Припаяли срок за его художества. Думали, хоть жена образумится. Так нет – подавай ей свободу личности, свободу издания. Свободу волеизъявления и прочей лабуды. А в итоге и себе жизнь окончательно испортила, и никого не всколыхнула и за собой не повела. Не оказалось желающих. Вот и тот же Бориспольский не пожелал. А ведь трепаться-то по углам он любил даже больше, чем Лариса Богораз, зато демонстрировать не осмелился. Хоть на это хвати-

ло рассудка.

Много ли было проку науке и институту, а, следовательно, и всей стране, от так называемой интеллигенции, начальник первого отдела Александр Иванович Райков сказать не мог, однако сомнения были серьезные. От кого была существенная польза Родине? От людей. В том числе от евреев, которые беззаветно верили в светлое коммунистическое будущее, были настоящими патриотами и не жалели ни сил, ни здоровья, чтобы стране ничто не угрожало, а сама она могла процветать. Ведь таких – Александр Иванович знал об этом точно – от друзей и бывших коллег, которых направляли служить в разные сферы, в разные слои общества – было совсем немало, например, там, где разрабатывали ядерное оружие и где евреи составляли чуть ли не львиную долю разработчиков. Либо они там все, как один, были куда умнее. Либо их там хорошо сумели причесать-приголубить, что они и думать не смели ни о чем другом, кроме как заслужить себе вид на удобное жительство среди нормальных членов общества. Хотя нет, последнее не похоже на их положение среди тех же атомщиков. Тем давали высокие награды, жилье, дачи, снабжали лучше, чем любых других граждан – словом, заботились о том, чтобы они могли хорошо, не беспокоясь ни о чем другом, делать то, в чем нуждалась Родина.

Александр Иванович был уже в возрасте, в каком уходят на пенсию. Но зачем ему было уходить? Секретное делопроизводство в институте было совсем небольшое в сравнении

с открытым, кадров, которые могли быть привлечены к закрытым работам, тоже было немного. Так что вести свое хозяйство он мог без особых хлопот. Проследить, чтобы все имеющие допуск, своевременно знакомились с новыми инструкциями, с перечнем вопросов, подлежащих засекречиванию, следить за ходом выборных кампаний, чтобы все шло как по маслу, начиная от выдвижения кандидатов в депутаты и проведения их встреч с избирателями и кончая обеспечением надежными людьми в избирательных комиссиях, в агитпунктах, в народных дружинах и прочей суете, где конечно, в паре с ним работало и партийное бюро института во главе с секретарем, но главные организационные вопросы все равно решались через него. Служба приучила Александра Ивановича к немногословию и порядку субординации. Он без рассуждений подчинялся высшему начальству и был уверен, что находящиеся ниже его также должны беспрекословно выполнять передаваемые через него приказы и инструкции, что они и делали, за исключением таких редких случаев, как с Ларисой Богораз.

Собственно, по линии первого отдела и от Ларисы Богораз ничего, кроме лояльности не требовалось. Она, Слава Богу, не имела допуска к секретным работам, по работе же, которая велась в открытом режиме в ее отделе, даже документы «для служебного пользования» проходили довольно редко – он проверял – но вот ее поведение было недопустимым вызовом существующему порядку, а как раз за это-то он в первую

голову и отвечал. Охота ему была, чтобы из-за таких тупых затейников, как Лариса, его погнали с хорошей работы, испортили ему послужной список? Ни в коей мере! Самое правильное было бы немедленно выгнать Богораз с работы, чтобы духу от этой заразы в институте не оставалось, но пришло указание: пока не гнать. Видно, уже такой антисоветский вой за рубежом пошел, что усилить его сочли по какой-то причине пока не уместным. А на взгляд Александра Ивановича ну что тут могло быть неуместным? Как нас до этого не любили, так и после не станут любить ни больше, ни меньше. Что бы мы тут ни сделали, все будет им плохо. Так чего обращать внимание на вещи, которые ни на что совершенно не повлияют?

Александр Иванович Райков любил определенность во всем, и в данном случае – логическую определенность, которую было просто глупо отрицать, а нарушать было глупо особенно. В одном только он шел на отступление от этого принципа – когда речь шла о нем самом. Например, он никому в институте, исключая тех, кто имел право знать, не говорил ни о своем звании, ни о роде занятий в органах госбезопасности. Вот начальник отдела кадров Морозов не скрывал от подчиненных, что он полковник КГБ. Горскому он даже однажды доверительно рассказал по подходящему случаю (а речь пошла о войне), как его послали навести порядок на одной речной переправе во время немецкого наступления. На западном берегу – ад. Сумасшествие бежен-

цев, смешивающихся с воинскими частями, тоже напиралыми с разных направлений к мосту, который, хоть разорвись, всех пропустить был просто не способен. И все это под аккомпанемент частых бомбежек, и хотя немцы больше старались попасть по мосту, береговой толчее тоже хорошо доставалось. Тут тебе живые ходят по трупам и не оглядываются. С большим трудом с помощью приданного взвода автоматчиков кое-как удалось наладить очередь. Стало чуть полегче – и тут на тебе – сквозь всё и вся к мосту прокладывает дорогу танковая колонна, во главе ее – генерал. Я ему тычу свое предписание – будь здоров кем подписанное, а он меня, даже не читая, покрыл матом в три наката и отдал своим приказ, немедленно начинать движение по мосту – это вместо того, чтобы организовать оборону и дать возможность скопившимся войскам организованно перейти на другую сторону. Ну, и что тут сделаешь? С моим пистолетиком и несколькими десятками автоматов танки не остановишь. Так они и пробились себе на восток. Вот тогда Морозову стало понятно, наверное, впервые в жизни, что значит война и что значит сила и власть. Этот генерал спасал ценнейшую технику – танков тогда ох как не хватало – видно, страшно боялся, что при очередном налете немцы все же раздолбают мост, куда он тогда денется без танков? У него свой расчет на то, что важнее для страны, но кроме расчета – еще и реальная сила. А Морозову, тогда еще лейтенанту или капитану, надо было свой приказ выполнять в то же са-

мое время, на том же самом месте и переправлять на другой берег людей, архивы и ценности, эвакуированные из оставленных войсками областей. На войне, как оказалось, ничему не было места кроме эгоизма, в том числе и разумного, служебного, но все равно частного, а об общей пользе там вообще не было кому заботиться и, тем более, не существовало способа достичь этой пользы с минимумом потерь как для своих, так и для всех. Это даже не имело почти ничего общего с жертвами в шахматной партии, когда в результате бывает достигнут стратегический успех в последующих ходах – это были просто потери, бездарные, бесполезные потери, минимизировать которые те или иные начальники пытались только для себя, не глядя ни на что другое по сторонам. Конечно, даже в таком хаотическом гамбите удавалось что-то спасти, но спасение достигалось по случаю, а не по системе, причем действующим началом для достигнутого успеха являлась грубая сила – почти столь же грубая и неодолимая, как та, которая гнала массы людей после развала фронта и не признающая никаких расчетов, никаких интересов, кроме своих. Дисциплина в обществе, особенно в войсках, всегда держалась на страхе. Органы безопасности бесстрашно мордовали народ, армию и всю страну, потому что большего страха, чем перед ними, на этой территории не было. Но когда страх наказания за неподчинение органам сошелся со страхом перед беспощадным врагом, они спасовали, не имея сил и средств раздуть страх перед собой до та-

кой величины, чтобы свои подданные ощущали его сильнее страха перед противником.

Михаил Горский так и не понял, по какой причине Морозов рассказал ему о сцене своего бессилия еще в прифронтовой полосе, тогда как на самом фронте наверняка было куда страшнее. Не похоже было, что он пошел на это из каких-то своих госбезопасных соображений вызвать Михаила на откровенность в обмен на откровенность с его стороны. За все время разговора он ни о чем не спрашивал. По существу это был монолог трезвого, как ни странно, человека, которому отчего-то понадобилось облегчить свою душу, возможно, чем только не запятнанную, исповедуясь, скорей всего, не в самом тяжком или страшном эпизоде своей жизни. Казалось бы, полковник госбезопасности Морозов нашел для себя столь же спокойные условия в той же спокойной гавани, в которой бросил под конец жизни якорь полковник госбезопасности Райков. Но нет, оказалось, что не совсем. Не так уж редко полковник Морозов отправлялся за рубеж руководителем либо спортивной делегации, либо туристской группы – об этом Михаилу было точно известно от Нины – подтверждая тем самым справедливость молвы, что «из органов не уходят». Был еще один случай, говоривший о том, что у служаки Морозова еще был порох в пороховнице. Владимир Школьник, правая рука Дианы Прут, бывший армейский лейтенант, ради укрепления своего положения решил вступить в коммунистическую партию, скорее всего с одоб-

рения своей начальницы. Титов-Обскуров передал заявление Школьника Морозову для, так сказать, предварительного собеседования. Неизвестно, пользовался ли Морозов каким-то подсказками из партийных или КГБешных архивов, проявил ли профессиональную чекистскую интуицию, но он в два счета вынудил Школьника признать, что он уже во второй раз пытается стать кандидатом в члены партии, о чем в своем заявлении не указал. В итоге беседы Школьник был так испуган возможными последствиями своей «неискренности с партией» (это был официальный термин), что на следующее же утро подал заявление об уходе. После перевода Ламары это была вторая потеря в секторе Прут, причем гораздо более серьезная. Он был конфиден- том Дианы, а, главное, весьма исполнительным, нерассуждающим, послушным подчиненным, каковым, очевидно, и был воспитан в рядах советской армии. Фактически в его лице она сначала обрела, а затем потеряла надсмотрщика, на которого вполне могла положиться в свое отсутствие. Другого такого она при всем желании не сумела бы себе найти, тем более, что подобную фигуру уже Горский как зав отделом мимо себя к ней бы уже не пропустил.

Так что на поддержку своей линии внутри сектора Диане рассчитывать больше не приходилось. Ситуация еще более осложнилась для нее, когда стало известно, что Титов-Обскуров собирается внедрить своего соглядатая-надсмотрщика не только внутри сектора Прут, а в весь отдел Горского

в амплуа его заместителя. Узнав о намерении начальства, Михаил тоже не пришел в восторг. Дама примерно его возраста, работавшая до этого в закрытом спецхране Ленинской библиотеки, член партии, свекор которой и сейчас служит в КГБ, да и муж, видимо, сотрудничает с конторой тоже, хотя служит в генштабе вооруженных сил. Фамилия ее была Басова. Михаил понимал, что заместителя директора не устраивает, что он не очень много знает о людях и делах в отделе Горского, а потому если не сейчас, то потом он все равно воткнет своего осведомителя в штат отдела, где постоянно не хватало людей. Кроме того, Михаил не был уверен, что в случае его несогласия с кандидатурой Басовой, ее вопреки его мнению в отдел не внедрят. Что он тогда должен будет делать? Сотрясать воздух бесполезными протестами или уходить вообще? Первое совсем не устраивало. Михаил не любил осуществлять что-либо, не имеющее смысла. К тому же это сразу же гарантированно породило бы конфронтацию с Басовой, отчего могли произойти только неприятности и убытки, а прибыли не было бы никакой. А если продемонстрировать изначальную лояльность к будущей заместительнице, все-таки будет сохранен шанс на то, чтобы установить устраивающий всех модус вивенди. Ну, а второе – уход в знак протеста из института был по-прежнему не обеспечен. Бежать в пустоту Михаил себе позволить не мог. А потому, когда Титов-Обскуров вызвал его к себе, и Михаил увидел сидящую в его кабинете жен-

щину, он понял, что это Басова и что через несколько секунд ему придется принять окончательное решение. Михаил поздоровался, женщина ответила. Оба они внимательно и оценивающе вглядывались друг в друга, прежде чем заместитель директора произнес то, что было до последнего слова известно заранее: – «Познакомьтесь, Михаил Николаевич. Это Лидия Анатольевна Басова. Директор института и я как секретарь парторганизации рекомендуем ее в ваш отдел на должность заместителя начальника. У нее подходящий опыт работы по индексированию печатных изданий в Ленинской библиотеке, она член партии. Прошу ее любить и жаловать». Михаил встал и протянул ей руку. Басова тоже встала и встретила рукопожатие явно с улыбкой облегчения. Видимо, сомнения в положительной реакции на данное назначение имелись и у нее. Первые впечатления от личного знакомства были у Михаила не очень определенными: внешне недурна, хотя и не обаятельна; сложение и лицо выдают простонародное деревенское происхождение, что в глазах Михаила вовсе не было недостатком – грудь большая, бедра широкие, в талии не толста, хотя все-таки выглядит старше своего паспортного возраста, а глаза ее не источают чарующей лучистой энергии, которая могла бы одухотворить физическое существо. И все-таки что-то неопределенное в облике женщины говорило, что надежда установить с Басовой взаимоприемлемые отношения небеспочвенна. И в самом скором времени предчувствие подтвердилось. А ускорите-

лем их – если не сближения, то некоей солидарности – стала Диана Марковна Прут. Эта-то не сомневалась, что Басова – просто подсадная утка, неумная и пошлая, к тому же представитель не УДК, а ББК (в отличие от Дианы Михаил сразу уверился в том, что для Басовой буквы ББК вовсе не являются девизом на знамени. Понадобится работать в Ленинке – освоит ББК, а если в другом месте будет принято что-то другое, к примеру та же самая УДК, освоит и это другое). Короче, в облике Басовой Диана сразу распознала явного врага и даже не подумала скрывать своей неприязни и презрения. Это было очень неосмотрительно. Лидия Анатольевна явно была не из тех, кто покорно прощает нанесенные кем-то обиды. Это стало особенно ясно после того как в отсутствие Михаила в отделе на глазах у сотрудников произошла знаменательная сцена, которая была в деталях доведена до него. По какому-то малозначительному поводу Басова высказала вслух свое мнение, на что Диана Марковна без промедления объявила, что Басова дура, не ее ума дело решать такой вопрос, на что услышала в ответ фразу, сказанную умиротворяюще елейным голосом: «Диана Марковна, не волнуйтесь, все будет сделано хорошо!» Это было заявлено с такой завидной выдержкой (никакого бабства, никаких выкриков типа: «от такой слышу»!), что Михаилу без дальнейших разъяснений стало предельно ясно: помимо Влэдуца, Данилова и Горского особенно инициативным и непримиримым противником Прут навсегда стала Лидия Анатольевна Басова. Теперь

по поручению Горского она курировала все работы в отделе по УДК – как издательские, так и проводимые в секторе Прут. С Басовой оказалось возможным говорить не только на служебные темы. Она с полной искренностью рассказывала Михаилу о неизвестных ему деталях из бытовой жизни служащих генштаба. Так, она сообщила, что приглашительные билеты на какой-либо вечер или концерт офицеры генштаба должны были передавать своим женам под расписку. Понятие об офицерской чести в мозговом центре советских вооруженных сил на всякий (и, видимо, не лишний) случай в сравнении с традиционным сместили ... как бы это помягче сказать ... – в сторону большей формализации. Ведь слово офицера – это все равно только слово, а командование обязано было полагаться не на слова, а на соответствие действий подчиненных уставу и инструкциям, где, кстати сказать, о «слове офицера» и речи не шло. Зато начальство могло быть уверено, что вместо жены офицер не приведет любовницу, содержанку или Бог весть кого. Но по-настоящему развеселила и одновременно обогатила Михаила знанием советской жизни другая история, рассказанная Басовой.

Один офицер-генштабист со своей женой занимал комнату в коммунальной квартире, где другую комнату занимала одинокая женщина, также служившая в генштабе. Однажды офицер сообщил своей жене, что ему предстоит ночное дежурство на службе. К назначенному часу он в полной форме отправился на это дежурство. Глубокой ночью его жена

проснулась от странного шума и была чрезвычайно удивлена, увидев, что ее муж прежде времени явился с дежурства домой, да к тому же не в военной форме, а лишь в нижней рубашке и кальсонах. Изумлялась его супруга, конечно, совсем не долго – иначе какая бы она была офицерская жена – потому что появление мужа в таком виде позволило ей почти мгновенно воспроизвести всю логическую цепочку событий:

Муж захотел провести со своей соседкой-любовницей не какие-нибудь полчаса, как обычно, пока жена в магазине, а полежать с ней обстоятельно, не спеша, обладая ею без помех целую ночь. Но вот не учел офицер генерального штаба одной мелочи – что ему после интенсивной работы очень захочется писать, а горшка у соседки нет. Пришлось инстинктивно в одном белье идти в туалет. А уж оттуда его, сонного, ноги сами понесли в свою комнату, к супружеской постели, из которой он обычно отлучался по ночам по той же надобности. И в результате провалил всю прекрасно задуманную операцию, как это, кстати сказать, в практике генштаба случалось далеко не единожды, только не в коммунальных квартирах, а на полях сражений. Каков был скандал между супругами, а также между супругой офицера и соседкой на месте, Басова не говорила. Зато история была немедленно доведена оскорбленной соседкой до руководства и партийной организации Генштаба. Надо отдать должное этим инстанциям – они рассмотрели ситуацию со всей серьезностью в поисках радикального реше-

ния возникшей проблемы. С моральной стороной поступка офицера все было ясно – вклеить ему выговор по партийной линии без занесения в учетную карточку (не хватало только, чтобы за весьма распространенный грех, имеющий место в любом гарнизоне, с участием военнослужащих любого уровня и звания, в генштабе – подумать только! В ГЕНШТАБЕ! Официально и документально зафиксировать неподобающий высочайшему уровню этого учреждения, командного центра Советских Вооруженных Сил – был бы назначен выговор с ЗАНЕСЕНИЕМ!) – и всё. А вот чтобы в корне пресечь возможность в будущем новых грехопадений, было принято решение, которое про себя Михаил окрестил как Сверх-Соломоново: дать согрешившему офицеру и его жене отдельную квартиру. Это было выражением просто ошеломляющей мудрости, какую от генштаба почти невозможно было ожидать, однако вот же – она свершилась!

Безнадзорно и безнаказанно спать с соседкой – прежней любовницей – по крайней мере, в течение целой ночи – офицер больше не имел возможности – жене легко было отнаблюдать отлучки, а с ее новообретенной и обострившейся бдительностью отнаблюдать новые случаи измены и вранья труда не составляло, а во второй раз выговором без занесения он бы уже не отделался. Ну, а мир и согласие, пошатнувшееся было в офицерской семье, безусловно должны были восстановиться после того, как муж своим членом сделал почти невозможное – положительно решил для се-

бя и любимой жены проклятый квартирный вопрос на самом высоком уровне качества! Невозможно было представить лучшего решения проблемы во всей ее многогранности. Радикальней, пожалуй, могло быть только одно: добавить к тому, чего своим детородным органом добился офицер, предоставление однокомнатной квартиры его любовнице. Ведь по логике вещей она своим детородным органом заслуживала не меньшего воздаяния, чем офицер – своим. К тому же тогда была бы принципиально предотвращена возможность повторения подобной истории с участием другого офицера, поселившегося в той же квартире вместо переехавшего в другую квартиру. Но увы! Довести до полного совершенства блестящую мысль ее творцу – Генштабу – было не под силу – не имел он в своем распоряжении необходимого для этого жилого фонда! Ну как после этого было не признать, что в этом мире нет и не может быть полного совершенства?

Несмотря на достигнутую стабилизацию положения по теме единой классификации печатных изданий и документальных материалов, генерал Беланов не был уверен, что все обойдется так же хорошо в скором будущем. В связи с этим он придумал проверку идей авторского коллектива, основным автором в котором был Михаил Петрович Данилов, собрав совещание наиболее авторитетных научных работников подходящего профиля. К большому сожалению генерала сам он не знал, кого звать, а потому был вынужден полагать-

ся на предложения, исходящие от самой проверяемой троицы. К его вящему облегчению среди ведущих специалистов по созданию информационных систем ему были представлены кандидатуры четырех полковников, находящихся на действительной службе. Еще несколько человек были гражданскими специалистами. Беланов с Титовым-Обскуровым внимательно вслушивались в то, что говорили приглашенные по поводу концепции единого комплекса информационно-поисковых языков. Не без удивления они должны были констатировать, что альтернативы предложенной системе просто нет. Идею единой универсальной классификации забраковали все присутствующие. Детальный точный поиск нужной информации без использования дескрипторных словарей, по их убеждению, тоже был невозможен. В итоге совещание одобрило представленный институтом документ и рекомендовало представить концепцию к утверждению. Беланов был рад этому – шутка ли, что вместо провала, который уже казался ему самым вероятным исходом всех прошлых событий, созрела идеология, с которой можно было без стыда выступить на открытой арене. И все же он продолжал бояться – а как примут это более широкие круги заинтересованной научной общественности – не только передовики-пионеры, уже приступившие к созданию машинного поиска – их он уже слышал, а те, кто продолжал работать со старыми ручными каталогами в качестве главного поискового средства. К тому же у него никак не шло из головы, почему това-

рищ Арутюнов так заботится об обеспечении работ по изданию и использованию УДК. Может, и он рассматривает универсальную десятичную классификацию как страховочное средство, которым можно будет прикрыться в случае провала того, что предложили Данилов, Горский и Влэдуц? Все-таки она, УДК, уже есть, худо-бедно применяется и у нас, и за рубежом. И с этой мыслью он решил осуществить одну операцию, которая выглядела полезной со всех сторон.

Весьма скоро директор издал приказ по институту, в котором с целью усиления работ по универсальной десятичной классификации учреждается соответствующий новый отдел, в который из отдела Горского переводятся два сектора. Эта мера не была неожиданной для Михаила. Он сам говорил Титову-Обскурову, что УДК является обузой для отдела, основной целью которого является создание нового комплекса информационно-поисковых языков, а потому он совсем не желает заниматься этим делом. Однако это было совсем не единственной и не главной причиной. Недостающее объяснение он получил от Нины. Все оказалось намного интереснее. Директора генерала Беланова собирались снимать с работы. Формально – по возрасту. В качестве утешения и синекуры для него создали совершенно необременительную, но хорошо оплачиваемую должность председателя главной терминологической комиссии госкомитета, учитывая единственную личную склонность генерала к занятиям научной работой. Перед уходом Беланов поспешил сделать

приятное Басовой, сделав ее заведующей отделом, и в то же время полезное для себя. Он прекрасно знал, что Титову-Обскурову без него долго не пробыть на посту секретаря парт-организации института, а новым секретарем станет товарищ Басова, на благодарную признательность которой отставной генерал и отставной директор вполне может в будущем положиться. Например, чтобы синекуре его через некоторое время ничто не угрожало. Кстати, саму Нину Беланов тоже пригласил в свой терминологический штат.

Но на этом дело не закончилось. Вскоре после назначения нового директора Панферова, который до этого являлся заместителем директора смежного института, с которым Михаил был немного знаком по прежней тематике, было созвано заседание партбюро института, на котором должен был выступить с отчетом Горский. – «Интересно, – подумал Михаил. – Кто-то очень торопится представить меня сомнительным субъектом в глазах нового руководства – и особенно директора Панферова и приведенного им с собой нового первого заместителя директора института Блохина».

На заседание Михаил явился не один, а в сопровождении Данилова и Влэдуца. Титов-Обскуров предварил его выступление словами о важности рассматриваемого вопроса и о беспокойстве административного и партийного руководства текущим ходом работ.

Время от времени Михаил ловил на себе явно исследующие взгляды ряда нескольких лиц. Им не терпелось уви-

деть, как он нервничает и заранее теряет уверенность. Михаил был краток. Положение дел с тех пор, как он принял отдел, существенно изменилось. Первое заслушивание в ГКНТ у товарища Арутюнова произошло в момент, когда казалось, что дело полностью провалено. Представленные в ГКНТ ранее сделанные отчеты и другие материалы об исследованиях, проведенных в течение первых трех лет работы, были признаны экспертами совершенно неудовлетворительными. Вместе с тем, удалось убедить руководство управления научно-технической информации в том, что есть возможности выправить положение, и это было сделано благодаря проработкам вопроса силами Михаила Петровича Данилова и научному руководству, взятому на себя доктором наук Георгием Эмильевичем Влэдуцем. Оба они присутствуют здесь. Подготовленная концепция была рассмотрена созванным в институте совещанием экспертов – ведущих специалистов страны, в том числе и работающих по аналогичной закрытой тематике, докторов и кандидатов наук. После этого было подготовлено рассмотрение концепции на научном совете при управлении НТИ в ГКНТ, однако оно было перенесено на другое время под предлогом более тщательного изучения вопроса на местах, поэтому по существу концепция там еще не рассматривалась. Теперь по поводу беспокойств со стороны административного и партийного руководства института. В соответствии с координационным планом работ по проблеме, утвержденным товарищем Арутю-

новым, институту были выданы финансовые ресурсы и численность работников, составляющая восемьдесят восемь человек. В отделе ни до меня, ни при мне больше сорока человек никогда не было. – Краем глаза Михаил наблюдал за лицом Беланова. На нем уже читались признаки крайнего беспокойства, лицо начало краснеть. Михаил удовлетворенно продолжил:

– На что израсходованы финансы и численность, помимо сорока человек, остается загадкой. Штат отдела ограничен имеющейся численностью, вакансий нет. Я хочу спросить, что это было – фикция или достаточное обеспечение темы в глазах ГКНТ? Если второе, то почему финансовые и людские ресурсы ушли куда-то на сторону, не по назначению?

Физиономия Беланова уже пылала. С лица Титова-Обскурова сползла гримаса делового беспокойства – оно уже было всамделишным. Михаил двинулся дальше:

– Но и этого мало. Недавно была проведена реорганизация отдела с целью вынести из него работы по УДК. Мера правильная, я сам предлагал пойти на такой шаг. Однако как он был сделан? В приказе сказано, что это сделано с целью укрепления работ по УДК, а отнюдь не в интересах усиления работ по созданию единой системы классификации печатных изданий и документальных материалов. Теперь этой темой заняты всего двадцать человек. Тем не менее, пока что катастрофы нет. Но я должен прямо заявить, что после утверждения концепции потребуется в четыре-пять раз

больше специалистов для ее реализации только в нашем институте, как это было предусмотрено – кстати очень точно – в координационном плане ГКНТ – и это не считая организаций – соисполнителей. Безусловно, я признаю и за собой долю ответственности за то, чтобы работы по проблеме закончились полной реализацией того, что предусмотрено концепцией, однако необходимо, чтобы свою ответственность за успех дела, в особенности – в ближайшем будущем – осознавали и другие инстанции, и принимаемые ими меры все же соответствовали этой цели, а не затрудняли ее достижение. Я позволю себе напомнить, что товарищ Арутюнов постоянно подчеркивает, что добро на создание нашего института со статусом первой категории было дано исключительно в обмен на обязательство решить именно эту проблему. Если же институту это будет не под силу, его переведут в статус второй категории. У меня все.

Некоторое время в зале заседаний царил тишина. Затем раздался голос нового директора Панферова:

– А вы уверены, что концепция, представленная вами, будет скоро утверждена?

– Могу ответить одно – альтернативы ей не существует – это признали эксперты со стороны. Мы исходили из той же позиции.

– Ну, а если все-таки не утвердят, тогда что? – продолжил Панферов.

– Тогда разработку темы придется поручить другим ли-

цам. Нынешний авторский коллектив убежден, что иной подход точно приведет к провалу.

Михаил заранее не заручался согласием на такое поведение у Данилова и Влэдуца, однако не сомневался, что они его не упрекнут за подобное инициативное заявление. Они все трое думали именно так, а теперь как раз и настал момент объявить об этом во всеуслышание. Полезно было дать знать всем и каждому, что они уверены в своей правоте. Желаящих подвергнуть это сомнению не нашлось. Титов-Обскуров вынужден был подводить итог несостоявшейся дискуссии. Новому директору рано говорить о том, что и как надо делать. Бывший директор, испытавший настоящий шок, все-таки отдавал себе отчет, что Горский сказал не все, что мог, насчет того, куда Беланов подевал украденные из его отдела деньги и людскую численность – хоть без этого обошлось. Басова молчала, поскольку шуметь, выступая оппонентом Горского, ей было ни к чему – мало ли, вдруг еще дойдет до ушей Арутюнова, а тот хоть и любит УДК, все равно может взбрыкнуть – почему, дескать, надо укреплять работы по УДК за счет комплекса информационно-поисковых языков, а не из других источников? А кого-кого – Арутюнова она действительно побаивалась и всегда просила Михаила делать сообщения о ходе работ по изданию таблиц классификации вместо себя. Титову тоже не следовало светиться, занимаясь критикой авторов, которые в порядке самозащиты вполне могли поднять вопрос, а куда до сих пор смотре-

ла парторганизация и ее секретарь, зная, что целых три года упущены впустую? Титов любил произносить вслух на разных собраниях, что парторганизация имеет право контролировать администрацию в ее деятельности или бездеятельности – так чего он не смотрел? Теперь ему следовало не заострять углы, как хотелось, а наоборот – сглаживать, закруглять. Титов-Обекуров набрал в грудь побольше воздуха и как всегда, неожиданным для такой, как у него, крупной фигуры фальцетом, начал говорить:

– Надо сказать, в отделе действительно за довольно короткое время было сделано немало, в том числе и для того, чтобы завоевать положительное отношение к концепции со стороны компетентных специалистов. Совещание, которое прошло в нашем институте, действительно единодушно одобрило концепцию системы информационно-поисковых языков. Однако, полагаю, успокаиваться рано. Не зря обсуждение концепции в научном совете по НТИ в ГКНТ было отложено. Одно дело – получить одобрение у продвинутых специалистов, другое дело – заручиться согласием и содействием большинства работников научно-технической информации. Вот на это сейчас и надо обратить особое внимание. А потому представляется очень своевременным предложить отделу Горского организовать постоянно действующий общемосковский научный семинар по вопросам информационно-поисковых языков, руководителем которого я бы хотел предложить доктора Влэдуца Георгия Эмильевича. Там можно бы-

ло бы рассматривать все практические и теоретические вопросы, волнующие всех информационных работников, и помогать им разрешать имеющиеся трудности, одновременно узнавая все особенности и тонкости, встречающиеся в реальной жизни. Полагаю, это будет взаимополезно для обеих сторон. Нет ли возражений против такой рекомендации? Нет. Тогда так и запишем в решении партбюро.

– Все-таки этот сукин сын сумел загрузить нас лишней работой, раз не сумел осложнить нашу жизнь другим способом, – сказал Михаил, когда они с Влэдуцем и Даниловым вернулись в свой пустой отдел – партбюро заседало не в рабочее время.

– А! Не берите в голову, Михаил Николаевич, – махнул рукой Данилов. – Это все-таки полезная штука для нашего дела, хотя, конечно, и хлопотная.

– Бывает так, – согласился Влэдуц, – что эти попытки утопить людей в работе дают обратный эффект. Так мы и в самом деле найдем новых сотрудников и единомышленников.

– Да я тоже не против семинара. Просто подумал, что Титову-Обскурову ужас как хочется ежедневно вызывать меня то по поводу тематического плана работ семинара, то по календарному плану его заседаний, то по пригласительным билетам и списку их рассылки. Иначе ему кажется, что он не слишком часто портит мне настроение, вот он и трудится по части требований ко мне.

– Кстати, – спросил Влэдуц, – почему он Обскуров?

Михаил засмеялся:

– Конечно, хотелось бы ответить – потому что в науке он действительно обскурант, Мракобес с большой буквы, каков он и есть на самом деле. Помните, Михаил Петрович, во время сталинских политических кампаний против лженауки заголовки газетных статей типа «Обскурант под маской ученого»? Это в точности про него!

– Еще бы не помнить, – наклонив голову, отозвался Данилов. – Да и сейчас нечто подобное случается, хотя, конечно, пореже.

– Но на самом деле насчет его фамилии все проще, – продолжил Михаил, – есть город или городок – точно не знаю – с таким названием – Обскуров. По-французски было бы что-нибудь вроде Титов де-Обскуров.

– Или по-немецки Титов-фон-Обскуров, – подхватил Влэдуц.

– Ну да. А по-русски просто: без де и без фон, – сказал Михаил.

Вскоре семинар заработал – и даже на славу. Михаилу Горскому начало казаться, что Титов-Обскуров теперь начал жалеть, что придумал мероприятие, которое принесло триумvirату гораздо большую известность, чем ему бы хотелось. Институтский большой конференц-зал, вмещавший двести человек, никогда не пустовал. Михаил понимал, что такая посещаемость объясняется не только научными интересами его участников, но и возможностью вы-

рваться на полдня, а то и на целый день из надоевшей донельзя атмосферы «родных» учреждений, а то и приурочить к семинару интимное свидание с любимым человеком. Однако и к науке люди тоже проявляли интерес, и несколько человек, выступавших со своими докладами, которые прежде никому не были известны, получили прямое одобрение Влэдуца и попали на заметку как вполне готовые к самостоятельной научной работе возможные будущие коллеги. Из самопредлагавшихся докладчиков на семинаре сначала через Александра Бориспольского, затем лично стал проситься преподаватель филологического факультета МГУ Валов. Тема, которую он предлагал, звучала несколько странно для ушей руководства семинара: «Информационная лингвистика». Разве не весь язык целиком, как говорится, со всеми потрохами, служит информационным средством, обеспечивающим любое взаимодействие людей? Влэдуц заподозрил неладное и на всякий случай в качестве оппонента пригласил своего коллегу из отдела семиотики Виктора Константиновича Финна. Оказалось – не зря. Доцент Валов решил использовать трибуну семинара для провозглашения декларации о рождении в этот знаменательный день новой научной дисциплины – информационной лингвистики, отцом которой, разумеется, предлагалось считать доцента Валова. Он раз десять, если не больше, произнес слова «информационная лингвистика» в компании с агитационными ораторскими штампами, но ни разу не пояснил ни предмета этой новой

научной дисциплины, ни методов исследования собственно информации в рамках этого научного «новообразования».

Горский поймал себя на мысли, что ему прежде всего жалко смотреть на докладчика. Пожилой человек стоял за кафедрой и явно хотел запомниться присутствующим неким героем,ждавшим часа проявить себя и завоевать часть территории окружающего мира, потому что ему уже тесно там, где он есть. Этот человек по возрасту был старше всех находящихся в зале и ему уместней было бы выкрикивать свои лозунги сидя не только потому, что он был старше всех, но и потому, что потерял на войне одну ногу. Но наверное, и это входило в расчет – вот – смотрите, какой он волевой и дееспособный, как ему по жизни плевать на свой изъян, для него это не важно, потому что главное другое – он все равно вождь и именно поэтому стоя зовёт под свои знамена людей, желающих осчастливить человечество с помощью информационной лингвистики. Однако все это в совокупности производило обратное впечатление. Человека, чье тело покалечила война, язык не поворачивался назвать именем, которого он заслуживал по смыслу произносимых слов – точнее – по отсутствию в его словах какого-либо смысла: это был портной из сказки Андерсена, убеждающий голого короля в великолепии его одежды. Правда, он защищал Родину и потерял ногу, но зато на этом основании полагал, что ему простительно говорить и делать то, что непростительно было бы делать нормальным, так сказать, полночленным кол-

легам. Все вместе выглядело мучительно, стоящий через силу на протезе человек, его напыщенная пафосная пустоপরজন্য речь, его амбиция импотента, желающего выдать себя за продуктивного производителя, роняющего свое многообещающее семя в лоно родной, но постаревшей лингвистики, которую, как предлагалось отныне, надо удовлетворять по-доцентски, по-Валовски, чтобы она расцвела по-новому, по-молодому.

Однако жалость к оратору, как выяснилось, испытывали не все. Михаил понял, почему Георгий Эмильевич в качестве оппонента выбрал из всех коллег профессионального логика Финна, начисто лишённого сантиментов, а если точнее – принципиально лишившего себя сентиментальности как вредного свойства для мыслящего человека в современном мире. Об этом свойстве личности оппонента Михаил знал точно – прямо из первых рук. Лет десять назад в доме великого логика и мыслителя Александра Зиновьева он познакомился с его молодыми университетскими коллегами Делиром Лахути и Виктором Финном. Насколько помнил Михаил, разговор за столом зашел об одном из романов Ремарка. Виктор Финн заметил, что роман получился бы лучше, если бы не изобилывал сантимиентами. Михаил, считавший Ремарка одним из величайших мастеров прозы, возразил, что чрезмерного множества сантиментов в нем не находит, а когда они присутствуют в меру, вещь из-за этого не портится. Да и как вообще создавать романы, если чув-

ства из них исключить? Финн не ответил, как в таком случае будут выглядеть романы, однако заметил, что сентиментальность не украшает героев. Михаил ответил, что да, если они руководствуются чувством жалости к себе, то конечно не украшает. Но если у героя жалость возникает к другим, это может объяснить его поступки и выказать небезразличие к другому существу. Больше они не спорили. По выражению лица Михаил видел, что ни в чем не убедил Финна, как и тот его. Даже больше – что Виктор и его начал презирать. Восстановить свое реноме в его глазах соседа за столом Михаилу удалось самым неожиданным образом. В бутылке, из которой они разливали по рюмкам сухое вино, осталось совсем немного – меньше, чем на три рюмки – Саша в расчет не входил, он не пил совсем – и поэтому Михаил, взявши ее в руку прикинул, сколько не доливать до края двум сотрапезникам, налил одинаково Делиру и Виктору, а остаток отправил в рюмку себе. Получилось ровно столько же за один подход. Михаил заметил, что Виктор Финн с удивлением и даже некоторым уважением взглянул на него. С тех пор они ни разу не сталкивались. Но когда Георгий Эмильевич дал слово Финну как оппоненту Валова, Михаил понял, что его характер за прошедшее десятилетие ничуть не изменился. С холодной расчетливой яростью Финн громил пустопорожние речевые построения Валова, не несущие никакой смысловой нагрузки. С этим Михаил был согласен абсолютно. Скорей всего сам Финн тоже думал о причинах, побу-

дивших Валова выступить на семинаре – в случае одобрения он мог бы звонить на факультете о всеобщем признании его идей и на гребне волны, поднятой им в научном мире, требовать от ректората и деканата открытия новой кафедры, заведующим которой должен был стать именно он, пока только доцент Валов, а в скором будущем несомненно профессор. Финн, правда, почти до конца придерживался объективистской стилистики обличения, но его завершающей фразой было: «Все это самая настоящая бол-тов-ня!»

Нельзя сказать, что после такого заключения доцент Волков выглядел растерянным. Нет, он старался показать, что он старый солдат, и убийственный огонь вроде сегодняшнего ему не внове – переживал раньше и опять переживет. Пожалуй, все в этой позе бывалого воина выглядело уместно и достойно, кроме одного: собственно от схватки с противником за свою идею он по умолчанию уклонился. Из этого логически следовало одно – с тем же громогласным детским лепетом он будет выступать где-то еще до тех пор, пока его демагогия не покажется кому-то из сильных мира сего отнюдь не жалкой и пустопорожней, потому что в стране, в которой на первом месте всегда и везде стояла политическая конъюнктура, было возможно все – и безосновательное возвышение под небеса, и немотивированное падение оттуда. Важно было только избегать опасных схваток лицом к лицу – в конце концов, искомое отношение находят не на семинарах или конференциях, а в соответствующих начальствен-

ных кабинетах, в которые надо стараться почаще заходить со своими хлопотами о великом деле, которое они предлагают развернуть на пользу любимой Родине с большой буквы – где-нибудь рано или поздно перестанут доискиваться, так ли обернется предложенное данным гражданином и патриотом, как он обрисовывает, после получения вождя поста, особенно если на каком-то самозваном форуме его демагогию все-таки одобряют.

Будущее показало, что Михаил не ошибся в своем прогнозе. И одним из самых первых адептов новой волковской веры стал не кто иной, как Саша Бориспольский. Видимо, его всегда тянуло на пути наименьшего сопротивления. Состоять в свите ближайших учеников при новом мессии можно было с куда большей выгодой для себя, чем быть апостолом Христовой веры при Спасителе. А в данном случае все сводилось к тому, чтобы успеть защитить какую-нибудь диссертацию, пока из лидера не выпустили воздух. В данной тактике – нет! Пожалуй, даже в стратегии! не было ничего глупого. Если ты собираешься забраться на высокую вершину, тебе совсем не обязательно стараться пройти по отвесной стене, да еще с нависающими участниками; к ней в большинстве случаев ведут еще и длинные, но технически простые гребни, а если на них встречаются «жандармы», то их можно пройти со страховкой со стороны тех сильных, кто уже взял высоту и под покровительством которых ты находишься. В любом случае, если ты добрался до вер-

шины каким угодно путем, ты будешь по праву считаться альпинистом. Но у сторонников относительно легких путей обычно возникает соблазн представлять себя более значимыми восходителями, чем они есть, потому что настоящее уважение (а это смесь восхищения и изумления) испытывают в первую очередь к тем, кто прошел труднейшим, часто опаснейшим маршрутом, впереди, прокладывая путь своим спутникам и обеспечивая им верхнюю страховку. Конечно, встречаются отдельно стоящие вершины, на которых никому кроме особо сильных телом, духом и головой делать нечего. Но не всем же быть Архимедами, Ньютонами, Лейбницами и другими фигурами из породы первооткрывателей – нет, не породы – они слишком редки в каждой эпохе, чтобы их можно было считать породой – это скорее редчайшие выродки (ох, как жаль, что это слово затаскано в применении только к сквернейшим представителям рода людского), исключительные выродки на почве монотонного глобального процесса развития человечества, точнее – его мыслящей части.

Саша Бориспольский честно признавал про себя, что он не из их числа, и с его данными по уму, характеру и устремлениям не стоит пробовать пробиться в эту почтеннейшую когорту. Ему достаточно было протиснуться в центурионы – это уже хлебная должность, а многого она от ее обладателя и не требует: знай себе отработанные тренерами-наставниками профессиональные приемы действий в типовых ситуа-

циях, да притом и не очень умничай, чтобы тебе щелчком по носу, а то по губе, не напомнили, что ты есть не больше того, чем ты есть. Им не место среди легатов и почетных сенаторов. Они в нижнем слое командной пирамиды, причем часто даже более несвободные, чем их подчиненные, которые несут ответственность только за себя. Обязанность руководить взыскивает очень много времени и сил с любого, кто претендует на руководство всерьез. В реальном мире при гигантской потребности в них настоящих руководителей очень мало – скорей всего, не на один, а на два, на три порядка меньше числа руководящих должностей во всей толще социума. Вот и бьются настоящие руководители почти без толку среди несоответствующих своему званию некомпетентных, нерешительных и нерешающих, для которых, правда, есть одно общее незыблемое основание: бюрократизм с его волокитой, согласованиями, переадресациями, подхалимством и взятками в качестве смазочного материала для трущихся частей ржавого механизма. Как знать, не потому ли, формируя чистокровную элиту высшей расы Гитлер и Гиммлер (упаси Бог кому-то заподозрить меня, Михаила Горского, в симпатиях к этим конструкторам Третьего Рейха и Нового порядка!), которые придумали к наименованию каждого чина в СС прибавлять слово «фюрер», то есть вождь? Не спроста ведь и в Индии все мужчины-сикхи имеют добавление к имени слово «синг», то есть лев, обязывающее их в бою проявлять действительно львиные каче-

ства. Конечно, номинальное звание вождя или льва не всегда соответствовало ожидаемому качеству личности, каким бы оно ни виделось высшим руководителям-идеологам, но оно все-таки тоже способствовало взыскательности к ней изнутри и извне, как то и следует из старинной русской поговорки: «Назвался груздем – полезай в кузов» – короче говоря, проявляй себя должным образом, а не абы как. Или вовсе никак не проявляй, но не будь тогда ни вождем, ни львом.

Нет, Саша не отвечал высшим критериям лидерства или явленного могущества. Зато он по жизни знал, как надо поступать, как не надо. Например, он извлек для себя немалую пользу из наблюдений за Дианой Прут. Сначала все у нее шло путем. Нашла себе научного руководителя – модного, авторитетного Берковича. Выбрала и утвердила тему диссертации, развернула, если так можно выразиться, эксперимент, в самый раз подходящий для поддержания основной идеи диссертации, а затем, когда уже замаячил успешный финиш, у нее все пошло вкривь и вкось. Началось с ерунды – с конфликта с лояльно относящимся к ней заведующим отделом из-за ее предвзятого, надо сказать, отношения к новой сотруднице, которой по бабским поводам не давала библиотечных дней, хотя та была не хуже других – это точно, и которая к тому же явно нравилась Горскому. Но Диана возомнила, что она умней всех и что хозяйкой положения является она, а не Горский. Горский определенно не был вредным начальником. Он предоставлял людям максимум свободы, на-

сколько это зависело от него, и никогда никого не тиранил, чтобы показать, какова его реальная власть. Но тут Дианина коса нашла на его камень. Он вовсе не считал себя пустым местом и, когда надо было, вполне определенно доказывал это на деле, а не на словах. Косе от камня пришлось отскочить с серьезной забоиной на лезвии. Косить в свою пользу после этого стало тяжелей, но Горский не стал ей мстить по мелочи и не чинил препятствий в завершении эксперимента для диссертации. Она же приняла его сдержанность и терпимость за слабость, и перешла в тайное наступление и против Горского, и против Влэдуца (Данилова она совсем не принимала в расчет, поскольку у него не было ни административной должности, ни научного веса, ни склонности к интриганству). И чем оно закончилось, это инспирированное ею тайное наступление? Приостановкой утверждения концепции Данилова, Горского и Влэдуца на полгода – только и всего. А чем оно аукнулось ей? А тем, что из-за ее мелочной амбициозности, совершенно ничем не инспирированной по сути и неуместной, она с подачи Горского была передана со своим сектором в новый отдел УДК во главе с Басовой, которую позволила себе грубо и публично оскорбить. Даже если она действительно считала Басову душой, это следовало держать при себе, потому как любая советская дура, да еще с партбилетом в кармане, да еще из кагебэшной семьи найдет очень подходящий способ расплатиться с обидчицей. Наверняка она попросила секретаря межве-

домственной комиссии по классификации при управлении Арутюнова организовать рассмотрение работы Дианы Прут по существу в кругу авторитетных экспертов. И тут ей аукнулось уже от Влэдуца, который вовсе не забыл, как она ему воткнула жердь в колеса по поводу работы, возглавляемой им как научным руководителем. Георгий Эмильевич договорился с профессором Бочваром, что Диану и ее работу рассмотрят на научном семинаре в отделе семиотики головного института, который этот профессор и возглавлял. Ну, а правая рука Арутюнова по классификации от лица комиссии позаботилась о том, чтобы на семинаре Бочвара пришло побольше народу из нескольких институтов и библиотек, где взгляды Прут на способ индексирования документов по УДК, мягко говоря, не разделяли. Саша тоже пошел на этот семинар, чтобы удостовериться в правильности своего предчувствия разгрома диссертантки, и оно его не обмануло. Первое, что бросилось в глаза – это то, что научный руководитель Дианы Илья Исидорович Беркович на обсуждение работы своей подопечной не явился совсем. Это значило, что Беркович уже точно и определенно знал, каким будет конец. Поняла это, наконец, и Диана, но отступать уже было поздно. Второе, на что невольно обращали внимание все присутствующие – это на то удивление, которое нескрываяемо выражали лица людей, постоянно участвующих в работе семинара и особенно – его научный руководитель. Такого наплыва ТАКОЙ публики они никогда еще не видели. Диана

Прут выступила бледно. Видимо, повисшая в атмосфере зала угроза лишила ее уверенности в себе, а отсутствие Беркови-ча заставило осознать свою незащищенность. Когда она закон-чила свою бездарную речь, профессор Бочвар был просто ошеломлен лавиной вопросов, в которых через слово упо-минались цифровые индексы УДК, от которых у него мути-лось в голове. В этой дискуссии для него не было никакого смысла. Затем он предоставил слово оппоненту-сотруднику своего отдела, с которым, естественно, до этого побеседовал Влэдуц. Оппонент сразу указал на то, каким расточитель-ством в смысле затрат труда чревато применение методики Прут в реальной технологии информационных фондов. Дан-ные экспериментов, представленные Прут, свидетельствуют о том, что показатели полноты и точности поиска докумен-тов по запросам никоим образом не превосходят результатов поиска при использовании дескрипторного индексирования, хотя стоит индексирование по УДК будет дороже. К тому же данные о полноте и точности поиска в рассматриваемом экс-перименте представляются завышенными и не вполне убедительными, поскольку это специально подобранные экспери-ментатором запросы, а не запросы, сформулированные ре-альными потребителями фондов, не участвующими в экс-перименте, как того требовала бы научная объективность. О представительности результатов эксперимента по поиску в массиве восьмисот документов и говорить не приходится. Судить о том, какие результаты способен дать предложен-

ный метод в массиве величиной в несколько сот тысяч документов, нельзя. Исходя из изложенного, нельзя сделать и вывод, о том что предложенный Дианой Марковной Прут метод может иметь серьезную практическую ценность. В теоретическом плане работа не содержит новых идей, являясь банальным случаем в практике многокоординатного индексирования.

Дамы из научных библиотек, работники нескольких информационных фондов примерно той же тематической направленности, какая была выбрана Прут для своей диссертации, говорили примерно о том же, что и оппонент, насыщая и даже пересыщая свои речи примерами из практики индексирования и поиска по УДК. В заключительном слове Диана не смогла ничего противопоставить дружному наскоку участников дискуссии. Сам руководитель семинара по существу дела не высказывался, осуществляя только функции ведущего заседания. Существо, если оно и было, ни в какой степени не занимало его. Частные вопросы скорее из области семантики, чем семиотики, никак не затрагивали его научного интереса. Однако, закрывая дискуссию, профессор Бочвар отметил, что практически все выступавшие отмечали низкую эффективность предложенного метода индексирования по УДК с точки зрения затрат труда и не вполне объективные методы оценки полученных результатов поиска. Из этого следует, что диссертантке следует многое пересмотреть в своей работе, прежде чем ее можно будет реко-

мендовать к защите на Ученом совете.

Не прошло и двух дней после этого семинара, как из ГКНТ за подписью товарища Арутюнова в институт уже Панферова, а не Беланова, пришло указание прекратить работы по исследованию применения УДК в режиме посткоординатного индексирования в связи с их неэффективностью и бесперспективностью. К решению был приложен протокол семинара, на основании которого и был сделан административный оргвывод. Да, что и говорить, пример Дианы Прут был и показательным, и весьма назидательным. Саша на его основании утвердился в том, что, собственно говоря, давно уже знал и без него, хотя и не принял в себя в качестве категорических императивов: нельзя перечить не только научному руководителю, но и вообще задевать каких-либо коллег, находящихся на том же самом поприще, независимо от их кажущегося веса. Диссертанту нельзя позволять себе нескромность. Об имеющихся расхождениях взглядов с другими коллегами, говорить нельзя. В крайнем случае об этом можно говорить только после защиты диссертации, утверждения ее в ВАКе и получения на руки диплома кандидата наук.

На филологическом факультете МГУ – родном и насквозь знакомом – Саша Бориспольский, разумеется, одним из первых прослышал о намерении доцента Валова организовать крестовый поход в пользу новоявленной информационной лингвистики. Он же стал едва ли не первым, кто предло-

жил себя основателю будущего научного направления в качестве помощника-сподвижника. И хотя постановка новой темы на семинаре Влэдуца с легкой руки Бориспольского ничем хорошим вроде как не кончилась (сели не считать провал перед широкой публикой серьезным достижением), Саша убедился, что Валов не унывает, что от своих претензий на то, чтобы в тихих заболоченных водах филфака поднять цунамиобразную волну с тем, чтобы она затопила еще не поделенный на кафедры остаток лингвистической земли и образовала там собственное валовское кафедральное озеро. Старый солдат, битый и перебитый на войне, все же показал характер, а то Саша после первой же неудачи с выходом в свет испугался, что может разделить с Валовым его фиаско. Единственное, что еще продолжало беспокоить Сашу – это отношение Влэдуца к тому, что Валов и его компания станут предпринимать в будущем. Ведь первый их шаг Георгий Эмильевич явно признал пустозвонством, а он своих принципиальных оценок менять не любил, авторитет же имел достаточный, чтобы при желании очень осложнить жизнь всем портным голого короля, в том числе и ему, Александру Бориспольскому. Подрывных действий со стороны Горского и Данилова Саша, правда, не ожидал, если только ни Валов, ни он сам, ни кто-то другой из адептов не будут покушаться на их вотчину, в худшем случае ограничатся молчаливым презрением к тем, кто укрепляет свои позиции в науке подобным образом (для себя такой способ самоутвержде-

ния они явно признали непригодным), но активно мешать не будут. Во Влэдуце же такой определенности пока не чувствовалось – вот как с помощью Басовой разделался с Дианой – то ли он выступит против валовцев из принципиальных побуждений (дескать, раз сказал, значит, всё!), то ли нет. Но эти сомнения мучили Сашу недолго. Во-первых, уж очень хотелось пролезть к кандидатству через эту щель – ее ведь пока еще не замуровали, а, во-вторых, присмотревшись к Влэдуцу, он понял, что тот не станет тратить свою энергию против тех, кто не будут болтаться поперек его курса. А пересечения курсов легко можно было избежать – ведь целью Валова было основать кафедру на филфаке, а не где-то еще, а эта область мало интересовала собственно информатику – разве что тех, кто пришел в информатику от структурной лингвистики. Вот их позицию следовало принимать в расчет, но Влэдуц-то пришел в информатику от химии, предложив свою фактографическую (подумать только – фактографическую, а не документальную!) информационно-поисковую систему «Фтор», на чем и заработал раньше всех докторскую степень. Теперь Сашу не очень интересовали ни модель Мельчука «смысл-текст», ни работы тех, кто топтался на подступах к машинному переводу с одного языка на другой или достигал на этом поприще первых частичных успехов, хотя он и поддерживал связи с некоторыми из них, с Ниной Леонтьевой, например.

На факультете о провале первой Валовской вылазки по-

что никто не узнал. В основном там был известен сам факт, что на семинаре Влэдуца Валовский доклад был заслушан, а это тоже можно было пустить в ход как факт прохождения барьера неизвестности, что собственно, Валов и сделал. Пока Данилов и Горский вместе с Влэдуцем готовились к решающему бою на научном совете при управлении Арутюнова в ГКНТ, Бориспольский с благословления Валова выбрал себе тему диссертации в той колее, которую прокладывал шеф на поприще лингвистики, шаг за шагом, визит за визитом к разному начальству на факультете и в ректорате, даже в ГКНТ ради учреждения новой – собственной! – кафедры.

Глава 6

С Люсей Кононовой Михаил познакомился на одном из общеинститутских сборищ в год пятидесятилетия Советской власти. В честь этого события пресса, радио, телевидение и кино словно сошли с ума. Казалось, другого повода для статей, сюжетов и фильмов в эту пору больше не существовало. Само слово «пятидесятилетие» приходилось произносить столь часто, что у многих ораторов оно превращалось в более компактное и удобопроизносимое «писселе-тие». Михаил прошел в большой конференц-зал перед самым началом заседания. Среди своих он свободного места не углядел и сел в одном из последних рядов. Здесь его окружали, судя по нескольким знакомым лицам, главным образом сотрудницы отдела зарубежной информации по стандартизации. В задних рядах можно было держаться куда свободней, чем впереди. Люди переговаривались громким шепотом. Соседкой Михаила оказалась приятная на вид молодая женщина, к которой с другого бока, а также спереди и сзади часто обращались по имени, и она, откликнувшись на зов: «Люся!» отвечала довольно низким грудным голосом, который даже в шепоте казался очень звучным. Михаил тяготился любовной неустроенностью после расставания с Олей. Он не злился на нее, но накрепко запретил себе искать с ней встреч, даже контактов по телефону, и если тако-

вые еще изредка случались, то инициатором их всегда была Оля. На смену любви к ней пока еще ничего не пришло, но вакуум внутри души тяготил Михаила очень основательно. Отрыв от прекрасной любовницы отнюдь не сблизил его с женой. У Лены шла какая-то собственная жизнь, о которой он отрывочно знал, попутно кое о чем догадывался, но это его не интересовало. По существу и здесь дело шло к разводу вне зависимости от наличия или отсутствия у него любовницы, на которой намериваешься жениться. А потому не имело никакого смысла избегать новых знакомств, в том числе и на этом заседании. После одной из удачных реплик по поводу высказываний оратора, сделанных Михаилом вслух, Люся засмеялась и одарила его поощряющим взглядом глаза в глаза. Вскоре и Михаил позвал ее: «Люся!» Оказалось, что она знает его имя и отчество. Постепенно между ними завязался разговор, продолжавшийся по дороге к Люсиному дому. Жила она не очень далеко от института, туда можно было пройти за полчаса, но они шли гораздо дольше. По пути выяснилось, что Люся инженер и тоже, как и он, окончила МВТУ им. Баумана, только лет на шесть попозже, а в своем отделе занимается написанием обзоров по системам обеспечения качества продукции в разных странах. А поскольку своей аспирантуры в их институте не было, она поступила в аспирантуру смежного института Госстандарта, считавшегося головным идеологическим центром борьбы за высокий уровень стандартов и качества продукции. Это свиде-

тельствовало об интересе Люси к делу, и ей при этом не было ни смысла, ни нужды производить халтурное фуффло в отличие от Александра Бориспольского, лишь бы только каким угодно путем – главное, чтобы легким! – стать кандидатом. С качеством продукции, производимой отечественной индустрией, дела были плохи почти во всех областях, кроме как в новейших системах вооружения, где за этим следила строгая военная приемка, впрочем, тоже дававшая сбои.

Системный подход к обеспечению высокого качества продукции в Америке, Европе и Японии заслуживал самого тщательного анализа и переноса на советскую почву. Но разве можно было переносить «идеологически чуждый» опыт просто так, без соответствующих переделок и переработок в первую в мире страну «развитого социализма»? Нет и еще раз нет! Люся своим действительно очень звучным голосом с нескрываемым сарказмом говорила, с каким маниакальным идиотизмом подменяются основные критерии и методы рационального промышленного обеспечения качества в условиях рынка при их переносе из среды, где качество стимулировалось и поощрялось конкуренцией, в среду, где то же самое предполагалось обеспечивать почти исключительно мерами бюрократического надзора. Михаил с удовольствием слушал ее, то и дело поворачиваясь, чтобы взглянуть ей в лицо, тонкое, с живыми глазами. Голову увенчивали золотисто-рыжие волосы, а вся ее высокая фигура представлялась изящно-крупной. Словом, у Михаила появил-

ся стимул к тому, чтобы интересоваться Люсей и ее делами дальше. Вскоре он узнал, что Люся не замужем (как он и предполагал по первым впечатлениям), что голос у нее кажется музыкальным неспроста – она пела в известном хоре студентов МВТУ, а, как потом убедился Михаил, могла бы петь и соло.

Люсин голос казался ему теперь неким новым особым женским качеством, которое раньше не в такой степени бросалось в глаза как один из сильнейших факторов воздействия на мужское существо, хотя он, конечно, слышал о том, как своими дивными голосовыми вибрациями знаменитая певица Полина Виардо поработила знаменитого русского литературного классика и мэтра французских писателей Ивана Сергеевича Тургенева. (Эта история была на слуху, но глубоко в сознание не входила). У жены Михаила Лены был приятный в говоре голос, в нем даже чувствовались вокальные задатки, неразвитые, но несомненные – но это особого самостоятельного воздействия на Михаила не оказывало, а вот в Люсином меццо это отдельное, самостоятельное качество, несомненно, присутствовало и производило эффект. Среди прочего Люся с юмором рассказала, что минувшим летом с компанией друзей побывала в Вятской глуши, где у одного ее знакомого работал врачом поселковой больницы шурин – хирург, как они бродили там по лесам, как привезли оттуда с собой в Москву новые слова и выражения, почерпнутые у местных проводников, такие как «каш-

ленок» и «кашлятница» (соответственно медвежонок и медведица), «пройти по грани» (то есть по узенькой просеке, оставленной лесоустроителями в ходе геодезических работ), «не шебарши» (то есть не шуми) и кое-что еще в том же роде. И тут же она предложила Михаилу как уже известному ей любителю походов, присоединиться к их компании на октябрьские праздники, поскольку на время празднования «писселетия» они снова собираются туда же, в гости к врачу. На вопросы о том, не будет ли он в тягость компании, а вся она вместе с ним или без него – в тягость единственному в округе врачу, Люся уверенно ответила – нет. Ни он не будет в тягость, ни компания – шурин Вити Карасева Саша Подосинников в прошлый раз искренне радовался их приезду и звал еще, тем более, что с компанией приезжала к нему в глушь его жена, приходившаяся сестрой жене Виктора Карасева и учившаяся в Москве. Михаил с удовольствием согласился «примкнуть».

С остальными членами компании Михаил познакомился только в поезде. Ехали почти по-студенчески, в плацкартном вагоне. Ночь до Кирова, или Вятки, предстояло провести в вагоне, а рано утром перебраться на аэродром местных авиалиний и оттуда лететь на самый север области в поселок Бажелку, стоявший на реке с названием, скорее привычным для деревни, чем для реки – Федоровке. Неизвестно было почему, но Михаил много и удачно шутил, тем самым расположив к себе компанию. Это не было присуще ему посто-

янно, но когда случалось, то случалось. Кроме уже известного с Люсиных слов Вити Карасева с его женой и свояченицей, в Бажелку отправились Миша Шварц и его подруга, по-видимому, уже и невеста, Лариса Друкер и Валерий Аронов на сей раз без пары. После детального знакомства с лернерами, гурвищами и фишами в своем отделе Михаил уже взыскательней присматривался к другим незнакомым евреям. Но эти новые знакомые выглядели, несомненно, умными и спортивными, приятно компанейскими людьми. Изящная и миниатюрная Лариса оказалась спортсменкой-фехтовальщицей, Миша с Валерой – горнолыжниками. Все легли спать на вагонные полки где-то в двенадцать ночи, а в пять уже надо было вставать. Утро, промозглое и темное, не располагало к пробуждению, но коль скоро они собрались оказаться на Бажелке в первую половину дня, пришлось взбадриваться только надеждами. В аэропорту они оказались опять-таки еще в темноте. Бревенчатый дом при аэропорте местных линий выглядел точно так же, как аэровокзал в каком-нибудь отдаленном таежном поселке при каком-нибудь прииске, но отнюдь не в областной столице. Пожалуй, только оживления здесь было побольше. В летной столовой первым, вторым и третьим блюдом завтракали экипажи самолетов, с небольшими промежутками времени борта уходили в рейс. Вскоре дошла очередь и до Бажелки. Уже рассвело. На окраине летного поля в легкой туманной дымке выстроились шеренгой сонные бипланы «Ан-2». Михаил лю-

бил эти машины и доверял им.

Это были простецкие, но надежные, как мужики, испытанные во всех мыслимых и немыслимых условиях летательные аппараты, столь же примитивно оборудованные, в том числе, к сожалению, и навигационном отношении, как деревенские же избы этих мужиков. На их крыльях, образно говоря, лежал весь груз сообщений в российской глубинке, составляющей никак не меньше восьмидесяти процентов от всей территории России, на их крыльях держались и делали свою работу всевозможные экспедиции геологов, геодезистов, лесоохраны, охотоведов, потому что не было машин более неприхотливых ни в смысле технического обслуживания, ни в смысле пригодности для взлета-посадки на почти или совсем неподготовленную полосу. Вот и сейчас они разместились внутри гулкого фюзеляжа на сиденьях вдоль бортов, покидав под ноги свои рюкзаки и сумки. Палуба была сильно наклонена, пока машина опиралась на неубираемые колеса главного шасси и маленькое хвостовое колесо. Как всегда, прямо по вещам к своей кабине прошагали, придерживаясь за стенки бортов, члены экипажа, захлопнулась и была заперта дверь, пилот запустил двигатель и почти сразу (видно, мотор прогрели заранее) машина по неровностям покатила на старт. Пилот дал форсаж на тормозах, потом отпустил их, и они быстро оказались над аэродромом. Самолет взял курс на север. Внизу вперемежку тянулись леса и болота, пронизанные кое-где руслами речек. Там, насколько

ко хватал глаз, не было протянуто никаких дорог. Вероятно, их прокладывали только зимой, но их время пока не настало. Да, без малой авиации здесь никуда нельзя было попасть.

Михаил посмотрел на сидящую рядом Люсю. Она тоже с интересом наблюдала за землей. Ее милое лицо с выбившейся из-под шапочки прядью вызывало желание расцеловать его, но, к сожалению, тут не только целовать, но и говорить не было возможности из-за рева мотора, вызывающего к тому же сильную вибрацию всего фюзеляжа. Встретившись глазами, они только улыбнулись друг другу. Остальные спутники кто смотрел в иллюминаторы, кто дремал после недосыпа в прошедшую ночь, убаюкиваемый к тому же тряской внутри самолета. Но полет продолжался не столь долго, чтобы утомить и усыпить всех. Снижение с высоты стало заметным. Это означало приближение к Бажелке.

Самолет заложил вираж над посадочной площадкой, которая, скорей всего служила, а то и продолжает служить выгоном для деревенских коров. Из наземного навигационного оборудования здесь только и были видны литеры и номера бажелского аэродрома, написанные или выложенные на скалах крыш деревенских домов – для опознания населенного пункта после потери пилотом ориентации во время полета, да так называемый «дым» – матерчатый конус с белыми и черными полосами, как флюгер, указывающий направление ветра. Но вот «Ан-2», подсакивая на ухабчиках, покатил по полю. Второй пилот спустился из кабины по вещам,

открыл дверь. Свежий воздух ворвался внутрь. Слава Богу, они прилетели.

Саня Подосинников, врач и хирург, встретил их тут же после приземления. Он расцеловался с прилетевшей женой и свояченицей, затем поздоровался с остальными. Это был высокий хорошо сложенный молодой мужчина. Мощью фигуры он напоминал одного из удалых новгородских молодцов-ушкунников, захватывавших для великого города все новые и новые вотчины на север и восток от него, причем на таких расстояниях, что как-то нелепо было говорить об экспансии одного-единственного города – это могло быть под силу разве что крупному государству.

Саня оказался гостеприимным и рачительным хозяином для всех московских гостей. Под его водительством они подошли к пешеходному висячему мосту через Федоровку. Чтобы ступить на раскачивающийся и сильно прогибающийся пролет над рекой, им пришлось подняться довольно высоко над берегом на пилон, удерживающий несущие стальные тросы, потом, после прохождения пляшущего под ногами пролета, спуститься с другого пилона на противоположном берегу. Собственно Бажелка была именно там. Саня занимал просторную квартиру при больнице, где сам себе был и главным врачом и исполнительным хирургом и Бог весть каким медицинским специалистом еще – анестезиологом, акушером, гинекологом, стоматологом, травматологом, терапевтом. В столь же универсальном амплуа при нем со-

стояли две медсестры. Жители поселка были заняты в основном заготовкой и сплавом леса, отчасти полупромысловой охотой, держали коров и всякую живность. Серьезного товарного земледелия заметно не было.

До больницы от места посадки было около десяти минут ходу. Она представляла собой довольно большое одноэтажное угловое здание в виде буквы «Г», у которой более короткая сторона была квартирой врача, а более длинная – собственно больницей.

Они все вместе позавтракали (все же действительно оказались на месте еще довольно рано утром) яичницей из деревенских яиц, а также тем, что привезли из Москвы, немного – только две бутылки водки на всех – выпили со свиданием и приездом. Затем Саня повел их по больнице. Три палаты в стационаре, процедурная, операционная, кабинет. Кое-какое оборудование, шкафы с инструментами. Сейчас, под праздники, здесь лежало всего двое больных – мальчик с переломом ноги и женщина с приступом аппендицита. Осмотр не потребовал много времени, поэтому решили без задержки отправиться на охоту. В качестве местных проводников и добытчиков с ними отправились кузнец Иван Абатуров и обслуживающий дизель-электростанцию Виктор, имя которого произносили всегда полностью и с ударением на «о», то есть прямо как на французский манер. Они больше часа шли по одной из лесовозных дорог, соединяющих лесосеки с Бежелкой. Чтобы машины с тяже-

лым грузом не зарывались в грунт, обе колеи на всем протяжении были выстланы бревнами средней толщины. Местность была монотонно ровная и, честно говоря, выглядела скучно. Да и каким мог быть вид порушенной вдоль дороги тайги, из которой даже не вывозили стволы лиственных деревьев, поваленных заодно с хвойными, если они мешали валке и трелевке последних. Да-а... Япония была бы поражена... А у нас кого это могло удивить, если древесину лиственных пород здешняя лесоперерабатывающая промышленность не думала и не желала приобретать? Рубки – так сплошные, а как иначе? Ведь дирижаблей, позволяющих избирательно выдернуть из леса сразу за верхушку спиленное в комле дерево, не дав ему упасть, не было, как бы о том ни мечтали авторы статей в промышленных и научно-популярных изданиях. Наконец, они подошли к участку, где к дороге примыкала почти непорушенная стена тайги. Собаки Ивана – Дамка (Иван называл ее Дама) и ее сын Лапик и Байкал Викторá – все были лайками. Вскоре кто-то из них побудил зайца и на голос залаявшей подвалили другие собаки. Михаил Горский рядом с Иваном вломился с дороги в тайгу, хотя они оба старались двигаться, не задевая стволов и ветвей, и Михаилу это удавалось почти как Ивану – все же опыт походов по Уралу, по Кольскому и по Саянам не пропал даром – и Михаил чувствовал, что Иван одобрительно посматривает на него. Однако погнанный собаками заяц после небольшого круга выскочил не на них, а на Ви-

кто́ра. Они услышали выстрел. Иван крикнул: «Викто́р! Зайца́-то убил?» – «Да!» – последовал ответ, и они вернулись на дорогу, которую не покинул больше никто из москвичей. Михаил, конечно, не имел права чувствовать себя героем, потому что ему не удалось даже увидеть живого зверя, тем не менее, все же ощутил себя более причастным к его добыче, чем остальные спутники. Это было смешно, и он улыбнулся. Заяц, подстреленный Викто́ром, оказался довольно крупным еще не вылинявшим из серой летней шкуры беляком. Да и чего ему было линять еще до снега? После первой добычи компания двинулась по дороге дальше. И вскоре собаки снова подняли зайца. На сей раз добытчиком стал Иван. Это был невысокого роста подвижный кряжистый человек, очень органично чувствовавший себя в природе. Он явно понимал, что москвичам это не присуще, и потому по доброте своей старался всячески облегчить общение с тайгой. Михаил, как понял Иван, в опеке не очень нуждался и этим заслужил только еще более доброе отношение с Ивановой стороны. Михаил в свою очередь тоже понял, что свою репутацию без расслаблений надо оправдывать всегда. Это пришлось доказывать прежде всего самому себе, когда уже в начале сумерек они, порядком уставшие и не получившие собственного упоения от удачной охоты, двинулись в дальний обратный путь. Первым взялся нести в рюкзаке отстрелянных зайцев Миша Шварц. Через несколько километров стало заметно, что он стал чаще оскальзываться на обледеневших леж-

невках в колее дороги. Надо было менять его в качестве носильщика, но никто не предлагался, а Миша был самолюбив и не желал взывать о справедливости или помощи. Этот человек все больше нравился Михаилу Горскому, и вскоре именно симпатия заставила его взять у Миши рюкзак. Зайцы и ему не показались легкими, а удерживать равновесие с грузом на скользкой неровной поверхности было и впрямь тяжело. Оставшаяся до Бажелки часть дороги порядком утомила, и все же Михаил испытал нечто вроде радости оттого, что не позволил себе проехаться на чужом горбу. А дома, то есть в квартире Сани Подосинникова, он взялся еще и свежевать и потрошить зайцев. Опыт у него на этот счет был чисто книжный. До сих пор в походах он добывал только птиц. И все-таки он чувствовал себя в большей степени подготовленным к этой работе, раз уж Иван и Виктор подарили им свою добычу. Михаила отнюдь не распирало от сознания своего достойного поведения – он отдавал себе отчет в том, сколь ничтожными были его успехи в борьбе с самим собой в сравнении с теми, каких достигали другие, просто он полагал, что вот как раз сейчас выпал случай научиться чему-то новому, что еще может пригодиться и в более тяжелых случаях, особенно в походах, когда после долгого и вымотавшего дневного маршрута надо в темноте да под дождем ставить палатку, добывать дрова, разводить костер и готовить пищу, а если в пути еще и повезло, то свежевать и потрошить добычу. Ничего другого в жизни промысловиков,

кроме такого опустошающего к концу суток труда почти никогда и не бывает – это Михаил знал предметно, не только из книг, а поскольку ему случалось мечтать о том, чтобы вести жизнь вольного охотника, способного устойчиво существовать наедине с природой, он и рад был случаям напомнить себе, как мало он на самом деле подготовлен к выполнению требований мечты, столь лестной для самолюбия городского жителя, изнеженного цивилизацией, и столь нереальной на практике – по крайней мере, для него – была бы такая жизнь. Трудно было точно вспомнить, кто пробудил в душе эту мечту – но одно только Михаил мог сказать определенно – кто-то из американцев. То ли Фенимор Купер, то ли Майн Рид, то ли Сетон-Томсон. В отечественной литературе почему-то не нашлось ни подобных авторов-романтиков, ни героев романов, чьи труды, приключения и подвиги будоражили бы юношеское воображение в такой же степени, в какой оно выигрывало после чтения книг американцев. Это выглядело довольно странно на первый взгляд. Две огромных страны обладали колоссальными просторами с ненарушенной дикой природой, обильной всяческой живностью и множеством неизвестных людей, очертя голову рискующих первопроходцев, умудрявшихся осуществлять без всякой нормальной тыловой поддержки, часто вообще в одиночку, совершенно невероятное, можно сказать – невозможное. Единственное, в чем была существенная разница – это во времени, когда русские и американские пионеры, в полном Гу-

милевском смысле пассионарные люди, выступили на своих материковых аренах – американцы лет двести-двести пятьдесят тому назад, а русские на два-три века раньше, когда у нас правдивой и развлекательной светской литературы еще не было и в помине, тогда как у американцев ко времени их экспансии она уже была и потому могла втянуть в себя авторов первопроходческого жанра. Других серьезных различий в положении людей, которым удалось выжить, освоить и победить в данных опасных, постоянно перенапрягающих условиях бытия пионеров и там и тут, Михаил найти не мог. То же самое, конечно, касалось и пионерской грамотности.

Зайчатина в умелых женских руках прошла на ура и в первом, и во втором блюде. Опять-таки выпили, но немного – Саня Подосинников решил сделать операцию аппендицита у пациентки, которую на днях положил в стационар с приступом. Уйти от нее на три дня, оставив взывавшийся аппендикс на месте, он опасался – мало ли что может произойти, особенно в соответствии с принципом наибольшей подлости, когда случается именно то, чему бы лучше вообще не случаться, как раз в тот момент, когда тебя нет в нужном месте. А ведь он головой отвечал за жизнь своих больных. При нем не так давно в больнице уже имела место скверная история, хотя сам Саня и не был напрямую в чем-то виноват. В больницу принесли парня, раненого в живот во время поножовщины. Саня уже оперировал, когда вдруг погас свет – что-то произошло на дизель-электростанции. Резерв-

ного источника электроэнергии в больнице не было. Продолжать ревизию внутренностей и зашивать то, что следовало зашить, приходилось при свете карманных фонариков, которыми освещали операционное поле две сестры. В основном Саня проделал хирургическую работу удачно, но один маленький разрез все-таки не заметил. А потом он себя проявил. Больной умер. Тело подвергли вскрытию, провели экспертизу, нашли незашитый разрез – прокурор сразу открыл уголовное дело против врача, проводившего операцию. Следствие, правда, подтвердило, что подобающих условий для работы у хирурга в тот раз действительно не было, а потому и не мудрено, что он чего-то тогда не досмотрел. Уголовное дело прикрыли в связи с невиновностью врача, но повторения подобной ситуации Саня совсем не желал. А хотел он отправиться вместе с гостями на три дня в дальнюю промысловую избушку Ивана Абатурова, и потому составил себе такой план. Сегодня сделать операцию, на завтрашний день ради контроля состояния остаться в поселке, сделав еще один короткий выход из Бажелки, а уж потом, если все будет в порядке, уйти на три дня. Заметив интерес к своим профессиональным делам со стороны Люси Кононовой и Михаила, он предложил им присутствовать при операции. Другой Люсе – Подосинниковой – смотреть на работу мужа было уже неинтересно.

Начиная с того момента, когда Саня скальпелем буквально царапкой обозначил место будущего разреза на живо-

те пациентки и тут же разрисовал-закрасил все поле тампоном с йодом, а потом обколол новокаином, Михаил, да и Люся тоже, поняли, что любопытство завело их куда не следовало. В свете полусферической бестеневой лампы Саня уверенно добрался до источника воспаления, достал и показал отросток, перевязал его у основания хирургической нитью, удалил этот очаг гноя, временами промокая тампонами излившуюся из тканей кровь, хотя он и поставил уже немало зажимов. Помещение операционной было просторным, атмосфера в нем довольно прохладной, но отчего-то она казалась неприятно душной, и их с Люсей стало немного мутить. Они сперва надеялись, что это пройдет, однако ничего не проходило. Тогда Михаил спросил Саню, можно ли им уйти. Саня, который уже накладывал швы изогнутой по окружности иглой, которую вытаскивал с помощью зажима, не отрываясь от дела, ответил: «Конечно, идите. Это от непривычки к запаху крови». – и они ушли. Делиться впечатлениями от увиденного ни друг с другом, ни с кем-то еще, их не тянуло. Наоборот, хотелось, чтобы выветрился не только запах крови из носа и легких, но еще и из памяти то, что выпало отнаблюдать. А ведь это было простейшее дело в хирургической работе, с которым удалось справиться без осложнений в достаточно короткое время. Что же говорить тогда о многочасовых операциях с куда более трудно достижимыми местами поражения организма, сложность которых вдруг стала особенно ясной даже на примере та-

кой элементарной и тривиальной операции, как аппендицит? Дико сложная работа, болезненная и опасная для больного, изнурительная, нервная, тяжелая и опасная для врача. А что знает о ней рядовой обыватель? Да почти ничего. Все в курсе дела, что хирург режет тело и что-то из него вырезает, но мало кто ведаёт, как трудно хирургу все им разрезанное зашивать, вообще как легко сделать разрез чуть глубже, чем надо, или дальше, чем надо, или что-то где-то упустить из вида – и так далее – всего не перечтешь. А ведь люди разные, абсолютно стандартных решений и приемов в столь многообразном множестве клинических картин быть не может – какой уж тут может быть стереотипный подход к несусветному разнообразию! В результате знакомства с реалиями хирургии Михаил понял, что от нее по возможности надо держаться подальше и как пациенту, и как наблюдателю. А еще – какой сложностью отличается эта работа, как она взыскивает с оператора и его внутренней потенции буквально все, что у него есть: и знания, и изобретательную находчивость, способность к экспромтам, и умение удерживать себя от паники, когда непонятно, что делать дальше, и Бог знает, что еще. Ведь недаром имя Творца Мира – Демиург, а корректора человеческих организмов – хирург – содержит одну и ту же корневую лексему – ург, творец. Конечно, разница между этими ургами невообразимо огромна, и все-таки этот общий корень двух разных слов свидетельствует о том, что в профессии хирурга есть нечто с оттенком Божествен-

ных возможностей, вложенных Свыше в руки людей.

Когда Саня завершил операцию, вся компания снова села за стол, и на сей раз за беседами и пением было выпито заметно больше, чем раньше. Сане требовалось расслабление, остальным просто хотелось чувствовать радости бытия. Люся пела вошедшие в моду старинные романсы и новые песни в духе цыган. Михаил далеко не все эти вещи слышал раньше, но, сравнивая Люсино и профессионально-артистическое исполнение известных ему вещей, он решительно отдавал предпочтение Люсе. Звучности, искренности, волнения, передающегося слушателям, ей было не занимать. И ей особенно удался благодаря всему, что она вкладывала в свой голос, романс «Калитка», словно это было не пение, а откровение о своей любви, адресованное всем. Считать, что Люся воодушевлена чувством именно к нему, Михаил пока еще не находил никаких оснований, но отныне ему было очень радостно знать, что она способна на это, независимо от того, кто окажется ее избранником – он или не он. Жаль было только, что Люся курила – это, надо думать, не улучшало голос, а ему такая привычка не нравилась совсем.

Наутро, проверив состояние прооперированной накануне больной, Саня с облегчением присоединился к готовой к выходу компании. На сей раз их повели по менее вырубленным местам. После вечернего возлияния бодрости хватало не всем. На этот случай доктор Подосинников прихватил с собой лекарство – бутылку водки – дал хлебнуть из нее

всем нуждающимся. – «А ты почему не пьешь?» – спросил он Михаила. – «Да мне не хочется.» – ответил он. – «Хлебни! – потребовал Саня. – И начнем соревноваться в стрельбе!» – «Какое тут соревнование?» – усомнился Михаил, однако пару глотков из горла сделал – уж очень ему нравился этот молодой доктор, в одиночку, как в старые добрые времена, противостоящий всем хворям и эпидемиям в земстве. Нравился он и пациентам. Это они с Люсей выяснили еще вчера, когда он, демонстрируя им скромное техническое оснащение своей больницы, с горечью, но не без гордости за результат признался, что и половины всего это не имел бы, если бы не был «ебанным депутатом районного совета»! Люся потом со смехом повторила: «Миша, представляешь, как он ценит свою принадлежность к выборному органу власти! Ебанный депутат районного совета! Это же надо так сказать!» – «И охарактеризовать заодно всю видимую мощь районного органа представительной демократии через пятьдесят лет после установления самого гуманного общественного строя на Земле», – добавил Михаил. Желаящие опохмелиться допили бутылку до дна и поместили ее горлышком вниз на вершину молодого деревца в качестве мишени метрах в пятидесяти от стрелковой позиции. Мелкашка переходила из рук в руки. Михаил, любивший стрельбу еще с первого курса института, когда посещал стрелковую секцию, на сей раз почему-то очень хотел, чтобы бутылку разбили до того, как подойдет его очередь.

Однако все остальные уже сделали по выстрелу, а бутылка все еще оставалась цела. Михаил вскинул винтовку, как когда-то, стреляя «стандарт» в положении «стоя» в тире: левое плечо до локтя уперто в бок тела, пальцы левой ладони разделены – четыре пальца спереди подпирают цевьё, большой палец уперт в предохранительную скобу спускового крючка. Мушка не очень хотела стоять строго в середине прорези открытого прицела и вообще она немного приплясывала по кругу около совсем небольшой мишени. Он выстрелил. Бутылка не разлетелась, но с ней все-таки что-то произошло. – «По-моему, я ее зацепил», – сказал Михаил, возвращая винтовку Сане. – «Думаю – да», ответили в один голос доктор и «ебанный депутат», – и оба они вместе с Михаилом пошли посмотреть. У бутылки оказался отколот бок, но горлышко и доньшко соединялись остатком стенки. – «Ну вот, наконец-то! – с облегчением сказал Саня. – Теперь можно двигаться дальше!».

В этот день все снова складывалось, как вчера: собаки поднимали и с лаем гнали зайцев, а охотники – и снова местные – пару из них сумели подстрелить, и опять приедем досталась чужая добыча. Но на сей раз они вернулись в больницу до темна и сидели за столом не так долго. Назавтра в шесть утра был назначен выход в избушку Ивана Абатурова.

Суета невыспавшихся людей перед выходом на охоту, когда они бродили туда-сюда в просторном помещении, за-

канчивая свои сборы, напомнила Михаилу картину очень уважаемого им живописца Ивана Николаевича Крамского «Сборы художников перед выходом на охоту». Все было так же, как и на картине – всех захватила лихорадка давно ожидаемого радостного события, немного карикатурная и безалаберная. Собак только в дом сюда не пустили. Впрочем, и принадлежали они не Сане Подосинникову, а другим хозяевам. Наконец явился Иван, и все стали быстро одеваться. Все мужчины вооружились ружьями, обе дамы – Люся Кононова и Лариса Друкер – шли без рюкзаков.

Иван Абатуров вел компанию по граням – узёхоньким просекам, проложенным геодезистами во время лесоустроительных работ. Михаил знал, что ориентация лесных кварталов такова: главные линии граней проложены по линии север-юг по компасу, то есть по магнитному меридиану, другие, перпендикулярные им – соответственно по линии восток-запад. Вскоре Иван нырнул куда-то вбок, услышав какой-то особенный лай своих собак. – «Стой, не шебарши,» – распорядился он, прежде чем исчез из виду. Все замерли на месте. Вскоре раздался выстрел, и через пару минут к ним вернулся Иван. В руке он нес глухаря. Михаил поздравил его с полем, в ответ Иван улыбнулся и снова возглавил процессию. Грань за гранью оставались позади. Временами они сдвигались по маршруту вбок, потом снова шли на север. Наконец, они вышли из чащи на открытое место. Перед ними поперек их пути в неглубокой долине текла довольна уз-

кая речка с необычным названием Козел. На всем видимом ее протяжении все русло от берега до берега было забито на взгляд неподвижной сплаваемой древесиной. Моста через реку в пределах видимости не было, да, и скорей всего, не было нигде. Кто-то спросил, почему река забита лесом? Из-за того, что не успели сплавить?» – «Нет, – ответил Иван, – так надо. Ведь это рояльная древесина.» Все присутствующие не могли не рассмеяться. Большого несоответствия между видом уютной гостиной, украшенной черным полированным роялем на фигурных ножках, и кряжами деревьев, мокнувших в стыллой предзимней воде, нельзя было вообразить. Вот по этим-то рояльным клавишам им и предстояло перебежать на другой берег реки, стараясь оттолкнуться от очередного бревна до того, как оно успеет погрузиться под весом тела в глубину. Иван показал, как это надо делать. Весь фокус был в том, чтобы, наступая на очередное бревно, не придать ему вращательного движения, чтобы оно не сбросило ногу с себя в воду. Это требовало сноровки, а она-то как раз и отсутствовала. Танцы в городских квартирах на паркете не тренировали ноги и тело так, чтобы на реках, подобных Козлу, проявлять привычную сплавщикам эквилибристику. Однако обошлось. Все, кроме Михаила Горского, перебежали вполне благополучно. Он же с самым тяжелым рюкзаком (кроме своих и Люсиных вещей там был и его спальный мешок) чуть промедлил в одном месте, но успел опереться руками на другое бревно и все-та-

ки толкнуться вверх. На нем были высокие охотничьи сапоги, поэтому в них еще даже не успела залиться вода, прежде чем он перекинул вес на другую ногу, так что все обошлось и у него. На дальнейшем пути к зимовью Ивана других переправ уже не было. Хотя его избушка и стояла в глубинной тайге, в зимнее время к ней можно было подобраться и по дороге. А потому Иван поставил ее так, что с дороги ее не было видно, зато к реке Федоровке, которая была пошире Козла, шла широкая открытая слегка наклонная терраса. С этой стороны избушку лишь слегка прикрывала редкая полоса деревьев. Иван и Виктор, вооружившись снятой с чердака двуручной пилой, быстро отпилили несколько колодин и раскололи их на мелкие полешки. Внутри зимовья были нары, и в узком проходе перед ними стояла ржавая железная печка. Ее заполнили полешками, зажгли, и она загудела, да вскоре так хорошо разошлась, что раскалилась докрасна в сумраке тесного помещения, едва освещавшегося естественным светом через маленькое оконце. Вмиг внутренность зимовья стала средоточием таежного уюта. Виктор продолжал подкладывать в печку тонкие полешки, а Иван сходил на речку с ведром и принес воду для чая. Он вернулся, неся в другой руке какое-то подобие веника, но оказалось, что это совсем не веник, а веточки дикой смородины для придания особого бодрящего вкуса и запаха чая. До этого Михаилу случалось пить чай из зеленых листьев смородины, но того, что гораздо лучше для чая подходили смородиновые веточ-

ки, он еще не знал. Женщины готовили обед. Глухарь пришелся очень кстати и, хотя его мясо оказалось достаточно жестким, наваристый бульон из дичи проголодавшимся путникам показался дивной едой. Смеркалось достаточно быстро. Но внутри зимовья света от печки с открытой заслонкой вполне хватало, чтобы не ощущать себя пленниками темноты. Снова уют и веселье были поддержаны умеренным возлиянием москвичей и умеренным же, но бóльшим возлиянием для привычных к другой норме Ивана и Виктора. Возможно, для приезжих пикантное разнообразие в ощущения вносила экзотика примитивной и от этого особо сильно действующей обстановки, когда на генном уровне организм каждого откликается на свое древнее пещерное прошлое, отнюдь не забытое в течение многих тысячелетий, как кажется беспометным потомкам, не сомневающимся в том, что они совсем другие люди в сравнении с теми дикарями, которых они никогда не замечали в себе – пока не оказались в дикой природе, где надо было доказывать не только умение жить в привычных условиях, зарабатывая на жизнь городской работой, но и выживать там, где все может оказаться беспощадным, не только непривычным, и где все гораздо больше зависит от силы характера, чем от физической силы. Да и разве они по какой-то иной причине оказались здесь, нежели по той же самой? Где-то в глубине души и памяти до поры до времени спал тот же дикарь, который встрепенулся при слове «охота» – вернее – при призыве на охоту, тогда

как никто из разношерстной московской компании ею одною всерьез никогда не занимался.

Михаил охотился только попутно, в походах. Остальные и такого опыта не имели, а все же сразу откликнулись и пошли. Конечно, не из примитивной тяги к убийству чьего-то живого организма, тем более – не из стремления обогатиться на дармовщину – ведь уже очень давно стоимость участия в охотах во много раз превосходила стоимость добычи. Даже сомнительное с точки зрения морали стремление потешиться, добываясь чьего-то умерщвления, нельзя было считать определяющей причиной для участия в охоте, как то было характерно для римлян, стремящихся посмотреть гладиаторские бои. Все-таки главным выступало другое – желание попасть в ту доисторическую обстановку, в которой начал формироваться характер человека, точнее – основа характера, донесенная до нашего времени без принципиальных перемен при всем при том, что он ни сном, ни духом не чуял этого, как будто вопреки всем бесчисленным воздействиям цивилизации. Отчего мужики так чувствительны к воздействию оружия на их подсознание даже когда они по натуре не военные и не охотники? Что происходит внутри них, почему руки сами тянутся приласкать предметы, способные принести гибель кому-то из окружающих, почему их так любят и нежно лелеют, готовы тратить на них так много денег просто ради того, чтобы они находились под рукой? Неужели в течение тех сотен тысяч лет, когда человек впервые об-

рел свое место на Земле в качестве вида, претендующего на планетарное господство среди всех ее насельников, ему так и не удалось обрести ничего другого, что дало бы ему пусть тоже фиктивную, кажущуюся, но хоть какую-то уверенность в надежности своего бытия, какая исходит от мысли, что он вооружен? Пусть эта уверенность многократно компрометировала себя в его глазах, приводила к еще большим несчастьям и потерям, от которых благодаря оружию он рассчитывал себя оградить, но он все равно ничего не мог поделать с собой, переделать внутри себя, чтобы избавиться от страсти, позволяющей тешить себя иллюзией расширения своего могущества – больше того – действительно временной уверенностью в том, что благодаря обладанию оружием всё в жизни можно контролировать! А все потому, что история постоянно свидетельствовала о том, что безоружность или плохая вооруженность приводила к распространению еще больших несчастий и потерь в сравнении с теми, которые порождались обладанием хорошим оружием и умением эффективно его применять. Игнорировать этот глобальный значимости факт было совершенно невозможно. Экспансионист и консерватор, то есть обе сущности человеческого духа, в равной степени нуждались в оружии, чтобы тело, в котором поселился этот дух, могло побеждать и в нападении и в обороне – иными словами – просто могло продолжать жить в этом опаснейшем мире, перенаселенном всякого рода конкурентами, где безоружный – просто неуважаемое ни-

кто, либо труп.

Михаил даже не ожидал, что его сейчас так увлекут рассуждения на эту тему. К своему ружью, подаренному тестем к его свадьбе с Леной, он всегда относился с заботой как к самому себе, нередко даже с бóльшей, считая, что оно не должно страдать и терпеть урон из-за того, что по воле своего владельца оказывалось во вредных для него условиях, будь то сырость, запыленность, неухоженность, нечистота. Ведь к последнему оно так же органически чувствительно, как и нормальный культурный человек. И если ты знаешь как тебе самому для себя важно быть чистым, то и твой друг, от которого ты ждешь безотказной верности, вправе рассчитывать на то, что ты о том же самом позаботишься и ради него. Пусть для кого-то непонимающего все это выглядит странным, а то и нелепым культом, когда человек служит чему-то, в то время как это что-то само по себе должно безоговорочно служить ему и только его интересам – это не более, чем невежественная чушь, ведь все, на что ты надеешься и то, от чего зависишь, на самом деле **ВООДУШЕВЛЕНО**. Так уж устроен мир, что перенос духа с живого на неживое **ОБЯЗАТЕЛЕН**, и для этого совсем не обязательно исходить из концепции гениального Владимира Ивановича Вернадского насчет того, что во всей Вселенной ничего неживого нет достаточно просто чувствовать, что односторонне направленных зависимостей в мире не существует, они всегда взаимны, и этого никому из смертных не изменить.

После того, как компания отобедала и зарядилась теплом от еды, водки, чая, а еще больше – от докрасна раскаленной печки, пляшущего внутри ее огня, надо было устраиваться спать. Нары, хоть они и тянулись вдоль всей длинной стенки избушки, вместить всех пришедших даже при расположении тел поперек них никак не могли, и Михаил поневоле вспомнил о своем желании переночевать в спальном мешке под открытым небом в мороз, глядя перед сном прямо на звезды. Все сошлось как по заказу. Мороз к ночи очень сильно окреп, явно перейдя за минус 10 градусов и обещая к утру усилиться еще больше. Небо было черное, все сплошь в звездах. Одно только оказалось для него неожиданным – то, как из короткой железной трубы над крышей непрерывным потоком изливался сноп красноватых искр.

Устелив землю тщательно выложенным еловым лапником, Михаил разложил поверх него свой спальник и еще раз оглядел с высоты роста место отдыха. Заиндевелые ели позади и по бокам зимовья, освещаемые искрами из печной трубы, казались фантастическим фоном для действия, которое вот-вот начнется именно здесь: то ли пустится в плавание разводящий в котлах пары миссисипский пароход времен Марка Твена, то ли стартует ракета в вечную космическую ночь, проявляющую для нас звездные миры, о которых мы редко думаем в светлое время суток.

А вот сегодня выпала возможность думать о них хоть до рассвета, особенно если холод не даст заснуть. Михаил

в самом деле не знал, как пройдет его экспериментальная ночевка – спальник был все-таки летний, лишь немного утепленный за счет наплечников и капюшона, не рассчитанный на такую морозную ноябрьскую ночь лицом к лицу с Космосом. – «Волков бояться – в лес не ходить!» – подбодрил себя Михаил. Лучше было верить в себя и свои возможности, чем в них сомневаться. Он улегся и устроился поудобнее, застегнув на груди застёжки. – «Господи» – пробормотал он – «Никогда такого над собой не видел!» Он нашел любимую Полярную звезду, заметил где сейчас находились Кассиопея и Большая Медведица по отношению к северу – направление на него было очевидно. Среди ночи, очнувшись, он мог, не доставая часов, знать, который час по перемещению созвездий на звездных часах вокруг Полярной – на пятнадцать градусов с прежнего места за час.

Михаил просыпался всего два раза за столь памятную для него ночь – и то не из-за холода, а по нужде. Вылезать из нагревшегося мешка не хотелось, но куда денешься? Искушка больше не испускала в пространство искр из своих недр. Холод вселенной все плотнее прилегал к телу Земли. В свете фонарика стало видно, как сильно подрастает иней на всех голых поверхностях, будь то трава, хвоя, безлистные ветки. По тому, как быстро замерзли ладони и хотелось нырнуть обратно в спальный мешок, чувствовалось, что мороз стал уже градусов двадцать. Загнав тело в спальник – и тем вытеснив из него остатки теплого воздуха, Михаил ста-

рался побыстрее нагреть его, искусственно вызывая дрожь. Он свято верил физиологам, утверждавшим, что благодаря ей мышцы выделяют вдвое больше тепла, чем в недрожащем состоянии. Так оно, видимо, и происходило. Вскоре температура становилась настолько приемлемой, что можно было больше не думать о ней, и тогда он снова засыпал под бесшумный круговорот небесного циферблата, на котором он прочел сперва два часа ночи, а во второй раз шесть часов утра. В восемь все уже были на ногах и кончали завтракать. Снова был чай, чудесно тонизированный мерзлыми заваренными в кипятке веточками смородины, снова они выбрались из полутьмы на светлый простор, где на солнце сверкали триллионы триллионов мельчайших зеркал густо осевшего инея. Этот иней буквально преобразил весь пейзаж. На миг Михаил попытался представить себе, как бы мог реагировать на такую картину природы какой-нибудь первоклассный живописец. Схватился ли бы он за палитру и кисть или сразу признал бы свое бессилие без напрасных проб – решить было невозможно. Какие-то писанные сюжеты с инеем он вроде бы видел, но разве на этих полотнах передавалось такое великолепие сплошь закуржавевшей природы? Изобилие красоты превосходило человеческие способности даже воспринимать ее в полном объеме, а уж воспроизводить-то – тем более. Передать увиденное другим людям не было никакой надежды.

Компания разделилась. Большая ее часть пошла с Са-

ней и Виктором, а с Иваном, сказавшим, что он тут слишком многое хочет обойти, увязался один Михаил, понявший, что Ваня его выделяет – по крайней мере, как ходока. Их ноги печатали плоские следы на серебряном ковре, укрывающем всю слегка всхолмленную местность. Внезапно Иван замер на месте и жестом остановил Михаила, затем кивком показал ему на куст, росший метрах в семидесяти впереди. На земле поверх серебра лежал серый заяц, как видно, еще вчера не ожидавший, что к сегодняшнему утру ему лучше было бы перелинять в белый наряд.

Они постепенно приближались, но заяц словно прилип к месту. – «Что же ты не удираешь, дурак? – подумал Михаил, когда Иван поднял свое ружье и выстрелил в зайца. Тот остался лежать, даже не дернувшись. – «Думал, что не заметим,» – удовлетворенно сказал Иван, поднимая стреляного зайца за уши. Правой рукой он вынул из скобки на своем патронташе «бурский пояс», которым была перепоясана его ватная фуфайка, топор и приложил передние заячьи лапы к стволу ближайшей березы. Двумя осторожными ударами он отсек от них по суставу пазанки для угощения скулящих от нетерпения собак, после чего отправил зайца в рюкзак. «Ты иди вперед и посматривай, может, встретишь еще, – тихо сказал Иван. – Я пройду левой. Встретимся за холмом», – и показал вперед. И Михаил вскоре действительно увидел еще одного зайца, но тот вскочил и сел на задние лапы, а потом пустился влево наутек еще до того, как оказался на ди-

станции выстрела. И тут его засекли ушедшие с Иваном Лепик и Дама. Михаил слышал их азартный лай и гадал, выгонят ли они зайца на Ивана. Выстрел с той стороны подтвердил, что действительно выгнали. Вскоре они встретились за небольшим холмом, и Михаил с радостью увидел у Ивана в руке еще одного зайца. Входило ли в планы Ивана, знавшего излюбленные места заячьих лежек, что Михаил по пути побудит зайца, а он его тут и перехватит, не имело значения. Все были довольны – и собаки, получившие еще по одной пазанке, не меньше людей. Здесь Иван решил немного подкрепиться. Он достал из кармана рюкзака пару ломтей хлеба и несколько кусков сахара и протянул Михаилу. Тот взял один ломоть и один кусок сахара. Иван сделал то же самое. Когда первая порция была съедена, Иван предложил Михаилу взять еще. Что-то побудило его не взять, а спросить: – «А ты?» – «Я сейчас не буду,» – ответил Иван. – «Ну и я не возьму,» – сказал Михаил. – «Тебе нужней!» – возразил Иван. Все стало понятно. Иван полагал, что приедем до него все-таки очень далеко в смысле готовности к голодному терпению, и в этом, конечно, явно не ошибался. Но и Михаилу не хотелось выглядеть хуже, чем он был со своим походным опытом. Он засмеялся и отвел протянутую к нему руку доброго понимающего человека: – «Нет, Ваня, я не возьму. Все-таки правильней, когда поровну.» Иван не ответил. Он еще несколько секунд подержал в ладони бумажку с сахаром, словно решая, что делать дальше. Потом

молча завернул оставшиеся кусочки и сунул их туда, откуда взял. Михаил понял, что выдержал еще один тест – по крайней мере, на «надежность», и потому переведен из категории людей, априори нуждающихся в скидках, помощи и жалости, в какую-то более высокую и достойную. Другой вопрос – насколько более высокую. Для этого еще предстояло и предстояло показывать себя каждодневно и ненарочито. Ведь иначе понимающему человеку ничего и никогда не удастся доказать.

Они вдвоем долго ходили по зарослям, пока не вышли снова к долине реки. Здесь она казалась шире, чем в том месте, где стояло Иваново зимовье, но именно здесь с берега на берег на сваях был перекинут пролет за пролетом узкий пешеходный мостик. Тот, кто его построил, сэкономил на перилах – они просто отсутствовали. Поэтому Иван перед переходом на другую сторону вырубил березовую жердь сначала для Михаила, а потом и для себя. Потом он первым ступил на прибрежный пролет и показал, как надо упираться жердью. Воду в одних местах схватил мороз, в других она продолжала течь среди ледяных заберегов. Двигаясь следом, Михаил чувствовал, что дополнительная опора здесь совсем не излишество. Где-то надо было доставать до дна, в других местах пробить лед не удавалось, и там надо было упираться в скользкий лед. Наконец, последний пролет остался за спиной. Михаил оглянулся и тотчас подумал о том, как часто художников-пейзажистов привлекали себе

разные мостики и мосты, но как редко они натыкались в своей жизни вот на такие – тонкие, ажурные, не очень надежные и притом протяженные, а тем более соединяющие заиндевевшие берега над обещающей вскоре совсем замерзнуть рекой. Многим ли из них охота мучить себя работой в мороз, когда быстро теряют чувствительность обнаженные пальцы, тогда как именно от их чувствительности и способности повиноваться воле художника так сильно зависит качество живописной работы? Вон Рокуэлл Кент изобрел для работы в Гренландии глухую рукавицу без пальцев – с одной только дырочкой, в которую он вставлял то одну, то другую кисть, держа ее твердо всей кистью руки. Но таких, как Кент, было явно немного. Может быть, Николай Константинович Рерих тоже писал в подобных условиях, или Борисов, или Рылов. Или вот тот художник-альпинист, который один уходил на высоту и жил там, работая, пока позволяли условия и запас сил и где с ним ненадолго сталкивались редкие восходители. К сожалению, фамилия этого подвижника, посвятившего жизнь и творчество горам, вылетела из памяти Михаила уже вскоре после того, как он посмотрел выставку его живописных работ в Московском клубе туристов, но сами его картины остались в памяти примерами убедительной достоверности картин художника, который проникся подлинностью бытия насквозь всем своим существом, в том числе и в обстановке нестерпимого холода. Кроме отличных видов гор там был и портрет альпиниста, пробивающегося впе-

ред в пургу. Человек был написан только до плеч – и все же мастер передал его иссеченному снегом лицу столько выразительности, что зритель физически ощущал, каково приходится всему его телу на каждом шагу этого пути, где все сопротивляется воле человека и его желанию выжить, победить, преодолевая усталость, изнурение, возможно апатию в столкновении со стихиями ветра, снега, холода и риска сорваться почти на каждом шагу. И хотя здесь, в Вятской тайге, мало что могло напоминать горы, Михаил успел хоть на чуть-чуть мысленно перенестись туда, где на человека просто наваливаются мощнейшие впечатления от вздыбленной Земли, нет, даже не Земли, ее внутренней, обычно невидимой праосновы, которая вдруг на всем видимом пространстве прорвала тонкую оболочку планеты и предстала вдруг в абсолютной неприкрытости ни с чем не считающихся сил, которые радикально меняют ход бытия, эпохи, ландшафты и – более того – биографии океанов и материков.

Вскоре после переправы Иван сказал, что пойдет один в сторону от реки, а Михаила он направил одного к зимовью, строго наказав, чтобы он шел, никуда не отклоняясь от реки. Идти по долине было скучновато, да и усталость уже давала о себе знать. Как и у большинства равнинных рек, русло у этой реки было достаточно извилистым. Михаила так и подмывало срезать меандры по хорде, и он едва удерживался, чтобы не нарушить данного Ивану обещания и не воспользоваться более коротким путем. Иногда

встречались широкие просеки, прямо подстрекавшие воспользоваться ими. И только когда Михаил вдруг обнаружил, что находится напротив стоящего на взгорке Иванова зимовья, к которому можно было перейти по полуразрушенному автомобильному мосту, он сумел правильно понять настойчивое наставление Ивана не отклоняться от реки. Вспомнив, куда и по каким азимутам звали его уйти встреченные по дороге просеки, он осознал, что непременно промахнулся бы и в лучшем случае был бы обречен на возврат к реке, а то и на ночевку в лесу, если бы стал сворачивать еще куда-нибудь. И тогда Иван, не застав его в своей избушке, гонимый тревогой и раскаянием за то, что доверился нестойкому человеку, непривычному к тайге, вынужден был бы отправиться на поиски, несмотря на усталость и темноту. Слава Богу, он вернулся к зимовью раньше Ивана. А остальные и так уже находились там. Еще один день охоты прошел у Михаила без единого выстрела, но это не больно огорчало – так много впечатлений дал ему этот сверкающий инеем день после звездной ночи. Иван явился домой через полчаса и с явным облегчением перевел дух, увидев Михаила. Видимо, не у всех его гостей хватало терпения сделать так, как он их наставлял.

Несмотря на то, что в дневное время Михаил был разлучен с Люсей, мысли о ней нередко приходили ему в голову. Она виделась ему с ранее неизвестной стороны и потому стала ближе в своем походном наряде и с лицом, с ко-

торого исчезла косметика. Так для него было безусловно лучше – Женщина в активном общении с природой только хорошела – исключений из этого правила Михаил просто не знал. А косметика была ему ненавистна хотя бы тем, что портила женское существо, столь нежное, что средства, грубо утрирующие прелестные свойства личности, представлялись ему совершенно недопустимыми с точки зрения логики, потому что раздражали больше, чем прибавляли соблазна. Здесь он лучше, чем в Москве, мог наблюдать ее, как человека, и она ему нравилась больше, чем в Москве. А в конце-то концов, для чего он оказался в Бажелке, о которой недавно еще и слыхом не слыхал, если не для того, чтобы понять, сможет ли Люся занять в его существе то место, в котором обитала Оля в период расцвета их любви? Да, симпатии к Люсе с его стороны только возросли в этой поездке «на охоту», действительно на охоту в кавычках и без. Да, они обнимались и целовались перед сном, лежа рядом на полу в докторской квартире Сани. Но рядом тут же на полу лежали другие люди, и, возможно, по этой причине Люся отвергла его попытки проникнуть рукой внутрь, под одежду, а, возможно, и не только по этой. И была ли она готова принять его в себя даже наедине, он не знал. Да и в нем самом без пробы на деле разве мог произойти решительный перелом в пользу Люси? Нет, не мог. Опыт жизни однозначно свидетельствовал – умозрительно наперед ничего в точности не узнаешь, как ни старайся. Мечтать можешь – пожалуйста,

пытаться достичь цели – конечно, тоже – старайся! Но выяснить с полной определенностью, чем это кончится и к чему приведет, ни он не способен, ни Люся, да и вообще никто на Земле. Ясновидящими они оба не были, да и знакомых с такими способностями не имели, а потому и были обречены узнавать обо всем необходимом постепенно, в ходе обычной жизни, в которой никому ни от чего и ни на что не дается гарантий: ни в любви, ни в увлечениях, ни в обстоятельствах, ни вообще в отношениях с людьми. Пока что было ясно одно – целиком Люся его не захватила, как и он ее. И могло ли их движение навстречу друг другу завершиться Великой Удачей, имя которой Счастье, ради которой, собственно, только и стоило сближаться изо всех сил, здесь было в принципе не более ясно, чем в Москве, где им предстояло жить вместе или врозь, не считая вот таких отпускных путешествий, как сейчас в Бажелку, или чего-то еще, вроде командировок. В одном только Михаил уверился больше, чем раньше – Люся действительно хороший человек и другим сама она не станет.

Наутро они двинулись в обратный путь. Как и обычно в приближающихся к завершению походах, ему с сожалением думалось о скором конце и этой вылазки на природу. Дома предстояло каждодневно ходить на постылую работу по найму, где правили бал титовы-обскуровы и другие более высокопоставленные товарищи в том же роде, кто чуть лучше, а кто и похуже. Перспектива такого рода не могла во-

одушевить. Работа, которой он мог отдаваться со всем увлечением, на какое был способен, не принесла бы ему никаких средств на жизнь. Даже в случае успеха первой книги он не представлял, скоро ли за ней напишет другую – верил, конечно, что напишет, только вот когда и, главное, не знал что для этого ему может понадобиться от самой жизни, от него самого, причем не только в виде упорства и профессионального мастерства, но и просто в виде жизненного материала, который писатель берется переработать в художественную вещь. Ведь кроме жизненных наблюдений для него другого материала не могло быть – фантазии насчет будущего ему не были присущи, комментировать нечто известное из прошлого человечества, создавая псевдо-новую реальность, он вообще считал делом презренным. А что он мог регулярно наблюдать и осмысливать в такой постыдно бедной высокими устремлениями городской жизни? В основном только то, о чем вообще не стоило бы писать, а если и стоило бы, то по большей части в противогазе. Вот таких материалов было предостаточно. Только вправе ли человек, именующий себя художником, писать о том, что самому противно, поскольку пишешь-то в первую очередь не для других, а для себя – иначе ничего хорошего не получится ни для кого; но сам-то ты уже всю эту гадость знаешь, а вдохновенно работать над ней не захочешь, то какой толк будет от такого продукта, если ты его все-таки напишешь и предложишь к изданию? Нет, быть живописцем только

гадостной жизни у Михаила, как и у подавляющего большинства писателей, охоты не было. Исключения встречались только у людей со сломанной до полного извращения внутренних ценностей судьбой. Самыми известными из них Михаилу представлялись маркиз де-Сад и Федор Михайлович Достоевский. Смакование удовольствия от того, что должно было причинять другим людям наибольший моральный и физический ущерб, к чему де-Сад пришел от неограниченной распущенности и презрения к тем, с кем вынужден был заниматься интимным делом, раз уж его интересовало большее, чем мастурбация, вызывало у Михаила просто омерзение, хотя де-Сад безусловно не выдумывал скверны, которая сама по себе обитает в психике любого, в том числе и любого нормального человека, который жаждет счастья и удовольствия не для себя одного, а потому и изгоняет вон или по меньшей мере сознательно запирает эту скверну в самую дальнюю темницу своей души, всеми силами стараясь не дать ей просочиться оттуда, и тем скомпрометировать себя как человека и даже как просто животное.

Федор Михайлович был, разумеется, совсем непохожим на Сада. Его занимало не инициативное, а вынужденное, принудительное и принужденное обитание в скверне. Конечно, не его одного интересовало, как ведут себя люди, в основном пребывающие в скверне, в какой степени они оскверняются сами или почему ниже какого-то предела не оскверняются дальше гадостью, с которой живут и имеют дело.

Но Достоевского интересовало только это, ТОЛЬКО ЭТО. Он не видел смысла в своих писательских устремлениях заниматься другим материалом – хотя бы на равных с тем, который он для себя избрал. И потому, несмотря на его высокое профессиональное мастерство – более того, на гениальную способность обнажать и подавать читателю именно гадость, сам Достоевский в глазах Михаила отнюдь не выглядел гордостью родной великой русской литературы – скорее великим пациентом, возможно, даже величайшим, кому в сумасшедшем доме жизни дали вволю бумаги, чернил и времени, чтобы писать авторизованную историю болезни – и своей собственной, и окружающего человечества, да еще и измышлять новые способы усугубления мерзости бытия помимо тех, которые уже знакомы всем и каждому. И потому Михаил отвергал от себя Достоевского, не включал в свое литературное или философское домье, притом ничуть не сомневаясь, что это великий мастер. А разве кто-нибудь из безусловно верующих во Всеблагое отношение Небесного Отца к чадам своим сомневался в великих способностях Князя Тьмы, разжалованного Господом из чина любимейшего Архангела Света – Люцифера – за его претензию на переустройство Мироздания на другой основе, чем Промыслил ее сам Творец? Почему человечеству из века в век предлагают клеймить Сатану, но уже в течение полутора веков его обучают преклоняться перед Достоевским – это не укладывалось у Михаила в голове. И дело было совсем

не в том, будто он вопреки любителям темного русского гения считал его дьявольским отродьем – нет! и еще раз нет! (да и как считать Сатану совершенно черным пакостным существом после того, как Михаил Афанасьевич Булгаков, сын профессора богословия, доказал всем советским гражданам, что этот самый Князь Тьмы в обличье профессора Воланда своей моралью и человеколюбием существенно отличается в лучшую сторону от «самых человеческих» духовных наследников «самого человеческого человека» – Владимира Ильича). Отношение Михаила к этим двум выдающимся творцам человеческой культуры и духовности – Булгакову и Достоевскому – определялось совершенно другим: их направленностью, их устремленностью одного в сторону, а другого прочь от лучезарного источника света, от Небесного Маяка, на который нам следовало бы всегда осознанно держать курс по собственной доброй воле именно потому, что мы обязаны ощущать себя не только (или даже не столько) рабами Божьими, но и Его Творениями, для которых исключается возможность примирения или даже прагматической солидарности с ними – и с Воландом-Сатаной, и с Достоевским. А уж по поводу знаменитых расхожих цитат из Достоевского насчет «цены слезы ребенка» или того, что «красота спасет мир», Михаил с абсолютной непримиримостью изобличал чудовищные логические извращения автора данных сентенций: это Миру, сотворенному Господом Богом, органично присуща высшая красота Небесного Творения, к которой

человек приближается маленькими шагами в своем постижении Истины, и потому его, этот Мир, не надо спасать какой-то другой красотой, поскольку она ему и без того присуща в наивысшей мере – а раз так, то не человеку прибавлять к ней нечто большее, чем то, что она и так имеет. А насчет единой слезы невинного ребенка в мире, раздираемом противодействиями, в которые вовлечены вместе со всеми взрослыми и ВСЕ без исключения дети, даже царские, с полным правом можно изобличать возмутительную лживость этого утверждения, потому что на другой чаше весов против слезы одного ребенка – полным-полно всего остального мирского, в том числе – неотлучно! – и слез бесчисленного множества других детей.

Однако человечество не критично к своим кумирам и готово повторять вслед за ними и бесспорно мудрое, и спорное, и безусловно глупое. А ведь не зря же сказано – в виде важного предостережения! – что на всякого мудреца довольно простоты, то есть дури, и потому не стоило бы бездумно повторять все изреченное авторитетом, возведенным на высокий общественный пьедестал.

Да-а... При всем своем почтении к классикам русской прозы и искренней любви ко многим произведениям большинства из них Михаил откровенно отрицательно относился к Достоевскому. Повлиять в этом смысле на общество, добиться изменения стереотипных суждений у него не было никаких шансов – это он понимал, точно так же, как по-

нимал, сколь многим приятно следовать по извилистым дорогам и тропам, которые чей-то травмированный или от роду больной разум прокладывает в своей индивидуальной ночи в нашей внутренней terra incognita, где мы обречены на странствия и блуждания – у кого как получится – пока мы не покинем этот свет. Осуждать характер такого автора через сто с лишним лет после того, как он создал то, что теперь многие воспринимают как предмет для восхищения и подражания, было бы несправедливой и непростительной глупостью. Разве его дело судить о личности, крупнейшей которой в литературе мало кого можно было бы усмотреть? Его дело было думать о себе, о том, что брать из арсенала мировой культуры в доступной ему части для собственного оснащения в будущих перипетиях жизни, а чего не брать несмотря на успешное применение этого неподходящего именно ему для достижения неких целей в неопределенном будущем.

У Михаила почему-то не возникло желания поделиться с Люсей мыслями о Достоевском, которые почти ни с того, ни с сего вдруг пришли ему в голову. То ли потому, что они сюда попали совсем не для этого, то ли потому, что не ожидал от Люси проявления встречного интереса к обсуждению данной темы. Пока он ее еще очень мало знал. Конечно, имел представление о том, что ей совсем не чужд интерес к литературе и музыке, а уж к кинематографу – тем более. Вот с Леной, пока еще продолжающей быть его женой, несмотря на монотонно возрастающее нежелание продол-

жать с ней совместную жизнь, особенно в результате знакомства с Олей, он мог бы и теперь не задумываясь, говорить о чем угодно и наперед знать, что и ей это будет небезразлично – столько общего у них накопилось за все время, пока они были вместе, в том числе и в серьезных походах, а этого тем более не сбросить со счетов, даже когда занят поиском новой спутницы жизни. С Олей и то было меньше общего, чем с Леной, во всех сферах, кроме сексуально-любовной, что несколько тревожило Михаила еще тогда, когда они твердо верили в свое скорое общее семейное будущее, хотя их желаний на этот счет хватило лишь на два с половиной года. Стаж знакомства с Люсей был еще куда более скромнен – около трех недель. Для чего-то, конечно, и такого достаточно – например, чтобы усмотреть некую перспективу для возникновения постельных отношений по взаимной охоте и согласию, для чего-то другого, возможно, и нет. Люся была ярко выраженным компанейским человеком. Ее занимали всякие-разные общественные начинания – разумеется, не в сфере политики, а такие, как хождение вместе с друзьями на выставки, концерты, на кинофестивали, где прямо на месте или по свежему следу можно было поделиться своими впечатлениями и узнать, что переполняет их. Она держалась просто, оставалась открытой для общения с симпатичными ей людьми, которым и сама хотела нравиться, но насколько глубоко она принимала в себя чужие впечатления и чужие мысли, готова ли была к глубинной откровен-

ности даже с приятелями, Михаил куда не знал. Чувствовать-чувствовал, но уверен не был, а ведь ошибиться вновь совсем не хотелось. И что делать с Люсиным курением, он вообще не представлял. Убеждать ее, что это вредно, не имело смысла – это она хорошо понимала и без него. Даже ее глубокому и звучному голосу это наносило ущерб, поскольку уже вызывало никчемное покашливание. Но воз-то был и поныне там. А вот о том, чтобы у Люси любовь к Михаилу вытеснила любовь к сигаретам, пока и речи быть не могло. Ради простой симпатии к человеку разве откажешься от привычки, вошедшей в приятный каждодневный обиход? Как раз на этот-то счет Михаил почему-то был совершенно уверен – курящая женщина не будет его женой. Знакомой – пожалуйста, любовницей – возможно, но женой – нет, никогда. Возможно, потому, что со всеми женщинами, кроме жены, как бы они ни были хороши, целоваться случалось бы только от времени до времени, а с женой можно было гораздо чаще, всегда, когда этого хотелось, а, может, сюда вклинивалось еще что-то, чему пока еще Михаил не нашел причины – но в любом случае альтернатива «я» или «курение» прочно сидела у него в мозгу, когда речь шла о сближении с женщиной всерьез и надолго, тем более – навсегда. Кстати, Михаил умозрительно вполне был готов к тому, что может столкнуться с подобными ультимативными условиями при установлении прочных близких отношений со стороны женщин к себе. Например, если ей окажется необходимым,

чтобы он ездил с нею на курорт на море, а не уходил в поход. Или чтобы и он разделял с ней удовольствие от курения, поскольку в это время вокруг курящих создается особая общая атмосфера, когда откровенность делается для них совсем натуральной благодаря слабоуловимому, но реальному никотиновому наркоэффекту. Пошел бы он на согласие с подобными ультиматумами? По всей видимости – нет. Тогда бы и более важные вещи утратили для него свое значение, а этого он себе не желал. Да, ему несомненно хотелось знать о Люсе еще больше, чем он успел узнать и в Москве и на Бажелке, как, впрочем, и Люсе в свою очередь насчет его.

Обратный путь из Иванова зимовья в поселок вопреки ожиданиям прошел еще удачнее, чем путь из Бажелки. Форсировать реку Козел с мокнувшей в ней рояльной древесиной удалось всем без приключений, хотя именно этого момента Михаил ждал с некоторой тревогой, помня о своем к счастью легком конфузе при первом знакомстве. Потом компания ненадолго разделилась, и снова Иван с Михаилом отправились в сторону от общего маршрута, а там собаки вскоре побудили и погнали с голосом зайца, и на этот раз Иван так поставил своего гостя, что заяц в достаточно густой чаще вышел именно на него. Точнее – «вышел» было совсем не то слово, которое соответствовало действительности. Лай собак казался еще не очень близким, когда послышались удары ног по мерзлой земле, а потом еще и тяжелое

дыхание. Михаил вскинул ружье в плечо, собираясь ждать зайца еще сколько-то времени, и вдруг тот выскочил почти рядом метрах в десяти, и Михаил от неожиданности по нему два раза промазал. Через минуту по следу выскочил Лапик, а потом и Дама. Они скрылись следом за зайцем почти сразу же после того, как оказались на виду. Лапик успел только метнуть на мазилу презрительный взгляд. Потом появился Иван. Он ни словом не обмолвился насчет промахов, показывая всем видом, что, дескать, на охоте всякое бывает, так что нечего особенно переживать. Возможно, Иван и сам ждал, что заяц пройдет иначе и выскочит именно на него, а не на человека, который еще ни разу в жизни не стрелял из-под собак и даже не думал, что они могут так сильно отставать от гонимой дичи. Потом они вдвоем догнали отдыхающую компанию, и Иван передал Михаила, в котором был, наверно, все-таки сколько-то разочарован, под надзор Виктора, а сам отправился, по его словам, в еще один небольшой крюк, чтобы что-то проверить.

Они уже некоторое время пробыли в докторской квартире при больнице, когда пришел слух, что Иван убил рыся. Саня, Люся и Михаил тотчас отправились смотреть рыся и узнавать подробности. Михаилу было досадно, что главное событие всей охоты прошло без него, хотя, будь он настойчивей, особенно если бы не промазал по зайцу, вполне бы мог оказаться свидетелем события, а то и, глядишь, и его участником. Но настаивать на сопровождении Ивана в дополни-

тельный обход после промаха было неудобно – и вот результат – Михаил оказался наказанным. А все произошло очень скоро. Собаки снова подняли зверя, но по характеру их голосов Иван понял, что это не заяц, кто-то серьезней. К тому же гона практически не было, собаки лаяли на одном месте. Подойдя и посмотрев вверх, куда указывали собачьи носы, Иван увидел высоко над собой рысь и выстрелил по ней. После этого зверь нехотя свалился на землю, но еще явно был жив. Иван, видя это, выхватил из скобки на патронташе топор и в несколько прыжков подскочил к лежащей рыси и сильно стукнул ее обухом по голове. Зверь затих, и Иван перевел дух. Схватка могла быть и куда более неприятной, если бы рысь не была ошеломлена раной от дробы и падением. Однако все обошлось. Люся заворожено гадила ладонью шелковистый мех, особенно красивый на брюхе, где он был серебристо-белым, покрытым там и тут небольшими круглыми серыми пятнами. Михаил сразу предложил Ивану купить мех рыся. Иван вслух посчитал, сколько бы ему дали в конторе за шкуру вкупе с премией за уничтожение хищника. Вышло тридцать рублей. Михаил тотчас отдал Ивану всю сумму, и тот пообещал, что отправит ее в Москву вместе с Люсей Подосинниковой, которая собиралась еще несколько дней побыть в поселке с мужем. Сегодня Иван уже никак не мог заниматься снятием шкуры, тем более ее начальной выделкой, причем не только по причине утомления, но и потому, что уже успел до прихода москвичей всерьез прило-

житься к ожидавшей его в доме браге. Он и гостей заставил сесть к столу, а затем и выпить по стакану браги. Пойло было неприятное, но обидеть Ивана они не могли. Хозяин широко улыбался им, довольный тем, что они пришли поздравить его с добычей, похвалили и его, и добытого зверя, да еще наперед заплатили за его мех. И потому одним стаканом браги дело не ограничилось. Брага показалась Михаилу не особенно крепкой, но что он мог о ней знать? Пока хозяин с хозяйкой им подливали, старая женщина с провалившимся носом подкладывала им закуску, и Михаил уже не помнил, как оказался в больнице, очнувшись на матраце на полу. В голове и внутри живота было паскудно. Мутная брага замутила сознание – как он не смог сразу это сообразить! Неужели все непременно надо постигать, проходя через скверну, а без этого ничего не выходит? Черт бы драл эту брагу и лихость, с которой Михаил опрокинул в себя стакана три, о которых еще помнил, а не было ли потом и еще? Эта дурацкая лихость закончилась полным позором. Теперь вот он силится придти в себя в одиночестве, в то время, как его спутники дружно, весело и культурно принимают за воротник то, что еще вполне переносимо для городских российских организмов, в то время, как ему и подумать нельзя, чтобы присоединиться к ним. —«Вырвало бы поскорее,» – с надеждой думал он, с трудом выбираясь во двор. Но его лишь тошнило, но не выворачивало. Не помог даже народный способ вызвать сильный спазм – засунуть два

пальца поглубже в горло. Среди скверных последствий принятия браги, которые уже были ясны или могли вот-вот произойти с ним в любой момент, он не забыл еще об одном – вместо того, чтобы сблизиться с Люсей насколько это возможно – не исключено даже, что и полностью – как знать? – ему теперь придется изо всех сил стараться выйти из свинского состояния, в котором он уже оказался, и не дать ему превратиться в еще более свинское, если, конечно, он и тут не переоценивает себя, и брага не выдаст ему еще один нокаут. А ведь как хотелось достойно отметить все здешние знакомства и события! Спутники московские и особенно Бажелские – все сплошь симпатичные люди – и он, скорее всего, тоже таким им казался, пока не скомпрометировал себя. Теперь вот попробуй смыть с себя позорное пятно! И первое, что проистекало из вполне заслуженных им обвинений, что он «не умеет пить» (а в России это нередко оборачивается не только одним моральным ущербом для репутации, но и приговором в карьере), но оно еще не являлось самым худшим. А хуже-то было то, что его считали неглупым, возможно, культурным и порядочным человеком, а теперь что они могут подумать и вообразить? Что он – алкаш, не имеющий силы воли, чтобы удержаться в рамках пристойности и не портить настроения людям, имевшим неосторожность довериться Люсиной рекомендации? Да и самой Люсе каково будет расхлебывать последствия ее ошибки в нем? Мысли такого рода одна за другой кружили в голове Миха-

ила словно для того, чтобы наткнуться на все новые дефекты его личности и поведения. А что, собственно, еще могло придти ему на ум?

Однако к счастью его не стали клеймить ни косыми взглядами, ни прямыми словами. Постепенно Михаил возвращался к усредненному состоянию проштрафившегося российского выпивохи, который просто «перебрал» (а с кем только подобного не бывало, не бывает и не будет еще происходить в нашей дорогой сильно пьющей и черт-те что пьющей стране). Соревноваться с нашими специалистами в данном виде спорта вряд ли кому под силу, но издержки в таком деле все равно неизбежны. Скверно было только то, что он сам попал в их число.

На следующий день его самочувствие стало почти нормальным. Гордости за себя это не прибавляло, но заметить примирительное отношение к непристойному срыву все-таки позволило. Во второй половине дня им предстояло вылететь из Бажелки в Киров, там сесть на поезд и после ночи, проведенной в нем, снова очутиться в Москве. Но пока они жили в Бажелке и Бажелкой.

Саня Подосинников был удовлетворен состоянием пациентки, которой он вырезал аппендикс в канун «писселе-тия» Советской власти. И снова Михаил с Люсей услышали от него откровения о жизни одиноко живущего и оперирующего врача, которому приходится бороться не только за жизнь и здоровье пациентов, но и за свое тоже. А опасно-

сти он, видный, красивый и пользующийся уважением за ум и умения, мог подвергнуться с самой неожиданной стороны. И подвергся. Санина жена, Люся, жила в основном в Москве, где работала и училась. А посему попасть к ее мужу в постель во время этих весьма длительных промежутков между прилетами жены, оказалось кое для кого очень соблазнительным и полезным. Дальше всех зашла его же собственная медсестра. Со знанием дела – причем с самым детальным с точки зрения представлений, которыми в силу своего развития должно было руководствоваться Бажелское общество, она обрушила на доктора Подосинникова не подлежащее опровержению обвинение в изнасиловании, которому он ее подверг. Ночью, когда она дежурила, доктор грубой силой поставил ее в позу, разрезал скальпелем трусики, чтобы не возиться с ее раздеванием и не дать ей шансов вырваться из его рук и, естественно, довел процесс до конца. Что она могла представить в доказательство обвинения кроме своих скрупулезно продуманных подробностей, Саня не рассказывал. Кроме сознания невинности ему помогло отбиться и то, что можно было счесть если не общественным мнением, то уж во всяком случае, общественной заинтересованностью в нем. Кто будет лечить жителей поселка, если она его посадит? Да и могло ли это быть (если было) ее истинной целью? Вероятней, она целила на другое – испортить клеветой его репутацию в глазах жены, заставить ее разорвать и без того странный ненормальный брак от сес-

сии до сессии и под страхом уголовного наказания просто заставить Саню жениться на себе – в этом случае она, разумеется, забрала бы заявление обратно. Саня показал им эту женщину. Молодая, не очень красивая, но и не дурна собой, она не делала вид, что в чем-то еще заинтересована кроме работы при данном докторе. Ни о том, что она хотела бы завладеть им как мужем, ни о том, что, возможно, горячо желала, чтобы он ее действительно изнасиловал, даже подумать было нельзя. Но по логике вещей она должна была больше желать, чтобы он взял ее грубой силой, а не просто овладел без спросу и без видимости сопротивления, потому что лишь в этом случае она могла рассчитывать получить власть над ним. Но вот не вышло. Никто не пожелал ей поверить – ни прокурор района, ни местные жители, ни Люся Подосинникова, которой Саня сам рассказал обо всем.

Затеянная медсестрой интрига не отличалась ни сложностью, ни оригинальностью. Зато по мысли автора она кратчайшим путем вела к цели. Сколько раз это простое оружие в умелых руках одерживало верх над дорогим и вычурно сложным, было хорошо известно и из военных, и из бытовых историй, что, собственно, и вылилось в лапидарную форму национальной русской пословицы: «Против лома нет приема». Но если вдуматься в условия ее существования и в возможную подоплеку ее замысла, то он переставал казаться примитивным и импульсивным. Медсестре совсем не хотелось всю жизнь до старости проторчать в такой дыре,

как Бажелка, независимо от того, была ли она ее уроженкой или приехала в нее откуда-то со стороны. А доктор собирался стать кардиохирургом в Москве, в институте имени Бакулева. Ей было сложно самой перебраться даже в областной центр, не говоря о «столице нашей Родины», а тут все разом могло осуществиться одним смелым броском. Почему она не попыталась соблазнить Саню, не прибегая к лжи и шантажу? Нет, не то – почему ее попытки соблазнить не дали результата? – ведь не может быть, чтобы она не попробовала – ведь парень действительно был красив, хорош и почти одинок, воюя с собой в самом жарко опаляемом страстью возрасте! Допустим, не очень нравилась. Но даже в сравнении с его женой она не выглядела много хуже (сама же она наверняка считала, что лучше). Во-вторых, в ее распоряжении находился не только день, но и ночь. Во время ночных дежурств она могла беспрепятственно и незаметно для сплетников приходить к нему прямо из больничных помещений в квартиру, а там в спальню, а там, глядишь, и в постель. И под белым халатиком, как это часто принято в сексуально раскованной атмосфере больничных коллективов, в таких случаях вообще не было бы больше ничего. Случайный взмах полой – и взору желанного предстанет то, что заставляет подчиниться себе лучше всяких уговоров. А он возмутительно этого не захотел. Значит, дело было в другом. Возможно, что в соответствии с патриархальными поселковыми взглядами на брак она не годилась для роли благоверной же-

ны – то ли сама сильно испортилась, гуляя в девках, то ли ее испортили в общем мнении – не исключено, что ее на самом деле изнасиловали, и в последнем случае тоже была вероятность, что кое-что в грубо принудительном акте ей все-таки очень понравилось – а отсюда до ее сценария овладения Саней Подосинниковым оставался всего лишь один маленький шаг. Жаль было видеть, во что у нее вылилось естественное и благородное стремление нравиться, любить и быть любимой. И одновременно жить там и так, чтобы чувствовать себя довольной и не скучать. Казалось бы, что плохого, если женщина искренне предлагает себя? Ан нет, желанному она не нужна, он уже занят другой. И чем его тут достанешь, если ее отвергают с порога со всем лучшим, что в ней есть? Только совершенно подлыми средствами: клеветой, бесстыдством и шантажом. А коль скоро цели своей она не достигнет, то пусть он хотя бы будет наказан ЗА ЭТО. У нее нет других возможностей пробить себе путь в лучшую жизнь – нету, хоть тресни. Оставаться одной среди множества обездоленных, не понимая и не соглашаясь с тем, что ей нет места среди тех, кто не лучше ее, но кому хорошо – с этим не было смысла мириться, безнадега взывала к действию, и она это действие произвела. Честная конкуренция – это блеф, придуманный и пущенный в нравственный оборот теми, кому повезло от роду ли, от случайных ли обстоятельств или от опять-таки непонятно откуда взявшихся в человеке таких особо ценимых качеств, как красота, ум и вы-

дающееся умение нравиться, в то время, как на самом деле у конкуренции почти всегда черная, в пятнах грязи изнанка – ведь никто не хочет умирать, сдаваться, терпеть поражение и смиренно довольствоваться тем, что им оставят из милости выигравшие главный приз! Нет уж, дудки! Вам, уже попавшим на праздник жизни, или тем, кто имеет хорошие шансы войти в их круг, тоже не должно быть пощады, вас тоже не за что беречь, любить и жалеть, раз вы можете процветать, когда другие, кто не хуже вас сами по себе, лишены этого в нашем мире господства неравенств во всем, что чего-то стоит; в мире, где всего хорошего – одна постоянная нехватка, а мы всё появляемся в нем и появляемся, нас всё впихивают и впихивают в и без того уже сверх меры переполненный вагон, в котором и обещают доставить всех к счастью. Разве не всем рожденным в этом мире дают понятие о Рае, о райской жизни – и разве тем самым не внушают надежду насчет того, что и ты, как все остальные, будешь вечно существовать именно там, наслаждаясь каждым мгновением блаженства? А кому действительно открывается рай или даже некоторое ущербное его подобие? Тем, кто заслужил этого своим горбом? Дудки! Кто горбатится в мире больше крестьянина и крестьянки (особенно последней!)? Никто! А в кого они превращаются – эти здоровые, статные, сильные девки к старости после «трудов праведных»? В кособоких, скривленных, еледвигающихся старух. Где заслуживаемый ими рай, где? Да там, где их нет, куда их не пус-

кали и не пускают, да и не пустят самих никогда. Туда надо протыриваться и пробиваться.

Михаил спохватился, что его далеко занесло – здесь все-таки Бажелка, небольшой поселок с небольшой больницей, с одним доктором и двумя медсестрами, одна из которых сочинила несбывшийся стратегический план. – «Ну и что, что поселок Бажелка и при нем больница с тремя сотрудниками медперсонала?» – возразил он себе. – В том-то и дело, что и здесь, как и в любых других местах, будь то столицы, университетские города или населенные пункты, каких нет ни на одной карте, кроме военных, люди думают, что им делать со своей жизнью, как ее провести. И чем уже там круг возможностей материального или светского преуспевания, тем естественней люди склоняются к материализму, а от него к коммунизму, а от того уже к терроризму по отношению к собственному народу и соседним странам; тем естественней страждущие отделяются от мира идеалов духовного плана, а там и от морали, от веры в Бога и знаний о Боге, от почитания культуры и обычаев тех предаваемых проклятью прошедших времен, когда люди просто не знали, не понимали, как им надо жить без эксплуататорских классов, а, главное, от убеждения в вечности существования каждого индивида и до, и после неизбежной смерти. Философия, та или другая, прорастает на любой почве, пробивается сквозь любой покров, как трава, взламывающая асфальт. Но истинной бывает только та, которая снисходит на чело-

века с Небес, когда он остается один на один с природой, с Космосом и со своими вопросами, на которые истово старается найти ответ для озарения своей души.

Глава 7

Они покинули гостеприимный дом, Санину больницу, перешли по висячему мостику через Федоровку и вновь оказались на летном поле. Опасения насчет того, что из-за непогоды самолет в Бажелку не прилетит (а осенью вероятность нарушения расписания всегда была особенно велика), не оправдались. Ан-2 прибыл вовремя, без задержки принял пассажиров, разбежался по неровной поверхности поля и взмыл вверх. На какой-то миг внизу промелькнули машущие руками провожающие, крыши домов с буквенно-цифровым обозначением поселка – и Бажелка исчезла из вида. Было грустно улетать из нее. Кратковременная отлучка из Москвы близилась к концу. Снова предстоял переезд из Кировского аэропорта местных линий на железнодорожный вокзал и ночь в поезде. А дальше возвращение на круги своя.

Утром они обыденно быстро и просто расстались на вокзале. На прощанье Люся с готовностью ответила на поцелуй Михаила. Впрочем, они могли свидеться на работе всего через несколько часов.

За время отсутствия Михаила в течение двух рабочих дней ничего особенного в отделе не случилось. С возвращением просто продолжилась унылая череда серых дней в прямом и переносном смысле слова. С Люсей же у Михаила на-

чался новый период отношений – дружба на грани любви. Интерес друг к другу после поездки в Бажелку у них отнюдь не увял. Время от времени он заходил к Люсе домой, но чаще они виделись на работе. Люсины родители встретили Михаила приветливо – должно быть, потому, что в их доме часто бывали приятели дочери. Всегда среди них мог оказаться кто-нибудь новенький. А уж окажется ли он женихом, судить с первого взгляда они не спешили. Люсиная мама Наталья Антоновна проектировала горношахтное оборудование и была в этом деле на видных ролях. Люся корпулентностью заметно превосходила маму, и в этом смысле явно удалась в отца, Антона Борисовича, очень рослого и крупного мужчину, лицом и пристрастием к курению очень напоминавшего сэра Уинстона Черчилля. Хотя он и не являлся премьер-министром, но все же занимал заметную должность – был заместителем директора института авиационной технологии.

Антон Борисович умел безо всяких усилий со своей стороны производить приятное впечатление даже на незнакомых людей и завоевывать прочные симпатии у знакомых. Почему-то было легко представить, как его полюбила молоденькая Наталья Антоновна, а он – ее, хотя это случилось давно, еще до войны. В 1942 году Антона Борисовича послали в длительную командировку в США для приемки поставляемых в СССР военных самолетов, причем настолько длительную, что туда же разрешили уехать к мужу Наталье Антоновне с четырехлетней Люсей. Это путеше-

ствие в Америку запомнилось Наталье Антоновне как эпопея на всю жизнь. Сначала они через всю Россию ехали из Москвы во Владивосток, а там пересели на торговый теплоход, который должен был доставить их кружным путем мимо Камчатки по Берингову морю в порт на западном побережье Америки. Как женщина с единственной дочерью решилась на этот весьма рискованный рейс, было трудно понять. Скорей всего властно звала любовь, не признающая препятствий на своем пути. Тяжелые осенне-зимние шторма были далеко не самым опасными из них. Случаи, когда японские подлодки втихоря в отместку за поражение на Халхин-Голе, несмотря на мирный договор с СССР, но в соответствии с союзническими обязательствами перед Гитлером, топили советские торговые суда, происходили с пугающей частотой. Несколько ближних к Японии Алеутских островов были захвачены японцами, и оттуда могла исходить угроза атак еще и с воздуха. По словам Натальи Антоновны, морской переход страшно затянулся. Уже заканчивалась на борту пресная вода, когда они все-таки благополучно пришвартовались к причалу в американском порту. Дальше-то все пошло как по маслу. Оказаться после отъезда из истекающей кровью голодной и нищей России в изобильной и мирной Америке было равносильно преображению. Никаким «щучьим велением» в родной стране нельзя было бы осуществить подобных перемен. В штатах они хорошо и вкусно питались и без труда приобретали себе всевоз-

можные вещи на годы вперед. Это Михаил представлял себе вполне предметно. Мамин коллега по архитектурной мастерской, который еще до войны полтора года прожил в Америке, работал на сооружении советского павильона на Всемирной выставке. Из этой командировки Николай Иванович Гришин привез не только множество всякой всячины для себя и своей семьи, но и для близких знакомых на работе, пусть это были сущие пустяки с американской точки зрения, но только не для советских людей. Это были карандаши и точилки для них, кнопки, верно служившие годами (чего об отечественных никак нельзя было сказать), альбомы для рисования, ластики, а еще рубашки и блузки для десятка посторонних людей! Даже на Баженку Люся приехала в отлично выглядящем кожаном пальто, приобретенным еще во время войны в Америке. Конечно, у самой Люси осталось мало собственных воспоминаний о том времени, хотя, возможно, заокеанская жизнь отразилась на ее облике – высокая, стройная, но не хрупкая, рыжеволосая, как потомок выходцев из Шотландии или Ирландии (в этом она не походила ни на отца, ни на мать) – по крайней мере, Михаилу казалось, что так могло быть на самом деле. Ведь генотипы складываются не только за счет общего происхождения членов племени от немногих его основателей, но и за счет особенностей той местности, той страны, где они обитали, особенно в детстве. Слава Богу, сталинским органам госбезопасности, в своей бдительности подозревающим в измене

всех граждан родного государства, посланных им же работать за рубеж, на сей раз не пришло в голову обвинять Антона Борисовича, что он стал американским шпионом. Поэтому Люсино детство, юность и дальнейшая жизнь не были перечеркнуты жирной клеймящей черной краской – член семьи врага народа – и жила она вместе с обоими родителями. Повзрослев, она сама или с помощью матери узнала, что у Антона Борисовича есть и другая женщина, и Люся даже разговаривала с ней, стремясь предотвратить развод отца с матерью. Развода действительно не произошло, но Михаил не думал, что это было следствием Люсиного вмешательства в интимную сферу отца. Скорее причина была в том, что у Антона Борисовича имелась далеко не одна любовница, а жениться на каждой из них он и не предполагал. Наталья Антоновна явно принадлежала к тому постепенно сокращающемуся кругу женщин, которые знают об изменах мужей, но не ищут выхода ни в разводе с целью начать новую жизнь с другим мужиком, ни в том, чтобы компенсировать понесенный ущерб самым эффективным способом, заведя любовника или любовников самой. А еще Люся узнала, что главной страстью отца стала игра на тотализаторе. Он был завсегдатаем ипподрома и просаживал там большую часть своей зарплаты. Люся не столько с возмущением, сколько с изумлением рассказала Михаилу о своем открытии: матери на семейные нужды он отдавал всего двести рублей в месяц, получая в то же время шестьсот. –«Представля-

ешь – шестьсот!» Это были очень большие деньги в то время. Официальный оклад министра (конечно, это было не все, что он получал деньгами от государства) составлял пятьсот рублей. И в основном эти деньги отца пропадали на скачках и на бегах. Но Антон Борисович заставлял свою дочь удивляться не только по денежным поводам. Она и представить себе не могла, насколько велика была его популярность в самых неожиданных местах. Однажды, когда Люсе предстояла командировка в Ленинград, отец, зная, как трудно там бывает устроиться в гостинице, сказал дочери: если ничего не будет получаться, обратиться в «Октябрьскую» гостиницу – и назвал несколько имен, добавив: «Думаю, помогут.» Помощь действительно потребовалась. Но когда Люся нашла даму – одну из названных отцом сотрудниц персонала «Октябрьской», реакция на то, как она представилась, была просто невообразимой. Дама схватилась за телефон и голосом, полным ликования, сообщила двум коллегам: «Марья Семеновна, Екатерина Ивановна, идите скорей ко мне! Знаете, кто к нам приехал? Дочка Антона Борисовича!!!» Примерно тоже самое случилось потом и в Гаграх. На сей раз Люсе немедленно предоставили приют в старейшей, основанной еще самим принцем Ольденбургом и самой фешенебельной гостинице в Старых Гаграх – в «Гагрипше», где получали афронт куда более именитые и состоятельные люди. Такова была житейская слава ее отца. Можно себе представить, что творилось бы в «Октябрьской» или в «Гагрипше»

или в любом другом месте, где знавали Антона Борисовича, если б туда явилась не его дочь, а он сам.

Михаилу нравились оба Люсиных родителя: Наталья Антоновна за душевный склад, за долготерпение и стойкость, в конце концов – за воспитание дочери; Антон Борисович – за мужское обаяние, сильное и не злодейское, потому что даже не лучшие с точки зрения общественной морали страсти, которым он был привержен, не влекли за собой изменений в его первооснове, а первоосновой в нем было добро.

Наталья Антоновна, несомненно, хотела видеть дочь замужем и с детьми – тогда бы она реализовалась бы и как замечательная бабушка, тем более, что Люсе уже исполнилось двадцать восемь и ее близкие подружки – Марина и Ада, кто как, но устроились в жизни на это счет. Про себя Наталья Антоновна признавала, что это лучше, чем ничего – все-таки у них у каждой есть постоянный мужчина и ребенок, хотя в глубине души полагала, что подружки все-таки скурвились, как она однажды высказалась Люсе. А вот у родной ее дочери, такой красивой, удавшейся по всем статьям, почему-то ничего прочного и серьезного не получалось, и это было предметом постоянных расстройств. Люся рассказывала Михаилу, что еще студенткой МВТУ сумасшедше влюбилась в сокурсника, который не ответил ей с тем же пылом, хотя она ему нравилась. Люся страдала по нему достаточно долго, пока наваждение не кончилось. – «Когда? – спросил Михаил. – После того, как ты ему отдалась?» – «Да,» – пе-

начально подтвердила Люся, в то же время улыбкой подтверждая правильность его догадки. Ему не раз и не два приходилось сталкиваться с тем, как чья-то любовь без взаимности исцелялась и переставала существовать душевной раной после физического сближения с любимым человеком, который мог позволить себе ответить только таким образом, но не больше, отдавая дань уважения тому лучшему, что одно существо, вольно или невольно, способно вызвать в другом существе, для которого и это могло с полным правом считаться достижением и подтверждением силы его любви. Но студенческая любовь прошла уже давно, а новая не появилась. Михаил и сам думал об этом с некоторым сожалением. Несмотря на то, что Люся как женщина привлекала его сама, ему почему-то не меньше хотелось, чтобы у Люси появилась полноценная семья и без его участия. Это следовало рассматривать как признак того, что поглощающей любви между ним и Люсей не будет, а, значит, и серьезных изменений в образе их жизни в ходе дальнейших отношений за собой не повлечет. Но мысль об этом не действовала ни на Люсю, ни на него холодным душем – пусть не любовь, но ведь глубокая и не пустяшная по своим последствиям симпатия – разве мало по нынешним временам? Люся могла сидеть у него на коленях и отвечать на ласки, рассказывая Михаилу о своих историях, в том числе о любовных, и слушая его откровенные признания по поводу его поисков счастья дома (в прошлом) и ныне – на стороне. Иногда она

отпускала ему ироничные замечания, которые совсем не раздражали Михаила – наоборот, казались вносящими ценный вклад в их общий мыслеобмен, и он, признавая ее правоту, называл Люсю: «Ты мой саркастик,» и они целовались как миленькие, и это не был цинизм.

В том, что словесная природа их разговоров соответствовала истинному положению вещей в околосексуальной сфере, они оба убедились после того, как у них в институте состоялось заседание информационного комитета ИСО – они оба были включены в состав советской делегации. Михаил вочию убедился, какое мощнейшее воздействие оказало присутствие Люси на одного из иностранных участников – членов комитета. Это был глава британской службы информации по стандартам мистер Добсон, уверенный в себе рано полыхавший, но довольно молодой человек, несколько свысока посматривавший на иностранных коллег – видно, в Британии еще не перевелся тот тип людей, чьими усилиями была создана величайшая империя на планете. Но британская империя как таковая уже в основном давно распалась, поэтому подчеркнутая и высокомерная самоуверенность мистера Добсона показалась Михаилу не совсем адекватным способом подчеркивать роль его страны при новом мировом положении вещей. Однако от самоуверенности не осталось и следа, когда он ощутил на себе наверняка неожиданное влияние со стороны Люси. Будь он французом, его галантность по отношению к ней казалась бы более естественной,

но Добсон явно ничего не мог поделаться с собой. Единственное, что удавалось ему, это оставаться в рамках представителя своей родины на международном форуме, не то он давно бы на все сто процентов пустился во все тяжкие, дабы завоевать расположение прекрасной русской дамы. На его счастье Люся вполне прилично говорила по-английски. Заметив во время перерыва, что она курит, он стал постоянно угощать ее какими-то невиданными в России дорогими английскими сигаретами. Его явно воодушевило, когда он выяснил, что Люся – мисс, а не миссис, он сразу спросил, как ее зовут, и она сказала на английский манер, что Люси, и тогда он, не теряя скорости, поинтересовался, как ее ласкательное имя звучит по-русски. «Люсенька» – в его устах прозвучало как дивный колокольчик. Немного коверкая, он все-таки добился более сносного произнесения вслух этого прекрасно звучащего имени под Люсиным терпеливым руководством. Восхищение именем, какое он мог выразить вслух, яснее ясного свидетельствовало о том, какими Люсиными достоинствами он хотел бы восхищаться столь же свободно, однако в данной обстановке в силу своего официального статуса был просто не в состоянии. А получилось ли бы у него добиться Люсиного согласия на встречу вне заседания, он не знал. На родине или в британском посольстве его наверняка проинформировали о том, какие жесткие, лучше сказать – жестокие правила общения советских граждан с иностранцами неукоснительно соблюдаются в «этой стра-

не». Под страхом тюремных наказаний они могут говорить только то и только так, как утверждено соответствующим советским начальством. Их обязывают во всех подробностях сообщать о своих разговорах во время общения с иностранными гражданами, если, конечно, они и без того не являются штатными агентами КГБ. Если под ударным воздействием Люси на все его существо он не позабыл до конца о всех полученных им предостережениях, то лишь потому, что боялся своей неосторожностью повредить Люсе, которая в одночасье стала ему очень дорога. Ему уже никак не хотелось уезжать домой без Люси, но как это можно было устроить? Пригласить в ресторан? Но даже такое банальное и на первых порах мало что значащее событие вряд ли не притянет к себе внимание окружающих, а, главное, органов безопасности. Глядишь, Люсе тогда немедленно прикажут перестать с ним общаться или удалят из русской делегации, а без приглашения в ресторан он имел бы возможность видеться и говорить с ней на заседаниях еще два дня. Так что мысль о походе в ресторан лучше было отложить на день окончания сессии. Но даже если б с советской стороны препятствий не было бы, как он мог бы обеспечить переезд Люси в Англию? Ведь она ему не жена (ах, кстати, он пока еще женат на другой) и не родственница. Кто и на каком основании пустит ее в Лондон из-за железного занавеса против коммунизма? У Люси тогда будут только два пути: либо приехать по его приглашению, под его личные гарантии и ответствен-

ность, либо оформиться в качестве члена туристской группы – но там она оставалась бы под постоянным надзором старшего туристской группы, почти наверняка функционера КГБ, а стоило бы это для Люси очень дорого, причем ей еще вполне могли не дать разрешения на выезд советские власти, а на въезд в Англию – британские. Так что по существу оставалась лишь одна возможность – официально оформить для Люси его персональное приглашение, а для этого надо было сначала вернуться домой. Попытаться оформить приглашение сразу здесь, в посольстве, бессмысленно – ему сразу укажут на опасность оказаться во власти соблазнительной советской агентессы и объяснят, что для гарантии британской безопасности им надо сперва убедиться, не стоит ли за приглашаемой КГБ, на что требуется время.

Между тем Люсенька нравилась ему все больше и больше. Ему уже предметно виделось, как он начнет с ней новую жизнь в гармонии, о которой всегда мечтал и которой так и не добился в отношениях со своей женой. В возрасте между тридцатью и сорока он еще не так стар, чтобы опасаться не удовлетворить русскую красавицу, тем более, что он еще никогда в жизни не испытывал подобного мужского вдохновения при виде женщины, как это случилось с Люсей. Развестись с женой он готов был сразу же, без промедления, но это тоже требовало усилий и времени, а так нелегко было ждать, ждать и ждать! Добсон почему-то не сомневался, что Люсенька согласится выйти за него. У него прочное по-

ложение в обществе, удачная карьера до сей поры не ограничивала возможности дальнейшего роста, и в его силах было устроить Люсеньке у себя на родине такую жизнь, какой у неё наверняка не было бы в ее проклятой всем остальным миром родной стране. Они бы могли на выходные путешествовать по Англии, Шотландии и Ирландии, да и по Западной Европе тоже, а в отпуск отправляться в какие угодно экзотические страны и места – в Индию, Индокитай, в Океанию, в Африку и ее кишачие живностью саванны, в Канаду и Штаты, наконец. Захочет посмотреть Австралию – будут ей и кенгуру, а Новую Зеландию – так маори и киви. И везде они будут со страстью отдаваться друг другу, везде их близость будет поднимать их над грешной и скучной Землей.

Михаил про себя соглашался с Добсоном, что Люся не устоит против его страстного и искреннего напора. Да и зачем ей сопротивляться? Что ей терять в СССР? Здесь ее мало что держит. Родителям, конечно, придется несладко. Антона Борисовича наверняка попрут с поста зам. директора, и ему нечего станет тратить на бегах. Наталье Антоновне будет совсем грустно – разве что будет выезжать время от времени в Англию по приглашению дочери, чтобы увидеть ее и, возможно, внучат. А большинство её друзей – евреи, и почти все они намылились эмигрировать в Израиль, на самом же деле – в Соединенные штаты. Люся прямо не спрашивала Михаила, посоветует ли он принять предложение Добсона, если таковое последует, но он понял,

что Люся хочет знать.

– Люсенька, если он тебя устраивает, уезжай. Там все-таки более полноценная жизнь, чем у нас. Английский ты знаешь, языкового барьера перед тобой не будет. Боюсь только, английские власти не придут в восторг от того, что подданный ее величества настолько быстро подпал под чары русской дамы, что скорей всего ему подсунули опытную соблазнительницу из штатного состава КГБ. Его-то они точно будут досконально проверять, а тебя – как у них получится. Посмотрим, что из всего этого выйдет. И они посмотрели.

Достаточно скоро домой к Люсе пришел пакет документов из Британского посольства. Люся тут же вызвала к себе Михаила, и они тщательно просмотрели каждую бумагу. Мистер Добсон сдержал слово, данное Люсе. Это было официальное приглашение от его имени посетить его страну в любое удобное для нее время. В посольских комментариях к приглашению Добсона разъяснялось, что оно действительно в течение неограниченного времени (уж раз приглашают, так приглашают). Однако вопрос о ее выезде в Англию из СССР находится в компетенции советских властей.

Поскольку документы пришли по почте, нечего было сомневаться, что в КГБ их уже прочли. – «Что ты думаешь по этому поводу?» – спросила Люся. – «Думаю, в органах решат одобрить твою поездку, если ты согласишься выполнить какое-то определенное задание или вовсе станешь их сотрудницей.» – «Этого мне только не хватало,» – помрачнела Лю-

ся. – «А ты как думала? Им ведь дела нет до твоих удовольствий, они привыкли думать только о своих. Для них приятно и полезно заслать туда своего человека, особенно потому, что они вроде как ни причем – ведь это не их инициатива, а Добсона. Но если англичане узнают, что тебя пытались завербовать, их контрразведка наверняка устроит Добсону кучу гадостей – почти столько же или столько же, сколько их устраивает нашим гражданам родное КГБ в аналогичной ситуации. Разве только не посадят, как у нас, но мало ему все равно не покажется.

– Знаешь, ты был прав, – через неделю сказала Михаилу Люся. – Меня вызвали в районное управление к тому же Кухарю, о котором ты мне рассказывал. Все повторилось, разговор шел в том же кабинете под портретом основателя ВЧК. Очень любезно говорилось о заинтересованности органов в вербовке такой фигуры, как Добсон. За это, дескать, орден могут дать не только мне, но и им. За этим, в передаче Люси, произошел следующий диалог.

– «Таким образом, – спрашиваю Кухаря, – вы полагаете, что мне следует принять его предложение?» – «Да,» – говорит. – «Ну, а дальше что?» – продолжаю я. (Кстати, Миш, мне очень помог твой пример, когда ты с опережением высказал его мысли) – «Дальше? Вам поручат выполнение определенного задания.» – «Меня не это интересует, – говорю. – Меня интересует, что дальше будет со мной?» – «С вами?» – удивляется Кухарь. – «А то с кем же еще? – отвечаю. –

Вы хотите, чтобы поехала к нему в гости в Англию непонятно в качестве кого? Он, как мне известно, женат. Мне предложения не делал, обещаний жениться на мне не давал. Зачем мне в таком случае ехать? Сама я к нему не стремилась. Быть в чужой стране на его содержании, когда я его почти не знаю – это, согласитесь, не очень прилично для советской женщины. Не думаю, что такое положение может устроить меня.» – «Людмила Антоновна, вы, пожалуйста, не торопитесь с выводами, – поспешил возразить Кухарь. – Вы вполне можете все спокойно и трезво обдумать. После этого мы снова с вами поговорим. До свидания,» – говорит. – «Всего хорошего,» – отвечаю. И ушла.»

Тот разговор Михаила с офицером районного управления КГБ по фамилии Кухарь, о котором упомянула Люся, состоялся месяца за два до ее посещения того же заведения. Однажды в коридоре института его остановила тогдашняя начальница первого отдела Валерия Петровна и вроде как вскользь сообщила: «Миша, с тобой хочет поговорить Кухарь из районного управления КГБ. Это рядом. Особняк в Скарятинском переулке. Зайди к нему.» Приглашение выглядело просто-таки по-домашнему. Валерия Петровна была в прошлые времена «кумой» в женском лагере, но эта служба не испортила ее до конца, и человечности она не растеряла. Почему-то она симпатизировала Михаилу. И именно от нее он впервые узнал, что мило улыбающаяся ему Мария Орлова говорит о нем очень нехорошие вещи директору Беланову.

(«Так что, Миш, смотри»). Не послушаться Валерии Петровны насчет визита к Кухарю не имело смысла – если тот хочет поговорить, все равно разговор состоится. Михаил без труда нашел особняк, мимо которого не раз проходил. Передняя дверь была заперта, но сбоку на косяке имелась кнопка звонка. Михаил нажал кнопку, но звонка не услышал. В ведомстве не любили, чтобы из принадлежащих ему домов доносились какие-нибудь звуки. Дверь открылась достаточно быстро. На пороге стоял относительно молодой человек в гражданском костюме, на вид не старше тридцати лет. – «Я к товарищу Кухарю,» – пояснил Михаил в ответ на немой вопрос. – «Проходите, – сказал человек, сделав шаг назад и пропуская Михаила вперед себя. – Я Кухарь. Вы, полагаю, Михаил Николаевич Горский?» – «Да, – подтвердил Михаил.» – «Очень приятно,» – удовлетворенно откликнулся Кухарь и открыл перед ним дверь в кабинет. Над столом хозяйина кабинета висел внушительного размера портрет Феликса Эдмундовича – бессмертного духовного покровителя всех советских спецслужб, сколько бы их ни было: ЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ – и проницательным взором упирался в глаза людей, оказавшихся в поле зрения органов.

Кухарь начал с того, что посетовал: не все граждане отдают себе отчет в том, что какие-то вещи не следует делать, поскольку это ни в интересах страны, ни в их собственных. Михаил слушал, не перебивая. Увертюра Кухаря пока ни о чем не говорила. Лучше было дать ему без посторонней

помощи проявить свое намерение до конца. Внешне и внутренне Михаил был спокоен, даже не спрашивал себя, чем он мог провиниться перед конторой. С секретным делопроизводством у него был полный порядок ввиду полного отсутствия в его отделе секретных работ. Несанкционированных контактов тоже не существовало – до сих пор не возникало надобности даже в санкционированных. Кухарь тем временем продолжал. – «В такой обстановке имеет особое значение позиция всех членов общества, – в этом месте Кухарь слегка замялся, и Михаил неожиданно для себя самого любезно-безразличным тоном продолжил за Кухаря: в деле обеспечения интересов общества и его членов.» – Кухарь слегка опешил, но быстро просчитав что-то в уме, – подтвердил: «Совершенно верно.» Если это была прелюдия к вербовке, лучше было сразу дать знать офицеру госбезопасности, что он понимает, о чем идет речь. Встречное движение ловимых нередко настораживает ловящих в большей степени, чем поведение стремящихся убежать.

Кухарь в самом деле сменил пластинку.

– Вам знакома Валентина Михайловна Смиренина? – спросил он.

– Да. Она работала в моем прежнем отделе.

– Ну, и что вы можете о ней сказать?

– Как о работнике? Как инженер – достаточно слабый, хотя какие-то мелкие поручения способна была выполнять.

– Ну, а как человек?

В ответ Михаил только пожал плечами.

Валя попала в его отдел во время экстренного массового набора кадров, пока институту не прикрыли возможность заполнять свободные вакансии. Для начала он дал ей несложное самостоятельное задание. Когда же пришел срок предъявить начальнику результаты, Валя разыграла спектакль одного актера со слезами, словесным отчаянием – словом, со всем, что полагается по поводу того, что она вчера оставила материалы в троллейбусе и теперь не может их найти. На Михаила ее мастерство актрисы не произвело никакого впечатления. К тому моменту он уже ждал, что Валя будет пускать пузыри, в то время как внешне более образованные гурвицы, лернеры и фиши ухитрились проявить свое бессилие и неспособность даже раньше Вали. Зато он теперь точно знал, кто у него ни что не способен при выполнении своих штатных обязанностей.

– Насколько я знаю, она была не замужем, но с ребенком, – сказал Михаил Кухарю. В отделе вела себя довольно скромно.

Он мог бы сказать и больше, но не сказал. Однажды Валя объявила, что хочет отметить свой день рождения в ресторане. Сотрудники организовали складчину, и все отправились не куда-нибудь, а в «Берлин» (бывший «Савой»), где и провели время за едой, питьем и танцами. Пригласив именинницу на танго, Михаил понял, как Валя ждала этого момента. Как только они скрылись с Олиных глаз, она тесно

прижалась к Михаилу, причем не только грудью, а больше лобком, и он почувствовал свое возбуждение. Однако Валя была ему ни к чему во всех отношениях, даже в этом, где она проявила вполне значимую компетентность.

Кухарь остался явно не удовлетворен таким ответом.

– Ну, а как женщина – что она представляет собой?

– Вы хотите спросить, способна ли она заинтересовать мужчину? Да, полагаю, что способна.

– Вам что-нибудь известно об этом?

– Только то, что в студенчестве у нее был роман с одним арабским студентом.

Говоря это, Михаил вполне отдавал себе отчет, что Кухарь прекрасно знает об этом. Как видно, вся беседа была затеяна ради того, чтобы получше и побольше узнать о Смирениной, дабы как можно более эффективно использовать ее в интересах госбезопасности.

На этом расспросы закончились. Провожая Михаила до дверей на выходе из особняка, Кухарь предложил заходить к нему, когда только понадобится. Михаил усмехнулся про себя и ушел.

Но об играх органов госбезопасностей он рассказывал Люсе не только эту историю. Другая по существу была знаменательней, а, главное, больше подходила к Люсиной ситуации.

– У нас с женой есть в приятелях одна пара. Алик студентом тоже влюбился в мою Лену. Мы, как выяснилось, уха-

живали за ней параллельно. Он был славный мальчик – красивый, искренний, румяный, как девушка – и в то же время потомственный комсомольский и партийный работник – его отец был первым секретарем одного из райкомов в Подмосковье. Это и предопределило выбор специальности по образованию – ясное дело – марксистко-ленинскую философию. Там-то он и познакомился с Леной, она тогда уже аспиранткой была. Впрочем, и я тогда был еще студентом, правда, постарше, чем Алик. Его проигрыш в нашем невидимом друг для друга соревновании не испортил наших отношений, когда все выяснилось. Потом он со своей женой Люсей временами бывал у нас, а мы – у них. И Люся рассказала однажды занимательную историю о конкурентном взаимодействии спецслужб.

Люся, жена Алика – преподаватель одного из экономических ВУЗов – однажды собралась в туристскую поездку по Англии. На организационном собрании туристской группы ее предложили считать старостой группы (еще бы! Муж – секретарь Московского горкома комсомола, ей и карты в руки!). Возражений не было. Потом с ней, уже как со старостой, провел отдельную беседу товарищ из органов. Он строго конфиденциально сообщил ей, что в составе группы поедет некий гражданин Попов. На первом сборе группы, как помнила Люся, его не было. Так вот, на Попова не должны были распространяться правила, обязательные для всех остальных туристов: никуда без ведома старосты не отлу-

чаться, не вступать в отдельные контакты с англичанами или с кем-то, кто будет приставать еще – и так далее в том же роде. Люсе было сказано также, что Попов присоединится к группе только в аэропорту. Ну, а ей-то что? Присоединится – так присоединится. Кому надо – те в курсе.

Однако перед посадкой Попов в составе группы так и не объявился. «Выпускающий» группы дал знать Люсе, что так надо. Ну надо – так надо. Ей же проще без него. Ладно. Прилетели в Лондон, в Хитроу. Только спустились с трапа – тут же появились встречающие. И первый их вопрос – а где же товарищ Попов?

Передавая рассказ жены Алика Люсе Кононовой, Михаил с восхищением говорил ей о беспредельном взаимопроникновении агентов КГБ и Интеллидженс Сервис в структуры друг друга.

– Представляешь, Люсь, едва наши решили забросить в Англию агента под видом туриста, там своевременно узнали об этом. Как только они стали готовить агенту Попову теплую дружескую встречу, это стало известно у нас, и засылку Попова отменили. Правда, здорово, когда такие люди прямо-таки читают мысли друг друга!

В тот раз Люся посмеялась вместе с Михаилом. Но когда он сейчас, после Люсиного сообщения о визите к Кухарю, напомнил об истории с агентом Поповым (или не Поповым, а кем угодно еще), смеяться у них обоих уже не было никаких оснований. Если слегка экстраполировать исто-

рию с Поповым на всю практику информационной и агентурной борьбы двух величайших разведывательных служб, легко было предположить, что о попытке завербовать Добсона с помощью Люси станет очень быстро известно в Англии. И тут даже не так было важно, согласна ли Люся играть какую-то роль в этом деле, важно было уже то, что у КГБ существует такой план, а в таком случае англичане должны будут принять встречные меры. Какие? Да прежде всего привести в сознание влюбленного британского правительственного служащего, который мог незаметно для себя превратиться в информационную брешь в антикоммунистической обороне. Люся-то пока была для них недостижима. А вот Добсон – другое дело. Он – под рукой. И если хочет продолжать оставаться главой информационной службы британской стандартизации, то должен будет поступать (или не поступать) как ему говорят в МИ-5 или МИ-6, но никак не иначе.

В скором будущем Люся, а с нею и Михаил, узнали, что все именно так и произошло. Из телефонного разговора с Добсоном Люся поняла, что он полностью раздавлен сознанием той несвободы, в которой он себя вдруг ощутил, всю жизнь полагая, что такое возможно – и конечно происходит – в России и где угодно, но только не на его родине, причившей его гордиться тем, что он свободный, вполне свободный гражданин и член общества. И вдруг обнаружилось, что это не одно и то же для отдельного человека, что он всю

жизнь ошибался и заблуждался. Одно дело воспринимать себя свободным человеком, ограниченным только в том, чего не допускает закон, а другое – оказаться членом общества, чьи интересы представляют не Смиты и Добсоны всей страны, а особо на то уполномоченные органы, которым плевать на его идеализированные самоощущения и самовосприятия себя в жизни Англии, и которые ничуть не собираются вести себя иначе, чем грубо беспардонные специалисты по искоренению крамолы в СССР.

Добсон сказал, что больше не является главой информационной службы. Люся не стала спрашивать, ушел ли он сам в знак протеста, или его «ушли» заинтересованные службы. Друзья нашли ему другую работу (хоть это можно было у них, где работодателей – миллионы, в то время, как у нас всего лишь один – родное социалистическое государство). Он сказал, что она по-прежнему может воспользоваться его приглашением, но обоим было ясно, что ей, как первопричине его служебной катастрофы, это будет теперь вовсе неудобно, не говоря уже о том, что у КГБ тоже пропал интерес к поездке Люси в Англию, а уж поэтому-то, то есть без пользы «для Родины», ее туда и не отпустят.

Люся не жаловалась, но на нее вся история произвела гнетущее впечатление. Снова лопнули только-только вспыхнувшие надежды. И с очевидностью стало ясно, что плохо бывает не только у нас, но и там, куда мы тянемся (или куда нас тянут) ради обретения личной свободы – той самой, кото-

рая нигде во всем многообразии типов многолюдных цивилизаций совершенно неосуществима и невозможна, что бы и кто бы об этом ни говорил.

Однако Люся была девушкой с характером, а потому и решила добиться хотя бы максимума возможного для себя дома, чтобы доступный образ жизни, наименее уязвляющий самоощущения и самооценку, стал реальностью. Она интенсивно работала над диссертацией и в процессе ее подготовки, рецензирования и доработки то тут, то там открывала для себя какое-то новое знание жизни и людей. Особенно впечатлила ее обязательная советская тупость при оценке деловых заграничных начинаний. Темой ее диссертации была система обеспечения качества продукции в Соединенных Штатах Америки. Так вот, директор института, при котором была ее аспирантура, не нашел ничего лучшего, чем высказать следующее: работа хорошая, но в ней не учтен положительный опыт советской системы борьбы за качество. Хоть стой, хоть падай! Наедине с Михаилом Люся одновременно с возмущением и со смехом говорила: – «О чем моя диссертация? Об Американской системе обеспечения качества. Какой рядом с ней отечественный опыт?» Миш, ну это просто бред – видеть то, чего не существует! Я раньше думала, что этот директор – неглупый человек, а он, оказывается, просто тупая жопа!»

Люся никогда не употребляла и не повторяла непечатных выражений за исключением случаев, когда они придавали

наиболее точную, емкую и красочную образность описываемому явлению – как то, что высказал в своей больнице доктор Подосинников. – «Подумать только, – продолжала вспоминать, искренне смеясь, Люся. – Ебанный депутат районного совета! Надо же так сказать!» Но на сей раз она заклеимила директора собственными словами, и это свидетельствовало о том, что сделанное ею сравнение он вполне заслужил.

Когда Люся вышла на финишную прямую к защите и издала автореферат диссертации, Михаил получил его экземпляр с дарственной надписью, как человек, знающий о классификации всё. Это было несколько чересчур, но в целом соответствовало собственным представлениям Михаила относительно того, что помимо общеизвестного и известного немногим специалистам, он знал и кое-что еще совсем неизвестное другим, но его отнюдь не рапирало от гордости. Блистательная, воодушевляющая многих идея какой угодно систематизации – моноиерархической, полииерархической, предметной и смешанной позволяла хорошо чувствовать себя своим создателям только до тех пор, пока они не начинали погружаться в пучину универсума знаний, где сплетенная по их проекту сеть начинала окутывать своих создателей, постепенно лишая их подвижности, пока не запеленывала их в сетный кокон.

После успешной защиты Люся сразу же перешла на работу в Институт США и Канады, где усилиями его директора Арбатова (кстати, однокурсника Михаила Петровича Дани-

лова по МГИМО, только сделавшего куда более успешную карьеру, в том числе и в ЦК КПСС, после завершения учебы) и некоторых кураторов из этой высшей партийной инстанции было позволено – и даже предписывалось – делать выводы из исследований честно, без обязательной подгонки под идеологический, точнее – вульгарно-идеологический штамп. В определенных случаях некоторым звеньям огромной бюрократической машины, управляющей страной, требовалось знать, что вокруг нее происходит на самом деле, а не в легендах и мифах, создаваемых для использования в обиходе широких масс, у которых, однако, по ходу жизни в демагогической атмосфере, давно уже выработалось устойчивое неприятие скармливаемой им лжи.

Работать Люсе стало много интересней. Михаил еще раньше ее ушел из института, основанного Белановым, в новый научно-исследовательский центр межотраслевой информации с молодым директором Антиповым во главе. На пост директора он попал лишь по воле случая, а не в ходе долгих интриг или вследствие чьего-то мощного покровительства (или, как говорили в народе, благодаря чьей-то «волосовой руке»). Военно-промышленной комиссии (ВПК) захотелось, чтобы во главе нового центра встал действующий научный работник, доктор наук, компетентный в вопросах использования вычислительной техники, разумеется, член КПСС и возрастом не старше сорока лет. После поиска среди кадров министерства авиационной промышленности, ко-

торому ВПК поручила решать организационные вопросы по созданию центра, было обнаружено всего два кандидата с требуемыми свойствами. Антипова нашли более подходящим из этой пары и утвердили в новой для него руководящей должности. Со всеми претендентами на значимые посты в центре он разговаривал сам. В беседе с Михаилом наряду с другими вопросами Антипов задал ему и следующий: «Как понимать второй член в распределении Брэдфорда?» – на что Михаил честно ответил: «Не знаю.» – «И я не знаю!» – столь же честно сознался Антипов. Это был, что называется, вопрос на закуску, а не на засыпку, на все остальные Михаил отвечал уверенно, основываясь на вполне осмысленных собственных убеждениях. Так он стал заведующим сектора, но вопроса Антипова насчет распределения Брэдфорда не забыл. Где-то в мозгу он постоянно напоминал о своем присутствии, и однажды Михаил осознал, какое именно явление – или лучше сказать – свойство реального практицизма лежит в основе вывода английского исследователя Брэдфорда. Брэдфорд задался проверкой одного вопроса: какая доля публикаций по определенной специальности находится в профильных, то есть полностью соответствующих ей периодических изданиях, какая доля – в тематически смежных изданиях, а какая доля – во всех прочих, куда, как правило, узкий специалист в поисках нужной информации и не подумает обратиться.

В результате своей работы Брэдфорд пришел к выводу,

что о какой бы тематике ни шла речь, везде обнаруживалось следующее распределение публикаций: в профильных изданиях одна треть, в смежных изданиях еще одна треть, и в изданиях как будто не имеющих отношения к заданной теме – последняя треть. Причем, если совокупное число профильных изданий принять за единицу, то число смежных изданий будет уже в n раз больше, а число изданий номинально неподходящего профиля, но все-таки содержащих (подумать только!) опять-таки треть относящейся к теме информации, составит уже n^2 , то есть соотношение между профильными, смежными и совсем непрофильными изданиями, в каждом типе которых находилась релевантная (относящаяся к делу) документальная информация, представляло собой следующую пропорцию: $1:n:n^2$, где величина n могла варьироваться от одного тематического направления к другому в зависимости от величины информационных потоков по ним, то есть от числа работающих в них мыслящих людей, от значимости темы, в том числе и от моды.

И вот тут в голове у Михаила соединились две разные, то есть независимые друг от друга уже известные ему и извлеченные из информационной практики вещи: результаты распределения документов, прошедших индексирование по УДК в информационных фондах, по группам: легко индексируемым по УДК, когда документы получают простые индексы; легко подправляемым за счет использования дополнительных индексов УДК, когда индексы доку-

ментов становятся составными; с трудом индексируемым документам, когда они получают сложно-составные индексы по УДК – и распределение публикаций по Брэдфорду. Везде, что там, что тут в каждой установленной группе содержалась как одна треть индексируемого в фондах документального потока, так и одна треть информации, публикуемой в журналах. Но ведь в обоих случаях речь шла по существу об одних и тех же информационных материалах: куда поступали журнальные статьи? В информационные фонды – куда ж еще!

Михаил понял, что закономерность, установленная Брэдфордом, является универсальным индикатором не только для распределения публикаций по информационным издательствам и изданиям, а также для работ по индексированию, то есть в конце концов по распределению информации по рубрикам в информационных фондах. За этим стояло нечто более общее и присущее обычной практической деятельности людей. Михаил начал поиск и достаточно быстро углядел первооснову явления. Его рассуждения сводились к следующему. Не все окончившие высшие учебные заведения по определенной специальности находили работу именно по этой специальности в подходящих для этого отраслях. Тогда они устраивались либо в смежной отрасли, где могли требоваться специалисты именно их профиля, либо где-то еще, где их востребованность представлялась и вовсе случайной. Свои мысли, открытия, научные и технические предложения активно мыслящие люди же-

лают изложить в статьях и опубликовать. Те, кто работают в профильной отрасли, направляют свои материалы в профильные журналы; те, кто работают в смежных отраслях тоже хотели бы опубликовать в тех же профильных журналах, но для той отрасли эти авторы – уже не свои люди, и им оказывается проще издать свои труды в тематически смежных журналах; а те, кто попал даже не в смежную отрасль, а куда подальше, становятся для профильных журналов совсем чужими авторами, и они, используя уловки в виде привязки своих специальных трудов к решению непрофильных проблем, публикуют свои работы черт-те где, то есть просто где получится. Иными словами, для деятельности любых организаций и отдельных лиц всегда характерно разделение (то есть первичное классифицирование) любых занятий, любой информации, любых материалов на три класса по характеру их собственного отношения к ним: первый – «родные», вполне релевантные, вполне соответствующие профилю их занятий, непременно необходимые; второй – смежные, «двоюродные», частично соответствующие профилю их занятий и нередко полезные; третий – все остальное, чужое, до чего данному субъекту, будь то организация или отдельное лицо, дела нет. Но когда дело доходит до обобщения всех коммуникативных отношений в обществе, до слияния всех частных и отраслевых информационных потоков в единый универсальный поток, к которому стремятся припасть и питаться из него все нуждающиеся клиенты, отовсюду вы-

совывается для каждого потребителя – свое, смежное, чужое, то есть треть, и треть, и треть. Или Брэдфорд, Брэдфорд и Брэдфорд – кругом он, родимый – и оказывается, не только для своих англичан. И пусть он не сделал из этого философских умозаключений. Зато заставил всех признать, что:

– всякий специалист, уверенный в том, что он знает все, что ему нужно, пользуясь лишь профильными изданиями, на самом деле довольствуется лишь третью материалов, публикуемых по его тематике;

– полное информирование, на все сто процентов, возможно только на основе очень широкого поиска во множестве изданий, круг которых на основе рубрицированного каталога точно определить наперед невозможно.

А Михаил кроме этих выводов сделал еще и другие.

Первое. Классификационные языки индексирования, созданные по принципу моноиерархии, не могут служить эффективным средством, компенсирующим рассеяние информации по смежным и непрофильным изданиям и фондам, выявленное Брэдфордом и обследованием ГКНТ, поскольку тематически и предметно исходный ряд классов на первом уровне классификационного деления неполон, непоименованные в нем другие тематические или комплексные дисциплины автоматически переводятся в разряд «смежных» или «чужих» – ведь соответствующие им рубрики можно породить только с использованием грамматики, то есть неиерархических связующих средств. Иными словами, мо-

но иерархические классификации сами страдают болезнью рассеяния по Брэдфорду и заражают ею и систему изданий, и процесс индексирования информации в фондах.

Второе. На самом деле болезнью по Брэдфорду страдают не только собственно информационные языки моноиерархического типа, но и любые системы распределения некоего множества проблем и вещей на ограниченное число классов на первом уровне дедуктивного деления. Пожалуй, самым ярким примером того, что с помощью дедуктивного моноиерархического подхода нельзя успешно разделить ответственность за выполнение разных функций между людьми, могут служить практикуемые то там, то тут административные реорганизации, в том числе и реорганизации состава правительства страны с целью улучшения его дееспособности.

Всякий глава правительства, приступая к работе, первым делом формирует список министерств, на которые он будет возлагать исполнение обязанностей по всем проблемам страны. Министерств и министров не может быть слишком много, скажем – больше двух-трех десятков (иначе премьер не сможет их контролировать лично). Профиль некоторых министерств ему представляется очень ясным – это касается обороны, госбезопасности, внутренних дел, иностранных дел, финансов, экономики, железнодорожного транспорта, образования, атомного машиностроения и атомной энергии, торговли, сельского хозяйства, малого предпринимательства, водного транспорта, горнодобывающей про-

мышленности, машиностроения, приборостроения, энергетики, здравоохранения, социального обеспечения – так можно продолжать еще, но не долго.

Практически всё перечисленное – это кандидаты для включения в первый ряд классификационного деления всех вопросов, которыми должен изо дня в день заниматься глава кабинета. Пока что не будем подробно касаться того, что исходный ряд составлен плохо – многие классы уже здесь по содержанию поручаемых каждому из министерств вопросов пересекаются друг с другом. Например, разве борьба с угрозой терроризма, ее силовой аспект, может быть осуществлена только силами министерства госбезопасности? Нет, этим должны заниматься еще и министерство внутренних дел, и министерство обороны, и министерство чрезвычайных ситуаций, а в информационном аспекте – еще и министерство иностранных дел, и министерство финансов, и министерство всех видов транспорта.

Или разве атомная энергетика с точки зрения пользователей принципиально отличается от энергетики другого типа – им же работать в составе одной энергетической сети!

Или разве министерство промышленности находится вне связи с экономикой, управляемой другим министерством (возможно и несколькими еще – таким, как министерства торговли, малого предпринимательства) и с министерством финансов?

А разработка и поставка вооружений для силовых мини-

стерств разве не является заботой сразу министерств промышленности, обороны, внутренних дел, торговли (по крайней мере, внешней) и министерств экономики и финансов? Но это хотя бы может быть выявлено еще на этапе формирования состава министерств. А сколько невыявленных на первом этапе работы проблем оказывается потом некому поручать по прямому профилю, и тогда приходится главе кабинета не только ломать себе голову, кому это поручать, как главному и самому ответственному министерству, но и преодолевать постоянное сопротивление министров, отказывающихся принимать на себя явно не профильные или отчасти непрофильные задания. И так будет всегда – разумеется с различными вариациями, не играющими особо важной роли, потому что по большинству решаемых вопросов приходится в непрерывных прениях и трениях принимать решения в режиме комитета, то есть всего правительства, а не в режиме четкого возложения обязанностей и ответственности на вполне и однозначно определенных лиц, в данном случае – министров. Эффективной такая работа не может быть никогда. Всякий раз на классификацию по видам деятельности и производимых продуктов будет неизменно накладываться классификация «по интересам» – «свое», «смежное» и «чужое», то есть снова Брэдфорд, Брэдфорд и Брэдфорд – слава ему, хотя и будь проклято то явление, которое он исследовал и с которым он, естественно, не знал, как бороться.

Да, крепко подумав, Михаил допускал, что Люся права, считая его человеком, который знает о классификации всё, нет лучше всё-таки просто знающим о классификации то, чего многие другие о ней не знают – такой оценки он, пожалуй, действительно заслуживал, хотя что из нее для него следовало? Ничего! Ничего нового ни для самовосприятия, ни для большего, чем у него было, устремления к Люсе, ни для ее устремления к нему. Все уже давно устаканилось. Они ничуть не разонравились друг другу, в любой момент при подходящих обстоятельствах и настроенности на сближение могли оказаться в постели, но это им не было так уж необходимо, раз они свободно могли жить поврозь, подолгу не видясь. Видимого предела для дальнейшего сближения не было, каких-либо жестких табу тоже не существовало. И все же достаточно определенно угадывалось отсутствие чего-то важного, возможно, жарко воспламеняющего импульса, который нисходит с Небес ради увенчания симпатий и превращения их в любовь не просто дружеского типа, когда уже признаются законными права друг на друга, потому что больше нет мочи жить врозь.

Однажды, позвонив Люсе, Михаил попал на Наталью Антоновну и по обыкновению заговорил с ней о житье-бытье, но сразу почувствовал, что она очень расстроена, и спросил, в чем дело. Оказалось, Люся уже несколько дней находилась в больнице – ее увезли туда с приступом острой боли.

– Вы не хотели бы проведать ее? – напрямую спросила

Наталья Антоновна.

– Разумеется, хотел бы, если это поднимет ей настроение. Сейчас-то ей лучше?

– Лучше.

– Вы когда собираетесь к ней?

– Сегодня днем.

– Можно я с вами?

Они встретились, как договорились, у универмага «Москва» и пошли к академической больнице. Люсю они обнаружили в коридоре, на ногах, с ней была институтская подруга Марина Ковалева. Как и Наталья Антоновна, Михаил расцеловался с обеими, причем сразу понял, что Марина не узнала его. Они виделись только раз на даче Люсиных родителей летом в день Люсиного рождения. Ну, не узнала – так не узнала – он не расстроился. Зато Люся была приятно удивлена, что он пришел вместе с мамой. Люся сказала, что воспалились придатки, и Михаил подумал, что причиной была неустроенная женская жизнь.

Наверно, то же самое считала и Наталья Антоновна. Когда они, поговорив с Люсей вдоволь, покинули больницу, уже сидя в трамвае, Наталья Антоновна вдруг подняла голову к стоящему рядом Михаилу и спросила в упор:

– Скажите, Миша, вы еврей?

Было ясно, что Люсину маму мог бы обрадовать только отрицательный ответ.

– Наполовину, – ответил он, но не добавил. – А что?

– А то, – сказал он себе, – как матери обидно, что бродят вокруг ее яркой красивой дочери молодые мужчины, почти сплошь евреи, причем хорошие ребята, но никто замуж не зовет, и даже когда они неженаты и свободны, потом находят себе других, явно не лучше Люси, зато евреек – и женятся, а те, кто уже женат, и не думают разводиться ради Люси, вот как он, например, Миша Горский, вроде бы и неплохой человек и к Люсе равнодушен, да что толку в этом во всем? И от евреев, и от русских, и от тех, кто и так, и сяк. А ведь натура у нее такая благодарная – если ее полюбят, она отдаст куда больше, чем будет брать! Но вот ведь и знают об этом, а все равно не берут, может, боятся этого? Просто рок какой-то! Прямо-таки злой рок. Господи, за что ей такое?!. Ведь она никому еще зла не причинила, а все у нее идет наперекосяк!

Наталья Антоновна была в своих мыслях неласкова к евреям – друзьям дочери – не потому, что была антисемиткой, а потому, что для продолжения своего рода они предпочитали евреек, хотя с этим Люся могла справиться даже лучше их – от крупной женщины с рельефной хорошей фигурой естественней ждешь горячего, бурного, страстного секса, чем от дамы средней величины.

Но вот как раз где-то возле этого времени ей не повезло и с русским. Люся рассказала Михаилу о нем, не скрывая своего воодушевления. Они были у нее дома вдвоем, и она только перед этим узнала, что у Михаила появилась Марина.

Как честный человек в ответ на его доверительную откровенность, она, чуть поиронизировав над тем, что сейчас он все-таки целуется с ней, столь же искренне рассказала о своей любви. По голосу, по движению кисти ее руки, которой она касалась его предплечья, Михаил понял, что Люсино чувство к новому избраннику очень глубоко ее волнует и сама она надеется, что на сей раз ее лодка достигнет семейной гавани. Им было хорошо в атмосфере полной взаимной откровенности. Целуясь, они делились друг с другом уверенностью и надеждой в обретении счастья с иными партнерами, не находя в этом ни цинизма, ни противоречия своему поведению. Люся верила на слово ему, а он ей, и оба желали счастья друг другу в романах, в которых не участвовали.

А вскоре Люся пригласила Михаила к себе вместе с Мариной, она отмечала с друзьями получение диплома кандидата экономических наук. Люсин избранник, разумеется, тоже присутствовал там среди прочих гостей. Михаил ожидал увидеть внешне более интересного или красивого человека, но это все же ничего о нем не говорило – Люся могла знать о его достоинствах гораздо доскональнее, чем кто-либо еще. Вообще-то Михаил хотел бы убедиться в одном – что этот человек любит Люсю не меньше, чем она его, но и этого не было заметно. Хотя кто знает, в каких еще формах проявляется любовь, кроме тех, которые данному наблюдателю были уже известны по личному опыту. Он думал, что скажет Люсе, если она спросит его о впечатлениях, которых у него

практически не появилось, но она не спросила. Зато призналась, что Марина очень хороша. А Антон Борисович пришел от нее просто в восторг. Немного потанцевав с Мариной, он дал понять Михаилу не столько словами, сколько размахом рук, мимикой лица и пожатием плеч, что буквально поражен открытием – оказывается, такие люди, такие женщины еще встречаются на этом свете, где все как будто давно уже измельчало – но вот поди ж ты – оказывается они еще есть. В искренности восхищения Люсиного отца, который был знатоком не только лошадей, но и женщин, сомневаться не приходилось – Михаил и сам без него знал, что это так, именно так и никак не иначе. Они видели одно и то же, проникались одним и тем же действующим началом, и Антону Борисовичу было вполне достаточно простого кивка головы Михаила, чтобы убедиться в этом единстве мнений. Женщина в ореоле безупречной благородной красоты – такое редко кому доводится узнать с первого взгляда. Для этого надо уметь такое ценить, а, главное, встретить. Короче – как мужчина Антон Борисович без тени сомнения одобрил выбор Михаила вопреки возможной отцовской заинтересованности.

Наталья Антоновна своего мнения о Марине не высказала. Но Михаил подумал за нее, что он предпочел Люсе все-таки не еврейку, а действительный образец женственности, свойственной, пожалуй, в первую очередь именно России, где век за веком сшибались Восток и Запад, порождая пора-

зительный синтез черт красоты, свойственных и тому и другому, в общем, едином образе.

Однако у Люси и на сей раз случилась осечка. Хотя ее избранник был русским – надо же! – и он женился на еврейке! Обойти Люсю по женским качествам она не могла (совсем не потому, что была еврейкой, а потому, что не была способна в большей степени завладеть воображением мужчины, чем Люся). Значит, она взяла его за счет его заинтересованности в чем-то другом. Но для Люси это все равно явилось ударом. Она выдержала его с привычной стойкостью, но сколько же можно было их держать и выносить! Михаил был все больше склонен согласиться с прежней Люсиной сотрудницей по отделу зарубежной информации, которая считала, что мужики просто боятся самой силы Люсиной любви. Неужели думали, что их на нее не хватит? Или просто не умели принимать любовь сверх того, что от нее воплощалось в сексе?

Если так, она была обречена на любовное одиночество, которое покуда больше терзало мать, Наталью Антоновну, чем саму Люсю, но ведь оно могло приняться и за нее самое, причем безо всякой жалости. За этим наверняка стояли Высшие Силы. Кто ж еще мог ставить непреодолимые барьеры перед человеком, исполненным искренней любви, доброты, готовности к полной самоотдаче и даже жертвенности, и допустить, чтобы эти ценнейшие качества личности никому не достались – ни мужчинам, ни потомкам, ко-

которые как будто могли бы у них с Люсей быть? Какой кармический груз отягощал данную жизнь Люси в ее нынешнем прекрасном телесном воплощении? На эти вопросы Михаил даже не надеялся получить какой-либо определенный ответ. Оставалось только полагаться на то, что испытания ее духа закончатся все-таки еще в этой жизни, а не в каких-то последующих, относительно которых людям в их несовершенстве знать вообще не дано.

Размышляя о своей и Люсиной полулюбви, Михаил, конечно, представлял, что в данном случае внедренные в его и ее сознание, да и подсознание тоже, предпочтения, привычки и идеалы, совпадали далеко не всегда, а уж они-то эффективно работали на их взаимное притормаживание при сближении по той дистанции, которая разделяла их. Нельзя сказать, что Михаил был предан какому-то определенному эталону, стереотипу, который звал его к поиску и обнаружению женщин, прямо соответствующих его идеалу во плоти. Нет, главная мечта его жизни – обрести взаимную любовь и счастье до конца жизни – никогда наперед не обретала конкретный облик в его голове. Отдельные свойства личности и телосложения он более или менее представлял, но и только. И знал, что будет руководствоваться некоторыми табу, если столкнется с их нарушением. Если не считать курения и пользования косметикой (а это Михаил был склонен, возможно, и заблуждаясь на данный счет, считать неисправимыми недостатками), в Люсином характере и поведе-

нии он нетерпимых черт и свойств не замечал. А как он сам выглядел в Люсиных глазах, сложно было догадаться. Если она о чем-то или о ком-то слышала в связи с ним (а слышать в институте, конечно, могла), то никогда об этом не упоминала, тем самым не ограничивая его ничем, что можно было бы принять за претензии.

Он даже понравился ей как прозаик. Прочитав его повесть и рассказы, она дала им хорошую оценку, не подстраиваясь под дух доверительных отношений между ними, чтобы не повредить им. Те, кто хотел уклониться от откровенности, маскировали свои суждения приличествующими словами совершенно неопределенного содержания. Люся к такому средству не прибегала. Но все же той начальной идеализации его личности, которая всякой женщине необходима для возникновения глубокой любви и поглощающей страсти, он в ее душе явно не вызывал. Мысль о том, что Люся не видит в нем полностью подходящего ей партнера, не была ему ненавистна и не мешала их дружеским отношениям с примесью любви. Он со своей стороны мог сказать точно то же. Люся изначально нравилась, но не выше головы, и в одну постель их могла уложить разве что равная неустроенность. Но когда он обрел Марину, все мысли о поиске кого-то еще, отпали сами собой. Да, некоторым неопределенным привычным фоном в сознании они еще по привычке задержались и испарились не сразу (действительно, нет в природе ничего более инертного, чем все относящееся к сфере психических

энергий, как о том предупреждал учитель Елены Ивановны Рерих), но все же достаточно быстро, чтобы не заставить его сделать серьезные глупости. А потом он уже владел собой настолько, что встречи по жизни с другими привлекательными женщинами не влекли за собой ничего, кроме возникновения глубоких симпатий, даже если другая сторона и не думала притормаживать, чтобы остановиться только на этом.

Но пока Михаил и Люся только выясняли, какие отношения между ними устраивают каждого из них, в институте уже многие решили, что им известно все – какие могут быть тайны у любовников перед посторонними, которые фиксируют их встречи на работе почти каждый божий день?

Самым ярким подтверждением этой уверенности знатоков из числа окружающих был следующий случай.

Однажды сразу после окончания рабочего дня Михаил поднялся на этаж, где работала Люся. На площадке ему встретились две женщины, выходящие из одного кабинета. Это были начальница Люсиного отдела Ярова и ее заместительница Малкина.

Обе были в некотором смысле примечательными фигурами. Первая, Ярова, обладала высокой фигурой, внушительными бедрами и красивым холодным лицом с холодными глазами. Молва уже давно гласила, что она является любовницей председателя госкомитета, которому принадлежал институт. Частые выезды в командировки за рубеж были не слабым подтверждением циркулирующих слухов. Вто-

рая, Малкина, ростом вышла поменьше начальницы, однако выглядела при своем рельефе более фигуристой и ладной. Мысли, правда, в ее глазах и лице было видно существенно меньше. Все говорило о том, что она куда больше годится для работы в постели, чем для какой-то еще. Увидев, к какой двери направляется Михаил, дамы понимающе переглянулись, однако все-таки у него на глазах начали спускаться по лестнице вниз. А дальше Михаил их уже не видел, потому что закрыл за собой одну дверь, а, пройдя через маленький тамбур, открыл вторую дверь в Люсину комнату и тоже закрыл ее за собой. Люся как раз кончала собираться. – «Одну минуту, Миш, я сейчас.» Провозилась она, однако, несколько дольше, но наконец, закрыла свою сумку и они вышли из комнаты в тамбур, а там Михаил взялся за ручку двери, выходявшей на лестничную площадку и потянул дверь на себя. То, что произошло в следующий миг, было для Михаила абсолютно неожиданным. И все же он успел поймать на руки падающую через дверной проем Малкину с широко открытым ртом, прежде, чем она растянулась на полу. Еще миг – и Михаилу стало ясно, в чем дело, и почему он удерживает в почти горизонтальном положении женщину с открытым ртом, из которого не вырвалось ни звука. Специалистке по сексуальным занятиям на работе (а Малкина несомненно относилась к числу лиц с величайшей профессиональной квалификацией в этом вопросе) было совершенно ясно, сколько времени требуется, чтобы двум колле-

гам обоего пола снять или расстегнуть штаны, устроиться на краю стола и приступить к желанной работе. Естественно, предварительно им надо было запереть обе двери – в тамбур и в рабочую комнату. А это значило, что надо было попытаться вышибить с разбегу плечом дверь, а если не получится, то после удара тут же поднять возможно больший крик, чтобы всполошить дежурного, сидящего в дирекции. Лишний свидетель факта прелюбодеяния не помешает. Стратегия и тактика были продуманы досконально. Подвело всего лишь одно – так, совсем незначительная мелочь – Михаил с Люсей даже не думали запираяться, а в то мгновение, когда он потянул дверь на себя, Малкина должна была всадить в нее весь вес своего тела, но не всадила, потому что препятствие на ее пути вдруг исчезло и она перелетела через порог. Рот был распахнут в точности, когда надо, то есть к моменту приложения всей массы на скорости к двери, но в связи с ее отсутствием звук, который Малкина собиралась всей мощью выдохнуть при ударе через голосовые связки, легкие так ничего и не выдохнули.

За распахнутой дверью удерживающий Малкину Михаил увидел рослую фигуру Яровой. С трудом удерживаясь от смеха в этой немой сцене, Михаил участливо поинтересовался у Малкиной – «Вы не ушиблись?» Встав, наконец, на ноги, та кое-как перевела дух и молча вышла к начальнице из тамбура. Люся и Михаил вышли на площадку за ней и попрощались со своими набравшими в рот воды ловца-

ми. На улице они дали себе волю и долго смеялись, вспоминая подробности задуманной операции с целью пресечения глумления над моралью на рабочих местах. Поборницы нравственности никак не ждали, что в комнате их отдела могло происходить что-то иное, кроме отправления недопустимых физиологических актов. Судили ли они по себе, Михаил точно сказать не мог, хотя и предполагал, что если б не так, они вряд ли бы поднялись на свой этаж, хронометрически высчитали величину паузы, прежде чем пойти на взлом.

Вскоре, однако, стало вполне понятно, что они действительно судили обо всем по собственному опыту, причем вполне компетентно. Люся из своих источников в отделе узнала о развернувшихся на днях событиях, в которых на главных ролях выступали те же две дамы, Ярова и Малкина, а также председатель госкомитета и лицо, которому председатель в меру своих сил помогал исполнять его, этого лица, супружеские обязанности. Если быть точным в изложении основных обстоятельств мизансцены, дело выглядело так. Муж Яровой в точно рассчитанный срок получил пакет с запиской, в которой его уведомяли, где, в какое время и с кем будет удовлетворять сексуальные потребности партнера и свои собственные его жена. Весомым приложением к записке служили ключи от квартиры, в которой встречалась любовная парочка. Была ли это собственная квартира Малкиной (чего нельзя было исключить, учи-

тывая, что ее назначение на роль заместительницы Яровой вряд ли имело другую подоплеку, поскольку в остальных делах, кроме прелюбодеяний, заместительница была дура душой), или другая квартира, которую любовники подыскали с помощью Малкиной для своих встреч, но ключи от нее явно имелись у Малкиной, а сама операция, как понял Михаил, была затеяна ею с единственной целью заменить своей особой Ярову в постели председателя со всеми вытекающими последствиями для своей дальнейшей карьеры. Хотя свой мужской специфический выбор председатель остановил на Яровой, по мнению Малкиной, это легко было переиграть в ее пользу. Во-первых, она считала себя более возбуждающей женщиной, чем свою начальницу, в чем была, пожалуй, права. Во-вторых, если даже председатель не подпал под ее чары и не желал перемен, его можно было заставить сделать это под угрозой шантажа. А чтобы шантаж не выглядел исключительно ее, Малкиной, затеей, лучше всего было подключить к делу мужа – в качестве инстанции, естественной обязанностью которой было следить за верностью супруги – тогда с Малкиной и взятки гладки. Муж неукоснительно последовал данным ему указаниям и смог удостовериться, после того, как воспользовался переданными ключами, что все в записке являлось чистой правдой. Жена проводила рабочее время в постели с председателем госкомитета, и в этом больше не могло оставаться ни малейших сомнений. Удостоверившись, муж покинул гнездышко нелегаль-

ной любви. О дальнейших его действиях молва умалчивала, однако, интуиция подсказывала Михаилу, что мадам Ярова, будучи женщиной более или менее роскошного типа, имела достаточную сексуальную власть над воображением и психикой супруга, а, значит, и возможность добиться от него если не полного прощения и примирения, то уж во всяком случае молчания о произошедшем – главным было не допустить подачи заявления насчет развлекалочки председателя на работе в ЦК КПСС.

Но если муж не дал знать, куда следует, о том, что ему надо было сообщить туда по мысли Малкиной, то спрашивается – что вышло из ее затеи, не провалилась ли она? Подумав, Михаил решил, что нет, не провалилась. Молва донесла, что председатель очень испугался и просил любовницу больше ему не звонить – «это очень опасно,» – сказал он. Любовница была оскорблена в лучших чувствах. Конфидентки советовали ей набить председателю морду. Но если Малкина владела ключами от квартиры, легко было представить, что владела и фотографиями, которые не показывала мужу, но могла предъявить председателю вкуче с ультиматумом: либо вы спите со мной, а не с ней, либо фотокарточки будут посланы в ЦК, а там таких оплошностей не прощают. Товарищ Суслов слыл моралистом и аскетом, товарищ Пельше – тоже. Но дело до них не дошло. Стороны конфликта достигли компромисса. Муж, учитывая ударное воздействие прелестей его жены и высокий социальный статус

ее любовника, простил мадам Ярову. Мадам Малкина была переведена в другой институт того же госкомитета, который возглавлял любовник Яровой, с прибавлением в окладе. Пожалуй, самым непредсказуемым в этой истории оказалось еще одно. Начальник одного из пропагандистских отделов института Панферова, о котором и раньше было известно, что он любовник Малкиной, получил персональную надбавку к своему должностному окладу. Как минимум в этом смысле выстрел Малкиной не оказался холостым, хотя внешне никто не пострадал, даже любовник-председатель, если, конечно, не считать его отказа от продолжения связи с Яровой. Но у него вполне могли найтись для утешения другие возможности – министр есть министр. Вот только стала ли его утешительницей мадам Малкина, достаточно любвеобильная, чтобы управляться с несколькими любовниками одновременно, осталось неизвестным. Впрочем, вскоре пришли достоверные сведения о том, что ее сексуальный потенциал оказался востребован одним академиком до такой степени, что она стала его женой. Некоторое время спустя получила компенсацию за ущерб и мадам Ярова. Очевидно, по рекомендации председателя ее взяли в штат Государственного Комитета Совета Министров СССР по науке и технике. В нем даже на малых должностях платили вдвое больше, чем начальникам отделов в институтах первой категории. Пообщавшись по своим делам с чиновниками, Михаил понял, для кого был создан ГКНТ. Среди муж-

чин преобладали родственники крупных работников аппарата ЦК КПСС, Совета Министров СССР, видных военных. Женский состав, если он не предопределялся родственными или матримониальными связями с сильными мира сего, во-брал в себя просто много красивых утешительниц этих силь-ных и достославных координаторов научных и технических работ, изо дня в день приближающих нас к светлому буду-щему – победе коммунизма во всем мире.

Всем стало очень хорошо, но особенно мадам Малки-ной, постоянно деятельной в своей сексуальной неуемно-сти, к услугам которой принадлежал целый штат референтов и помощников нового мужа-академика и директора идеоло-гического института, любимым занятием которого были по-сещения ЦК для определения курса и получения поручений, так что времени у любвеобильной дамы для ее основной ра-боты находилось достаточно много. Всякая пакость безза-стенчиво лезла наверх, чтоб не остаться среди обделенных благами жизни. Им было ясно, что надо делать. Точно также, как Люсе и Михаилу было ясно, что данный путь им не под-ходит.

Глава 8

Первые годы своей жизни с Мариной Михаил еще держал Люсю в поле зрения. Нет, не «на всякий случай» – просто потому, что хотел ее видеть или слышать живой и здоровой. Карьера ей более или менее удавалась. Время от времени ее отправляли в командировки в Соединенные Штаты. Слава Богу, кое-кто понимал, что, исследуя какие-либо процессы в чужой стране, надо ее хоть немного наблюдать. Человек здравого ума и вкуса, она за границей скучала по родной обстановке, где как будто чувствовала себя как рыба в воде, а вернувшись домой, не могла не злиться из-за того, как плохо живут в родной стране люди, и какие гнусные негодяи, а заодно и идиоты управляют ими в своем патологическом эгоизме и углубляющемся маразме. От ее внимания не укрылось, какими ничтожными духовными продуктами довольствуются в массе благополучно существующие американские люди, у которых все есть под рукой в таком количестве и качестве, которые советским гражданам даже не снились. Но куда же при этом благополучии деваются «души прекрасные порывы»? Даже проще – почему там у людей начисто атрофируется собственный вкус? Почему материальное процветание и преуспевание лишает человека врожденного представления о прекрасном? Прямых ответов в жизни из своих наблюдений она не находила. До-

гадки, конечно, проскальзывали в голове, но до формирования научного знания дело не доходило. Да, в Америке работали без расслаблений – но не за совесть (на совесть хозяева не полагались), а за страх. Уставать на работе так, как в среднем не уставали советские труженики, было в норме. У них не было простоев или работы в режиме «ни шатко – ни валко», как зачастую бывает у наших промышленных рабочих в течение одной-двух первых декад каждого месяца со штурмовой работой в третью декаду, когда о качестве просто некогда даже подумать. Конечно, американцев зато не выматывали мысли о том, где купить продукты, во что одеть себя и детей – все это у них решалось элементарно, но вот страх потерять приличную работу был очень силен и угнетал в среднем больше, чем наших. Это казалось на первый взгляд парадоксом – у них миллионы работодателей, в то время как у нас – один-единственный – родное социалистическое государство. Но у нас-то единственный хозяин вынужден был иметь десятки или сотни тысяч рук, чтобы управляться со всем хозяйством, поэтому каждой руке не было известно, что делают другие, а те хватали работников, выброшенных другими функционерами системы, и устраивали их на новые места. А у американцев сотни тысяч разнозаинтересованных хозяев все-таки делали одно общее дело – сообщали друг другу, кого они вышибли из бизнеса за плохое поведение и непотребное отношение к труду. От Миши, да и от своего отца тоже, Люся слышала,

что временами генеральные конструкторы авиационной техники договаривались о том, что не будут принимать работников, уволенных из других конструкторских бюро, да только выполняли свое же соглашение очень недолго – то месяц, то квартал. А потом, получив новый срочный заказ на очередную машину, открывали прием, да еще и приплачивали десятку к прошлому должностному окладу, дабы стимулировать переход, и это был, пожалуй, главный способ для инженеров хоть чуть-чуть улучшить свое финансовое положение. Так что в среднем страха потерять работу у нас было заметно меньше. Исключение составляли только лица, подозреваемые органами в активной нелояльности к власти – вот таких неукоснительно отслеживали по всей стране, не давая укрыться от преследования, обрекая на безработицу, а потом на основании факта неучастия в общественно-полезном труде сажали или ссылали за тунеядство. И все же – в Америке за тунеядство не сажали, как у нас, а трудились там куда лучше. Но вот почему наши образованные люди проявляли несравненно большее стремление к вершинам искусства, к хорошей литературе, чем их заокеанские благополучные коллеги, даже пребывая в хроническом дефиците денег на все про все, это все равно не объясняло. Да, американцы трудились, живя в рассрочку и при покупке домов и многого другого, и тоже с трудом рассчитывали деньги, растекающиеся из их кошельков полноводными ручьями, но ведь при желании выкроить нужные ресурсы для покупки книг,

пластинок и прочего, для посещения кино, выставок, концертов им все равно было проще, а желания-то подобного не было – оно гложло, как только люди начинали активно обзаводиться недвижимостью и барахлом, хотя им никто, кроме литературных и прочих профессиональных художественных критиков не мешал смотреть, слушать и покупать именно то, что им хочется, в то время как у нас все хорошее было в дефиците, а хорошее зарубежное часто вообще под запретом. Миша считал, что им мешает дух стяжательства и культ денег. Но ведь на многое американцы тратили деньги, не жалея, тогда как на предметы, отвечающие хорошему вкусу, расходовали их куда более сдержанно и неохотно. Или их с детства не приучали любить общепризнанные эталоны красоты, тогда как сами ничего не хотели понимать, только ждали, когда им укажут «специалисты» – вот это хорошо, а это плохо, это прогрессивно, а это не модно? Вечных эстетических ценностей для них как будто не существовало. А разве без этой основы можно о чем-то самостоятельно судить? Благополучие вообще притупляет интерес к поиску чего-то лучшего, имеющегося в мире, но пока что неизвестного или недостижимого – по принципу «от добра – добра не ищут», хотя именно тогда, когда обеспеченно живется, стоило бы искать новое добро, чтобы существовать на этом свете не становилось скучно и не жить только ради того, чтобы работать.

В отличие от Люси Кононовой, получившей возмож-

ность лично оценить прелести и изъяны американской жизни, а, следовательно, и здраво судить обо всем, как у них и как у нас, Александр Бориспольский был залит «под пробку» очарованием общества личных свобод и свободы предпринимательства. Насчет того, что было действительно плохо в России, тем более – в СССР, с ним никто бы и не спорил. Но того, что было плохо или нежелательно для любого советского мечтателя в американском образе жизни, он не видел и, более того, даже не желал замечать. Основные мотивы для оценки положения там и тут он почерпывал в кругах, основной состав которых либо уже оформлял свой выезд в Израиль (читай в основном в Америку), либо сидел «в отказе», либо очень внимательно следил за развитием ситуации в надежде на ее улучшение, либо в расчете на получение точной информации для решения вопроса, ехать или не ехать самим. Естественно, в этих кругах преобладал оптимизм в отношении обстановки, в которой окажутся эмигранты на Земле Обетованной или в Благословенных Соединенных Штатах.

Саша был необычайно восприимчив ко всему, что изрекали столпы избранного им общества, и всегда во всю силу своего красноречия повторял уловленные сентенции, тенденции, оценки перспектив повсюду, где рассчитывал быть услышанным и понятым слушателями. В этом последнем качестве он вполне соответствовал выработанному большевистской идеологической машиной понятию о хорошем аги-

таторе и пропагандисте. Но точно так же, как большинство большевистских агитаторов и пропагандистов не были готовы, не щадя живота своего, бороться за торжество коммунизма в мировом масштабе, так и сам Саша Бориспольский не стремился во чтобы то ни стало уехать из страны, где неважно жилось, зато было не очень сложно по известной системе обзаводиться ученой степенью, в страну Обетованную на Ближнем Востоке или на дальнем Западе.

После ухода Михаила Горского в центр Антипова место главы его отдела занял Михаил Петрович Данилов. Саша не замедлил намекнуть ему, что желает стать его преемником в должности заведующего сектором. Впрочем, Михаил Петрович и сам бы сделал ему такое предложение – выбирать в данный момент было попросту не из кого. Для Бориспольского это было не только серьезным карьерным достижением, но и сигналом к тому, что надо поторапливаться с защитой диссертации – ведь одно дело, когда сектором в научном отделе заведует человек без ученой степени, и совсем другое, когда кандидат каких угодно наук – степень устойчивости по формальным критериям повышается прямо на порядок. Еще лучше для укрепления положения в должности было бы добавить к кандидатству еще и членство в коммунистической партии, но вот в партию он не хотел вступать ни за что. Это свидетельствовало о его принципиальности в собственных глазах, не говоря уже о посторонних.

Какую именно диссертацию представил Саша Борисполь-

ский своему ученому шефу на филологическом факультете Валову, ни Данилов, ни Горский не знали – Саша с присущей ему осмотрительностью не предложил им познакомиться со своим научным опусом. Насчет Данилова он еще, правда, колебался – давать или не давать (с одной стороны, человек в высшей степени доброжелательный и независтливый, с другой, правда, в отношении знаний и убеждений более чем принципиальный), и в конце концов решил не давать. Ну, а Горский был уже далеко в стороне от прежних дел, и его лучше было не тревожить. Однако полностью скрыть то, что представляла собой его диссертация от нынешнего и бывшего шефа отдела Саша по воле случая так и не сумел. Во время одной дружеской встречи Михаил Петрович рассказал Михаилу Николаевичу о своем разговоре с недавно ставшим доктором наук Вольфом Абрамовичем Московичем, которого они оба уважали как за глубокое знание предмета, так и за то, что он был их единомышленником. Оказалось, что Саша обратился к Московичу с просьбой дать отзыв на свою диссертацию, ничуть не сомневаясь, как подумал Горский, что тот его поддержит хотя бы «по еврейству». Однако номер не прошел. Познакомившись с диссертацией, Вольф Абрамович сказал: «Знаете, Саша, то, что вы представили в своей работе, это откровенная халтура. Дать на нее положительный отзыв я не могу». Никак не ожидавший такого афронта Бориспольский опешил, но не надолго. Нашлись другие национал-специалисты, которые безо вся-

ких сомнений исполнили свой долг по защите единоверца – не в смысле иудаизма – Саше он был чужд, так же, как и православие – а в смысле человека, видящего свой идеал в культурном обществе людей, близких по крови и убеждениям. Собрав все положенные бумаги и пройдя все необходимые этапы обсуждения диссертации, Саша вышел на защиту диссертации на филфаке и успешно защитил начатое дело.

Теперь его тыл можно было считать достаточно хорошо прикрытым. Он в этом смысле был укреплен гораздо лучше, чем у Михаила Петровича Данилова. Вообще говоря, Саша мог с большим основанием, чем тот, занимать должность заведующего научным отделом, но благоразумно справился с соблазном, помня, что поспешность хороша только при ловле блох, и что будет гораздо разумнее не допускать головокружения от успехов. Насколько он был прав, уступая осторожности в борьбе с собственной экспансивностью, в два приема показало ему достаточно близкое будущее.

Обнаружилось, что директор Панферов пригласил на работу не только своего приятеля Юрия Ильича Блохина, с которым сблизился в молодых специалистах в агрегатном авиационном конструкторском бюро, но и их тогдашнюю коллегу, так же, как и они, выпускницу МВТУ им. Баумана, Людмилу Александровну Фатьянову. Панферов определил было ее заведующей отделом в направление, занимающееся созданием информационной системы стандартных справочных данных о свойствах веществ и материалов, но вскоре вы-

шло постановление о выделении этого направления в самостоятельный институт, а ни Панферову с Фатьяновой, ни Фатьяновой с Панферовым расстаться совсем не хотелось – не в связи с любовной близостью (ее не было), а в силу обоюдной полезности и уверенности в поддержке друг друга. Панферов начал срочно подыскивать вакансию подходящего уровня в штатах других направлений. Свободных вакансий не было, и тогда он остановил свой выбор на Данилове, с которым лично познакомился во время пребывания в командировке во Франции. Советскую делегацию возглавлял тогда тот самый первый заместитель председателя Госкомитета, с которым жила Орлова, и с помощью которого она провернула операцию по переброске себя и Горского на новую тематику – его – на провальную, себя – на спасительную. К этому времени заместитель председателя уже начал понимать с помощью Данилова и зарубежных партнеров по созданию информационной системы ИСО, что прав в свое время был Горский, а не Орлова. Он уже вполне лояльно настроился в отношении Данилова – и Панферов тоже, когда произошел как будто малозначительный случай на почве приобретения вещей из скудных командировочных средств. Заместитель председателя уже не в первый раз посещал Париж и потому хорошо представлял, где можно было приобрести максимум вещей по самым низким ценам. Он даже и не спрашивая, повел свою команду не в магазин, а на оптовый склад, в котором торговал понимающий по-русски еврей. Заместитель

среди других вещей выбрал для себя искусственную «дубленку» (текстиль по выделке очень напоминал кожу), Михаил Петрович тоже, в то время, как директор Панферов выбрал себе что-то иное. Однако уже в отеле он так сильно раскаялся в своем промахе, что стал просить Данилова уступить ему свою псевдо-дубленку. По всем законам административной мудрости Михаилу Петровичу просто полагалось охотно пойти навстречу директору (это ему несомненно зачлось бы с большой отметкой «плюс» и в текущий работе, и при решении вопросов о грядущих заграничных командировках), однако Данилов этим поводом абсолютно пренебрег. Полушубок нравился ему самому, и он не видел причин с ним расставаться. Зато в этом инциденте Панферов усмотрел достаточную причину для того, чтобы расстаться с Даниловым. Он вызвал к себе заместителя директора по кадрам и режиму и поручил срочно проверить состояние трудовой дисциплины в отделе Данилова. Тому не надо было переводить директорский евфемизм на русский язык – «найди предлог для смещения Данилова». Понимать подобные приказы без промедления и дополнительных разъяснений входило в его профессиональные обязанности. Процедура проверки была нарочито поставлена в самом хамском варианте, что не могло не вызвать возмущения Данилова, который в знак протеста тотчас подал заявление об уходе. К счастью, работа для него практически сразу же нашлась в институте информации по общественным наукам, но в должности стар-

шего научного сотрудника, а не зав. отделом, чем, впрочем, он тоже был доволен, поскольку заниматься административными делами вполне откровенно не любил, а в деньгах он потерял мелочь. Панферов не ожидал, что освободить место окажется так просто. Отдел Фатьяновой еще существовал в рамках направления, которое уже должно было быть переведено, но все никак еще не переводилось. А потому он решил назначить вместо Данилова исполняющим обязанности заведующего отдела Александра Борисовича Бориспольского. Так, не приложив ни малейших усилий со своей стороны, Саша получил вожделенный пост. Но когда направление стандартных справочных данных вывели, наконец, из подчинения Панферова, и у Фатьяновой возникла реальная необходимость в срочном устройстве на должность Данилова, Саша был без промедления смещен в свою прежнюю должность заведующего сектором. Для этого потребовалось еще меньше административного вмешательства в судьбу неугодного лица. Саша к тому времени в качестве общественной нагрузки имел обязанность периодически выпускать стенную газету своего направления. Наряду со скучными, а иногда и смешными текстами газетное поле заполняли рисунками и карикатурами. В одном из «номеров» на видном месте была изображена рука в манжете с запонкой, которая подписывала некую бумагу. Газета была просмотрена в партбюро, получила добро на «публикацию» и оказалась на стене. А на следующий день в газете появилось крошечное изме-

нение: на запонке того манжета, из которого высовывалась подписывающая рука, возник всемирно известный символ сионистов – шестиконечная звезда Давида в виде двух пересекающихся равносторонних треугольников с совмещенным центром симметрии. Эта «наглая выходка пособников международного сионизма» немедленно стала предметом рассмотрения в партбюро. Кто отвечает за идеологическую диверсию в газете? Естественно, кто – ее редактор. А разве можно такому редактору доверять идейное воспитание сотрудников отдела, даже если принять, что магиндовид поставили на запонке без его ведома, но проглядел-то все равно ОН! В тот же день Бориспольский Александр Борисович перестал заведовать отделом, а на этот пост вступила кандидат технических наук, член КПСС товарищ Фатьянова Людмила Александровна. Саша понял, что и в его тылах имела место солидная брешь, и потому побить его своими козырями Фатьянова смогла без труда. Самое смешное заключалось в том, что она в этих трудах лично никак не участвовала. Михаил Горский короткое время (это произошло еще до знакомства с Мариной на новой работе) ухаживал за Людочкой Фатьяновой. Она была хороша и умна. И очень напоминала ему его маму – признанную красавицу в её молодые годы. Ему показалось на первых порах, что Люда тоже заинтересована в нем. Но очень скоро она допустила роковую для их дальнейших отношений тактическую ошибку: попыталась сильнее привязать к себе напускным фаль-

шивым равнодушием. Строго говоря, Михаил не сразу получил основание считать равнодушие деланным – ему было достаточно любого, в том числе и настоящего, чтобы прекратить свои ухаживания немедленно и бесповоротно. Это только потом выяснилось как из Людиных слов, так и из поступков, что она сильно страдала от его удаления и равнодушия, прежде чем у них установились длительные отношения искренней дружбы, вплоть до ее фатальной болезни и кончины. Об их коротком, не успевшем развернуться романе практически никто из сотрудников обоих их отделов так и не узнал. Исключение составляла лишь одна бывшая сотрудница Людиного отдела, которая поступила на работу в сектор Михаила в институте Антипова. Через нее Люда узнала о его любви к Марине, через нее старалась дать ему знать, что он оставил ее без достаточных оснований. С этим, однако, она опоздала навсегда. Преодолеть тягу к Марине не мог уже никто. Она стала для него самой дивной и главной женщиной на свете. И Люда в конце концов смирилась с этим, а ее чувство переросло, а то и сублимировалось в духовную симпатию, для поддержания которой не требовалось обязательной и явной сексуальной первоосновы. Оказалось, что можно было любить и так.

Саша Бориспольский не имел ни малейших представлений ни об их знакомстве, ни о характере их отношений. Как полагал Михаил Горский, это уберегало его от очередной травмы, которую он, сам того не ведая, раз за разом

наносил Саше. После двух любовниц Михаила – несомненно женщин экстра-класса! – о которых Бориспольский точно знал, он не мог чувствовать себя неуязвленным успехами шефа, пока они работали в одном институте. А когда он познакомился с Мариной, то просто потерялся в догадках, по каким причинам лучшие женщины так расположены к Горскому. Это могло проясниться в походе в майские дни («от первого мая до Победы»), куда Марина и Михаил захватили нескольких сотрудников института, в том числе и Бориспольского, на озере Тихмень, через которое протекала река Каменка, впадавшая в Граничную. Рано утром, зная, что Михаил купается в стывшей воде после недавнего вскрытия озера ото льда, Саша увязался за ним под предлогом того, что хочет убедиться, что он действительно плавает. Михаил мог послать его прямым текстом, сказав, что хочет купаться без соглядатаев, но не послал. Мог погрузиться в воду в плавках, но не стал этого делать. У него созрел план озадачить Сашку еще сильнее прежнего. Тот явно предполагал, что самое мощное, убийственно действующее на женщин его оружие находится ниже живота, но то, что увидел, напоминало разве что принадлежности обнаженных мужских античных статуй, каких уже почти не увидишь в современных банях. Саша был настолько растерян, что был уже не способен управлять мимикой своего лица. Он перестал что-либо понимать, ибо все гипотезы насчет причин успехов Михаила у дам, совершенно явно оказались неверными. А что бы слу-

чилось с ним, если бы он знал еще о романе с Ниной Тимофеевой, отказавшей ему после его наглой попытки навязать себя ей в любовники, да еще и о страданиях очень даже красивой Люды Фатьяновой, на которые она обрекла себя своим притворством? При этой мысли Михаил невольно улыбнулся. А Сашка продолжал стоять как пень, с глупым лицом, пока Михаил на его глазах растирался полотенцем. Так что секрет воздействия Горского на дам остался абсолютно нераскрытым. Если б Сашка его узнал, он, скорей всего, возненавидел бы Михаила как человека, всякий раз отнимающего у него предмет мечтаний – вот только увидишь, мысленно примеришь женщину к себе, а она оказывается не с тобой, а с ним, черт его дерь. И поди догадайся, в чем тут дело.

Но поскольку Бориспольский знал много меньше необходимого для ненависти к Горскому, он относился к нему почти нейтрально – как к человеку, удобному, когда он тебе начальник, и почти как к пустому месту в остальных случаях, когда прямой пользы от него не ожидалось. Все-таки Горский не относился ни к тому типу людей, с которыми хотелось бы общаться когда угодно, без ограничений, ни к тому кругу, где люди перекидывали друг другу одинаковые мысли в несколько различающихся обертках, где ни у кого не вызывало желания вбрасывать новую идею, не прошедшую предварительную апробацию ТАМ, ГДЕ НАДО.

Он постоянно настраивал свои струны по камертону, блюстители которого, в его понимании, всегда были правы.

А Горский не делал этого никогда. Свой ум он настраивал в соответствии с суммой знаний, полученных в ходе жизни. Авторитеты для него существовали, но абсолютного преклонения перед ними не было. Достаточно почтения он проявлял уже тем, что, вспоминая и думая о них, он, образно говоря, стоял перед ними, склонив почтительно голову со шляпой в руке. Но все равно в каждом подвернувшемся случае старательно проверял, правы ли они в своих выводах с позиций его собственных, Михаила Горского, натуральных наблюдений, а также его же рассуждений, следующих из них. Пожалуй, именно в этом Михаил видел главную «разницу культур», как выразился Борис Лавренев, между собой и такими людьми, как Бориспольский. Это практически исключало Горского из числа лиц, которым хозяева жизни отпускают свое официальное признание и ученые степени. Настоящим живым образцом благородного честного мыслителя был для Горского из числа хорошо знакомых людей один Михаил Петрович Данилов. Уверенность в величайшем достоинстве этого человека только росла год от года, а после кончины Данилова он виделся Михаилу Горскому уже просто в ореоле святости Истины, поиску которой он абсолютно бескорыстно служил. Пожалуй, где-то рядом с Даниловым можно было поставить столь же честного и благородного Делира Лахути, но в последнем чувствовалась не только искренняя преданность Истине, но и некоторым сопутствующим ей иллюзиям. У Данилова же веры в иллюзии не было.

Он служил Чистому Разму, и, однако, вопреки этому он был иррационально предан своей родине и оставался неизменно выше всех своих друзей и знакомых. С некоторыми из них Данилов познакомил и Горского. Впервые пригласив своего начальника на свой день рождения, Михаил Петрович добавил: «Приходите с кем хотите. Можете с Ламарой, можете еще с кем», Напутствуемый этими словами Михаил Горский задумался, с кем придти. Лена, жена, отпадала – у нее был совсем другой круг интересов и знакомств. По поводу Ламары Ефремовой, которую Михаил отбил у Дианы Прут и которая из признательности до поры – до времени принимала ухаживания Горского, что не укрылось от внимания Данилова, он мог признаться себе, что дошел до предела, когда надо либо убедиться в искреннем встречном движении дамы, либо прекратить дальнейший поиск любви. Убедившись в отсутствии у Ламары ярко выраженного интереса к своей персоне и нисколько не желая изо всех сил добиваться его, Михаил прекратил ухаживания. Поэтому Ламара отпадала тоже, и он решил привести к Михаилу Петровичу Люсю Кононову.

Самой заметной фигурой в собравшемся на квартире отца именинника обществе старался быть – и действительно был – его давний друг Александр Пятигорский. Михаил Петрович называл Пятигорского просто Сашкой. Тот не так давно женился на сотруднице отдела Горского Эле Поповой – молодой девушке, недавно закончившей Библиотечный ин-

ститут. Коротко подстриженная брюнетка с прозрачными серыми глазами и свежим лицом владела стенографией. И когда Пятигорскому потребовалось стенографистка для срочной записи идей, которыми фонтанировал его мозг, он спросил Данилова, не сможет ли тот ему помочь. Михаил Петрович помог, и в результате Эля произвела на уже начинающего стареть светского льва, каким считал себя Пятигорский, уже получивший известность как философ и эссеист не только на родине, но и за рубежом, такое сильное впечатление, что из мисс Поповой она очень быстро преобразилась в миссис Пятигорскую, причем в буквальном смысле, потому что в скором времени, меньше, чем через год, они покинули скучную для обоих страну и поселились в Англии. Однако к тому дню рождения Данилова последнее еще не было известно. Александр Моисеевич Пятигорский, сидя в кресле, опирался локтем правой руки о подлокотник, чтобы легче было удерживать трубку на отлете и с помощью легких движений кистью руки придавать ей еще дополнительную выразительность своим словам. Весь его вид, как и трубка в руке, порождали воспоминания (к сожалению, только книжные и театральные) о том, как следует держаться в столичном людном салоне и чем занимать общество. На нем был яркий галстук-бабочка и широко открывавший грудь в белой сорочке пиджак (к сожалению, еще не смокинг, который придал бы его фигуре и позе совсем законченную выразительность и светскость). Он в остроумно-забавной ма-

нере рассказывал о своих злоключениях по поводу издания очередной книги, которую разные явные и неявные цензурные инстанции не желали публиковать. Ему очень хотелось дать всем понять, что он раздражает эти органы и инстанции не только своими мыслями и эссе, но и всем стилем своего поведения, ну вот как здесь, например, но все же не решался сказать об этом прямо, без обвиняков, и дать понять, что это его не пугает. Михаил пришел к нему на помощь.

– Александр Моисеевич, – сказал он, вытягивая вперед свою руку, как будто держал в ней трубку. – Они вам этого не простят!

Реакция на реплику Горского была мгновенной.

– Вот именно! – воскликнул оратор, потрясая своей реальной трубкой уже выше своей головы. – Вот именно! Вы совершенно правы: ОНИ мне этого не простят!

Пятигорский был очень доволен произведенным эффектом. Михаил и понятия не имел, что говорила мужу о своем начальнике его подчиненная Эля, но сейчас чувствовал, что Пятигорский доволен им, как слушателем, верно воспринявшим то, что он хотел передать аудитории. А вообще-то от Эли, вроде бы сдержанной и не очень заметной, можно было дожидаться весьма нелицеприятных оценок. От Михаила Петровича Горский узнал, как она характеризует в целом преимущественно женский состав отдела: «Собрание недоёбанных баб». С Элиным суждением отчасти можно было согласиться, но говорить так обо всех Михаил

Горский бы не стал. На его взгляд, Эля смешивала сексуальную неудовлетворенность некоторых со всеобщим недовольством жизнью вообще, когда все время женской жизни принадлежит то неинтересной работе, то утомительному стоянию в очередях за продуктами, то работе после работы у своей кухонной плиты вкупе с возней со стиркой в ванной комнате или с тряпкой и пылесосом в остальных помещениях. Отправляясь от Элиного выражения, правильней было по-другому характеризовать жизнь своих коллег, не придавая своим словам презрительного отношения – «собрание заёбанных жизнью баб» – и это было бы более честно и ближе к истине, причем не только в их отделе и институте, но и везде. Видимо, сделавшись миссис Пятигорской, она перешла в другую категорию дам – скажем, вполне доудовлетворенных в затронутом ею смысле деятельности – и уже свысока смотрела на других сотрудниц. Это следовало запомнить. Видимо, ее душа давно искала прочного положения в мире иных ценностей, а теперь она его получила и видела перед собой открытую дорогу, ступить на которую другим было не дано. Можно было радоваться за нее и вместе с ней. Случайно или не случайно, но ей повезло. Можно было и сочувствовать – за свою метаморфозу надо было платить своей свежестью, отдавая ее человеку, изрядно физически поиздержавшемуся, пусть даже очень интересному в других отношениях.

Или она не боялась, что сама в возрасте собственной

женской зрелости рискует попасть в категорию недоёбан-ных мужьями баб, которых она уже презирала? Впрочем, о чем речь? Разве в последней трети двадцатого века привлекательной женщине трудно подобрать подходящего ей помощника своему мужу? Там, где был продемонстрирован цинизм в одном деле, можно было ожидать и его продолжения в другом. Ничто не ново под Луной. И если муж, Александр Моисеевич, в самом деле являлся философом, он должен был бы знать об этом наперед. Михаил Горский вполне допускал, что они трезво оценили друг друга и нашли себя взаимоподходящими для долгого или постоянного обитания в сферах, где склонный к театральности муж мог с блеском проявлять себя и где жена своим блеском помогала бы ему.

Другим близким приятелем Михаила Петровича Данилова был филолог и литератор, которого он называл «Борька Носик». Михаил Горский поначалу считал, что Носик – это несколько странное прозвище, но нет – это была фамилия. Ее носитель выглядел куда моложе Пятигорского, был красив, обладал хорошей шевелюрой и не хуже Пятигорского владел ораторским красноречием. В нем незаметно было особой склонности к позерству, но он несомненно любил производить большое впечатление на дам (ну, а, собственно, кто не хочет того же?). С ним была очень красивая и очень юная особа, вряд ли вышедшая из студенческого возраста. Так и оказалось – Вика была студенткой филфака МГУ. Борис Носик продлевал таким образом собственную

молодость, и это ему хорошо удавалось.

В данном случае Михаил Петрович и его жена Элла Вольдемаровна принимали гостей вдвоем в собственной квартире, а не в квартире Данилова – отца. Горский знал со слов хозяина дома, что его жена – дочь красного латышского стрелка, сначала вознесенного на какую-то административную высоту советской властью, а затем ею же и репрессированного. Ради этой девушки с красивым и умным лицом Михаил Данилов после окончания МГИМО отказался от дипломатической карьеры. Министерство иностранных дел и думать не могло допустить, чтобы у атташе советского посольства в Австрии в супругах была бы дочь врага народа. Но если судить обо всем трезво и до конца, Данилов точно так же не подходил на роль советского дипломата, как ему не подходило такое Министерство иностранных дел, которое пыталось бы ему диктовать, на ком он может жениться, на ком нет. В стране, где даже министр иностранных дел не смел проявлять никаких собственных инициатив без согласования с не отличающимися ни образованностью, ни умом членами Политбюро ЦК КПСС, а особенно с потерявшим всякое чувство меры генеральным секретарем, нечего было и думать, чтобы кто угодно рангом ниже своего министра мог действовать творчески и рационально на дипломатическом поприще, а это абсолютно не соответствовало ни характеру Данилова, ни его представлению о том, как должна вестись дипломатическая работа. В его

лице внешнеполитический орган страны потерял выдающегося аналитика, но, как водится в России, никто ничего такого не заподозрил.

Михаил не знал, когда Элли Вольдемаровну скрутил сколиоз – до или после свадьбы, но она держалась очень достойно, показывая, что скидок на ее физическое состояние ей ни от кого не надо. Работала она архитектором. Горский, о котором она, вероятно, уже немало слышала от мужа, ей явно понравился. Это следовало из того, что она сразу попросила его называть себя просто Эллой без Вольдемаровны. Будущее подтвердило, что такую привилегию от нее получали далеко не все. Образно говоря, в ее семье это было такой же наградой, как при дворе французского или английского короля право табурета.

Надо думать, дочь врага народа за свою нелегкую жизнь навидалась немало советских начальников. То, как уважительно относился заведующий отделом к своему старшему по возрасту подчиненному – ее мужу – говорило о том, что он не из их числа. Когда Михаил Горский в ответ предложил называть себя только по имени, она отказалась, взглядом дав понять, что ей так будет удобней. На том они и порешили, и все дальнейшее общение протекало между ними естественно и легко.

В то время Михаил не знал никаких произведений Носика. Только лет через тридцать, когда Борис уже постоянно жил во Франции, в руки Михаила попали одна за дру-

гой несколько любопытных книг из серии «Истории русского Парижа». В них уже не с журналистской, а философско-исторической хлесткостью оценивались действия и предпочтения русских эмигрантов из разных слоев общества, выживавших и выживших в чужой и не очень ласковой к ним стране.

Да, она их не отвергала, не проявляла полного равнодушия, но и не зашла так далеко, чтобы активно помочь им натурализоваться. Впрочем, многие из них этого и не хотели, надеясь на то, что вот-вот рухнет ненавистный большевистский режим. Но безбожный режим тянул с родины щупальца и к ним – в Париж, в Ниццу, куда угодно еще, где только оказывались эмигранты из России, и соблазнял их деньгами, а также уговорами насчет помощи горячо любимой родине, служа ее интересам здесь, за рубежом, и многие соглашались становиться советскими тайными агентами, кто от отчаяния из-за нищеты, а кто и действительно от перевернувшегося в одуревшей голове патриотизма. Носик узнал сотни историй, его распирало от обилия материалов, в которых можно было почерпнуть массу интересного о любовных, политических и любовно-политических событиях, об атмосфере, в которой проявляли себя русские люди, кто в предательстве, кто в патриотизме, а кто и в том и в другом.

Упоение любовью у Бориса Носика с Викой длилось не очень долго. Во время еще одного сборища у Михаила Петровича Вика сидела с сердитым лицом и, если

разговаривала с мужем, то только с помощью колкостей. Еще раз встретившись с Борисом у Даниловых, Михаил понял, что этой пары Носиков больше нет. Правда, это мало занимало Горского – просто ему лишний раз довелось убедиться, что сплотить даже полюбившихся друг другу людей в разновозрастном браке еще сложнее, чем в браке между сверстниками, выросшими в одной атмосфере культурной среды и увлечений, автоматически становящейся их общим достоянием, как бы его ни оценивать – хорошо или плохо – все равно это неистребимый багаж сходных преодолений, сходных мечтаний, избираемых занятий, проявляемых чувств, отчего до их пор имеют ценность такие вещи, как обучение в одном классе школы, на одном курсе института или любого другого училища, что сохраняются и не выветриваются из памяти крупницы одной и той же конкретики бытия: не вообще в школе, а в десятом-б; и не просто в одном институте, а на одном факультете, в одной группе от первого курса до диплома.

Кстати, однажды Михаил Петрович познакомил Горского как раз не со своим другом, а однокурсником по МГИМО, сделавшим завидную карьеру. Это был Георгий Арбатов, которого Данилов при встречах и за глаза называл просто Юрой. Незадолго до момента знакомства Михаила Горского с этим «Юрой» тот был назначен директором только что образованного института Соединенных Штатов и Канады. В этом назначении сошлись две синхронно проявив-

шиеся необходимости: необходимость детального изучения всех сторон жизни (а не только вооруженных сил и экономики) сильнейшего из вероятных противников на поле исторического соперничества в холодной войне; и необходимость пристроить на хорошую должность ценного, но слегка проштрафившегося слишком уж независимыми суждениями человека, а потому и бывшего, но все равно ценного помощника генерального секретаря ЦК КПСС.

В порядке извинения Арбатова избрали заодно академиком Академии Наук СССР – из этого факта явно можно было сделать вывод, что в ЦК считали принадлежность к аппарату, обслуживающему высшую власть в стране, более значащим фактом, чем приобщение к сонму официально наиболее признанных ученых страны. Несмотря на свои титулы и звания Арбатов разговаривал с Даниловым как с однокурсником и без малейшего неудовольствия воспринимал точно такое же обращение к себе со стороны Данилова. Впоследствии уже через Марину, которая также училась в МГИМО, и ее институтских коллег Михаил выяснил, что таков был не просто стиль, а фирменный знак этого элитарного учебного заведения, где дети вождей и верхушки дипломатического корпуса страны демократично варились в одном учебном котле с выходцами из рабочего класса и колхозного крестьянства, попавшими туда по направлениям от райкомов и горкомов партии и комсомола. Кем бы ты ни сделался после МГИМО, ты должен был из уважения к общему

прошлому в альма матер вести себя так, будто ты остаешься на одной доске как с тем, кто вознесся выше тебя, так и с тем, кто застрял где-то далеко внизу, если, конечно, кто-то из сокурсников не стал деклассированным элементом или не попал в разведку агентом-нелегалом, которому категорически запрещено узнавать коллегу из реального прошлого, потому что он обязан придерживаться выдуманного жития, по легенде.

Оба Михаила – и Горский, и Данилов – считали себя в полном праве оставить институт Беланова-Панферова после того, как добьются утверждения концепции единой системы информационных языков. Отношение к ним со стороны руководства института было в лучшем случае безразличное, в норме – угнетающим, а то и оскорбительным. Поиск нового места работы обещал быть долгим делом, поэтому и искать его стали заранее. Когда Михаил Петрович узнал, что Юра Арбатов возглавляет институт Соединенных Штатов, он сразу представил, с какими объемами информации, причем на двух языках, придется работать этому институту. Без машинной обработки и автоматизированного поиска документов обойтись было просто нельзя, поскольку от подопечных Арбатова наверняка требовали очень быстрой реакции на текущие и ожидаемые события. Данилов поделился своими соображениями с Горским, и они решили, не откладывая дела в долгий ящик, предложить Арбатову создать необходимые языковые и программные средства для машин-

ной реализации информационных задач. При этом они понимали, что придется искать и брать на работу людей, от которых будет зависеть, причем не меньше, чем от них самих, успех всего дела. Во-первых, им требовались со стороны толковые программисты – это казалось им разрешимой проблемой. Во-вторых, им были нужны лингвисты со знанием не только русского, но и английского языка. Данилов, правда, владел английским, хотя и без блеска, а вот для Горского это могло стать серьезным препятствием. Тем не менее, они решили рискнуть. Михаил Петрович договорился с Арбатовым о встрече по телефону. В назначенный час они представили перед дирекцией института США и Канады.

Сначала Горский обрисовал их с Даниловым представление о характере проблем, которые непременно возникнут после развертывания деятельности института, и относительно путей их решения. Данилов дополнил его выступление тем, о чем считал нужным особо предупредить Арбатова – если они берутся сделать систему за три года, то надо соглашаться именно на три. Если будут настаивать на сокращении времени разработки, ничего не выйдет – людской массой, какой бы она ни была, дела не решить – тут есть ряд этапов, которые при всем желании выполнять параллельно не получится – многие вещи требуют последовательного решения вопросов одного за другим. В мире подобных систем ни у нас, ни за рубежом еще нет. Многие работы будут первоходческими.

Арбатов и его заместители слушали, не перебивая, но по ходу дальнейшей беседы достали из карманов одинаковые пачки американских сигарет. Арбатов предложил гостям свои, но Горский вообще не курил, а Данилов отказался, предпочтя курить свои, хотя они были заведомо хуже американских. После нескольких просьб хозяев уточнить детали предлагаемых работ, Арбатов спросил, кто, по их мнению, еще мог бы взяться за создание такой системы. Михаил Горский вспомнил, что даже в американской практике, где фирмы дерутся за выгодные заказы, принято не скрывать от раздумывающего заказчика имена возможных конкурентов – пожалуйста, узнавайте, что они вам могут предложить, а потом решайте, чьи предложения вам больше нравятся и подходят. И он подавил в себе желание сказать: «Лучшего вам никто не предложит». – и назвал один из институтов в Перми, который в принципе мог бы взяться делать что-то подобное. Наблюдая за реакцией потенциальных заказчиков, Михаил понял, что не промахнулся – они явно слышали о Перми, а не то даже вели уже с ней практические переговоры. Кончилась встреча выражениями благодарности и обещаниями тщательно обдумать услышанное, а затем уж решить.

Выйдя на улицу, Михаилы поделились впечатлениями от увиденного и услышанного в институте США. – «Помо-ему, – сказал Горский, – они уже прикидывали про себя какой-то вариант нужной им системы. Не знаю, насколько

наши соображения отличаются от их собственных, но думаю, что они несколько облегченно смотрят на решение проблемы, хотя и наш вариант несколько более оптимистичен, чем реально возможный. Как вы думаете, они уже вели переговоры с пермяками?» – «Вполне вероятно, вели. И знают, что пермяки имеют перед нами одно существенное преимущество: они уже имеют коллектив, который может решать все вопросы по данной теме, а нам его еще надо было бы формировать. Зная об этом, но не представляя себе реальные трудности, которые будут возникать то там, то тут, они скорей всего предпочтут пермяков.» – Помолчав, Данилов добавил: – А какое впечатление произвел на вас Арбатов?» – «Как деловой человек – в общем понравился. Мне кажется, он действительно заинтересован в том, чтобы сделать дело, а не создать видимость дела. Ну, а как о человеке вообще я о нем судить не берусь. Думаю, что пребывание в ЦК заставило его научиться скрывать собственные мысли и чувства. Хотя, если его оттуда выставили за непослушание, это кое о чем говорит в его пользу. А до какой степени он мог позволить себе оставаться принципиальным, откуда мне знать?»

Как показало будущее, Арбатов не очень спешил сделать выбор относительно разработчиков своей институтской информационной системы. Уже работая у Антипова, Михаил Горский узнал, что в институте США начали работать люди, которых Арбатов зачислил в свой штат и из которых Горский никого не знал. Что они спроектировали и осуществи-

ли, Михаилу тоже ничего не было известно, кроме одного – года через четыре или пять Арбатов ликвидировал у себя подразделение, которое должно было сделать систему.

Итак, служебные дороги Данилова и Горского разошлись. Виделись они после этого совсем не часто – на каких-либо заседаниях комиссии по созданию лингвистического обеспечения государственной автоматизированной системы НТИ, либо, еще реже, в частном порядке. Но когда через пять лет после фактического сближения Марина и Михаил решили официально оформить свой брак, и перед «женихом» встал вопрос, кого бы он мог и хотел пригласить со своей стороны в свидетели, никакая другая кандидатура, кроме Михаила Петровича Данилова ему в голову не пришла. Со стороны Марины все было проще – в свидетельницы она позвала Люсю – Людмилу Алексеевну Хабарову, с которой познакомилась на болгарском курорте и которая предложила Марине перейти из министерства медицинской промышленности на работу в центр Антипова – вот там именно Люся познакомилась с Михаилом. Свадьба прошла скромно – ЗАГС, потом обед на квартире новобрачных. На память о том дне остались фотографии, которые штатный загсовский фотограф делал шаг за шагом по всей процедуре бракосочетания: жених и невеста, а затем свидетель и свидетельница расписываются в бумагах, жених надевает кольцо на палец невесты, молодые супруги целуются, дама из ЗАГСа говорит приветственные слова: молодые, свидетели и приглашенные пьют

из бокалов шампанское. Итого было семь человек – пять женщин: Марина, ее подруга по МГИМО Галя, три сотрудницы Марины и Михаила в его секторе – Люся Хабарова, Лиля Быстрова, Вита Михайлова и два Михаила – Горский и Данилов. Вспоминать об этом дне, особенно перебирая эти фотографии, было приятно. И все же он стоял на втором месте после куда более памятного дня, когда они на самом деле стали одновременно любовницей и любовником, невестой и женихом, женой и мужем, не представляя себе дальнейшей жизни друг без друга. И именно тот первый день куда как ярче сидел в их головах, чем день бракосочетания, причем без всяких фотографий. Им было не до фотографирования, а кроме них, в квартире Нины Миловзоровой, давшей прибежище их любви, никого больше не было.

Нина, едва не ставшая год назад в походе по Северной Карелии любовницей Михаила, теперь, как бы возмещая причиненный ею урон его вполне правомерным ожиданиям и расчетам (как же – при живом муже отправилась с ним на байдарках вдвоем на целый месяц: любви – не хочу! – и вдруг не отдалась, а когда захотела, уже Михаил до того обозлился, что больше ничего от нее не желал) своим данным ему в руки ключом открыла дверь в самое-самое великое счастье, какое и в мечтах-то даже не представляется и не светит, не то, что бывает наяву, за что он продолжал нежно любить и Нину во все годы их с Мариной любви. А для Нины ее поход с Михаилом остался самым яр-

ким впечатлением от красоты мира, погрузившись в которую хоть однажды, навсегда обретаешь уверенность, что ничего подобного человек не может ни создать своими силами, ни превзойти. Свои симпатии друг к другу, возникшие с первого дня знакомства Нина и Михаил никогда ни от кого не скрывали. Он называл ее «мой любимый матрос», она видела в нем своего надежного капитана. Время от времени они виделись. Иногда Нина приходила в гости к Марине и Михаилу, иногда они встречались у кого-то еще. С годами Нина пришла к философскому выводу, с которым всем заинтересованным лицам трудно было не согласиться. В том походе, где она честно собиралась отдаться Михаилу, а он законным образом этого ожидал, у них так и не было ожидаемой близости потому, что между ними стоял фантом Марины, которой они еще оба не знали, но чья кандидатура для союза с Михаилом уже была predetermined на Небесах. Обычно Нина с искренней радостью откликалась на звонки Михаила, но однажды она отреагировала довольно холодно. Ответив на приветствие, она с априорной отчужденностью, будто ожидая неприятных для себя домогательств или уверений, спросила: «Ну, и чему я обязана?» – «Дорогая моя, – почти в тон ответил ей Михаил, – сегодня ровно двадцать три года, как ты дала нам с Мариной ключ от своей квартиры». Нина охнула и сразу стала обычной прежней: «Ой, Миш, неужели уже двадцать три? Вот время летит!» Она искренне радовалась тому, что помогла им в самом начале пу-

ти к счастью, хотя и не скрывала: «Я думала, что будет обычный роман – знаешь, один из тех, которые видишь на каждом шагу, а оказалось!...»

А потом к тем двадцати трем годам прибавлялись новые – еще, и еще, и еще. Михаилу исполнилось тридцать семь лет, когда они с Мариной полюбили друг друга. Теперь они достигли уже середины восьмого десятка лет. Но все равно у них это был возраст любви, полноценной любви во всех отношениях. И Нина оказалась у истока без преувеличения полноводной реки их счастья, причем почти как ангел с ключом от рая в руках.

Собственная жизнь Нины представлялась ей не очень удачной. С мужем, которому она собиралась изменить в Карельском походе с Михаилом, она все равно вскоре развелась. Какие-то мужчины у нее, конечно, были, но, говоря о них, она только отмахивалась рукой, произнося: «А-а, это так!...» – явно не дорожа их роль в своей жизни. Но характер ее от этого не изменился – она как была, так и осталась жизнерадостной, открытой, искренне любящей повеселиться женщиной, которой всегда можно верить, потому что она не интригует и не хитрит. Прямота даже с примесью какой-то наивной простоты, по-прежнему украшала ее индивидуальность как одна из главных ее черт. Михаил, да и Марина тоже, желали ей обрести свое счастье, но это, видимо, только в очень малой степени зависело от них.

В тот короткий период времени между правлениями Ми-

хаила Данилова и Люды Фатьяновой, когда отделом командовал Александр Бориспольский (то есть до момента появления Сионской звезды на манжетной запонке в стенгазете), Саша успел завершить одно важное дело: обеспечить типографское издание проекта Данилова, Влэдуца и Горского, определяющего состав, устройство и функционирование единой системы информационных языков. Честно говоря, Михаил Горский не ожидал, что Саша все-таки проявит в таком виде благодарность к людям, которые не мешали ему идти своим путем, заниматься собственным делом, когда они могли и в некотором смысле должны были помешать ему делать личное дело в ущерб государственному.

Михаил Горский даже предположил, что Саша вообще сознательно решил искупить грех выпуска в свет откровенно халтурной (по выражению Московича) диссертации и взялся зарабатывать себе честное имя в научной работе. А что? Это бы совсем не повредило ни его репутации, ни вообще тому делу, где он почувствовал себя, наконец, стоящим профессионалом. С Людой Фатьяновой ему также повезло. Затрачивая много времени на представительские дела и на работу секретарем партийной организации в направлении классификации, она с удовольствием переложила большую часть своих обязанностей по научному руководству делами отдела на Бориспольского, а тот и рад был постараться – наконец перед ним открылось широчайшее поприще, как огромное поле, на котором он по собственному выбору,

почти без ограничений, мог возделывать любую культуру. Быть агрономом на поприще прикладной лингвистики – задача не их легких. Сколько бы ни восхвалялись роль и успехи программистов в решении проблемы создания машинных информационных систем, работающих с произвольными текстами, главные трудности содержательного характера все равно выпадало преодолевать именно лингвистам, хотя в этом мало кто отдавал себе отчет как среди программистов (что было естественно, исходя из их гонора, но не из осознания действительного положения дел), так и среди подавляющего большинства начальников, которые совсем не отдавали себе отчет в том, что такое язык вообще, а главное – в том, что языковые объекты принадлежат к числу самых неподдающихся административному произволу и вообще чьему-либо волюнтаризму. Можно вводить в обиход начальственные «новоязы», коверкая привычный смысл слов и искажая их значение прямо до противоположности, как это блистательно продемонстрировал в романе «1984 год» Джордж Орвелл, но подчинить себе встроенный в мышление людей инструмент, обеспечивающий перевод любых образов в речь и текст, не способен никакой начальник и вся королевская рать – язык относится к настолько фундаментальным категориям людского бытия, что от его неощущаемой, неочевидной на беглый взгляд, но буквально абсолютной власти не может уклониться никто – он подавит любую революцию, растворит и превратит в практическое ничто любую идею,

идущую вразрез с языковой традицией, могущей воспринимать только частные, ограниченные реформы, не задевающие ни синтаксиса, ни основного словарного состава (чаще всего слегка реформируются правила записи тестов с целью добиться сближения письменной речи с устной).

Надо отдать должное Бориспольскому – будучи довольно легкомысленным человеком, привыкшим в основном порхать по верхам, он эту языковую власть над миром, над обществом ощущал вполне определенно и потому усматривал в своих занятиях информационно-поисковыми языковыми средствами, как нечто подобное служению культу главного божества в современном научном универсуме знаний. Да, он мог признавать про себя, что Валов – профанатор и такой же халтурщик, как он сам в эпоху подготовки диссертации, но ведь выбрали-то они фундаментально верную ориентацию на тот род занятий, от успехов которых будет прямо зависеть будущее всего человечества. Если с какого-то момента своей деятельности Саша сознательно решил избавить голову от халтуры и начать жизнь честного служителя науки, заботящегося о приспособлении естественных лингвистических средств к пока еще примитивным возможностям технических и программных устройств, привлекаемых к поиску и анализу тестовой информации, то что в этом могло быть плохого? Разве мало пользы людям приносили покаявшиеся грешники? Взять хотя бы пример святого апостола Павла, который первоначально был гонителем христи-

ан. Или пример будущего адмирала Ричарда Берда, который в молодости совершил грех – вылетел со Шпицбергена, откуда должен был стартовать дирижабль «Норге», раньше Амундсена на своем самолете, чтобы принести себе и Америке славу первого покорителя Северного Полюса по воздуху, что, конечно, само по себе не было грехом, а являлось скорее неуместным спортивным соревнованием; грех был в другом – он развернул самолет до того, как достиг Полюса, но по сговору с механиком после благополучного приземления наврал, что над Полюсом был. Правда, публично в этом грехе Ричард Берд так и не покаялся, но это незадолго до своей смерти сделал его механик. Не будучи изобличенным, Берд возглавил воздушные Антарктические экспедиции, действительно впервые достиг по воздуху место Южного Полюса Земли и сделал много ценного и полезного для познания неведомого континента Антарктиды, что и было по справедливости высоко оценено как американскими властями, так и мировым научным сообществом.

И пусть масштабы деятельности Бориспольского и Берда различались достаточно радикально, но суть духовного преображения могла быть в обоих случаях одна – конечно, при условии, что таковое имело место в душе у Саши, хотя почему бы и нет? Мысль об этом занимала далеко не главное место в голове у Горского, а приобрела она больший вес только после того, как Людочка Фатьянова, а затем независимо от нее Саша Бориспольский, предложили ему вернуть-

ся на прежнее место в институт Панферова, потому что Люда собиралась стать главным лицом в новом направлении по унифицированным системам документации, а им обоим было очень небезразлично, кто после Фатьяновой займет место заведующего отделом. К тому времени отношения между Антиповым и Горским достигли критической фазы. Этому очень способствовал начальник отделения, в которое входили лаборатория и сектор Михаила, по фамилии Белянчиков.

Его Михаил помнил вприглядку еще по учебе в Московском Механическом институте. Они оба учились тогда на втором курсе, хотя и на разных факультетах – просто с несколькими ребятами и девушками из той учебной группы, в которой был и Белянчиков, Михаил ходил в зимний поход по дальнему Подмосковию. После завершения третьего курса их пути совершенно разошлись, поскольку несколько групп с факультета Михаила перевели в МВТУ имени Баумана, точно так же, как годом раньше группу Белянчикова перевели из МВТУ в Механический институт. Горский вновь познакомился с Белянчиковым, школьным другом директора, когда поступил в центр Антипова. Белянчиков тогда чувствовал себя не совсем уверенно в информационной проблематике, поскольку до этого занимался только разработкой технических автоматических систем для авиации. С благословения директора, в глазах которого Горский показал себя вполне дееспособным работником, которому можно поручать серьезные самостоятельные задания, Белянчи-

ков взял Михаила в свое отделение. В то время он с большим пиететом относился к Горскому, который уже пользовался авторитетом в профессиональных кругах. Однако постепенно хорошие отношения с Горским – почти доверительно-конфиденциального и коллегиального характера – перестали устраивать Антипова. Обладая рациональным умом и энергичным служебным темпераментом, а также поднааторев на новом поприще, Антипов решил делать еще более серьезную чиновную карьеру, исходя из уверенности, что его личного интеллекта вполне достаточно для успешного проведения любых дел в своем центре, а потому ему не требуются ни советчики, ни соавторы, а нужны всего-навсего деятельные исполнители его верховной воли. Этот новый стиль совсем не понравился Горскому. Он и раньше отмечал, что кое-какие выпады директора в его адрес можно было объяснить только одной причиной – Михаил проводил всю разработку от начала и до конца сам, без идеологических подсказок Антипова, тогда как тому импонировали подобострастие и лесть, а не чья-то идейная независимость. Зависть была мелким чувством внутри сильной личности, каковой считал себя Антипов, но она угнездилась там очень прочно, и избавляться от нее директор нисколько не желал. Но вот без чего он совершенно не мог обходиться на своем управляющем посту – так это без подхалимажа. Да, он видел насквозь эту низкую публику, абсолютно не уважал ее, бичуя по поводу и без повода, но для психически удоб-

ной для него атмосферы, в которой он мог проявлять себя, как душе угодно, не опасаясь встретить никакого отпора, он уже не чувствовал себя хорошо. Возможно, так он снимал с себя нервное напряжение, возможно, в уступчивости и лести он видел дополнительное доказательство своего превосходства, что было ему необходимо для карьеры и веры в успех. Подобострастием Михаил Горский никогда не отличался – наоборот, как правило, бывал ершист и позволял себе говорить то, что думал, а лестью и вовсе пренебрегал и не владел. Дискуссии с Антиповым по делу он находил вполне нормальным способом достижения наилучших решений, когда обе стороны взвешивали все «за» и «против» того или иного варианта. Антипов, прежде придерживавшийся того же стиля поведения, теперь ради экономии времени и ублажения своего Я как Мыслителя, перестал детально обсуждать свои идеи и поручения с кем-либо из подчиненных. Белянчиков оказался в высшей степени чувствительным датчиком, улавливающим все изменения в предпочтениях и поведении шефа. Он уже сделал свой выбор, решив постоянно во всем следовать в кильватер за школьным приятелем и нынешним лидером, безусловно соглашаясь с тем, что Антипов гораздо более крупная и сильная личность, чем он. У Белянчикова появились основания считать, что при поддержке аргументации Горского последний может поссорить его с директором. В то же время выполнять волю Антипова, когда она представлялась Горскому ошибочной, он уже желанием

не горел, а в этом Белянчиков находил признаки саботажа и несоответствия той роли, которую Горский должен был исправно играть. После примерно трех лет работы в относительно благоприятной обстановке Михаил понял, что он стал персоной нон-грата и для Антипова и в еще большей степени для Белянчикова. Поэтому к приглашению вернуться назад в институт Панферова, откуда в свое время с огромным облегчением ушел, он рассматривал со всей серьезностью.

Вернуться было действительно реально. Ведь сам Панферов, расставаясь с ним без малого пять лет назад, по собственной инициативе сказал: – «Если у вас на новом месте не получится, возвращайтесь. Я возьму вас назад.» Директор оставался на месте. Пустыми обещаниями он вроде никогда раньше не баловался. Да и Люда, имевшая большое влияние на его поступки, тоже бралась обеспечить Михаилу «зеленую улицу» со своей стороны. Ненавистный по прежней работе из-за садистского характера заместитель директора Титов-Обскуров уже давно не командовал направлением классификации – и это было едва ли не главное, что побудило Горского уйти из института. Бориспольский взялся ориентировать его в сложившемся к данному моменту состоянии работ, равно как и в ожидаемом их развитии и планах на будущее. Здесь Михаилу не все внушало доверие в успех дела, но в сравнении с тем, в каком положении он принимал дела от Марии Орловой семь лет назад, эти сомнительные моменты выглядели сущей мелочью. Новый состав отдела не слыш-

ком сильно отличался от прежнего – известных ему сотрудников было не меньше половины. Правда, не было Данилова, который один стоил едва ли не больше всех, вместе взятых, но ведь теперь и стадия разработки была уже иной, когда уже не требовалось прокладывать путь в terra incognita. После детального анализа ситуации как в центре Антипова, так и в институте Панферова, Михаил, скрепя сердце, понял, что лучше уйти туда, откуда пришел. Других подходящих вариантов на его горизонте не было.

Он условился с Людмилой Алексеевной Хабаровой, не только познакомившей его с Мариной, но и бывшей ему в делах правой рукой, что, вернувшись к Панферову, он обеспечит переход туда и ей. И после этого подал заявление об уходе. Естественно, никто и не думал его задерживать, тем более – приглашать вернуться обратно, «если что». Жалели о его уходе только сотрудницы его сектора. Не считая Люси Хабаровой – еще Нина Тимофеева, его прежняя любовь до встречи с Мариной, Лиля Быстрова и Вита Михайлова. И вдруг выяснилось, что жалел еще один человек, который прежде вел себя скорей как враг, чем нейтрал по отношению к Михаилу. Это был Станислав Григорьевич Виноградов, его ровесник, человек с очень дельной головой и заметным апломбом. Он особенно выдвинулся вперед после того, как Михаил впал в немилость у Антипова и Белянчикова. Виноградов занялся реализацией технологии по той схеме, которую считал нужным реализовать Антипов и в кото-

рой Горский видел крупные недостатки. Безусловно, Станислав где с ведома, где без ведома Антипова старался действовать как можно более рационально, часто споря с Горским и жалуясь на него, нередко не по делу, Белянчикову, который от этого был просто в восторге. Однако со временем ограничения, наложенные на весь ход процесса директором, все чаще вызывали несогласие Виноградова, а поскольку он был человеком самолюбивым и всегда стремящимся блюсти собственное достоинство, это не могло не привести к столкновениям с обоими шефами. Кончилось тем, что Станислава отстранили от руководства технологией, правда, без столь же резкого выражения неприятия, как Михаила, но все равно оскорбительного, учитывая все, что он действительно успел сделать, когда его заменили совершенно бесцветной фигурой, от которой нельзя было ждать никаких инициатив.

Об этой перемене ролей Белянчиков сообщил на совещании, где присутствовали все причастные к делу коллеги, кроме самого Виноградова. В объяснении Белянчикова относительно причин данного решения не было упомянуто ничего, за исключением анекдотического по краткости заявления: «Виноградова вроде уже как поздно ругать за ошибки, а его преемника еще рано.»

Всех присутствующих, за исключением Горского, очень рассмешила эта содержательная формула. Смех не стихал, по крайней мере, полминуты. За это время Михаил успел посмотреть на физиономию каждого из присутствующих. Зре-

лице заставило его брезгливо поморщиться. О том, что произошло после совещания в лаборатории Виноградова, Михаил догадался только тогда, когда дорабатывал у Антипова последние дни. В один из них Виноградов при встрече в коридоре подозвал Михаила к окну и негромко спросил: – «Вы уходите к Саакову?» Сааков был заместителем Панферова по направлению классификации и по прежней работе Михаил его не знал. В голове мелькнуло было, говорить или не говорить – ведь прежде антипатии Виноградова к Михаилу были куда заметней его симпатий, но в следующий момент Михаил понял, что скрывать уже незачем. – «Да,» – подтвердил он, пытаясь понять причину интереса Станислава к его будущему.

– Мы с ним вместе работали в тринадцать двадцать три, – сказал Виноградов.

Это был номер знаменитого почтового ящика, которым руководил до ликвидации его отца сын Берии Серго.

– Он спрашивал меня о вас, – продолжил Виноградов. – Я сказал, что вы – человек на своем месте.

– Спасибо, – отозвался Михаил.

Такая похвала дорогого стоила.

– Желаю вам успеха.

– Еще раз спасибо, – сказал Михаил. – И я вам тоже.

Горский в задумчивости отошел от Виноградова. Ему хотелось понять, что побудило этого человека признаться в том, что он помог ему без всяких просьб оказать содей-

ствие в переходе. Да и какие могли быть просьбы, если он и понятия не имел о знакомстве Виноградова с Сааковым? И тут ему вспомнились Белянчиковские слова: «Виноградова уже вроде как поздно ругать за ошибки, а его преемника еще рано.» и смеющиеся физиономии тех, к кому они были обращены. А следом пришла и разгадка.

Одна молодая женщина смеялась не так долго и не так громко, как остальные присутствующие. Она тоже переводила взгляд с одного лица на другое. Ее звали Ирина Сцепуро, она работала в лаборатории Виноградова. Нетрудно было догадаться, что после ее возвращения с совещания Станислав спросил ее, как было обставлено сообщение Белянчикова. Она сказала, добавив, какой это вызвало смех. Вероятней всего, Виноградов сказал: «Наверно, громче всех там смеялся Горский?» – И тут Ирина возразила: «Он один не смеялся. По очереди смотрел на каждого и кривился от презрения или гадливости.» Объяснить изменение поведения Станислава Григорьевича больше было нечем. Так с разных сторон сошлись силы, поддерживающие возвращение Михаила в старый добрый и долго ненавидимый институт. Как он узнал позже, благожелательный нейтралитет к нему продемонстрировала и секретарь партбюро института Басова, которую он семь лет назад взял к себе в отдел заместительницей без ожидаемых ею возражений, хотя ее сейчас очень активно подталкивали к этому два мерзавца, которым Михаил до сих пор не причинил ни малейшего вреда.

С первым, Новоградовым, он едва успел познакомиться перед самым уходом из института к Антипову – его как своего конфиденнта привел Панферов, сделав заведующим научно-техническим отделом (на самом деле надзирающим отделом по образцу управления делами в совете министров СССР, только много миниатюрнее). Второго, который во время отсутствия Михаила приступил к работе в качестве заместителя директора института по кадрам и режиму (то есть, безусловно, смотрящего от КГБ), Плешакова, Михаил увидел только тогда, когда пришел к нему с анкетой на оформление. Оказалось, что оба были вполне осведомлены о том, что Горскому ни в чем доверять нельзя, что директор совершает ошибку, выполняя свое обещание, которого Михаил не испрашивал, взять его назад, «если что». Люда Фатьянова хорошо знала цену обоим, равно как и то, чем именно они старались повредить априорно ненавидимому Горскому.

Возвращение на круги своя, как и предполагал Михаил, не принесло ему ни удовлетворения, ни радости – всего лишь краткое временное облегчение от гнета, как то бывает у лошади, когда ей заменяют один хомут на другой. После детального рассмотрения состояния дел в своем старом-новом коллективе, когда выяснилось, что через неполный квартал, оставшийся до конца года, предстоит сдать по хозяйственному договору с международным институтом СЭВ по информации макротезаурус, который только собирались начать со-

здавать, потому что всё до сих пор сделанное по теме, в лучшем случае тянуло только на предварительные прикидочные исследования, он впервые подумал, что Люда спешила перейти на новую тематику, а его, Горского, поскорее поставить вместо себя не только потому, что усматривала там лучшие возможности и перспективы дальнейшей карьеры, а еще и прежде того потому, что надо было как можно скорей уйти в сторону от ответственности за более чем вероятный провал. Люда явно надеялась, что в ответ на ее помощь в возвращении на свое прежнее место Михаил проявит великодушие при приемке дел и не поднимет шум во избежание переноса ответственности с себя на нее. Он поступил, как она ожидала, хотя в ушах уже и стояло предупреждение Саакова: «После принятия дел по акту отвечать за всё будете вы!» Это было для него совсем не ново. Впору было объявлять, что его специальность – это отвечать за то, что сделали или, наоборот, не сделали другие. А ведь макротезаурус был не единственной темой, по которой могли возникнуть до конца года тоже немалые проблемы: первая редакция русской версии трехязычного тезауруса ИСО, какие-то СЭВовские многосторонние проекты по созданию тезауруса по стандартизации и двусторонние проекты того же пошиба совместно с Чехословакией и ГДР. Из огня он определенно попал в полымя. Надо было срочно определяться, что делать в первую очередь.

Попытка договориться с заказчиками макротезауруса

из Института СЭВ по научно-технической информации о переносе срока его представления хотя бы на квартал окончилась безрезультатно. Доводы Михаила, предупредившего, что они получат слишком сырой словарь, не пригодный для немедленного использования, не возымели действия. Социалистическая система планирования и отчетности в СЭВ точно соответствовала советской. Представь что угодно, отчитайся в этом, вот что самое главное. А что с этим делать потом, не так уж важно. Оставалось надеяться, что два основных указателя макротезауруса будут построены с помощью ЭВМ на основе введенной в ее память первичной информации о пошаговых иерархических отношениях между лексическими единицами словаря, а также синонимами. По своему и чужому опыту Михаил знал, что при работе многих людей на одном и том же сводном массиве лексики из-за разных индивидуальных мнений о том, что иерархически выше, а что ниже, что чему синонимично, а что нет, неизбежно возникновение круговых (циклических) структур, недопустимых с точки зрения логических принципов построения тезаурусов, вместо стройных, хотя и лексически пересекающихся, иерархических деревьев. Разрывать циклы и контролировать правильность построения иерархических структур можно было только визуально, вручную, а на это требовалось время, но его не дали.

С тезаурусами по стандартизации дело было несколько проще. Михаил убедился, что Люда, следуя принципу «уби-

вать одним выстрелом двух зайцев», раздувала объемы плановых работ за счет того, что один и тот же продукт выдавался за две разные плановые позиции – он проходил и как русскоязычная часть многоязычного тезауруса СЭВ, и как русскоязычная часть двуязычного тезауруса с каким-либо отдельным национальным вариантом того же многоязычного тезауруса. Обилие, точнее – дутое обилие, плановых позиций позволяло Люде добиваться из квартала в квартал первых мест в социалистическом соревновании, в конкуренции с другими отделами по встречному плану, то есть по существу соревноваться с помощью жалких уловок, создающих видимость перегрузки, каковыми, просто с меньшей ловкостью и грациозностью, пользовались и другие отделы. И так не в одном институте, а практически везде. Вся страна под руководством родной коммунистической партии играла в детские игры по повышению производительности общественного труда. Помимо уже изрядно одряхлевшей и надоевшей игры в повышенные соцобязательства, вспоминались старые, еле-еле знакомые нынешнему поколению способы «оживления» социалистической экономики – например, «встречный план»; изобреталось сотрудничество в рамках СЭВ и двухстороннее сотрудничество по тем же темам с отдельными странами СЭВ. У Михаила уже пухла голова от всех этих внешне разнотипных категорий планирования, перепланирования и отчетности, в то время как Люда Фатьянова чувствовала себя в обстановке этого системного по-

мешательства на фикциях как рыба в воде. Да и не она одна. Ежеквартально на неделю или больше основным занятием профсоюзных комитетов страны становилось подведение итогов, где сравнивались отчеты всех подразделений о том, что они успешно выполнили государственный план работ, взятые на себя повышенные соцобязательства по перевыполнению государственного плана, встречный план по перевыполнению взятых на себя повышенных соцобязательств; по плану работ СЭВ и по планам двухстороннего научно-технического и экономического сотрудничества. Вникнуть в суть всех обманов, переобманов и перепереобманов никакому профкому было не по плечу. По этой причине там королевой всех методов оценки деятельности оставалась её величество арифметика, позволявшая точно определить, у кого больше плановых позиций и позиций в разного рода обязательствах, и то подразделение, в котором их суммарное число оказывалось наибольшим, объявлялось победителем в социалистическом соревновании и в торжественной обстановке получало из рук «треугольника» (как уже почему-то геометрически именовалась совокупность советских правящих инстанций: дирекция, партийное бюро и профсоюзный комитет, управляющий местной «школой коммунизма») переходящее красное знамя, повышенную на десять или двадцать процентов (когда как), но все равно ничтожную премию, почетную грамоту, а фотографии особо отличившихся сотрудников помещались на доске почета, зани-

мающей целую стену или специальный стенд в самом проходном месте предприятия или организации.

Изготовлением всей этой отчетной туфты надо было заниматься не менее, а даже более тщательно, чем собственно делами. Знакомясь с новой обстановкой в институте после почти пятилетнего отсутствия в нем, Михаил находил все новые признаки социал-бюрократического взматерения институтского треугольника – истеблишмента, который хотел выглядеть образцом в глазах райкома КПСС и действительно считался таковым, потому что в райкоме особенно ценили готовность выставить больше научных сотрудников для работы в «подшефной» овощной базе, которую трудно было считать чем-то иным, чем откровенным овощегноищем, в «подшефном» колхозе Подмосковья, в скверах и садах района ради «озеленения города» летом, очистки тротуаров от бетонной прочности утрамбованного снега зимой, ну и, наконец, в райкоме учитывалось, насколько дисциплинированно выполнялась разрядка из райкома, обязывающая выставить у столбов от номера такого-то до номера такого-то на улице такой-то по маршруту следования кортежа главы такого-то государства за час до его проезда. За безупречную работу по всем этим направлениям искусственно созданных трудностей в конце года лучшие руководители и лучшие из лучших рядовые работники удостоивались чести помещения их крупных фотографий на районной доске почета, а это давало шанс в конце года получить наградные

наручные часы (именуемые на «новоязе» «ценным подарком»), а по завершению пятилетки орден Трудового Красного Знамени или Знак Почета. За кулисами всей этой в высшей степени профессионально развернутой в институте деятельности стояла секретарь партбюро бывшая заместительница Михаила Горского товарищ Лидия Анатольевна Басова. За ее активностью нетрудно было угадать вожденную цель – заработать себе такую высокую репутацию в качестве образцового коммунистического организатора масс, чтобы ее, во-первых, заметили и **ВЫДЕЛИЛИ** среди ей подобных; во-вторых наградили бы орденом; в-третьих, сделали бы членом пленума райкома партии, а затем, возможно, третьим или вторым секретарем. Вот тогда она точно перейдет из того бесчисленного множества лиц, которые всем должны и мало что получают сверх остронеобходимого для простого воспроизводства жизни в круг уже в определенной степени избранных, которые тоже кругом должны руководству более высоких уровней, но все-таки гораздо больше рядовых получают от системы и в виде денег, и в виде привилегий, будь то дачный участок, очередь на покупку автомобиля, обеспечение продуктами и дефицитными промтоварами из закрытых от масс распределителей и еще чего-то в том же роде, чего не хватает на всех. Басова по старой памяти была откровенна с Горским насчет всего, почему в райкоме институт находится на весьма высоком счету. Конечно, о своих личных планах и мечтах она не говорила ни слова, но ведь дей-

ствительно существуют вещи, которые говорят о себе красноречивее слов, и это был как раз именно такой случай. Басова подробно объяснила расчетную основу каждой разрядки, будь то направление на работу в подшефный колхоз или на овощную базу, на встречу иностранных глав правительств и государств, на дежурство в «добровольной» народной дружине, на обеспечение разного рода выборов штатом агитаторов и пропагандистов. Только за выполнение государственного плана перед административным начальством директор отвечал больше, чем секретарь партбюро, но все остальное в первую очередь лежало именно на секретаре, включая мероприятия по пересмотру и превышению планов. Басова по-прежнему заведовала отделом УДК. Её сотрудницы сами исправно справлялись с рутинной по внесению дополнений и изменений в таблицы классификации, по изданию и рассылке бюллетеней с принятыми в Гааге изменениями.

Служебная работа очень мало беспокоила Лидию Анатольевну. Благодаря этому максимум своих сил она отдавала общественной деятельности, а, стало быть, в первую очередь себе. Правильный анализ социальной ситуации позволил ей в высшей степени грамотно выстроить свои приоритеты и подравнять под них свою жизнь. Это пока у нее вполне хорошо получалось.

Да, алгоритм успешной партийной карьеры был предельно понятен. Исполняй без раздумий и промедления все, что прикажут сверху, выводи людей, организуй явку,

да еще и с перевыполнением, да еще и с радостью на лице, чтобы ТАМ понимали, как тебе приятно служить, выполняя волю именно данного руководителя, почтительно интересуясь его мнением, напрашиваясь на получение новых поручений, и тебя заметят, оценят, поднимут, приблизят к себе.

У Михаила никогда не было сходной ясности в отношении собственной линии жизни. Он знал одно: то, что движет им изнутри, увлекая в сияющие дали, обязательно надо делать хорошо, изо всех сил добиваясь от себя результата, за который не стыдно перед собой и перед лицом Создателя. В его стратегии не было другой конкретики. Он не знал, к чему приведет его путь, его работа во имя лучшего в себе, данного ему Милостью Божьей.

Но сейчас он был на работе иного рода. Она тоже требовала большой отдачи, но не приносила большой радости в случае успеха. Просто с ее помощью можно было существовать и посвящать часть жизни своему кровному делу. Люда Фатьянова имела мало общих черт с Лидией Басовой, однако общее у них, причем не пустячное, все-таки было. Обе рассматривали свое членство в партии как ключ и инструмент для достижения успеха. И теперь он – вот ведь парадокс! – беспартийный Михаил Горский должен был спасти положение отдела, которым так блестяще руководила Люда, обеспечивая себе первенство в соцсоревновании, а себе репутацию хорошего руководителя и ценного научного

работника. Правда, Люда перепрыгнула на новую тему, где пока еще не наделала долгов, никого при этом не отпихивая от успешно начатого дела, как это сделала Орлова, но все равно у Михаила не было никаких шансов получить классное место за победу в соцсоревновании, даже если он ухитрится благополучно закончить брошенное Людой дело.

Самое знаменательное в том трудном, даже более чем трудном – просто опасном положении заключалось в том, что этой опасности вроде бы ни для кого, кроме вновь приступившего к исполнению должности зав. отделом, не существовало. Никто даже и не думал напрягаться. Все вели себя так, словно рутинное благополучие сотрудников не может закончиться в одночасье. Никто не подумал пожертвовать свой библиотечный день на алтарь спасения. Естественно, Михаил мог проявить свою власть, то есть взять и отменить все библиотечные дни, пока не выправится кризисная ситуация, но он не стал этого делать. Если уровень сознания сотрудников был таков, что, планируя личные удовольствия на свой библиотечный день, который рассматривался как заслуженная привилегия даже при явном отсутствии заслуг, толку от запрета было бы чуть. Большинство давних сотрудниц по первому периоду работы Михаила в институте подали заявления о переходе в новый Людин отдел, и их скорее обижало, чем настораживало, то, что Люда не спешит их туда брать. Вряд ли они боялись, что Михаил будет завинчивать гайки – все-таки за несколько лет работы они убеди-

лись, что вредности сам по себе он ни к кому не проявлял, зато напрочь забыли, что те же самые библиотечные дни первым предоставлял им с немалым риском для себя именно он, а не Люда. Но дело, как он понял, было не в забывчивости, наоборот – они тянулись за Людой, потому что были уверены – именно там, где окажется она, и впредь будут успехи в соцсоревновании, для чего им совсем уродоваться не надо – просто Люда возьмет это дело на себя и добьется классного места и повышенной премии, в то время как Горский ничего такого делать не захочет и не сможет. А за Людой они чувствовали себя как за каменной стеной. Конечно, Саша Бориспольский не намыливался сбежать со своей родной тематики вслед за Людой. Но и он, вполне отдававший себе отчет в том, насколько опасна сложившаяся ситуация, вел себя так, будто ничего, кроме вполне обоснованного оптимизма, в атмосфере отдела не ощущалось. Внутреннего собственного сознания долга сделать все возможное для предотвращения срыва в выполнении плана не было заметно даже у него.

Михаил в своей жизни тоже очень часто откладывал выполнение нелюбимых дел на крайний срок, но он всегда был готов при этом работать без отдыха чуть ли ни день и ночь – так повелось у него со студенческих времен, и того же отношения он ждал и от нынешних виновников аврала, среди которых Саша занимал отнюдь не последнее место. Изобилие предварительных исследований, о которых он не без гордости сообщил Михаилу во время детального знакомства

с положением дел, показалось солидной основой для практических работ только на первый взгляд – почти никакой роли они на самом деле не играли. Даже когда это не было туфтой, можно было легко показать, что на основные процедуры разработки тезаурусов вообще и макротезауруса в частности они никак не влияли. В лучшем случае благодаря тому или иному способу кодирования лексики слегка экономилось машинное время (что опять-таки не было убедительно доказано), но и это на самом деле было предметом заботы в первую очередь программистов, а не лингвистов, зато на содержательную обработку черновых материалов, подготовленных с помощью ЭВМ, отводился совершенно недостаточный объем ресурсов. Иными словами, Горскому пришлось не без огорчения удостовериться в том, что его представление о Бориспольском, который будто бы вошел во взрослую фазу развития и теперь старается показать себя серьезным исследователем, а не халтурщиком, цинично полагающим, что для диссертации может сойти что угодно (на то она всего лишь и диссертация), далеки от действительности. Да, не все было халтурой, но почти всегда это было НЕ ЕГО, а заимствованной идеей у кого-то на стороне, не говоря уже о том, что и очень мало относящейся к главному делу. И еще Михаил с абсолютной убежденностью понял, как Бориспольский боится лично предъявлять заказчикам из международного центра НТИ СЭВ не только итоговую работу, но и просто появляться перед ними для любых перегово-

воров. Вместе с тем, они оба – и Бориспольский, и Горский – были одинаково хорошо знакомы со всеми, кто персонально представлял заказчика – поскольку в рабочей комиссии из представителей разных стран участвовали и тот, и другой; причем Михаил был делегирован туда еще от Антиповского центра. Практически там роль первой скрипки играл человек с очень подходящей для этого фамилией – Скрипкин. По образованию он был механиком, выпускником мех-мата МГУ, но курировал вопросы лингвистического обеспечения, а не математического, то есть программного, как обычно случалось с выпускниками мехмата, если они не находили себе применения ни в теоретической механике, ни собственно в математике.

Виктор Александрович Скрипкин был отнюдь не глупый человек, и в вопросах создания и применения информационно-поисковых языков разбирался уже в достаточной степени, чтобы грамотно руководить дискуссиями по данной теме, и фактически имел лишь один изъян – никакого собственного опыта работы по созданию классификаций и тезаурусов у него не было, однако он был слишком амбициозен для того, чтобы признать, будто он кому-либо уступает в этой части. По своему убеждению он был более компетентен, чем все остальные члены комиссии. От одного знакомого Михаил однажды услышал, что Скрипкин называет себя не кем-нибудь, а Штирлицем – героем шпионского киноромана Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны»,

штандартенфюрера СС из шестого главного управления имперского управления безопасности гитлеровской Германии. Этот советский супер-агент делал в кино чудеса, имевшие место либо благодаря собственной изобретательности и находчивости, либо по счастливому для него стечению обстоятельств. Обаятельный красавец (это было заслугой актера Вячеслава Тихонова) Штирлиц был хорош со всех сторон, и, видимо, именно то же самое представлял о себе Скрипкин.

Но встречаться с ним сейчас Михаилу было неприятно по другой причине. Во время второй сессии работы комиссии Скрипкин предложил ему поступить в штат своего отдела. Это было очень кстати. Давление со стороны Белянчикова, исполнявшего волю Антипова, становилось все более нетерпимым. К тому же в институте СЭВ платили много больше, чем он получал тогда. Естественно, Михаил спрашивал себя, что побудило Скрипкина позвать к себе человека, который нередко спорил с ним по многим важным вопросам. Скрипкин был явно не из тех, кому нравятся строптивые и несогласные с ним люди. Тогда тем более почему? Неужели в связи с тем, что про себя он не был столь уверен в своих силах, когда надо было не просто управлять дискуссией, а делать нечто конкретное силами своего отдела, причем ему пришлось бы выдавать собственные конструктивные идеи? Ждать подсказок со стороны своих ведущих сотрудников Скрипкину действительно было бы нереально. Один из них – пожилой отставник, бывший (а может быть,

и действующий) офицер разведки: он мог быть полезен разве что как человек, знающий иностранные языки. Другой – относительно молодой человек, явно моложе Скрипкина, держался с естественной простотой и знатока из себя совершенно не корчил. Звали его Николай Борисович Музруков. Видимо, из симпатии к Михаилу, он кое-что рассказал о себе. По образованию он был, кажется, филологом (Михаил этого не уточнял). Его отец, генерал, был по словам Музрукова, начальником крупного объекта (какого именно, Михаил тоже его не спрашивал). Упоминал он еще и о том, что еще с детства был знаком со многими академиками в домашней обстановке. Все это наводило на мысли, что объект был не только крупным, но и очень важным, причем закрытым, если там было много академиков. Возможно, там разрабатывалось либо ядерное оружие, либо средства его доставки. Не зря же Музруков не упомянул ни одной фамилии известных ему лиц, у которых он сживал еще на коленях. Косвенно об этом свидетельствовало и само пребывание Николая Борисовича в институте СЭВ – туда редко попадали случайные, сиречь не принадлежащие к правящему слою люди и их родственники, или надсмотрщики из КГБ. Отец – начальник объекта, битком набитого академиками, генерал. Стало быть, тоже из КГБ.

Михаил не нарушал правил хорошего тона в разговорах с Музруковым, поскольку не задал ему ни одного вопроса в развитие того, что услышал, и этим, видимо, еще боль-

ше расположил к себе Музрукова. А со своей стороны более подробно, чем на заседаниях, рассказывал Николаю Борисовичу о причинах, по которым отстаивал то или иное свое соображение. Поэтому нельзя было исключить и того, что идею позвать Горского к себе на работу Скрипкину подсказал именно Музруков.

Михаил передал свою анкету и автобиографию Виктору Александровичу. По совету Музрукова, найдя его полезным, Михаил написал в автобиографии, что находится в гражданском, то есть незарегистрированном браке с Мариной (во время предстоящей проверки до этого все равно бы докопались). Скрипкин никакого неприятия этого факта не выразил. А остальное было в порядке – Горского уже не раз проверяли для допуска к секретным документам. И вдруг, когда проверка уже явно подошла к концу, Скрипкин вызвал его к себе и уже как начальствующий хам заговорил с ним о предстоящей работе. Хамство совершенно определенно было намеренным и вполне рассчитанным. Это означало одно из двух: либо в последний момент Скрипкин испугался принять на работу кого-то умнее себя; либо он хотел заранее указать новому сотруднику место, на котором будет его держать, и манеру, в которой позволит себе с ним обращаться за те большие деньги, которые будет ему платить (ни с Музруковым, сыном генерала, ни с полковником КГБ вести себя так, как просила душа, было невозможно).

Обе гипотезы, какая бы из них ни оказалась верной, устра-

ивать Горского никак не могли. От хамства перебираться к еще бóльшему заведомому хамству, хотя и за бóльшие деньги, было бы непростительно глупо. Если же он не подходил Скрипкину или институту по какой-либо причине, отказ можно было бы обставить совершенно иначе, сославшись, например, на то, что его кандидатуру не поддержали в кадрах или на то, что было принято решение закрыть все вакансии, пока шла проверка его анкеты. Как бы то ни было на самом деле, Михаил объявил, что от претензий на предложенное место отказывается, а потом рассказал об этом Музрукову, прибавив, что очень хотел бы сменить работу, где его уже порядком припекают, да только не видит смысла менять Белянчикова с Антиповым на Скрипкина с Сумароковым (Сумароков являлся директором института и одновременно заместителем второго по рангу деятеля в КПСС – секретаря политбюро ЦК КПСС по идеологии товарища Суслова). И тут в ответ ему Музруков разразился неожиданной и очень лестной для Михаила тирадой: «Раз вы до сих пор ходите в спортивные походы, они вас не сломят!» Михаилу удалось подтвердить, что это так. А каким объектом командовал Музруков – отец и кем были безымянные академики, державшие его сына Колю у себя на коленях, Михаил узнал двадцать лет спустя (прямо как у Дюма!) из опубликованных в журнале записок академика Сахарова. Дважды герой социалистического труда генерал госбезопасности Музруков оказался начальником Арзамаса-16, то бишь Сарова, а академиками

Юлий Борисович Харитон, Яков Борисович Зельдович, сам Андрей Дмитриевич, а возможно, и кто-то еще из занятых в атомном проекте не столь долгое время – такие, как академики Тамм и Гинзбург. Кстати, о генерале Мурзукове отъявленный диссидент Сахаров отзывался вполне положительно и как о руководителе, и как о понимающем в деле человеке.

И вот, всего месяцев через семь-восемь после достопамятного случая со Скрипкиным, Михаилу снова предстояло вступить с ним в противоборство, причем уже в новом качестве – как поставщику недоброкачественного товара. Ибо дать еще один квартал на доработку или хотя бы условно принять макротезаурус под обещание Михаила доработать его вне плана, Скрипкин уже отказался. На руках у Михаила был всего один козырь, с которого он, правда, не собирался заходить – и все-таки немного действующий на психику противника – в институте СЭВ не могли не знать, что лично он не работал над макротезаурусом и трех месяцев. Это создавало некоторую свободу для маневра.

В определенный для сдачи заказчику срок Михаил с еще одним старшим научным сотрудником – одному было просто не донести – привезли в институт НТИ СЭВ основной алфавитный постатейный указатель макротезауруса вкупе с указателем иерархических отношений между дескрипторами этого словаря – и то и другое в виде распечатки с ЭВМ. Скрипкин, посмотрев на огромную грудку бумаг, отчасти перелистав оба указателя, скривив физиономию, под-

писал акт о сдаче-приемке изделия, выполненного командой Фатьяновой-Бориспольского. Видимо, только в этот момент он понял, что выгоднее было бы принять предложение Горского и согласиться на условную приемку. Теперь же он вынужден был подписаться под приемкой, которая могла стать окончательной, поскольку уже не сопровождалась никакой, даже устной, договоренностью, что институт Панферова в ближайший квартал устранит выявленные недостатки. Формально придаться было не к чему – материал был представлен в полном объеме, причем настолько огромном, что проработать его с целью одной только критики вряд ли можно было успеть за один квартал всему составу отдела Скрипкина. Конечно, можно было жаловаться на подрядчика, а директор в качестве зятя Сулова подходил для этого больше, чем кто-то другой, но здесь тоже было опасно перегибать палку, она могла ударить самого Скрипкина другим концом – дескать куда ты смотрел больше двух лет, как спланировал работу, если в техническом задании и договоре ничего не было сказано ни о процедуре апробации макротезауруса, ни о его доработке? Полковник, сотрудник Скрипкина, правда, не удержался от нелестных слов в адрес Бориспольского, но что было толку стегать море плетью? Так что с одним горящим делом, правда, самым объемным и важным, Михаилу удалось справиться успешно, отчего перевели дух в первую очередь даже не он сам, а Люда Фатьянова и Саша. Остальное было хоть и хлопотно, но немного проще. Миха-

ил уже не ждал, что спасенные от удара будут его благодарить, однако не думал, что признательность будет выражена совсем неожиданным образом.

На секции научно-технического совета под председательством Саакова рассматривался предварительный вариант трехязычного международного тезауруса ИСО по стандартизации, доклад делал заведующий сектором отдела Горского Владислав Афанасьевич Пигур, а его оппонентом выступила Людмила Александровна Фатьянова. Доклад Пигура не вызвал у Михаила особых нареканий. Но чего только ошибочного не нашла в его материалах Люда! Со страстью, достойной лучшего применения, она буквально занялась ловлей блох. Нельзя сказать, что их не было. Были, разумеется, были. Но ведь эта работа тоже прошла под ее руководством! Зачем же тогда вместо указания типовой ошибки было перечислять все до одного случаи ее конкретного проявления? Кому она мстила своей свирепой разнузданной критикой? Пигуру? Горскому? Или себе? На этот вопрос было трудно ответить. Михаил был удивлен и лишь слегка раздрадован. Работу, конечно, все равно приняли, обязав исправить недостатки – Саакову не было расчета провалить работу, за которую он тоже отвечал как руководитель направления, да и стадия разработки была еще не такой, когда можно ожидать серьезной критики из-за границы, так что пока все могло оставаться шито-крыто. Но Людин темперамент! Неужели она настолько ненавидела Пигура, вообще говоря,

несколько странного, но толкового и намного более добросовестного в деле человека, чем Саша Бориспольский, который подставил Люду под гораздо большую угрозу, чем строптивый, но невредный Пигур, и однако не перестал Люде нравиться? Если же она имела в виду навредить ему, Горскому, то почему не вела себя подобным же образом и по отношению к макротезаурусу для института НТИ СЭВ? И, наконец, почему она до такой степени забылась, что уже не помнила о себе? Ведь желающих лягнуть ее за ее же собственные упущения хватало – у Михаила был уже не один случай удостовериться, что это так. И тем не менее – Люду как прорвало. Объяснить это отсутствием ума не получалось. Предполагать, что она настолько раздосадована тем, как Михаил сумел справиться с проблемами, благополучного разрешения которых она уже не видела, ему как-то не хотелось. До сих пор у Михаила не было сомнений, что Люда, какие бы чувства ни бушевали в ее душе, все-таки продолжает любить его (как стало ясно позднее, в этом он не заблуждался). И, однако, можно было допустить мысль, что она таким образом мстит ему, что он **ВМЕСТО** неё полюбил другую женщину и женился на ней, пусть даже по ее, Людиной, вине, из-за ее собственной, Людиной, тактической ошибки?

Возвращаясь после заседания секции к себе в отдел, Михаил увидел стоящих вместе на лестничной площадке Пигура и того самого Юрия Ильича Блохина, которого привел за собой в качестве своего первого заместителя дирек-

тор Панферов. Блохин уже не был ни первым заместителем директора, ни просто заместителем. Причин понижения в чине Михаил не знал, но считал допустимым предполагать, что и сам Юрий Ильич мог отказаться от ведущих ролей в тех делах, в которых он не чувствовал себя ведущим. Ведь он был известным специалистом по прецизионным скоростным подшипникам качения. Чувствовалось, что информационная тематика его за живое так и не схватила. Михаил подошел к этим двоим, видимо, обсуждавшим выпад Фатьяновой против работы собственного отдела. Михаил начал без обиняков:

– Вы можете мне объяснить, что случилось с Людой? – спросил он у Блохина.

Тот знал ее дольше своих собеседников, еще по агрегатному конструкторскому бюро.

– Вас это удивляет? – спросил в ответ Блохин.

– Не то слово! Ведь все работы, которые сейчас завершаются, были в основном сделаны при ней. И все закончилось успешно.

– Возможно, как раз именно потому, что без нее – и так успешно, – серьезно отозвался Блохин.

Пигур ничего не сказал. Видимо, у него с Людой были свои давние счеты.

Да, после окончания первого квартала своей повторной работы в институте Михаил Горский помимо большой усталости вынес еще и вполне определенные впечатления по-

сле нового знакомства со своими старыми коллегами. Лучше они не стали – это точно. Бориспольский по-прежнему мог выдавать туфту, лишь немного улучшив ее качество. Люда показала себя не столь разумной, как выглядела раньше. Ее было легче простить, поскольку она была во всех отношениях красивой и славной женщиной, за исключением одного – интересы административной карьеры были для нее превыше всего. В этом Люда призналась Михаилу сама. По ее словам, она оставила любимого человека после того, как ушла к нему от мужа, но вернулась обратно, когда убедилась, что иначе это может плохо повлиять на психику дочери, и что её карьере развод с мужем может очень сильно повредить. Людин муж был однолюб и ревнивец. Пока жена жила не с ним, он учинял бесконечные набеги и скандалы, вероятно, грозился испортить ей всё, что только можно испортить члену партии при обращении в парторганизацию.

Как ни удивительно, все то новое и не очень украшавшее Люду, что Михаил в последнее время узнал о ней, не отгаликивало его от этой женщины – просто заставляло сильнее жалеть, что она не соответствовала лучшему в себе по собственному же выбору. Жалость, в свою очередь, не вызывала желания облегчить или украсить ей жизнь. История с временным уходом от мужа случилась у Люды еще до ее знакомства с Михаилом. И сейчас он ловил себя на мысли, что жалеет о ней, как о человеке, который в его глазах мог бы быть лучше, чем стал, но сам этого не захо-

тел. Помогать ей исправиться в любом случае было бессмысленно, да и советовать тоже. Люда делала все совершенно сознательно, а что при этом она сознательно портила себе жизнь, до нее доходило в очень замедленном темпе. Порча качества ее жизни происходила всё быстрее. Делать ставку на конъюнктурный успех человеку совсем без совести и чести гораздо проще, потому что без них он уже не человек, а у Люды и то, и другое осталось неатрофированным начисто, и внутренняя борьба с этими качествами не могла ее не изнурять. Михаил не представлял, к чему это ее приведет, но что кончится очень плохо, не сомневался. Мягко, в щадящих, но по смыслу вполне определенных выражениях он старался ей объяснить то, что понимал с самого начала после того, как узнал предмет ее новых занятий в институте: вся эта тематика – громадный мыльный пузырь, который лопнет в один миг подобно тому, как после одного только возгласа мальчика с чистым непредвзятым умом все разом поймут, что король-то голый. Это было максимумом того, что Михаил мог сделать для нее, и, естественно, этого не хватило. Мыльный пузырь лопнул года через полтора, когда усилиями Фатьяновой, а также ловкого, но остающегося в тени своей шефессы демагога Лейчика и уже нового директора института Болденко, сменившего в чем-то проштрафившегося Панферова, начала было раздуваться в качестве всесоюзного почина кампания под лозунгом: «Пятилетке качества – отличную документацию!». Попытка фор-

матировать все составляющие информации, обращаемой в колоссальной бюрократической машине советского социалистического общества с экономикой произвольно-командного типа, втолкнуть все необходимые для управления данные в одно общее Прокрустово ложе, уже на стадии идеи потерпела фиаско при первом же обращении в райком партии смежного района города Москвы. Тамшний первый секретарь был очень непротив оказаться у истока очередного «великого почина», который мог бы вознести его на новый уровень власти. Но вместе с тем он был уже тертый калач и мог здраво судить о том, с какими дровами можно раздуть всесоюзный костер, а с какими не стоит и пробовать. Он проявил достаточную настойчивость, стараясь понять, какими реальными выгодами можно было бы соблазнить верховную власть, без санкции которой не могло быть и речи о самораспространении «почина снизу». «Первак» из соседнего райкома раз за разом выпрашивал основного докладчика – коммуниста товарищ Фатьянову, что изменится в лучшую сторону в жизни общества, если будет сделано обещанное – что тогда, действительно «по шучьему велению» колеса бюрократии закрутятся быстрее, если на каждой бумажке будет стоять знак, что она соответствует унифицированному образцу? А как быть тогда с введением в оборот новых данных и все новых их комбинаций, когда в этом выявится необходимость? Кидаться в центр и месяцами ждать, когда будут проведены изменения в так называемом едином

унифицированном документальном комплексе? Да от этого работа машины управления не ускорится – наоборот, ее на каждом шагу будет заедать. На вопросах Люда поплыла. Ни демагог Лейчик, ни директор Болденко на помощь ей не пришли (правда, было и не с чем). А уж заместитель директора Сааков, усматривавший в Людиной попытке безмерно раздуть значимость унифицированной системы документации стремление стать как минимум заместительницей директора и увести из-под его подчинения несколько новых отделов, был просто счастлив после учиненного в райкоме разгрома. Он потребовал немедленно принять организационные решения, что на советском новоязе означало одно – снять виновную с должности. Директор Болденко, раздосадованный провалом (он ведь тоже был не прочь в один миг взлететь вверх на гребне пропагандистской волны, в возможность поднять которую он было поверил), немедленно согласился с мнением своего заместителя. Каким чудом Люда успела найти себе новую работу еще до того, как с ней успели расправиться по всей форме – то есть не просто понизить в должности и тем заставить ее уйти, а еще и вклеить партийное взыскание, чтобы затруднить ей поиск нового места, осталось неизвестно. Михаил не выпрашивал, сама Люда не сказала. Она довольно часто приходила к нему в институт с единственной целью облегчить душу, откровенно выговориться. Она уже давно не пряталась от него и не стыдилась признаваться в своих изъездах. Впрочем, он давно уже сам

распознал их, и она об этом знала, как знала и то, что они не заставят его от нее отвернуться, хотя и не побудят любить. На работах (а их за довольно короткое время она сменила еще три раза) ее быстро начинали преследовать неприятности. Михаил не входил в их детали, но впечатление было такое, что все они появились из одного корня: Люда развивала энергичную деятельность на партийном поприще, начинала нечто крупное и многообещающее на работе, а потом это многообещающее лопалось, и рядом с ней уже не оказывалось никого, кто мог бы продолжить или оживить начатое ею дело.

Людина стратегия напоминала Михаилу поведение биржевого игрока, постоянно играющего на повышение (это полностью соответствовало и советской ментальности). Однако то, что на первых порах приносило хорошие дивиденды, с какого-то времени начало предопределять сплошные потери. Даже в Советском Союзе, руководители которого давно и безнадежно заболели гигантоманией, не получалось без конца осуществлять гигантские всесоюзные проекты. Власть не позволяла убирать их из планов развития народного хозяйства, чтобы не давать противникам коммунизма конкретных доказательств, свидетельствующих о том, что социализм не способен решать все жизненно важные проблемы общества, но зато и катастрофически недофинансировала проведение работ для их разрешения, и в итоге они не решались ни в одну пятилетку, ни в другую, ни в третью.

Люда шагала в ногу с ритмом, задаваемым старцами из политбюро ЦК КПСС. Но это только им казалось, что они, а за ними и все общество, идет летящим шагом, сказочным семимильным шагом вперед, а на деле выходило не столько как в сказке, сколько так, как пел Владимир Высоцкий – «бег на месте», при котором «первых нет и отстающих – бег на месте общепримирающий».

Однако в распоряжении у власти еще были кое-какие резервы для выживания. У Люды их не было. Михаил не сразу насторожился, почему она перестала появляться у него или звонить ему на работу. Мелькнула было мысль, что уже все наладилось, однако потом он все-таки позвонил ей на последнюю службу. Там сказали, что ее нет. Так повторялось еще два или три раза. Объяснений отсутствия никаких не давали. О том, когда будет, не говорили. Творилось что-то непонятное и зловещее. Кто-то из сотрудниц пожаловался, что и по домашнему телефону до Люды уже давно не удавалось добраться. Домой к ней Михаил не звонил, чтобы у Люды из-за этого не было неприятностей. Возникли подозрения, что она серьезно больна и оттого недоступна. Михаил делился ими с коллегами, добром вспоминая Люду, но дальше подозрений дело не пошло. И только год спустя кузен Михаила Володя, работавший в одном почтовом ящике с Людиным мужем, спросил однажды, знает ли он, что Люда Фатьянова умерла? Выяснилось, что она действительно долго болела и умерла от какой-то опухоли мозга.

Привело ли ее к фатальному концу постоянное пренебрежение собственным долгом использовать свои немалые творческие способности именно для творчества, а не для показухи или туфты, теперь никто не смог бы сказать – мир ее праху.

С тех пор Людин пример всякий раз вспоминался Михаилу, когда он думал о законах Кармы. Обаятельная, энергичная, красивая, умная женщина – на что она растратила все свои дарования? На любовь? Нет, определенно не на нее. На познание неведомого? Если да, то очень немного для своего потенциала. Кандидатская диссертация не в счет. На так называемую «общественную деятельность»? Да, на это – да, хотя какая это деятельность? Собирать партийное бюро, проводить собрания, участвовать в распределении классовых мест среди победителей в соцсоревновании? Разве от этого обществу становилось лучше? Смешной вопрос! И ей, если не считать собственных маленьких побед на этом поприще, общественная работа тоже добром не обернулась. Эрго? Не то ты делала, Люда, не то, что от тебя вправе были ожидать и ты сама, и люди, и Небо, от которого ты получила много выше среднего, да промотала по-глупому на мелочевку. И безнаказанным это не осталось Мыслительные способности экранировались заботами о процветании в служебном и материальном смысле. А его-то она достигла? Отчасти. Квартира была, машина была, дочь была и осталась. Счастья не было, радоваться удавалось только по мелочам, мечта о крупномасштабных

свершениях не реализовалась. Была ли в этом виновата система, которой она старалась услужить и одновременно сделаться в ней заметным менеджером? Конечно, была. Но ведь в той же системе не раз и не два появлялись люди, занятые делом по призванию, а не карьерой и востребованной системой туфтой. Сладко им не было, это точно. А счастливы они все все-таки бывали. И временами их подхватывала и возносила, как на крыльях, радость от тех самых свершений, для которых они явились на этот свет. Чьему примеру стоило следовать, догадаться было нетрудно. Но Люда Фатьянова была совсем не одинока в своем выборе жизненных целей. Более того, она шла в основном потоке, в том самом main stream'e, который составляют люди, недовольные своим положением, доставшимися от родителей и обстоятельств жизни, кто думает, что знает, что от него требуется для успеха и достижения того состояния, которое он смеет приравнять к счастью, слишком долго не замечая того, что оно отдаляется от него все дальше, подобно горизонту по мере подъема на новую высоту над ним.

Глава 9

Михаил Горский присматривался как к старым, так и – особенно к новым сотрудникам, которыми его наградила судьба. В основном были филологи, которых привел в институт Саша Бориспольский по родству душ и общности образования. После проверки боем во время аврала в конце года и окончания целой пятилетки нельзя было сказать, что они чем-то порадовали Михаила. Да, по большей части они принадлежали к кругу приятных в обращении интеллигентов. Да, они имели все основания рассматривать свою работу в институте как вынужденное занятие: всем требовались деньги на жизнь, некоторым еще и ученая степень. И этим они в худшую сторону ни от кого не отличались. На работе им импонировала только свобода общения друг с другом по посторонним темам, в чем также не было ничего необычного. Что касается их работы по должности, то ее можно было точнее всего именовать словом «равнодушие». Видимо, широко известная сентенция Паскаля насчет того, что все, что имеет смысл делать, имеет смысл делать хорошо, не находила у них никакого отклика. Исключение составляла, пожалуй, только Елена Михайловна Сморгунова, молодая женщина с добрым и умным лицом, кандидат филологических наук – в отличие от Саши – явно всамделешный. Она участвовала в нескольких экспедициях для поис-

ка и приобретения в российской глубинке старинных книг, а также работала в коллективе, возглавляемом профессором Зализняком, создавшим обратный словарь русского языка – весьма ценный инструмент для работы всех русистов-филологов. Лена охотно рассказывала об экспедициях, однажды даже принесла фотографии, сделанные где-то в Пермском Приуралье. Среди них была одна, особенно запомнившаяся Михаилу. Рядом с Леной и ее подругой-начальницей экспедиции, читавших старинный фолиант, стоял в облачении старый священник (дело было в церкви) и как мальчик внимал тому, что говорили молодые ученые дамы. А дамы и впрямь были очень ученые, и кроме живых европейских языков знали еще и латынь, и греческий и, что особенно редко, при том же еще и иврит. Сельский батюшка и в епархии не видывал таких специалистов по прочтению, трактовке и объяснению родным естественным языком священных текстов.

Однажды отдельскую вечеринку устроили на Лениной квартире. Ее муж Юра, врач-психиатр, старался быть предельно любезным по отношению к гостям своей жены, но Михаил отчетливо распознавал в том, что он изрекал как интеллектuala, безусловное превосходство его представлений о жизни общества над взглядами собеседников, predeterminedенное его уверенностью в том, что он знает обо всем больше и лучше, чем люди не из его круга. Выяснилось, что его хобби – это поэтика Мандельштама, что он чита-

ет лекции и пишет статьи на данную тему. Михаил понял, что дочь Лены и Юры названа Надей не просто так, а в честь жены Мандельштама Надежды Яковлевны. Снисходительность Юры к непосвященным слегка сместила Михаила. Значительность речений при отсутствии даже намеков на неуверенность и самоиронию выглядела немного карикатурно, хотя сам Юра этого не замечал. На фоне мужа Лена выглядела более спокойным и терпимым собеседником, но и в ее словах (возможно даже – за ее словами) сквозила та же уверенность, что и у Юры, что ее нравственные позиции выше, чем у тех, кто позволяет себе не знать или не замечать то, что знала и отчетливо видела она. Что это было за превосходство позиций, Михаил понял спустя несколько дней, когда перед самым концом рабочего времени ему позвонил заместитель директора по кадрам и режиму Плешаков и потребовал, чтобы Михаил лично проконтролировал приход Сморгуновой завтра утром на работу. – «Хорошо,» – ответил Михаил, даже не пытаясь выяснить причину странного беспокойства героя невидимого фронта. Лену на месте он уже не застал и поэтому вечером позвонил ей домой. – «Плешаков требует, чтобы вы завтра утром непременно присутствовали бы на работе. Не знаю, в чем причина, но мне показалось, что он боится не за кого-нибудь, а за себя. Понимаете, в случае организации проверки дисциплины в отделе с его стороны, ваше отсутствие его только порадовало бы, потому что он спит и видит уличить меня в том, что я распустил

сотрудников и совсем не забочусь о том, чтобы дисциплина была на высоте, а потому мне не место в роли заведующего отделом. Так что уже от себя прошу придти заблаговременно, так как не знаю, чего ожидать от него еще». Лена обещала прибыть, когда надо.

На следующее утро, едва Михаил успел сесть за свой стол, раздался звонок местного телефона. Было заранее ясно, кто звонит. Едва представившись, Плешаков задал вопрос: «Сморгунова здесь?» – «Здесь,» – сказал Михаил. – «Это точно? Вы сами ее видели?» – наседал Плешаков, знающий, что Лена сидела в другой комнате. – «Сам видел, – подтвердил Михаил и добавил: – сейчас я ее к вам пришлю.» – «Нет, что вы! Не надо!» – испуганно прокричал в трубку Плешаков.

Происходило что-то невероятное и ненормальное. Плешакову во что бы то ни стало была нужна Сморгунова, но видеть ее он категорически не желал, пожалуй, даже боялся.

– Лена, зайдите, пожалуйста, ко мне, – сказал Михаил, когда она взяла трубку в своей комнате.

Усадив ее рядом с собой, он спросил: «Вам что-нибудь ясно в этой истории? Плешаков уже узнавал, здесь ли вы, но на мое предложение прислать вас к нему ответил отказом, который я бы назвал окрашенным в испуг».

Лена слегка смутилась, но, видимо, тут же приняв про себя какое-то решение, ответила: «Дело, наверное, вот в чем. Вчера я разговаривала по телефону со своей приятельницей,

Еленой Боннэр. Она сказала мне, что сейчас уезжает в Ригу на один процесс.» – «Вот оно что!» – отозвался Михаил.

Елена Боннэр была женой академика Сахарова, уже сделавшегося правозащитником и абсолютно неприемлемым оппонентом для власти. Свои рассуждения Михаил продолжил уже вслух: – «Выходит так. Ваш разговор с Боннэр прослушивался, сами знаете кем. И они решили, что сообщая вам об отъезде в Ригу, она приглашает вас присоединиться к ней. И они тут же приказали Плешакову принять меры к тому, чтобы в Риге вас сегодня не было. Так?» – «Так!» – подтвердила Лена. – «Вот почему он настолько струхнул! Боялся не угодить органам!» Лена молча кивнула в знак согласия. Она и так полагала, что Михаил ей не враг, но теперь не знала, изменится ли его отношение к ней в дальнейшем. Ведь знакомство с диссидентами само по себе уже приравнивалось к диссидентству. Михаил не думал, что в своих симпатиях к противникам режима Лена пойдет слишком далеко, как, например, та же Боннэр или Лариса Богораз. Что-то в ней говорило в пользу того, что она не положит маленькую дочку Надю на жертвенный алтарь во имя свободы личности и общественных свобод. К тому же у нее не было мужа с таким защищающим от полного уничтожения именем, как у Елены Боннэр. А это значило, что где-то, причем очень скоро, ей придется затормозить перед последней чертой, пересечь которую, не понеся очень тяжелых потерь, было бы уже невозможно. На всякий случай он решил предупредить Лену

от дальнейших промахов. – «Теперь вы понимаете, что Плешаков не оставит вас своим вниманием?»» Лена снова молча кивнула. Потом добавила:

– Я хотела просить вас по другому делу. Меня опять зовут в экспедицию за книгами. Вы меня отпустите? Вернее – можете отпустить?

– Судя по всему, не должен бы. А когда и на сколько дней вас зовут?

– Буквально завтра. На неделю.

– Далеко?

– В Вятские края.

Михаилу тотчас вспомнилась Бажелка. Люся, Саня Подосинников, другая жизнь в сравнении с Московской, Ваня Абатуров и Виктор.

– Не скажу, что нам с вами будет легко, – сказал он, немного подумав. – Но давайте попробуем. Напишите мне заявление об отпуске за свой счет на пять рабочих дней. Лучше даже пять заявлений на каждый день. Я своей властью просто не могу давать вам больше дня. Попытаюсь не передавать заявления в отдел кадров сразу. Все достаточно рискованно, поэтому постарайтесь не задерживаться с возвращением, как бы ни хотелось. От этого зависит слишком многое. Обещаете? И никому ни слова.

– Да.

Лена поблагодарила, поднялась и ушла, подбросив к его и без того нелегкой ноше еще пять камней. – «Весело быть

начальником отдела с поднадзорными.» – пронеслось в голове, но тут же возникло и вполне здравое возражение: – «А кто тебе сказал, что ты сам не на подозрении? Вон как вокруг тебя Плешаков все роет и роет. Ведь не зря же старается. Если даже приказа насчет тебя у него пока нет, он все равно готовит подянку по своей инициативе. Надеется отличиться своей бдительностью и чутьем. Это ему безусловно зачтется в заслугу. Эх, кабы не моя любовь к русскому языку и словесности! Отказал бы я тебе, Лена, если б не она, эта самая любовь, безо всяких сомнений. А тут еще образ сельского старичка-священника с фотографии из головы не выходил. Сколько еще со мной будут играть в кошки-мышки прежде чем выгнать к чертовой матери с волчьим билетом? Ведь всяко лыко – и мое, и чужое – Плешаков старательно вплетает в составляемое на меня досье. Тут тебе и постоянные проверки присутствия, и история с Зоськой, и вот теперь проверки на диссидентство Лены, а с нею и меня. Не многовато ли? Пока что история с Зоськой дала Плешакову самый выгодный для него материал. Дело заключалось вот в чем.

Едва Михаил с Мариной прилетел домой из первого отпуска, который заработал после возвращения в институт, раздался телефонный звонок. Звонил Бориспольский.

– Ну, Слава Богу, Михаил Николаевич, что вы вернулись! Тут последние десять дней такое творится! В отделе стоит сплошной бабий крик!

На время отпуска исполняющим свои обязанности он

оставил Сашу. Теперь явно предстояло расхлебывать что-то серьезное. За него и за кого-то другого. Господи, до чего хорошо без всего этого было в Саянах, хотя сплав по Кантегиру потребовал много нервных сил! Но ведь там это другие нервы!

– Из-за чего крик? – спросил Михаил.

– Понимаете, Зоська ездила в ГДР по приглашению к кому-то в гости – ну, вы помните. Так вот, из отпуска она вышла с опозданием на двенадцать дней. Представила в оправдание справку, немецкую справку или бюллетень, статус бумаги на немецком понять мне трудно, что якобы была больна гриппом. Наши бабы не поверили и нашли способ узнать, когда она вернулась в СССР. Оказывается, еще до того, как «заболела» в ГДР. Тут уж они довели дело до сведения кадров. Мария Васильевна, сами знаете, с каким рвением взялась за такую работу. Словом, все эти дни идет сплошной скандал. Зоська кричит, что у нее все в порядке и по закону. Я боялся, что она дозвонится до вас раньше меня и вы ей что-нибудь по незнанию обстановки пообещаете.

Только выпалив свое сообщение о неприятностях из-за Зоськи, Саша осведомился:

– Как прошел ваш поход? Ко всем нашим волнениям Сашка Вайсберг добавил еще одно: что вам вдвоем такой маршрут не пройти. Сам он там не был, но кое – с кем из побывавших там говорил.

– Прошли, – сухо ответил Михаил. – Довольны. Все

как будто в порядке, если не считать четырех оверкилей.

– Ну, Слава Богу! – повторил с облегчением Саша.

Он, наконец, удостоверился, что теперь ему есть на кого переложить непосильный груз.

Михаил шел на работу в ожидании крупных неприятностей, которыми открывался второй год его пребывания в институте. Но все оказалось даже хуже, чем он ожидал. Зоська (ее полное имя было Зося, хотя, если следовать польской традиции, оно являлось уменьшительным от Зофьи, только ее никто за глаза и Зосей не звал – только и не иначе, как Зоськой) была принята на работу в отдел Людой Фатьяновой по рекомендации – кого бы вы думали? – Нины Миловзоровой – той самой, которая протянула ему с Мариной ключ к счастью! Сама Нина, работая с Людой в ее прежнем отделе, была о начальнице очень хорошего мнения и вряд ли могла ей сознательно рекомендовать какую-то заведомую дрянь. Расспросив Нину, Михаил выяснил, что с Зоськой она познакомилась, подрабатывая летающим гидом в выходные и праздничные дни в туристских перелетах в разные города Советского Союза. Зоська тоже подрабатывала гидом. На этой почве они немного сошлись. Как-то Зоська спросила Нину, может ли она помочь найти ей новую основную работу. Нина пообещала узнать. Люда взяла ее в свой отдел еще до перехода на тематику информационных языков, а потом прихватила с собой и туда. Что в ней было ценного как в работнике, Михаил так и не узнал на первых по-

рах, однако заметил и другое – среди ловкачей насчет того, как поменьше и пореже бывать на работе, которыми изобиловал отдел, Зоська несомненно была чемпионом. Как только Михаил занял Людино кресло, она сразу под села к нему для более близкого знакомства и явно захотела понравиться. Нельзя было сказать, что она напрашивается к нему в любовницы – нет, просто она, как подруга Нины Миловзоровой, хотела бы увидеть его у себя в гостях с кем он пожелает. На первый взгляд это выглядело действительно как будто бы так, как и в случае с Ниной Миловзоровой, но на самом деле в достаточной степени иначе. Нина была для него без дураков близким человеком, едва не любовницей, а, кроме того, хорошим спутником и честным открытым человеком, в то время как Зоська, совершенно не зная Михаила, с ходу предлагала ему квартиру для свиданий – и наверняка не просто так. Это насторожило Михаила, но не более. Встреч на стороне с какими-либо женщинами он не искал, а если бы и искал, то трижды подумал бы, причем очень основательно, ради чего Зоське хочется затащить его к себе. Зоськины отлучки, если и превышали установленную Михаилом «норму» – один день в неделю, то только в тех случаях, когда она через заместительницу Михаила Тину Александровну Зеленко доказывала, что у нее есть отгулы за работу в колхозе или на стройке загородного дома отдыха (бордельчика, как называл его Михаил) Госкомитета, которому подчинялся институт. Как раз со стройкой бордельчика был

связан еще один случай в биографии Зоськи. Однажды, когда она с несколькими другими сотрудниками отдела ехала туда в институтском микроавтобусе, внутри салона вдруг что-то загорелось, и Зоська еще до полной остановки машины, распахнув на ходу дверь, выпрыгнула вон. Приземление было не очень удачным – она довольно сильно ударилась головой, хотя каких-либо наружных травм у нее не было заметно. Однако Люда Фатьянова сразу настойчиво посоветовала Зоське оформить акт о несчастном случае на работе – все-таки это не что-нибудь, а голова, тут с последствиями травмы не все становится ясно в ближайшее время, а потому лучше проявить осторожность на всякий случай. Зоська ее проявила и стала обладательницей акта, своеобразной охранной грамоты, которую пыталась в дальнейшем использовать на радость не только себе, но и Плешакову. Время от времени она приносила из поликлиники бюллетени, где в графе диагноз болезни значилась вегето-сосудистая дистония. Сама пострадавшая неизменно подчеркивала, что это у нее следствие производственной травмы.

По возвращению из Саянского похода Михаил был вынужден с головой уйти в разбирательство новых происшествий с Зоськой и вокруг нее. Прежде всего он подозвал к себе заместительницу Зеленко, которая в его отсутствие подписала табель с указанием двенадцатидневного заболевания Зоськи. Заместительница представляла собой даму с крупными тяжелыми формами тела что спереди, что сза-

ди и слишком сильно размалеванным лицом с пустоватым взглядом, усугублявшим не очень приятное впечатление от ее лица. По профессии она была учительницей литературы и русского языка, прежде работала в отделе Титова-Обскурова, где стала его любовницей, а когда Лидию Басову из заместителей Горского возвели в заведующую отделом УДК, Титов вместо нее поставил Тину. Толку от нее в отделе по основной тематике не было ровным счетом никакого, хотя образование позволяло ей и без дополнительной подготовки приносить некоторую пользу при обработке словарной информации, однако она предпочитала не делать ничего, ограничиваясь минимумом действий организационного порядка. Михаил сильно подозревал, что ее может волновать только секс, но проверять гипотезу у него не было ни надобности, ни охоты. Зеленко постаралась подробно объяснить, что с Зоськиным бюллетенем, а, следовательно, и с табелем все правильно. – «Тогда чем вы объясните, что по штампу погранслужбы в ее заграничном паспорте она пересекала границу, вернувшись в СССР еще до начала болезни по немецкому бюллетеню?» На этот вопрос Тина побоялась ответить – самым явным образом побоялась. Апломб в защите Зоськи как ветром сдуло. Михаил пристально смотрел Тине в глаза и видел, что говорить ей больше нечего, если она не хочет увязнуть во вранье еще сильнее. Но все-таки она выдавила из себя, хотя и не самым твердым тоном, еще одну ложь. – «Михаил Николаевич, ответственной за ве-

дение табеля в отделе является Наталия Викторовна Меркулова-Седова. Она проставила Юдиной дни болезни согласно ее бюллетеню, я только его подписала.» – «А вы не находите, что ваша работа в отделе, которая сводится к мелким организационным вопросам и без того не столь обременительна, чтобы перекладывать ее на кого-то еще? Допустим, вы поверили немецкой бумаге, но когда выяснилось, что это липа, почему вы не сделали ничего для выяснения истинного положения вещей? Почему вы позволили скандалу принять такие масштабы? Ведь Юдина с вашей помощью могла бы выйти из пикантной ситуации более приличным образом.» – «Каким?» – «А вы не догадываетесь? По крайней мере испросить отпуск на две недели за свой счет, а не пытаться представить прогул рабочими днями.» – «Но ведь было уже поздно.» – «Поздно стало после того, как по вашей с ней милости дело дошло до отдела кадров. Ведь шум начался сначала здесь – и лишь потом достиг ушей отдела кадров.» – «Я исходила из того, что нельзя так подставлять свою сотрудницу, как это сделали другие работники отдела.» – «А в результате подставили и меня, и себя, и весь отдел в угоду безмерной наглости Юдиной. Вы что, не понимаете до сих пор, как это возмутило людей?» – «Все равно подставлять своих – это не дело.» – «Об этом мы еще поговорим.» – пообещал Михаил, обрывая разговор.

Зеленко отплыла от его стола с видом оскорбленного достоинства. Затем Михаил приступил к поголовному опросу

сотрудниц, предупредив предварительно всех, что слушать сразу весь греческий хор он не желает. Первой он подозвал Наташу – ту самую Наталию Викторовну Меркулову, на которую пыталась переложить свою вину Зеленко. Михаилу было известно, что она приступила к работе в отделе после окончания Историко-архивного института в последний день заведования отделом Михаила Петровича Данилова. Следовательно, с Людой Фатьяновой ее не связывали какие-либо особые отношения, по крайней мере – до поступления.

– Наташа, расскажите, какова была процедура заполнения злосчастливого табеля.

Эта молодая, очень скромно, но достойно державшаяся замужняя женщина сразу же после первого знакомства с ней вызвала у него полное доверие.

– Я впервые столкнулась с подобной ситуацией, Михаил Николаевич. Тина Александровна молча передала мне немецкий бюллетень, и я спросила ее, что мне с ним делать. Она недовольно спросила: «А вы не знаете?» – «Не знаю,» – ответила я. – «Внесите дни ее болезни в табель.» – «А как мне отмечать в бюллетене время ее выхода на работу? Я – по-немецки не понимаю.» – «Вы проставьте дни болезни в таблице, а об остальном пусть думают в кадрах.» Я проставила, как она сказала, и дала ей на подпись. Она посмотрела и подписала.

– Понятно, – сказал Михаил. – А еще мне бы очень хотелось понять, какую это политику в пользу Зоси вопреки всем

интересам отдела за моей спиной проводит Зеленко, и почему? Вы могли бы объяснить мне хоть что-то?

Михаил видел, что Наташе не очень хочется отвечать на прямо поставленный вопрос, но что в то же время она знает некий ответ на него. Поколебавшись немного, она все-таки высказала свое мнение.

– По правде говоря, в отделе уже давно, еще до вашего прихода, ходили слухи о том, что она предоставляет свою квартиру для свиданий кое-кому из начальства.

Не сомневаясь, что это так, Михаил подтверждающее кивнул. Наташа продолжила. – Упоминались Титов-Обскуров и Тина Александровна, а также Людмила Александровна Фатьянова и ее друг Тувин. Вы его, наверно, не знаете.

– Нет, как раз немного знаю. Не столько его, сколько о нем, – сказал Михаил. – Кажется, он уже давно уехал за бугор.

– Да, где-то лет пять назад, – подтвердила Наташа.

– Но вы полагаете, что и Людмила Александровна, и Зеленко до сих пор сидят на Зосином крючке?

Наташа кивнула.

– Теперь мне становится понятным поведение Тины, – сказал Михаил. – А как вела себя Люда?

– Пока – никак. Она сейчас в отпуске, о скандале еще ничего не знает. Думаю она тоже окажется в сложном положении.

– Если я дам этому делу ход, – подумал Михаил, но про-

молчал.

– Михаил Николаевич, мне кажется, вам есть смысл расспросить Нору Яковлевну. Она о некоторых вещах знает больше, чем я.

– Хорошо, расспрошу.

Нора Яковлевна Кирьянова, в обиходе просто Наташа, была его старой сотрудницей еще по тому отделу, из которого его выставила Мария Орлова. На правах давнего знакомства, а также потому, что она приходилась родной племянницей Татьяне Кирилловне, которая всегда благосклонно относилась к его любви сначала с Олей Дробышевской, а потом и с Ликой Медведевой, Наташа, еле сдерживая свои бурные эмоции, громко зашептала:

– Миша, эта Зоська с помощью Тины устроила черт знает что! Она ведет себя так, будто ей все всё должны, а она никому ничего.

– Заметил, – подтвердил Михаил.

– Понимаете, у себя на квартире она устроила настоящую хазу.

– Знаю, – снова подтвердил Михаил. – Вы мне лучше объясните сначала, чем она зарабатывает, на что, кроме оклада, живет?

– Это не секрет! Главные ее доходы – от спекуляции. Прежде она и сама об этом трепалась. В частности, и эта поездка в ГДР была не в гости, а за барахлом. Кого она купила в Германии и чем именно – деньгами или собой, ска-

зять не берусь, но, возможно, и тем, и другим. Мария Васильевна Чурова-Чураева (это была начальница отдела кадров, в юности настоящая разведчица-партизанка) мне по секрету сказала, что Плешакову звонил ее покровитель – полковник из КГБ.

– Интересно! И что он потребовал от Плешакова?

– Чтобы дорогую Зосю Андреевну оставили в покое.

– Ввиду выполнения ею особых заданий в интересах социалистической Родины?

– Вот именно! Представляете, что она за фрукт!?

– Уже представляю.

– Миша, сделайте что-нибудь, чтобы унять эту девку! Ну ведь невозможно мириться с этим!

– Я и не собираюсь, – ответил Михаил.

– Я могу об этом сказать остальным?

– Только тем, кто не будет звонить об этом на всех перекрестках. Вы меня понимаете?

– Понимаю, Миша, хорошо понимаю. Да, Миша, забыла вам сказать, – спохватилась Нора. – Диагноз «вегетососудистая дистония» можно поставить каждому второму человеку в отделе. Имейте это в виду.

До сих пор Зоська не рисковала появляться на работе в надежде, что со временем скандал утихнет сам собой. Она снова болела, на сей раз, наверно, опять этой вегетососудистой дистонией.

Михаил задумался. Положение действительно было

и сложным, и более чем неприятным. Участие Зеленко и, весьма вероятно, Фатьяновой в этом конфликте на стороне бесстыжей зарвавшейся девки, судя по всему, состоявшейся также на вспомогательной службе у КГБ, создавало дополнительные трудности для борьбы с ней. Плешаков мог только радоваться изо всех сил. Наконец-то он почувствовал, что нашел управу на Горского, который позволял себе делать в своем отделе все, что хотел, думая, что имеет дело с какими-то несмышленишками. Не зря он как-то выкрикивал Михаилу: «Не считайте нас первоклассниками! Ну, принимайте хотя бы за пятиклассников!» – вот до чего грубо он был уязвлен действиями Михаила, который и не думал считать его ни первоклассником, ни пятиклассником, а видел в нем лишь то, что имело место на самом деле – вполне квалифицированную сволочь, истинное увлечение которой состояло в том, чтобы, регламентируя жизнь сотрудников института в соответствии с заданными установками, делать ее возможно хуже, некомфортнее, сложнее, в конце концов – безысходней – и именно от этого он получал подлинное удовольствие. По словам Люды, он приходился дальним родственником жене председателя совета министров СССР Косыгина – и он не без основания мечтал, оттолкнувшись от этого трамплина, взлететь повыше, под купол, как это делают гимнасты-воздушники в цирке. Во всяком случае, в какой-то очереди на включение в номенклатурный резерв он уже состоял и теперь старался делать все, чтобы понравиться ответственным

ным лицам, производящим противоестественный отбор.

Теперь он увидел реальную возможность держать в лице Зоськи своего человека в отделе Горского, который будет сообщать ему обо всем. Этим он мог угодить и полковнику КГБ, взявшему на себя опеку над Юдиной, и любому другому представителю органов, в чье поле зрения попадет, наконец, какой-нибудь скрытый диссидент из фактически криминально настроенного отдела.

Последний штрих в род занятий Зоси Юдиной, как его представлял Михаил Горский, внесла она сама. Не выдержав неопределенности и не понимая причин, по которым Горский до сих пор не пожелал ни увидеть ее, ни поговорить с ней, она сама позвонила ему домой. Сначала она долго излагала разницу в отношении к гриппу советских и немецких медиков – в то время как у нас дают на него бюллетень от трех до шести дней, то в ГДР – минимум двенадцать! Она пыталась внушить, что никак не могла быть виновата из-за этой разницы культур, которая вызывает столь бурное негодование в нашей стране. Михаил намеренно ждал, пока она не иссякнет. Наконец, он заметил в защитительной речи небольшую паузу, которую считал достаточной для того, чтобы задать ей вопрос:

– Как же вы объясните свое опоздание на работу по немецкому бюллетеню на двенадцать дней, в то время когда с первого его дня по данным КГБ вы уже были на родине?

От неожиданности Зоська замолчала на целый десяток

секунд. Михаил похвалил себя за то, что упомянув вместо пограничного контроля сразу весь комитет государственной безопасности (что было абсолютно корректно, ибо погранвойска представляли собой одну из структур КГБ), сбил ее с толку.

Пока Юдина тужилась и соображала, что ответить, он молча ждал. Наконец, она выдавила:

– Если вы имеете в виду американца, то это было с ведома.

– С чьего ведома?

– Ну как с чьего? С ведома КГБ!

– Но меня интересует не история с американцем, а история с вашим опозданием на работу. История с липовым бюллетенем, по которому, допуская такую возможность, немцам дают освобождение от работы на двенадцать дней, но не дают ничего подобного советским гражданам, которые те же двенадцать дней находятся на своей родине, в СССР. Это вы можете понять?

– Но я и так все понимаю! Мне уже объяснили, что я должна заменить немецкий бюллетень на советский. Я это сделаю!

– А речь не о переоформлении бюллетеня. Речь о том, что время вашей болезни по немецкому бюллетеню не совпадает со временем вашего пребывания в ГДР. Вы якобы болели и лечились там, тогда как на самом деле находились в СССР и никакое переоформление не замаскирует этого факта. Меня не интересует, чем вы занимались эти двена-

дцать рабочих дней. Мне надоел скандал вокруг ваших приключений. Единственным выходом из этого скандала для вас я считаю следующее: вы забираете свой липовый бюллетень из кадров и пишете заявление об отпуске за свой счет на двенадцать рабочих дней. Это максимум того, что можно сделать в вашу пользу. И в пользу отдела тоже.

– Но как это я ничего не получу за эти дни? Ведь я болела!

– По-моему, я вам все объяснил. Больше сказать вам мне нечего.

Положив трубку, Михаил ощутил одновременный прилив к голове двух чувств – облегчения от того, что теперь он понял до конца, что собой представляет Юдина – и отвращения к ультра-эгоистической природе характера этой женщины. Первое следовало из того, что раз уж Юдина с ведома КГБ проводила у себя время с американцем, то ее квартира несомненно была оборудована фотокамерами или хотя бы одной. И благодаря этой аппаратуре не только наши органы в своих интересах могли шантажировать любых иностранных партнеров Зоськи фотокарточками во время постельных баталий, но и сама Зоська с ведома или без ведома органов могла шантажировать подобным же «матерьяльчиком» своих собственных начальников и начальниц, воспользовавшихся ее любезным приглашением порезвиться на ее квартире, с кем они хотят. В этой коллекции шантажируемых наряду с Титовым-Обскуровым, Фатьяновой и Зеленко – и Бог весть с кем еще! – она видела место и для своего очередно-

го начальника Горского. Совсем неплохо! Тогда вообще никто бы на работе и пикнуть не посмел, что она, дескать, прогуливает эту работу, когда только хочет!

Второе чувство – отвращения – он испытывал уже как человек, успевший кое-что повидать в жизни. Опыт учил, что за все в ней надо платить – когда на первых порах больше, когда меньше стоимости или ценности того, что приобретаешь, но то, что мир устроен именно так, а никак не иначе, должен был понимать всякий суший, если он не ребенок или не идиот. Зоська не относилась ни к тем, ни к другим. Будучи лишь немного моложе Михаила, она не годилась в «дети». Будучи расчетливой хищницей и спекулянткой, она тем более не годилась в идиоты. Это был третий тип существа, которое появилось на свет и было воспитано кем-то или воспитало себя само, используя чуть ли не святую убежденность в том, что раз она сознательно существует, то она права всегда и во всем, а потому ей все кругом должны, а она со своей стороны не должна ничего и никому. Ум как раз и существует для того, чтобы устраиваться в жизни именно так. Кто этого не умеет, ну что ж, это их проблемы. У Зоськи таких нет! Выбить подобную «сознательность» из Зоськиной головы, тем более уже получившей производственную травму, нечего было и мечтать. Она уже вполне комфортно устроилась со своими принципами в советской действительности, которая на словах до сих пор руководствуется основополагающей большевистской запове-

дью (на самом деле библейской): «Не работающий да не ест!» Зоське были до фонаря все эти демагогические лозунги власти. Она с удовольствием рассказывала сотрудникам, что ее бездетная тетка вышла замуж за академика Юдина – далеко не последнюю спицу в колеснице советского государственного террора по отношению к собственному народу – и поэтому очень часто брала Зоську на длительное житье к себе в дом, где, надо думать, племянница и научилась понимать разницу между принципами для себя и принципами для других.

Что в ее сети попались заместитель директора Титов-Обскуров со своей небескорыстной любовницей Тиной, было неудивительно. Зоське, очевидно, не составило никакого труда вникнуть в суть равнодушной ко всему на свете, кроме секса, бабе, чья телесная конституция и душевная устремленность могли соответствовать только одному общественно-полезному роду занятий – а именно: быть содержательницей борделя. Но для такой работы «по призванию» требовались деньги, смелость и, как минимум, еще и прочные связи с властьюими. Всем этим она была обделена, и потому заведовала не борделем, а лишь слегка заведовала некоторыми второстепенными делами научного отдела, что не приносило ей никакой радости, если не считать того, что пребывание в институте позволило ей найти кое-кого и для занятий лесбийской любовью. Михаил уже был осведомлен, что она делала соответствующее предложение одной даме в его от-

деле, а в другом отделе и нашла отклик на него.

Но вот как в Зоськину паутину влипла Людочка Фатьянова – это было много занимательней. Если сведения о ее романе с Тувиным соответствовали действительности, то он имел место еще до знакомства Михаила с Людой. Вот не к нему ли она уходила от мужа и не от него ли вернулась к мужу обратно, было не так просто понять. Это мог быть и Тувин, и кто-то другой. Хотя, если вспомнить все, что говорила о своей одиссее Люда, после истории с уходом и возвращением промежуток времени до знакомства с Михаилом казался очень небольшим, чтобы туда успел вклиниться кто-то еще, кого можно было бы счесть лицом, многое значащим для Люды. Вряд ли она рискнула бы пользоваться квартирой Зоськи с мужчиной, который ей не был очень дорог, учитывая ее стремление продолжать партийную карьеру (а это требовало высокой «Моральной устойчивости») и опасность, исходящую от сверх-ревнивого характера мужа.

Тувина Михаил видел всего два раза – и то мельком. Однажды он о чем-то разговаривал в коридоре с Ликой Медведевой, своей тогдашней прекрасной любовницей, как вдруг она сказала: «Подожди,» – и подошла к какому-то мужчине, тронула его ладонью за спину, тот повернулся и улыбнулся. Спустя минуту Лика вернулась назад и на вопрос, кто это, ответила: «Это же Тувин!» – как будто Михаил должен был о нем знать. Заметив в ее лице непонимание, Лика объяснила: – «Мы с ним работали в почтовом ящике. А теперь

он, оказывается, здесь – в направлении стандартных справочных данных.» В ту пору там же работала и Люда. Вторая встреча вприглядку произошла года через три-четыре. Михаил по делам был в институте, когда работал уже у Антипова. Во время перерыва он вошел в столовую, посмотрел на очередь и хотел было выйти, но тут с ним встретилась глазами Люда, с которой он не встречался и не разговаривал с тех пор, как она обозлила его в метро. Она тотчас прервала разговор с человеком, стоявшим с ней в очереди и подошла к Михаилу, успевшему узнать в мужчине того самого бывшего Ликиного сослуживца Тувина. В разговоре Михаила с Людой Тувин не упоминался. Люда изо всех сил стремилась восстановить знакомство, используя случайную встречу, на которую так долго надеялась. Михаилу было приятно, что Люда так обрадовалась и кинулась к нему. Зла он на нее давным – давно не держал, предметом его мечтаний она перестала быть с того самого случая, и вообще его душа была обращена к Марине, а потому он свободно говорил с Людой, как с доброй старой знакомой, от которой ему не нужно ничего, хотя встретиться и приятно.

Вот все, что он прежде знал о Тувине, не считая того, что слышал однажды, что тот не так давно якобы выехал в Израиль. Так он и остался для Михаила человеком без имени. Лика произнесла только его фамилию, а Люда – вообще ничего, хотя кто-то из конфиденток Наташи Меркуловой точно знал, что Люда бывала с ним на квартире у Зоськи. На-

таша никак не относилась к числу сплетниц, поэтому ее сообщение надо было принимать с полной серьезностью. А раз так, фотокарточки Люды и Тувина в пикантном виде скорей всего действительно существовали, если Люда выступала попечительницей Зоськиных интересов не меньше шести лет. Михаил, только-только появившись в отделе после Людиного перехода на новую тематику, невольно обратил внимание на то, что Зоська явно настоятельно просила положительно отрекомендовать ее не только Нину Миловзорову, но и Люду Фатьянову, и Тину Зеленко.

Правда, Нина Миловзорова не могла быть зависимым от Зоськи лицом. Она давно развелась с мужем, жила в своей собственной отдельной квартире и для встреч с милыми не нуждалась в добросердечии подруг или знакомых. В Нине для Зоськи было ценно другое – она знала, что Михаил ей по-дружески доверял. Итак, Зоська очень явно заботилась о создании своего реноме еще до того, как Михаил мог сам что-то понять насчет нее. Это уже тогда насторожило его, хотя и не очень сильно. Теперь предстояло понять, каким образом Зоська будет использовать в своих интересах Люду после ее возвращения из отпуска. Вскоре отдельские дамы доложили Михаилу, что Люда уже здесь и у нее на лестнице был разговор с Тиной Зеленко, из которого они ухватили одну произнесенную с возмущением Людину фразу: «Да кто ж ему позволит разбрасываться кадрами!» Речь, разумеется, шла о нем, Горском. Значит, возмущение его обращению с Зось-

кой и Тиной, искреннее или деланное, имело место. Михаил решил не утаивать от Люды, что знает об этом. Было понятно также, что Тина, не на шутку испугавшаяся, что Михаил выгонит ее из отдела, решила обзавестись неприступными позициями под защитой Люды как секретаря партбюро направления. С этого момента Михаил твердо решил выставить Тину вон.

С Людой он увиделся очень скоро и, не дав ей времени связать себя какими-то словами в пользу Зоськи или Тины, сказал: «Людочка, всю последнюю неделю я вынужден заниматься художествами Зоси, которые она позволила себе выкинуть под покровительством Зеленко, причем на кон поставлена уже и моя репутация. Я знаю, что вы заявили Тине, что не позволите мне разбрасываться кадрами, которые, кстати сказать, вы мне так тепло характеризовали. – Люда потупила глаза. – Не смущайтесь, – продолжил Михаил, – я одобряю вашу фразу. Пусть эти двое думают, что вы их поддержите. Однако должен вас предупредить, что дело зашло очень далеко. Плешаков хочет уничтожить меня – сразу или постепенно – этого не знаю, но непременно с помощью Зоськи и, как мне теперь совершенно ясно, при поддержке Тины. Мне абсолютно не хочется, чтобы в этом деле в каком-либо качестве фигурировали вы. А для Зоськи, как, вероятно, вы уже заметили, не существует никаких табу. Ей все равно, чьи репутации рухнут, лишь бы она победила в каком-то деле – в данном случае в деле о ее двенадцати-

дневном прогуле. Любого другого уже без разговоров выставили бы за ворота, а с ней церемонятся, причем помогают ей получить зарплату за прогул. Я прошу вас держаться от этого дела подальше.

Плешаков будет рад-радехонек задеть и вас заодно со мной. Ведь это ваш отдел он возненавидел как диссидентский, но зная о ваших дружеских отношениях с директором, боялся открыто выступить против вас. Теперь он мне с удовольствием может мстить еще и за это. Поскольку вашего приятеля и покровителя директора Панферова собираются снимать, вот-вот распояшутся и Плешаков, и другие ваши доброжелатели. Я вам высказал все, что действительно думаю о ситуации, возникшей из-за патологической самовлюбленности и жадности Юдиной. Я имею представление, чем она держит в руках своих институтских покровителей. Могу вам сказать, что мне тоже было предложено стать посетителем ее квартиры, причем практически сразу же, как только я приступил к работе. Не имея средств для шантажа в своих руках, она не чувствует себя спокойно. Но мне-то зачем печься о ее спокойствии, да и вам тоже? Если бы вы сочли возможным информировать меня, как она управляет Тиной, был бы вам очень признателен. Пока Тина была просто пустым местом, я еще мог ее как-то переносить, но теперь, когда она вполне осознанно решила прямо вредить мне, я ее терпеть не намерен, раз уж собственные сексуальные удобства значат для нее больше всего остального

на этой работе. Я полагаю, обе они – вполне созревшие дряни для того, чтобы не иметь с ними ничего общего. Неужели до этой истории вы ничего за ними не замечали?»

Люда слушала, не перебивая, но вот он замолчал и надо было что-то отвечать на вопрос. Наконец, подавив какие-то сомнения, она стала говорить.

– Чего скрывать, Миша. Может, раньше ее наглость не проявлялась так сильно, но она была. Зося всегда выбирала все люфты в свою пользу. А о Тине мне тоже говорили, что ее видели в Зоськиной квартире с Титовым. Но я только недавно во время последней поездки в Чехословакию убедилась, что у нее на уме только секс. Я взяла ее в эту командировку с собой – думала, что она хоть там проявит что-то похожее на рабочую активность. Ничего подобного. Сидела как кукла в своих намазанных губах, и по физиономии было видно, что думает только о том, как потратить кроны, или – вы правы – о том, о чем вслух не говорят. И все-таки, знаете, она проговорила – не словами, а действиями. Руководителем нашей делегации был Леонид Аркадьевич Ратманов, главный инженер отраслевого вычислительного центра, вообще толковый и симпатичный мужик. Любит, правда, заложить за воротник, но кто только теперь не любит. В последний день визита, как водится, был сабантуй, все находились в состоянии подпития, Леонид больше других. Когда вернулись в гостиницу, я прошла было к себе в номер и тут вспомнила, что еще надо сказать Тине и спустилась

к ней. Постучалась, услышала «Войдите!», вошла, а там прямо-таки сцена из французского кино – на постели, поверх покрывала, в роскошной пижаме и при полном макияже, в весьма красноречивой позе лежит Тина. Я сразу сообразила, что она ждет Леонида Аркадьевича, но никак не меня. Все было продумано – и то, что мужик уже прилично выпил, и то, что неделю не видел жены, и то, что ее номер рядом с его номером – словом, все было накрыто и кушанья поданы, можно сразу приступать к работе. Мое появление не просто удивило, а испугало ее. Представила, наверно, что я ее больше за границу не возьму или, еще хуже, расскажу, где надо, о ее поведении. Но к чему я вам говорю – вот здесь и стало, наконец, видно, о чем она мечтает, что учитывает и рассчитывает, чтобы достичь успеха – короче, чем интересуется и что готова инициативно выполнять. А до этого не было никаких проблесков, позволяющих понять, чем вообще она охотно может заниматься.

– Ну, об этом-то можно было догадаться, – усмехнулся про себя Михаил. Он ждал, что Люда признается, что сама посещала Зоськину квартиру и теперь, слушая подробности Тининого оживления за границей, думал, что Люда таким образом старается отдалить его от предположений об ее участии в том же доме и в том же качестве. Да, собственно, что зазорное можно было бы обнаружить в Людином поведении? Нарушение супружеской верности? Так об этом знал даже муж, от которого она уходила, а во всем остальном она

поступала точно так же, как и большинство других членов цивилизованного общества, номинально руководствующихся принципом моногамии и монандрии, но либо неудовлетворенных своей сексуальной или нелюбовной жизнью, либо поглощенных стремлением к внесению разнообразия в свою личную жизнь. В этом смысле Людочка зря старалась – в его глазах она не делалась хуже оттого, что встречалась с Тувиным или с кем-то еще и отдавалась им по всей форме. Но она все-таки старалась. Значит, ей очень не хотелось, чтобы Михаил мог подумать об этом, а по какой причине – понятно. Причиной был он.

Тем временем Люда продолжила:

– Признаюсь вам, мне захотелось сорвать Тинины козни против Леонида Аркадьевича. За минутное или какое там удовольствие он мог потом дорого заплатить. Тут я вот о чем говорю. Моя Светочка, побывав с Тининой дочерью в пионерском лагере, совершенно категорически заявила мне, что больше одновременно с этой девчонкой никуда не поедет. Оказалось, любимым занятием этой самой дочки было доносительство лагерному начальству и о пионерах, и о пионервожатых – словом, обо всех и обо всем. Наверно, это не только внутренняя склонность ребенка, но и мамочкино целенаправленное воздействие.

– Скорее всего, – кивнул Михаил. – Мать в интересах ребенка дала ему в высшей степени полезную установку – с такой, дескать, не пропадешь. Не знаю, много ли Тина успела

вам навредить, а мне – уже более, чем достаточно. Я не буду искать компромиссов ни с ней, ни с опекаемой ею Зоськой. Еще раз прошу вас держаться в стороне от этой парочки. Договорились?

Люда кивнула в ответ. Смотреть Михаилу в глазу ей не хотелось. И все же она поняла, что он, зная о ее соучастии в Зойкином процветании, обещает никак не задевать ее персону. Из чего и она могла сделать вывод, что в какой-то степени все же дорога ему.

Тем временем Плешаков изо всех сил старался, чтобы дело против Горского набирало обороты. На всех совещаниях, где он мог говорить о трудовой дисциплине, он подчеркивал, что положение с ней в отделе товарища Горского просто катастрофическое. Заместитель директора находил нагнетание атмосферы вокруг ненавидимого им зав. отделом не только душевно приятным для себя делом, но и очень полезным во многих отношениях. Он прекрасно знал, что во всех отделах происходит примерно то же самое, но их начальники, угодные и удобные ему, все-таки больше стараются блюсти видимость твердой дисциплины, а за это он не терзает их проверками и представляет их хорошими руководителями подразделений.

Михаил не находил объективных оснований для преследований со стороны Плешакова, полагая, что системе госбезопасности не за что ему мстить, ведь в центре Антипова, где вопросы режима и секретности рассматривались с ку-

да большей строгостью, к нему не было претензий и приди-рок. Тамошний заместитель директора по кадрам и режиму был действующий, а не из запаса, полковник госбезопасности Сивко, который вполне уважительно относился к Горскому, особенно после того, как сам попросил Михаила, находясь в затруднении, помочь ему в одном деле. А оно заключалось в том, что Контора потребовала изложить, какие меры необходимо принимать при оснащении закрытого центра электронно-вычислительной техникой, помимо чисто административных. Признаваться Конторе, что он ничего такого не представляет, было опасно – могли решить, что он зря сидит на своем месте, обращаться же за помощью к самому Антипову – тоже было бы нехорошо, вдруг и тот будет спекулировать на том же самом. А о Горском он думал – и даже говорил – что это второй по уму человек в центре после директора, а потому и решил проконсультироваться именно у него.

Михаил объяснил, что вся информация вводится в машину после цифрового кодирования и при ее дальнейшей обработке каждой цифре соответствует определенный набор электромагнитных импульсов, которые могут быть записаны на магнитную ленту чувствительной аппаратурой, находящейся и вне помещения вычислительного центра, то есть, скажем, в автомобиле, находящемся где-то за забором, где может появиться кто угодно, в том числе и агент империализма. Правда, при этом записанная информация все рав-

но будет представлять собой зашифрованный текст, пока при анализе не будет выявлено, по какой программе ведется обработка данных, а это – не менее сложно, чем дешифровка обычных шпионских сообщений. А вот чтобы электромагнитные импульсы, порождаемые в процессе работы ЭВМ, не могли быть записаны где-то на стороне, помещения вычислительного центра, где находятся машины, должны быть экранированы ферромагнитными материалами. Немного времени спустя Михаил понял, что в Конторе высоко оценили доклад Сивко, подробно осветившего суть проблемы и способ ее решения, потому что полковник стал к нему еще более внимателен и расположен. Из этого, по всей вероятности, следовало, что в спец. досье, путешествующем за Михаилом, не должно было бы содержаться указаний на какую-либо особую неблагонадежность, в которой теперь старался убедить всех и каждого бдительный товарищ Плешаков. Люда была знакома с его биографией. Выбор пути для него оказался прост – раз уж он родственник Косыгина, пусть даже дальний, значит, надо делать партийную карьеру, начав с комсомола – чтобы было видно – он прошел все этапы канонического карьерного пути, а не какой-нибудь несерьезный родственник-выскочка. Быть комсомольским функционером и не воспользоваться предложенной близостью к КГБ – такой непростительной глупости он себе не позволил и благодаря этому получил тот пост, который и занимал сейчас. Он гордился собой еще и отто-

го, что любил стихи, много их знал наизусть и сам тоже писал – ни дать – ни взять, как самый важный товарищ по цеху – председатель комитета госбезопасности маршал Советского Союза товарищ Юрий Владимирович Андропов. Среди его одноклассников были очень известные и действительно крупные актеры, которые в школьные времена серьезно поколачивали его, но потом смягчились и простили, и теперь он открыто гордился тем, что он у них в друзьях. Иными словами, он, можно сказать почти со всех сторон принадлежал по своему разумению к культурной элите общества, а тут, в его собственном институте, некие интеллектуалы и в грош не ставили ни его культуру, ни образованность – для него у них находилось только одно будто бы черное клеймо – гебист или прислужник гебистов. Пока отделом заведовала Фатьянова, у него были очень ограниченные возможности воздействовать на эту в основном еврейскую публику. Но теперь-то Фатьянова перешла в другое направление, секретарем партбюро по ее прежнему направлению стал квалифицированный и очень исправный сексот товарищ Гарбарчик (кстати, поляк по национальности, а не еврей), да и прежнего покровителя Фатьяновой – директора Панферова сняли с должности, а его преемника вот-вот должны были утвердить в партийных и административных инстанциях, поэтому ненавидимый, укомплектованный самыми ненадежными людьми именно Фатьяновой отдел, теперь при таком же, если не худшем в этом смысле руководителе, был волей об-

стоятельств отдан в зависимость от него, от Плешакова, которому там открыто выражали неуважение и презрение. Теперь он готов был взять у них реванш, да еще какой! Уже не только Тина Зеленко потворствовала прогульщице Юдиной, но и сам зав. отделом попался на том же самом прегрешении – он, как выяснилось, хотя и с некоторым опозданием, разрешил Сморгуновой прогулять целую рабочую неделю, не оформляя отпуска за свой счет, что позволило ей принять участие в экспедиции по поиску старинных книг за счет института! И он решил обставить разоблачение Горского так, как это делают в кино всезнающие чекисты. Он вызвал к себе начальницу первого отдела Эмилию Петровну, объяснил ей свой режиссерский замысел и лишь потом позвонил Горскому, чтобы тот зашел к нему. Видеть Плешакова Михаилу всегда было противно, да он и не ждал, что там ему сообщат радостную весть. Войдя в кабинет Плешакова и увидев Эмилию, которая в прежние времена с симпатией к нему относилась, он по ее напряженному лицу понял, что очередная подлянка уже хорошо подготовлена. Плешаков попросил немного подождать, пока он не закончит с Эмилией Петровной. Через минуту Эмилия действительно поднялась с места и двинулась было к двери, когда Плешаков, как бы невзначай, попросил ее задержаться. Дружба с большими актерами не пошла ему впрок – то, что он представлял себе сценической непринужденностью, выглядело не слишком натурально. Это означало, что Плешакову нужен был свиде-

тель его разговора с Горским. Вопрос, по которому зам. директора по кадрам и режиму вызвал зав. отделом Горского, тоже не выглядел ни срочным, ни важным, и ради разговора вокруг него свидетелей не требовалось. Когда вопрос был прояснен, и Михаил спросил, может ли он идти, Плешаков со всей доступной ему лояльностью ответил: «Да, конечно!» – и только когда Михаил уже взялся за ручку двери и приоткрыл было ее, Плешаков послал ему в спину свой заранее подготовленный выстрел:

– Да, кстати, Михаил Николаевич, что там у вас за история в отделе с участием в экспедиции Елены Михайловны Сморгуновой?

Михаил повернулся к Плешакову, к его сияющей улыбкой физиономии и спросил:

– С участием в какой экспедиции? – думая в то же время о том, что кто-то в отделе, если не сама Лена Сморгунова, все же сболтнул постфактум об их сговоре в пользу русского языка. Это сильно обозлило его.

– Как в какой? В той самой, в которую вы разрешили ей отправиться на целых пять рабочих дней.

– Ни в какую экспедицию я ее не отпускал. Разговор со мной у нее об этом был. Но, зная, что вы ни за что этого не разрешите, я ей отказал.

– У меня другие сведения! – совсем другим тоном, с металлом в голосе, возразил Плешаков.

– Я догадываюсь, от кого у вас такие сведения! – резко

оборвал его Михаил.

– От кого же? – насмешливо спросил Плешаков.

– Не будем оглашать фамилию вашего тайного осведомителя. Вы её знаете, я тоже. Против воли Михаил разгорячился от гнева. Плешаков заметил это.

– Имейте в виду, мы это проверим! – с угрозой сказал он.

– Проверяйте! – бросил ему Михаил и резко захлопнул за собой дверь.

Надо было срочно принимать защитные меры. По пути в отдел Михаил пришел к выводу, что проверить, участвовала ли Лена в экспедиции, Плешаков теперь может, только обратившись с запросом к своим коллегам из МГУ. Там же работала начальница экспедиции, и находились другие участники. Михаил без промедления вызвал Лену по телефону из другой комнаты к себе. Лена явилась с вопрошающим взглядом.

– К сожалению, мое предупреждение о вашей поездке в экспедицию не осталось тайной для посторонних. Кто-то, кому не следовало о ней знать, все-таки узнал о ней, хотя и уже после вашего возвращения. Я потом попрошу вас вспомнить все ваши разговоры с кем-либо на этот счет. Но пока мне важно знать другое. Ваше участие в экспедиции со стороны университета было оформлено каким-нибудь образом?

– Да, я была включена в список участников. А что?

– Полагалась ли вам зарплата за участие в экспедиции?

– Да, там были предусмотрены небольшие деньги, но я их не получала.

– Ну, Слава Богу, – выдохнул Михаил. – Ими вам придется пожертвовать. Плешаков обещал провести расследование, и он безусловно обратится в МГУ. Поэтому вам необходимо срочно предупредить вашу приятельницу, которая руководила экспедицией, чтобы она отрицала ваше участие и предупредила об этом всех остальных членов экспедиции. Ваша фамилия в ведомости на зарплату объясняется тем, что на ваше участие рассчитывали, но в последний момент вы дали знать, что вас не отпустили с основной работы. Поэтому положенную за участие в экспедиции сумму вы так и не получили. Понятно? В голове таких, как Плешаков, просто не может поместиться мысль, что человек, заработавший у государства хоть какие-то деньги, не станет их получать. Это наша с вами главная защита. А потому я хочу, чтобы вы абсолютно неукоснительно выполнили мое требование: вы должны поговорить обо всем этом со своей приятельницей тет-а-тет или, в крайнем случае, по телефону из автомата – ни в коем случае не с вашего домашнего – вы сами уже убедились, что он прослушивается. Кроме того, это надлежит сообщить вашей приятельнице со всей возможной быстротой. Это все. Прошу хоть в этом деле не подвести меня и себя.

Выражать упрек в другой форме Михаил не пожелал. Знающий о возможных последствиях да поймет.

Лена сознавала вину – вольную или невольную, независимо от того, сболтнула она кому-то или нет.

Назавтра, встретив Лену на лестнице, Михаил задал ей всего один вопрос: «Сделали в точности, как я просил?» – «Да.» – «Хорошо,» – отозвался он скорее себе, чем ей. Плешаковская атака должна была захлебнуться. Если, конечно, не всплывет что-то еще.

К счастью, Небесам не было угодно, чтобы Плешаков по результатам учиненной проверки сплясал дикарский канкан на их с Леной костях. Это стало понятно из того, что больше эта история Плешаковым не упоминалась. А какая была задумана постановка! По каким блистательным образцам! Впрочем, о том, какие образцы сидят в мозгу у человека совсем другой специальности, Михаил узнал от Лены Сморгуновой, когда она сама поведала о прогнозе, который дал ее собственный муж Юра, многовидевший и многознающий психиатр. После того, как Михаил услышал от Лены, что она поговорила со своей подругой, соблюдая предписанные им меры предосторожности, и сказал: «Хорошо,» – Юра предрек, что теперь каждые полчаса, влекомый непреодолимым внутренним беспокойством насчет того, так ли это на самом деле, Михаил будет звонить Лене и задавать ей один и тот же вопрос. Лене не хотелось, чтобы ее муж был не прав, как не хотелось и того, чтобы был прав Михаил. Но против фактов она не пошла. Кроме того самого первого случая, Михаил повторно не задал ей тот беспокоящий его

вопрос ни разу. Однако для себя пользу из Юриного прогноза он все равно извлек. Делая что либо для других людей, не стоит рассчитывать не только на их благодарность (это он знал давно), но даже и на простое участие, на точное выполнение его просьбы в интересах обеих сторон.

Да. Если сравнивать, сколько огорчений приносили Михаилу с одной стороны явные враги и недоброжелатели, а с другой те, кому он отдавал любовь или симпатии, вряд ли можно будет решить, кто принес ему больше вреда. Коллектив отдела ИПЯ прекрасно иллюстрировал этот факт. Для каждого из его членов эгоистические интересы оказывались превыше всего. И хотя на углубленное философствование по данному поводу, равно как и по многим другим, Михаилу еще не хватало ни времени, ни настроения, он сознавал близость того рубежа, за которым потребность в этом занятии перельется через порог вызревания, а созрел-то он, в общем, давно, пока потенция не превратилась в деяние. Поиски доминанты бытия и прояснения для себя этой Истины затягивались, а без ее нахождения любые труды философского плана теряли смысл, и он их все откладывал и откладывал.

А пока Михаил не то, чтобы с сожалением, но определенно со скепсисом думал о своей неизменной приверженности принципу обращения с подчиненными, который он выработал для себя еще в ту пору, когда у него в подчинении никто не состоял, поскольку он был всего лишь молодым специалистом на Мытищинском заводе электросчетчи-

ков после окончания МВТУ. Конечно, это было не первое производственное предприятие, с которым он познакомился. Производственные практики Михаил проходил и на Люблинском литейно-механическом заводе, и на «Запорожстали», и на Электростальском заводе тяжелого машиностроения. Но Мытищинский завод электросчетчиков стал главной ареной и для его конструкторских работ, и для получения представлений о том, что такое социалистическое производство и как оно управляется. Завод выпускал больше миллиона штук электросчетчиков в год, и по этому критерию относился к предприятиям массового производства. Главной силой в основном производственном процессе были женщины. Они работали штамповщицами, клепальщицами, сборщицами на конвейерах, регулировщицами и контролерами качества продукции. Мужчины господствовали во вспомогательных цехах. Это были слесари-инструментальщики и наладчики, а также рабочие экспериментальных мастерских. На женщин-работниц и на всех инженеров, независимо от их пола они смотрели свысока – в полном соответствии с самосознанием, присущим передовым представителям рабочего класса-гегемона, как это непосредственно следовало из официальной коммунистической идеологии, а также в соответствии с величиной заработной платы у них она была больше, чем у инженеров, в полтора-два раза. Мастерами в цехах основного производства работали и мужчины и женщины – где как, но в сферах разработки новой продукции

и управления всеми видами производств решительно преобладали мужчины. Приборостроение не соответствовало профилю образования, полученного Михаилом – он закончил МВТУ как инженер-механик прокатного производства. Но, поскольку он по распределению был направлен на ташкентский кабельный завод, а ехать туда с женой Леной и их совсем маленькой дочкой Аней он решительно не хотел (равно как этого решительно не хотели и Ленины родители, жившие именно в Мытищах под Москвой), общими усилиями удалось исхлопотать в министерстве электротехнической промышленности, которому принадлежал Ташкентский кабельный завод, направление на другой завод того же министерства, находящийся именно в Мытищах и который в быту именовался исключительно «Электросчетчиком». Впрочем, на вопрос, где работаешь, в Мытищах было достаточно ответить еще короче: на «Счетчике».

Михаил совершенно не переживал из-за того, что приборостроительное производство было ему незнакомо. Знания, полученные в Московском Механическом институте, а затем в МВТУ, а, главное, умение овладевать новыми предметами в режиме авральной подготовки к сдаче соответствующих экзаменов, дали ему непоколебимую уверенность в том, что со своим багажом в голове при недолгом знакомстве с ранее неизвестным делом он сумеет справляться с любой инженерной работой после очень краткого изучения того, что он еще не знал. Волей директора завода он был на-

правлен в бюро автоматизации производственного процесса. Как показали дальнейшие наблюдения, директор был самым незаметным человеком в работе успешно справляющегося с плановыми заданиями предприятия. С одной стороны, это могло создать впечатление, что директор так великолепно организовал работу подчиненных, что ему совершенно не приходилось светиться ни в каких службах или цехах завода. Однако в равной степени это можно было считать и абсолютным безразличием к тому, что происходит на производстве и в жизни занятых в нем людей. Что именно соответствовало действительности в директорской деятельности, Михаил за три с половиной года так в точности и не узнал, хотя склонялся больше к второму варианту, потому что производство явно не поглощало директора целиком. Главным инженером служил некий Зайцев – невыразительная личность, от которой также мало зависело то, что делалось на заводе. Вот кто действительно жил работой и больше ничем, что тоже было весьма ненормально – так это заместитель главного инженера Толстоногов, который дневал и ночевал на заводе, чему Михаил сам был свидетелем. Начальник бюро автоматизации Семен Григорьевич Яцкаер рассказал ему, что в недавние времена, при Сталине, Толстоногов являлся заместителем министра, а не заместителем главного инженера относительно небольшого завода, что там его деятельность отличалась особой активностью. Будучи весьма силен и безгранично работоспособен, он ждал от подчинен-

ных начальников того же, а кое-кого из не отвечающих высоким требованиям даже физически избивал. Внешность этого человека не выдавала в нем богатыря. Он вообще больше напоминал провинциального еврейского провизора или часовщика с местечковым акцентом тоже. Однако Яцкаер говорил, что сняли его с высокого поста все-таки за рукоприкладство. По поведению Толстоногова на заводе это было непросто понять. Ныне он был молчалив, жил в основном какую-то внутренней жизнью, не стремясь ни к какой другой. Семья у него давно развалилась, другой он не заводил. Возможно, весь ход дел на заводе в основном определялся его заботой, но и это нелегко было установить.

Примериваясь к образу Толстоногова, нарисованного Семеном Григорьевичем Яцкаером, Михаил все-таки видел причины крушения карьеры этого человека в другом. А карьера для своего времени была примечательная. Толкового и, по-видимому, сильного еврейского подростка-сироту взял к себе в ученики и помощники деревенской кузнец, фамилию которого тот и взял себе на новую жизнь. Пролетарское происхождение и организационные меры, принятые большевистскими властями по ликвидации последствий существования черты еврейской оседлости открыли ему путь к образованию, а затем и на верхние этажи управления промышленностью. Таких, как он, было там немало. Сталин, будучи по меньшей мере самовоспитанным анти-семитом среди евреев, составляющих большинство членов

большевистского ЦК, чувствовал себя ущемленным в их обществе, так как точно знал, что они и в грош не ставят его ум и способности в сравнении со своими, а потому и испытывающим к ним острую ненависть до тех пор, пока, смыкаясь со слабейшими из них, одного за другим не уничтожил сильнейших и не исполнил людоедский канкан на их костях, все-таки в предвоенные и особенно в военные годы ставил инженеров-евреев во главе важнейших оборонных производств, веря в их организационные способности, но никак не меньше – и в их безжалостное безразличие к чудовищно бедственным условиям жизни и работы своих подчиненных, чьими силами, еле-еле возобновляемыми, они выполняли и перевыполняли невообразимые для нормальной практики планы. Но как только война завершилась победой, хозяин страны снова постарался уменьшить свою зависимость от людей ненавидимой нации, и к 1948 году подавляющее число директоров и главных инженеров еврейского происхождения лишились своих высоких постов – вот под эту политическую кампанию скорей всего и загремел со своей высоты на завод зам. министра Толстоногов. Такая версия, как считал Михаил, куда больше соответствовала духу бесчеловечного бытия, насаждаемого в стране всеобщего нищенского равенства, где властям было в достаточной мере все равно, избивают ли начальники своих подчиненных или не избивают – это можно было использовать против начальников только в качестве повода для расправы, учиняе-

мой по совсем иным причинам.

Начальник бюро автоматизации Семен Григорьевич Яцкаер – первый начальник Михаила в жизни – был достаточно колоритной фигурой. Он и не думал скрывать, что не имеет высшего образования. Во время войны служил авиатехником, во всем, к чему по необходимости прикасался, доискивался до деталей устройства, имел довольно глубокие представления о механике и электротехнике, хотя так называемый «общей культурой» отнюдь не блистал. Он был разговорчив, никогда не боялся попасть впросак и, несколько не сомневаясь, произносил: «Подумайте об этом на дóсуге», или, характеризуя опытный (эмпирический) характер происхождения каких-либо данных, с удовольствием подчеркивал: «Чистая империя!» Но в конкретных делах он был, что называется, хват. Он зорко присматривался к технологическим процессам, стараясь выяснить, какие ручные операции можно заменить автоматами или машинными устройствами, исходя из более чем скромных возможностей своего бюро. Включая самого Семена Григорьевича, в нем работали всего три инженера, один техник – очень красивая и с прекрасной фигурой Валя Преснова – и трое слесарей, из которых двое имели высокую квалификацию. Семен Григорьевич был первым, но отнюдь не последним инженером, не имеющим высшего образования, с которыми приходилось работать Михаилу и которых он считал настоящими самородками. Он нравился далеко не всем инженерам на заводе,

в том числе и евреям, и виной тому было, пожалуй, то, что он при всех своих способностях все равно оставался скорее гешфтмахером, чем интеллектуалом.

Обладатель уникальной фамилии (Михаил, кроме него, не встречался больше ни с одним Яцкаером), он не был мелочным администратором, не навязывал своих идей, с интересом встречая инициативы Горского, и предоставлял ему полную свободу в смысле ознакомления со всем, что делалось на заводе. Михаил переходил из цеха в цех, от одного конвейера к другому, и все поражался изобилию ручного труда и достаточно скромной доле машинного. Первым, что приходило по этому поводу в голову, была мысль о том, что человек на советском производстве дешев, а машина – дорога, а потому ей находилось место только тогда, когда ручной человеческий труд явно проигрывал механизированному в скорости, особенно когда требовалось приложить сверхчеловеческих сил – например, как при штамповке, сверловке, прессованию или при изготовлении крепежа. Но там, где требовалось расклепать отдельную заклепку небольшого диаметра, отрихтовать небольшую несущую конструкцию, использовались ручные прессы с винтовой подачей от ворота, а намотка токовых катушек с незначительным числом витков производилась на ручных приспособлениях. Возможностей приобретения высокопроизводительных машин у завода не имелось по двум причинам: во-первых, оборудование требовалось, как правило, специализи-

рованное, то есть должно было бы производиться на самом заводе или заказываться заводом на стороне, а, во-вторых, на это требовались большие средства, а их выделяли всего ничего.

Михаил достаточно быстро перезнакомился со всеми молодыми инженерами, работавшими на «Счетчике» по распределению. Их было меньше десятка человек. К ним добавлялось еще пятеро-шестеро инженеров постарше, но с которыми тоже легко было перейти на «ты». Из них наиболее доброжелательным и симпатичным был Соломон Моисеевич Мовшович. Он окончил «Станкин» по металлорежущему оборудованию и провел на «Счетчике» уже пару лет из своего «молодого специализма». За это время он заслужил себе такой авторитет, что всё, как есть, заводское начальство называло его только по имени-отчеству, а с лучшими слесарями на заводе он обращался на «ты». Соломон был достоин имени, данного мудрейшему царю древней Иудеи и Израиля, но совершенно не кичился умом. Держаться скромно, но не утрачивая достоинства – это он мог всегда. Тем очевиднее становились его умственные достоинства, которые он проявлял буквально в каждом деле. Он обладал тонким чувством юмора, которому был совершенно чужд издевательский акцент. Короче, на заводе, где трудилось не меньше тысячи человек, не было ни одного более уважаемого лица, сверху и снизу, спереди и сзади, слева и справа, чем Соломон Мовшович – по крайней мере, среди тех, с кем он сталки-

вался по работе.

Михаил был рад знакомству с ним, тем более, что вскоре оно перешло в доверительное приятельствование, пожалуй, без малого даже в дружбу. Соломон рассказал, что после окончания школы вместе со своим близким товарищем Лейней Гноенским подал было документы на физико-технический факультет МГУ (который вскоре стал Московским физико-техническим институтом), но их там сразу забраковали как евреев, и они оба поступили в Московский станко-инструментальный институт, не пользующийся особым спросом у медалистов-абитуриентов, в котором по этой причине придинок к национальности, точнее – к «пятому пункту» анкеты – не было. В результате вместо талантливого научного работника страна получила талантливого инженера. Кого она обокрала? В первую очередь – саму себя. Конечно, заодно Соломона тоже. Не в полной мере, но все-таки заметно. Для него годы работы на заводе все равно стали временем духовного и интеллектуального дозревания на пути к высотам науки. Заводские условия, в частности – производственные отношения – научили его соизмерять полет мысли с возможностями ее реализации. Трезвость в оценках достижимости того или иного результата стала его второй натурой. Такое качество воспитывает жизнь далеко не у каждого научного работника, а у хорошего инженера – почти всегда. Это ценное качество у Соломона уже никто не мог бы отнять. А к науке он устремился обходным путем – вместе с тем же дру-

гом Леней Гноенским поступил на двухлетние вечерние курсы механико-математического факультета МГУ, как только такое обучение стало возможным для дипломированных инженеров, и хотя это вызывало огромные перегрузки организма, они оба преодолели подъем по избранному пути. О том, насколько Соломону, жившему в Москве и работавшему за городом, было трудно переносить систематическое недосыпание, говорил такой случай. Однажды Соломон очнулся в транспорте от сна и первый мыслью его было, одет ли он? – настолько бессознательно он проделывал привычные действия по пути на работу. Однако оказалось, что внутренний автопилот и на этот раз не подвел его, хотя не было бы ничего странного и в том, если бы он подвел.

Закончив курс на мех-мате, Соломон уволился с завода и поступил в весьма закрытый институт, где занялся динамикой полета маневрирующих ракет. На сей раз в его новом качестве математика, механика и инженера его национальность не послужила препятствием для допуска к секретным разработкам. У Михаила не было никаких сомнений, что Соломон многого достигнет и на новом поприще. Это был человек в любых обстоятельствах, на все времена. Их přátельство не ограничивалось пребыванием на работе. Соломон был женат на Энне примерно столько же времени, сколько и Михаил на Лене. Их дочери – соответственно Лена и Аня – были одного возраста. Энна работала в школе преподавательницей русского языка и литературы.

До замужества она успела отработать по распределению где-то в районе Благовещенска, в Амурской области. Там жизнь тоже научила ее многому, чего она раньше не представляла. Например, однажды она продиктовала на уроке фразу: «По неосторожности охотник попал в капкан.» В ответ раздался совершенно не ожидаемый ею взрыв смеха. И тогда дети охотников-промысловиков растолковали ей, что капканом тут издавна называют кабак, и в него попадают по желанию, а не по «неосторожности». Душевная, мягкая, красивая и чуткая Энна очень подходила Соломону, которому тоже были присущи сходные качества наряду с твердой волей и не признающим халтуры умом. Человек скромной внешности, он тем не менее был строен, хотя и чуть сутуловат. Живые глаза с неподдельным интересом изучали окружающее. Лицо его чем-то напоминало известную фотографию Ленина в картузе и с челкой на лбу, когда он изображал рабочего Иванова после провала большевистского путча против Временного правительства в июле 1917 года. Михаил с Леной приглашали Соломона то на охоту, то в Подмосковский поход. Самым ярким из них был поход по реке Лопасне, в котором они обновляли только что купленную Михаилом байдарку «Луч». У них тогда еще не было своей палатки, но её тогда взял для них в спортклубе МГУ школьный друг Михаила Гриша Любимов, который тоже шел по Лопасне, но отдельно, в другой компании, в которой ему неудобно было появляться с кем-то из посторонних. Там в основ-

ном находились люди постарше, от которых, видимо, в какой-то степени зависела будущая Гришина карьера и судьба. Там же шла и Таня Баранович, девушка, на которой Гриша вскоре женился. Время от времени они виделись на маршруте, а потом и в Москве, и в других местах, но жизнь уже давно развела их по разным путям, и потребность в общении постепенно истончалась. То же самое случилось потом и у Михаила с Соломоном, но тогда для них время расхождения еще не наступило. Лопасня оказалась не самой лучшей рекой для получения радостных впечатлений. Маловодная, мелкая, с каменистыми перекатами, она порядком подракла новенькую оболочку байдарки, что очень больно ударило по капитанским чувствам и настроению Михаила, но в одном месте они ощутили себя действительно внутри чудесной красоты. Это было в нескольких километрах ниже села Семеновского, где очень высокий левый берег плавно изгибался громадной дугой. Весь он был покрыт хорошим лесом, совершенно не нарушенным вырубками. На нем прямо-таки лежала печать особой избранности. Правда, перед началом этого участка они миновали разрушенное подобие плотины или деревянных надолб, опутанных порванной колючей проволокой, но это их ничуть не насторожило. Дело шло к вечеру. Они решили заночевать около дальнего конца лесной гряды. Площадка для бивака нашлась довольно высоко, но труды по подъему лодки вполне компенсировались видом. Они благополучно переночевали, а утром какие-то под-

ростки с удивлением обнаружили их стоянку и спросили, как они тут оказались. Ответили – спускались вниз по реке, вечером остановились, сейчас пойдём дальше. – «Это место – под первым отделом,» – сообщил старший из них. В переводе на русский это означало секретную зону. Немного погодя из разговора они уяснили, что здесь находится дача Берия – Малюты Скуратова сталинского режима. И хотя хозяина этой дачи расстреляли целых четыре года назад, отголоски леденящего души ужаса ещё ощущались. И в передаче подростков, и в том, что даже река была перегорожена напрочь выше и ниже поместья, чтобы здесь она находилась в единоличном владении властителя всей этой красоты. Они не стали задерживаться здесь ни на минуту сверх необходимого для сворачивания бивака. Дух Старого Коменданта, как о том говорил Франц Кафка в рассказе «В исправительной колонии», был действительно жив. Вот, оказывается, чем объяснялось и безлюдье, и нетронутость, и фундаментальные проволочные ограждения поперек русла реки, только недавно разрушенные ледоходом. Где только не было дач этого Берия – и здесь, в Семеновском, и в Гаграх у моря, и ещё высоко над домом отдыха архитекторов, где её после войны видел сам Михаил, и Бог знает где ещё, где только глянулось этому блюстителю Сталинской госбезопасности.

Ну что ж. Имея неограниченную власть, разве можно удержаться от захвата самых лакомых кусков природы для себя и своих развлечений? В этом и состояло од-

но из сильнейших искушений в борьбе за власть – победить, чтобы потом жить так, как нравится, где нравится и с кем нравится, абсолютно не считаясь при этом с кем-нибудь еще. Быть господином положения! Разве не в этом проявляется высшее наслаждение?! Только о чем-то подумай, что тебе еще не принадлежало – и это твое! Собственно, ради этого и стоит жить. Все остальное – напрасное копчение неба. В чаду мечтаний ведь ничего не получишь, кроме иллюзий, а сыт ими не будешь. Тем более не осуществишь мечтаний в жизни. Таких возможностей существует очень мало. Они достаются совсем немногим. А это выливается в одно – надо нужное отбирать у множества претендентов, а большинство населения лучше вообще ни к чему стоящему не допускать. Собственно, это и составляло основное содержание жизни Берия и ему подобных, да и стоящего над ними Сталина – тоже.

Глава 10

Несмотря на то, что на заводе Михаил успешно обретал практический инженерный опыт, общался с разными, в том числе и очень интересными людьми, каких совершенно не рассчитывал узнать в Подмосковной глубинке, в целом он свою тогдашнюю работу считал издевательством над той жизнью, о которой мечтал – она куда чаще оказывалась уныло однообразным, скучным существованием, отрывавшим от его настоящей жизни восемь с лишним часов каждый божий день, кроме выходных, когда он более или менее принадлежал себе и Лене. Никогда раньше, даже в детском саду во время «мертвого часа» (в отличие от других детей он не спал днем никогда, за исключением одного-единственного раза), он не чувствовал себя настолько ограбляемым тупой внешней силой, не намеренной ни сейчас, ни потом считаться с его собственными стремлениями – и все ради получения скудных денег, бессовестно ничтожных как с точки зрения потребностей, так и с точки зрения самолюбия, необходимого творческой личности, поскольку государство таким образом открыто показывало, как он и ему подобные, своим умом и изворотливостью осуществляющие технический прогресс, мало значат и для него, государства, и, тем более, для рабочего класса. Система неукоснительно заботилась о том, чтобы рядовой инженер получал меньше ря-

дового рабочего, а лучший инженер все равно меньше лучшего рабочего. Этим, помимо хвалебных слов, подкреплялась официальная демагогия о ведущей роли рабочего класса в жизни всего общества, строящего счастливое коммунистическое будущее для всех людей, когда от каждого будут брать по способностям, а давать по потребностям – таково было официальное обещание райской жизни, сформулированное лидерами самого передового учения из всех общественных наук на Земле – от Карла Маркса до товарища Сталина и продолжателей его дела включительно. Правда, для умерения претензий к себе на «переходный период» к коммунизму (пока его не построят) большевистская власть догадалась заменить лозунг «от каждого по способностям, каждому по потребностям» на другой, благоразумно ограничивающий удовлетворение потребностей, которые в принципе способны расти без предела: «от каждого по способностям, каждому по труду». А вот в том, как власть представляла себе правильную оценку труда каждой категории трудящихся, любой интересующийся мог увидеть на практике. Физически самый тяжкий труд был у крестьян. Он длился от зари до зари, что на колхозном поле, что дома, где не было никаких удобств цивилизованной жизни. С ними шли вровень по труду, а по условиям тяжести обстановки даже превосходили лишь некоторые рабочие профессии – горняки урановых рудников, угольных шахт и отравных химических предприятий, где приходилось «вкалывать» в абсо-

лютно противоестественной обстановке – во тьме и сырости, в тесноте забоев, в пыли и загазованности, при постоянной угрозе взрыва метана или обрушения кровли, а то и при пронизывающей радиации, бесшумно и быстро превращающей человека в развалину. Но у этих-то хоть был укороченный рабочий день, а у крестьян, хоть и работающих в основном в естественной среде, этот рабочий день по существу был совершенно не нормирован. А уж как он оплачивался, особенно на фоне зарплаты горняков, можно было и не говорить – это были сухие слезы. Естественно, Михаил никогда не забывал, что на свете есть множество народу, которому живется несравненно трудней и хуже, чем ему. Однако это совсем не умаляло его недовольства наличными обстоятельствами его жизни. Даже будучи делом привычным.

До работы на заводе Михаил никогда не ощущал столь мощного внутреннего протеста и против своей несвободы в действиях, и против мизерной зарплаты, слишком явно ограничивающей радиус отдаленности тех изумительных походных маршрутов и мест, куда хотелось попасть.

Глядя за окно на обширное покрытое сверкающим снегом Шарапово поле, он физически испытывал жесткий и болезненный удар по психике, уму и воле. Память услужливо дополняла видимое глазами полным набором действующих факторов: свежего морозного воздуха, слепящего, заставляющего зажмуриваться от прямого и отраженного от снега света, хруста проламываемого кромками лыж наста на це-

лине, и радости от быстрого ритмичного упругого продвижения в пространстве, переполняющей все существо. Михаил буквально сжимал в комок все эти чувства, чтобы не закричать, не проклясть вот такое бытие, основанное на рабской дисциплине общественного труда, и не броситься бежать, куда глаза глядят, потому что по большому счету бежать было некуда: он любил Лену, любил их с Леной дочку Аню и должен был их содержать. К тому же он был уверен – куда бы он ни наострил свои лыжи, везде обнаружит то же самое, возможно даже в ухудшенном варианте, когда совсем не будет своего жилья, когда с продуктами станет еще тяжелее, когда возможности приложения своего интеллекта к работе по призванию будут урезаны еще в большей степени, чем здесь. Даже если предположить, что где-то в отдаленной тайге он построит себе избушку и сможет существовать за счет того, что сумеет добывать в окружающей природе – в чем имелись серьезнейшие сомнения – то что там будет делать Лена со своим дипломом кандидата философских наук, как там в случае чего лечить ее и ребенка, если на расстоянии ближайших ста или двухсот километров не будет ни души? И это не говоря уже о том, что никаких денег на начальное хозяйственное обзаведение нет и не предвидится, а начать создавать его с одним топором в руках он пока и думать не смел – такое возможно было лишь в крайней крайности, да и то лишь в случае, если был бы уже обучен виртуозному владению этим инструментом. А потому выходило: меч-

ты мечтами, а бытие бытием, какое бы оно ни было: угнетающее или вольное, но все равно НЕ СВОБОДНОЕ от принудительной силы обстоятельств – а уж они-то заставят считаться с собою любого, кто хочет жить, тем более – того, у кого есть кого любить. Жизнь, данная всем сущим в этом мире, умела держать в своих железных, не допускающих вольности объятиях любого, у кого не хватало ни решимости, ни глупости, чтобы покончить с собой по причине несогласия с подобным устройством жизни, придуманным вовсе не людьми, чтобы жизнь, какой бы она ни была, продолжалась независимо от того, согласны сущие с реальным ее распорядком или нет. Даже мысли о том, что он не может посвящать своей литературной работе по призванию столько времени, сколько против воли поглощает пребывание на заводе, не вносили в мозги Михаила такого раздрая, какой вызывал в нем вид снежной пустыни или воспоминания об увиденном на воде или в горах. Он не чувствовал полноценности бытия в том, что выходило на самом деле, а ведь что-то постоянно подсказывало, что сознание полноценности – самое главное из всего, что есть, наряду с любовью. Счастлив не будешь, если не любишь, если не работаешь по призванию, если не познаешь красоту мира и тайны, наполняющие его. Что ни день, Михаил все больше укреплялся в этом кредо, а потому все сильнее испытывал недовольство собой. Внутри него кипела расплавленная масса не очень ясных мыслеобразов, которым он должен был придать определенность, которые обязаны

были выстроиться в его сознании в логические связи, объясняющие, в чем скрыты разгадки бытия, но пока излить из себя в достаточно доказательном и эстетически удовлетворяющем виде удавалось немного, тогда как наружу властно стремилось излиться в определенности все. Он еще не представлял, сколько лет терпения, работы и недовольства собой пройдет до того, как он шаг за шагом, с перерывами на отдых, начнет осуществлять желаемое, но все равно постоянно верил в то, что так непременно произойдет – иначе он не тот, за кого себя принимает. А ведь в этом состояла его обязанность не только перед собой, но и перед Леной. Именно с ней и в ней ему представлялось счастье, уже в какой-то степени достигнутое, состоявшееся, но все-таки неполное без успешной переработки того, что переполняло его изнутри помимо любви и страстного устремления к женщинам. С последним он, правда, справлялся, переводя все свои восхищения от впечатляющих представительниц прекрасного пола в одни ворота – в пользу Лены. Он полагал, что так сможет удерживать себя от соблазнов постоянно, если Лена будет поступать так же, как он. Но с этим у Лены было не так, как у него. Ее представления о характере любви и о том, как она должна развиваться, отличались куда большей сдержанностью, чем ему хотелось, чем того требовала, по его убеждению, взаимность и гармония в семье. Ожидая от нее того же, что испытывал к ней сам, Михаил нередко наталкивался то на ее безразличие, то на явное сопротивление.

ние. У нее было свое кредо, но не было такой готовности пре-реформировывать его, чтобы постоянно наращивать вооду-шевление, питающее любовь – иначе она убывала.

Михаил понимал, что со своими юными чувствами сту-дента четвертого курса застал Лену в возрасте, когда де-вушка ощущает угрозу остаться без мужа, несмотря на все свои очевидные достоинства – ей шел уже двадцать седь-мой год – и потому привычные критерии оценки претенден-та на ее руку и сердце и, главное, силы ее собственных вы-зываемых им чувств, могли подвергнуться пересмотру в сто-рону их снижения – в конце концов, разве она не могла на-деяться, как и он, что чувств со временем появится боль-ше, что те чувства которые уже есть, ждет постоянный рас-цвет, а потому что удивительного было в том, что она при-няла его предложение о замужестве и любовь с удовольстви-ем и готовностью. Нет слов, Лена была хорошим человеком и хорошей женой, и Михаил не имел никаких оснований предъявлять к ней какие-либо претензии, которые допустимо было бы с точки зрения приличий и морали адресовать человеку, добросовестно исполняющему свои обязанности. В конце концов, разве Лена на фоне других знакомых Миха-илу женщин в чем-нибудь разочаровала его после их сбли-жения, которое произошло не в Москве и не в Мытищах, а в городе Запорожье, где Михаил проходил производствен-ную практику на знаменитом металлургическом заводе «За-порожсталь»? Он тогда физически страдал, что отделен рас-

стоянием от Лены, почти каждый день отсылал ей письма и еще писал о ней для себя. Он вынужденным образом почти ежедневно бывал на заводе, где с немалым интересом вникал в детали листопрокатного производства, но это были лишь эпизоды в сравнении с тем, что его постоянно занимало: Лена, Лена и Лена – и он вместе с ней. Как и остальные студенты, парни и девушки из его группы, он часто ходил по плотине «ДнепроГЭСа» на правый берег Днепра на пляж, где было солнечно, даже весело и небезынтересно, но пусто, а по вечерам он снова шел на Днепр, вглядываясь в остров Хортицу – бывший оплот Запорожской Сечи и всей украинской вольницы, ощущая, что просто обязан здесь думать на эту тему, но вспоминая вместо этого Лену, Лену и Лену. Хотя не так уж редко и великого живописца природы Архипа Ивановича Куинджи, особенно, «Ночь над Днепром», что было, по крайней мере, уместно в данном месте в данное время. Наконец, Лена написала, что поедет отдыхать в Крым через Запорожье, чтобы повидаться с ним. Она выбрала себе необычный маршрут – сначала поездом до Киева, а оттуда на теплоходе до Запорожья. Когда в городском порту выше плотины теплоход только начал швартоваться к пирсу, он лихорадочно искал глазами Лену среди всех, кто толпился у борта на верхней палубе и вскоре обнаружил ее. Вздох облегчения вырвался из его груди – Лена сдержала слово, теперь он мог не только мысленно общаться с ней, но и стиснуть в своих объятиях. Он уже договорился с хозяйкой квар-

тиры в том же доме, где жил с товарищами по практике: Вадимом Кротовым, Борисом Бельфестом и Виктором Ельчаниновым, что она сдаст квартиру для него и невесты. Восторг от ожидания долгожданной и на этот раз полной близости не мешал Михаилу видеть себя со стороны, в том числе и Лениными глазами, и понимать, что ко времени встречи внешне он подурнел, исхудал, производил впечатление чем-то измученного и изнуренного, и где-то внутри него нет-нет, да и мелькало сомнение, не разочарует ли Лену такой вид, такое состояние жениха, но, к счастью, так не случилось, во всяком случае она ничего такого не показала, и Михаил перестал беспокоиться насчет того, не пожалеет ли она о том, что поехала в Крым через Запорожье. Действительно нет, не пожалела. Более того, когда они уже зажили вдвоем одни в целой квартире, где Михаил после двух неудачных попыток проник вглубь через Ленину девственность, уже и вопроса никакого будто и не было, что она поедет отдыхать в Крым одна до тех пор, пока у него не кончится эта проклятущая затянувшаяся практика. Они открылись друг другу и сразу перестали стесняться своей наготы. Лена обладала прекрасной фигурой. В студентках она занималась художественной гимнастикой – разумеется, совсем не той, в какую она превратилась через пару-тройку десятилетий, когда жанр стал обаять участниц демонстрировать сверхъестественную гибкость и отточенность движений буквально на каждом шагу – а той, еще не вполне признанной спортом, даже не дисци-

плиной, а просто родом естественных наслаждений юных девушек и женщин, от которых переполняет внутренняя уверенность в их еще непроявленном и огромном резерве своей красоты.

Михаил глаз не мог отвести от Лены, особенно когда она по его просьбе двигалась обнаженной. Ему страстно хотелось запечатлеть ее в разных позах – она привезла с собой «Экзакту», но Лена была решительно против и согласилась сняться только в статике, причем тут и речи быть не могло, чтобы она позволила принять положение, специально направленное на показ ее тайных прелестей в полном объеме, от чего в мыслях у Михаила перехватывало дух. Пребывание в Запорожье стало их действительным медовым месяцем еще до свадьбы. Это, разумеется, не значило, что после возвращения из Запорожья прямо в Москву, не через Крым, они сколько-нибудь заметно остыли в своих чувствах друг к другу – скорее наоборот, но Запорожский дебют их духовной и телесной любви остался достопамятным событием их совместного бытия, праздником, который не потускнел за последующие годы, когда уже не всё, далеко не всё, было ярким и прекрасным. И особенно помнилось, как они на лодочной станции рядом с пляжем на правом берегу водохранилища выше Днепровской плотины взяли прогулочный «фофан» и вышли на середину обширной акватории, где никто не мешал любить друг друга на зыбкой поверхности вод. После разрядки Михаил с трудом выгреб обратно

против засвежевшего ветра, но это не воспринималось слишком высокой платой за испытанное наслаждение, как это повторялось много раз и в дальнейшем, когда их стискивала желанием страсть к любимому любовному делу, которое тогда ни у кого не поворачивался язык называть односложным термином «секс», на самом деле бывающий в разных ситуациях и с разными партнерами весьма и весьма не сходным по испытываемым ощущениям и последствию, несмотря на довольно ограниченное число способов физиологической реализации соитий. С тех пор в горах и на водах, на берегах озер и рек или в снежной пещере они с удовольствием соединялись друг с другом, уверенные в том, что именно так и должно быть у любых детей природы, для которых высшая красота и мудрость мира – совсем не пустой звук, а главный, наиболее предпочтительный способ продолжать себя в вечности именно за счет сознания вхождения в Вечность наиболее благоугодным Создателю путем.

Тут и мысли не было о переходе за рубеж сексуальных запретов, сомнений насчет того, что морально, а что аморально, что допустимо в стремлении слиться в единое целое, а что недопустимо. Природа прямо взыскивала свое без всяких фокусов, приобретающих особую роль, особое значение для обострения влечений в условиях цивилизации, когда все ограждает человека от естества, потому что в нем сложно жить или даже сколько-нибудь недолго находиться.

И все же в сознании Михаила мало-помалу год от года от-

кладывалось недовольство тем, что Лене не всегда нравятся устремления и приставания мужа, которому хотелось знать и испытать все возможное между мужчиной и женщиной без ограничений и оглядки на рамки пристойного для мужа и жены. Михаила возмущала мысль о том, что так называемая мораль заставляет порядочную женщину думать и даже опасаться, что ее в законном браке пытаются превратить в проститутку – как будто только проститутке простиительно соглашаться на то, чего жаждет подавляющее большинство мужчин на всем белом свете независимо от национальности, веры в Бога, в святость семейных уз. Да, права женщины на отрицание чего-то, предлагаемого ей мужчиной, должны безусловно уважаться – но только не потому, что кто-то посторонний внушил ей, что предлагаемое ей обязательно плохо, постыдно или позорно, а лишь потому, что что-то испробованное в каких-то случаях (часто не навсегда!) либо не приносит ей наслаждения, либо чем-то неудобно, либо вызывает у нее боль. Но где и когда в цивилизованном обществе порядочным женщинам прививалось такое сознание? Во всяком случае, Европа и Северная Америка, да и немалая часть стран на других континентах, в отличие от Индии, Цейлона и ряда других стран индуистской культуры, загоняли все почти без разбору в зацензурное пространство и возлагали в первую очередь именно на женщину обязанность противостоять безграничному разврату, если, конечно, она не была профессиональной блудницей или сек-

суальной рабыней, хотя бы по той одной причине, что мужчины признавались существами, органически неспособными самостоятельно удерживаться от сексуального разложения как своей личности, так и личности жены. Женщина должна **ОЧЕНЬ** любить своего избранного мужчину и вполне доверять ему, не сомневаясь в его благих помыслах, чтобы у нее не возникало дилеммы – разрешать или не разрешать, давать или не давать то, что он просит, исходя из табу воспитания, тем более – из позиции ханжей, изо всех сил добивающихся, чтобы все выходило по-ихнему, причем не у себя, а у других.

Михаил вовсе не лез на рожон, стараясь добиться от Лены желаемого им, однако каждая неудача оставляла после себя сожаление, которое не забывалось, как не забывалась и радость от достигнутых удач. Однако он поневоле стал все чаще возвращаться к мысли, прав ли был в своих надеждах, что неравенство их с Леной Любовей друг к другу, которое было ясно с самого начала, со временем будет сглаживаться за счет того, что Лена станет любить сильнее. Как бы того ни хотелось, но трезвость ума не позволяла признать, что в любви с ее стороны происходят положительные изменения, хотя он старался добиться этого отнюдь не одними приставаниями. Все то, что он делал сверх привычного для нее, оставалось безо всякого внимания. И в конце концов он признал, что Истина не такова, какой она была в мечтах. У нее оказалось совсем другое содержание. Любовь, ка-

кой бы она ни выглядела для обеих сторон в браке, нуждалась в постоянном осознанном поддержании даже ради того, чтобы она у каждого из супругов оставалась на прежнем, начальном уровне. А о том, чтобы она не то что сама по себе, но и даже при некоторых стараниях возросла в заметной степени, не стоило ни надеяться, ни мечтать. Возможно, иногда у кого-то и где-то происходило нечто исключительное, когда можно было подумать, что любовь взяла и возросла – допустим, из уважения, особой благодарности, переворота во взглядах под воздействием проснувшейся совести, но в норме она увеличиваться не могла. Чтобы вдруг увидеть в давнем избраннике нечто исключительное и новое, чего не было заметно изначально, надо было не просто наблюдать со стороны за человеком, с которым постоянно живешь и общаешься, что в силу одного этого уменьшает интерес к дальнейшему познанию и выявлению в нем новых ценных и радующих черт и само по себе снижает остроту чувств, ибо нет новизны, а старое представляется уже хорошо изученным даже тогда, когда это не так. Интересует обычно только новое, непознанное, загадочное. А кому охота прорабатывать старый, давно разгаданный кроссворд? Прочность супружества сильно зависит от того, насколько каждый его участник удерживает себя от соблазна добавить к тому, чем обладает, еще сколько-то на стороне, поскольку жизнь может предлагать – и предлагает – достаточно много соблазнов. Михаил более или менее успешно противостоял им де-

вять лет, стараясь действовать в Лениных интересах не менее рьяно, чем в своих. Лишь осознав, что ждать укрепления связи с ее стороны бессмысленно и нереально, он пришел к выводу, что для выравнивания отношений на основе взаимности (а без взаимности какой смысл в браке) ему не остается ничего иного, кроме как снижать свою любовную зависимость от жены. Он не сразу нашел женщину и лоно, которое понравилось бы ему больше, чем Ленино. Но уже через одиннадцать лет брака с Леной, вступив в любовную связь с Олей Дробышевской – действительно любовную от слова «любовь», он переполнился уверенностью, что непременно разведется с Леной – даже если не ради женитьбы на Оле, что в течение трех лет казалось их общей целью, то все равно ради насыщенной любви с кем-то еще. Это стало для него непреложным. Оставалось только найти ту, с которой можно было бы вместе обрести счастье. А какой тут мог быть метод? Терпение, ожидание, проведение проб, исключение ошибок, в том числе и заведомых, когда уступаешь желанию иметь женщину хотя бы и не такую прекрасную, добрую, мудрую, как хотелось бы, но все же вполне достойную – за неимением материализовавшейся мечты. Михаил давно удостоверился – если человек распрощался с мечтой, подавил ее в себе, в нем никогда не раскрыться лучшему скрытому до времени внутри него, что, собственно, и должно отличать его от других людей – иначе он просто вольется в массу таких же серых, кто так и не реализовал себя. Допустить

такое никак не хотелось. А что до сексуальных фантазий, которым не в полной мере давала на практике разбегаться Лена, Михаил не считал себя вовлеченным в губительную аморальную область уточненного разврата, где балом правит либидо и секс, а не любовь. И даже появившиеся в его интимной жизни женщины, которых он, может и не любил со всей страстью, но к которым его влекло душевное дружеское чувство, симпатия, уважение, не мешали Михаилу придерживаться своего убеждения: во время близости с этими дамами он не только удовлетворял свою потребность мужчины, но и сокрушал Ленину монополию на обладание им без стремления воспользоваться всем тем, что он хотел и был способен ей отдать. Отдав себя в ее руки всего целиком, он из-за этого в большей степени зависел от Лены, чем она от него. И его зависимость действительно все уменьшалась и уменьшалась после интимных связей с другими женщинами. Так продолжалось еще до того, как он достоверно узнал о неверности Лены, хотя подозрения – отнюдь не на пустом месте – появлялись у него и раньше (все же и Лена достаточно сильно зависела от него) – но уже в ту пору, когда вполне определенное открытие не спустило в его душе лавину стандартных чувств обманываемого мужа-собственника, слишком много вложившего от себя в эту женщину, слишком привязанного к ней множеством нитей и жизнесплетений, чтобы можно было тут же РАЗВЯЗНО начать свою другую жизнь, как бы того ни хотелось, или чтобы загореться

желанием уничтожить соперника и вернуть свое сокровище, которым стал пользоваться кто-то еще, в свое монопольное обладание, а уж ПОСЛЕ этого ТАК показать жене, чтобы она твердо запомнила, как говорится, Who is кто, в их семье, а кто is who. Реально испытанное им чувство оказалось совсем иным, чем можно было ожидать даже от себя самого. Во-первых, хотя Лену с ее партнером он «накрыл» во-все не в постели, и не в интимной обстановке, а вполне одетыми в кафе, ему стало вдруг ужасно стыдно при мысли, что они могут решить, что он давно выслеживает их и попался им на глаза сразу после того, как они выпорхнули из гнездышка любви, что совершенно однозначно исходило от них и столь же однозначно воспринималось внешним внимательным наблюдателем, каковым в данном случае оказался он, Михаил. Во-вторых, в нем действительно не вспыхнул комплекс чувств оскорбленного и преданного мужа – Михаил поразился этому куда меньше, чем внезапно возникшему в нем стыду ЗА СЕБЯ, несмотря на то, что сам он не сделал ни одного неблагоприятного поступка, если не считать того, что он совершенно случайно оказался рядом с любовниками в тот момент, когда они меньше всего нуждались в его обществе, в столкновении не то чтобы с ним самим, а даже с его тенью, с мыслью о его существовании, потому что они оба еще пребывали в сознании только что состоявшегося знаменательного акта жизни, в котором ему не должно было быть – и не было – места, без того, чтобы между ними не разруши-

лась та драгоценнейшая гармония – или, опять-таки, лишь ее тень, ради которой, собственно, люди и вступают в половые связи, да, гармония, в которой они продолжают пребывать какое-то время после первого удачно прошедшего соития, открывающего перспективу как будто бы столь же одухотворяющих и радующих новых встреч, хотя они с какого-то момента становятся у большинства привычными гармоничными и чувственными ощущениями, все равно, конечно, очень ценными (не даром даже за их имитацию проститутки заламывают и получают весьма значительные деньги), но уже лишь со слабым ощущением гармонии, под сень которой, столь обещающей, они вступили в первый раз. Так вот, выступить в роли разрушителя этой гармонии Михаил не пожелал ни тогда, когда еще ничего не успел продумать, ни когда-либо после, когда уже с холодной отстраненностью прояснил для себя и собственно открытие, и свою тогдашнюю реакцию на него, и подоплеку мыслей относительно двух людей, вступивших в связь и пронизанных ее гармонией, один из которых, вернее, одна оставалась для него далеко не безразличной, а второй не вызвал у него ни ненависти, ни удивления, ни даже облегчения от того, что теперь он может спокойно расстаться с Леной, не испытывая никаких угрызений на счет того, будто бы испортил ей жизнь. Его не поколебало ничто, кроме пронзительного чувства неловкости за себя как случайного и абсолютно лишнего ненужного свидетеля, которому, несмотря на обретение объективно ценной ин-

формации, это тоже было ни к чему. По существу уже и так не требовалось никаких подтверждений её измены для изживания из себя зависимости от Лены. Он уже знал это давно и определенно. Просто сам Господь Бог пожелал представить ему точное доказательство: «да, все так, как ты сам сумел дотумкать: в любви, когда она любовь, должна быть взаимность и равенство по силе и устремленности. А любить односторонне в расчете на то, что твоя любовь вызовет ответное чувство (а как же иначе – она способна горы своротить!) – значит дурью маяться, потому как на самом деле все не так: если не дал Господь Бог взаимную любовь друг к другу, так и не даст – значит, это не входит в Его планы, а Он от своих планов не отступает – раз не дал, то и не даст, ведь Любовь только в Его руках, больше ни в чьих, и из Нихто силой ничего не вырвешь, не стоит и пробовать. Воображать о себе и про себя можешь что угодно, но лучше самому меру знать, не то ее тебе так преподадут, что мало не покажется. Для этого Господу даже не нужно пальчиком пошевелить или бровь приподнять – слишком много было бы тебе чести – достаточно Ему только мельком – этак на миллион порядков быстрее скорости света – подумать – вон как этот зарвался – и все! Накрылся ты со своей любовью и со всем, что себе о ней навоображал! А потому уймись, занимайся своим делом, к которому Я тебя призвал, когда отправил тебя на эту планету, и ты старайся во всю силу своих способностей, которые Я тебе ради этого дал, а, коли заслужишь, бу-

дет тебе любовь со взаимностью и всем, что к ней прилагается, чтобы можно было стать счастливым еще здесь, на очень даже грешной из-за вашего человеческого безобразия Земле. В это можешь мне верить. Я разрешаю.

Лена узнала, что Михаил был в курсе ее связи с Эдиком Соколовым с первого же дня, как она началась, в последний день своего первого замужества. Они только что покинули рука об руку зал суда, где им по обоюдному согласию без уговоров и пререканий дали развод. Какая-то женщина, ждавшая своей очереди, с удивлением, а потом и с завистью сказала: «И это вы разводились?» – на что Лена не без гордости отозвалась, объясняя итоги произошедшего: «Жили по-человечески, по-человечески и развелись.» Женщина понимающе кивнула, потом созналась: «А мы все время собачились. По-собачьи и разводимся.» Характер отношений был обрисован точно. Только отчего для этого в русском языке использовалась ссылка на собак, Михаилу так и не было понятно. Он уже твердо знал, что у собак все случается, как у людей – и хорошее, и плохое.

Уже на улице Михаил поинтересовался, за кого теперь Лена собирается замуж. «А мама тебе не сказала?» – «Нет, от нее я не слышал на этот счет ни слова.» Лена выглядела удивленной. – «Так за кого?» – «За Эдика Соколова.» – «Я так и думал.» – «Почему?» – «Я случайно видел вас в кафе на Кировской в день вашего сближения. Вид был достаточно красноречивый.» Лена, изумленная еще сильнее,

чем по поводу умолчания бывшей свекрови («Оказывается, мама знала,» – подумал Михаил), и спустя пару секунд признала: «Да. Было.» – «Еще бы не было,» – усмехнулся Михаил. Лена промолчала. Она явно пыталась понять, почему Михаил раньше не пустил в ход добытые «на натуре» факты. Стало ясно, что она в подобной ситуации не пренебрегла бы ими. А он вот к ним ни разу не прибегал, и это как-то ее умяляло, может, даже унижало ее перед ним. Впрочем, Михаил ничего подобного не добивался. Ему давно стало безразлично, какой гипотезой для развода воспользуется Лена. Имущественных споров у них не было, дочь Аня безоговорочно хотела остаться с матерью, на алименты Лена не подавала, поскольку не сомневалась, что и без этого Михаил будет исправно платить. Он готов был принять всю вину на себя, но обошлось и без этого – оба заявили, что желают развода в связи с фактическим распадом семьи – и это была святая правда. У Лены уже имелся Эдик, а у Михаила – Марина, именно такая женщина, о которой он мечтал. С ней вместе в него вошли еще две Любви – к ее пятнадцатилетнему сыну Коле и великолепному шотландскому колли Террюше, ставшему в их семье настоящим великим патриархом среди всех последовавших за ним собак.

Во все годы своей взрослой самостоятельной жизни, отмеченные неудовлетворенностью отношений с Леной – годы поисков и сомнений, разочарований и находок, куда Михаил не обрел, наконец, счастье с Мариной – рядом

с ним оказывалось довольно много очень привлекательных женщин. Михаил неизменно испытывал огромную симпатию к ним, как некое сексуальное уважение к существам более высокой породы с их специфическими женскими достоинствами – в особенности, потому что совсем не хотел противостоять их ударному воздействию на свою психику, как будто с детства избирательно настроенную на восприятие именно женской красоты.

Для него женщина была венцом Небесного творения – невообразимо множественная (не размноженная! Не тиражируемая от единственного эталонного образца!), не повторяющаяся ни в чертах лица, ни даже в формах тела, ни, тем более в характерах, но неизменно взыскующая к себе его внимание и трепет при знакомстве с новым проявлением чуда, именуемого потомством Евы, которая всем своим дочерям передала свои общеузнаваемые черты – магнетизм души, великолепие тела, способность дарить высшую радость и приводить в восторг всех продолжателей дела Адама при любой встрече – просто от сознания, что это снова она – высшая красота, продолжающая создаваться в разных обликах и поколениях на основе архетипа праматери, никем из нынешних и знаемых в прошлом людей невиданной, но все же отнюдь не мифической личности, от которой все пошло – и тот же восторг, и жажда обладания, и хищничество, и подвиги, и самозабвенная преданность, и безудержный разврат – у кого как: по отдельности или вместе, в за-

висимости от склонностей и вкуса, от возможностей содержать и платить (от своего имени, но не за свой счет), равно как от способности удовлетворять их потребности в любви и материнстве, в обладании домом и очагом, в защите, в развлечении, в нарядах и драгоценностях (или в том, что их заменяет) – как в раме, внутри которой все равно видна картина – восхитительная и властно влекущая к себе нагота, потому лишь безгрешная, что она создана таковой – то есть обязанной властвовать над мужчинами, над их волей и мечтами, над их неудержимыми страстями, над вулканической энергией, пробуждающейся при виде любой Евы, а затем – при любых воспоминаниях – неотвязных воспоминаниях! – образа ея.

Каждая встреча с таким магнетизирующим существом начиналась с выяснения величины их общего знаменателя – как при арифметической операции сложения дробей по разным числовым основаниям, а именно: хотел бы ты быть близок с этой женщиной, хотя бы умозрительно, даже когда ни в чем таком не нуждаешься, на худой конец, просто мог бы ты (опять-таки умозрительно) представить, что вот с такой близость все-таки не исключена. А уж под знаком именно такого обнадеживающего общего знаменателя и проходили знакомства Михаила с разными встречающимися на жизненном пути женщинами. Он не находил, да и не мог находить их по заранее известному адресу (как и они его). Такие адреса известны наперед только Богу, только Он знает,

кому с кем придется встретиться, столкнуться и что из этого произойдет. Попытки людей самим определить адреса, по которым можно с большей простотой обнаружить искомое, как и любое искусственно придуманное средство, не обеспечивали в норме полное удовлетворение ищущих. Да, известны случаи, когда мужчины находили жен, причем превосходных, воистину без изъяна жен и брали их из борделей или из картотек брачных агентств или вовсе по данным из Интернета, но ведь такие удачи случались гораздо реже, чем когда знакомства действительно просто СЛУЧАЛИСЬ сами по себе, сами собой на жизненном пути, когда идешь по нему и даже ничего не ждешь. Неожиданность обретения оставалась во все времена одной из характерных черт знакомств с будущим счастьем или по меньшей мере с кандидатурой, в принципе достойной любви. Из неожиданной встречи, вроде как почти из ничего, из нулевого безразличия к окружающему, вдруг возникает симпатия и любовь, подобно тому как Вселенная взрывом рождается из ничтожно малой точки Великого Непроявленного Вакуума, из Пустоты, которая на самом деле вмещает в себя ВСЁ, ВСЁ промышленное Богом, проявляющееся, материализующееся по ЕГО ВОЛЕ, по ЕГО ЖЕЛАНИЮ в тех масштабах и последовательностях, какие ЕМУ угодно сделать видимыми или как-то иначе осязаемыми, наблюдаемыми для каких-либо категорий существ, созданных ИМ для того, чтобы дальше они были в состоянии делать ради жизни все, что для нее необхо-

димом, и были бы в состоянии переносить тяготы этого своего главного долга исключительно благодаря существованию и воздействию любви.

Насколько большей была бы скука на нелюбимой работе, если бы глаза не могли отдохнуть на лице и фигуре пригожих сотрудниц. Один лишь их вид, тем более разговор с ними, можно было считать бальзамом для истомленной души. На Мытищенском «Электросчетчике» Валечка Преснова сидела за своей чертежной доской прямо в затылок Михаилу. Она была очень миловидна лицом, обладала прекрасной фигурой. Даже уже не очень маленькая беременность не портила ее. Валя ездила на работу из Пирогова, где почти все взрослые работали на текстильной фабрике. С притяжением к Вале Михаил справлялся неплохо – ему даже не приходилось изо всех сил обуздывать себя: и с Леной они были вместе всего три года, и маленькая Аня придавала стойкости, а чувство к Вале как к объекту страсти переросло в простое любование и заботу о ней. Будучи уже более опытным родителем, чем Валя, он внушал, что ей нельзя простужаться и пить лекарства, чтобы не повредить неродившемуся дитяти, но Валя нередко пропускала его уговоры носить с собой летом плащ или зонт, и тогда, если под самый конец работы начинался дождь, он отдавал ей свой плащ, считая, что для нее оставаться сухой на пути к отдаленному дому куда важней, чем ему, живущему всего в полукилометре от «Счетчика». В конце концов, на его возвращения до-

мой в дождь без плаща обратила внимание Лена. Он объяснил ей, в чем дело. Тем не менее, она не преминула удостовериться во всем сама. Однажды, выйдя вместе с Валею из проходной, в толпе встречающих закончивших смену Михаил обнаружил Лену с Анюткой на руках. Он сразу подвел к ней Валю и познакомил их. Убедившись, что все так, как он рассказывал о своей сотруднице, Лена больше к этой теме не возвращалась. Как-то в другой раз Валю у проходной встречал ее муж. Это был видный парень, внешне вполне под стать жене. О нем было известно, что его недавно комиссовали из армии. Они с Валею были знакомы с детства и явно входили в число самых красивых пар в поселке Пирогово. По-видимому, им обоим не было нужды искать удовлетворения с кем-то на стороне. Однако со временем оказалось, что это не так. Сначала муж загулял с текстильщицами, затем и самолюбивая Валя ответила ему тем же – нет, не с Мишей, он и в этой ситуации устоял, а с Генкой, техником-технологом одного из цехов. Что ж, Генка внешне тоже был неплох, вкус у Вали безусловно имелся. Света Черевик, поступившая на завод двумя годами после Михаила, опять-таки выпускница того же факультета МВТУ, который окончил и он, насчет Валиного вкуса придерживалась, однако, другого мнения. К этому времени на заводе ликвидировали бюро автоматизации, Семен Григорьевич Яцкаер уволился, а его небольшой коллектив включили в штат технологического отдела. Света работала за кульманом сле-

ва от Михаила. Им было легко приятельствовать, поскольку оба вышли из одной учебной среды, нередко знали одних и тех же преподавателей и некоторых карьеристов-студентов из факультетской комсомольской организации. И хотя Света была коренной бауманкой, а Михаил попал в МВТУ уже на четвертый курс, им было о чем вспоминать, да если бы и не было, все равно нашлось бы о чем поговорить. Света была симпатичной, довольно миниатюрной девушкой, достаточно хорошо развитой в культурном отношении, так что нельзя было заподозрить, в какой семье она родилась, и где прошло ее детство. Ее родители – и отец, и мать – служили надзирателями в Воркутинских лагерях, причем мать выполняла не только обязанности вертухая, но и отдельные задания вне лагеря. Так однажды, по словам Светы, ее матери приказали преобразиться в проводницу вагона с тем, чтобы разговорить какую-то подозрительную личность, спровоцировать ее на откровенность и в конце концов изобличить как контру, как врага народа. Для этого матери Светы даже особо разрешили «ругать товарища Сталина». Справилась ли ее мать с заданием, Света не сказала, а Михаил со своей стороны почему-то не поинтересовался. Его и так вполне впечатлило спецразрешение на поношение наиглавнейшего вождя. И где-то в самый глубине он надеялся, что прошедший лагерные университеты провоцируемый человек (а кто еще кроме освобожденного зека мог уезжать из Воркуты в Москву) понял, кто вызывал его на искрен-

ность, убеждая в существовании темных пятен на безупречно-солнечном лице всемирно любимого вождя. Искренность Светы свидетельствовала о ее доверии к собеседнику, приятелю и коллеге. Но после того, как на отдельской вечеринке у нее на глазах Михаил танцевал с Валентиной (а они, между прочим, отнюдь «не обжимались») она не здоровалась и не разговаривала с ним почти неделю. Что ее так задело, Михаилу было трудно понять. Ни он, ни она как будто бы не проявляли никаких признаков того, что им мало приятельства и хочется большего, так что на обычную ревность реакция Светы не походила. Аморальных действий ни он, ни Валя себе не позволяли. А то, что они с воодушевлением и подобающим случаю чувством исполнили танго, это вовсе необязательно было считать прологом к постельным занятиям, хотя Света, по-видимому, решила, что это именно так. Опять же получалось странно – будто она обиделась не за себя, а за Лену, чьи суверенные права законной жены Михаил якобы бессовестно нарушил. «Ничего себе солидарность! – подумал он. – Далеко же занесло нежданную моралистку! Выходит, она почувствовала, что дело пахнет керосином, сильнее, чем Валя и я?» Впоследствии так и оказалось. Когда Света снова заговорила с ним, она подтвердила, что именно так и подумала, что прежде Михаил воспринимался ею, как стойкий муж, надежный человек, а тут она увидела, что сильно в нем ошибалась. – «Ты действительно решила, что я сплю и вижу Валу с собой в постели? Чего ж

тогда мы с ней два года медлили? Это тебе в голову не приходило?» – «Мне это – не приходило. Но я-то знаю, что тебе это пришлось!» – ответила Света. – «Не читала ты «Подводя итоги» Сомерсета Моэма, как я понимаю?» – возразил Михаил. – «Ну и что ж, что не читала?» – «А он там как раз очень точно объясняет, в чем дело. У него об этом было такое высказывание: чтобы хотеть танцевать с партнером, вам совсем не обязательно хотеть оказаться с ним в одной постели. Но при этом важно, чтобы такая мысль не была вам противна. Ты усмотрела, что мне она не противна? Но так оно и есть! Что ж, прикажешь мне вовсе не танцевать? Даже с тобой? И ты полагаешь, что Моэм не прав?» Михаил по Светиному лицу понял – она пытается применить сентенцию к своему согласию танцевать с Михаилом. Что у нее получилось, она не сказала, но он догадался, что она не без внутреннего сопротивления все же согласилась с Моэмом и тем самым признала: ей тоже не было бы противно представить себя в объятиях с Михаилом. А это, по взаимным представлениям, вряд ли в действительности могло бы у них произойти.

Насколько Света Черевик, несмотря на то гневное ослепление, которое она испытала, глядя на танго Михаила с Валей, продолжала доверять ему, обнаружилось примерно год спустя после того, как Михаил перестал работать на «Счетчике». Света позвонила ему домой, уже в Москву, и сказала, что ей надо срочно с ним увидеться. Они встретились в метро. Вид у Светы был какой-то измученный. После обмена

приветствиями она сразу без обиняков перешла к делу:

– Мне нужен врач, – сказала она.

Михаил сразу понял, что речь идет о гинекологе, но все же спросил:

– Что с тобой случилось?

– Случилось, – невесело усмехнулась Света. – Я подзалетела. Понимаешь, летом я ездила на море, в Гагры. Жила на турбазе. Туда по вечерам стекались местные парни, как в бардак – сначала на танцы, конечно, потом уже ближе к телу. Среди них был один, ничего такой, вполне приятный. Он очень ко мне прилип. От девок, которые жили вместе со мной, только и слышала о получаемом удовольствии. Ну, я и подумала, может, попробовать? В общем, так я и сделала.

– А тебе не понравилось?

– Нет. – помолчав, Света добавила. – А ему – очень. На него большое впечатление произвело, что я отдалась ему девственницей. Они там привыкли рассматривать всех приезжих на курорт как блядей. А тут он просто обалдел. Решил, что я его полюбила. Короче, когда он узнал, что я забеременела, то даже замуж позвал.

– А ты совсем не хочешь?

– А зачем? Добро бы еще любила. А так, из-за простого любопытства – вдруг и в самом деле что-то упускаю – отдалась – и вот так подзалетела. Что скажешь?

– Свет, начну с того, что у меня нет никаких знакомств с врачами такого профиля, честное слово – ну никаких. А,

во-вторых, ты абсолютно убеждена, что не хочешь замуж за него? Он кто, абхаз?

– Нет, грек. Их недавно вернули из ссылки, из Казахстана.

– Я и не знал, что греков тоже выселили и выслали с Кавказа.

– Нет, так было и с греками.

– Так ты мне скажи – он тебе симпатичен или противен?

– Был бы противен, ничего бы и не случилось.

– Вот видишь! Мой тебе совет – еще раз подумай и взвесь.

Никто не советует прерывать первую беременность – почему так – не знаю, но уверен, что насчет этого не врут. Растет вероятность бесплодия.

– Да знаю я, – отмахнулась Света.

– Ну сама посмотри, – продолжал убеждать Михаил. – Если решишь выйти за него, но не захочешь жить там, то можешь настоять на его переезде сюда – ты сможешь, я не сомневаюсь. Он уже в тебя въехал, раз замуж позвал. У них на этот счет легкомыслия не бывает.

– Миш, – отозвалась Света, мучительно глядя в глаза Михаила, – но ведь любви-то нет! И не появится!

Ее ответ напоминал встречный нокдаун. Уговаривать девушку, не испытывающую любви, насчет того, что, может, поживет и полюбит, Михаил был не способен. Собственные убеждения не позволяли ему прибегать к вранью, тем более – в ответ на исповедальную искренность девушки. Он пробормотал только, пожав плечами:

– Кто знает, – а сам все думал: «Неужели так и пропустил, что она меня все-таки любит, а теперь вот прощается, уже не надеясь ни на что?»».

Поверить было трудно, хотя кое-что и свидетельствовало в пользу такой догадки. Взять хоть ее негодование по поводу танго с Валей – в этом свете оно было бы вполне объяснимо: не за Лену она оскорбилась, а за себя. И все-таки не очень верилось – слишком спокойной была их дружба не только с его стороны. Они поговорили еще немного и расстались. Светлана пропала из поля зрения и со слуха. Только шесть лет спустя через цепочку случайно обнаруженных общих с ней знакомых Михаил выяснил кое-какие сведения, в совокупности позволяющие сделать вывод, что она таки уехала к своему греку на Кавказ и вышла замуж. Помнилась она ему хорошо.

Кроме Вали и Светы на «Счетчике» Михаил познакомился и с другими молодыми женщинами и девушками. Некоторые приходили знакомиться сами, не скрывая, для чего это делают. Некая Зина, технолог сборочного цеха, пришла, села напротив, представилась и положила свой крупный бюст на стол. Это был впечатляющий ход, все равно что ход ферзем на шахматной доске: не заметить невозможно, проигнорировать нельзя. Позже ему со смехом объяснили, что так Зина знакомится со всеми новенькими, с кем хочет оказаться в постели.

Другая девица, много моложе Зины и моложе Михаила, села на тот же стул против него. Бюст на стол она не выва-

лила – просто нечего было вываливать, а вот темперамент несомненно был. Звали ее Галя Качадурова. Если на Зине был белый халат, то на Гале – синий. Это значило, что работает в заготовительном цеху. Михаилу не пришлось поддерживать разговор – говорила одна Галя, и речь ее очень легко переводилась на русский язык другого смысла – того же, о чем говорил Зинин бюст. Таковы оказались новые виды производственных отношений, о которых Михаил прежде не имел никакого понятия. Они отличались откровенностью и прямотой.

Напротив двери в бюро автоматизации за конвейером работали сборщицы основания электросчетчиков. Они ловко и очень быстро привинчивали токовые прижимы и другие детали электромеханическими отвертками с обгонными муфтами, которые спроектировал Соломон – их во множестве заимствовали на других заводах. Одна из сборщиц, Рая, отличалась редкой красотой лица. Иногда при звуке открывающейся двери или от дневного света, выливающегося из окна бюро через дверной проем в цех, она быстро вскидывала глаза на него и тут же опускала их вниз, на конвейер, сделавший ее инструментальным (или инструментодержащим) придатком к себе. По радио, да и на лекциях по политэкономии в институте Михаилу, как и всем остальным, внушалось, какой бесчеловечной эксплуатации подвергаются трудящиеся при капиталистической потогонной системе, в чем убеждал и фильм знаменитого во всем мире

комика и режиссера Чарли Чаплина «Новые времена». То, что Михаил застал на советском социалистическом предприятии, полностью освобождало от необходимости знакомиться с потогонной системой по курсу политэкономии капитализма и по фильму Чарли Чаплина тоже. Михаил с содроганием представлял себя на месте этих девушек и женщин, в том числе и Раи, которая, как выяснилось, училась в вечернем техникуме и скоро ей предстоял диплом. Когда Валя ушла «в декрет», то есть в отпуск по родам, Рая заняла ее место за чертежной доской в бюро автоматизации. Михаил научил ее считать на логарифмической линейке, в первую очередь правилам определения порядка величины результатов умножений, делений, возведения в степень и извлечения корней. Рая была тиха и малоразговорчива. Она еще не была замужем, что выглядело довольно странно при ее внешности, просто обязывающей свободных мужчин добиваться постоянной близости с ней. Михаил так и не смог понять, чему Раю научили в техникуме, да это и интересовало его отнюдь не в первую очередь. Возможно, Раю тоже. Она заметно потеряла в зарботке, уйдя с конвейера, и когда Валя пришла из отпуска, Рая вернулась в цех. Они оба довольствовались безмолвной симпатией друг к другу. Но Михаилу было жаль, что Рая вернулась в мир потогонной эксплуатации ее психики и тела. Ей бы уместней было находиться в другой обстановке, но, к сожалению, классовая политика партии и правительства обеспечивали преимущества для людей

физического труда, а не умственного. Вряд ли у Раи мог появиться мощный стимул к тому, чтобы переменить свой социальный статус. Похоже было, что она настолько привыкла к потогонке, что почти перестала ее замечать, а интеллектуальный труд изнурял ее куда заметнее. Что тут было сказать, кроме как: «Каждому – свое» – что Михаил и сделал.

В технологическом отделе было несколько молодых девушек – чертежниц-копировщиц. Они с блеском переносили тушью на кальку изображения с карандашных чертежей, с тем, чтобы с полупрозрачной кальки получать их светоконии. Одна из них, казавшаяся совсем юной Надя, была особенно хороша – милое личико, довольно длинные завитые светлые волосы, ладная, будто точеная фигурка – вроде бы все в ней было путем, комильфо, только уж слишком сильно делало ее похожей на пригожую куколку. С ней можно было легко разговаривать о мелочах, но о серьезных вещах, казалось, не стоило и пробовать. В Надином лице отражалась если не наивность, то что-то близкородственное ей, свидетельствующее о ее внутреннем желании не обременять свою голову мыслями и проблемами сверх тех, которые возникали по ходу ее невзыскательной жизни и которые приходилось постоянно решать. Михаилу было жаль и ее – как цветок, будущие семена внутри которого в нечто важное не произрастают.

Роза Шхалахова и Светлана Макарова приступили к работе в технологическом отделе за несколько месяцев до ухо-

да Михаила с завода электросчетчиков. Они вместе учились в Приборостроительном институте в Рязани. Первая была родом из Адыгеи, настоящая черкешенка, вторая – из Мордовии, из Саранска. Обе девушки были приятны на вид и в общении. Роза выглядела поживее – горский темперамент давал себя знать. Светлана была более сдержанной, но ее скромное обаяние ничуть не отодвигало Свету на задний план в сравнении с Розой. Светлана была мягче и милее. Михаил почувствовал к ней влечение, едва уловив, что Света равнодушна к нему. Не тонкая, но очень стройная, с прямыми темными волосами до плеч, ровная в движениях и гибкая, она нравилась ему как желанная представительница прекрасного пола, с которой приятно было бы не только танцевать, но забегать дальше по этой дорожке Михаил все-таки не собирался. Что он мог предложить Свете, не расставаясь с Леной? А Лену он никак оставлять не собирался. Едва начав совместное движение, они со Светой сразу оказались бы в тупике. Да и вообще – каково домашней по складу ума и воспитанию девушке вдали от дома без своего постоянного жилья чувствовать себя любовницей второго плана, в то время как она во всех отношениях заслуживала первого?

Поступать с ней бессовестно было немислимо. Михаил понял, что данную возможность обрести большую радость в жизни придется пропустить мимо себя, с сожалением, это определено, но мир, в том числе и семейный, устро-

ен не так, чтобы было позволено безнаказанно пренебрегать главным. А рисковать главным он никак не хотел и не мог. Однако мысль об упущенной возможности еще целые годы сидела в его голове. Пока он не узнал, что Света Макарова естественным образом перестала его любить – ей тоже требовалось счастье. Но это случилось через пару или тройку лет. А пока Михаилу пришло время расстаться со «Счетчиком», который спешно перепрофилировался в приборостроительный завод более широкого профиля. По этому поводу всему инженерному составу прибавили зарплату, но удержать Михаила уже ничто не могло. Он перестал быть «молодым специалистом», мог найти – и действительно нашел через бывшую Ленину одноклассницу новую работу с даже большими деньгами в Москве, где они уже жили в комнате, которую им оставили родители Михаила, получившие, наконец, новую однокомнатную квартиру. Представить, какое это было счастье в семье двух пожилых архитекторов (отцу уже исполнилось пятьдесят девять, а маме пятьдесят один год) можно было только, живя в «стране победившего социализма» – больше нигде. Но уж в ней-то случалось все в полном объеме в соответствии с нормой «сапожник без сапог»; архитектор или строитель без собственной отдельной квартиры; солдат без оружия в приграничной полосе в самый канун войны, к которой постоянно и безостановочно готовились всем государством; крупный полководец без военного образования и без способностей стратега-самородка; талантливый изоб-

ретатель, не имеющий возможности пробиться со своим детищем на производство и на рынок; художник любого типа, будь то живописец, скульптор, писатель, поэт или актер, не имеющий постоянных средств к существованию, если он непрерывно (или хотя бы преимущественно) не воспекает социализм и его вождей, словом все, кого товарищ Сталин гениально вел от одной всемирно-исторической победы к другой. И великому народу полагалось не безмолвствовать, как говорилось у Пушкина в «Борисе Годунове», а бурно радоваться и нескончаемо аплодировать имени величайшего вождя всех времен и народов при каждом его публичном упоминании (а попробовал бы кто-нибудь из выступающих не упоминать!). На этом всеобщем социальном фоне однокомнатная, но все-таки отдельная квартира с крохотной кухней и совмещенным санузлом действительно воспринималась не иначе, как счастье. А комната в коммуналке приняла новых постоянных обитателей, трех коренных москвичей, уроженцев столицы – Лену, Аню и Михаила. Собственно, с четырех лет он и рос и вырос в ней бок о бок с двумя другими семьями.

Когда Михаил в возрасте четырех с половиной лет оказался вместе с мамой в комнате ставшего ему настоящим отцом Николая Григорьевича Горского, остальные три комнаты в этой квартире занимали Матрена Семеновна Иванова – ткачиха с «Трехгорки» со своим мужем дядей Осипом, старшей дочерью Валею и младшим Витькой – они жили в ком-

нате чуть большего размера, а две другие занимали Шибаевы – Елена Васильевна и ее взрослый сын Николай Петрович, бывавший у матери только наездами. Общение соседей в основном проходило на кухне. Тетя Мотя с десяти лет работала «в фабрике» у Прохорова. Несмотря на то, что про капитализм и капиталистов по радио и в детском саду говорили только плохое, тетя Мотя отзывалась о временах правления фабриканта Прохорова, владельца знаменитого текстильного комбината «Трехгорная мануфактура», исключительно с теплотой, хотя это, казалось бы, совершенно противоречило здравому смыслу – с чего это девочке, эксплуатируемой с десяти лет, добрым словом поминать своего классового угнетателя? Но – никуда не денешься – все было именно так, Миша сам все слышал прямо от тети Моти. Он стеснялся спрашивать, почему так – он вообще был очень стеснительным ребенком – но что-то ему подсказывало, что раз тетя Мотя знакома с капитализмом лучше его, ее суждения нельзя было признавать в корне неверными – не на пустом же месте образовалось ее мнение. Дядя Осип работал в типографии. Он приносил с работы много образцов продукции своего предприятия. Чаще всего это были разнообразные цветные портреты товарища Сталина или групповые сюжеты с его участием. Временами дядя Осип скандалил, требуя от жены денег на пьянку, но, поскольку она успевала отдать семейные деньги на сохранение родителям Михаила, денег он так и не находил, а зло по этому поводу сры-

вал на жене. Несмотря на подобные происшествия, Валя росла хорошей девочкой. В год появления Миши она уже училась в четвертом классе, в то время, как ее брат Витька ходил только в первый. Его явно не устраивала ни скука учебы, ни убогость быта, а во дворе блатных наставников воровского дела было хоть отбавляй. Они устраивали заседания-сборы на лестнице то в одном подъезде, то в другом. Пройти между плотно сидящими на ступеньках парнями было не просто и, наверно, небезопасно, а занимали они марш между двумя этажами. Однако своих они не трогали. Вот именно в их среде юный Витька чувствовал себя вполне хорошо. Воровал ли он раньше, Миша не знал, но вот как раз именно он послужил объектом Витькиного стремления обогатиться за чужой счет, и сделано это было искусно, с использованием методов психологии.

Как-то во время болезни Миша лежал днем в кровати один. Болезнь была не очень сильная, скучно было очень сильно – и тут к нему пришел Витька и великодушно предложил с ним поиграть в прятки. –«А как играть?» – удивился Миша, которому запретили вставать с постели. –«А ты укрывайся одеялом с головой, а я тебя буду искать.» И у Миши не возникло ни малейших сомнений, что это нормальная поисковая игра, хотя он понимал, что не будет покидать постели. Видимо, в его еще совершенно детском мозгу уже поселилось что-то в духе теории относительности Эйнштейна: прежде всего для игры такого рода важно, чтобы

до поры одна сторона не могла видеть, где находится другая, и он, ничтоже сумняшеся, без дальнейших уговоров согласился стать на время невидящей стороной, и нырнул с головой под одеяло. Ему было слышно, как Витька то открывает дверцы шкафов, то отодвигает ящики письменного стола. Витька искал его по всем этим закоулкам очень долго, и Миша крикнул ему, чтобы он его искал быстрее. Витька поспешно ответил: «Щас, щас!» и все-таки снова застрял у письменного стола. Наконец, Витька махом пересек комнату, подскочил к кровати и сдернул одеяло с детской дурной головы. Вскоре он ушел. Через какое-то время явились родители. Сразу ли, или по прошествии времени отец, Коленка, что-то тщетно проискавши в столе, обратился к маме, а та в свою очередь спросила: «Миша, а сюда к тебе никто не заходил?» – «Нет, никто. Только Витька приходил со мной поиграть.» – «А как он играл с тобой?» – снова спросила мама, и Миша рассказал, как. Оказалось, что после «игры» в столе больше не было ни денег, ни облигаций беспроектного «золотого займа». Витька увел все подчистую. После того, как родители сообщили обо всем Матрене Семеновне, она сама провела следствие. Из комнаты Ивановых слышались громкие вопли Витьки, которого мать твердой рукой порола электрическим шнуром. Но и такая наука не пошла Витьке впрок – привлекательность воровского промысла уже значила для него больше всего остального. Он быстро преодолел дистанцию от пригостишки в лестничном классе до слуша-

теля тюремных университетов. Тетя Мотя страдала, но изменить хоть что-то в поведении сына так и не смогла.

Этим путем последовали многие юные жители их дома. Начавшаяся война, правда, сильно изредила их ряды – сначала многие из старших подростков дежурили на крышах и сбрасывали с них или совали в песок маленькие бомбочки-зажигалки с термитной начинкой, горевшей ярким огнем, потом их отправили на фронт, откуда явились назад очень немногие. Но Витька под военную мобилизацию по возрасту не попал, его замели в заключенные. Дядя Осип пропал на войне, Валя работала по двенадцать часов в смену на военном заводе токарем-револьверщицей. Когда Михаил услышал об этом, он исполнился к Вале дополнительным уважением (как же! – револьвер – это звучит гордо!) и лишь в студентах во время станочной практики он понял, что токарно-револьверные станки позволяли привлекать к такой тонкой обработке, как токарная, наименее квалифицированных людей, потому что у таких станков все нужные для обработки тех или иных поверхностей деталей инструменты были установлены на револьверной головке и уже готовы к действию без дополнительной настройки. Впрочем, уже в 1943 году Валу отпустили с завода, и она поступила учиться в техникум. Еще раньше в том же 1943 году Миша с родителями вернулся из эвакуации из Чимкента. В квартире находились тогда из жильцов только тетя Мотя, Валя, да Витька между двумя отсидками. Елену Васильевну он больше так

никогда и не увидел, она была добра к нему – угощала сладкими пирогами, когда пекла их для себя, а на день рождения подарила красивую всю в пестрых пятнах чашку с блюдцем. В комнатах Шибаевых жили несколько офицеров, но когда вернулся Николай Петрович, их быстро переселили куда-то еще. Николай Петрович по-прежнему бывал в квартире только наездами, потому что жил со своей женой Татьяной Васильевной и дочерью Галей в подмосковной Перловке на даче. Однажды зимой, когда из Шибаевых никого не было, позвонили и вошли два солдата. В одном из них мама Миши признала Валу Шибаева, сына Николая Петровича. Их часть везли эшелоном на фронт через Москву, вот Валя и отпросился с другом повидаться с родными. Признать Валу было непросто не только потому, что он вырос и повзрослел, но и потому, что в этот вечер в доме отключили электричество – это было в порядке вещей. На такой случай у всех имелись так называемые «коптилки», представлявшие собой небольшую баночку или бутылочку, на горлышко которой помещался жестяной держатель фитилька, опущенного в керосин. Название осветительного прибора вполне соответствовало его главному свойству – сильно коптить. В слабом свете язычка пламени на кончике фитиля (главное достоинство – ничтожно малый расход керосина) все-таки можно было что-то видеть и недолго, с натугой, читать. Тут и речи быть не могло, чтобы Валя сумел добраться до семьи или как-то вызвать их из загорода – за опоздание в часть

можно было полатиться жизнью, но и отпускать служивых ребят, почти родных, которые перед фронтом зашли в родной дом бабушки одного из них, не солоно хлебавши, было невозможно. Мишина мама угостила их тем, что нашлось в доме. Ребята, и без того понимавшие, как живется людям в тылу, сейчас тем более понимали, что скудная еда в почти полной тьме – это все, чем их в состоянии приветить люди, искренне желающие им выжить и победить. На прощание Валин друг подарил Мише на память самопишущую ручку с золотым пером – дорогую вещь, с которой он, видимо, не смог расстаться, уходя в армию. Правда, в каких-то перипетиях пластмассовый корпус ручки сломался, но все равно Миша чувствовал, что это в любом случае ценный дар независимо от того, удастся ли склеить воедино обе части корпуса. Не так уж много представлял себе тогда Миша, ученик четвертого класса, каков был на самом деле огненный каток войны, но щемящее чувство при прощании с этими повзрослевшими мальчиками охватило не только старших обитателей квартиры, но и его. Не было никакой бравады и со стороны отбывающих на фронт ребят – шел уже третий год войны, и она никак не кончалась. Да и как ей было окончиться, если немцы еще держались во Ржеве, в соседней с Москвой Калининской области, и громадные территории дальше к западу еще предстояло отбивать и отбивать. Валю Шибалева Миша так больше никогда и не видел, как и его бабушку – добрую Елену Васильевну – но та-то хоть очень пожи-

лая была. А вернулся ли назад с фронта друг Вали, подаривший ту сломанную авторучку с золотым пером, которую так и не удалось прочно склеить пахучим клеем «Синдетикон», оставшимся в тубике с довоенного времени, Миша не имел представления. Но и о нем он вспоминал не реже, чем о Вале. Вот только как его звали – забыл.

Прощание с близкими коллегами по заводу электросчетчиков вышло не из веселых. Михаил давал отвальную у себя дома в Москве. В комнату не без труда втиснулись те, с кем он бок о бок провел от года до трех с половиной лет. Правда, самого близкого среди них человека уже не было – Соломон Мовшович ушел с завода еще раньше. Остающимся не улыбалось остаться без сотрудника, который, пожалуй, как никто другой доказал свою готовность противостоять беспардонному поведению начальства и даже способность побеждать. Михаил ничего не делал специально для того, чтобы завоевать популярность в чьих-то глазах. Если ему удавалось что-то совершать, то это определялось его собственными побуждениями в своих личных интересах, а не в интересах какого-либо общества. В стычках с начальниками он защищал себя, свое достоинство, не ставя перед собой задачи добиваться справедливости для всех. Его даже немало удивило, когда стало видно, что его рассматривают в качестве защитника интересов других сотрудников. Максимум, чего он заслуживал в качестве фигуры, имеющей общественную значимость, было то, что его поведение в ка-

ком-то смысле можно было считать примером для других, покуда безмолвных, но не больше, а так его вроде как награждали лишним чином. А ведь про себя он твердо решил не посвящать свою жизнь так называемому служению обществу – собственный опыт убедил его в том, что это – прямой способ пустить ее враспыл без всякого толка для всего, о чем думаешь, как о своем призвании. Мысли такого рода он не высказывал вслух, но последовательно и постоянно бороться с системой бескультурного угнетения себе подобных не собирался. У него не было сомнений, что таким образом систему нельзя одолеть. А тут сложилось одно к одному, чтобы как можно скорей расстаться с работой на «Счетчике». У них с Леной появилась своя, только своя, комната в Москве, Михаил уже начал писать свою первую повесть – и это стало для него главным делом жизни; Лена работала в Москве – туда надо было перебираться и ему, чтобы не тратить лишнее время на переезды из Мытищ в Москву и из Москвы в Мытищи каждый Божий день. Работа над повестью стала для него большим испытанием – он увлекся своим замыслом всерьез, но рассчитывать на простое изливание своих мыслей и чувств на бумагу не приходилось. Во-первых, задача была не проста – он ни много – ни мало хотел решить в этой повести на фоне жизни в алыплагере, в трудах на восхождениях и в постоянных мыслях о своей любви найти путь, каким стоило идти по жизни дальше вместе с Леной или без нее. Во-вторых, ему самому по ходу написания за-

думанного надо было научиться писать так, как того требовал жанр, в котором он себя еще не пробовал, поскольку было ясно, что повести и романы пишутся иначе, чем небольшие рассказы, которые ему уже вполне удавались. Стилистика зависела от размера вещи, от разнообразия задеваемых тем и от многого другого, с чем предстояло столкнуться в процессе работы – в этом Михаил не сомневался, равно как и в том, что ему предстоит добиться единства в звучании и воздействии всего, о чем он будет говорить в повести, чтобы он имел право считать работу сделанной как следует – и в первую очередь для себя.

Наконец, в-третьих, он понимал, что сможет заниматься литературной работой только дома, после работы по найму ради зарплаты, а то, что она будет взыскивать с него немало жизненных сил и утомлять, даже если не будет особенно изнурительной – нервное напряжение из-за недовольства своей участью, когда общество заставляет его заниматься не тем, ради чего он явился на этот свет, было гарантировано наперед. Следовательно, ему «светило» постоянное переутомление, пожалуй, даже большее, чем у Соломона, когда он работал на заводе и учился на мех-мате.

Михаил твердо знал, что будет изо всех сил добиваться от себя осуществления задуманного, хотя лишь отчасти представлял, во что это выльется на самом деле, однако без такой безоглядной, вымучивающей всё нутро работы уже не видел для себя будущего, в котором мог бы себя ува-

жать. Без этого было бы как без походов и восхождений, даже как без любви, а без того и другого и третьего жить не имело смысла определенно. В таком вот начальном состоянии Михаил пребывал в тот момент, когда расставался с товарищами по работе на заводе. Конечно, смысл его ухода они понимали, хотя и не ведали всех причин. Уже одно выматывающее катание на электричках с подходами и подъездами к ней буквально выдирало из жизни ежедневно два с половиной, а то и три часа, тогда как в Москве на это в среднем уходило около полутора. Но и остающимся на «Счетчике» было бы приятней мириться со своей рутинной вместе с ним, и ему было приятно видеться и разговаривать именно с ними: с Вале́й Пресновой, Светой Черевик, Розой Шхалаховой, Светой Макаровой, супругами-техниками с Кубани Альбертом и Бэлой, с Юозасом Кершисом, у которого не только жена, но и теща тоже трудились на заводе. Собственно, любовь к Руфе и занесла Юозаса из Литвы в Мытищи. Он был на несколько лет старше Михаила и во время войны уже привлекался по возрасту к ночному патрулированию улиц в своем поселке, где, правда, оказывался самым младшим в патрульной команде. Патрули функционировали с согласия или даже по инициативе немцев, но каковы были отношения между ними и литовцами, достаточно красноречиво говорил такой случай. Однажды им встретились по пути двое подвыпивших немецких военных в форме. Один из них, обращаясь к другому, сказал: «Смотри,

вот идут литовские собачки!» Это было последнее в жизни, что он сказал и что его спутник услышал. На их беду в литовских гимназиях хорошо преподавали немецкий язык. Старший по возрасту гимназист, шедший с ручным пулеметом в руках, вскинул ствол и одной очередью срезал обоих, а потом без остановки проследовал по улице дальше. За ним не заржавело бы отправить к праотцам любого «освободителя», откуда бы он не пришел – с востока или с запада, с севера или с юга, особенно если он приходил с нескрываемым сознанием собственного превосходства над аборигеном. Интересным оказалось из рассказанного Юозасом и другое – о том, каковы в Литве были наказания за самые серьезные преступления. Скажем, за убийство приговаривали к заключению всего на три года. Однако родственникам убитого после суда сообщали, по какой дороге в телеге повезут осужденного в город. Выбор места засады и приведения в исполнение приговора, разумеется, своего собственного, оставалось за ними. Судя по всему, практика была эффективной. А насчет чувств литовца как носителя родного языка в условиях пусть не враждебной, но иной культуры можно было понять из следующего. Во время бракосочетания с Руфой в ЗАГСе им, согласно заявлению брачующихся, должны были присвоить одну фамилию, что по русским понятиям означало «Кершис» и для него, и для неё. Юозас изо всех сил старался внушить (а по-русски он говорил даже без акцента, только с какой-то несвойственной русскому ритмикой),

что в Литве женщину с такой фамилией засмеют, что она не женская, а мужская, что для замужней женщины она обязательно будет Кершиене, а для девушки – Кершите. Ничего не помогало, в ЗАГСе ничего не желали знать, пришлось обращаться в постоянное представительство Литвы в Москве (нечто вроде внутрисоюзного посольства в Москве), и только тогда Литовская грамматика, наконец, нашла свое воплощение на русскоязычной бумаге. С Юозасом у Михаила не возникло близкоприятельских отношений – парень был не очень открытый, к тому же держался с начальством не без некоторого подобострастия, для которого не могло быть найдено никаких оснований, кроме желания беспрепятственно делать карьеру (а этого Михаил никак не принимал), но все же и не вполне откровенное общение бывало интересным с человеком «со стороны», тем более, что если Юозас рассказывал не обо всем, о чем мог говорить с посторонними без боязни, то уж, когда говорил, то не врал.

На прощание коллеги вручили Михаилу подарок, соответствующий, по их представлениям, его походным увлечениям: складной походный столовый прибор – ложка, вилка и нож в одном блоке и солдатский котелок-манерку. Это было трогательно и свидетельствовало о том, что ему действительно хотели сделать приятное.

Михаил переводил глаза с одного лица на другое, мысленно надолго, если не навсегда, прощаясь с каждым, особенно долго – со Светой Макаровой. Он даже чувствовал нечто

вроде вины за то, что она его любит, а он ее – нет, хотя тоже может, но не позволяет себе, а вот теперь покидает совсем. Они все вместе пили за удачу на его будущей работе; за то, чтобы и им, оставшимся на «Счетчике», который готовился перестать выпускать электросчетчики и вместо них производить другие приборы, тоже стало лучше; за то, чтобы их дружба не прекратилась с его уходом с завода, в общем, за все, что является предметами взаимных пожеланий оставляющих и остающихся почитай что всем ото всех, кому разлука небезразлична, кому она наносит удар или ущерб, хотя сулит открыть новые перспективы с другими людьми в неведомых покуда условиях и обстоятельствах. Для Михаила это уже означало, что он покидает один круг людей и скоро должен будет войти в какой-то другой. Для всех его коллег с завода электросчетчиков это была в той или иной степени потеря – например, потеря собеседника, с которым можно было говорить откровенно и без опаски, что он использует это во вред говорящему, или потеря поднаторевшего в использовании своих знаний инженера, понимающего, что почему в реальном производстве и умеющего находить неожиданный, но ловкий выход из затруднительных положений. Михаил действительно за три с половиной года работы на заводе обрел в себе такую уверенность, что теперь совсем не заботился о том, чтобы найти себе новую работу по знакомому профилю, полагая, что быстро освоится на любой. Разработанные им «технические усовершенствования» (была такая

категория новаций между «рационализаторским предложением» и «изобретением») были внедрены на заводе и получили распространение еще и на ряде других предприятий. Начальство технологического отдела, враждебно настроенное к нему за независимое поведение, не смогло воспрепятствовать появлению его фотографии на доске лучших рационализаторов завода, а когда оно решило, что физиономия Михаила уже достаточно долго маячила перед их глазами на этой доске и предложило инженеру БРИЗ (бюро по рационализации и изобретательству) убрать ее оттуда, возглавляющая бюро Анна Соркина дала решительный и принципиальный отпор: «У вас есть другая кандидатура с большими заслугами? Нет? Тогда до свидания!» Это, конечно, не являлось особо важным профессиональным признанием для Михаила, но душу все-таки радовало. И еще на душе у него становилось хорошо от сознания, что не он один утирает нос паскудному начальству, хотя бы и с его, Михаила, собственной помощью.

Да, каков будет характер его новой работы, его особенно не заботило. И все же Михаил не ожидал, что случайный выбор занятий в неизвестно чем занимающемся почтовом ящике до такой степени сильно отклонит его во всей будущей работе по найму в сторону от того, к чему он готовился в институте и что ему, пусть и не очень определенно, рисовалось на профессиональном поприще инженера-механика. Он пришел поступать, насколько ему было известно, в опыт-

ное конструкторское бюро (сокращенно ОКБ), где ему предложили должность инженера-конструктора. Чем должен будет заниматься конкретно, при найме не сказали – ну так естественно! Режим секретности! Потом разберемся! Когда оформился и приступил к работе, и впрямь разобрался – попал в ОКБ, да не в то. Во-первых, это оказалось ОКБ по стандартизации авиационной техники. Кое-какие конструкторские работы по созданию отраслевых нормалей на основе унификации ходовых, наиболее часто применяемых в различного вида изделиях деталей и узлов – от крепежа до элементов трубопроводов и электрических цепей, но это было отнюдь не оригинальное конструирование, а вторичное – просто наиболее приемлемое для возможно более широкого круга потребителей в лице проектировщиков действительно новой техники. Такого рода конструирование было абсолютно неприемлемо для Михаила – если что-то и интересовало его в профессии инженера, так это создание чего-то нового и лучшего, чем уже известное. Но и такой работы в той конструкторской бригаде, в которую он был зачислен «вслепую», ему не поручили – и не потому, что он не мог бы с ней справиться, а потому, что именно в этой бригаде ею совершенно не занимались. Именовалась она бригадой общетехнической документации. В чем был предмет ее работы, ему объяснил ее руководитель и будущий учитель – почти гуру Михаила – Николай Васильевич Ломакин. Он был действительно настоящим инженером-конструктором.

ром, хотя и без диплома, причем прошедшим школу в ОКБ и институтах, возглавляемых почти половиной всех известных генеральных и главных конструкторов авиационной техники. Сейчас в ведении бригады была система чертежно-го хозяйства, в соответствии с которой должны были готовиться документы на опытные изделия и рабочие чертежи для их серийного производства. Тут было переплетено множество вопросов, касающихся не только правил оформления чертежей и использования нормализованных предметов производства, но и тех, которые предопределяли техническую, а отчасти и бюрократическую сторону взаимоотношений между заказчиками и проектировщиками, между генеральными и главными конструкторами летательных аппаратов, приборов и агрегатов и их поставщиками. В этой же бригаде занимались и вопросами, смежными с собственно нормализацией – регламентировали состав и характер документов, которые должны были сопровождать изделия авиапрома от стадии проектирования до их практического использования – вплоть до времени официального снятия их с эксплуатации. Обычно на такую работу шли люди пожилые. Одни – потому что именно они с их колоссальным практическим опытом разбирались в сложнейших ситуациях, складывающихся между взаимодействующими звеньями промышленности в условиях, когда каждое звено предпринимало максимум усилий, чтобы не отвечать за фатальные случаи авиационных катастроф. Другие – потому, что и просто конструкторы.

торами они были слабыми, неспособными к новациям и искали себе в стандартизации тихое место в преддверье ухода на пенсию. Образцовым представителем второй, куда более многочисленной когорты, нежели первая, можно было считать нормоконтролера Перлова. Невысокий, довольно грузный, с широким несколько обрюзгшим лицом, он, казалось, в своем постоянном флегматическом настроении был безразличен ко всему на свете – и к людям, и к работе (за исключением жалования, премий и «тринадцатой зарплаты» за выслугу лет). В основном же он казался Михаилу совсем пустым местом, равно как и пустым бессодержательным человеком, но со временем выяснилось, что это не так. Внутри Перлова жила и своим горением держала его в этой жизни мечта – выйти на пенсию и жить на даче так, как хотелось душе: вставать рано, спокойно покуривая, смотреть на зарю и рассвет, на то, как восходит солнце, немного – в удовольствие – поработать в огороде или саду, поесть, отдохнуть, снова выкурить сигарету, снова сколько-то потрудиться на земле – упаси Бог не переусердствовать! Это в его годы и при его здоровье явно опасно! – пообедать, почитать книгу или газету, уснуть за этим делом в кресле, потом очнуться посвежевшим, выпить молока или чаю, пойти погулять, потому что в предвечернее время уже не так жарко, солнце так ярко не печет, потом поужинать и вскоре лечь спать.

Только это давало ему силы жить и ждать. Через несколько лет, когда Михаил уже не работал в ОКБС, ему сказали,

что Перлов таки дожил до пенсии, донес таки свой энтузиазм до возделенной черты, отделявшей прожитую паскудно жизнь по принуждению со стороны общества от новой жизни, в полном соответствии с мечтой. Он даже перешагнул через эту черту, но в первый же ее день, переполненный воодушевлением от сознания, что теперь он освобожден от волюнки рабского труда (пусть несложного, но все равно рабского), он умер прямо на своем дачном участке – именно там, где ему в мечте рисовалась бесконечная череда радостных лет, когда жизнь, наконец, сделалась почти райским удовольствием, если считать рай возможным при скромной, но все-таки максимально возможной пенсии в сто двадцать рублей плюс десять процентов за отработку свыше десяти лет на одном месте. Но вот когда ему уже совсем не хотелось думать о встрече со смертью, она как раз и пришла. Какой урок можно было извлечь из жизни Перлова? О его участии наверняка задумался каждый из его оставшихся в живых коллег. Не мечтай о будущем перед тем, когда тебя отправят в тираж? Но разве человек способен не мечтать?

Алексей Баронкин, тоже нормоконтролер, почти наверняка был именно такого мнения – руководствоваться мечтой все-таки нужно. Из этого следовало, что надо жить на всю катушку, пока это возможно, ничего не откладывая в долгий ящик, тем более, что он пришел к такому выводу много раньше Перлова. На фронт Леша Баронкин попал после окончания курсов военных переводчиков, служил при шта-

бе, особенно ничем не рисковал. Был молод, полон жизненных сил и желания как можно чаще приносить удовольствие себе и девушкам, которых военное лихолетье заставило сделаться машинистками, связистками, медсестрами в форме, но все равно оставшихся под ней с таким милым и даже великолепным мирным содержанием, и потому военный переводчик Баронкин абсолютно искренне считал годы страшной войны лучшим временем своей жизни. За что ему так воздалось, он не знал и даже не очень задумывался. По его словам, он всерьез испугался только однажды, когда после утомительного дня и небольшого возлияния с приятелями и приятельницами (а он уже любил хорошо поддавать), прилег где-то на некошенной мягкой траве под вечер и заснул, а проснулся оттого, что над ним с дьявольским скрежетом низко проносились огненные снаряды «Катюши». Как их подвезли, он не слышал, не видел – короче совсем прозевал, но теперь решил, что пришел его смертный час – вдруг снаряды пойдут в недолет и испекут его до угольного состояния. Однако обошлось. Он даже без последствий для дальнейшего хода службы сумел отбояриться от работы в особом отделе, куда его приглашали приятели, с которыми он выпивал. Он сказал, что хочет посмотреть, что это за работа, прежде чем соглашаться. Ему дали посмотреть. После предоставленной пробной практики он замахал руками: «Нет! Нет!» – и тем избавил себя от травмирующих психику картин допросов с пристрастием, для кото-

рых оказался nepозволительно мягок. А уж после разгрома Германии, когда его поставили комендантом в небольшом немецком городке, жить стало лучше прежнего. В красивых немках, с которыми при их полной и страстной готовности делать для него что угодно, недостатка не было. Херр комендант мог рассчитывать на благосклонность почти любой. А что удивительного? В большинстве эти женщины истосковались без своих мужиков – кого убили, кто еще не вернулся из плена, наличных было всего ничего, а он, херр комендант, был молод, весел, не жаден и не только брал их, как и когда хотел, но и давал, зная, что они тоже этого хотят не меньше, чем он, и их близость предварялась или завершалась приятным застольем. Для них было еще и то хорошо, что он мог говорить с ними о чем угодно, в том числе и об их общих чувствах, на их родном языке. Однажды одна из его особенно приятных любовниц, сказала ему, прибежав на свидание: «Милый! Сегодня в последний раз! Завтра я выхожу замуж!» – Баронкин даже обрадовался за нее – славная была фройляйн, грех на нее было обижаться, тем более, что на прощание старалась так, словно стремилась насытиться на неделю, а то и на месяц вперед. Перед расставанием, перед последними поцелуями – точнее – среди них – он искренне пожелал ей супружеского счастья, убежденный в том, что она этого действительно стоит, будучи искренней, страстной, постоянно влекущей и потому не желающей разделять мужчин на своих и на врагов. Да и не был он ей вра-

гом никогда, ни одной секунды – все было по дружбе, по взаимному желанию, можно сказать – по любви. А что до того, что она теперь должна была исчезнуть из его интимной жизни, так разве это плохо? Ведь есть же другая, да и при ней уже были другие и нравились они ему по большому счету не меньше – в чем-то она превосходила других местоблюстительниц Баронкинской постели, в чем-то кто-то из них превосходил ее – стало быть, в целом он не рисковал упустить от себя этвас безондерс, нечто особенное, хотя все равно был благодарен ей за желание облегчить ему предстоящий, по ее мнению, «переходный период». Да, такого после победы у него уже больше никогда не было на родине – скудная зарплата, не рассчитанная на регулярные выпивоны, работа, от которой тошнит со скуки, безысходность почти во всем. Единственная отдушина – женщины, но уже не те, какие были у него на фронте, тем более в Германии – постарше, поспокойней, посдержанней да и поскупее на ласку и угощение. На работе он для всех своих коллег, несмотря на возраст, был по-прежнему просто Лешка, а это – совсем не то, что херр комендант. Перспективы не видно никакой, позитивные перемены ниоткуда не светят. Он понимал, что это не только незавидное, но и опасное состояние, из которого кое-кто находит выход только в одном – по своей воле уйти в мир иной. К счастью, Баронкин был не только слабовольным человеком. Но одновременно и сильным, потому что ему очень хотелось жить – хотя бы так, как по-

лучалось в так называемое мирное время. Он по сути своей был вполне готов не придавать убийственного значения факту, что максимум радости и жизненных благ остался у него в далеком прошлом. У многих не было ни такого прошлого, ни даже такого настоящего. Особенно у тех, кто так и не вернулся с войны.

Еще одним видным представителем той же когорты можно было считать Георгия Александровича Корюкина. Он, правда, очутился в бригаде много позже, хотя ко времени появления Михаила уже работал в другом отделе ОКБС. Ему шел шестой десяток лет, но обладатель сего почтенного возраста гордился, что он еще вполне свеж, и женщины для него – еще отнюдь не воспоминание. Георгий Александрович был по-домашнему, почти наивно открытым человеком. Несмотря на то, что он не блистал красотой – волосы стали реденькими, уши как-то смешно и странно торчали, словно принадлежали какому-то существу из чертовской породы (хотя на самом деле ничего чертовского в его сути не имелось) лицо довольно грубой лепки (хотя, опять-таки, сам он отнюдь не был груб) – он считал, что не утратил своей привлекательности для женщин и, судя по его рассказам, действительно не испытывал дефицита в этом деле. А врать он был не горазд. Чаще всего в его рассказах фигурировала дама по имени Малютка. Корюкин не скрывал, что он интересуется ее не только как действующий мужчина, но и как обладатель приличной зарплаты, которого она

была вполне в состоянии «высадить» на поход в ресторан или на какой-то серьезный подарок. Видимо, в соответствии с его взглядами это было в порядке вещей. После одной командировки на какое-то совещание в Ленинград он вернулся обратно в состоянии, близком к потрясению. По его признанию, он познакомился там с такой москвичкой, что все ее достоинства просто трудно описать. После одного из заседаний многие его участники приняли участие в экскурсии в Русский музей. Заметив, что впечатлившая его москвичка, Мария Акимовна, откололась от группы, он тоже постарался незаметно отстать, чтобы затем приблизиться к ней. Михаил чувствовал, что Георгий Александрович о чем-то не договаривает – это из него прямо-таки просилось, только он не хотел выглядеть хвастуном, а потому он помог ему разрядиться распирающей информацией вслух: «Она не отвергла ваших ухаживаний?» И Георгий Александрович коротко, но с гордостью ответил: «Нет!» – и при этом лицо его светилось торжеством. – «Поздравляю вас!» – отозвался Михаил и услышал в ответ признательное: «Спасибо!» Нет, Георгий Александрович не был ни туп, ни фанфаронист. Он просто не хватал с неба звезд, а если и хватал, то ими могли быть только женщины. А в работе он проявлял склонность только к аккуратному канцеляризму. Даже отрывать кусочек от листа бумаги он старался ровненько, по линейке, клеил бумагу очень тщательно и испытывал явное удовольствие от того, что все удавалось. Пожалуй, по образу действий, прису-

щих его натуре, он был ближе к чиновникам Гоголевского времени, чем к современности, когда обладание хорошим почерком и писчебумажное усердие ценилось и воспринимались начальниками как высшее свидетельство профессиональной компетентности служащего. Но с тех пор требования к подчиненным возросли. Им не только порой разрешали самостоятельно думать, но иногда и заставляли их делать это. Чтобы оградить себя по возможности от подобных неприятностей, Георгий Александрович по собственной инициативе взял на себя назначение условных индексов предприятиям авиапрома, где разрабатывались и производились приборы и агрегаты. Эти индексы украшали обозначения чертежей, выпускаемых каждым данным предприятием и «обезличивали» их принадлежность к своим разработчикам. Естественно, эта операция имела секретный характер, и Корюкин с достоинством в необходимых случаях отправлялся в первый отдел за своим секретным металлическим спецчемоданом. У Михаила имелось подозрение, что в исполнении этой процедуры Георгий Александрович сам находит подтверждение значимости своей работы, а не только демонстрирует ее другим.

По существу всю серьезную содержательную работу в бригаде до появления Михаила вел один Николай Васильевич Ломакин с помощью другого инженера с дипломом только техника – Александра Никитовича Свистунова. Он тоже был опытным инженером-конструктором, хотя и не та-

ким многоумудрым и многоопытным асом, как Николай Васильевич, который не только взял Михаила под свою опеку «как сына» (это были его подлинные слова), но и сходу стал ему давать разные самостоятельные задания. Сначала он поручил молодому (неприлично молодому для столь серьезной бригады) сотруднику заняться пересмотром и корректировкой так называемой «разбивки» летательных аппаратов на «основные конструктивные группы», причем не только для самолетов, как было предусмотрено давно уже действующей отраслевой нормалью, но также и для вертолетов и ракет. В соответствии с установленной стандартной разбивкой везде в авиационной промышленности все части и системы летательного аппарата, имеющие одну и ту же определенную функцию в любых машинах, независимо от их конкретного назначения и организации разработчика получали одни и те же двузначные номера, которые входили составными частями в обозначение любого чертежа и любого предмета производства вслед за условным индексом самого летательного аппарата. По начальным компонентам обозначения можно было сразу понять, к какой части летательного аппарата относится данная вещь: к фюзеляжу, центроплану, крылу, двигательной установке, к шасси, системе управления, вооружению, гидравлике, спасательному оборудованию или чему-то еще. Это было основой предметной системы обозначения конструкторской документации, то есть системы разборки целой машины на ее составные части. Ми-

хаил подготовил проект существенного расширения отраслевой нормали, предварительно объездив несколько самолетных, вертолетных и ракетных ОКБ. Николай Васильевич остался доволен работой, хотя к этому моменту, задетый каким-то конфликтом с руководством ОКБС, подал заявление о переводе с должности начальника бригады в должность инженера-конструктора I категории. Он терял десять рублей в зарплате, зато освобождался от ответственности за принятие решений, которых не одобрял. Михаил терял с уходом Николая Васильевича несравненно больше. Во-первых, терял начальника, который на самом деле относился к нему как к сыну, учил, не назидая и доверяя серьезные дела. Во-вторых, лишился надежды на скорое повышение оклада, хотя и без того был обманут при приеме на работу на пятьдесят рублей против оговоренной с ним начальной суммы. Нечего было и думать, что новый начальник, пришедший со стороны, будет, не зная его, сразу же хлопотать о повышении ему зарплаты – тем более такому молодому. А Сергей Васильевич Подгорнов был именно человеком со стороны. Он давно работал в авиапроме после окончания Казанского авиационного института, но, судя по его принципиальному подходу к решению технических вопросов, хорошим конструктором никогда не являлся. А принцип его инженерного поведения был прост: я предлагаю сделать то-то и то-то; если вам, товарищи начальники, не нравится, скажите, что и как сделать вместо этого – я сделаю. Сергей Василье-

вич, простая душа, считал, что придерживается тем самым беспроектной стратегией – дескать, вы ответственные руководители, а не я – что хотите, то и получайте – ешьте и пачкайтесь! В его честной, надо признать, голове не находилось места для простой мысли – начальство способно вредить тому, кто делает, ничего не предлагая взамен, но возлагая ответственность за исполнение отвергаемого им варианта все равно на этого же самого автора отвергаемого предложения. Это понимали все, кроме наивного Сергея Васильевича, не представлявшего, что из каких-то соображений руководители могут тормозить живое дело, а то и буквально гробить его по любой из причин, входящих в большой «джентльменский набор» советского руководителя: например, боязнь принимать на себя ответственность за любой вариант решения, если оно может быть реализовано, а потом вдруг станет объектом критики; например – бессовестная зависть к человеку умнее и дальновиднее тебя, что в принципе может привести к взаимной перемене мест на службе, а этого никак нельзя допускать; например – немотивированный каприз руководителя, имеющий только одну цель – показать подчиненному кто есть кто в данном заведении и кому позволительно умничать, а кому абсолютно запрещено.

Михаил, никак не уважавший рабочую политику Подгорнова, все же жалел его, как честного человека, становящегося игрушкой неприличных начальственных игр. На одном из собраний в отделе, где критиковалась работа Сергея Ва-

сильевича, Михаил высказался в его защиту. Этого Сергей Васильевич никак не ожидал. Про себя он давно записал Ломакина и Горского если не в диверсантов, то по крайней мере в скрытых противодействователей всем его инициативам, а в итоге нашел сочувствие и защиту только от них.

Обиженный и оскорбленный, Сергей Васильевич ушел из ОКБС. Время от времени он звонил Михаилу домой и спрашивал сначала одно и то же: «Ну как она ничего?» Ему было явно одиноко и нелегко. Обращаясь к бывшему подчиненному, он словно пытался опереться на что-то вне себя, потому что одну из его собственных опор из-под него выбили именно на глазах у Михаила. Между тем Михаил лишился и второго начальника, в глазах которого тоже сумел положительно зарекомендовать себя, а безденежье уже буквально душило семью. Бригаду влили в другой отдел, занимавшийся подготовкой и изданием информационных карт об изделиях для бортового оборудования летательных аппаратов. Возглавлял его Осип Григорьевич Гольдберг – шумливый и деятельный человек, в прошлом, еще при Сталине – заместитель начальника агрегатного главка в министерстве авиационной промышленности. От сталинской эпохи у него осталась привычка громко распекать подчиненных, правда, как свидетельствовали старожилы, пропала другая – ходить в полувоенной форме, как было принято в качестве хорошего тона при старом хозяине. Николай Васильевич первым понял, чем чревато переподчинение бригады именно для Ми-

хаила – новой отсрочкой повышения в должности и окладе. Он прямо объявил об этом Осипу Григорьевичу, но тот не спешил.

А ведь к тому времени Михаил завоевал хорошую репутацию не только в ОКБС. Еще при начальствовании Николая Васильевича тот направил Михаила в качестве одного из представителей отрасли в межотраслевую комиссию, которой было поручено создать два документа – положение и инструкцию – об обязательном микрофотодублировании всей документации, сопровождающей летательные аппараты и всю их начинку от момента разработки опытных образцов до снятия с эксплуатации. Возглавлял эту комиссию тоже представитель авиапрома из института авиационной технологии Яков Вениаминович Либов – зубр по широкому спектру производственных проблем. В основном вся работа комиссии легла на плечи Михаила. Яков Вениаминович не столько руководил им, сколько наблюдал, причем с явным одобрением. Несколько раз он рассказывал о том, как решал на заводах разные большие и малые проблемы, и Михаил, еще не догадываясь, что Либов таким неявным образом экзаменирует его как специалиста, в предположительном плане говорил, в чем состояла загвоздка и как надо было бы выходить из положения с честью. Оказалось, что он раз за разом выдержал экспромтом целых четыре теста, после чего Либов торжественно выразил ему свое убеждение: «Вам можно поручить любую работу. Вы справитесь.» К сожалению,

его оценка, если он где-то наверху и высказал ее, не возымела никаких последствий. Михаил по-прежнему оставался инженером-конструктором III категории с окладом 120 рублей. Уже в отделе Гольдберга он был снова вовлечен в очередное новое для него дело. По какому-то новому неприятному случаю в летной практике в министерстве вспомнили, что еще несколько лет назад по следам одной авиакатастрофы министр издал приказ, в котором, в частности, предписывалось создать положение о порядке согласования применения покупных изделий на объектах авиационной техники. В основе появления этого поручения лежал весьма кляузный вопрос, связанный с поисками виновников аварий и катастроф, в чем, конечно, никто добровольно не хотел признаваться: ни конструктор летательного аппарата, ни поставщик готового изделия, ни конструктор этого готового изделия, ни серийный завод, построивший летательный аппарат. Конструктора самолетов, вертолетов и ракет при разборах авиационных происшествий обычно утверждали, что у них-то все было в порядке и не их вина, что отказало в полете какое-то изделие. Конструктор и поставщик отказавшего готового изделия защищались от обвинений тем, что это изделие на борту было установлено таким образом, что оно не могло нормально функционировать в тех условиях, где оно оказалось, причем самолетчики, вертолетчики и ракетчики их заранее о допустимых условиях и не спрашивали. Чиновники из управлений и руководства министерства ки-

пели от негодования, что при такой организационной неразберихе отвечать за катастрофы придется не истинным виновникам, а им, допустившим расхлябанность и неопределенность в той в высшей степени важной сфере, как ответственность за безопасность полетов. По следам вновь разгоревшегося скандала было признано необходимым срочно создать положение, регламентирующее правила и процедуру легализации покупных изделий на борту, чтобы по крайней мере военная приемка могла иметь формальные критерии оценки готовности и пригодности начинки для полетов на борту. Осип Григорьевич Гольдберг вызвал Михаила к себе и поручил ему заняться разработкой положения, добавив при этом, что будет лично ему в этом помогать. В чем могла заключаться помощь Гольдберга, Михаил еще не понимал и решил, что в такую ласковую форму шеф просто облакает свое желание постоянно контролировать Горского. Как бы то ни было, Михаил понял, что ему предлагают очередной шанс отличиться или провалиться. Сроки дали очень сжатые. Подоплеку поручения, вполне скандальную, хотя технически действительно почти никак не решаемую, он понимал вполне. Предварительный зондаж обстановки показал, что мысль о создании необходимого положения была вновь подсказана министерству двумя братьями Керберами – Леонид Львович возглавлял отдел электрооборудования у Туполева, вместе с которым сидел и проектировал машины еще в «шараге», а Борис Львович возглавлял аналогичный

отдел у Микояна. По совету Николая Васильевича Михаил начал с визита на фирму Микояна.

Борис Львович Кербер оказался хорошо воспитанным интеллигентным человеком, умеющим кратко и точно излагать свои мысли. Выглядел он несколько болезненно, но в целом чем-то трудноуловимым напомнил Михаилу Соломона Мовшовича и этим сразу расположил Михаила к себе. Борис Львович охотно отвечал на вопросы, и в течение получаса они договорились о том, какой круг вопросов надо осветить в положении, а также о том, что Михаил привезет на предварительный просмотр начальный проект положения.

Вскоре первичный документ был готов, и Михаил снова явился к «младшему Керберу». Борис Львович внимательно ознакомился с материалом, сделал пару замечаний, с которыми Михаил немедля согласился, и в целом одобрил сочинение посетителя, сказав, что в основном все прописано правильно и в достаточной степени. Борис Львович заинтересовался процедурой дальнейшего прохождения документа. Михаил ответил, что три обязательных инстанции ему известны – это зав. отделом, зам. главного конструктора и главный конструктор ОКБС, а сколько их окажется в министерстве, он пока еще не знает. Кербер молча кивнул. Очевидно, он куда лучше молодого человека, с которым договаривался о деле, представлял, сколько всего может происходить или, наоборот, не происходить в недрах «родного» министерства.

Доработав проект положения по замечаниям Кербера,

Михаил понес документ к Гольдбергу. Осип Григорьевич вчитывался в текст тоже с напряженным вниманием. По его лицу трудно было понять, доволен он или недоволен. Но вот он отложил документ в сторону и заговорил очень спокойным и внешне лояльным тоном.

– Михаил Николаевич, вы достаточно определенно отразили суть процедуры согласования применения изделий между фирмами-разработчиками изделий и фирмами, которые их устанавливают на своих машинах. Все это годится для регламентации отношений между конструкторскими бюро нашего министерства.

Гольдберг в этом месте сделал паузу, и Михаил решил сразу воспользоваться ею.

– А разве положение должно было регламентировать отношение наших МАПовских организаций с кем-то еще?

Осип Григорьевич посмотрел на Михаила, потом в задумчивости повернулся к окну.

– Видите ли, в чем дело, мой дорогой Михаил Николаевич, те приборы и агрегаты, которые проектирует и выпускает МАП – желаннейшая добыча для многих отраслей, подчиненных ВПК. Они легки, компактны, надежны, хорошо испытаны и так далее. А потому конструктора военной техники из других министерств были бы рады-радехоньки ставить их на свои объекты. А ситуация какова? Пусть себе заказывают и ставят, куда им надо? Дескать, от этого всем будет хорошо? Ан нет! Ситуация далеко не так проста! Нам, МАПу,

для производства всех изделий, которые требуются для комплектации наших летательных аппаратов, даются материалы в количествах и объемах, достаточных именно для них. Мощности наших серийных заводов тоже рассчитаны именно на них. То, что могло бы быть поставлено другим министерствам, никакими ресурсами не обеспечено.

– А нельзя обеспечить переброску соответствующих ресурсов от них к нам?

– Да что вы, голубчик! Система планирования такова, что внести коррективы в реальные планы можно только в следующем году, и то, если на это кто-то у нас решится пойти. Иногда под большим давлением приходится уступать, если речь, например, заходит о космосе или о чем-то еще, столь же значимом для страны, но это – чрезвычайно редкие исключения. А так вот представьте – мы отказываемся поставить какое-то изделие, нужное организации другого министерства. Что они делают? Обращаются к своему министру, чтобы он решил вопрос о поставке на своем уровне. Тот звонит нашему министру и говорит: «Петр Васильевич, так и так – срочно нужно для важнейшего объекта ваше такое-то изделие. Ты уж выручи, не откажи! Ведь одно дело делаем!» – А что делать нашему Петру Васильевичу? – Отказать? Дескать, у меня на твои машины нету фондов, станочных ресурсов и прочего и прочего и прочего? Нет, он так не может сказать. Так не принято – они вроде как члены одной команды и должны друг другу всегда и во всем помо-

гать. Но помогать-то не из чего! И вот тогда Петр Васильевич отвечает по-другому. –«Видишь ли, дорогой – имя рек – я не против тебе помочь. Но у нас для всех поставщиков изделий введен твердый порядок – и за ним следят военпреды – поставлять только тем, кто согласовал с нашими разработчиками возможность их исправной работы в условиях, в которых они окажутся на объекте. Пусть твои ребята согласуют с моими условия применения, и тогда мы с тобой сможем решить вопрос.» Вот так там делаются дела, и иначе они делаться не будут. Просителю откажут, но это будет не министр и не его зам, а кто-то гораздо ниже. И откажут тоже не министру, а кому-то гораздо ниже.

– Так что же, Осип Григорьевич, необходимо превращать положение из инструмента согласования в инструмент отказа от согласования?

– С чужими, дорогой мой, с чужими!

– Но ведь в таком случае затруднится согласование и между своими, для своих? Ведь нельзя прямо записать в положении, как вы мне сейчас объяснили: вот такой порядок технического согласования для своих, а вот другой порядок для всех остальных? Дискриминация сразу станет предметом скандала в ВПК!

– Все верно, мой дорогой, все правильно! Ни о каких двух разных порядках и речи не может быть! Вся, вся страна делает одно общее дело!

– Тогда что в общем регламенте для своих и чужих долж-

но быть изменено в тексте положения? Оно и так составлено безотносительно к своим и чужим. Я инженер и могу регламентировать хорошо – пока пусть только аргументированно – те или иные процедуры согласования с чисто технической стороны, а не как снабженец, экономист, плановик, тем более – не как церемониймейстер при дворе министра. Я не сомневаюсь, что вы мне объяснили истинную подоплеку того, что происходит на самом деле, но в чисто техническом регламенте эти стороны взаимоотношений разных министерств указания на способ отказа по производственно-экономическим мотивам не уместны! В конце концов, кто мешает работникам среднего уровня в нашем министерстве давать нашим разработчикам приказ в таком-то конкретном случае не согласовывать применение чужому дяде. Пусть тогда этот разработчик придумывает аргументы для отказа – в положении же такого не может быть!

– В том-то и тонкость, Михаил Николаевич! И прямо не скажешь, и согласиться нельзя! Поймите, я не стараюсь опорочить вашу работу – наоборот! – я очень доволен, как вы к ней подошли и согласен с технической сутью процедуры. Но я хочу вас предупредить, с чем вы столкнетесь при дальнейшем рассмотрении и согласовании проекта положения. Я, как и вы, за максимальное упрощение согласования, но, хотим ли мы этого или не хотим, в процесс согласования обязательно вмешаются и другие факторы, о которых я вам рассказал. Я просто хочу, чтобы вы были к этому

ГОТОВЫ.

– Осип Григорьевич, я признателен вам за все разъяснения и предупреждения, но хотел бы узнать ваш прогноз будущей судьбы положения – что оно, увязнет и так и не выйдет в свет?

– Что вы! Ни в коем случае! Вы же сами видели – министру напомнили, что не исполнен его приказ! Положение будет утверждено обязательно! Правда, я не могу предсказать, в каком именно виде. Надеюсь, что суть изложенного вами останется без изменений, но к ней будет добавлено кое-что еще. Как можно узнать что именно? Я думаю, мне самому придется походить по министерским кабинетам. – Осип Григорьевич произнес последнюю фразу таким тоном, что Михаил живо представил себе невысокую фигуру шефа в полувоенном костюме, вероятно даже, в сапогах, решительным шагом проходящего по властным коридорам, исполненного решимостью до конца выполнить свой служебный долг и в первую очередь тем, чтобы в максимально возможной степени оградить своего министра от неприятных для него объяснений с коллегами по Совету Министров и ВПК. Разве можно затруднять жизнь и работу таким людям? Ни в коем случае! Им и так тяжело!

Осип Григорьевич не заблуждался в своей оценке ситуации. Волынка началась еще «в домашней обстановке», то есть внутри ОКБС. Заместитель главного конструктора Леонид Пантелеевич Курбала в прошлом работал в ОКБ, со-

здающем грузовые планы. Он, видимо, любил этот прошлый период своей трудовой биографии, поскольку сам вел разработку летательного аппарата, пусть и не самолета, и любил рассказывать об этом даже таким малозначащим служащим, как Михаил. Судя по всему, он был действительно способным конструктором, но к совсем серьезной творческой работе по созданию самолетов его заблаговременно не допустили – где-то во времена своего студенчества он скрыл свое буржуазное происхождение, а спустя годы этот порочащий факт открылся. Курбала имел крупные неприятности, но самого худшего все-таки счастливо избежал. Однако с тех пор он стал особенно осторожным и, как заметил Михаил, любой документ, представленный ему на подпись, рассматривал в первую очередь с той точки зрения, явится ли принятое им решение поводом для разноса со стороны главного конструктора ОКБС Назарова, который, видимо, не упускал случая в превентивном порядке указать заместителю на его место, дабы тот и не мечтал занять кресло главного. По чистой случайности у Михаила была возможность подумать, что Леонид Пантелеевич мог скрыть не только свое буржуазное происхождение, но и национальность. Он охотно объяснял всем что его достаточно необычная для русского слуха фамилия Курбалá – украинская. Поскольку жена Михаила Лена по собственной инициативе и за свой счет начала учить с преподавателем арабский язык, чтобы заняться арабской философией всерьез, он узнал от нее значение несколь-

ких слов на этом языке. В частности, «курб» означало «раб», а «алла» – «Аллах». Получалось, что фамилия Курбалы была не украинская, а самая что ни на есть арабская – «раб аллаха». Кем был его предок, от которого пошла фамилия – арабом, турком, курдом или еще кем, он наверняка, едва появившись в России или Малороссии, смиренно отвечал спрашивающим, кто он, именно так, как подобало истинно верующему мусульманину – я раб Аллаха, вот кто. На счастье Карбалы ему не пришлось встретиться на своем жизненном пути ни с кем, кто мог бы расшифровать его фамилию, а Михаил был не в счет. В его намерения отнюдь не входило сообщать о ее значении «куда следует».

Глава ОКБС, главный конструктор Георгий Николаевич Назаров тоже был человеком с несколько ущемленным честолюбием и неполной творческой реализованностью, хотя и иного рода, чем Курбала. По словам Николая Васильевича Ломакина, перед ОКБС работавшего в ОКБ весьма известного главного конструктора самолетов Мясищева, Назаров был его заместителем, курировавшим расчеты на прочность, и при создании знаменитой машины – стратегического турбореактивного бомбардировщика «М-4» предложил новую схему соединения крыла с центропланом, а также кессонную систему размещения горючего в крыльях без специальных топливных баков, что существенно снижало вес машины. Необычным было и главное шасси – фюзеляж опирался не на две боковые подкрыльные ноги, а на переднюю – в но-

су, и заднюю – в корме (так называемая велосипедная схема). Назаров был одним из тех в команде Мясищева, кому была дана государственная премия.

После этого успеха Назарову, весьма амбициозному восточному человеку (по национальности он был армянин) хотелось стать самостоятельным главным, а затем и генеральным конструктором самолетов, то есть получать право на генеральские погоны как Яковлев, Туполев и Ильюшин. Однако государству не требовалось особого изобилия генеральных и даже главных конструкторов, но если Назарова формально и наделили почетным званием и собственным конструкторским бюро, то таким, в котором никаких летательных аппаратов не создавали. ОКБС входил в число вспомогательных организаций, которые никогда не могли находиться в первом парадном ряду создателей самолетов, вертолетов и ракет. Это сильно уязвляло самолюбие Назарова, и все-таки лучше было называться главным в неглавном ОКБ, чем быть заместителем у знаменитости, которая присваивала всю славу за труды коллектива себе. Неравновесное состояние души Георгия Николаевича побуждало его искать пути для своей разрядки в создании морально некомфортного состояния и у своих заместителей – нельзя же было мириться, в самом деле, с тем, что подчиненным может быть хорошо, тогда как начальнику плохо. Формально у Назарова имелось трое заместителей: Курбала, Гудков и великий Бартини. Курбала подходил для мелкой тирании больше

всех: не имел перспективы стать когда-либо главным, следовательно, вынужден будет терпеть почти любое обращение с собой. Гудков являлся опальным главным конструктором. Он был известен как один из основных создателей известного предвоенного истребителя «ЛАГГ-5» (последнее «Г» в аббревиатуре имени самолета означало именно «Гудков»), затем его сделали главным конструктором «по пузырям» (по летательным аппаратам легче воздуха), то есть конструктором аэростатов, стратостатов и дирижаблей, которые широкого боевого применения во второй трети двадцатого века уже не находили. Поэтому было достаточно много времени для того, чтобы следить за собой и иметь успех у женщин.

Гудков действительно старался выглядеть комильфо в стиле времени, и в этом он не уступал Назарову, который тоже тщательно соблюдал все нормы, которые положено было выполнять человеку, рассчитывающему на успех в соответствующем «светском» обществе, а это не хуже забора отделяло властимущих от плебеев. Гудков имел неосторожность (еще при Сталине) завести роман с известной опереточной дивой, чей муж – знаменитый футболист и хоккеист – часто отсутствовал дома. Во время неожиданного возвращения домой хоккеист накрыл Гудкова в постели со своей женой в загородном доме и погнал его, почти раздетого, по улице поселка. Скандал вышел звучный, Гудкова сняли с должности главного конструктора, а закончилось все тем, что он

попал в ОКБС. С Назаровым он держался на людях как равный (он-то все же был главным по летательным аппаратам – пусть даже только «по пузырям»!). Большую часть отделов курировал Курбала. Гудков и в этом смысле чувствовал себя гораздо свободней последнего. Ну, а великий Бартини вообще никого не курировал, кроме себя. По существу он даже формально не подчинялся Назарову, ибо только числился в его фирме, получая зарплату через кассу ОКБС и имея кабинет в здании, где размещалась эта не очень почтенная организация. Художник и ученый по типу Леонардо да Винчи, великий итальянец Бартини, прирожденный всамделишный аристократ, барон, одевался с чуть заметной художественной небрежностью, презирая условности стандарта, которому поклонялись Назаров и Гудков, и вообще, несмотря на невысокий рост, смотрел на Назарова при редких встречах сверху вниз, хотя Назаров был выше, и у него это вполне получалось. До войны Роберт Людовикович (полное имя Роберто Орос ди-Бартини) был автором быстрейших советских самолетов, пока его не посадили за его искреннее стремление служить делу торжества красной авиации над коричневой и черной – в полном соответствии с его коммунистическими убеждениями. После пыток, имеющих целью выбить из него признание в том, что он итальянский фашистский шпион, его все же не убили, как ему было обещано, а отправили в «шарагу» к Туполеву, где вместе с ним трудились в заключении и другие опальные авиаконструкторы, в их чис-

ле и Сергей Павлович Королев, и старший из братьев Керберов – Леонид Львович. После реабилитации при Хрущеве Бартини в виде извинения создали синекуру при ОКБС, но главным конструктором гениального человека назначить не рискнули (в ЦК, скорей всего боялись, что тот «возьмет и отомстит», хотя побывавшим в его же шкуре Туполеву, Поликарпову, Мясищеву все-таки разрешили возглавлять ведущие фирмы страны, хотя объективно дарования Бартини превосходили таланты любого из них, а то и всех, вместе взятых).

Так что кем-кем, а помыкать Бартини для Назарова было абсолютно невыносимо. Получалось, для этого оставался один Курбала – раб не только Аллаха, но и своего зависимого положения от недоверяющего ему главного конструктора, у которого слегка пошаливали нервы и у которого решительно не было ни малейшего желания унять их.

Курбала прекрасно понимал это все, и потому положение, вносящее определенный порядок в определение ответственности за судьбу летательных аппаратов среди их создателей и создателей комплектующих изделий, его не могло устраивать в принципе. К тому же и Назаров, и сам Курбала были прежде самолетчиками, на них и без того висела ответственность «за все», поэтому им не очень хотелось, чтобы действующие коллеги-самолетчики лишались возможности валить вину на поставщиков когда надо и не надо, лишь бы выиграть время, в течение которого острота проблемы может

упасть сама по себе. С другой стороны обоих причастных к делу руководителей ОКБС беспокоило, что акцент в пользу самолетчиков против интересов прибористов, а их на два порядка больше, чем первых, тоже может осложнить их жизнь. Короче, лучше бы этого положения и не было бы, но оно уже было включено в план работ и совсем торпедировать его никто бы не решился. Словом, они своим поведением напоминали людей, пытающихся остановить уже имеющую место беременность после того, как время для аборта было безнадежно упущено. Оставалось придирааться к мелочам. После того, как их подписи под документом были все-таки получены, Осип Григорьевич Гольдберг лично взялся за согласование проекта положения с многочисленными главными управлениями Министерства, названия или номера которых по его убеждению надо было не только писать, но и произносить с большой буквы. Несolidно выглядевшему, почти юному Михаилу, тем более не имеющему в аппарате личных знакомств, делать там было нечего. И в каждом главном управлении министерства авиационной промышленности соответствующий чин вносил свою небольшую правку в текст проекта, даже и не думая спрашивать на это согласие у столь мелкой сошки, как инженер-конструктор III категории Горский из ОКБС. От этого «положения» для всех пахло жареным. Летательные аппараты во все времена не только летали, но и падали. Большинство из них было тяжелее воздуха и из-за одного этого могли падать, чуть что. Но раз-

бивались, рвались или горели и те аппараты, которые были легче воздуха. Стихия неба доказывала, что о полном ее покорении не могло быть и речи ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, независимо от того, кто был в этом виноват – конструктор, изготовитель, экипаж или команда наземного обслуживания, а то и вовсе никто – просто Господу Богу стало угодно, чтобы некий конкретный аппарат перестал функционировать как таковой – и все: никакие разбирательства в соответствии с «положением» не приведут к истинному определению причин и чьих-то виновностей, потому что жизнь, в том числе и судьба летательных аппаратов, определялась многомерным пространством причин, а в стремлении все свести к получению согласия разработчиков покупных изделий на их использование в определенной машине никакие другие факторы не считались столь же важными, как автограф разработчика прибора или агрегата. Только это являлось определенным фактом, причем заранее определенным, в то время как множество других были известны лишь предположительно, неопределенно или совсем никак. Скажем, самолетчик сообщил прибористу, что его прибор будет испытывать вибрации с такой-то частотой и амплитудой, и на устойчивость к такой вибрации его испытывают, а потому и решат дать добро. А откуда самолетчику заранее знать, что его конструкцию будет трясти в полете именно так, а не как-то иначе, если он испрашивал согласие прибориста, не испытав аппарат в воздухе, а поднять уком-

плектованный прибором самолет без протокола согласования его применения он не имел никакого права, и это мог быть только один из факторов, не известных ни тому, ни другому. От «положения» требовали больше, чем оно могло дать для вынесения обвинений или оправданий – во всяком случае, чиновный люд предпочитал рассматривать его в качестве почти что универсального одномерного средства формализации вины или невиновности сторон в той многофакторной ситуации, которая внезапно могла закончиться аварией или катастрофой. Да, ожидания насчет справедливости умозаключений на основе рассмотрения протоколов согласования далеко выходили за пределы возможностей делать корректные выводы насчет чьей-то вины. Осип Григорьевич не видел в поправках никакой беды. Напротив, он даже старался убедить Михаила, что само дело требует этого. Кстати сказать, в глазах Гольдберга слово «дело» вообще было универсальным оправданием почти любому поступку начальства. Когда однажды Михаил потребовал, чтобы Осип Григорьевич перестал на него кричать, тот с жаром ответил ему: «Дорогой мой! Разве это я на вас кричу? Это дело кричит!» Михаил не видел причин, по которым усложнение процедуры согласования применения покупных изделий способно содействовать улучшению хода дел, но проект положения уже давно был отнят у автора, которого уже ни о чем не спрашивали. Последнюю согласующую подпись предстояло получить в главном управлении

материально-технического обеспечения министерства. Вот туда-то Осип Григорьевич отправился с особым удовольствием, прихватив с собой на этот раз и Михаила. Там Гольдберг хорошо знал не только всех начальников, но и их пожилых секретарш. После знакомства с уже многократно «исправленным» проектом, там на удивление остались им в основном очень довольны, хотя все равно внесли и свою лепту в и без того переусложненный процесс, и Михаил удостоверялся, насколько прав был Осип Григорьевич, предупреждавший, что чуть ли не главный смысл выпуска положения виделся чиновникам в том, чтобы «Петру Васильевичу, нашему министру», было бы удобнее разговаривать с коллегами своего уровня и под благовидными предлогами, причем не лично, отказывать им.

Завершилось заварившееся дело получением утверждающей подписи первого заместителя министра авиапрома Кобзарева. Положение срочно растиражировали и отправили в несколько сотен адресов по списку «для служебного пользования». Михаил давно устал от мороки, в которую был против воли втянут по совершенно чуждым ему соображениям. Казалось, можно было вздохнуть с таким же облегчением, какое наступает, когда сбросишь рюкзак во время краткой остановки на пути подъема к вершине, тем более, что утвержденное положение опротивело не меньше, чем тяжелый груз при восхождении. Но наверх в альпинизме заносилось только самое необходимое, без чего на высоте нельзя

было бы ни выжить, ни «сделать» вершину, а в положении теперь было много отягощающего лишнего.

Ощущения такого рода не обманули Михаила. Примерно через месяц Гольдберг вызвал его к себе и поручил срочно поехать в ОКБ Туполева и поговорить там с Леонидом Львовичем Кербером, одним из инициаторов подготовки положения. Стало ясно, что бюрократы настолько зарвались, что среди генеральных конструкторов возник опасный ропот. В том зале, где размещался отдел электрооборудования Туполевского ОКБ, Леонида Львовича в назначенное время не оказалось – он еще был на совещании. Относительно молодой инженер, но все же по виду бывший старше Михаила, которому было поручено сообщить о задержке, не скрывая возмущения, набросился на него с упреками: «Ты понимаешь, что наделал? У нас полностью остановилась работа! Все только и заняты твоим дурацким согласованием!» Михаил подтверждающе кивнул. Он сразу понял – этому человеку объяснить ничего невозможно – на кой черт ему знать, кому за его счет будет облегчаться жизнь, а виновным он все равно будет считать только его, Михаила Горского, недоноска из ОКБС, у которого мозгов не хватает понять, что он натворил! Ну ничего, придет Леонид Львович, он ему даст!

Кербер к себе явился примерно через полчаса. Внешне он никак не напоминал своего «микояновского» брата и коллегу Бориса Львовича – совершенно лысый, с бритой головой, жесткой повадкой и расчетливо настороженными гла-

зами – «Жизнь заставила» – подумал Михаил, мгновенно вспомнивший о тюремном происхождении данного знаменитого на весь мир конструкторского бюро. Вопреки ожиданиям своего возмущенного сотрудника, Леонид Львович был сдержан и вежлив. Он внимательно посмотрел в глаза Михаила, потом предложил присесть. Разговор он начал без обиняков:

– Разработанное вами положение вызывает значительные трудности в нашей повседневной работе. Чем вызвано такое усложнение процедуры согласования?

Глядя прямо в глаза старшему Керберу, Михаил спокойно ответил:

– Леонид Львович, как только мне дали задание разработать это положение в соответствии с приказом министра, первое, что я сделал, поехал к Борису Львовичу, выяснил у него, в чем состоит необходимость выпуска этого документа, и мы обо всем договорились насчет его содержания. Как только я это сделал, то снова встретился с Борисом Львовичем, который сделал пару замечаний, которые я сразу учел. А затем при прохождении проекта от инстанции к инстанции в него начали вносить изменения, либо не считаясь с моим мнением, либо вообще уже ни о чем не спрашивая меня.

– Какие это инстанции? – поинтересовался Кербер, и Михаил начал перечислять:

– Начальник отдела, в котором я работаю, заместитель

главного конструктора и главный конструктор ОКБС, затем все без исключения главные управления министерства и, наконец, главное управление материально-технического обеспечения.

Кербер ненадолго задумался. Ситуация была для него предельно ясна. Значит, он просто думал, что теперь надо делать. Наконец, Леонид Львович пришел к определенному заключению.

– Передайте вашему главному конструктору (в последних словах просквозила ирония с оттенком угрозы), что если немедленно не будет упрощена процедура согласования применения покупных изделий, Андрей Николаевич использует ВЕСЬ свой авторитет, чтобы ЗАБЛОКИРОВАТЬ его вместе с остальными генеральными конструкторами.

Михаил согласно кивнул. Леонид Львович Кербер ему очень понравился. Человек живой мысли и дела. Сразу проник в суть безобразия. В адрес подчиненного служебной дисциплине невольника не стал тратить не только снарядов, но и слов. Зато передал через него хорошо сформулированный ультиматум. При этом Михаил не сомневался, что в подобном, если не более строгом, дисциплинарном положении, чем он сам у Гольдберга, Курбалы и Назарова, находятся подчиненные Кербера, а сам Кербер у Туполева. Угроза блокады со стороны всех генеральных конструкторов в адрес Назарова была более чем нешуточной. Дружным напором они, непосредственно входяие в ЦК (в том числе и прин-

ципиально остававшийся беспартийным Андрей Николаевич Туполев) могли запросто смести Назарова с его места. В глазах каждого из них он значил не больше, чем Михаил Горский для Назарова. А сплотившись, они грозили стать настоящим разрушительным цунами для любого противника. Михаил в тот же день сообщил главному конструктору о своем визите к Керберу и слово в слово передав его прямую угрозу. Было видно, что Назаров внутренне съежился, хотя и старался не терять лица. Буквально через два дня в ОКБС было созвано совещание, на которое прибыли серьезные представители нескольких ОКБ во главе с Леонидом Львовичем Кербером. Михаилу прежде не доводилось наблюдать, какими аргументами непосредственно оперируют ветераны авиационной промышленности, собравшись за одним дискуссионным столом. Уже сменилось несколько выступающих, начинавших свою речь с запева: «За двадцать пять лет работы в авиационной промышленности...», когда взявший слово Леонид Львович Кербер выбросил на стол своего козырного туза: «За сорок лет работы в авиационной промышленности...» и тем самым сразу подавил оппонентов. Двадцать пять против сорока не тянули. Было признано, что положение не должно служить препятствием для нормальной деятельности ОКБ, разрабатывающих новые летательные аппараты, в каждом из которых применялись сотни или тысячи разных покупных изделий, хотя никто не сказал, как именно это сделать. Вернуться к начальному вари-

анту проекта положения выступающие не предполагали, отменить же своим решением утвержденный документ они тоже не могли. Михаил не представлял, каких трудов потребует от него пересмотр положения, если в министерстве согласятся на корректировку. Но оказалось, что даже генеральные конструктора самолетов не смогли протаранить где вязкую, где гранитной крепости стену военно-технической бюрократии. Военная приемка с радостью и намертво вцепилась в утвержденный текст –военпреды были заинтересованы в том, чтобы при анализе катастроф акцент в подозрениях по возможности смещался с летного и наземного персонала ВВС на разработчиков и производителей серийных машин. Михаил предполагал даже, что кто-то из чиновных аппаратчиков министерств, также заинтересованных в том, чтобы реже фигурировать самим в скандальных разборках в качестве виновников, «вышел» в ВПК на уровень самого ее всесильного председателя Устинова и ознакомил его с текстом утвержденного положения. Вникнув в то, насколько повышалась ответственность разработчиков сложнейших машин с повышением кажущейся «прозрачности» их действий и оправданий, Устинов, вероятней всего, должен был распорядиться, чтобы и в других отраслях, подчиненных военно-промышленной комиссии, выпустили бы аналогичные документы. В том, что именно так и произошло, Михаил убедился не далее, чем через полгода. Ему, видимо, в качестве знака признательности, а то и благодарности, прислали

утвержденный министерством оборонной промышленности документ с до боли знакомым и почти идентичным названием, заимствованным из того, который начал разрабатывать именно он: «Положение о порядке согласования применения покупных изделий на объектах оборонной техники». Выяснилось, что документ воспроизводил текст авиапромовского положения буквально, без малейших купюр и добавлений. Его отличала от оригинала лишь одна деталь: как и в названии, везде, где в тексте встречались слова «на объектах авиационной техники», они аккуратно заменялись словосочетанием «на объектах оборонной техники». Так почти криминальный документ перешел в совершенно другое качество – он стал служить эталоном. Нельзя сказать, чтобы этот факт прибавил Михаилу гордости за свой труд – в душе он остался верен тому первому варианту, который сделал в ходе взаимодействия с младшим Кербером – но он все же решил использовать «триумфальный» выход в свет положения для поправки собственных обстоятельств. Он прямо, в письменной форме, обратился к главному конструктору Назарову с настоятельной просьбой перевести его в должность инженера-конструктора II категории с соответствующим окладом. Получив бумагу Михаила, Назаров вызвал его к себе и в разговоре попытался было уйти от требуемого путем ссылки на то, какую реакцию вызвал этот документ в промышленности (это еще раз подтверждало, что главный конструктор был испуган тогда не на шутку), но Михаил без труда отвел

этот аргумент. Назаров подписал его новое назначение. Так состоялось его первое повышение почти за три года работы. Но и оно не уравнило Михаила в зарплате с теми, кто делал гораздо меньше его. Это сильно действовало на нервы – ведь он не стремился отнять у них деньги в свою пользу, он хотел получать СВОИ, заслуженные инициативной и неподражательной работой.

Через год Назаров повысил его до инженера-конструктора I категории. Это уже был должностной предел. Дальше шло сплошное начальствование, на которое не претендовал Михаил и на которое не согласилось бы начальство – в первую очередь Курбала. К тому времени в их бригаду уже поступила на работу Оля Дробышевская, с которой у Михаила почти без промедления состоялась любовь – именно любовь, а не просто связь. Курбала, на которого внешние достоинства Оли подействовали также с очень большой силой, быстро понял, почему ему ничего здесь не светит, а он был человек ревнивый и злопамятный. Впрочем, среди сотрудников Михаила был один, который считал, что он непременно станет заместителем главного конструктора – его коллега Александр Никитович Свистунов. Но о нем Михаил всегда вспоминал отдельно – настолько самобытен в мыслях и выражениях был этот человек.

А вот о старшем из братьев Керберов Михаил слышал нечто занимательное ровно через сорок три года после своего знакомства с заместителем Туполева по электрооборудо-

ванию. Дело было в семье походного друга Марины и Михаила – Коли Кочергина – в день рождения этого прекрасного человека. Его уже почти полтора десятка лет не было в живых, но в день рождения мужа у его жены Тани регулярно продолжали собираться его коллеги-преподаватели Менделеевского Московского химико-технологического института (впоследствии университета) и спутники в спортивных путешествиях. Михаил с Мариной уже так давно вошли в круг менделеевцев, что воспринимались ими почти своими. В тот день памяти Коли профессор Илья Гильденблат по подходящему поводу рассказал историю, которую сам слышал от Леонида Львовича, с сыном которого давно дружил. После удачного завершения работ по созданию одной важной машины на усмотрение Андрея Николаевича Туполева правительство выделило определенную квоту наград в довольно широком ассортименте. При этом Андрею Николаевичу было предложено самому определить, кого как наградить: кому дать орден, кому государственную премию, кому что-то еще. Леониду Львовичу в этом дележе досталась ученая степень доктора технических наук. В один прекрасный день ему позвонили из ВАКа и пригласили посетить этот орган для получения диплома доктора наук. Единственным требованием к докторанту, зато совершенно категорическим, было следующее – он должен принести с собой три рубля БЕЗ СДАЧИ в оплату «корочек». С этим требованием Леонид Львович справился. Такова была плата Родины

изобретательным умам, чьи обладатели – преимущественно номенклатурные работники, занятые разработкой новой техники – награждались высшей ученой степенью без представления диссертации и даже без защиты какого-либо реферата «по совокупности трудов», что злыми, но острыми языками именовали несколько иначе: «по совокуплению».

А Александр Никитович Свистунов (как и Николай Васильевич Ломакин) так и не удостоились подтверждения их инженерской тоже многократно подтвержденной компетентности с помощью простого диплома инженеров – они ни с какого бока не принадлежали к номенклатуре. Александр Никитович происходил из обычной многодетной крестьянской семьи во Владимирской губернии. После школы-семилетки он определился в авиационный техникум и с самого начала войны трудился на Омском авиационном заводе.

Глава 11

Работая бок о бок с Александром Никитовичем, Михаил не мог не восхищаться редкостным своеобразием этого человека как в мыслях, так и в форме их изложения. Как и все выходцы с Владимирщины и других северных областей России, Свистунов отчетливо акцентировал звук «О» в каждом слове, где была одноименная буква. Для москвича «окающий» говор был немного странен, но симпатичен. Слушая Александра Никитовича, Михаил впервые подумал, насколько сильно непривычное звучание может расцветить обычные русские слова. А общие впечатления от этого человека были таковы.

В детстве он еще застал почти нетронутый новшествами многовековой уклад жизни русской деревни, где трудовые крестьяне приучали к работе своих детей с пяти-шести лет. Конечно, в этом возрасте скучно, да и не совсем безопасно пасти гусей – но отец скажет – куда денешься. Когда повзрослеешь – уже пасешь коз, овец. А дальше и пошло и поехало, так что старшие отроки уже почти в полную меру справлялись со всей разнообразной и почти всегда тяжелой мужицкой работой. Но у Александра Никитовича до этой стадии тренированности дело не дошло. После коллективизации, когда отказывающихся вступить в колхоз душили каждодневно повышающимся прогрессивным нало-

гом под названием «твердого задания» или «твердого обязательства», мудрый отец велел сыну перебираться в город. Так Саша и оказался в авиационном техникуме. Начав с техника, Александр Никитович стал вполне нормальным конструктором – не хуже тех, кто обладал дипломом о высшем образовании. Это не имело бы для него особого значения – он в этом смысле не был угнетен сознанием неполноценности, но все же постоянно помнил о том, что среди множества несвобод, стесняющих жизнь человека в советском обществе, есть еще и эта, дополнительная, из-за которой постоянно ждешь, что тебя могут в любой момент снять, задвинуть на худшую должность с меньшей зарплатой, и из-за этого ты должен вести себя тише других. Живя и наблюдая жизнь вокруг себя, Александр Никитович в отличие от многих сверстников, оболваненных большевистской пропагандой, будучи разумным и наблюдательным человеком, сразу понял, что идеалы, которые осуществляются в самом скором времени, когда будет построен коммунизм, не осуществляются никогда, потому что коммунизм УЖЕ был построен в период с октября 1917 до 1933 года и ему больше не требовалось осуществление пропагандируемых идеалов, чтобы существовать и существовать себе, как он есть – то есть с бесправием народа, со скудным или вовсе нищим бытом, с обязанностью все главные ресурсы собственной жизни и жизни семьи посвящать тому, что безапелляционно прикажут делать власти. Александр Никитович совсем уж прямо это-

го не говорил – не такой дурак, чтобы ставить точки над і даже в беседах с тем, кому доверяешь – но вывод было домыслить не сложно. Тем более, что и практически он прямо следовал ему. Хотелось бы жить по мечте, да это совсем нереально. Хотелось бы жениться по большой любви, а пришлось не по очень большой, но более удобной. Неплохо было бы по этой причине встречаться для радости и с другими приятными женщинами – так это тоже сложно: и деньги для этого потребуются дополнительные, и встречаться негде, если за это не платить. Можно было бы поступить в вечерний или заочный институт ради получения инженерского диплома, да морока вымотает начисто за пять-то лет, а он уже не юноша, устает быстрее, а главное – про себя-то он уверен, что как специалист никакой прибавки в уме не получит – что уже умеет, то умеет – и другого у него уже не будет, как работал инженером-конструктором I категории, так и продолжит. Даже в начальники бригады не пробьется, да и желания такого нет. Всё – возможности ушли. Действуй, Сашка, в тех пределах, которые очевидны.

О том, что Александра Никитовича продолжают если не преследовать, то посещать мечты о связи с красивыми, но недоступными в прошлом женщинами, можно было догадаться по его рассказам.

От одного из приятелей, работавших в ОКБ Ильюшина, Александр Никитович слышал, что на рабочем столе генерального конструктора всегда стоит в рамочке фотография

голой женщины – как объяснял признанный мэтр самолетостроения – вид ее вдохновляет на поиски самых лучших решений. Пересказав услышанную историю, Александр Никитович замолчал, словно внутренне мучительно переживая какую-то явно драматическую мысль, потом горестно признался: «Вот так, Михаил Николаевич: с его деньгами такое можно. А на тыщу семьсот пятьдесят не разбляднешься...»

Это число – 1750 р, то есть его зарплата по должности, была, как потом неоднократно убеждался Михаил, неким модулем или эталоном, с помощью которого измерялись все представлявшиеся Александру Никитовичу возможности, находящиеся для него за пределами досягаемости. Иногда этот модуль не назывался вслух, но в голове Свистунова он находился постоянно – в этом не могло быть никаких сомнений.

Еще один случай произошел прямо на глазах у самого Александра Никитовича. В перерыв он нередко заходил в комиссионный магазин, находившийся недалеко от ОКБС. Однажды рядом с ним в роли любопытствующей покупательницы оказалась очень красивая женщина. Она как раз разглядывала вешалку с меховыми шубами. Через приоткрытую дверь служебного помещения на эту женщину воззрился немолодой мужчина с совершенно шарообразной гладко выбритой головой, скорей всего директор магазина. Он поднялся из-за стола и быстро подошел к прилавку. Слегка поклонившись даме, он сначала жестом, а потом и словами пригласил ее подойти и померить.

– Нет, – вполне определенно ответила женщина.

– Что толку мне ее мерить?

– Я вас очень прошу, – возразил директор, – сделайте мне такое одолжение.

На лице дамы мелькнула гримаска несогласия или сомнения, однако она секундой позже зашла за прилавок, где директор помог ей снять пальто, а затем предупредительно облачил ее в шубу и подвел за локоток к большому зеркалу. Женщина повернулась сначала одним полубоком к своему отражению, затем другим, потом совсем повернулась и посмотрела на себя из-за плеча. Все это время с лица директора не сходила любезная улыбка.

Затем женщина распахнула шубу и решительным (Михаил подумал «шикарным») движением сбросила ее на руки директору, потом, сохраняя враждебное выражение лица – отрывисто сказала:

– Ну вот и достаточно.

Улыбка слиняла с лица директора, оно стало официально серьезным:

– Прошу вас, подумайте. Она может стать вашей. Только скажите.

– Ну, знаете... – вспыхнула женщина, которой директор подавал ее пальто, и резко повернулась к выходу, а тот бросил ей в догонку: «Все-таки очень прошу вас подумать!». Женщина не обернулась, ушла.

– А на следующий день, что вы думаете, Михаил Никола-

евич! – я специально зашел в комиссионный посмотреть – а шубы той больше нет! Представляете – полдня и всю ночь эта шуба не выходила из головы у этой женщины. Небось думала, какая она красивая и в ней, и без нее, но в ней-то особенно, а должна жить со своим мужем на такую зарплату, какая и за десять лет не позволит им накопить деньги на роскошную покупку. А ей эту шубу директор комиссионки почти даром предлагает. Ну, она, конечно, понимает, чем за это придется платить, но ведь не деньгами же, а так! И захотелось ей, нестерпимо захотелось порадовать себя как следует хоть чем-нибудь в этой жизни. К тому же вдруг этот черт плешивый окажется хорош в постели? Думала-думала – вот и согласилась. А как ее осудить, если в жизни ничего нет такого, что так хочется иметь?

Свистунов смолк. Сумма размером в 1750 рублей осталась неупомянутой. Да и какой смысл было ее сравнивать с доходами директора комиссионки? Но каков был жест этого комиссионщика, если он мог позволить себе рискнуть потерять многие десятки тысяч рублей всего за одно randevу? Или он был уверен, что так понравится дамочке, что она с ним будет встречаться еще и еще? Внешне все походило на сцену из «Пиковой дамы» Пушкина в вариации Модеста Ильича Чайковского: «Графиня, ценой одного randevу извольте, пожалуй, я вам назову три карты, три карты, три карты!..» Действительно, выглядело не хуже. «Графиня вспылила, – «Как смеете вы?!» – но граф был не трус.» И хотя

директор комиссии так и остался не ровней графу Сен-Жермену, а задуманное дело он все же провернул не хуже, чем граф. Но в любом случае оно оставалось за пределами возможностей для любого человека на обычной зарплате – и больше тысячи семисот пятидесяти рублей и, тем более, если меньше. Подобных красивых, эффектных – и притом эффективных действий никто из знакомых Свистунова позволить себе не мог.

Здоровые оценки Александра Никитовича, бывало, скрашивались и юмором. Однажды он рассказал:

– Один мой приятель, когда я был у него в гостях – он, кстати, холостяк, вдруг услышал звонок в дверь. Мы сидели вдвоем, выпивали, он никого не ждал. Открыл дверь – там женщина. Слышу разговор: «Сегодня же воскресенье. Как же ты сегодня от мужа ушла?» – «Сказала, что зайду к соседке. Ты не один?» – «У меня сейчас приятель. Я же тебя не ждал.» Женщина заглянула, чтобы убедиться, что все так, как он говорит. Поздоровалась. Затем еще пошептала с приятелем о чем-то, тот потом заходит и говорит: «Сань, ты подожди пока с полчасика.» – «Мне что – уйти?» – «Нет, что ты, мы на кухне.» – «Ну давай!» Через полчаса приходит ко мне, усмехается. – «Ты, говорю, что?» – «Да так, – говорит, – я у нее уже спрашивал, какой я у нее по счету?» – «Ну, и какой?» – «Третий, – говорит. – Знаешь, Сань, сколько у меня баб ни было, все говорят, что третий. Ну – не первый – это очевидно. Что второй – бояться, не поверю. Вот

я всю жизнь в третьих и хожу!»

Михаил подумал, не нашла ли история с приятелем внутреннего отклика у Александра Никитовича – какой ему досталась жена Капитолина или попросту Капа? Спрашивать, разумеется, Михаил не стал, но вспомнил об этом еще раз, когда услышал от Свистунова, что он познакомился каким-то образом с теорией обновления человеческого организма, позволяющей установить, какой пол у ребенка данной супружеской пары будет в таком-то году. С простодушной верой в истинность теории Александр Никитович предварил свои расчеты обращением к жене: «Если по ним получится не так, как вышло на деле, значит, ты, мадам, кому-то дала!» На счастье Капы расчетный пол у обоих детей совпал с действительным. Михаилу показалось, что Александр Никитович остался очень доволен, что хоть на сей раз его Капа оказалась выше подозрений.

Был случай, когда Александр Никитович не удержался от собственных комментариев по поводу сексуальной морали. Эту историю ему передала знакомая продавщица из продовольственного магазина. Работала вместе с ней молодая девка, прямо сказать – блядоватая. В магазине заметили, что она водит тесное знакомство с одним уголовником, недавно вышедшим на свободу. Чтобы узнать подробности, когда этот с позволения сказать ухажер позвонил в магазин и потребовал свою пассию к телефону, то вместо нее взяла трубку другая продавщица. Ей без обиняков велели придти

на свидание. – «А куда?» – спросила псевдопассия. – «Куда, куда? – разозлился хахаль. – Приходи туда, где я вчера тебя ебал! Да смотри, пол-литра принеси!»

Изложив эту историю, Александр Никитович смолк и задумался, потом сказал:

– А чего удивляться-то, Михаил Николаевич? В семье у нее все то же самое. Мать живет с котом, кот – как бык, морда – как самовар! – раскатистое «О» сопровождало все слова, в которые оно входило: кОт, кОт, самОвар! – еще долго отзывалось в мозгу у Михаила.

Другая история представлялась загадочной, потому как допускала много вариантов объяснений. Ее Александр Никитович узнал от знакомого врача-гинеколога.

– Приходит на прием одна пациентка, просит проверить, все ли у нее в порядке. Посадил ее в кресло, осмотрел, говорю: – «все у вас в порядке, мадам.» А она настойчиво так требует: – «Доктор, а вы посмотрите повнимательнее.» – Пожимаю плечами, смотрю еще раз, и снова ничего плохого или подозрительного не нахожу. Снова говорю: – «У вас там все совершенно в порядке.» – А она смотрит в глаза и еще раз настаивает: – «Доктор, а вы посмотрите еще повнимательней!» Ну, тут я достал свою штуку и вставил ей прямо в кресле. Когда кончил, она встала, сказала: – «Спасибо, доктор!» – и ушла.

Какие мысли лезли в голову насчет этой женщины? Да какие угодно в очень широком спектре. Что она блядь? Не ис-

ключалось. Но тогда зачем ей для блуда понадобился именно этот доктор? Судя по его рассказу, она у него больше не появилась. Возможно, он ей не очень понравился? Возможно. Но тогда зачем ей было его благодарить? Возможно, ей просто в тот момент ее жизни просто приспичило воздать срочной изменой мужу или любовнику за его неверность? И такое было вполне возможно. А вдруг ей просто по какой-то причине понравился этот человек, которого она могла наблюдать, тогда как он ее до этого приема в качестве пациентки вообще ни разу не видел? И такая причина тоже не исключалась. Но опять-таки – почему в этом случае она не потрудилась закрепить знакомство и связь именно с ним, хотя он отнюдь не навязывался ей в любовники, она сама на этом настояла. Как все это надо было в итоге понимать? Или так произошел некий случай, которому и вовсе не следовало искать никакого логического объяснения, морального оправдания или какой-то другой предопределенности? Все произошло спонтанно, само по себе, возможно – по секундному капризу дамы, полулежащей в кресле с разведенными в сторону бедрами и разверстой промежностью, которая каким-то образом сама взыскала от психики дамы простой посыл – как-то компенсировать неравенство и противоестественность положения, при котором женщина обнажает вход в тайные недра, а мужчина, повинувшись регламенту профессии, и не думает реагировать на открывшееся зрелище, как положено согласно природе вещей. Только акт

мог избавить женщину от инстинктивного чувства унижения. Как смеет мужик, глядя прямо в пизду привлекательной женщины, трогающий там руками, остаться глухим и бездельным при виде этого чуда из чудес?

Вероятно, не все варианты в явном виде крутились в сознании Александра Никитовича, но большинство их он и чувствовал и представлял. Вызов имел место, что бы ни являлось его причиной, и Sex appeal в очередной раз доказал свою способность взламывать любые препятствия на пути достижения удовлетворения, какими бы они ни были: культурными, моральными или профессионально-этическими. Первооснова естества добивалась своего по принципу: раз ты меня видишь, бери меня – ты не имеешь права этого не хотеть, потому что более категорического императива не бывает.

А одна замешанная на сексе история из всех рассказанных Александром Никитовичем, стояла совершенно особняком. В ней не было ничего загадочного – ни со стороны сексуальной подоплеки, ни вообще. Эту историю поведала жене Свистунова Капе ее подруга. Однажды на улице рядом с ней, идущей по тротуару, затормозил автомобиль. Дверца открылась, вышел офицер, вежливо козырнул и пригласил сесть в машину. Ее огромные размеры говорили сами за себя – это власть, отказываться бесполезно. Когда женщина села на заднее сидение вместе с офицером, машина мягко и мощно рванула вперед и очень скоро доставила ее к ме-

сту назначения. Оказалось, к Берии. Никаких подробностей о дальнейших событиях Михаил от Свистунова не услышал. Была передана только горькая заключительная фраза, сказанная этой женщиной, звучавшая, как приговор. Вот она в буквальной передаче: «Выебут и спасибо не скажут».

А ведь этой женщине еще сильно повезло в сравнении со многими другими, избранными Берией для своей улады. Видимо, она ничем не раздражила советского рейсфюрера – не сопротивлялась, не ломалась, не просила, не умоляла, не уклонялась – просто покорилась участи, выдержала то, что ей выпало в этом акте выдержать, получила предупреждение о неразглашении и была отпущена во свояси с мерзким чувством в душе. А бывало куда как хуже. Об этом открыто заговорили после ареста и расстрела Берии. Но самое впечатляющее сообщение о последствиях бериевского интереса к женщинам дошло до ушей Михаила где-то примерно через тридцать лет после казни распутного мерзавца. Михаил почти никогда не обедал в столовой института ни при Беланове, ни при Панферове, ни при Болденко, но, если и обедал, то в общем зале, а не в помещении для начальства, где имел право питаться как зав. отделом. Поэтому новую историю передала ему Ламара, в то время бывшая женой заведующего отделом дизайна, который столовой для начальства не пренебрегал. В ней же столовался и начальник отделения милиции, которое находилось прямо напротив института. Однажды этот полковник пришел обедать

в необычайно взволнованном состоянии – таким его никогда никто не видел. То, что распирало его изнутри, он так и не сумел удержать в себе. Суть оказалась в следующем. На подведомственной данному отделению милиции территории в одном из дворов обнаружили странное строение – без дверей, без окон, без какого-либо отверстия или проема, через который можно было бы проникнуть внутрь. Нонсенс! Для чего строить дом, в который нельзя войти? Было решено раскрыть загадку. Призвали строительных рабочих, проббили брешь в глухой стене и проникли во внутреннее помещение. А там обнаружили такое, что до сих пор не могут отойти от ужаса. Там находились останки более четырехсот женщин, девушек и девочек. К этому страшному тайному некрополю вел подземный ход. Выяснилось, куда – к тунисскому посольству, где до него размещался именно Берия. Когда-то, до революции, этот особняк построил для себя в стиле «модерн» один из князей Голицыных. Одноэтажное просторное здание со службами было не так броско красотой снаружи, как изнутри. В нем-то и поселился преемник Ежова, грузинский клевет Сталина, Малюта Скуратов и Генрих Гиммлер в одном лице – Лаврентий Берия. То, что муж Ламары не наврал ни на йоту, передавая рассказ потрясенного начальника отделения милиции своей жене, не подлежало сомнению, хотя еще спустя десять-пятнадцать лет Михаил сам наблюдал по телевизору две попытки опровергнуть историю о «якобы» открытом тайном захоронении с сексуальными жертва-

ми шефа советской госбезопасности. Первую попытку предпринял сын Берия, Серго, при жизни отца носивший его фамилию, а после расстрела – фамилию матери – Гегечкори, вторую, еще позже – изложил некий наемный журналист, утверждавший, что «знает всё» – от него несло старым духом «органов». Оба были совершенно голословны, уверенные, что документы, составленные после вскрытия некрополя, никогда не увидят свет.

Необычайно даровитый выдающийся русский писатель Юрий Маркович Нагибин, с произведениями которого Михаил познакомился, когда ему исполнилось уже семьдесят четыре года (с подачи друга Нагибина, пестователя прозаиков в литинституте имени Горького Александра Евсеевича Рекемчука) в цикле «Любовь вождей» обнаружился рассказ «Цыганское каприччио», о том, как через спальню Берии, а потом и через газовую камеру были пропущены две цыганские девочки, в течение вечера и ночи вполне «нормально» ублажавшие хозяина. К удивлению офицера, ответственного за доставку особ женского пола, Берия велел их уничтожить. – «Отчего?» – недоумевал офицер. – «Они не целки!» – бросил в ответ Берия. Оказывается, можно было выбраковывать использованных партнерш и по этому признаку – хотелось, видите ли, именно с ними быть первоначальным. Заодно в этом же рассказе упоминалась еще более трагическая судьба редкостной красавицы, потомственной аристократки Ариадны Петровны, первый муж кото-

рой был расстрелян большевиками, и вторым мужем которой стал бездарный сталинский маршал Бекас (стало быть, в действительности Кулик), бывший фейерверкер, разжалованный Сталиным после двух великих провалов из маршала до подполковника и умерший после этого «от огорчения». Вдовствующую Ариадну Петровну использовали вдвоем Сталин и Берия, затем Сталин приказал ликвидировать ее, хотя Берия был не против пользоваться ею снова и снова. А перед умерщвлением в газовой камере ее отдали последовательно палачу, а затем перевозчику заказанных женщин. Поругание она перенесла с поразительным достоинством, воистину подтверждавшим существование того, что другим великим писателем Борисом Лавреничевым было названо в рассказе «Сорок первый» «разницей культур» – там речь шла о непреодолимом для существ из грязи духовном барьере, который отделяет от них благородных людей. Юрий Маркович был человеком редкого дара обаяния. Его широчайшие знакомства среди женщин, да и мужчин тоже (хотя по преимуществу женщин) приобщали его ко множеству сведений, хранящихся в тайне от общества. А придумывать он ничего не умел – додумывать да, домысливать кое-что на известной ему достоверной основе – тоже, но не больше того. Вот он и узнал, как убивали негодных невольных любовниц маршала госбезопасности, но не знал, куда девали тела. А прятали их совсем неподалеку, в соседнем дворе – странный каприз, свидетельствующий о склонности скорее

к некрофилии, чем к чему-либо еще. Ведь без следа кремировать трупы этому деятелю никто не мешал. Так нет же – зачем-то придерживал трупы почти при себе.

Но если вернуться к далекому от этого кошмара Александру Никитовичу Свистунову, то все равно его живое образное представление на этот счет само по себе ничтожным никому не покажется.

Но Свистунов был восприимчив и к образам другого рода. О том, как его воображение словно через собственный усилитель пропускало узнанное из обычных источников, и что из этого получалось, красноречиво свидетельствовал следующий случай.

Михаил не запомнил, ссылался ли Александр Никитович на вычитанное в статье какого-то литератора, в составе писательской делегации посетившего коммунистический Китай, или на устное выступление этого автора, но в изложении Свистунова один особенно поразивший его эпизод из этой поездки выглядел следующим образом.

– Принимали их, конечно, очень хорошо, Михаил Николаевич. Однажды вечером пригласили делегацию в лучший ресторан, усадили за стол – и тут появляется человек со змеей в руках. Змея ядовитая, огромная! Извивается вокруг его руки. Он ее держит возле головы, змея разевает рот, зубы видны страшные – а он улыбается и показывает вот, мол, смотрите, какая она сильная и страшная – а потом им – как лучшим гостям! – капает в рюмки с водкой по капле

змеиною яда! Ну, куда денешься – наши выпили. Смотрят – остались живы. Подают им разные закуски и кушанья. Вдруг смотрят – несут в зал дикого кота в клетке. Кот, конечно дело, пугается, – Александр Никитович, – продемонстрировал руками и лицом, как испуганный кот бросается на решетку клетки то сюда, то туда, да еще и зарычал наконец, – а нашим объясняют – смотрите, кот, мол, здоровый! Ну, показали кота, унесли, вскоре им этого же кота подают на блюде – ешьте, дорогие советские товарищи, на здоровье! А что тут сделаешь – никуда не денешься, – со вздохом удрученно признался Александр Никитович и подытожил: – Ели и не блевали!

Из Свистуновского репертуара Михаил на всю жизнь взял в качестве действенного средства призыв: «А вы посмотрите повнимательней!» – и подытоживающие вынужденную неприятную ситуацию слова: «Ели и не блевали.» Первая реплика нередко заставляла отказывающую сторону уступить нежелаемому посетителю, вторая мобилизовывала ради неизбежного преодоления отвращения. Своими рассказами Александр Никитович Свистунов довольно глубоко внедрил в сознание и память Михаила: невысокий скромный человек с приятным лицом, в очках, мечтатель, которому жизнь не дала развернуться, инстинктивный искатель Истины, глубоко погруженный в разрешение загадок жизни естественный натурфилософ. Да, а еще он предвидел, что Михаил Горский далеко пойдет, что роль инженера-конструктора даже I категории для него мала. И все-таки вопреки

его прогнозам заместителем Главного Конструктора Михаил так и не стал. То главное дело, которое он видел для себя в жизни, заставляло его действовать в более высоком ранге – главного конструктора своих собственных мысленных построений, будь то литературные произведения или философия бытия.

Литературная работа взыскала с него очень много – сколько раз с яростью и злостью на себя он заставлял себя возвращаться к застопорившемуся было делу, как много сил приходилось затрачивать на то, чтобы выравнивать по выразительности и звучанию все свои тексты по их лучшим местам, прежде чем удостоверяться, что лучше обо всем этом уже не сказать! Но и дала ему эта литературная любимая и угнетающая изнуриловка тоже очень много. Она натренировала ум в большей степени, чем этого можно было достичь какими-либо устными дискуссиями. Бумага дисциплинировала автора взыскательней, чем живой оппонент. Если бы Михаил не сделался писателем, он наверняка бы не стал и самостоятельно продвинутым философом, каким он себя признавал, считая, что делает это по праву. Конечно, он был обязан людям, с которыми общался, не меньше, чем бумаге, но только она учила его так оттачивать мысль, чтобы собеседникам и оппонентам все меньше хотелось возражать ему или утверждать, что он неправ, если у них кроме самолюбия и сомнения находилась в душе еще и элементарная честность.

Вот с Николаем Васильевичем Михаил общался иначе,

чем с Александром Никитовичем. К своему первому шефу в ОКБС он испытывал постоянное, ежесекундное уважение за честность и доброжелательство, за стремление передать максимум того, чем можешь поделиться, другому человеку, на которого рассчитываешь и надеешься, так как понимание его способности соответствовать надеждам было считано с его лица буквально во время первой встречи. Нередко уважение к своему наставнику перерастало в восхищение его способностью проникать своим умом в никому еще не ведомое. Работа вместе с Николаем Васильевичем в основном в роли ведомого в огромной степени предопределила специализацию Михаила в новом деле, которому из-за его новизны не смогли правильно подобрать точное название – сначала классификация, систематизация, только потом информационно-поисковые языки. Именно эта работа подготовила не только переход в новую сферу из чисто инженерных занятий, в которых он уже подтвердил свою способность творить то, что полагается хорошему инженеру, в сферу более абстрактного искусства, где отвлеченные от конкретики знания играли более значительную роль, нежели в конкретной конструкторской работе. Наконец, очень важным оказалось и то, что, следуя мыслью за Николаем Васильевичем и самостоятельно развивая ее, Михаил подготовил себя к сотрудничеству и восприимчивости, сыгравшей в его жизни столь значимую роль в результате встречи с Михаилом Петровичем Даниловым. Эти два человека – Ломакин и Данилов –

стали, каждый по-своему, проводниками Михаила в новый мир, где могло бы быть очень интересно работать в полную силу своего ума, если бы тот не был бы уже посвящен иному призванию. Однако и тот ограниченный интерес к делу, которое кормило его, значил очень немало после отхода от конструкторской работы, которая никогда не переставала быть для Михаила источником предположений куда большей значимости, чем можно было ожидать, отрываясь от проектирования в сфере производства машин.

Казалось бы, насколько меньшим и незначительным было для Михаила влияние со стороны Осипа Григорьевича Гольдберга, но и оно оказалось полезным в его самостоятельной научной практике, хотя никаким примером поведения Гольдберга он следовать не собирался. У Осипа Григорьевича были свои счеты с жизнью, он выработал свои стереотипы поведения и мышления в том мире, где должен был проявлять себя и Михаил. Знания, преподанные или продемонстрированные ему Гольдбергом, просветили насчет того, в каком именно реальном мире ему поневоле – хочешь – не хочешь – придется прокладывать себе путь. Поведение Осипа Григорьевича яснее ясного говорило о том, какие факторы реально влияют на успех дела, даже более очевидно, чем предложенное грамотно проработанное и рациональное инженерное решение. Благодаря «знаниям от Гольдберга» можно было ожидать, откуда и по каким причинам тебя уже атакуют и дальше будут атаковать, где тебя уже под-

ставили и еще будут подставлять, если не примешь вовремя контрмеры. Понимать характер препятствий и угроз на поле боя всегда очень важно. Тем более хорошо, когда тебя заранее предупреждают насчет них.

Курс подготовки к его первой начальственной должности в институте занял, таким образом, девять с половиной лет. Оглядываясь на служебное прошлое, Михаил не находил, чтобы у него были возможности сделать карьеру побыстрее. Для этого, как минимум, потребовалось бы вступление в партию, а так он вполне благополучно обошелся без этого. В ОКБС его, правда, уже начало тяготить одно обстоятельство – что он слишком долго делал работу за нескольких человек, получающих больше него. Теперь он, все так же работая за нескольких человек, получал все-таки больше любого из них как заведующий отделом – правда, лишь потому, что в то время в его подчинении еще не было людей с ученой степенью. Но потом и такое случилось. Когда он вернулся из центра Антипова назад в институт Панфёрова, в его бывшем отделе усилиями Люды Фатьяновой и, в еще большей степени, Саши Бориспольского, трудились, кроме этих двоих, еще три кандидата наук. Не считая Люды, которая сразу же перешла в новый отдел, уважение к себе как к научному работнику, вызвала только Лена Сморгунова – от нее одной не разило ни халтурой, ни использованием чисто договорных средств продвижения и защиты диссертации по принципу «ты мне, я тебе.» Но и она не стремилась

взять на себя груз потяжелее в соответствии со своей вполне обоснованной научной репутацией. А соискателей ученой степени в отделе было еще четверо, работавших, как и Бориспольский шесть лет назад, преимущественно на самих себя, причем некоторые симпатии к себе вызывала только одна из них – Татьяна Молчанова, незамужняя покуда молодая женщина, приближавшаяся, однако, к черте, за которой она перестала бы выглядеть молодой. Но и ее дамские достоинства не превалировали над теми качествами, которые были присущи всем рационалистическим научным эгоистам, которые стремятся больше получить от науки, чем самим внести в нее. Да, Бориспольский, Беломоров и Прилепин, а с ними Вайсфельд, Давыдов, Бакулов и Молчанова, особенно первый, с точки зрения дела выглядели несколько лучше и полезнее, чем Лернер, Берлин и Фишер в том же институте семью годами ранее, однако не намного. Но Михаил давно смирился с тем, что с грехом пополам может добиваться для себя только зарплаты, а не определенного состава сотрудников, становясь их начальником.

Но на этом фоне его заботила не личная перегрузка, а только одно, – чтобы работа по найму не мешала продолжать собственные труды по призванию, а поскольку так оно в общем и выходило, он не жаловался на судьбу и не искал другой участи, если его начальники не старались злонамеренно отравлять ему жизнь. А вот этого избежать как раз не удавалось.

Вскоре после начального знакомства с обновленным составом своего старого отдела произошла одна история, которую можно было бы считать забавной, если не смешной, когда бы суть ее не относилась к разряду шуток. В отдел на отзыв поступил автореферат диссертации по тематике информационного поиска, фамилия диссертантки Михаилу ничего не говорила. Он сразу же спросил у Бориспольского, знает ли он, кто она. Оказалось, знал. Он присутствовал на каком-то совете, где она выступала по теме диссертации. Претендовала она на признание своей системы, пригодной как для документального, так и фактографического поиска информации. Это было что-то новенькое. Саша со смехом подтвердил: «Да, что-то новенькое!» – и добавил, что диссертантка не смогла объяснить, чем отличается документальный поиск от фактографического, а когда ей из зала дали понять, что объектом поиска в документальной системе являются документы как таковые, тогда как в фактографической системе – отдельные факты, выделенные из документов, она, пожав плечами, ничтоже сумняшеся, ответила: «Ну и что?» – «И чем закончилось обсуждение ее опуса?» – поинтересовался Михаил. – «Одобрением и рекомендацией представить в ученый совет на защиту». – «Вот как?» – «Да, очень просто. – подтвердил Бориспольский, как какой-нибудь из героев Марк-Твеневского «Янки при дворе короля Артура». – Ведь она любовница министра не то электроники, не то радиопромышленности». – «Хороша?» – спро-

сил Михаил – «да, ничего не скажешь – красивая женщина». – «Ну хоть это, – подытожил Михаил. – Другие достоинства не обязательны». – «Там-да! – согласился Саша, показав пальцем вверх в потолок. К науке, правда, кроме хорошего дамского экстерьера и административной поддержки со стороны любовника – министра, приложить было нечего. Но и так все было решено в пользу почти ученой любовницы. Однако насколько далеко простиралась забота министра в отношении его пассии, Михаил узнал сутками позже. По местному телефону ему позвонил заместитель директора по кадрам и режиму Плешаков. Несмотря на их постоянную взаимную неприязнь, на сей раз Плешаков говорил непретенциозным тоном: «Михаил Николаевич, вы получили автореферат диссертации на отзыв?» – «Да, получил». – «Надо обязательно подготовить хорошее заключение. Хотелось бы, чтобы оно было как-нибудь потеплее».

Михаил подумал, стоит ли валять Ваньку, чтобы вызнать что-то насчет этой дамочки, но решил, что не стоит. Какая разница, что он скажет, на что намекает или о чем наврет? Плешакову аж по линии первого отдела, то есть КГБ, приказали обеспечить выдачу похвального заключения. Насчет того, чтобы оно было «потеплее» – это уж Плешаков от избытка нежных чувств к любовнику дамы и верноподданейшего усердия заказал от себя.

– А кто подпишет отзыв? – спохватился вдруг Плешаков, испугавшийся, что выполнил задание не полностью – ему

было велено, чтобы подписались самые что ни есть авторитеты.

– Я и Елена Михайловна Сморгунова.

– Очень хорошо. Вы уж не подведите наш институт.

Ах, как просто решались научные задачи, когда к их решению прикасались министры! А что было бы, если бы это исходило от самого генерального секретаря? – разумеется – каждое слово ТИТУЛА с большой буквы – Сам Генеральный Секретарь? – Надо думать, обошлось бы не только без защиты, но и без обязательного внесения суммы в размере трех рублей БЕЗ СДАЧИ, как требовали со старшего Кербера.

Впрочем, кто-то (разумеется, не министр) мог счесть для себя приятным и полезным заплатить за диссертантку три рубля из своего кармана в надежде на то, что и такая небольшая услуга будет со временем хорошо оценена.

Ах, сколько, оказывается, есть нерастраченной на подчиненных настоящей человеческой теплоты не только к лучшим людям своей страны и государства, но и к их боевым подругам и друзьям! Разве может быть жалко наградить их, разумеется, по заслугам, не только ученой степенью кандидата наук, но и сразу доктора, а если надо (или больше подходит) – то и лауреатом государственной премии, или званием народного артиста СССР, или чином генерала, а то (когда человек особенно близок) и маршала. Отлаженная система партийно-государственной любви подпитывалась холуйской жадой прислуживать барам там и тогда, когда им

будет особенно приятно, поскольку это делает их особенно восприимчивыми и ласковыми с теми, кто так удачно им прислужил. Гнида Плешаков был образцовым функционером этой «системы любви». У него душа горела готовностью выразить свою любовь и искреннюю старательность в любом случае, даже когда не было абсолютно ясно, что его услуга будет уместна. В своем энтузиазме он исходил из того, что вдруг это понравится, вдруг его именно за это вознесут на такую орбиту, с которой люди, бывшие прежде по соседству с ним, в том числе коллеги по услужливости и подхалимажу, будут казаться букашками, тогда как он им ФИГУРОЙ, которой необходимо а, главное, имеет смысл служить. Пока что у него не все получалось.

Члены добровольной народной дружины, над которыми по должности шефствовал Плешаков, в момент кульминации каждой предвыборной компании привлекались к дежурству на избирательном участке – совсем особенном участке, где голосовала почитай что половина старцев – членов политбюро со своими женами. Учитывая важность мероприятия, Плешаков лично прибыл к избирательному участку в момент начала дежурства «его» дружинников. Разумеется, по-настоящему там дежурили офицеры девятого главного управления КГБ, но для «антуража» снаружи здания оставляли и обычных дружинников. Рассказывал о произошедшем переводчик из отдела зарубежной информации института приятель Михаила Володя Берзон – он тоже забла-

говременно прибыл на место дежурства с повязкой на руке, как и еще несколько человек «согласно разнарядке». На ступенях входа в здание офицеры в штатском проверили их удостоверения дружинников и сказали: «Так, оставайтесь здесь, ребята». Улыбающийся от того, что всё с дежурными дружинниками оказалось в порядке, Плешаков приблизился к контролерам из органов и представился: «Я заместитель директора института по кадрам и режиму, в котором работают эти дружинники». Бегло взглянув на фигуру и физиономию Плешакова, старший из проверяющих – отрывисто бросил в ответ: «Пошел на хуй!». Это произошло так быстро, а сказано было столь будничным тоном, что Плешаков не поверил ушам и повторил: «Я заместитель директора института по кадрам и режиму...», однако договорить ему не дали. На сей раз сказано было громче и более грозно, практически то же самое, что и в первый раз, но с добавлением еще одного слова: «Пошел отсюда на хуй!» Видимо, у офицера хватало на сегодня забот, а тут какая-то блядь приставала к нему со своим замдиректорством, намекая и на свою принадлежность к конторе, о чем ее никто не спрашивал, будто и она «одной крови» с ответственными занятыми людьми. Не снимая с лица радостной улыбки, оплеванный в присутствии подчиненных в своих лучших верноподданейших чувствах, Плешаков нехотя удалился от входа в избирательный участок.

Казалось бы, такой случай мог бы произвести серьезное

воздействие на сознание человека и заставить его пересмотреть собственные взгляды, представления и цели, но это только у людей с хорошим чувством собственного достоинства. А у Плешакова его не то что не было, но и не должно было быть, потому что он подавил его в себе в тот момент, когда определил для себя путь наверх. Ограждать себя от неблагоприятных воздействий со стороны других людей, как он давно уже понял, можно было только тогда, когда они находятся под тобой, зависят от тебя, а не тогда, когда они находятся выше. Система признавала и руководствовалась принципом однонаправленного соблюдения достоинства – оно неусыпно охранялось как индивидами, так и государством, только тогда, когда речь шла о покушениях на него со стороны нижестоящих, тогда как вышестоящих в этом смысле не ограничивало ничто.

С этим принципом Михаил впервые начал бороться еще на «Счетчике». Свое он тогда отстоял, но систему, конечно, не нарушил. Она воспроизводила себя ежедневно и ежечасно, успешно возрождаясь после мелких уколов. Единственное, в чем чиновные деятели находили для себя некоторую моральную компенсацию за вынужденный ущерб от действий вышестоящих лиц – это мгновенно переходить от сладчайшей лестии и безмерного терпения к намеренной грубости и хамству при обращении от своего лица к подвернувшимся под руку нижестоящим. Плешаков на все сто процентов соответствовал такой модели поведения. Михаил по-

дозревал, что сильнее всего раздражает Плешакова именно тем, что тот вынужден бывал при всех контактах сдерживать себя с ним. Психика любых животных не выдерживает существования в постоянном напряжении без разрядки. Как абреки, скрывающиеся в горах годами, в конце концов сами выходят в люди, где и находят себе смерть, дабы не стать жертвами сумасшествия, так и обхамленный хам не чувствует себя комфортно, если не проявит себя таковым в отношении зависимого и более слабого духом.

Лишь те, кто, не роняя достоинства, одинаково корректно ведут себя как с начальниками, так и с подчиненными, оказываются способными сохранять достоинство, не роняя ни себя, ни других. Конечно, это тоже требует большого напряжения, порой огромного, но только это спасает от внутреннего стыда за себя. А такие, как Плешаков, умели спокойно жить с ощущением позора в надежде на то, что со временем они смогут расширить круг безропотно попираемых ими. В этом был смысл их стремления наверх во что бы то ни стало и несмотря ни на что.

Через одного из сотрудников института, у которого имелись родственные связи с людьми из партхозноменклатуры, Михаил получил подтверждение словам Люды Фатьяновой, что Плешаков действительно числится в резерве на номенклатурную должность. А спустя полгода после этого Плешаков получил новое назначение. Его сделали заместителем председателя исполнительного комитета районного совета

депутатов трудящихся в том же районе, где находился институт. В институт он все равно продолжал заходить, скорее всего, видя себя в роли почетного гостя, посещающего места своей недавней заслуженной славы. Одним из достижений руководства института в бытность Плешакова заместителем директора по кадрам и режиму была реорганизация отдела Горского. Из его состава вывели сектор Бориспольского и передали его в другой отдел, где начальником был клеврет нового заместителя директора по тематике классификации Климова. Этим достигалось сразу несколько целей. Бориспольскому и всем его полудиссидентам прикрыли доступ к «легкой жизни», до сих пор успешно защищаемой усилиями Михаила. Сморгунова, замешанная в связях с настоящей диссиденткой Еленой Боннер, была выставлена в отдел терминологии к Полкиной, где, по расчетам Плешакова, существовать вообще не могла. Горский лишился, по мысли того же Плешакова, опоры на нелояльных власти «вшивых интеллигентов», которых тот так недальновидно опекал, к тому же Михаил получил чувствительный щелчок по носу, который должен был в назидание ему показать, что все в их власти – на этот раз его лишили одного сектора, в другой раз могут отобрать отдел. Собственно, уходя на службу в райсполком, Плешаков оставил своему преемнику Картошкину именно такое духовное завещание. Климов его полностью одобрил. Еще недавно он был таким же зав. отделом, как и Михаил, и теперь ему очень хотелось показать послед-

нему, что он отнюдь не считал и не считает, что бывший отдел Фатьяновой, а затем Горского является основным средоточением интеллекта в направлении классификации и вообще в институте. Добровольная агентура уже доложила Михаилу, что соответствующий сговор «замов» состоялся, и потому он не удержался от улыбки, когда во время первой же его беседы с только что вошедшим в новую должность Климовым услышал, что тот прежде всего хочет его заверить в поддержке отдела Горского во всех его начинаниях.

Надо сказать, что Климов, выпускник все того же МВТУ им. Баумана, который некоторое время вел там преподавательскую деятельность и защитил диссертацию, по словам Фатьяновой, отличался в большей степени женолюбием, чем интеллектом. Он и впрямь был высоким и видным мужчиной, правда, с несколько меньшей по размеру головой, чем требовалось для полного соответствия нормальной пропорции между нею и телом. У него имелись любовницы и в институте, и за его пределами. Впрочем, здесь же, в институте, работала и его жена. С его стороны было явно неосторожно грешить рядом с супругой, но ему достаточно долго везло, прежде чем его не накрыла «на столе» за сексуальными занятиями с сотрудницей другая сотрудница, которой он уже предлагал аналогичные удобства, и она подала на Климова заявление в партбюро направления, которое возглавляла тогда Люда Фатьянова. Перед Людой открылся выбор – поддержать обвинение или замять скандал. Она при-

зналась Михаилу, что довольно долго колебалась, как поступить. С Климовым у нее не было прямых служебных столкновений, но она чувствовала, что поддерживаемая директором Панферовым несколько дутая высокая репутация ее отдела раздражает и задевает его. С другой стороны, она совсем не жаждала явного скандала вокруг личности члена партии, который, конечно же, непременно ударил бы рикошетом по его жене – достаточно привлекательной женщине, для которой, вероятно, создал бы более травмирующую ситуацию, чем для ее греховного супруга. В конце концов Люда выбрала второй путь – замять это дело. Жалобщица вскоре после этого уволилась из института, а Климов перевел дух. Теперь он должен был особенно благодарить Люду – сделай она иной выбор, Климов не стал бы заместителем директора. Но о той упущенной возможности жалела уже не она, а Михаил.

Надо сказать, что идея расчленения отдела Горского возникла не у самого Климова. Однажды он просто пожаловался своему сотруднику Вайсфельду, что отделом Горского никому не удастся управлять. Впервые человека с фамилией Вайсфельд Михаил узнал еще в ОКБС, когда в составе того отдела, в котором была бригада Ломакина, организовали новую бригаду эксплуатационно-технической документации. В ее составе оказались сплошь отставные полковники-инженеры ВВС, а возглавил бригаду полковник Александр Михайлович Вайсфельд. Во время войны и после нее

служил в дальней бомбардировочной авиации. А до войны еще молодым бортмехаником он участвовал в знаменитой Папанинской экспедиции, когда бомбардировщики ТБ-3 впервые осуществили посадку на дрейфующий лед в районе точки Северного полюса. Александр Михайлович рассказывал, как перед каждым вылетом во время той экспедиции приходилось долго колотить громадными деревянными колотушками по лыжам шасси, прихваченным морозом к снегу, прежде чем самолету удавалось сдвинуться с места. Возможно, участие в той воздушной экспедиции продолжало быть самым ярким и героическим эпизодом во всей его жизни. Но если отвлечься от героизма, он был явно знающий специалист и хороший инженер. Между ним и Николаем Васильевичем сложились довольно теплые отношения, а с кем попало Николай Васильевич не дружил. Вскоре после поступления в институт директор Беланов при случае спросил Михаила, знает ли он полковника Вайсфельда. — «Из дальней авиации? Знаю. Я работал в том же отделе ОКБС, что и он, только в другой бригаде.» — «Он хорошо о вас отзывался,» — заметил директор, как показалось Михаилу, несколько разочарованный тем, что не услышал от него встречных положительных откликов, но делать это Михаил считал себя не вправе.

А перед самым повторным возвращением в институт уже на место Людья Фатьяновой Саша Бориспольский спросил Михаила, знает ли он Вайсфельда. — «Александра Михайло-

вича?» – спросил Михаил. – «Да,» – подтвердил Бориспольский. – «Знаю, – сказал Михаил, – это полковник из дальней авиации, потом работал там же, где я, до первого поступления сюда. А что?» – Саша в ответ покачал головой – нет, это другой человек. Он никак не мог служить в дальней авиации, хотя он тоже именно Александр Михайлович и отец его полковник; кстати, он тоже работает в нашем институте, – только на сей раз Михаил Яковлевич. А Саша сотрудник моего сектора. Он относительно недавно перешел к нам из академического института кристаллографии, а до того он окончил мех-мат МГУ, математик».

Новый Александр Михайлович Вайсфельд оказался молодым человеком, напоминающим своей бородкой персонаж Эдуарда Мане в картине «Завтрак на траве». Михаил сразу подумал, что Сашу Вайсфельда роднит с художником «на траве» не только бородка – видимо, с любовью к обнаженным дамам дела у него обстояли так же хорошо, как у них. Собственно, так и оказалось. Саша не скрывал своих подвигов. Отдельские дамы, полусмеясь, полусерьезно, говорили, что им уже надоело по его просьбам звонить по телефонам и подзывать его пассий своими голосами, дабы ввести в заблуждение мужей. Саша и сам был женат, но его совершенно не заботила конспирация в кругу коллег – не столько потому, что не боялся, что его кто-нибудь «продаст», сколько потому, что он открыто исповедовал взгляды насчет того, что супружеская неверность в довольно широ-

ких пределах способна только укреплять супружескую любовь. Сам он не только пропагандировал эту теорию, но и активно внедрял в собственную практику, уверяя слушателей в том, что он и свою жену побуждает к аналогичному поведению. Разумеется, в этом для нашего старого мира не было ничего нового. Освежать свою страсть за счет использования новых партнеров наряду со своими основными умели уже очень давно, но, как показывала история, в таких случаях вряд ли можно было надеяться на осуществимость первоначальной мечты обоих супругов: дать друг другу именно счастье, а не освобождение от повышенных обязательств в отношении друг друга, которые они оказались неспособны осуществить.

Саша Вайсфельд утверждал, что его фамилия не еврейская, а немецкая. Кто бы спорил, что она немецкая, как и с тем, что больше половины евреев в России имели немецкие фамилии? Но дело не в том, что он таким образом отмежевывался от своей неудобной в определенных случаях национальности (хотя в других случаях как раз очень удобной, например для выезда за рубеж) – отнюдь нет! Он просто таким образом ссылался на факт получения его, скорей всего, прапрадедом – кантонистом после выслуги лет на государственной службе бумаги, в которой этот предок именовался «русским иудейско-вероисповедования», а фамилию этот предок получил от полкового командира – немца Вайсфельда. Словно стараясь специально перечить основателю

рода Вайфельдов – русских иудейского вероисповедания – сам он был евреем православного христианского вероисповедания. В этом качестве он проявлял себя как посетитель храмов, как сознательный мирянин, старающийся стать возможно более образованным в богословском смысле человеком путем внимательного изучения соответствующей литературы и поддержания близкого знакомства с некоторыми православными священниками. По внешним признакам он и был сознательно пришедшим к вере во Христа российским интеллигентом. Правда, заповедь Христа «не возжелать жен ближних своих» была явно не для него. Однако с этим своим доктринальным несоответствием вере он, по-видимому, вполне легко примирился, – оно совершенно не мешало ему жить ни как человеку, ни как христианину. Как вдруг с ним произошла невообразимая ни для окружающих, ни для него самого перемена – не иначе, как по собственной Воле Божьей он вдруг влюбился в Ламару Ефремову, с которой уже год или больше проработал бок о бок, думая о каких угодно женщинах, только не о ней.

Ламара уже второй раз была замужем и не так давно родила сына. Ее муж заведовал в институте отделом дизайна. После скандальной истории с начальницами Люси Кононовой Яровой и Малкиной из-за связи первой с председателем Госкомитета, из которой (то есть из скандала) наибольшую пользу извлек тогдашний муж Малковой, ставший затем мужем Ламары – человек недурной наружности, одевавшийся

со вкусом архитектор, был любителем женщин не в меньшей, хотя, скорей всего, и не в большей степени, чем Саша Вайсфельд. Вероятно, чувства к Ламаре, достигшие достаточного накала для того, чтобы жениться на ней, по прошествии времени несколько утратили остроту и позволили вернуться к внесению разнообразия в личную жизнь. Так оно было или не так, Михаил мог только догадываться. Когда около десятка лет назад он сам ухаживал за Ламарой после того, как освободил ее от гнета Дианы Прут, ему быстро стало понятно, что Ламару он мало интересуется – слишком уж они были разноувлеченными людьми, причем с достаточно разняющимися вкусами. Она принимала его ухаживания главным образом из благодарности и из вежливости. Ограничивать себя подобным эмоциональным ассортиментом Михаил совершенно не желал и вскоре без сожаления оставил ее в покое.

Ламара еще в то время узнала от него who из кто и кто из who в истории Яровой – Малкиной, председателя госкомитета и дизайнера, однако это не помешало ей сначала с удовольствием принять ухаживания последнего, а затем выйти за него замуж. Единственное, что почувствовал Михаил, узнав об этом, было лишь удивление – не чрезмерное, действительно абсолютно лишённое обиды, но тем не менее немало его озадачившее. Видно, до этого он все-таки плохо себе представлял, что отрицательная информация о герое сексуальных интриг настолько мало значит

для женщины, которой интересен в мужчине его внешний блеск. Когда Ламара приступила к работе, вернувшись из декретного отпуска, она быстро поняла, что Михаилу от перемен в ее судьбе ни холодно – ни жарко. А когда Саша Вайсфельд вдруг буквально пустился ради нее во все тяжкие, это опять-таки удивило Михаила, но только слегка – Саша словно не обращал внимания на то, что обжигавшие его чувства к Ламаре не вызывали в ее душе сходных по силе эмоций. Тем не менее, она приняла всю его безмерную любовь, не особенно щедро отпуская в ответ свою. Это было видно в отделе всем. Видел, наверно, и Вайсфельд – дураком его никак нельзя было считать – но, видно, он ничего не смог с собой поделать. Как говорил Булат Окуджава: «И страсть Морозова схватила своей мозолистой рукой». Пусть не Морозова, а Вайсфельда. И не Циркачка, а Ламара, но схватила в серьез. Когда Ламара и Саша попадались Михаилу на глаза в рабочее время где-нибудь за стенами института, он не делал вид, что не замечает их, но не останавливал и глупых вопросов не задавал. Возможно, по началу Ламара опасалась, что начальнику это сильно не нравилось. Но он ничем не мешал начавшимся у них отношениям – его они просто не касались – никак. То, что доходило до ушей Михаила через сотрудников (главным образом, женского пола), убеждало что эпоха свободного, точнее вольного обращения с женщинами для Вайсфельда бесповоротно ушла в прошлое. Теперь он просто жил и дышал Ламарой,

а она жила с ним и с мужем, и это причиняло ему боль, потому что сам-то он срочно развелся с женой, которую раньше сам же призывал себе изменять, покупал и дарил Ламаре дорогие модные вещи, которые отказывался приобретать для нее муж. Ради этого Саша зарабатывал деньги подготовкой школьников к сдаче экзаменов по математике в институт. Учеников у него было много, трудности поступления в институт напрямую влияли на рост репетиторских гонораров – и почти все они из его кармана шли прямо на Ламарин Алтарь. Такого преобразования от Саши Вайсфельда не ожидал никто – ни его главный приятель Саша Бориспольский, ни другие сотрудники – «просто коллеги». Пикантность к ситуации добавляли решительные стремления Ламары заставить всех признать, что между ней и Сашей ничего не происходит. Было ли это вызвано необходимостью маскироваться, учитывая, что она «гуляла с Сашей при живом муже», который работал не где-нибудь, а всего лишь на соседнем этаже, и ей совсем не нужны были никакие осложнения из-за романа на работе. Так это было или не так на самом деле, но любому стороннему наблюдателю такая конспирация казалась попыткой с негодными средствами. Никогони мужа, ни сотрудников – она убедить не могла. Саша же постоянно страдал из-за непреклонного желания Ламары продолжить блюсти скверную и бесполезную маскировку вместо того, чтобы сразу придать их отношениям то, чего им не хватало: законности, законности в браке, которая одна могла прине-

сти успокоение Саше, но не Ламаре. К тому же она не упускала случая устраивать Саше обидные публичные разносы менторским тоном, а он не смел ей ничего возражать, когда она активно доказывала ему свое право всегда быть постоянно правой и, видимо, была способна легко взыскать с него за несогласие лишением постели в очередную среду, когда они оба брали себе библиотечный день. Ради того блаженства, которое он надеялся получить в этот день, он готов был терпеть в остальные дни что угодно.

Михаил Яковлевич Вайсфельд воспринимал новую любовь и страсть своего сына с нескрываемым огорчением. Не говоря уж о том, что тот бросил жену и дочь, разменял квартиру, да и вообще переменялся против обычного рода мыслей и поведения, он видел жизнь сына жалкой и неустроенной, и в этом он определенно винил Ламару. Несколько раз в разговорах с Михаилом на разные темы старший Вайсфельд возвращался к судьбе сына, произнося вслух его имя и испуская тяжелый вздох. Вообще-то Михаил Яковлевич относился к классу неостановимых говорунов, но насчет отношений Ламары и Саши он просто не находил приличных слов, а от произнесения неприличных все-таки воздерживался. Он еще до войны закончил военную академию, во время войны пиком его карьеры стала должность начальника штаба дивизии. Видимо, ему нравилось делиться воспоминаниями с внимательными слушателями, и в Михаиле Горском он видел одного из них. Время от времени он захо-

дил к нему просто потрепаться. Это не всегда приходилось кстати, не все, о чем он рассказывал, было сплошь интересно, но он все говорил и говорил, воспринимая вежливость, как свидетельство заинтересованного внимания, и в таких случаях Михаила брала тоска, Тем не менее, он считал полковника Вайсфельда человеком, в немалой степени умудренным опытом жизни, да и каким еще можно было сделаться, пройдя через горнило такой войны? За одно это можно было потерпеть нескончаемый континуум его рассказов, чего бы они ни касались: учебы, войны, работы, отношений между людьми. Михаил Яковлевич работал в институте на половине ставки. Посещая место службы через день, чтобы не лишать себя какой-то части военной пенсии, он был кем-то вроде советника при начальнике информационного фонда стандартов и участвовал в разработке проекта совершенствования технологии работы этого фонда. За образец организации, осуществляющей масштабное обслуживание абонентов. Вайсфельд и его заведующий отделом Юрий Николаевич Соловьев взяли средний почтамт, потому что величина оборота корреспонденции в нем была того же порядка, что и объем документального оборота и абонентского обслуживания в фонде.

Защищать свой проект им пришлось в секции научно-технического совета направления классификации, потому что отдел программного обеспечения и вычислительный центр относились именно к этому направлению, а его глава –

первый заместитель директора института Сааков весьма заметно недолюбливал и Соловьева и Вайсфельда. В чем именно коренилось такое отношение, Михаил не знал, но беспокойство за судьбу проекта, а то и за свою судьбу, у авторов проекта было весьма заметным. Оба Вайсфельда – отец и сын – через Сашу Бориспольского попросили помощи у Михаила. На заседании секции Бориспольский подсел к нему. После доклада, сделанного Соловьевым, очень неглупым и знающим человеком, но с заслуженной репутацией демагога, замдиректора Сааков пошел в атаку.

Отчасти его критика была по делу, отчасти – нет, но все говорило о том, что обвинительный уклон характерен не только для советских судов и прокуратуры, и обещало забить в гроб проекта последний гвоздь. Несколько выступивших поддержали в тех или иных частях разгромное мнение Саакова, что, конечно, неожиданностью не являлось. Михаил по обыкновению не спешил ввязываться в дискуссию. Бориспольский давно знал за Михаилом способность выступить под занавес обсуждения и опрокинуть уже вполне сложившееся решение большинства. Наконец, Саша не выдержал и, очевидно, опасаясь, что Михаил вообще не станет выступать, громко прошептал: «Михаил Николаевич! Надо спасать Вайсфельда!» К этому моменту Михаил уже решил, о чем будет говорить. Начал он с вещей, вызвавших острое неприятие Саакова, и тот в знак согласия закивал головой. Затем Михаил перешел к другим вопросам,

показал, что в проекте они решены рационально, и вернулся затем к вдрызг раскритикованным предложениям, показав, что в связи с удачным решением производственных вопросов и путем корректировки некоторых основных посылок проекта его вполне можно доработать до уровня практической пригодности. С этим Сааков спорить не стал. Проект решения, оставшийся жестким, был все-таки смягчен, и прямой угрозы дальнейшему пребыванию старшего Вайсфельда в институте уже не содержал. Сашка Бориспольский перевел дух.

Михаил не ждал благодарности ни от него, ни от Вайсфельда, считая, что выполнял не акт спасения, а всего лишь оценивал работу по справедливости, и благодарных слов ему действительно не сказали, что было в порядке вещей. Но вот что именно старший Вайсфельд в «благодарность» Михаилу посоветует Климову разрубить его отдел и вывести сектор Бориспольского в отдел разработки автоматизированной системы информации по стандартам, Горский все же не ожидал. А Михаил Яковлевич, вроде даже как с удовольствием, сам рассказал ему о своем совете Климову, не знавшему, как управляться со строптивым отделом и его строптивым начальником. И тут Михаил Горский понял, что перед ним человек, которому важнее казаться себе и другим постоянно правым и компетентным во всем. И это делалось не объективности ради, а ради поддержания репутации специалиста по выходу из любого положения, как на войне, не об-

ращая внимания на то, кому и чем он обязан, и даже не думая о более отдаленных последствиях своего совета., ибо выжить надо было именно в данный момент – другого не будет: на войне как на войне! А последствия были далеко не самые благоприятные ни для Вайсфельда-сына, ни для Саши Бориспольского, не говоря уже о Михаиле, которого Климов решил изничтожить в первый же момент своего вступления в новую должность. – «Отблагодарил, ничего не скажешь,» – всякий раз думал Михаил, когда старший Вайсфельда, ничуть не смущаясь, приходил к нему поболтать. Но теперь, когда Михаил Яковлевич заводил очередную бесконечную сольную арию, Михаил Горский, прослушав его не дольше пяти минут, извинялся, что у него дела. А сектору Бориспольского в другом отделе приходилось не сладко. – и даже не столько потому, что догляд за ними стал более пристальным и взыскательным, сколько из-за того, что пропала согревающая душу атмосфера чего-то вроде душевного родства.

Люди один за другим стали уходить в другие организации. Саша Вайсфельд устроился программистом в институт патентной информации. Саша Бориспольский пришел к Михаилу с предложением искать новую работу для них обоих. Зная о том, насколько Сашины знакомства в профессиональной сфере превосходят его собственные, Михаил согласился. Саша начал активно выяснять конъюнктуру рынка труда и через некоторое время сообщил, что в головном ин-

ституте научно-технической информации страны вроде что-то подходящее наклеивается. Их обоих попросили оставить анкеты, они это сделали и стали ждать. Где-то месяца полтора спустя Саша пришел к Михаилу и без обиняков сообщил, что его приняли в этот институт заведующим сектором, а вот другого места там не нашлось. Естественно, из них двоих выбрали его как кандидата наук. Михаил спокойно принял вдвойне приятную новость – Бориспольский как человек первого сорта устроился на новую работу, Горский как человек второго сорта работы не получил. Давно ли это стало ясно Бориспольскому, Михаил не мог сказать, – знал только, что не сегодня, но вот решил приберечь новость на потом, – «Боливар не вынесет двоих», – всплыло в голове из О Генри. И уже потом из какой-то другой американской вещи процитировал про себя: «Ты здесь лишний, Гарри». В Сашином лице он не заметил и тени смущения. Он сам единолично принял вполне осмысленное решение, когда стало ясно, что двоих не примут. Значит, лишним должен стать именно он – Михаил.

Поначалу у Саши на новом месте все шло путем. Они с Михаилом виделись на совещаниях в головном институте и на других сборищах. Внешне все выглядело по-прежнему, тем более, что Саша не заметил перемены характера отношения к нему со стороны Михаила. Теперь это был для него не просто Сашка – добрый малый, который не вредит никому, а человек, решивший делать взрослую карьеру обыч-

ными для этого средствами. – «Ну что ж – и на это стоило посмотреть, – подумал Михаил. – Не такая уж это новость, чтобы стенать и заламывать руки». Все это было в порядке вещей.

Около года Саша ни о чем серьезном не беспокоился, но потом до Михаила начали доходить слухи о том, что им очень недовольны люди, содействовавшие именно его принятию на работу. В конце концов Михаилу позвонила одна дама, которая была особенно близка Саше как по духу профессии, так и по кругу знакомств. Михаил не был с ней в особенно близких отношениях, поэтому даже удивился, поняв, что она решила ему пожаловаться на Бориспольского, не оправдавшего надежд в качестве научного работника. Это выглядело более чем странно, но Наталья Анатольевна выбрала в конфиденты именно его – не кандидата наук, никем не рекомендованного и никем не принятого, который единственно что сделал – оставил в кадрах анкету и никуда не попал. Или ее звонок следовало понять как раскаяние в том, что выбрали в свое время, в том числе и с участием этой дамы, не его, а Сашу? После телефонного разговора Наталья Анатольевна при разных встречах обращалась к Михаилу с подчеркнутым доброжелательством, хотя он ничем не старался его заслужить ни раньше, ни теперь. Это стало приятной неожиданностью, равно как и другое знакомство.

О Нине Николаевне Леонтьевой Михаил впервые услышал еще от Данилова и Влэдуца. Они даже рассматрива-

ли некий план совместной работы в одном учреждении, который так и не реализовался. Потом о Нине Леонтьевой рассказывал ему Саша Бориспольский. Она жила недалеко от института и однажды половина отдела, без Михаила, ходила к ней в гости. Несомненно, она тоже слышала о Горском, и все-таки он был немало удивлен, когда она позвонила ему на работу днем и пригласила придти. Ему открыла дверь высокая стройная женщина со спокойным приятным и внушающим доверие лицом. На ней было простое и очень идущее к лицу и фигуре платье. В голове Михаила тут же промелькнула метафорическая аналогия с Печоринским высказыванием в «Княжне Мери» Лермонтова: «Оружие дорогое, но в простой оправе». Приветливым жестом Нина пригласила его внутрь. Они тогда долго говорили на разные темы, не испытывая никаких затруднений оттого, что раньше никогда не встречались. До конца пребывания в гостях у Нины Михаил так и не догадался о причине, по которой он оказался здесь. На прощание он слегка привлек Нину за плечи к себе, чтобы поцеловать, но она неожиданно быстро отстранилась, подумав, очевидно, что он хочет от нее «того же самого что и мой друг Коля Остен-Бакен от польской красавицы Инги Зайонц», хотя подобных намерений у Михаила не было – поцелуй ему казался уместным завершением доверительной беседы. Реакция же Нины показала яснее слов, что она пригласила его НЕ ЗА ЭТИМ. Так он и остался навек со своим недоумением. Считать это обыкновенным

проявлением женского любопытства к своей персоне Михаил так и не решился, а другого объяснения не придумал. Немногие более поздние встречи с Ниной Леонтьевой точно также прошли под знаком откровенности и взаимной симпатии без претензий на большее. Душевная близость получилась без всяких стараний – не совсем мимолетно, но кратко и памятно на всю последующую жизнь. Знакомство с Ниной Николаевной Леонтьевой заставило Михаила еще раз подумать о достаточно странном круге неформального общения столь разных представителей рода *Homo sapiens*, как она и Саша Бориспольский. Нина была серьезным научным работником. В области машинного перевода с французского на русский она шла своим собственным путем, имела заслуженную репутацию среди коллег не только в своей стране, но и в мире. Саша так и не переделался из конъюнктурного халтурщика, хотя в принципе для него могло быть достижи-мо сделаться нормальным ученым среднего уровня, отчасти даже со своими идеями. Но нет, он предпочел обходиться чужими, как правило, исходящими от носителей трескучей и переменчивой моды, но несколько более способных к генерации наукообразных идей, чем сам Бориспольский. Нина Леонтьева относилась к тем, кому было стыдно гнать туфту, выдавая ее за науку; для Саши Бориспольского это был хоть и не единственный, но все-таки главный инструмент в борьбе за завоевание ученых званий и научных должностей. Конечно, Михаил и сам общался с Бориспольским, но он во-

все не считал себя членом того тесного круга, в котором роились филологи-лингвисты, нечистые рядом с чистыми. Если угодно, в свой круг мыслеоборота Михаил Горский вообще мало кого пускал, а уж таких, как Саша, заведомо не пускал никогда. В то время как Нина, бывшая и старше Саши, и умнее, общалась с ним, едва ли не как со своим близким собратом, разрешала обращаться к ней «на ты», хотя тот явно не заслуживал подобной чести, Бориспольский просто добивался признания фиктивного равенства с людьми, подобными ей. Можно ли было считать это сколько-нибудь правомерным? Михаил полагал, что нет, а в жизни, оказывается, такое легко получалось. И удивляться на самом деле было нечему. Вокруг пчел, рядом с ними, всегда крутятся трутни, которые тоже для чего-то нужны. Когда начальником Бориспольского сделался Герольд Георгиевич Белоногов, ему стало совсем неудобно. Перед очередным совещанием рабочей группы по созданию лингвистического обеспечения государственной автоматизированной системы научно-технической информации Саша позвонил Михаилу и прямо попросил о поддержке – по его представлению Белоногов должен был использовать результат обсуждения поддерживаемой Сашей концепции скорее всего для снятия его с должности. Михаил был членом рабочей группы с момента ее создания решением ГКНТ. Концепция, которую представлял Бориспольский и с которой не был согласен Белоногов, отработывалась отнюдь не одним Бориспольским – это дела-

ли Казаков, Данилов, Горский и еще несколько менее активных членов. Михаил отдавал себе отчет в том, что по ходу времени в концепции можно кое-что поменять, но никак не ее основу. Герольда Георгиевича Белоногова он знал уже с десятков лет. Это был серьезный ученый. Он трудился в закрытом институте министерства обороны, занятого решением проблем обработки и поиска информации, и уже к моменту их первого знакомства был полковником. Теперь он вышел в отставку и устроился заведующим отделом примерно по прежнему профилю в гражданский институт, давно будучи доктором наук. Взгляды Белоногова, насколько он их декларировал, были вполне на уровне передовых знаний. И если он выражал несогласие с концепцией, причиной вполне могла быть просто антипатия к Бориспольскому, поскольку он имел все возможности знать, что тот халтурщик. Михаил решил не предрешать, как он поступит на заседании рабочей группы. Единственное, в чем он заранее не сомневался, так это в том, что Бориспольский был халтурщиком, модником, но по крайней мере понимающим то, что производит, а ведь кругом было полным-полно халтурщиков куда более низкого сорта, которые не знали и не понимали ничего за исключением главного для них – как обрести ученую степень. Да, Саша не являлся образцом для подражания, да и как партнер по общему делу вполне мог без церемоний решить за обоих общее дело – раз Боливар не сможет вынести двоих, то меры к собственному спасению надо принять

до того, как о положении вещей станет ясно и другому партнеру. Но это не значило, что ему в отместку следует отказать в помощи, если ее можно будет оказать без особых затрат для себя.

Заседание давно уже шло по плану Белоногова, хотя сам он еще не выступал. Говорили о том, что старая концепция нуждается в замене новой, поскольку индексировать поступающие в фонды системы документы нерационально, без этого вполне можно обойтись за счет избыточного индексирования запросов, тем самым подстраивая лексику запросов под многовариантную лексику документов. В этой постановке вопроса не было ничего противоречащего здравому смыслу. Единственное, что при этом не учитывалось – так это тематическое разнообразие в масштабе всех фондов документов. Прежде было признано целесообразным проводить индексирование документов по макротезаурусу, чтобы проявить в его дескрипторах основные аспекты их содержания в предварительном плане, дабы документы попадали в те фонды, где они были бы «по теме», и не попадали в фонды, где они никому бы не были нужны. Но об этом теперь позабыли, как позабыли и о макротезаурусе, а выставить его «явочным порядком» из лингвистического обеспечения системы означало бы лишить ее одного из главных средств точного тематического распределения информационных потоков. Когда желающих выступить уже почти не осталось, Михаил попросил слова, и Герольд Георгиевич в обычной ува-

жительной манере пригласил его говорить. Михаил высказал все, что думал относительно корректировки концепции, обратил внимание на необходимость использования забытого другими вступающими макротезауруса, служащего средством первичного индексирования документов и неожиданно для всех получил полную поддержку присутствующих в этом вопросе. Тем самым, пусть и не специально, Бориспольский был выведен из-под удара. Эта услуга со стороны Горского позволила Саше выиграть время для поиска не абы какой, но подходящей новой работы. Потому что его нынешний шеф все равно не желал видеть его при себе. Однажды в квартире Бориспольских зазвонил телефон, и трубку взяла Сашина жена. Спрашивали Александра Борисовича. – «А кто это говорит?» – поинтересовалась Инна. – «Профессор Белоногов». – «Тебя профессор Белоногов», – несколько озадаченным тоном сказала Саше жена. С тех пор для близких знакомых Бориспольских Герольда Георгиевича именовали исключительно «профессором Белоноговым». Да, тот действительно был профессором и мог называть себя таким с полным правом, но такой пиетет в отношении собственной персоны был довольно странным и новым. То ли профессору хотелось подчеркнуть разницу между собой и профанатором, то ли он просто испытывал удовлетворение и радость даже при самоупоминании своего титула, но факт оставался фактом – ему нравилось выступать в профессорской роли – когда-то ему в этом смысле чего-то явно недодали.

Некоторое время спустя Саша подъехал к Михаилу и начал расспрашивать его об Антипове. – «Вы хотите поступить к нему?» – «Да», – подтвердил Бориспольский. Михаил пересказал еще раз все, что следовало знать желающему связать себя со своим бывшим директором, – Саша и прежде уже интересовался у него, что представляет собой Антипов. – Михаил закончил словами: «Он очень любит лезть и подхалимаж. Если точнее – он жить без этого не может, потому что тогда плохо себя чувствует. Но подхалимов все-таки не уважает и с удовольствием воздаст им должное, пользуясь их абсолютной зависимостью от себя. Чужого самостоятельного проявления мысли не терпит – считает, что его собственных идей хватает на весь его центр и даже с избытком. Если это Вас не смущает, дерзайте. Вот, собственно, и все.

Говоря это, Михаил и не думал, что Саша примет его предупреждения как прямую инструкцию для своего последующего поведения. Он не только, «дерзнул», но и в точности последовал ей. Об этом ему поведала зашедшая в институт Люда Фатьянова. Как-то при встрече с ней Саша спросил, поедет ли она на всесоюзную конференцию по научно-технической информации, которая должна была состояться под председательством Антипова где-то не в Москве. Люда ответила: «Нет. А вы?» – и тут Саша расцвел в улыбке. – «Ну, у меня с этим целая история!» – «Какая?» – «Для того, чтобы участвовать в работе конференции, надо

не только тезисы подать, но и оформить командировку в другой город. Прихожу я с этим делом к Антипову, а он мне заявляет: «А что тебе там делать?» – Я немного опешил, но говорю: «Хотелось бы поучиться!» – «У кого?» – с явным презрением спрашивает Антипов: – «У вас, Генрих Трофимович, у вас!» – И тут он прямо загорается улыбкой и говорит: «У меня учиться можно, разрешаю!» – и подписал мне командировку!»

По словам Люды, напоследок Саша даже искренне рассмеялся – наверно, был очень доволен тем, как добился своего. Люда, скорей всего, не знала, о чем Михаил предупредил Бориспольского и какой алгоритм поведения может обеспечить подходящий образ жизни. Очевидно, Саше он вполне подошел, и в этом не могло быть ни малейших сомнений – именно у Антипова он подготовил и защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук. Это было тем более рационально и удобно, потому что именно Антипов возглавлял при ВАКе экспертный совет по тематике научно-технической информации. Тому, кто не нравился Антипову, путь к ученой степени был заказан. Ну, а Саша Бориспольский просквозил к заветной цели сквозь все препятствия на зеленый свет.

С чем Михаил его и поздравил. Саша принял его поздравление совершенно всерьез. На другое Михаил и не рассчитывал.

Глава 12

В чередѣ начальников Михаила в ранге директоров и их заместителей Климов оказался единственным, кто начал на службе действовать ему «за упокой», а кончил «за здравие». Первое было много привычнее Михаилу. Собственно, Климов просто подхватил и продолжил линию поведения, почти неизменно практикуемую руководством в отношении людей упрямых, гнущих всегда свое, но именно этим время от времени оказывающихся полезными для дела. После того, как сектор Бориспольского был по совету полковника Вайсфельда изъят из отдела Горского, а его состав максимум через полгода «диффундировал» из института в другие места, Михаил по существу остался единственной персоной, которую терпеть не мог Плешаков, а с его подачи и Климов. Вскоре произошел один случай, который дал им надежду покончить с Горским раз и навсегда. Обязательное дежурство сотрудников в «добровольной» народной дружинѣ было организовано стараниями главы этой общественной структуры «по отделам». За каждый день или вечер дежурства при опорном пункте милиции в районе размещения института отвечал один определенный отдел – не важно, какой – большой или малолюдный, с преобладанием мужчин или женщин. Так было проще для Горбачева – не того, который несколько лет спустя возглавил страну и крутил ру-

лем управления, пока не загремел с машиной в пропасть, успев все – таки выскочить из нее, а для его однофамильца, заведующего вычислительным центром, который и на этом участке был пустым местом. Институтский Горбачев легко сообразил, как ему проще всего будет управляться в дружине – для этого ему всего-то навсего достаточно было составить поденный график с двумя основными графами: дата выходов на дежурства и номер отдела, обязанного организовать «выход» на дежурство с фамилией заведующего отделом. Как это обеспечит каждый зав. отделом, Горбачева совершенно не касалось. Демагогия (или партийная установка) была ему как нельзя лучше «на руку» – руководитель отвечает в своем коллективе за все, в том числе, разумеется, и за выполнение сотрудниками общественных обязанностей. Если что произойдет на дежурстве, виноват будет только он, но никак не Горбачев. Так весело и интересно, точнее – безбедно и правил он своей доблестной дружиной, практически не зная хлопот.

Парторганизация института в лице прежней заместительницы Михаила Басовой была к Горбачеву благосклонна. Его дело катилось по гладким рельсам, не вызывая беспокойств. Горбачев старался угождать даме разными знаками внимания. Например, на институтских вечерах он первым приглашал Басову на танец и при этом изо всех сил старался выглядеть корректно (упаси, Боже, на самом деле!) влюбленным, уважающим статус своей избранницы, не позво-

ляющим ни себе, ни ей предаваться греховной любви вместо единственно допустимой любви – идеологизированного возвышенного чувства к партийным идеалам и уважительного восхищения достоинствами партийной дамы.

В тот промозглый осенний вечер Михаил своей властью освободил своих сотрудниц от топтания по пустым продуваемым улицам и вышел на дежурство всего с двумя сотрудниками. Этого было мало, но Михаил надеялся, что «для галочки» сойдет и так. Еще один отдельский мужчина был в это время болен. Заведующий сектором Владлен Павлович Прилепин был ровесником Бориспольского и также филологом из МГУ. Они практически одновременно поступили в институт Беланова, когда тот только-только начал организовываться, и первые три с лишним года вместе работали в отделе терминологии у Титова-Обскурова, после чего Бориспольский перешел к сосланному на место Орловой Горскому, тогда как Прилепин продолжал трудиться на прежнем месте, где также сумел сделать диссертацию. Он перешел к Люде Фатьяновой незадолго до возвращения Михаила, успев защитить свою диссертацию как раз перед этим. Кстати, в ходе одного из разговоров с Михаилом Бориспольский заметил, что Прилепин правильно построил свою линию подготовки диссертационной работы, которую успешно провел до конца, в то время, как еще один их общий старый коллега – Владислав Афанасьевич Пригур – также соискатель ученой степени кандидата филологических наук, по Сашиному убеж-

дению, все время хотел сделать свою работу получше, занявшись у Фатьяновой международным трехязычным тезаурусом ИСО в его русской версии. – «Боюсь, Владик так никогда и не защитится», изрек свое пророчество Бориспольский – и оказался прав. Кому, как не ему, было лучше знать, как на самом деле надо готовить диссертацию? Очередной задачей Прилепина стало подняться до научно-административного уровня своих коллег – Саши и Владика – ведь он пришел в отдел Люды в ранге всего только старшего научного сотрудника, а рассчитывал на должность заведующего сектором. Такая должность в отделе была, но ее занимала несколько странная с точки зрения науки личность, – Валентина Викторовна Виноградова, на чем и рассчитывал сыграть Прилепин, новоиспеченный кандидат наук. Если о Прилепине Михаил знал понаслышке еще в первый период своей работы в институте, то о Валентине Викторовне – или о Валушке, как пренебрежительно – ласково называли ее в отделе, он не знал ничего, покуда не увидел ее на отдельской вечеринке перед самым своим вхождением во второй период работы в институте. Проводив взглядом женщину в розовом шелковом костюме, покрой которого делал ее невысокую и полную фигуру еще шире, а пионерский цвет явно не подходил к возрасту женщины на вид в районе сорока, Михаил обратился к сидевшим рядом с ним дамам с невольным вырвавшимся у него вопросом: «А это что за Афинские развалины?» Ассоциация с руинами Акрополя возник-

ла мгновенно сама собой. Он действительно в один миг разглядел в ней женщину, смолоду обладавшую соблазнительными формами, которые теперь стали более рыхлыми и уже немного неприглядно тяжеловесными, а кокетливый покррой ее костюмчика лучше всяких слов говорил о том, каким образом она привыкла подносить свои формы. Иронично улыбавшиеся дамы постарались вкратце объяснить Михаилу, кто она такая, а в подробностях описали уже на работе. Из их рассказов Михаил уяснил для себя следующее.

Валюшка поступила на работу сначала в так называемый научно-технический отдел, то есть собственную тематическую канцелярию директора Панферова, функционирующую как его надзорный орган. Во главе этого отдела Панферов поставил Виноградова, которого, как и Люду Фатьянову, привел с собой с прежней работы, и который, в отличие от директора, Люду терпеть не мог, хотя и вынужден был до времени прятать свою неприязнь. Валя Виноградова была не родственницей, а однофамилицей своего шефа Виноградова, хотя в определенной мере и на определенное время стала чем-то вроде его родственницы, то есть любовницей. В этой роли она вполне заслуживала должности заведующей сектором, да, вероятно, и справлялась с ней достаточно успешно – ведь там была плановая и надзорная работа, для которой большого ума не надо, а сама она печатала великолепно. Виноградов, о чем одинаково свидетельствовали разные источники, был до самой своей сердцевины гнусным

испорченным интриганом. Строить козни, сталкивать людей лбами в надежде на то, что при таких соударениях выскочит искра, которая может оказаться полезной для него, было его любимым делом. Он был, опять же по слухам, мужем красивой и очень порядочной женщины и в то же время, уже не только по слухам, грязным распутником в стороне от дома, то есть прежде всего на работе. Валюшка не очень долго удерживала на себе его внимание. Когда Виноградов захотел переключиться в своем отделе на другой вожаемый объект, он уговорил Панферова и Фатьянову перевести Валюшку в той же должности, благо такая вакансия у Люды в отделе была, именно к ней. Люда согласилась, поскольку печатать надо было непрерывно целую кучу материалов, а уж справляться с этим Валюшке было не привыкать – Михаил вскоре сам убедился.

Просьба Прилепина поставить его на должность Виноградовой не показалась Михаилу противоестественной. Наоборот – она соответствовала именно Прилепинскому уровню опыта и знаний, и Михаил подумал, что Валентина сама это понимает, а если поменять ее с Прилепиным местами, но сохранить Вале прежний оклад, она не будет возражать против этого. Именно об этом он с ней и заговорил и сразу заметил страх а ее глазах. Он еще не знал того, что было известно ей – что Виноградов перевел ее к Фатьяновой в расчете не на то, что облегчит последней печатание бумаг, а на то, что по прошествии недолгого времени она уволит Вален-

тину из института вообще с глаз долой – по этому поводу между ними уже имелась соответствующая договоренность. Но, даже не имея сведений на данный счет, Михаил, ощутил, что для Вали наступал момент, которого она с трепетом ждала сначала от Людды, теперь вот от него, который ее совершенно не знает и которому тем более безразлична ее несчастная судьба. Валя не могла знать, что Михаил уже решил ее оставить в отделе, где печатных работ ожидалось просто невпроворот, а поверить в то, что ее на сей раз не обманывают, как обманывали ее не только Виноградов, но и всю ее жизнь еще великое множество разных мужиков, которые пользовались ее молодостью и способностями и даже собственной ее страстной любовью к этому делу. Как она могла быть уверена, что ее и на сей раз не обманут? Ну и что ж с того, что Михаил Горский, глядя ей прямо в глаза, убеждал, что не допустит у нее потери в зарплатке? Ей и хотелось бы верить в это, но не получалось: ей уже столько раз, глядя прямо в глаза, даже как будто еще более честно, чем Горский, обещали всякую всячину – от вещей до женитьбы – а сами подпаивали, улещивали, убаюкивали, а когда она засыпала, удирали с ее деньгами и барахлом. Но деться ей было некуда. Она понимала, что бесконечно ее держать на этой должности не будут, и она сказала Горскому: «Да», а когда все обещанное им свершилось, она была просто захвачена счастливым окрыляющим чувством: наконец-то, чуть ли не впервые в жизни она не стала, доверившись, жертвой вранья и об-

мана, и она очень долго платила Михаилу всей преданностью, на какую способна только битая жизнью русская баба, и ни разу не подвела ни Горского, ни весь его отдел в критических предотчетных ситуациях. Михаилу и в голову не приходило, чтобы он мог использовать ее благодарность для получения от Вали чисто женских услуг, хотя он в то же время прекрасно представлял себе и ее опытность и, пожалуй, даже готовность откликнуться на его зов. Он и сам не понимал, как получилось, что видит в ней только честного и порядочного человека, трудящуюся женщину, всего на свете добывающую собственными руками и безусловно относящуюся у категории содержательниц мужчин, а не к категории содержимых ими. Однажды Михаил услышал в отделе, как одна из сотрудниц несколько высокомерно намекнула, что у Валюшки было слишком много мужчин. Та отреагировала мгновенно: «У меня любовников целая записная книжка, понятно? И сколько их у меня есть и будет, решать мне!» Хотя именно в этот период она жила всего с одним мужиком. Имя его было Игорь, она заботилась о нем как жена и, пожалуй, еще и как мать, но за глаза великодушно, без упрёка, называла его просто и точно «мой паразит». Положа руку на сердце, Михаил должен был признать Валентину более полезным и ценным сотрудником для общего дела, чем многих других, смотревших на нее свысока, в том числе и ставшего вместо нее заведующим сектором Владлена Прилепина. Однако к своему итоговому мнению насчет последнего

Михаил пришел не сразу.

В тот памятный вечер дежурства в ДНД Михаил предупредил Прилепина, что быстро съездит домой, пообедает и сразу вернется обратно. Тот с готовностью согласился обходиться без шефа первые сорок минут. Сначала все так и шло по намеченному плану, но когда Михаил через сорок минут вернулся, чтобы «приступить к исполнению», он застал и Прилепина, и молодого сотрудника техника Пашу в таком состоянии, что трудно было решить, что теперь лучше сделать – начисто сорвать дежурство, немедленно отправив их по домам, или продолжить патрулирование, флианрование или что там получится с двумя совершенно пьяными дружинниками. То есть на ногах они еще кое-как держались, но мотало их все-таки порядком. Всего за сорок минут они не только успели набраться, но этого хватило и на то, что их уже вполне развезло. Кидаться на них с руганью было явно бесполезно – оба пребывали в состоянии свинского блаженства, когда внутри все прекрасно, и снаружи все хорошо, и чувство хорошо исполняемого долга тоже на месте. Михаил решил, что лучше все-таки продолжить дежурство, хотя и понимал, что на их маршруте с двумя большими жилыми домами высшей номенклатуры безлюдность улиц – дело более чем условное – за ними ведется неусыпный невидимый контроль со стороны КГБ. Глядя на один из этих домов, Михаил против воли всегда вспоминал один смешной случай – к его стене была приклеена записка от руки с отчаянным об-

ращением: «В семью из трех человек срочно требуется помощник повара». Нормальными советскому гражданину это говорило о многом. Если для семьи из трех человек готовил еду профессиональный повар – и один не успевал справляться, значит, штат прислуги включал в себя еще по меньшей мере горничную, уборщицу и гувернантку и одного или двух шоферов. Очевидно, повар заявил, что в подобных условиях работать без помощника совершенно невозможно, и потому он отказывается от места, чем привел хозяев в неопишное волнение, вылившееся в объявление на стене, что было уже совершенно вне корпоративных правил. Но даже советские бары признали, что повару носить продукты из спецмагазина, а тем более самому чистить картошку, растирать сыры и замешивать тесто действительно не-гоже. Вот в этом – то мире тройка дружинников как под стеклышком разгуливала под глазами живых наблюдателей и скрытых телекамер. Михаилу стоило громадного труда пресекать какие-либо глупости пьяных коллег. То они собирались перелезть через забор, то петь песню, то выкинуть что-то еще, что трезвому вообще не придет в голову.

Михаил совершенно вымотался, прежде чем дежурство удалось кое-как завершить. Но дальнейшее потребовало от него куда большего напряжения. С самого утра он был вызван к Плешакову, и там ему было представлено настоящее обвинительное заключение. Самое интересное заключалось в том, что не только его дружинники, но и сам он оказы-

вається, був п'яний. Плешаков держався по-прокурорськи строго і непереклонно. Це особливо розозлило Михайла, і він в відповідь ввічливо измордовав Плешакова як раз нарахунок свого вигаданого п'янства. Той подібного опору не очікував і постарався перенести обговорення кримінального вчинку в більш високу інтонацію. В перериві між судилищами Михайл встиг пообщатися з Прилепіним, який на сей раз відчував себе винуватим перед ним і дав йому дельний рада, як треба держатися – заперечувати все, давати тільки найменше інформації – так важче буде к чому-то прицепитися. Прилепину можна було вірити нарахунок того, як краще вести себе при допиті – його батько, звідки жив, був полковником госбезпеки. Ситуація, правда, ускладнювалася тим, що Паша перед викликом до Плешакова встиг зайти до «дядька Лєні» – керівнику відділу стандартизації термінології, давньому приятелю Пашиних батьків, який, власне, і запросив Михайла взяти Пашу в свій відділ, оскільки у самого Леоніда Ароновича, за його словами, не було вільної вакансії. – «Парень молодий, голова на місці, к тому ж з гарної сім'ї», – як пояснював і домовлявся «друг сім'ї Лєня Маргуліс», в минулому майор бронетанкових військ, за його ж висловом; любовая- 60», що означало товщину любової броні як танка, так і лба в міліметрах. Цей майор ще з танкового училища дружив з Пашиним батьком, який і по нині продовжував військову службу в генштабі. Мати Паши

была юристом. Получалось, что семья как будто действительно ничего. И Михаил взял Пашу из рук Маргулиса, думая, что теперь будет кого из отдела посылать в подшефный колхоз вместо Валюшки, которая ездила туда безропотно, или кого-то из научных сотрудников. Но сегодня дядя Леня Маргулис совсем не стремился помочь своему коллеге Горскому, который уже сделал ему одолжение. Выслушав Пашу и не обратившись к Михаилу, он посоветовал своему протеже одно: «Надо сознаваться», что Паша и сделал. Он успел признаться в этом Михаилу еще до того, как тот был вызван к директору. На сей раз коллегия собралась совсем серьезная: директор Болденко, зам. директора Климов, зам. директора по кадрам и режиму Плешаков, секретарь партийной организации института Басова. Обошлись только без председателя профкома института Анатолия Федоровича Лиховея, но его и так никогда ни о чем не спрашивали, тем более, что он не только был заранее во всем согласен с начальством, но и был по совместительству любовником партийного секретаря. Михаил вновь выслушал чеканные обвинения Плешакова, добавившего к прежнему тексту еще и соображения о том, в каком свете теперь из-за этого проступка Горского и его сотрудников предстанет теперь институт перед райкомом партии и органами правопорядка. Михаил слушал его внимательно, не вставляя замечаний и не проявляя нервозности. Зачем было волноваться, если он наперед точно знал, что Плешаков и Климов наверняка потребовали его уволь-

нения?

Болденко обратился к нему со словами: «Что вы можете сказать?» В неожиданно нейтрально прозвучавшем предложении угадывалось как будто, что директор пока не склонен уступать нажиму своих заместителей, и это немного настраивало на оптимизм, хотя обольщаться надеждой на это было еще рано.

– Я уже в категорической форме заявил заместителю директора по кадрам и режиму, что не был пьян перед выходом на дежурство и вообще в этот день не выпил ни капли спиртного, на чем теперь основываются все обвинения в мой адрес. После окончания работы я заехал домой, быстро пообедал и вернулся обратно в институт.

– Сколько времени вас не было? – спросил Болденко.

– Сорок минут.

Теперь Плешакову не было смысла спрашивать у Горского, где набрались Прилепин и Паша, а потому само Пашино признание вовсе обесценивалось. Михаил мог поклясться, что в намерения Плешакова не входило покарать сына полковника КГБ Прилепина. А Паше он и так уже пообещал, что «что ему ничего не будет» в случае чистосердечного признания.

Выдержав небольшую паузу Михаил добавил, глядя в физиономию Плешакова:

– Если обвинения в мой адрес в подобном духе будут продолжаться, я буду вынужден протестовать категорически

и официально.

В переводе на русский язык это означало, что он обратился с письменным заявлением в высшие инстанции, а скорее всего – именно в райком партии. А вот это уже никак не должно было устраивать Болденко. Он сам являлся членом бюро райкома и лично ему обращение туда Михаила никакого вреда ему не принесет. Пока. Но он уже достаточно хорошо представлял правила подковерных игр – сегодня полученная бумага ничего не значит, а завтра ее смогут «поднять» и пришить к какому-нибудь делу.

Болденко о чем-то сосредоточенно думал – скорей всего, о том же, что и Михаил, потом сказал: «Хорошо. Вы свободны!»

Затяжное совещание у руководства после ухода Михаила результата никак не выдавало.

К Михаилу для переговоров в качестве посредника послали было отставного полковника Вострецова (кстати, сослуживца полковника Вайсфельда в послевоенные годы), который попытался было внушить, что отпираться бессмысленно, но Михаил и ему объявил, что расследование Плешакова бросает тень на его репутацию, а потому он будет защищать ее всеми доступными средствами в официальном порядке. Вострецов удалился ни с чем. В итоге окончательно захлебнулась и атака на уровне заместителей директора. Им бы раньше стоило сообразить, что констатировать чье-либо вчерашнее состояние опьянения сегодня постфактум поздно.

Климов водил машину, должен был бы это знать. На следующий день агентурные сведения подтвердили и без того полную уверенность Михаила, что его вознамерились уволить за поступок двух не то подлецов, не то идиотов из его отдела. Это по меньшей мере год спустя Михаил уяснил для себя, что и тот, и другой были в куда большей степени подлецами, чем безответственными дурачками, но для этого понадобился и новый ряд наблюдений и новые агентурные данные.

Владлен Прилепин по своему органическому статусу был странным, но совсем нередким в советское время типом местисной культуры – в данном случае носителем и языковой культуры, то есть определенных знаний филологической науки, и одновременно культуры осмотрительного интриганства того же самого типа, который привел товарища Сталина к высочайшей власти. Конечно, он был много скромнее в своих амбициях, чем великий вождь всех времен и народов, но алгоритмами поведения он пользовался теми же, что и товарищ Сталин. Он дружил или объединялся только с теми, с кем в данный период ему было выгодно, кого можно было временно использовать для достижения своих целей. Тех, кто переставал быть для него полезным, он немедленно отставлял от себя, либо сам отдалялся, если был не в состоянии немедленно воздать им за то, что они сделали для него. По существу он был более чем закрытым человеком, а если и открывался, то никогда не в главном. После того, как Михаил отбил атаку по поводу его с Пашей пьянки на дежур-

стве в дружине, Прилепин, видимо, почувствовал себя обязанным как-то отблагодарить начальника, против которого он спровоцировал главный удар. Он отозвал Михаила в коридор и шепотом сообщил ему способ кодированного определения факта, прослушивается или не прослушивается органами его домашний телефон. Это действительно можно было считать ценной услугой, хотя Михаил и без того знал, что прослушивается. Но алгоритм, выданный Прилепиным, он все-таки проверил и получил подтверждение еще и с этой стороны: да, прослушивается. В то время главным своим врагом Прилепин считал заведующую научно-методическим отделом стандартизации терминологии Полкину, у которой работала его жена. Объяснялась ли его ненависть к Полкиной тем, что она занимала пост, самой судьбой предназначенный именно ему, а не ей, или для этого имелись еще и какие-то другие серьезные основания, Михаил так и не узнал, но настроенность Прилепина против Полкиной его вполне устраивала и без этого. После снятия с должности всесильного при Беланове заместителя директора Титова-Обскурова, являвшегося первым руководителем направления стандартизации терминологии, Полкина ощутила себя почти полновластной правительницей не только в одном своем научно-методическом отделе. У нее на руках были важные козыри. Она была выходцем из НИАТА, откуда бывший директор этого института, став министром и председателем госкомитета, привел своих людей на все ключевые должности

в своем новом аппарате, и хотя ей, всего лишь литературному редактору, на новом поприще ничего особенно кормного не обломилось, она все же считала себя членом старой гвардии и команды ветеранов движения, будто это было не обыкновенное размещение знакомых и друзей в иерархии нового главы ведомства, а участие в команде, высадившейся и партизанившей в Сьерра-Маэстро под водительством Фиделя Кастро. Несомненно понимая, что это все-таки очень зыбкая основа для осуществления успешной карьеры, Полкина постаралась создать себе поддержку с другой стороны. С этой целью она предоставляла свою квартиру начальнику одного из управлений госкомитета для его конспиративных встреч с женщинами. В ответ она вполне могла полагаться на его протекцию «в случае чего». Тот человек, который действительно развернул в институте научно-методическое обучение персонала терминологического направления, кандидат технических наук, инженер по образованию Николай Константинович Сухов, заведовал теперь сектором в отделе Маргулиса.

В сложившейся ситуации Полкина посчитала этого «духовного отца» терминологов института слишком ничтожной фигурой, чтобы смущаться его присутствием или ждать с его стороны какой-то отпор. Поэтому, ничуть не церемонясь, она переписала методики Сухова в свою диссертацию и приступила к процедуре ее официального продвижения к защите.

В полном соответствии с практической необходимостью, она тем больше усилий посвящала нужным знакомствам и их закреплению, чем меньше была способна породить хоть какую-то собственную мысль, и вот на этом поприще конъюнктурного интриганства она была действительно весьма сведущим специалистом. С любезной улыбкой и холодными глазами, которые один из сотрудников отождествил с увиденными на Кубе глазами барракуды, она делала свою работу в этом смысле вполне по правилам: ей тоже улыбались, когда очень любезно, когда нет, и тоже изучали ее реакцию на себя холодными глазами по принципу «ты мене, я – тебе». Однако Николай Константинович Сухов в этой корпоративной ритуальной игре участия не принимал, а делать подарок Полкиной тем более не собирался. Единственным обязательным местом, где ей нельзя было разминуться с Суховым, если не исключить его участие в обсуждении своей диссертации каким-либо обманом, был научно-технический совет своего «родного» института. Тут-то Николай Константинович и обвинил ее в плагиате, в научном и литературном воровстве, в чем был несомненно прав.

Однако Полкина вопреки нормальной практике научной дискуссии и не подумала как-то ему отвечать, равно как и не кинулась вон из зала заседания, где ее публично заклеямили позорным клеймом воровки. Она и бровью не повела – словно ровным счетом ничего и не услышала. Это уже было в традиции советской науки. Если кто-то, поддержива-

емый властью, вдруг сталкивается с убийственной критикой, то, естественно, плохо от этого должно стать только критике, а не критикуемому. Болденко, директор и председатель совета, играл на ее стороне – он тоже не подумал побудить ее к ответу («сам такой!» – лишний раз убедился Михаил). Хорошенькая получалась вещь – наглая баба без смущения лезла в науку, не имея за душой даже такого багажа, какой в свое время был у Бориспольского – невредность характера и способность сочинять наукообразный текст на общедоступном материале!

Этого спускать ей было уже нельзя. Михаил знал Полкину достаточно давно, с того времени, когда они оба параллельно подвергались психопатическим атакам Титова-Обскурова, то есть уже минимум пятнадцать лет. Тогда она даже делилась с Михаилом своим опытом поведения с шефом во время его нервических приступов. Она нашла довольно простое противоядие против стандартных предлогов для выволочки. Кабинет Титова-Обскурова был отделен от комнаты, в которой она сидела, тонкой перегородкой, поэтому, когда тот начинал бушевать у себя, она сразу вооружалась набором необходимых защитных средств – доставала план технической учебы сотрудников отдела, социалистические обязательства и всякую другую бумажную дребедень, которую полагалось иметь при подведении всевозможных итогов. Как только Титов вызывал ее к себе и начинал орать насчет распущенности сотрудников и неготовности к должной

отчетности, она начинала ждать момента для своего торжества. – «Где у вас план технической учебы?!» – «Вот, пожалуйста, Виктор Петрович». – Секунду он пробежал бумагу глазами – должно быть, развил способность к партитурному чтению – затем требовал другую: «А как выполняются в этом квартале соцобязательства?!» – «Вот, Виктор Петрович. Это сами соцобязательства, а это – справка для профкома об их выполнении». – Титов тускнел и вскоре затихал. Полкина уходила восвояси, исполненная чувством тихого, но вполне заслуженного торжества. С тех пор они были «на ты», и хотя Михаил хорошо представлял, что она такое с точки зрения способностей к научным занятиям, поводов для стычек с ней у него не было. До тех пор, пока Михаил не написал статью и с помощью директора Болденко в качестве соавтора не опубликовал в «Международном форуме по информации и документации». В этой статье он подверг детальному сопоставительному анализу лексическую и семантическую информацию, используемую в определениях терминов и в статьях лексических единиц информационно-поисковых тезаурусов и на этой основе пришел к логическому выводу о целесообразности проведения работ по стандартизации терминологии и дескрипторизации в тезаурусах унифицированными методами. В частности, дескрипторами из числа синонимов в тезаурусе предлагалась считать стандартизированные термины, если таковые среди них находились, а в определениях терминов в качестве опор-

ных терминов использовать родовые дескрипторы из тезауруса, в то время, как для поясняющих признаков использовать дескрипторы видового и ассоциативного ряда из статьи заглавной лексической единицы, совпадающей со стандартизируемым термином Полкина тотчас проявила достаточно живой интерес к этой статье и даже пришла к Михаилу узнать, нет ли у него еще каких-то материалов на этот счет. Он дал ей почитать еще несколько документов, развивающих идеи статьи, она пообещала их вскоре вернуть. Однако шла неделя за неделей, а Полкина ничего не возвращала. Встретив ее на лестнице, Михаил велел ей вернуть материалы немедленно, на что она, глядя ему прямо в глаза – и при этом явно беззвучно смеясь – ответила, что отдать не может, потому что потеряла. Вспыхнувшую было ярость Михаил сумел подавить, но оставил при себе. Баба, которая всю жизнь делала карьеру на бумагах, была образцовым канцеляристом, у которой не то что план технической учебы всегда находился у нее под рукой, но и менее значимые бумаги никогда прежде не пропадали, теперь с открытым вызовом заявляет, что она их потеряла – дескать, а что ты мне за это сделаешь, как заставишь меня их вернуть – достаточно бездумно (или самонадеянно?) перешагнула допустимую черту. Теперь она собралась стать царицей терминологии, обворовав не только его, даже не столько его, сколько своего прямого учителя Сухова! Михаил и раньше собирался воздать ей за наглую ложь, но теперь надо было, пока не поздно,

пресекать и более хамские действия.

Когда вполне гладкое, никем после Сухова неомрачаемое обсуждение полкинской диссертации близилось к концу, Михаил взял слово. Сначала он выразил удивление по поводу того, что в диссертации даже не упомянуты ни первые организаторы работ по стандартизации терминологии – создатель института Беланов и первый руководитель терминологического направления Титов-Обскуров, ни их труды, Михаил затем сосредоточился на главном: если верить диссертантке, у нее вообще не было предшественников, а все, чем до сих пор питается и руководствуется терминологическое направление, исходило и исходит только от нее. Старожилам института хорошо известен автор основных начальных методик, которые до сих пор являются прямым руководством к действию – это Николай Константинович Сухов. И когда его обвинения Полкиной в плагиате не вызывают с ее стороны никакой реакции, это можно считать только одним – ей нечего сказать по существу обвинений. Коль скоро так, то выступать в поддержку диссертации, построенной по способу плагиата, недопустимо.

Настала гробовая тишина. Полкина сидела за большим столом, молча глядя перед собой в столешницу. Никакой краской стыда ее лицо не пылало, никакого желания защищаться вслух она по-прежнему не проявляла. Болденко спросил, есть ли еще желающие выступить. Таковых не было. Тогда он поставил на голосование проект решения, кото-

рый был заранее роздан членам НТС. Собственно, это было все, что требовалось Полкиной. В том, что оно будет принято в предложенном ею виде, она ничуть не сомневалась. – «Кто за?» – спросил Болденко. Руки почти всех членов хорошо дрессированного совета взметнулись вверх. – «Кто против?» – прежним голосом спросил Болденко. Поднялось всего три руки: Сухова, Горского и еще одного из начальников отдела в информационном фонде стандартов – Еганяна. – «Кто воздержался?» – в третий раз возгласил Болденко, и на сей раз поднялась всего одна рука, но достаточно знаменательная. Она принадлежала «своему человеку» в команде председателя Госкомитета, имевшему непосредственный выход на него, которого всегда безоговорочно поддерживал основной покровитель Полкиной – заместитель директора института по общим вопросам Лютиков – а именно начальнику отдела дизайна, мужу Ламары Ефремовой. Михаил мгновенно просек, что все, кто был изумлен этим жестом неявного протеста, увидели в нем только одно – этот человек не хочет ссориться с начальником его жены из-за Полкиной.

На самом деле причина протеста была в другом, и Михаил давным – давно о ней знал еще от своей милой Нины Тимофеевой – начальник отдела дизайна приходился племянником Беланову и прекрасно помнил, как именно дядя ратовал за развертывание работ по стандартизации терминологии, и что именно он для этого очень много практически

сделал. Его до глубины души возмутила наглость этой суки, ни единым словом не воздавшей благодарности действительному зачинателю дела, еще при нем получившего большой размах, и к которому прежде относилась так подобострастно. Но он тоже был членом команды, к которой причисляла себя Полкина, и потому, сдерживая гнев, был вынужден прикинуться ни в чем не убежденным нейтралом. На следующее утро Ламара сообщила Михаилу, что Полкина сразу после заседания вцепилась в руку мужа. Тот, брезгливо отведя ее локоть от себя, ответил, что ПРОТИВ нее ничего не имеет, однако при обсуждении ее диссертации были упомянуты факты, о которых он сам хорошо знает, а на этот счет он никаких объяснений не услышал. Полкина, по словам Ламары, так ему и не поверила. – «Нет, вы все-таки что-то имеете против меня», – твердила она, не допуская и мысли о том, что еще и еще раз оскорбляет добрую – и на этот раз вполне заслуженную – память о первом директоре, которой она тоже по дурости и жадности ухитрилась нанести ущерб, руководствуясь мыслью, что тому уже ничего отсюда не нужно, а вот ей это как раз очень даже необходимо, так что Беланов прекрасно перебьется на том свете. М-да, Полкина решила, что индульгенция на все дела у нее в кармане, что иначе и быть не должно, тем более, что она это давно заслужила – кто стал главным, тот и прав. А главной в терминологии она видела именно себя, а не какого-то жалкого Сухова. Горский в ее представлении был поумнее и опас-

нее – однако и он дурак: за ней СИСТЕМА, а за ним – одно чистоплюйство, которое СИСТЕМЕ ни к чему. И действительно, афронт ей не грозил ни в своем институте, ни в том, в котором имелся ученый совет с правом проводить защиту диссертации – у нее и там все было заранее схвачено. Тем не менее, выводы она для себя сделала: в дальнейшем необходимы величайшие конспирация и осторожность. Горский не должен знать, когда и где будет проводиться защита. Более того, в день ее защиты он должен быть намертво привязан делами к другому месту. Ради этого ей пришлось потрудиться, но она доказала, что как организатор своего успеха она на голову превосходит тех, кто пытается ей помешать. Как докладывала Михаилу добровольная агентура, Полкина видела свою главную задачу в одном: «мне бы только до ВАКа добраться, а там!..» Да, а там, по сведениям все от той же агентуры, «дожать вопрос» должен был звонок от одного из провинциальных членов политбюро ЦК КПСС, с племянником которого она жила во время наездов последнего в столицу. И хотя Полкиной не терпелось поскорее стать обладателем ученой степени, она твердо решила не спешить, дабы начисто исключить риск возможных осложнений. Процедура выхода на защиту из-за этого затягивалась, а в институте в этот период одно за другим происходили важные изменения, с которыми ей приходилось считаться. Во-первых, Климов из совершенно откровенного врага Горского, о чем Полкина не могла не знать, превратился в последо-

вательного его сторонника. Это было полной неожиданностью для нее и, надо сказать, очень неприятной. Дело заключалось в том, что Климову наряду с классификацией и автоматизацией поручили руководить и стандартизацией терминологии. Знакомясь с новым для себя направлением, он вдруг обнаружил, что при существующем подходе к стандартизации терминов достаточно полный охват практически используемой терминологии стандартами не может быть достигнут никогда. Этот вывод, кстати сказать, был абсолютно верным – весьма объемные классификации вроде Общесоюзного классификатора продукции, с которыми он имел дело, создавались гораздо быстрее, чем стандарты на термины и их определения, а главное – покрывали все направления промышленности и техники, тогда как стандартизованная терминология охватывала лишь незначительную часть прикладного лексического универсума. Возможно, он и сам бы понял, в чем коренится такая диспропорция между результатами работ по классификации разных объектов и стандартизации их определений (а перед ним была поставлена задача добиться согласованного и по возможности синхронного движения по обоим направлениям), но тут в довольно случайной беседе с Горским он вдруг уяснил для себя, в чем секрет. Климову предстояло присутствовать, на заседании, проводимом заместителем председателя Госкомитета, с которым он прежде никак не контактировал. У этого заместителя была репутация умного и делового челове-

ка. Поэтому Климов в порядке подготовки к совещанию решил не ограничиваться консультациями у Полкиной и Маргулиса, а еще и узнать, что думает о перспективах стандартизации терминологии всегда готовый к опасным выходкам против существующего положения вещей Горский. Они говорили вдвоем без посторонних. Выслушав, чем предстояло заниматься шефу на совещании, Горский вдруг заговорил об интересующем Климова предмете в гораздо более общем плане, но благодаря этому сразу объяснил все его подозрения и недоумения насчет того, как идет стандартизация терминология, и почему в том виде, в каком она «развивается», требуемых результатов не будет получено никогда. Вкратце соображения Горского состояли в следующем. Число понятий, которыми активно оперирует прикладная наука и техника, по меньшей мере на два порядка больше числа лексических единиц естественного письменного и разговорного языка, который используется и для общения специалистов любого профиля. Отсюда проистекает высокая степень многозначности слов в естественном языке и невозможность запрещения применения этих слов в иных значениях, кроме того, которое стало «законным» после их стандартизации. Пока же выбор тем для стандартизации терминологии производится на случайной основе – кто-то на общем фоне безразличия возникает со своей инициативой такого рода и по праву «пионера» столбит в стандартах за собой те значения слов, которые ему нужны или выгодны. При та-

ком подходе универсальность стандартных терминов принципиально недостижима. Но это лишь одна сторона дела. О другой нынешние терминологи просто помалкивают, а она еще более важна с точки зрения достижения конечного успеха. Из-за нехватки слов естественного языка людям приходится в основном оперировать многословными словосочетаниями, логическое сочетание которых и приводит к пониманию того, о чем в каком-либо конкретном случае идет речь. Иными словами, на практике выход из положения, связанного с многозначностью слов естественного языка, люди находят не на уровне слов – атомов, а на уровне фактически назывных фраз – молекул. Но ведь на примере химии хорошо видно, что из примерно сотни наименований элементов таблицы Менделеева образуются десятки или сотни миллионов названий индивидуальных химических веществ. А как стандартизуется номинативная лексика на примере машиностроения и приборостроения? В качестве объектов стандартизации по преимуществу выбираются именно эти трех-, четырех- – пятисловные сочетания – не термины, не атомы, а молекулы, производные от нескольких основных терминов, логическое пересечение которых и передает смысл понятия. А вот определением этих основных терминов – атомов – никто и не стремится заниматься. А благодаря тому, что основные, опорные понятия остаются без определений, нет никаких препятствий для того, чтобы вести нескончаемую работу по дефинированию производных словосочета-

ний. Этим можно заниматься бесконечно. В этом же кроется причина очень малой степени совпадения дескрипторов тезауруса по стандартизации со стандартизованными терминами, что на самом деле плохо. Во время изложения Михаилом его позиции Климов несколько раз в глубокой раздумчивости согласно кивал головой. Можно было предположить, что мысли Михаила падают в подготовленные гнезда – как семена в лунки на огородной гряде. Впрочем, Михаил не торопился с принятием такой догадки на веру, однако весьма скоро обнаружилось, что все именно так и произошло. В том, что отношение Климова к Горскому изменилось радикально, сомнений больше не было. Человек, который просто – ни с того, ни с сего – руководствуясь слухами или антипатией к чужому внешнему облику, сначала хотел как можно скорей выставить его с работы под любым предлогом, теперь рассматривал как свою идейную опору, полезный генератор идей – и даже больше того – как открывателя способа на деле согласовывать и взаимно обогащать результаты «тезаурусостроения», классификации и дефинирования терминов. Соответственно изменилось и обращение с Горским – оно стало подчеркнуто уважительным, внимательным и даже, как ни странно, искренним. Конечно, так все преобразилось не в один миг. Но все-таки достаточно быстро. Началось с того, что однажды на вопрос директора о том, как ему работаете с Климовым, Михаил, наперед зная, что в конфликте Болденко с большей охотой поддержит

своего заместителя, нежели его, всего-навсего зав. отделом, все-таки напрямик ответил: «Плохо. Не знаю, с чьей подачи, но ему очень хочется избавиться от меня».

– «Ну, я так не думаю», – возразил Болденко. – «Я тоже не вижу серьезных оснований для столь сильной неприязни, но это не значит, что ее нет».

– «А вы попробуйте пойти ему навстречу», – серьезно посоветовал Болденко.

– «В чем?» – спросил Михаил.

– «Ну, не знаю сейчас, в чем конкретно. Но он на новом месте, с новым кругом обязанностей и забот. Не надо думать, будто для него все просто. Какое – то дело, в котором ему может понадобиться ваша помощь, наверняка найдется».

И оно действительно нашлось, Михаилу даже не потребовалось предлагаться. Климов сам полупросительно обратился к нему за поддержкой. К тому моменту заведующий отделом системных разработок, в который был от Михаила переведен сектор Бориспольского, на способности которого возлагалось институтским начальством так много надежд, успел полностью разочаровать в себе Климова. Близился срок сдачи одной работы, а по теме не было сделано ничего. Видимо, и до Климова доходили какие-то сведения насчет того, что Горский умеет выбираться из сложных положений. А здесь только и требовалось, что написать алгоритм автоматического индексирования наименований государственных стандартов. Михаил и без того уже

прикидывал, как для этого можно использовать уже созданный в его отделе тезаурус. Его лексика заведомо включала не только все лексические единицы из наименований, но даже и из текстов ГОСТов, а для обеспечения распознавания омонимов Михаил решил использовать в алгоритме обращение к классификации в указателе государственных стандартов – к трехступенчатой иерархической системе, индекс из которой имелся у каждого стандарта. Это разрешало последнюю трудность.

Михаил вспомнил совет Болденко и согласился сделать работу за чужой отдел. Это был его первый шаг навстречу Климову, а беседа о путях стандартизации терминологии стала вторым и на сей раз решающим шагом. Сближение с заместителем директора и доверие с его стороны привели к тому, что Климов передал функции научно-методического руководства стандартизацией терминологии из отдела Полкиной в отдел Горского, где был создан новый сектор из сотрудников терминологического направления во главе с Прилепиным, который был этим в высшей степени доволен. Он вернулся в совершенно привычную и в чем-то милую ему сферу, да еще и в круг давно знакомых людей. Прилепин изо всех сил старался показать Михаилу, что тот может на него положиться. Единственное, чем в новой ситуации Прилепин был недоволен, так это тем, что работы по тематике технического комитета ИСО номер тридцать семь «Терминология» еще оставались в ведении Полкиной, но Михаил пообещал

щал ему, что постарается разобраться и с этим в самом скором времени. И действительно разобрался, но уже после перехода Болденко из института с повышением в госкомитет на должность начальника технического управления, в ведении которого была вся идеология стандартизации, а также все стандарты общетехнического характера. Новое назначение отрывало Болденко от непосредственной хозяйственной деятельности, имевшей место в институте, благодаря которой и сам директор и в особенности его заместитель по общим вопросам Лютиков могли отстроить и содержать в порядке собственные дачи и приобретать «изношенные» автомобили за полцены. Но, видимо, этот изъясн новой должности с лихвой перекрывался тем, что от нее к должности полуминистерского уровня, а именно к должности заместителя председателя Госкомитета – оставался всего один шаг, а для Болденко карьерный рост был самым главным фактором во всей его деятельности – на этот счет Михаил не испытывал ни малейших сомнений. Бывшему директору, а ныне начальнику технического управления очень кстати пришелся выход в свет книги под его именем вместе с именем Горского, и теперь он в качестве полноценного автора преподносил экземпляры монографии нужным высокопоставленным людям. Это было забавно представлять на расстоянии, но оно же выглядело куда менее весело при рассмотрении по существу. Кандидат технических наук Болденко наверняка понимал не все, что было написано в «его» книге,

хотя без него эта книга никогда бы не увидела свет. Теперь он мог, нарастив свой интеллектуальный потенциал именно за счет этой книги, когда-нибудь при новом случае, в очередной высокой должности, претендовать и на получение степени доктора наук в подведомственных коллективах, где всегда можно найти кого-то, кто вынужден будет (или сам захочет) сочинить, обобщить, подвергнуть анализу и выдвинуть предложения относительно чего-то, чему можно придать форму вклада в современный научно-технический прогресс. И можно будет снова написать на титуле две фамилии вместо одной и за счет этого простейшего действия обогатить мировое научное сообщество своей номенклатурной персоной, а уж удастся ли нечто подобное другому соавтору, это не его дело, лишь бы этот второй (хоть и подлинный) автор особенно громко со своим авторством не возникал.

В начале времен цивилизации докторами объявлялись действительные основатели крупнейших учений о мироустройстве, а доктринами служили по-настоящему жизнеопределяющие идеи для целых народов и континентов. А потом? А потом с ускорением хода техногенного и хозяйственного развития (но не духовного, нет), докторов появлялось все больше, пока их не сделалось до неприличия много, так что даже почти каждый более или менее видный политикан считал себя в какой-то степени раздетым, если он не обзавелся за деньги или услуги титулом доктора неважно каких наук. Лидер партии, глава банка или корпорации – все

они обзаводились знаками, пусть уже и не очень сияющими, своей принадлежности к высшим знаниям, ибо как можно предводительствовать людьми, если тебе нечем убедить, что ты действительно знаешь и видишь предстоящий путь? И уже не Моисеи, Августины, Лютеры, Магометы и Будды рядились в тоги высшей мудрости, а куда более простенькие люмпены от науки начинают всерьез воображать, что место не то, что на научном Олимпе, но и вообще на Эвересте человеческих знаний принадлежит именно им, причем по скрупулезно документированному праву. И там нет и НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ места для людей НЕ ИХ УРОВНЯ, какими бы способностями и заслугами в области прогресса мысли те ни обладали. На упомянутых выше вершинах должны обитать действительные вершители судеб отдельных (простых, разумеется) людей, целых народов и стран, всей планеты Земля, наконец. А кроме НИХ, узурпаторов власти, денег и даже ученых званий, других вершителей судеб среди людей НЕТ. Такова реальность, такова се ля ви. Как тут не вспомнить афоризм неизвестного автора, кажется, поэта, ставший известным благодаря тому, что его откопал популярный сатирик Александр Иванов и затем возгласил с эстрады: «Жизнь такова, какова она есть – и больше НИКАКОВА!» На что в такой ситуации рассчитывать – нет, даже не рассчитывать, а лишь надеяться – людям, одержимым тягой к неведомому, готовым вею свою жизнь положить на постижение тайн и обогащение знаниями ИНТЕРЕ-

СУЮЩЕЙСЯ части человечества? Ведь контроль узурпаторов ВСЕХ СЛИВОК общества над любыми талантами и гениальностями и без того вынуждает их жить так, как их заставили – и в первую очередь потому, что эти угнетенные и бессовестно эксплуатируемые появились на свет зависимыми и подчиненными. А потому надежда у них может основываться только на одном, очень отделенном от практики жизни, предельно абстрактном, но абсолютном точном знании – над этими раздувшимися от спеси клещами рода человеческого, «властителями», существует несравненно более могущественная власть. И хотя бы по этой причине честным научным работникам, искателям ключей к тайнам Вселенной просто по статусу надлежит веровать в Бога, у которого, конечно же, есть множество причин покарать не только узурпаторов, но заодно и тех, чьи права и возможности они узурпировали, поскольку последние позволили до такой степени обобщать, унижать и социально, даже научно, свести себя до уровня бесправных управляемых подонками и серостями, грабителями и врялями подданных, словом, всех тех, которые и не думают – при своих-то возможностях! – попытаться сделаться в чем-то лучшими, чем они есть!

Пожалуй, каким-то праведникам науки и при сволочном околонуточном окружении может вполне прилично повезти в порядке исключения или сбоя в работе господствующей системы социальных отношений – но это всего лишь свидетельствует о существовании Божественного Принципа

Недопустимости гомогенизации всего сущего, обеспечивающего, в частности, неостановимость развития и неистребимость добра несмотря на все усилия смертных господ жизни. Но в целом-то большинству двигателей науки придется прежде всего претерпевать и терпеть. Карьеристы же всегда нетерпеливы. Пример Болденко ни в чем особенно не выходил за пределы ряда присущей ему типологии. Зато его преемник Пестерев ухитрился выдвинуться вперед из сволочного ряда некоторыми особенно ценимыми им в себе гнусными чертами. Эта личность не могла распуститься сразу во всей красе – не потому, что для этого в ней недоставало соответствующей потенции – просто он не сразу мог себе позволить пустить в ход всю эту потенцию. Не будучи даже просто умным человеком обычных способностей, он все же понимал, что каждой степени распушенности должна соответствовать определенная социальная высота – тот базовый уровень, относительно которого Гоголевский городничий в «Ревизоре» блестяще выразился в афоризме в адрес Держиморды: «Не по чину берешь!». Поэтому он всеми силами души желал себе достижения чина за чином, причем как можно скорей. Самый эффективный способ самовозвышения, как он очень рано осознал, состоял в том, чтобы принижать окружающих, ибо вырасти над ними он потенции не имел. Закулисная компрометация сотрудников быстро принесла первые желанные плоды. Он стал начальником. Это позволило приобщиться к малозаметному, а главное –

общетерпимому начальному умственному грабежу – в виде соисполнителя в тех работах, где он практически ничего не делал и в которых даже не все в тонкостях мог понимать. Пополнив «список научных трудов» и развив подобающую партийную активность как коммунист, он, наконец, выбрался на начальную орбиту номенклатурного ранга, став заместителем директора в электронном НИИ. Вот на этом уровне он мог уже позволить себе грабить законно, без опаски и «соавторства». Теперь для этого доставало имеющихся факторов: власти и находящихся в подчинении кандидатов наук. Им можно было быстро внушить – хочешь существовать на работе в приемлемых условиях – делай мне диссертацию, а не хочешь – пеняй на себя. И ему их сделали – сначала кандидатскую, потом докторскую, а что? Он следил, чтобы работа шла без задержек, с проведением экспериментов деятельно помогал, с полезными людьми обо всем договаривался, всем издевающимся над его вкладом в науку быстро позакрывал рты. И вот пожалуйста: он тебе и кандидат, и доктор технических наук, и претендент на более высокую научную и административную должность, а точнее – человек, включенный в номенклатурный резерв! На повышение! И вот оно! Наконец! Кончилась нужда осаживать себя в желаниях, в поведении по самым разным делам. Если раньше многие женщины не видели для себя смысла связываться с ним, то теперь – шалишь! Во-первых, многим из них льстит связь с первым человеком в организации. Во-

вторых, многим боязно отказаться. Вывод – отказа не будет, осечки почти исключены вроде случайного сбоя в надежной технической системе. Так что сексуальные аппетиты, даже если потянет на экзотику, будут исправно удовлетворяться представителями женской фауны из числа подданных, точно так же, как научные аппетиты будут удовлетворяться с помощью мужской. Раз уж у тебя в кармане целый институт, то в нем обязательно найдется не один, а несколько умов, которые будут служить у тебя в упряжке, то, стало быть, перед собой надо без задержки ставить новую задачу – чтобы они тебя сделали членом – корреспондентом академии наук СССР – на первый случай. А там снова по прежнему алгоритму, только с поправками на новую среду обитания, больше места проявлениям почтения, предоставляй все большее число ОХОТНО оказываемых услуг – и тогда вполне вероятно превращение из члена – корреспондента Академии Наук в ее действительного члена. Каково, а? Академик Пестерев! Вот тогда он уже на всю жизнь останется на максимально-возможной высоте. Академик – это пожизненно! Никто не станет отказываться от этого принципа! Уж как хотели вышибить из Академии Трофима Денисовича Лысенко – и то не решились!. А чтобы ставить такой вопрос из-за Пестерева? Нет, такое невозможно, невероятно!

Михаил не знал, надо ли над этим смеяться, но Пестерев действительно на полном серьезе верил, что при своих способностях может стать академиком – наверно, имел уже

на примете воодушевляющие примеры ни в чем не превосходящих его ничтожеств, уже облаченных в академические тоги.

А ничтожество Пестерева в его, так сказать, родимой профессии, от которой он подался в информацию, выявилось достаточно скоро, когда раз за разом неуклюже директор старался уйти от предложенных ему подхалимами разговоров на его старые темы, где сам Бог велел ему охотно выступить в качестве компетентного ментора. Но вопреки здравому смыслу он уклонялся от разъяснений. Стало быть, почти панически боялся обнаружить некомпетентность в том, о чем как доктор просто обязан был вякать хоть что-то в соответствии со своим номинальным профилем. Зато Пестерев позволил себе раскрепоститься в другом, ведя свою излюбленную игру. Он с явным удовольствием грубо высказался по поводу двух-трех лиц, уже вообразивших, что они в фаворе у начальника, – ведь он успел уже публично – причем не однажды – расхвалить их деятельность ни за что, а потом устроил разнос тоже ни за что, если не считать причиной, что он ошибся в них поначалу. Цель была очевидна: ему было приятно видеть, как скверно чувствует себя люди, которым он нанес незаслуженную обиду (незаслуженная похвала не в счет), наперед зная, что они не ответят ему в том же духе, потому что не могут сразу позволить себе роскошь уйти куда подальше от действующего мерзавца, наделенного властью издеваться над ними. Где еще найдешь себе работу хо-

тя бы с такой же зарплатой, да еще с начальством получше этого? То-то! Вот и сиди и красней на виду у всех и при этом молчи в тряпочку! Издевался ли Пестерев в том же духе над своими заместителями без подчиненных им заведующих отделами, Михаил не знал, хотя материальчик против каждого из них несомненно накапливал и готовил – это точно, но уж с заведующими отделами явно не церемонился. До какой степени новому директору хотелось унижить Михаила, он понял, когда тот по какому-то поводу раскрыл книгу, написанную Михаилом, и при этом пафосно произнес: «Ну-с, посмотрим, что на этот счет написано у Болденко», – старательно акцентируя в фамилии «Э» вместо «Е». Михаил не преподносил ему этот экземпляр, как было положено в силу верноподданейших традиций, а также из расчета при этом выгодно «подать» себя. Это было квалифицировано Пестеревым как непочтительность и вызов, а потому он позволил себе высказать сентенцию, что теперь Горскому самому приходится скупать тираж, чтобы он как-то расхотелся, Михаил отреагировал без злобы, однако дав понять, что выпад против книги станет известен Болденко, который, собственно, и определил объем тиража в десять тысяч экземпляров, хотя Михаил считал, что во всей стране интересующихся информационно-поисковыми языками вряд ли найдется больше двух тысяч человек, а сам он приобрел за свой счет всего десятка три экземпляров на подарки коллегам. Пестеров понял, что его-то самого коллегой этот наглец Горский демон-

стративно не признает, и хотел было рассвирепеть, но вовремя вспомнил, что Болденко как был, так и остался соавтором Горского, а тот в любой момент сможет представить пестеревские издевки над ним в качестве издевок над Болденко, который отнюдь не перестал быть его прямым начальником по техническому управлению. А потому вместо продолжения попыток издевался все дальше и дальше, вдруг сам нашел про – Болденковское оправдание: «Наверно, Болденко определил размер тиража, исходя из потребностей библиотек». – «Возможно», – откликнулся Михаил, уже догадавшийся, что атака на книгу, написанную им по заказу прежнего директора для издания под двумя именами, была предпринята не только из-за раздражения по поводу того, что тот директор – соавтор был не Пестеровым, но в еще большей степени ради того, чтобы услышать от Горского всеподданнейшую просьбу разрешить ему написать уже вместе с ним, новым директором – другую книгу, чтобы все мирно пришло в равновесие. Но ожидаемой реакции от Михаила не последовало – тот издевательски промолчал, а книгу-то как раз вполне мог написать – и даже собирался – в компании с Болденко и Прилепиным – почему бы и нет? – и материалов, и мыслей для этого уже вполне хватало. Согласие Михаила на написание новой книги обрадовало Болденко, а еще больше – Прилепина. Михаил рассудил, что поскольку книга будет посвящена стандартизации терминологии в новой интерпретации и в связи со словарными работами для обеспече-

ния поиска в автоматизированных информационных системах, то будет справедливо и уместно присоединить к тандему Болденко – Горский еще и зав. сектором методологии стандартизации терминологии – все-таки часть нагрузки мог взять на себя и он. Болденко немедленно утвердил план-проект и обеспечил включение книги в план издания.

Виктору Александровичу Климову было суждено совсем недолго оставаться заместителем директора. Нет, его не сняли с должности вскоре после перехода Болденко в госкомитет. Просто ему предложили работать советником по стандартизации за границей. Заграница, с его точки зрения, была не ахти какая – а именно Остров Свободы Куба – но это обеспечивало перспективу быстрого накопления средств и безочередного приобретения за чеки в «Березке» нового автомобиля и разного дефицитного импортного барахла. Оказавшись на Кубе. Виктор Александрович, естественно, член коммунистической партии Советского Союза, воочию убедился, что расцвета экономики, социалистической, разумеется, экономики, нет, и очевидно, не будет. На Кубе все было в дефиците. Кубинские коммунисты считали, что это в порядке вещей в условиях блокады, установленной правительством США. При этом, в отличие от советского правящего слоя, они еще не настолько разложились, чтобы позволить себе зримо оторваться от уровня материального обеспечения масс, а потому они полагали (вот что значит неразвитость социализма в молодой послереволюционной стране!),

что должны терпеть всевозможные нехватки вместе со своим управляемым народом, и по наивности думали, что и советские товарищи разделяют подобные убеждения. Климову сразу не понравились и условия проживания, и кормежка, и образ жизни безалаберных кубинцев, у которых даже после полуночи не было принято укладывать детей спать, и они весело галдели, как днем, не давая ему выспаться.

Он несколько раз обращался к кубинским функционерам с вполне справедливыми по его мнению претензиями. Кубинцам это надоело. Они поняли, что к ним был прислан вовсе не революционер, а таких, не – революционеров, они совсем не уважали. Воспользовавшись каким-то благовидным предложением, кубинцы отказались от его услуг. Климов вернулся в родную страну и сразу ощутил себя в ней обобраным почти до основания. Место заместителя директора института, которое он занимал до отъезда, теперь было занято заведующим отделом программирования Феодосьевым. Тот, правда, был всего лишь «и. о.», но он так вцепился в должность, посланную ему нежданно-негаданно по капризу судьбы (по его мнению, разумеется, совсем не по капризу, а в силу признания его выдающихся личных и деловых достоинств), что оторвать его от нее было так же трудно, как впившего в тело клеща. Климов и до отъезда на Кубу был о Феодосьеве невысоко мнения, а теперь, зная от своих доброжелателей, какие усилия тот предпринимает для того, чтобы Климова не вернули на прежний пост, он и вовсе укрепил-

ся в своем отрицательном мнении об этом выскочке. Впрочем, Виктор Александрович прекрасно понимал, что не Федосьев портит ему погоду. В каких-то инстанциях полагали, что его досрочное отослание с Кубы, вообще говоря оскорбительное для советского старшего брата, было следствием какой-то вины самого Климова, так как политическое заигрывание с Кубой по необходимости следовало приправлять всяческими проявлениями революционной солидарности со стороны советских товарищей и коллег, а Климов и не подумал вести себя подобающим образом, игнорируя официальную демагогию. «Куба – любовь моя!» – ха! Какая там любовь? Переспать там можно было почти с каждой понравившейся женщиной за пару нейлоновых чулок. Постельное дело они, конечно, знали и, что еще важнее – сами любили его, что было вовсе не характерно для большинства других стран. Но он-то знал, что за каждым советником с советской же стороны ведется серьезный надзор, а несанкционированные связи с местными дамами в будущем свободно могли вменить ему в вину и в очередной раз замедлить ход его карьеры, а потому некоторым усилием воли Климов подавлял желание познать в постели особенности страстного кубинского дамского темперамента и тем лишил себя возможности предметно познакомиться с самой приятной и эстетичной частью кубинского бытия. Ощущать себя жертвой бессовестной демагогии всегда неприятно, но теперь какое-то время ему предстояло расплачиваться за ее

несоблюдение. Деньги ему, правда, платили в размере прежнего оклада, но у него не было никаких обязанностей, никакого своего участка работы, как не было больше и кабинета, а это воспринималось особенно болезненной стороной его послекубинского бытия, тем более, что Пестерев с издевательским великодушием предложил ему место не где-нибудь, а в своем директорском кабинете. Там все мелочи поведения были под неусыпным наблюдением. Климов понял, что Пестерев побаивается его, так как тот после назначения на пост директора уже не застал его, уехавшего на Кубу, и теперь горел желанием понять, исходит ли от него существенная угроза или нет. Расспросив Горского о поведении Пестерева и узнав детали его провокативной модели установления отношений с подчиненными по принципу «сперва незаслуженно захвали, затем незаслуженно обругай», Климов сразу приложил это к своему положению, и из него прямо-таки вырвалось: «Если так, то уж и не знаю, во что выльется потом его неприятие – пока что на пустом месте идет сплошная безудержная похвала и лесть!» Климову было ясно, что надо сматываться из института как можно скорей. Через высокопоставленных знакомых он нажал на все педали и к своему огромному облегчению вскоре получил как выпускник академии народного хозяйства при ЦК КПСС назначение в должность заместителя директора одного из крупнейших станкостроительных заводов страны.

Ну, а Михаилу поневоле пришлось вплотную столкнуть-

ся с еще одним феноменом преобразования личности, сознательно управляющей своим поведением в соответствии с порочным марксистским принципом «бытие определяет сознание», тогда как по Воле Создателя сознание должно управлять бытием. Возможно, подобные метаморфозы внутреннего переустройства у кого-то проходили еще быстрее, чем у Валентина Феодосьева, но Михаилу такого больше не приходилось видеть. В этом он явно превзошел даже Пестерева, сравнительно долго сознательно трудившегося для воплощения своей мечты. А у Феодосьева она, оказывается, прежде лишь теплилась в глубине существа, пока вдруг внешним порывом не была раздута до племени костра в рост человека – во весь его немалый Феодосьевский рост порядка ста девяноста сантиметров. Вся его полная фигура, начиная с головы, вспылала особым пламенем любви к себе, оказавшемуся по другую сторону бытия – номенклатурную сторону! Из тех, кто всем должен, он чудесным образом переместился в круг избранных, которым все должны. Раньше он полагал, что это может случиться, но очень нескоро, так нескоро, что лучше было не берeditь душу жгучими и очень нереальными мечтами. Поэтому среди тех, чьим уважением он пока что хотел пользоваться, он старался держать себя как человек, понимающий лживость и ограниченность возможностей коммунистической власти привести народ к достойному и небедному образу жизни. Бориспольский, Кольцов, Вайсфельд и иже с ними считали его своим

по духу и близким по интеллекту. Читая запрещенные книги, дебатировав в стиле западных представлений о личной свободе, бросая мелкие вызовы менее развитым клеветам власти вроде Плешакова, они чувствовали себя бойцами невидимого фронта в явной борьбе за гегемонию в человеческих мозгах, начисто отрицая право власти угнездить ее идеологию в их головах.

И вдруг власть сама распахнула перед ним доселе наглухо закрытые двери. Пусть случайно, пусть по глупости («на безрыбье и рак рыба»), но вдруг – чем черт не шутит! – ввиду прозрения – вот он, тот кто нам нужен, кого мы ждали и искали и так долго не могли найти! Заходите. Валентин Иванович! Будем знакомы! Станьте своим в нашем кругу! И он без малейшего промедления начал доказывать, что он среди них действительно свой, что те прозападные болтуны – недоумки – это враги нашего самого передового в мире общества с неограниченными возможностями для тех, кто делает настоящее дело и управляет ходом жизни, как не мог бы на их месте никто другой. Интеллектуальным недоноскам там не должно быть места – их вообще не должно быть, чтобы прогресс общества стал еще более впечатляющим. Ругая коммунистов, распространяя сплетни о глупости партийных и государственных бонз (к чему совсем недавно был причастен и «свежий» зам. директора с приставкой «и. о.», на которую он старался не обращать внимания) ОНИ вредили обществу, исходя из сво-

их эгоистических, узкокорыстных интересов. С их подрывной деятельностью у него больше не могло быть ничего общего. Чтобы в этом не имел права сомневаться никто, Феодосьев сразу же подал заявление о приеме в коммунистическую партию. К сожалению, процедура приема в партию была чудовищно забюрократизирована. Бесспорно, если в партию стараются проникнуть из карьерных соображений выходцы из интеллигентской прослойки, испытательный срок и другие защитные меры необходимы, но неужели из-за этого нельзя было предусмотреть особый порядок приема людей, уже привлеченных к участию во власти? Нонсенс! И вот жди из-за этого глупого упущения целый год, прежде чем получишь в руки полноценный партбилет, а не кандидатскую карточку, от которой толку, как от козла молока. И все – так вопрос обретения партийной принадлежности был окончательно решен в самые же первые дни пребывания Феодосьева у власти: была получена разрядка райкома, проведены партсобрания сначала в собственном научном направлении кандидата, затем в полном составе коммунистов института. Там были и такие же начинающие карьеристы, и более привыкшие к своему членству старшие товарищи, партайгеноссе, были и старые вполне заслуженные коммунисты, такие, например, как полковник Михаил Яковлевич Вайсфельд, которому недавно в торжественной обстановке вручили такой же особый знак, как самому дорогому Леониду Ильичу – пятьдесят лет в партии, только не за номе-

ром 1, как генеральному секретарю, или пожилая, очень толстая и весьма отяжелевшая, едва передвигавшая ноги печатница множительной базы, которая еще до войны молодой привлекательной татарочкой была принята в службу при доме Берии на пересечении улицы Качалова и Вспольного переулка и там же, на территории бывшей усадьбы князя Голицына, жила вместе с мужем в незапирающейся комнате, потому что туда в любое время суток имели право входить с обыском охранники, (этой почтенной женщине и по сей день регулярно вручали ценные подарки по итогам выполнения социалистических обязательств к революционным праздникам или по случаю успешного завершения пятилетнего плана). Партсобрание института не имело возражений по поводу желанья Феодосьева влиться в ряды родной партии. Все прошло гладко, уверенно, *comme – il – faut*. Трудности, причем куда более серьезные, ждали его на другом фланге. Крупным руководителем в научно-исследовательском институте любой категории, тем более первой, обязан был быть по негласному регламенту не только обладатель партбилета, но и ученой степени, а у него, в отличие от Климова, не было даже диплома кандидата наук. И тут уже, сколько ни спеши, в один день и даже в один год из одного статуса в другой не перепрыгнешь. Не говоря о формальной волоките продолжительностью в полтора-два года минимум, надо было выдавать идеи, кропать главу за главой диссертацию, да еще и под руководством совершенно ненужно-

го ему (по его мнению) номинального научного руководителя, которого еще следовало подыскать. Где его искать, Феодосьев пока не представлял. Проще всего было бы попросить директора, Пестерева – все же он доктор и все такое, но уж больно он новенький в области информации, на этой почве возможны осложнения. Ну, с этим-то рано или поздно все устаканится, нет сомнений, а вот что делать с идеями, с публикациями по теме диссертационной работы, которую еще надо будет в каком-то стороннем ученом совете утвердить? Сгоряча Валентин Феодосьев начал было сочинять сам, но идеи захлестывали и перехлестывали его, а текста, причем оригинального, будь он неладен, никак не получалось. Когда Горский написал, а затем вместе с Болденко издал монографию, Феодосьев решил, что сам бы сделал такое за еще меньший срок, если бы Болденко создал ему такие же условия, как Горскому. А без этого у него не хватало времени на писанину. Ему и в голову не приходило, что Михаил ничего не потребовал от Болденко и никаких поблажек по плану работ не имел. И вот он, зам. директора, выкроил время, осмотрелся с высоты своего нового положения, понял, что видит и знает больше всех по любой из подведомственных тем, сел за стол, положил перед собой бумагу, а дальше – ничего. Ступор. Он попытался его преодолеть. И если вялые стандартные вступительные фразы еще кое-как удавались ему, то дальше совсем заколодило. Кончилось тем, что он достал книгу Болденко и Горского и стал сочи-

нять перифраз подходящих глав оттуда. Но чертов Горский так сцеплял слова в предложениях, что малейшее начальное изменение влекло за собой прямо-таки каскадное изменение нужного смысла, скорее даже обесмысливало и само это предложение, и последующий текст. И вдруг его осенило: пусть Горский сам дальше и сочиняет, только не по заказу Болденко, а для него, своего нового непосредственного шефа – чего тут, в самом деле, себе-то голову ломать? Надо только внушить ему, что от этой обязанности ему не уклониться, и повести дело так, чтобы у него и мысли не возникало, будто генератор идей не он, Горский, а его законный хозяин и руководитель Феодосьев. Если он поручает что-то сделать подчиненному, то это УЖЕ означает, что идеи исходят от начальника, а не от кого-то еще, тем более не от исполнителя. Однако осуществить намеченную программу оказалось невероятно трудно. Первые же попытки доказать Михаилу умственное превосходство Феодосьева закончилось совершенно безрезультатно. Валентин гнал причем целыми часами всякие воспоминания из курсов, прослушанных в физтехе, или почерпнутых из чужих трудов, Большинство фактов, на которых он строил иллюзию своего умственного превосходства, вообще не имели отношения к тематике института и направления, подчиненного Феодосьеву. Михаил выслушивал их с безразличным скучающим лицом. Если же что-то задевало взгляды Михаила, он быстро и резко реагировал, показывая, что феодосьевский наскок ровным счетом

никакого смысла не имеет. Валентин раздражался все сильнее и сильнее. ПОПРОСИТЬ Горского написать за него диссертацию он не мог – против этого восставало все его самолюбие, тем более, что он всегда – и раньше, и теперь – постоянно вещал об избытке идей в своей голове и о чрезвычайно насыщенной памяти: – «Ну вот сам и действуй!» – говорила ему усмешка Михаила, заставляя его раз за разом вспоминать о его – начальника! – интеллектуальной импотенции. Это было непереносимо. Феодосьев придумывал все новые и новые способы заставить Горского сдаться, а тот лишь все больше скучнел и отдалялся, при этом либо никак не выполняя получаемых от шефа указаний, либо выполняя их с буквальной, издевательской точностью, после чего и посторонним становилось понятно, какой он идиот, этот новый шеф, так как Михаил всегда в подобных случаях подчеркивал феодосьевские авторство, и тот вынужден был сам объясняться с недоумевающими коллегами – Маргулисом и Полкиной. Так Михаил похоронил мысль Валентина превратить Горского как заведующего научно-методическим отделом языковых средств стандартизации в рупор своих исключительно ценных научных соображений.

После этого Феодосьев уже не упускал ни одного случая, чтобы пожаловаться Пестереву на неуправляемость Горского. Пестерев, который и сам хотел поставить мозги Михаила на службу своему «интеллекту», да не мог решиться действовать активно в этом направлении, опасаясь вторгнуться-

ся в сферу интересов Болденко, понимал, что Феодосьев не врет, что добиться от Горского каких-то сдвигов с тех позиций, которые он считает верными, не выходит, но он слишком любил сталкивать подчиненных лбами, чтобы смотреть, какую пользу лично для себя он может извлечь из сыплющихся искр. Однако Горский был способен доказывать свою правоту неопровержимыми аргументами, в то время, как Феодосьев, устраивая шефа своим подхалимажем и готовностью со всем соглашаться, раздражал своей неспособностью деятельно и продуктивно служить личным интересам директора. А они сводились к следующему – ты не только заставляй Горского трудиться на себя, но и не забывай, что сам обязан эффективно способствовать осуществлению директорских затей, а они куда как далеко уходили от забот Феодосьева насчет его диссертации. Какие идеи этот так называемый продвинутый физик, программист и системотехник предлагает для того, чтобы на их основе директор въехал бы на белом коне в Академию Наук СССР? Никаких. Он полностью погряз в дрызгах с Горским, где последний всегда оказывался прав, а на что – то еще был неспособен. Другое дело, что он и Горскому не помогал против Феодосьева. Обуздывать разошедшегося в амбициях начальника в отношениях с подчиненными было не в его правилах, и затруднять Горскому жизнь он готов был не только руками Феодосьева, но и своими собственными. В конце концов, надо же было показать, кто на самом деле полновластный хозяин в инсти-

туте – не заведующий же отделом!

После того, как Михаил на научно-техническом совете вслед за Суховым выступил против Полкиной, Феодосьев, предупредительно стараясь делать все в пользу последней, пытался превратить ее в некий противовес Горскому. Михаил откровенно, но без всякой злобы, смеялся над этим. Всякое лыко годилось в строку, лишь бы от этого проистекал какой-то ущерб ненавистному подчиненному. В ход шло все – исключение фамилии Горского из состава командированных за границу – теперь по тематике Михаила туда ездил Феодосьев, и издание небольших статей с перепевом мотивов Данилова, Влэдуца и Горского без упоминания последних, и даже особо гнусные разнарядки на сокращение штата отдела, когда он прямо указывал, кого надо уволить, не трогая при этом (закон не позволяет!) молодых специалистов, попавших в институт по распределению и не имевших ничего против своего увольнения. Разнарядку Михаил откровенно проигнорировал, пригрозив обратиться по этому поводу в госкомитет по науке и технике, где подобное самоуправство ни к чему хорошему для институтского начальства не привело бы. Но на парирование пакостей уходили и нервы, и время, к тому же Михаил понимал, что его не оставят в покое ни Пестерев, ни Феодосьев, пока не изведут. Валентин даже лез вон из кожи, чтобы по каким-нибудь формальным критериям засчитать Горскому невыполнение плана. По одной из малозначащих позиций квартал-

ного плана в качестве завершения работы предстояло рассмотреть результаты на секции НТС, где председателем был Феодосьев. Когда собралось заседание секции, он неожиданно по надуманному предлогу объявил вопрос неподготовленным и снял его с повестки дня. Замысел был понятен – объявить, что Горский не способен даже на такую малость, как подготовить рассмотрение работы на секции, а в результате не обеспечил выполнения плана.

Михаил не остался в долгу. Он немедленно написал докладную записку в адрес технического управления госкомитета, протестуя против проведения искусственного обвинения и вытеснения в *off side* и подписался своим вторым титулом – заместитель председателя секции НТС, каковым он и был утвержден госкомитетом. Михаил подозревал, что после подачи докладной через голову Пестерева будут приняты меры по исключению его из ранга заместителя председателя секции, но даже и он не ждал, что это произойдет так быстро. Это означало одно – к решению вопроса со всей энергией присоединился сам директор в поддержку своего заместителя. Впрочем, это все-таки произошло после того, как в техническом управлении отреагировали на докладную Горского и заставили Феодосьева рассмотреть вопрос в прежней степени готовности. План отдела по данной позиции, таким образом, торпедировать не удалось.

Однако в распоряжении Феодосьева был еще один инструмент, целиком находящийся в его руках. По целому ря-

ду дел выполнение плана в отделе Горского зависело от того, будет ли своевременно сделано программное обеспечение для обработки лексической информации на ЭВМ. Сделавшись заместителем директора, Феодосьев оставил отдел программирования за собой, и теперь спокойно позволял себе «забывать», что он что-то должен делать в интересах отдела Михаила. Всякий раз, когда забывчивость Феодосьева грозила несомненным срывом плана, Михаил обращался к Пестереву устно, оставляя при этом и докладные записки. Директор вызывал Феодосьева, спрашивал в чем дело, указывал на обязательность выполнения программных работ. Феодосьев оправдывался, нехотя уступал, но делал все крайне плохо, и тут Михаилу открылась еще одна сторона жизни Феодосьева, соответствующая устройству бытия вообще. Еще будучи в подчинении Григория Кольцова, который прежде был начальником отдела программирования, Валентин Феодостев считался весьма высокопроизводительным и успешным программистом. Этому способствовала природная память и умение быстро пользоваться всем хранящимся в ней. Но когда Климов уехал на Кубу, а Кольцова пригласили в главный вычислительный центр Госкомитета заместителем директора, вырвавшийся в дамки Феодосьев настолько радикально переориентировал себя в интересах карьеры, перспективы которой внезапно, как по щучьему велению, открылись перед ним, что крыша у него в голове несколько сместилась, и по делам его в части программиро-

вания стало видно, что это не прошло без следа. Его новые программы никак не удавалось довести до ума – он не мог понять, где ошибался. Дошло до того, что однажды, анализируя итоговую и очень странную, явно негодную распечатку тезауруса, Михаил понял, в чем дело, и указал на логическую ошибку Феодосьеву. Тот был явно задет, что из вражеского стана некомпетентное в программировании лицо указывает ему, в чем дело, тогда как сам он, профессионал, понять это оказался не в состоянии, но запереться было невозможно, и Валентин молча исправил программу. Но так не могло получаться постоянно – Михаил действительно не был сведущ в тонкостях программирования, а Валентин Феодосьев, ныне столь обделенный Небесами как программист, барахтался в привычных делах куда как непродуктивно против прежнего, и это была явная плата за выбор административной карьеры в качестве примата всей его жизни.

Глава 13

Примерно во время замдиректорства Климова Михаил обнаружил среди служащих госкомитета женщину, при мысли о которой у него на душе становилось светло и легко. Собственно, он познакомился с ней еще раньше, как только вернулся в институт из центра Антипова. Надежда Васильевна Катунцева была помощницей того самого первого заместителя председателя госкомитета, в любовницах которого прежде ходила Орлова и через которого она добилась должностной рокировки, ставшей причиной появления у Михаила новой профессии. Надежда Васильевна ведала делами так называемой научно-технической комиссии. В этой комиссии подверглись рассмотрению и предварительной экспертизе все более или менее крупные выходные работы всех институтов госкомитета. В прошлые времена подобной комиссии не существовало – это была новация. Среди начальников отделов института о зверствах Катунцевой в комиссии ходили легенды. Перед ней пластались, извивались, хитрили – дабы получить ее благорасположение и обеспечить своевременное выполнение плана. Ничего не помогало – Надежда Васильевна была непреклонна, неподкупна и требовала с них все, что полагается, а спорить с ней или жаловаться на нее заместителю председателя было бессмысленно – он чувствовал себя за ней как за каменной стеной. Когда пер-

вая редакция тезауруса по стандартизации была готова, Михаил представил Катунцевой вместе с тезаурусом все необходимые материалы, и сразу же был допущен на заседание комиссии.

Заместитель председателя госкомитета был человеком неглупым, а со времени своей связи с Орловой, из рук которой он прежде ел все представления о классификации и информационном поиске, еще и сильно поумнел (или просветился). По этой причине Михаил Горский был для него не очень удобным или приятным собеседником – ведь радоваться правоте или победе подчиненного в негласном споре начальству всегда неохота. Поэтому он набросал подряд штук пять замечаний, которые следовало учесть. По характеру они не были особенно серьезны, но Михаил в своих записях все их буквально воспроизвел. После заседания комиссии Надежда Васильевна сличила его записи со своими и затем взглянула на Михаила с явным удивлением – они совпали. Это могло означать только одно – обычно защитники своих работ хитрили, изменяли, смягчали начальственные формулировки, а то и «забывали» что-то воспроизвести. Горский оказался предельно точен. И тут Михаила осенило: Катунцева вовсе не изверг и никогда таковым, вопреки молве, не была – честная по природе, она и от других ожидала того же самого, а столкнувшись с обманами, скорее всего, не только на службе, остро возненавидела тех, кто строит свою жизнь и работу на лжи. Михаилу намекали, что она

такая злая от того, что не замужем, и это было как-то странно: Надежда Васильевна была вполне пригожей женщиной с хорошей ладной фигурой, красивым и свежим лицом в возрасте около тридцати (плюс-минус три года), и если ее кто-то крепко обманул в любви, то можно было твердо сказать, что этот кто-то в первую очередь себя же и обворовал. В ее лице читалось и простодушие и доверчивость, но и то и другое отнюдь не портило ее – она была вполне искренней и такой, какой являлась на самом деле, ничего не корча из себя – ни интеллектуалку, ни любительницу поэзии и изящных искусств – зато могла быть восхитительной возлюбленной и верной добропорядочной женой в одном лице, чего Михаил мысленно ей и пожелал. Обмануть такую взрослую женщину было бы всё равно, что обмануть ребенка, а она тем более не заслуживала этого, потому что давно вышла из детского возраста, а прелесть его оставила при себе.

А потом она стала куратором ряда работ в институте, и они с Михаилом с взаимным удовольствием легко и без претензий общались с друг с другом. Он называл ее то Надеждой Васильевной, то Наденькой в зависимости от того, были ли при их встрече еще какие-то люди или их не было, но в любом случае, здороваясь, с удовольствием целовал ей руку, а потом щечку, и в ответ Наденька краснела от смущения и удовольствия, хотя наперед знала, что он не пустится во все тяжкие ради достижения служебного успеха – и это в то время, как с ней действительно мог-

ло быть хорошо, и она никого не разочаровала бы в постели.

А потом Наденька вышла замуж и из Катунцевой превратилась в Варламову, но между ней и Михаилом ничего не изменилось. Он не знал, впервые ли она теперь замужем, но какое это могло бы иметь значение? Раз уж вышла, значит, любила и надеялась на счастье. О чем тут спрашивать? Все ясно само по себе. И он, как прежде, с удовольствием целовал ей руку и щечку даже на глазах своего или ее начальства, а Наденька одаривала его благодарным взглядом.

Именно Наденька приняла меры по «возвращению в ум» зарвавшегося Феодосьева после получения техническим управлением докладной записки Горского. Она и во всех других случаях, когда могла, оказывала помощь Михаилу. Просто за его искреннюю симпатию и уважение она платила ему той же монетой. Пестерева же и Феодосьева она без всякой подачи с его стороны считала ничтожествами, потому что ее прямодушно честная натура всегда безошибочно распознавала фальшь, бессовестность и липу. От вида принужденно приветливо обращающихся к ней людей ее просто воротило. Еще одной доброжелательницей Михаила Горского в том же техническом управлении была Юлия Семеновна Рыбакова, скромно и достойно ведущая себя женщина, несколько более полная, чем нужно, но зато с внимательными и глубокими темными глазами. Она быстро вникала в суть любого дела, которое ей поручали, и с ней легко было находить общий язык. Муж Юлии Семеновны работал

в аппарате ЦК КПСС, и это обстоятельство могло бы в ком-то другом вызвать развязность, бестактность, бесцеремонность – все это ей бы спускалось – но только не в ней. Юлия Семеновна делилась с Михаилом не только новостями о событиях в госкомитете, как и он с ней насчет происходящего в институте, но и мыслями о воспитании сына, который был на несколько лет моложе дочери Михаила Ани. Видимо, ей хотелось знать, как коллега поступал в той или иной характерной ситуации в своей семейной практике. О делах своего мужа она, как и полагалось, ничего не рассказывала, а Михаил и не спрашивал, но однажды Юлия Семеновна слегка проговорила – об участии мужа в какой-то придворной охоте, откуда он явился с увесистым куском мяса отстрелянного лося – она призналась, что не знает, что с ним надо делать, и вообще – можно ли его есть. Михаил на основе собственного походного опыта заверил ее, что мясо превосходно по вкусу, слегка пикантному из-за особенностей питания зверя в тайге, что благодаря этому питанию, по литературным данным, оно полезней говядины по многим компонентам, а готовить его так же просто, как и говядину: можно жарить, варить, запекать, то есть делать все, что хочешь.

Однажды Михаила вызвали в госкомитет для ознакомления с документом для служебного пользования по его тематике. Речь там шла о позиции советской стороны в разработке международной информационной системы. По этим делам за границу всегда ездил начальник управления науч-

но-технической информации госкомитета по науке и технике старый знакомый и полупокровитель Михаила Николай Багратович Арутюнов. В документе вскользь упоминалось, что по сообщению товарища Цуканова товарищ Арутюнов больше выезжать за границу не будет. У Михаила в средних классах школы – с пятого по седьмой – был одноклассник Володька Цуканов, который потом исчез из его поля зрения. Друзьями они не являлись, но услышав знакомую и довольно – таки редкую фамилию, Михаил решил узнать у Юлии Семеновны, кто этот человек – товарищ Цуканов документ-то был из ЦК.

– Кто такой Цуканов? – переспросила она. – Вы не знаете?

– Нет.

– Это зав. отделом ЦК. А почему вы спрашиваете?

– Да вот только что познакомился с документом насчет международной системы информации. И там упоминалась его фамилия.

– А в какой связи? – с особым вниманием поинтересовалась Юлия Семеновна.

– Он сообщил, что товарищ Арутюнов больше не будет выезжать по данной теме за рубеж. Это нынешний начальник управления научно-технической информации в ГКНТ.

– Да, я знаю, – быстро подтвердила Юлия Семеновна. – А как точно выразился товарищ Цуканов?

– Именно так, как я вам передал. Со ссылкой на состояние здоровья.

– Так, – со вздохом произнесла Юлия Семеновна и заметив вопрос в глазах Михаила, призналась:

– С Арутюновым буквально на днях договаривались о моем переходе на работу в его управление. А, оказывается, его вот-вот снимают.

– Там ничего не говорилось о его преемнике, – возразил Михаил. – Но даже если его заменят кем-то другим в связи с состоянием здоровья, это не значит, что в управлении откажутся от вашей кандидатуры. Жен работников аппарата ЦК там уважают. Я сам знаю там нескольких таких лиц.

Юлия Семеновна пожала плечами:

– Как знать, как знать?

– Но теперь-то у вас есть повод еще раз выяснить, какие там будут происходить изменения.

– Да, спасибо вам, теперь надо узнавать сызнова. А вы бы рекомендовали мне туда перейти?

– Зная ситуацию здесь и там – рекомендовал бы. Все-таки это в довольно сильной степени решающая инстанция, не то, что наш госкомитет, на который промышленные министерства смотрят свысока как на обслуживающий, второстепенный орган. Наш председатель у них не особенно в чести.

– Его, кстати, наверно, тоже вскоре заменят. – отозвалась Юлия Семеновна.

– Вот как? Значит, такая компания пошла?

Она кивнула.

– Ну, это ладно. Зная вас и ваш стиль поведения на рабо-

те, я думаю, что вы вполне придёте там ко двору и будете работать лучше многих. А зарплата там вдвое выше здешней. Так что вам есть прямой смысл.

Но ещё прежде, чем у Юлии Семеновны прояснилась ситуация с переходом в ГКНТ, она поделилась с Михаилом очередной новостью – на сей раз насчет Феодосьева.

– Понимаете, Михаил Николаевич, на международное совещание по стандартизации формата обмена данными в Финляндию советскую делегацию должны были представлять я и ваш Феодосьев. Но на днях стало известно, что деньги на командировку были урезаны, и потому в Финляндию посылают только меня.

– Ну, и правильно делают! Подумаешь, сложность – формат!

– Нет, я не об этом. Вчера ко мне явился Феодосьев, весь в расстроенных чувствах. Откуда-то узнал, что еду я одна, и сходу стал меня напористо убеждать, что мне там без него никак не справиться, что надо в подробностях принимать решения по программированию – и без него интересы страны не будут учтены.

– Без него как специалиста? – смеясь, спросил Михаил. – Это по согласованию формата и состава данных, которыми надлежит обмениваться? Ерунда!

– Ну, я тоже ему сказала об этом, но он просто из кожи лез вон, доказывая мне мою некомпетентность.

– Ну и болван, – усмехнувшись, подумал Михаил. – Ради

успеха в дельнейшей карьере ему бы следовало, узнав о решении руководства, явиться к Юлии Семеновне с выражением согласия с именно ее представительством на совещании, и постараться со своей стороны как можно подробнее познакомить ее с тонкостями, пожелать ей успеха и хорошей поездки, а не атаковать даму с позиции своих амбициозных претензий, даже не зная, кто ее муж.

– Чего вы улыбаетесь? – спросила Юлия Семеновна.

– Так. Представил, как завтра же Феодосьев приполз бы к вам с самыми искренними извинениями за вчерашнее, если бы сегодня узнал, где работает ваш муж.

– Но вы же не скажете?

– Нет, конечно! А то бы хорошее было кино!

Юлия Семеновна Рыбакова спокойно выдержала психическую атаку борца за кровные интересы социалистической родины **ВОПРЕКИ** его личным устремлениям и благополучно выполнила свою миссию в Хельсинки. Долго ли скрежетал зубами от досады новоявленный записной патриот Феодосьев, Михаил так и не узнал. Как и не выяснил, являлся ли товарищем Цукановым, заведующим отделом ЦК (а это была фигура более крупная, чем министр) его одноклассник, или его отец, или дядя, или совсем никакая ему не родня. Да это и не имело никакого значения. Просто ключевое слово «Цуканов» открыло для него Юлию Семеновну еще с одной стороны.

То, что Полкина вот-вот выйдет на защиту диссертации

в ученом совете смежного института, выяснилось совершенно случайно. Михаил готовил заседание главной терминологической комиссии госкомитета, и по этой причине пригласил для предварительной беседы коллегу из комитета научной и технической терминологии Академии Наук. Это был пожилой человек, кажется, полковник. Они уже закончили разговор о делах, визитер уже собирался откланяться, когда вдруг он сказал: «передайте Полкиной мои пожелания успешной защиты». Михаил с трудом удержался от возгласа изумления, как бы невзначай, спросил, когда должна состояться защита. – «Где-то через неделю», – был ответ. Ничего не скажешь – конспирация была отменной. Обычно всезнающие источники на сей раз молчали. Надо было срочно готовиться к этому событию. И тут Михаилу неожиданно позвонил заместитель директора института по общим вопросам Лютиков. С ним Михаил имел дела крайне редко, но от Люси Кононовой слышал, что тот проворачивает крупные дела в интересах высшего начальства в госкомитете, обеспечивая ремонт и строительство дач этого начальства за счет ресурсов института. Это, собственно, и делало его непотопляемым, хотя и о себе он не забывал.

Лютиков, ссылаясь на то, что большой конференц-зал института на день, уже зарезервированный для заседания главной терминологической комиссии, неожиданно срочно понадобился госкомитету для другой цели, попросил перенести заседание на следующий день. Это было крайне неудоб-

но, потому что приглашения с определенной ранее датой заседания уже были подготовлены к отправке, но Лютиков очень настаивал и даже обещал помочь отпечатать новые приглашения.

Не придавая этому принципиального значения, Михаил поддался уговорам. Новые приглашения уже были отправлены по адресам, когда опять-таки неожиданно выяснилось, что именно в день заседания комиссии, на которой Михаилу предстояло сделать основной доклад, состоится и защита диссертации Полкиной. С помощью покровительствующего ей Лютикова она виртуозно лишила Горского возможности присутствовать на своей защите. Конечно, это не на сто процентов исключало вероятность чьего-либо критического выступления во время защиты, однако делало его маловероятным. Сухов уже сказал Михаилу, что на защиту Полкиной не пойдет и будет использовать против нее другие средства, Прилепин, несомненный противник диссертантки, должен был присутствовать на защите, но уверенности в его решимости Михаил не имел. Прилепин вообще любил действовать чужими руками. Ничего не скажешь – класс конспирации и дезинформации был высочайший. Ему могли бы позавидовать даже профессионалы из КГБ. Яблочко для Полкиной должно было упасть на блюдечко с голубой каемочкой точно в центр и точно в срок, и помешать этому, даже чисто символически, не могло уже ничто. И тем не менее, Михаил не опустил руки. Еще перед прошлым своим выступ-

лением на НТС своего института в пользу Сухова Михаил внимательно познакомился с текстом диссертации Полкина, но с тех пор прошло уже много времени, и Полкина вполне могла внести в текст диссертации изменения, не меняя содержания по существу, чтобы сделать неактуальным старые постраничные ссылки на те или иные положения. Не сомневаясь, что Полкина прибегла к такому средству запутывания следов, Михаил отправил в смежный институт свою доверенную сотрудницу Юлию Петровну.

Она могла лучше других справиться с заданием по сравнению фрагментов из предварительной и окончательной редакции полкинской работы, поскольку сама была кандидатом наук и вообще ориентировалась в требованиях к диссертации. Юля вернулась из смежного института в недоумении – текст оказался столь сильно перетасованным, что найти соответствие между фрагментами ей никак не удавалось. К тому же изменилось и распределение текста по главам. Прежде их было три, стало четыре. Это свидетельствовало о том, что Полкина всерьез опасалась получить конкретные замечания по окончательному тексту – отсюда и стремление максимально запутать след, а с другой стороны это говорило о том, что Полкиной совершенно безразлично, сохранится ли при этом какая-либо логическая связанность текста. Значит, она была уверена, что в ВАКе ей обеспечена зеленая улица, и оценивать текст по существу эксперты не будут. Там уже действительно все схвачено, важно только не слиш-

ком замараться на подходах к окончательному утверждению перед выдачей диплома. А вот для этого-то как раз и требовалось исключить Горского из процесса на всех стадиях, где он мог возникнуть и предъявить счет вранью и пусто-звонству. Юлин визит принес не только информацию о затруднениях с идентификацией ссылок на порочные места в диссертации. Выяснилось, что библиотекарь, которая выдала Юле диссертацию на прочтение в читальном зале, уведомила ее, что Полкина накануне справлялась, знакомился ли кто-нибудь с ее работой и даже осталась вполне довольна после оскорбительного по существу замечания: «Да кому она нужна!» На другой день Михаил прибыл в эту библиотеку сам, предъявил служебное удостоверение и принялся за дело. Прежде всего он решил выяснить, что содержит новая глава. Оказалось – ничего кроме совершенно не относящейся к какому-либо аспекту стандартизации и здравому смыслу вообще формулы, в которой неопределенно поименованные сомножители были призваны создать видимость научности оценкам и выводам. Михаил догадался, что таков был вклад в «научный инструментарий» Полкиной со стороны ее любовника, по слухам, не только племянника члена политбюро, но и физика. Разбирая формулу, Михаил подумал, что и любовник – примерно такой же физик, как и Полкина – оригинальный мыслитель в области терминологии. Аннигилировать смысл этой главы не составило никакого труда, поскольку ни физического, ни лингвистического смысла в фор-

муле не было. Следом Михаил удостоверился в правильности своего предположения, что все равно одиозные места остались в диссертации, хотя и расположились по-новому. Он быстро уточнял ссылки на новые страницы в своем прежнем заключении и, завершив работу, все-таки не удержался от возгласа в полголоса: «Все-таки попалась, сука!» Библиотекарша вскинула на него глаза. Он не понял, расслышала она все слова восклицанию, но если и расслышала, то отнюдь не удивилась и не возмущилась. Значит, ее представления о Полкиной были верными и мало отличались от его взглядов на данную диссертацию. Ни одна душа во время работы Михаила не заглянула в библиотеку. Ни один член «ученого совета» и не подумал взглянуть на опус очередного претендента на кандидатскую степень. В библиотечном формуляре диссертации значилась всего две фамилии – Юли и Михаила.

В канун защиты Полкиной директор Пестерев совещался со своим заместителем Феодосьевым и начальником научно-методического отдела словарного обеспечения стандартизации Горским. Разумеется, речь шла о завтрашнем заседании главной терминологической комиссии, но затем разговор все-таки зашел и о Полкиной.

Феодосьев сказал, что с диссертацией все в порядке. Он одобряет ее основные положения, а отдельные изъяны считает незначительными. Время от времени он бросал взгляд на Горского, видимо, ожидая наткнуться на возражения,

но Горский молчал. Когда Феодосьев закончил свой кисло-сладкий (как говорили в литературной среде) панегирик, Михаил, словно и не слышавший его, обратился к директору:

– А вы познакомились с диссертацией?

– Да, я ее просмотрел. На мой взгляд, кроме второй главы в ней ровным счетом ничего нет.

– А вторую главу вы находите верной? – спросил Михаил.

Это была та самая «новая глава», в которой фигурировала пустопорожняя формула.

– Ну, во всяком случае, в ней есть хоть что-то, – ответил Пестерев.

Получалось, доктор наук в очередной раз расписался в том, что он такой же научный работник, как Полкина. Рецепт был единым для очень многих соискателей – вставь в текст некую формулу, не имеющую ничего общего ни с идеей диссертации, ни с действительностью, и жди, найдется ли желающий вникать в отсутствующую суть, будет ли кому охота разоблачать туфту, или все проскочит благополучно мимо заранее настроенного в пользу диссертанта научного оппонента? Этот дешевый фальшивый трюк столько раз сходил соискателям с рук, что стал своего рода неизменным атрибутом диссертаций «обычного качества». Для Пестерева было столь осмысленно и уместно использовать его, как и для Полкиной и ее любовника из одной национальной союзной республики.

Больше говорить о Полкиной не было надобности.

Все должен был если не решить, то, по крайней мере, высветить завтрашний день.

Первым докладчиком на заседании главной терминологической комиссии, собравшем больше ста человек из разных отраслей промышленности, естественно, пожелал быть Феодосьев. Ему хотелось самому представиться присутствующим в качестве зам. директора («если кто не знает, то я...»).

Кроме того, опережая Горского с его докладом, он мог «стянуть» у последнего некоторые мысли, чтобы создать впечатление, будто они у него свои. Поэтому Михаил сходу изменил намеченную композицию и начал говорить о тех вещах, которые в поле зрения Феодосьева и Пестерева до тех пор никогда не попадали. Он уже занял свое место в президиуме, когда к нему подошла служительница конференц-зала и шепнула, что его срочно вызывают к телефону в фойе. Звонила жена Прилепина, оставшаяся верной своей когда-то овечьей славой революционной девичьей фамилии. Ее давний предок стал главным логическим изобличителем презренной памяти главы эсеровской боевой организации классического предателя и провокатора Евно Азефа. Сейчас она сообщала, что заседание ученого совета по рассмотрению диссертации Полкиной уже идет полным ходом и если вы, Михаил Николаевич, там срочно же не появитесь, все кончится исключительно в пользу Полкиной. – «А ваш муж?» – «Он выступать не будет!» – твердо заявила принципиальная наследница революционных традиций и повесила

трубку.

Михаил вернулся в президиум и тихо, чтобы не слышал Феодосьев, описал ситуацию на защите Полкиной Пестереву, а затем спросил: «Вы можете разрешить мне сейчас же поехать туда?»

Михаил прямо рассчитывал на хорошо известную ему готовность директора сталкивать подчиненных лбами, едва только он замечал такую возможность, а в данном случае ее нельзя было не заметить.

– Езжайте, – сказал директор и кивнул головой.

Через двадцать минут Михаил вошел в довольно тесное помещение, где заседал ученый совет смежного института. Полкина, увидев его, как-то сжалась и осталась сидеть на месте, ни на кого не поднимая глаз.

Заместитель директора «родного» института Полкиной – Сааков, бывший глава направления классификации, выступавший на защите в качестве научного руководителя диссертантки, был удивлен приходом носителя главной угрозы для его подзащитной, но виду постарался не показывать. Вместе с тем защита явно вплотную подошла к концу. Председатель совета, директор смежного института – тот самый, которого Люся Кононова за демагогическую упертость называла простым русским словом (а она знала, о чем говорит, потому что ей, защищавшей экономическую диссертацию об американском опыте обеспечения высокого качества промышленной продукции, он предъявлял требования ука-

зять, как советский опыт учитывается американцами), думая, что желающих выступить уже не осталось, все же произнес полагающийся вопрос: «Есть ли еще желающие взять слово?» Михаила этот директор прежде видел, но вряд ли запомнил. Тем более, он не знал, чего можно ожидать именно от этого желающего – на всякий случай и сама Полкина, и Сааков всячески оберегали его от любых сведений насчет того, что у Полкиной вообще есть какой-то противник. Михаил поднялся и вышел к кафедре. В руке он держал свое заключение, но даже не стал в него заглядывать. Предметно изложив все, что считал пустым или неверным, Михаил закончил речь выводом, что диссертация Полкиной не соответствует требованиям ВАК ни с точки зрения оригинальности, ни с точки зрения корректности основных ее положений, является в то же время плодом плагиата, а потому не может быть одобрена ученым советом.

Некоторое время председатель совета смотрел на Михаила с удивлением, затем опомнился и взглянул на Саакова. Научный руководитель встал и, прокашлявшись, начал говорить.

– Все доводы, которые привел здесь товарищ Горский, он уже излагал при обсуждении диссертации в нашем институте. Все, кроме одного, о котором он упомянул здесь впервые. В тот раз научно-технический совет не принял во внимание доводы, которые вы здесь слышали, и одобрил диссертацию. Таким образом, надо рассмотреть здесь только послед-

ний, новый довод. Товарищ Горский указал, что по своему содержанию работа не относится к циклу технических наук, тяготея на самом деле к филологическим наукам, то есть к тем дисциплинам лингвистического характера, по которым рассматривать диссертационные работы данный совет просто неправомочен. Я немного удивлен, что этот аргумент не был озвучен товарищем Горским раньше.

Сказанное Сааковым было правдой. Он действительно приводил те же доводы, что и здесь, научно-технический совет игнорировал их на все сто процентов. А единственный новый довод, если не считать «формулы», он осознанно не высказал раньше. Во-первых, довод, если можно так выразиться, был «внеконтекстным», во-вторых, его удобнее было оставить на потом, чтобы он прозвучал неожиданно для противной стороны и вызвал бы у нее беспокойство или замешательство.

Сааков продолжил:

– В какой-то степени это действительно довод. Но где же тогда защищать диссертации подобного типа? Да, они лишь косвенно относятся к техническим областям знаний. Но ведь и для филологов такая тематика далеко не во всем своя. Поэтому поневоле приходится, так сказать, с натяжкой проводить их через не вполне профильные советы. Грех ли это на самом деле? Я думаю – небольшой:

Затем встал сам председатель ученого совета.

– В самом деле, вопрос, о котором пошла сейчас речь,

действительно существует. Наш совет имеет право рассматривать диссертации в области стандартизации либо на соискание ученой степени кандидата экономических наук, либо на соискание ученой степени кандидата технических наук. Представленная нам сегодня работа явно не экономического профиля – это точно. Значит – технического.

Раздался смех. Председатель тоже улыбнулся вслед за всеми. Что и говорить – логика была безукоризненная. Не мытьем, так катанием в официально дипломированный корпус научных работников вводился новый достойный член, отвечающий всем критериям, которые к ним предъявлялись. Вернее – ни на что не отвечающий, – ни на обвинения в плагиате, ни на указания на бессмысленность формул, вводимых в текст в качестве украшения наподобие дамской бижутерии, ни на ошибочность ориентации на стандартизацию дефиниций самоочевидных громоздких словосочетаний в качестве терминов – научную общественность и научное руководство критика подобных явлений в диссертации просто не интересовала. В конце-то концов, ну и что? С кем подобного не бывало? Ах, всем надо обходиться без этого? Ах, без затягивания за уши в науку профанаторов и плагиаторов? Да из кого она тогда будет состоять? Из одних Ломоносовых, появляющихся на свет не чаще одного за каждые двести лет, Эйлеров, Лейбницев? Ишь чего захотели! А наука нужна не только таким. Ее кропают и другие люди. Тоже, между прочим, труженики. Пусть они добывают

только мелочные факты, но ведь добывают! А что их фальсифицируют, так это не беда – вот ведь и у крупнейших ученых случались ошибочные воззрения и теории – тоже, если хотите, фальсификация. И малых людей в науке тоже необходимо поощрять. К ним и так в социуме относятся далеко не лучшим образом – дескать, какая от них польза? Что они делают собственными руками? Ничего! Значит, живут паразитами за счет остальных действительно трудящихся членов общества – и при этом окружающие обычно отдают себе отчет в том, что без науки, даже без такой, здесь ничего бы не стояло и не было бы ни городов, ни машин, ни удобств, да и вообще никакой цивилизации не было бы. Нигде и никогда.

Ну что ж, корпус людей, официально удостоенных признания их учеными, находил полезным и необходимым для общества продолжать комплектоваться преимущественно такими рекрутами, которые уважали принятые в нем правила, и состоящими в этом корпусе ветеранов, прошедших все виды испытаний: умеющих раздувать пламя лести из ничтожных искорок здравого смысла, скрытых под пеплом в работах корифеев; оказывающих, причем охотно оказывающих, разные услуги тем, кто уже достиг известных высот; готовых многократно, в течение долгого времени докладывать свои скромные мысли в разных кругах научной общности и везде благодарить изо всех сил за ценные соображения; готовых подавлять в себе естественный про-

тест против того, что всякая надутая спесью дипломированная сволочь позволяет себе беспардонно указывать, что тебе надо сделать, а чего не надо, и ты обязан молчать даже когда уверен, что она не понимает ни черта – вот какие и чем закаленные люди должны вливаться в ряды ученых, а всякие там Ландау с их развязным поведением в отношении других коллег не больно – таки нужны, и не стоит забывать, что кончают они, как правило, плохо.

Как всякое армейское соединение, корпус дипломированных степенями научных работников должен быть сплочен формальной дисциплиной, без которой не может побеждать никакая армия. Поэтому-то беспокойство должны вызывать только одни формальные несоответствия традициям и правилам. Поскольку между разными научными учреждениями ВАК распределила и закрепила за каждым из них область их компетенции, то это распределение и должно определенным образом выполняться и соблюдаться. Иначе возникнет хаос, разовьется междоусобица, хотя в науке всем места должно хватить. Есть, конечно, междисциплинарные вопросы, вносящие неопределенность в четкую систему разделения отраслей науки, но ведь рано или поздно и это устаканивается: появляются и физхимия и химфизика, и бионика, и информатика, все ценное обособляется в должное время. Товарищ Горский поставил вопрос о несоответствии представленной на рассмотрение данным ученым советом диссертации Полкиной тому научному пространству, которое

закреплено за ним постановлением высших инстанций. С одной стороны, это хорошо, что он возник с подобным вопросом – такая проблема действительно есть. С другой стороны – нехорошо бежать впереди паровоза и трубить об этом формальном несоответствии – когда будет надо, его наверху заметят и устранят, допустим, узаконив такую научную дисциплину, как языковая стандартизация или семантика лексических средств стандартизации. Но все должно идти сверху, и совсем несимпатично, когда кто-то хулиганит внизу, создавая какой-то скандальный прецедент.

Михаил и прежде представлял себе все это мысленно с предельной ясностью. Но по-настоящему, не только умом, но и буквально даже кожей он почувствовал это здесь, где ему, кстати, ничего и не желали отвечать кроме как по поводу тематико-дисциплинарного несоответствия диссертации компетенции совета. Он ощутил себя одним во враждебно настроенном и возмущенном многолюдстве. Словно он сделал непристойный выпад, и это вмиг агрессивно настроило против него всех, кто находился рядом – перед его глазами, с боков, за спиной. Врагов не было видно разве что только сверху и снизу, но, тем не менее, они существовали и там. Это был пространственный сговор во всех измерениях. Неприятие, отторжение висели в воздухе и материализовались в изолирующую оболочку, прямо-таки капсулу вокруг него. Он впервые физически почувствовал, что такое быть в фокусе всех лучей, в настоящем, абсолютном фокусе:

то есть в центре сферы, только, в отличие от устоявшихся образных представлений о нем, не от него во все стороны исходили лучи, а в нем сходились лучи, исходявшие от всех точек внутренней полости окружающей сферы. Эта среда выглядела враждебной и даже единой, хотя на самом деле это вряд ли было так. Кто-то ненавидел истово, исходя не только законным негодованием, но даже патологическим отвращением; кто-то считал его дурачком, пытавшимся бороться с системой негодными средствами наподобие дона Кихота, воевавшего с мельницами; кто-то, возможно, даже сочувствовал, только не желал следовать его примеру, чтобы не подвергнуться репрессиям со стороны своего начальства. Их директор определенно умел держать членов совета в ежовых рукавицах. Никто не посмел возникнуть даже с простым вопросом: «А не хочет ли сама диссертантка что-нибудь возразить?» Когда Михаил только-только протискивался в зал заседания, там как раз заканчивал выступление с некоторыми похвалами один молодой человек. Однажды он уже видел, его. О нем тогда было сказано, что он уже член-корреспондент Академии Наук СССР и директор института русского языка – этого оплота пожилых и заматеревших отечественных филологов – русистов. Его года явно не соответствовали возрастному цензу профессионалов подобного профиля. Что он, проявил себя каким-то особенным гением на избранном творческом поприще? Оказалось, что нет. Просто в близких родственниках у него был весьма крупный функ-

ционер в аппарате ЦК КПСС. Впрочем, говорили, что он отнюдь не дурак и не пустое место. Тогда что же вынудило его расхваливать диссертацию Полкиной? – ведь порядочному ученому не составляло никакого труда понять, что собой представляет данная диссертация? И тут ларчик открывался достаточно просто – жена этого члена-корреспондента, работала в отделе Полкиной и пользовалась достаточной свободой в рабочее время. Полкина, нормальный советский цербер, бдительно следила за тем, чтобы даром в ее отделе дисциплинарными послаблениями пользоваться никто не мог. Вот мужа она и попросили расплатиться за особое отношение к его жене – и он это сделал ничтоже сумнящся, как следовало бы говорить знатоку старославянского и современного русского языка. Долг платежом красен *et cetera*. Даже если ничего не хотелось говорить, а все-таки сказал что-то хвалебное. Глупо было бы портить у жены ситуацию на работе. Он и не портил.

Наконец, директор-председатель объявил, что пора переходить к голосованию. Членам ученого совета раздали бюллетени, они сделали в них, то, что хотели. На время подсчета результатов голосования объявили перерыв. Могли бы и не объявлять, и без этого было понятно, что Полкина защитилась единогласно. Ничто, казалось, больше не мешало покинуть это место с гнусной атмосферой мерзкого сговора, но Михаил решил не уходить до объявления итогов. В это время к нему и подошла доктор филологических наук из го-

ловного института по системе научно-технической информации Гладкова. Она являлась официальным оппонентом Полкиной. Она слышала аргументацию Горского уже во второй раз, потому что присутствовала на совете под председательством Болденко.

Гладкова резким правоучительным тоном заявила:

– Так нельзя поступать, как вы позволяете себе!

– Допустимо только так, как позволяете себе вы? – ответил Михаил.

Гладкова негодуяще посмотрела на него – сама оскорбленная невинность, которой только что сделали гнусное предложение, и отошла, громко и протестующие стуча каблуками по полу.

Больше к нему никто не подходил, пока не объявили результаты голосования. Они были точно такими, как он ожидал. Десятки лиц со злорадным выражением обратились к нему. Видеть это было мерзко, но он заставил себя отреагировать спокойно. Посмотрел, повернулся и ушел. Прилепин и его жена даже не попытались к нему приблизиться. Они вызвали его на арену, но теперь боялись показаться членами его команды кому-нибудь со стороны.

По дороге в свой институт Михаил зашел на избирательный участок, где отбывала в высшей степени приятную для нее общественную повинность в качестве председателя участковой избирательной комиссии его заместительница Эльвира Александровна. До того, как она попала по реко-

мендации начальства в его отдел, она была заместительницей Полкиной и успела сполна хлебнуть удовольствия от сотрудничества с ней. У Горского она откровенно отдыхала. Он вкратце передал ей новости. Эльвира сказала:

– У нее все было схвачено.

– Конечно. Я в этом не сомневался.

– А скажите, Михаил Николаевич, вы верите в черный глаз?

– Что вы имеете в виду?

– Понимаете, когда я задала этот вопрос Басовой, она сразу в меня вцепилась: «Ну, скажи, в чем там дело?» Я ей объяснила, что у этой гадины есть магические способности. Она способна сглазить.

– И как на это отреагировала Басова? Как секретарь партбюро? Или как нормальная русская баба?

– Точно! – именно как баба! По-моему, с тех пор она стала сильно опасаться Полкину.

– Ну, это не мудрено.

– Будьте внимательней, Михаил Николаевич. Не подставляйтесь Полкиной. Она просто жаждет случая уничтожить вас.

– Не сомневаюсь.

До сих пор Полкина просто изо всех сил старалась вывести его из игры. И ей это прекрасно удавалось, но если в конечном итоге все-таки не все удалось, то это следовало признать браком не в ее работе, а прямым вмешательством Выс-

ших Сил вопреки всем стараниям Полкиной – она-то как раз сделала все, что только было в человеческих силах, чтобы он пребывал в неведении, а он все-таки непостижимым образом обо всем узнавал. Ей хотелось получить единоголосное голосование в свою пользу, и она его получила, а тут Горский взял и подкинул идею о неправомерности ученого совета судить о ее диссертации вообще. Словом, у Полкиной появились сомнения в том, что дальнейшее пройдет у нее так же гладко, как получалось до сих пор. Из трех врагов, проголозовавших против ее диссертации на НТС института, двоих уже не осталось – и Сухова, и Еганяна уже вынудили уйти, и Полкина безусловно приложила к этому руку. На очереди у нее мог быть теперь только Горский. Единственное, чего она еще не учитывала, это неспособность Пестерева играть в чьи-то ворота, если они не его. Ну не было у директора привычки помогать кому-то задаром, более того – он исходил из практики жизни, а еще в большей степени – из собственных побуждений: чем больше ты кому-то помогаешь и думаешь, что он тебе многим обязан, тем скорее этот кто-то тебя и продаст. Философский вывод подобного рода из практики бытия в общем-то нельзя было считать лишенным смысла. Исходя из него, следовало ожидать, что вскоре свою «благодарность» проявит Прилепин. Уж больно умно он со своей женошкой выставил Михаила на ристалище против неуязвимой Полкиной. Так уж сильно от этого пахивало провокаторской наследственностью скорее от Евно Азефа, а не от до-

стославного предка прилепинской жены – обличителя Азефа. С этими мыслями Михаил вернулся в институт.

Там уже все обо всем знали – и о его выступлении, и о результатах голосования. Наташа Кирьянова, сотрудница Михаила еще с тех пор, когда он командовал отделом, из которого его выставила Орлова, сообщила ему о первой реакции правящих кругов. Секретарь парткома института Басова собралась идти к директору с требованием уволить Горского, который ее когда-то пригрел. Директор смежного института и председатель совета, который только что открыл Полкиной зеленый свет к утверждению в ВАКе, уже успел побывать с визитом у Пестерева, от которого, скорей всего, требовал отзыва заключения Горского, которое в ином случае пришлось бы внести в протокол. Смежный директор, однако, так же ошибся в Пестереве, как и Полкина. Пестерев заявил, что мнение института выражено в протоколе заседания НТС, прошедшего еще до его прихода сюда в качестве директора, а при нем полкинская диссертация в институте никак не обсуждалась. А что касается Горского, то это его личное мнение, которое он вправе выражать так, как он хочет – тем более, что оно осталось таким же, как и прежде, а тогда оно тоже было зафиксировано в протоколе НТС. Вылазка председателя ученого совета успеха, таким образом, не принесла – главным образом, из-за того, что заинтересованные в фальсификации событий люди не учитывали особенностей психической конституции объекта воздействия.

Они оперировали другими категориями – прежде всего той, как это в институте может работать человек, имеющий свое мнение, отличное от мнения руководства? Параллельно выяснилось, что заведующий отделом в направлении Саакова Роберт Покровский, тоже присутствовавший в кабинете Пестерева во время разговора двух директоров, вякнул – таки замечание именно такого рода – как это Горскому позволено занимать собственную позицию? Когда-то, только что сменив Люду Касьянову на своем прежнем посту, Михаил застал в плане отдела работу совместно с отделом Покровского. Не трата времени даром, Михаил не только сделал все сам и за Люду, и за Роберта, но и по своей воле предложил соавторство в уже подготовленной без Покровского публикации по той же теме. Роберт тогда страшно обрадовался, благодарно жал руку. И вот в соответствии с тем же кредо, которое было у Пестерева, инициативно, когда его никто не тянул за язык, возник со своим негодованием по поводу того, как себе позволяет держаться Горский.

Ларчик, правда, просто открывался. Роберт Покровский давным – давно перестал быть романтиком в поисках истины. С этим делом у него никак не ладилось. И тогда он выбрал линию административного угодничества, иначе ему бы пришлось очень туго: своих продуктивных идей нет, а Сааков любит повторять, что люди могут приходить к нему со своим мнением, но уходят-то уже с моим. Конечно, это сидело в мозгу у Роберта как заноза – хотелось все же говорить

своим голосом, а не чужим, ведь дураком он действительно не был, да вот позволить себе этого никак не мог. А Горский добился того, что у него так получалось – и при Титове – Обскурове, и при Климове, и при Феодосьеве, так же, как и при Беланове, Панферове, Болденко и Пестереве до сей поры – да как такое можно терпеть? Ну что ж, оставалось только поблагодарить и Роберта за то, что Михаил с его помощью сумел заглянуть в ранее неведомые недостаточно изученные глубины человеческой души.

Да, любил Пестерев позлить хоть сколько-нибудь зависящих от него людей, если не боялся серьезного отпора. А директору – смежнику ему вообще хотелось дать щелчок по носу – уж больно тот небрежно, с развязностью превосходства обращался в своем институте с Пестеревым на совещании, где присутствовал и Михаил – даже не как с младшим братом, а как с двоюродным племянником, а кому охота такое прощать.

Михаил так и не узнал, дошла ли Басова до директора с требованием увольнения Горского. У нее тоже имелась неплохая агентура, и она могла даже раньше Михаила узнать, как Пестерев отшил своего коллегу.

В свою очередь, расспросив Михаила о подробностях дела и узнав о хитрости Прилепина и его жены, Наташа Кирьянова возмутилась до предела и сказала, что тотчас доведет это до сведения Басовой, чтобы она представляла бы себе истинных инициаторов происшествия, ведь Прилепин обе-

щал Михаилу выступить на совете, если тот не сможет туда придти. Кончилось тем, что жена Прилепина, работавшая заведующей сектором в отделе Полкиной, через пару дней вылетела оттуда в отдел Маргулиса.

Феодосьев, попробовавший было в кабинете у Пестерева повосхищаться вслух великолепной организацией защиты Полкиной, чтобы поглубже уязвить Горского, заткнулся, когда Михаил вскользь заметил: «Не сомневался, что вы взахлеб будете петь ей похвалы». А уж как Валентину хотелось насладиться безрезультатностью борьбы Горского против Полкиной, раз у него самого далеко не все выходило, как он хотел, чтобы покончить с сопротивлением ненавистного подчиненного.

Вмешательство Михаила в диссертационные дела Полкиной не имело для него видимых последствий жесткого характера. Он остался на прежнем месте, опус Полкиной поступил на утверждение в ВАК. Теперь бездушная машина этой организации должна была проштемпелировать его должными подписями и печатями, тем более, что участие благодетеля из состава политбюро было действительно гарантировано. Но с этим что-то застопорилось, и хотя Полкина старалась держать «пар на марке», у нее это выходило плохо. Впервые ее отлаженная технология достижения к цели дала сбой. Поговаривали, что она со своей диссертацией попала в неприятную для нее пору, когда ВАК по указанию свыше вообще ввел какой-то мораторий на утверждение всех

поступивших диссертаций. Однако, поскольку все правила, издаваемые в Советском Союзе, сопровождались исключениями, было сомнительно, что Полкина не постаралась бы с помощью покровителя попасть именно в разряд исключений, но не попала, Михаил знал, что его заключение было не единственным, содержащим отрицательный вывод о ее «научных заслугах». Могло ли это стать формальным поводом, чтобы на таком фоне отказать ей в утверждении, Михаил откровенно затруднялся. Однако принимал во внимание, что из другой партийной инстанции, правда, не столь высокой, как политбюро, но зато своей, московской, могла быть оказана поддержка одному из бывших сотрудников института, который находился в непрекрито враждебных отношениях с Полкиной.

Впрочем, имел место еще и весьма незначительный по своей важности случай. Через несколько дней после защиты Полкиной Михаил ехал в метро, стоя около неоткрывающейся двери. Ему показалось, что некая молодая женщина, сидевшая почти напротив, как-то странно посматривает на него. Наконец, она встала, подошла вплотную, и, явно смущаясь, спросила: «Вы Горский?» – «Да», – подтвердил Михаил, не понимая, что за этим последует. Даму он видел впервые – иначе запомнил бы – она была симпатичной брюнеткой и явно не слишком самоуверенной. Нахальные бабы ему не нравились с первого взгляда. Но эта была не такая. Откуда она знала его, притом только по фамилии?

– Извините меня, мы незнакомы, но я присутствовала на защите диссертации Полкиной. Вы ее поделом разделали, надо сказать.

– Ну, это-то никак не повлияло на оценку ученого совета, – возразил он.

– Конечно. Удивляться не приходится. Наш директор мастер закулисных дел. А все-таки хорошо, что вы выступили! И ведь ни одна сволочь не посмела возразить вам по существу, начиная с Полкиной. Кстати, знаете, какой скандал она устроила в библиотеке? В канун защиты она пришла выяснить, кто знакомился с ее диссертацией. Увидела вашу фамилию и начала орать на библиотекаршу – это моя знакомая – как она посмела выдать диссертацию постороннему без официального письма. – «Никакой он не посторонний, – ответила моя приятельница. – Он работает в вашем институте, предъявил служебное удостоверение. Какое еще письмо ему нужно? Или вам вообще не хотелось, чтобы вашу диссертацию кто-нибудь прочел?» – «Это безобразие! Я буду на вас жаловаться!»

– Вы не представляете, сколько усилий она потратила на то, чтобы ее диссертацию не увидел именно я, – сказал Михаил.

– Да нет, как раз хорошо представляю, особенно по поведению этой дряни. В общем, спасибо вам.

И она отошла, сделав то, что ей хотелось. Михаил не чувствовал себя особенно растроганным, однако что-то радост-

ное шевельнулось в душе. Он вспомнил о собственных мыслях, что и в этом институте, где в ученом совете у директора все члены были в кулаке, а у Полкиной все схвачено, вероятно, находятся люди, которые с отвращением смотрят на профанацию науки, столбовой дорогой которой уверенно шествовала далеко не одна только Полкина – всего лишь одна из множества тех, на кого работала государственная система.

Николай Константинович Сухов откликнулся только телефонным звонком. У него на защите Полкиной тоже были свои конфиденты. Он поблагодарил за последовательную принципиальность, однако объяснять свое собственное неучастие в процессе по-прежнему не стал, да, собственно, Михаила это и не очень интересовало. Прилепина он тоже не стал донимать расспросами о его нежелании выступить самому. Боялся выступить, боялся и признаться в трусости. Что с такого взять?

Хотя взять, как оказалось, кое-что было возможно. Но об этом догадался начальник технического управления госкомитета товарищ Болденко, а не Горский. Усилиями последнего Прилепин получил полномочия заниматься делами технического комитета ИСО 37 «Терминология». Прежде там господствовала, особенно в плане представительства, именно Полкина. Кстати, за год до этого было даже предложено направить Полкину на заседание комитета в Испанию. В то время это была экзотическая и очень модная сре-

ди советской партхозноменклатуры страна, поэтому казалось странным, что туда направляется не чиновник как минимум калибра Болденко, а какая-то заведующая отделом, причем даже не член партии, хотя ехать предстояло лишь в недавно освободившуюся (и то неизвестно, в какой степени) от франкизма страну. Однако и здесь все оказалось ханжески просто. Простая и прямодушная заместительница директора Ленинской библиотеки, милая, еще и с сохранившимся с детства и юности деревенским говором Александра Андреевна доверительно сообщила Михаилу, что в ЦК было принято решение советского представителя на это заседание не направлять. Зная об этом, Болденко «великодушно» предложил делегировать в Испанию Полкину. Система давно уже изумительно настропалилась обманывать себя. Именно по этой фальшь-технологии «оформляли» на поездку Полкину вместо того, чтобы никого не оформлять. Раз такая процедура была запланирована и предусмотрена, ее надо было реализовать даже по отношению к тому, кто заведомо не поедет. А Полкина долго рассчитывала побывать в Испании и даже видела в этом благожелательность к ней высокого начальства.

Вот и пришлось ей проходить рассмотрения в партбюро направления, в парткоме института, в райкоме КПСС и везде отвечать на стандартные вопросы, которые вслед за секретарем ЦК товарищем Суловым, вторым человеком в партии, повторяли в каждой инстанции по мере прохождения

кандидата на командировку: семейное положение (для женщин – обязательно), кто в такой-то стране первый секретарь компартии, а кто – в другой; какова роль Советского Союза в борьбе за всеобщий мир и демократию применительно к данной стране; какие решения принял последний по счету пленум ЦК КПСС – естественно, столь же исторический, как и предшествовавшие, если не более.

Оторвавшись от своего прежнего института, Болденко, тем не менее, нуждался в каком-то личном помощнике, который обеспечивал бы ему проведение всей подготовительной работы и разъяснял перед поездкой, что, как и по какому поводу говорить. Его выбор остановился на Прилепине. Во-первых, тот сам предложил ему свои услуги. Во-вторых, это был не Горский, с которым Болденко не чувствовал себя так раскованно, как ему хотелось, и на которого злился за то, что из института, как круги на воде после падения камня, расходились слухи, что Болденко – липовый соавтор, а потому сама фамилия Горского, произносимая по какому угодно поводу перво- наперво вызывала у него раздражение, а уж потом только мысли о том, полезным ли будет ему этот Горский в дальнейшем или кто-то справится с этим лучше его.

Естественно, Болденко интересовало и разнообразное проявление подобоострастия со стороны подчиненного. Прилепин мог справиться с последним очень квалифицированно – лесть получалась негрубой и потому особенно легко воспри-

нималась уже вообще не как лесть. И если в то время, когда решался вопрос о написании новой книги под авторством Болденко, Горского и Прилепина речь шла о расширенном воспроизводстве концепции Горского, то уже год спустя выяснилось, что под концепцией книги Прилепин подразумевает другое.

Договор на издание, заключенный стараниями Болденко, обязывал уже начинать что-то делать. Михаил решил обсудить с Прилепиным, какие темы, предусмотренные в принятом плане – проспекте будет разрабатывать один и другой. Не успели они перейти от вступления к первой главе, как Прилепин, поняв, что ее хочет писать Горский, исходя из своих давно заявленных идей, изрек с совершенно необычной, а, стало быть, и не случайной прямоотой: «Неужели вы верите в эту глупость?» Должно быть, он рассчитывал на другую реакцию, а не ту, которая за этим последовала. Михаил внимательно посмотрел в лицо своему собеседнику и вспомнил, что тот неоднократно намекал на то, что стоило бы положить в основу книги его давно уже утвержденную кандидатскую диссертацию. Эта идея никак не устраивала Михаила прежде. Тем более не устраивала теперь.

– Значит, вы считаете мои соображения глупостью? – не ожидая подтверждения и почти ласково сказал он. – Ну что ж. Можете передать нашему соавтору, что я выхожу из состава данного трио. Вам будет гораздо удобнее обходиться без моих глупостей.

Все это время Прилепин спокойно смотрел прямо на Михаила. За стеклами очков были видны иронично прищуренные глаза человека, достигшего своей желанной цели. Ему давно хотелось выйти в дамки на шашечной доске, и вот этот миг настал. Михаил легким кивком головы показал Прилепину на дверь, тот встал и, не меняя выражения лица, вышел, показывая, что теперь-то уж идет в самостоятельное плавание. Михаил подумал было, какотреагирует на новость Болденко, но тут же заставил себя выбросить это из головы. С этой парочкой Болденко – Прилепин ему больше делать было нечего.

Дома Михаил рассказал Марине об очередном уроке, который преподала ему жизнь.

– Тебе обидно? – спросила она.

– Нет. Правда, и не радостно.

– А он справится?

– Если очень постарается, то сумеет. Ничего сложного, тем более, что он собирается просто переписать свою диссертацию и преподнести ее в книжном переплете.

– А Болденко это устроит?

– Вот этого как раз и не знаю. Болденко, надо признать, все же имеет какое-то чутье. Под частью моих идей он уже подписывался и, как мне кажется, не хочет о них забывать. Он может заставить Прилепина предложить мне пойти с ним на мировую.

– А ты ее примешь?

– Конечно нет. Хватит того, что я уже сделал. И для того, и для другого.

– Ты об этом жалеешь?

– Да нет. То, что я делал для них, еще прежде я делал для себя, а для них – лишь попутно. Нет смысла жалеть. А насчет того, хорошо ли они на мне поживились, можно не думать, хотя поживились они, конечно, хорошо. Отсюда у них ко мне и столь ревностное рвение.

– Скорее ревность.

– Наверное, так.

– Значит, оба себя еще проявят по отношению к тебе.

– По-моему, непременно.

И они улыбнулись друг другу, хорошо представляя себе, что улыбаться тут нечему.

Долго ждать не пришлось. Через несколько месяцев именно в Москве состоялась конференция по стандартизации терминологии. Председателем оргкомитета стал Пестерев, сразу отстранившийся от дел, заместителем его сделался Феодосьев, постаравшийся львиную долю подготовительных работ переложить на Горского. Впрочем, Маргулис с Полкиной тоже были привлечены к делу в качестве простых членов оргкомитета. И то, что уже давно висело в воздухе, теперь начало зримо материализоваться. До сих пор Михаилу никто не смел возразить вслух, когда он утверждал, что практикуемый выбор объектов стандартизации логически ущербен и не может привести к достаточно полному охвату тер-

минологических стандартами всего прикладного универсума знания. Но ведь в соответствии с советской системой планирования создание стандартов по старой системе было предусмотрено на два года вперед. Если бы даже старая система в один момент была заменена новой, стандарты старого типа продолжали бы выпускаться еще минимум два года. Теоретически эту проблему можно было бы решить единовременным прекращением работ по старой системе, и страна бы от этого даже не чихнула, однако зашлись бы в неостановимом насморке и соплях все органы планирования и власти – снимать с разработки сразу десятки узкоотраслевых стандартов во множестве организаций? Нет, подобное недопустимо. Оно станет прецедентом, подрубающим корень системы. К тому же после работы по-новому станет виден свет в конце тоннеля. А чем будут заниматься нынешние терминологи, когда стандартами будет покрыто все поле за исключением довольно скромных по лексике вновь нарождающихся отраслей?

Тех, кто кормился на терминологии в отраслях, старый подход по своей бесконечности устраивал не меньше, чем маргулисов, полкиных и прилепиных. Он позволял ежегодно поднимать крик, как мало внимания уделяется стандартизации терминологии, какие из-за этого возникают трудности и проблемы и как велико поприще, на котором еще конь не валялся – и все продолжало крутиться очень деятельно и нескончаемо, а тут всему этому благолепию угро-

жает какой-то дурак. Теперь на фронте, сомкнувшемся против Горского, дружно стояли бывшие враги по мелочам Полкина и Маргулис, Прилепин и его жена, отвечавшая, кстати, за подготовку издания тезисов докладов, присланных на конференцию. Феодосьев естественно, сразу примкнул к ним. Поняв, к чему идет дело, Люся Горышник, которая в свое время со слезами уговорила Михаила в честь давнего знакомства взять ее в его отдел, теперь опять же со слезами разыграла убедительную сцену в знак протеста по поводу его несправедливости в отношении Полкиной – он, видите ли, неправильно потребовал, чтобы Полкина не лезла в дела, которые ее не касались. Исполнение этой сценки было столь убедительным, что если бы она имела место в театре, то должна была бы быть вознаграждена бурными аплодисментами. Михаил ограничился усмешкой. Дальнейшее проходило без сучка – без задоринки. Тезисы докладов были изданы с двумя интересными для Михаила деталями. Во-первых, его доклад был помещен в самый хвост, во-вторых, читаемой оказалась только вступительная часть доклада. Почти весь текст на нескольких страничках якобы «не пропечатался» – так они и сияли в сборнике первозданной чистотой. Исполнительницей этого номера была жена Прилепина, наследница живой революционной традиции, заложенной ее предком – разоблачителем Азефа. Не стоило сомневаться, что это еще не все. Так и вышло. Слово для доклада Михаил получил самым последним, когда в зале уже почти ни-

кого не осталось. Из списка лиц, премируемых за подготовку и проведение конференции, его фамилию попросту вычеркнули. А через несколько дней в институте был издан приказ о выделении сектора Прилепина из отдела Горского в самостоятельное подразделение вне каких-либо отделов. Михаил по крайней мере в пятый раз был объявлен исполняющим обязанности заведующего преобразованным отделом – и это на сей раз была уже заслуга не Плешакова, перешедшего на работу в районную власть, а его преемника Картошкина. Они просто плохо бы себя чувствовали, если бы под каким-либо предлогом не лишали его спокойствия после очередного прохождения конкурса, которое номинально действовало в течение пяти лет. Итак, терминологией в качестве ее идеолога полностью завладел Прилепин. Мечта его жизни свершилась. Конечно, особый сектор – это не отдел, но теперь он ощутил себя введенным в состав институтских баронов. Единственное, что он сделать не сумел – это отнять у Горского комнату, в которой до сих пор сидел вне собственного сектора. Вернувшись в тематическом смысле на круги своя, Михаил как будто мог вздохнуть с облегчением, но этому мешали постоянные напрягающие выходы Феодосьева. К нему обращались почти исключительно тоном предъявления претензий. Этот тон почти не изменился и после того, как Феодосьев был снят с должности исполняющего обязанности директора института, когда полноценным заместителем директора неожиданно для Валенти-

на был назначен Григорий Кольцов, его бывший начальник отдела программирования. У Кольцова что-то не склеилось в отношениях с новым директором главного вычислительного центра госкомитета, заместителем которого он являлся, а потому его в том же ранге отправили в «родной» институт. Феодосьев принял этот маневр бывшего друга как величайшую несправедливость, предательство и личное оскорбление в лучших чувствах, но Кольцов без сантиментов поставил его на место. Прагматик до мозга костей, Григорий научился воздерживаться от каких-либо действий по собственному разумению, если видел, что начальство, обладавшее большими силами, чем он, хотело действовать по-другому. Потому при подготовке проекта новой структуры института Кольцов не стал возражать против ликвидации отдела Горского и перевода его в качестве заведующего сектором в отдел разработки автоматизированных систем, куда начальником пригласили человека, работавшего в системе министерства оборонной промышленности. Его фамилия была Будинович. При первом знакомстве с ним Михаил понял, что насчет него с новым зав. отделом уже «хорошо поговорили» – и Картошкин, и Феодосьев, чьи функции теперь ограничивались лишь программированием, а, возможно, также и Кольцов. В тот же отдел была определена знакомая Пестерева Паевская, основной обязанностью которой было вести неотрывное наблюдение за Горским и обо всем докладывать непосредственно директору. Формально она яв-

лялась куратором разработки информационной системы института, на деле же впопад и невпопад жаловалась на Горского и распространяла слухи о некомпетентности и его самого, и его сотрудников. Будинович до поры во все это верил. А уж его заместитель Дульчицкий считал своим приятным долгом осложнять жизнь Михаилу просто так, в силу особенностей характера. Всерьез Михаил прежде никогда с ним не сталкивался и думал что это человек как человек. Однако его несколько настораживало, что везде, куда Дульчицкий прежде попадал в качестве начальника, его ненавидели все. Кончилось тем, что его сместили с должности заведующего отделом и сделали замом, но и тогда его уже не в первый раз перемещали из отдела в отдел после категорических требований его очередного шефа. Дульчицкий был до психоза болен сознанием своей исключительности в качестве работника в сравнении со всеми окружающими, но особенно с подчиненными. Он один был честен, тогда как остальные недобросовестны. Он умен, как никто, тогда как остальные глупы. Он знает, как надо работать, остальные умеют только отлынивать. Дульчицкий с Паевской получили в лице Горского подарок, о каком могли до того только мечтать. Санкций за свои неправомерные действия они не опасались – их предупредили, что это даже зачтут им в заслугу. Однако Паевская, хоть и кандидат наук, была до такой степени некомпетентна во всех делах, кроме доносов и сплетен, что не однажды смешила комиссии по приемке работ

института. Как только Михаил поднимался с места, чтобы выйти из комнаты, где работала комиссия, Паевская хватала его за локоть и висела на нем, только чтобы он не оставлял ее одну. А Дульчицкого с его возрастающими требованиями Михаил выслушивал молча, кое-какие формальности, навязываемые заместителем начальника, выполнял, но все важное делал только по-своему, и его молчаливое презрение лишало Кульчицкого сна – ведь это было ЕГО ПРАВО презирать всех на свете как представителей низшей расы, а тут кто-то посмел презирать достойнейшего из людей! Со стороны Горского это был наглый вызов, и Дульчицкий решил его, наконец, как следует проучить. Приближались майские праздники, и Михаил, как всегда, оформлял отгулы, полученные за работу в выходные дни, чтобы побыть на воде, в походе, «от мая до Победы». Отгулами в отделе ведал Дульчицкий. Он заблаговременно получил заявление Горского, но продержал у себя без ответа почти до самого последнего дня. И вот тогда он, ничуть не пряча улыбки, сказал Михаилу, что приятель Дульчицкого, работавший в СЭВ, заверил его, что по выходным в СЭВе не работают никогда, и потому Горский врет, что ему должны предоставить отгул за работу, которую он не выполнял. – «По вашей улыбке я понимаю, что вы приберегали эту новость для меня до последней секунды. Мне нет дела до уверений вашего приятеля, поскольку я действительно работал в здании СЭВ именно в выходной день. Вы хотели получить удовольствие, но я постараюсь

вам его не доставить». Взяв из рук Дульчицкого свое заявление, Михаил отправился к Кольцову, предварительно попросив по телефону сотрудника СЭВ Никитаева, которого тот хорошо знал и который действительно сам проводил совещание в субботу. Тот с готовностью подтвердил правоту Михаила, и Кольцов не стал ему отказывать в отгуле – возможно отчасти еще и потому, что восемь лет назад сам ходил в поход вместе с Михаилом на байдарке последнего и чувствовал себя немного обязанным за это до сих пор. Воспоминания-то о походе были отличные и не выветривались из памяти до сих пор.

Будинович не вмешивался в дисциплинарные мероприятия, проводимые Дульчицким, но к Михаилу он уже давно относился иначе, чем его заместитель. Все работы, поручаемые Горскому, выполнялись в срок. Все несвойственные ему задания, выдаваемые помимо тематики отдела, Горский искусно отбивал. Но наибольшее впечатление на Будиновича произвело то, что, где бы он ни останавливался поговорить с Михаилом, буквально каждый проходящий мимо человек – от молоденькой девушки до человека в возрасте обоего пола – почтительно здоровался с Горским. На пустом месте такого быть не могло. Михаил, кстати говоря, и сам удивлялся, когда с ним здоровались люди, которых он даже не знал. Но это демонстративное уважение должно было иметь какую-то основу, какое-то разумное объяснение. Единственное, что в этом плане пришло ему на ум – в инсти-

туте почти повсеместно знали, как он противостоит разной сволочи, и уважали его за это дело. Будинович не присоединился к гонителям по собственной воле, но выдержит ли он прямое давление картошкиных – пестеревых и их клеветников на такой зыбкой основе, как уважение окружающих, сказать было сложно.

В те дни произошел еще один прецедент, куда как более удивительный, чем этот, – точнее даже два.

У Полкиной среди заведующих секторами работала самая близкая ей confidentка – Паола Людвиговна Гавриленко. Именно она помогала шефессе в тайне от Горского проворачивать подготовку к защите в режиме строгой конспирации. После того, как все терминологические дела были отобраны от Горского в пользу Прилепина., Паола Людвиговна не смогла сдержать в себе чувства торжества и позвонила Михаилу по внутреннему телефону. Гавриленко была дамой средних лет в очках, которые придавали ей более умный вид, нежели Полкиной, походившей на барракуду. Однако ум, если он у Паолы и был, в этот раз был отстранен его владелицей от дела. – «Ну как, вы видите теперь, как у вас все получилось, к чему пришло, с чем вы остались? Неужели у вас раньше не хватило соображения, чтобы понять, наконец...» – «Что я как был дурак, так и остался?» – перебил ее Михаил своим вопросом, просто приведя пришедшую на ум фразу из любимившейся песни. На том конце провода явно опешили. Вопрос был таков, что на него следовало отве-

чать определенно «нет», чего Гавриленко явно не хотелось, или «да», что ее трусоватой натуре было не совсем сродни, но что она действительно думала. Помедлив несколько мгновений, она все-таки собрала волю в кулак и выдала: – «Да, если хотите – да!» – «Благодарю вас за искреннее признание». Михаил ничуть не сомневался, что Гавриленко положила трубку на рычаг с чувством победителя. Кому не охота поторжествовать, если можно не опасаться сдачи и нет желания оставить глумление на потом?

А через пару дней произошло совсем малозначашее событие. Михаил прошел в конференц-зал, где должно было состояться какое-то общеинститутское мероприятие, перед самым его началом. Выбирать хорошее место, откуда тебя не будет видно из президиума, было некогда и Михаил свернул в ряд, где осталось несколько свободных мест и, только дойдя до последнего, он увидел, что прямо за этим местом сидит барракуда Полкина, а рядом с ней умная Гаврилюк. Находиться в подобном соседстве было неприятно, но ретироваться перед этими бабами означало оказать им слишком большую честь. Михаил повернулся спиной к Полкиной и почти сразу почувствовал, что что-то с ним происходит. Вслушавшись в свое ощущение, он понял, что они сродни тем, какие бывают, когда по твоей очень толстой одежде чем-то постукивают – вроде как бьют по ней струей гороха. Он сосредоточился на восприятии и удостоверился – его действительно атакуют. «Барракуда!» – наконец осенило его. Зна-

чит, Эльвира не врала, что у этой дряни есть магические способности, раз та пытается уничтожить его, столь нелепо подставившего ей свою спину! Этому надо было противостоять всей своей волей. Сконцентрировавшись на защите спины, Михаил почувствовал, что дробовые отскоки от нее отдаляются. Вскоре они стали чуть заметными, а затем пропали. Он досидел в состоянии защитной концентрации до конца собрания, затем встал как ни в чем не бывало и, не взглянув на Полкину с Гавриленко, покинул зал.

День спустя он столкнулся с Гавриленко на лестнице. Она проводила его взглядом – как показалось Михаилу – весьма удивленным. А на следующее утро Паола Людвиговна Гавриленко позвонила ему еще раз. Только куда девался прежний тон? Теперь это был голос кающейся Магдалины. Она почти рыдала: «Михаил Николаевич! Прошу Вас, простите меня! Я так плохо с вами говорила в прошлый раз!» – «Разве? Мне так не показалось». – «Нет, плохо, очень плохо! Я просто не знаю, что на меня тогда нашло!» – «Сомневаюсь, что вам это совсем неизвестно». – «Да нет же, уверяю вас! Только простите! Ради Бога!»

Во время этого полуистерического излияния Михаил судорожно соображал, что же такое могло произойти, что так сильно повлияло на эту милую даму. И вдруг он все понял – атака! На ее гавриленковских глазах шефесса демонстрировала ей всю свою демоническую мощь, направленную на физическое устранение главного врага. Гавриленко вери-

ла, что Горскому теперь точно «кранты», а он и не подумал поддаться жесткому облучению. Скорей всего, он даже сам нарочно подставился под разящее воздействие Полкиной, чтобы продемонстрировать всю тщетность ее усилий. Бог мой, как она раньше не поняла, что Полкина ему не опасна? Ведь что они только вдвоем против него не предпринимали: ввали, скрывали, организовывали – все оказывалось зря. Горский обо всем тайном каким-то образом узнавал, а затем оказывался в нужное время там, где его никак не должно было быть!

Получалось так, что Гавриленко приняла его за обладателя таинственной скрытой силы, многократно превышающей ту, которой несомненно обладала Полкина, и теперь Паоле требовалось срочно отмежеваться в его глазах от своей повелительницы, чтобы не подвергнуться разгрому или даже гибели вместе с ней. Такого оборота дела Михаил действительно никак не ожидал. Неужто в нем и впрямь прорезались новые способности? В это верилось с трудом, а если точнее, то и вовсе не верилось. Раскаяние Паолы выглядело не менее искренним, чем у Люси Горышник, когда она пожелала вернуть себе расположение Полкиной. – «Неисповедимы пути твои, Господи!» – произнес про себя Михаил, а вслух сказал: «Вот что, Паола Людвиговна. Я не та инстанция, которая имеет полномочия кого-либо прощать. То, о чем вы сказали, на мой взгляд, похвально. Это свидетельствует о том, что у вас есть голова на плечах, а не одно лишь слепое жела-

ние следовать в кильватер начальнице. И если я вас действительно правильно понял, то мне не остается ничего другого, как учесть на будущее ваше... как бы это лучше назвать... сожаление о собственной невоздержанности» – «Да-да, вы все правильно поняли! Это действительно мое искреннее сожаление и покаяние! Еще раз прошу простить меня!»

Полупрошенная по телефону, Гавриленко примчалась к Михаилу, чтобы удостовериться в получении индульгенции лично. У нее хватило ума даже преподнести ему подарок – новенькую казенную авторучку – из тех, которые можно было получить на институтском складе. Гавриленко этот презент не стоил ровным счетом ничего, а у Михаила и без него таких была пара. Он внимательно взгляделся в лицо Паолы. Взгляд был какой-то бегающий, суетный, а в целом это было лицо лишь чуть обеспокоенной успешно устроившейся в жизни дамы, хотя от одной своей сотрудницы, работавшей прежде с мужем Гавриленко, Михаилу было известно, что он исправно изменяет Паоле когда только может и с кем только может. Михаилу подумалось даже, отчего бы и ей для симметрии семейных отношений не заняться тем же самым – кое-какие внешние задатки для этого были на виду – вместо того, чтобы активно прислуживать Полкиной, но в конце концов ему было плевать, что по ее склонностям ближе самой Паоле. От безделья, безмыслия и ущемленности, в конце-то концов, можно было спастись и так, как она.

К авторучке, оставленной Гавриленко с подобающей при-

сказкой на его столе, Михаил даже не притронулся – столкнул ее линейкой в мусорную корзину, подумав, что Полкина имела полную возможность заговорить этот предмет каким-нибудь гнусным магическим заклинанием. С Паолы вполне могло стать, что, умоляя о прощении, она все-таки была не прочь подвергнуть Михаила новому испытанию, а если губительный эффект от прикосновения к «подарку» будет налицо, ее бы это только обрадовало.

Пестерев тоже вел себя как человек, терзаемый двойственностью по отношению к одному и тому же лицу, то есть к Горскому, время от времени он с подчеркнутой уважительностью приглашал Михаила на разные совещания, выслушивал его с обостренным вниманием, причем было видно – он признает аргументацию Михаила разгромной для его оппонентов, но после этого на новые совещания по тем же темам Горского уже не приглашал, и все принималось в худшем варианте.

Но гораздо чаще – видимо, когда у Пестерева случались патологические обострения психики, он звонил ему по директорскому телефону, задавал ему какой-то вопрос, чаще всего не имеющий отношения к компетенции Михаила, раздраженно бросал упрек, что тот ничего не знает, и тотчас бросал трубку, чтобы не слышать ответа. Это прямо свидетельствовало о постоянном, непроходящем желании Пестерева уязвить и унижить подчиненного, а также усугубить в нем сознание неуверенности в своем пребывании на дан-

ной работе. Пестерев прямо-таки нарывался на скандал, но скандалить с директором, не имея позиций, на которые можно было бы отступить. Михаил не мог себе позволить, а как раз и потому Пестерев все чаще прибегал к хамству подобного рода.

Среди женщин, которых Пестерев на время делал своими институтскими любовницами, он страстно хотел видеть молодую эффектную и неглупую даму высокого роста, с прекрасной рельефной фигурой. Она заведовала сектором, координирующим разработку стандартов по информатике. Он часто вызывал Анастасию Николаевну Курдюмову к себе, никого в это время не принимал и часто просто в тягостном для нее и себя молчании сидел и ждал.

Почему-то у него не поворачивался язык самому сделать ей «гнусное предложение». Возможно, он просто привык к тому, чтобы дамы, прельщенные перспективой сделаться помпадуршами, в таких случаях сами помогали выйти из затруднительного положения, но в данном случае такая схема не срабатывала, а потому директор еще больше закипал против Горского, поскольку ему регулярно докладывали о том, что Анастасия сильно симпатизирует Горскому, а если точнее – просто завела с ним шашни. Михаил уже знал, что Пестерев уволил одного заведующего отделом – кстати говоря, бывшего одноклассника Плешакова, который и устроил его в институт – за одно только подозрение в том, что этот человек специально устроил выезд в иногороднюю команди-

ровку вместе с Анастасией с вполне понятными намерениями. Анастасия откровенно рассказывала о том, каковы были ее посиделки у директора. Она не без издевки вспоминала о его ерзаньи на месте, о глубокомысленных фразах, прерываемых длительными паузами, о том, как ей на ум приходила расхожая формула: «Так мы бум или не бум?» Анастасия и по своим каналам знала, как Пестерева нервируют сплетни о ее близости с Горским. И оба они вполне осознано не предпринимали ничего, чтобы унять ревность директора, скорее наоборот, тем более что директор мог успокоиться только после изгнания Горского.

Анастасия довольно рано вышла замуж и довольно рано развелась. Вступать в новые брачные союзы у нее не было непреодолимой охоты. С мужчинами можно было жить и так, ничем себя с ними не обременяя – не связывая, кроме как общим удовольствием в близости. И хотя ей хотелось сближаться часто, но все же не настолько, чтобы требовалось постоянно держать своего мужчину под боком, она довольствовалась желающими появиться перед ней по первому ее знаку. Их хватало почти всегда. В конце концов – ну если в данный момент не мог прибыть самый желанный в данный период любовник, обычно имелась возможность воспользоваться другим. Из своего опыта и практики Анастасия не делала от Михаила большой тайны. О ее пристрастии к сексуальной свободе он догадался и сам, однако узнавать новое о жизни женщины, характерное для представительниц ново-

го поколения, было для него довольно занимательно, хотя он и отдавал себе отчет в том, что откровенность дамы – это тоже наступательное оружие и способ остро заинтересовывать собой, особенно тем, что находится у нее, так сказать в задрапированном состоянии. А там как раз всего было изобильно много. В ней очень эффектно и эффективно сочетались воздействующие на мужчин гармоничное сексуальное сложение, откровенный sex appeal и раскованность в поведении, хотя лицом она особо красива не была, но свежа и приятна несомненно. Она умела и любила поработать своим телом и излучающим полем воображение мужчин, правда, всего лишь в одной ипостаси – если воспользоваться образом, созданным великолепным поэтом и геологом Александром Моисеевичем Городницким, – только в антураже «постели, распахнутой настезж», где в фокусе у Городницкого была жена французского посла.

Представить Настю духовной вдохновительницей, тем более водительницей в сферы высокого духа даже чисто умозрительно у Михаила не получалось, как и не виделось в ней вообще ничего, включая сюда и постель, в чем она могла бы сравняться с Мариной. Тем не менее, к ней все-таки тоже тянуло, в то время как Настя сама достаточно сильно подтягивала Михаила к себе – не сказать, что во всю мощь, но вполне достаточно для того, чтобы распознать в очевидно возможной связи угрозу для самого главного в жизни – тем более, что нельзя было решить, притягивают ли его к себе изо

всех сил по любви или только с целью серьезно поразвлечься. Настя знала, что его интерес к ней – это далеко не только интерес любознательного стороннего наблюдателя, чего он и сам не скрывал, но на ее прямой вопрос, на каком месте он видит ее рядом с собой, он не задумываясь, ответил: «На втором». – «После жены?» – «Да». – «Ну, это нормально», – сказала она, успокаивая не то его, не то себя. Но Михаил понял, что связь с ней, как, впрочем, и с любой другой женщиной, была бы оскорбительна для Марины, и одновременно для него самого тоже, причем не потому, что он считал себя выше или лучше Насти (подобные мысли и чувства ему, Слава Богу, и в голову не приходили), но для нее было совершенно естественно делать карьеру с помощью секса без любви (об этом он знал с ее слов), а вот это уже представлялось ему и чуждым природе и в достаточной мере предосудительным. Он не сомневался, что будь на месте директора не такой тюфяк, как Пестерев, то есть мужик, способный на собственную активную инициативность, она бы стала его любовницей. А уж в том, что она стала бы любовницей нового министра – председателя госкомитета, без малейших сомнений независимо от того, какой это человек, лишь бы ему этого захотелось, Настя сказала ему сама.

Нет, с какой стороны ни посмотреть на возможный роман с Анастасией, его надо было непременно предотвратить, несмотря на то, что они оба были друг к другу далеко не равнодушны. Настя даже с явным удивлением по отношению

к самой себе призналась Михаилу, какая странная метаморфоза произошла с ней в командировке в другой город. В первый же день после работы она пошла в ресторан при отеле пообедать. И вдруг ее охватил такой не то страх, не то отвращение при мысли, что сейчас к ней по обыкновению начнут приставать мужики, что она заранее потребовала от официанта счет, расплатилась еще не доев до конца, и не медля ни секунды, покинула ресторанный зал, а затем заперлась в своем одноместном номере, не желая никуда выходить и встречаться с кем бы то ни было. Она плохо спала, думая о Михаиле, не узнавая себя – ведь ничего серьезного и особенного ей прежде от него не требовалось. До самого возвращения в Москву она была сама не своя, а оказавшись дома, немедленно вызвала одного из дежурных любовников, отдалась ему, чтобы развеять наваждение, но не получила облегчения, а когда мужик раскрыл было рот, чтобы получить похвалу своей постельной работе, и договориться без промедления о новой встрече, она так рассвирепела, что без промедления выставила его вон. Михаил выслушал признание Насти с хмурым любопытством. Ему было лишь отчасти приятно знать, что женщина с хорошим экстерьером и свободной от предрассудков моралью вдруг обнаружила в нем нарушителя своего душевного покоя, а это было ни к чему ни ей, ни ему. Особенно ему, поскольку при таком обороте дела, если смятение Насти не окажется быстро проходящим, ее напор и стремление к обладанию им возрастут

и потребуют от него еще большей стойкости, а он и так напрягался в большей степени, чем это было легко и безопасно.

Но ему не нравилось в Насте не только это. Любая женщина, которой он мог всерьез заинтересоваться, должна была иметь с ним что-то общее в области увлечений и вкуса, а ничего подобного он в ней не ощущал. За пределами сферы ее сексуальных интересов словно ничего для нее и не существовало. Даже поделиться с ней мнениями о книгах, впечатлениями от концертов серьезной музыки его не тянуло по простой причине – тянуться прямо-таки было не к чему. Михаил допускал, что может заблуждаться, не зная всех ее устремлений, но этого в ней не чувствовалось, это не сияло в ее глазах и на челе ярче, чем вывеска на магазине. А в таком случае – о чем вообще могла идти речь? При такой перспективе он не стал бы надолго связываться с женщиной даже если бы был один. Он не сомневался, что и его занятия для души, для развития духа очень мало значили в Настином мнении, в то время как для него они были важны не меньше секса и уж, конечно, больше успеха в служебной карьере.

Тем не менее, он не хотел совсем отчуждаться от Насти, просто проявлял необычную для себя стойкость, отказываясь от главного – от сближения с ней в постели. Ее это затрагивало, пожалуй, даже раздражало. Михаил понял, что до сих пор, если она сама «кадрила» мужчин, у нее никогда не случалось осечек. Она ненавязчиво, но все же не так уж редко напоминала ему, что пока еще не поздно, и да-

же уведомила, что он может не опасаться случайного зачатия. «Фирма гарантирует?» – поинтересовался Михаил. – «Гарантирует», – подтвердила она. Что ж, это было хорошо, но для кого-то другого.

Время шло. После летнего отпуска Настя вернулась в институт с известием, что под конец курортного житья она отдалась в кустиках одному молодому человеку из небольшого города в Липецкой области, и теперь он домогается ее. Он ей очень понравился как работник сексуального фронта, причем едва ли не больше, чем кто-либо до сих пор. Во время телефонного разговора с ним они договорились, что он приедет в Москву и поселится у нее, и она устроит его куда-нибудь на учебу, а там будет видно, что делать дальше. И снова Михаилу было предложена близость, пока к ней не приехал уроженец Елецкой земли. У себя он работал шофером. Михаил спросил, каким она видит будущее с ним со своей стороны. – «Не знаю, – пожалала она плечами. – Мы ведь с ним очень мало знакомы». – «У тебя могут быть с ним общие интересы, не считая сексуального поприща?» – «Трудно сказать определенно, – созналась она. – Но если чего-то с ним будет не хватать, тогда будет один выход – придется изменять». Настя не видела в этом ничего заведомо неразрешимого. – «Привычка компенсировать изъяны одного любовника достоинствами других, скорей всего вошла у нее в плоть и кровь», – подумал Михаил. Воспитывать мужчину, тем более – делать из него высококультурного и образо-

ванного человека она определенно не собирается, нет у нее ни желания, ни способностей. Да и времени на это надо много, а жизнь коротка. Проще закрыть проблему другим способом, причем очень привычным: взять и заменить переставшего чем-то удовлетворять партнера другим. Или другими. Чем не кредо?» Да, покуда Настя не связала себя совместным житьем с уже намылившимся в Москву провинциалом, Михаил мог бы без препятствий прикрывать собой, своим членом брешь меж ее ног, чем, скорей всего, не преминул бы воспользоваться на его месте почти любой другой мужчина. Тем более, что с прибытием провинциала дверь все равно бы наглухо не запиралась. Как-то не верилось, что несмотря на явную сексуальную доминанту в стремлениях Насти и проверенную способность этого деятеля приносить ей соответствующее удовлетворение, он окажется способен покрыть все ее потребности в других отношениях. Как-какая, а разница культур проявит себя если не в одном, так в другом – вроде того маленького, совсем ничтожного стебелька травы, который пробивает себе дорогу к свету даже через асфальт. Во всяком случае, подстраиваться под шофера она не будет. Но ему-то какое дело? Ни основным, ни вспомогательным мужчиной для этой дамы, которую на равных основаниях, лишь в зависимости от настроения, правомерно было называть как порядочной женщиной, так и блядью, у Михаила не было ни желания, ни права. Да, похоть к покрытию этой самки внутри его самецкого суще-

ства возбуждалась не маленькая – ее sex appeal не оставался без отзыва. Но разве можно было представить, что ради унятия похоти позволительно поставить эту даму рядом с Мариной, отдавать ей хотя бы малую часть того, что было добровольно, с непроходящей радостью, посвящено именно Марине, которая более чем достойна всего тебя без остатка и которая верит в то, что ты отдаешь себя ей по зову сердца и ума всего полностью, как и она себя? Странно было даже умозрительно представлять себя, собственную личность в «треугольной» ситуации между Мариной и Анастасией. Что в Анастасии могло быть такого, чего он не нашел бы в Марине? Ничего, если не считать новизны. А разве новизна стоила того, чтобы ради этой «первой свежести», которая после раза-двух-трех – обычно без промедления переходит в никакую (опять-таки кроме как с Мариной, с которой чувство новизны вопреки всему не притуплялось), рисковать потерей главного обретения в жизни, данного ему, Михаилу Горскому, не иначе, как величайшею Милостью Божией (потому как человек разумный счастье свое на пятак не поменяет), ну никак не годно. Непростительно даже меньшее – стереть улыбку радости и доверия на лице любимой хотя бы на минуту – ведь это только на первый взгляд кажется не самым существенным, на самом же деле в ней корень высшего блага бытия. Без веры друг в друга, в достоинства любимого человека, каких больше ни в ком не найдешь, любовь на всю жизнь невозможна, а без нее какое может быть счастье, ес-

ли смотреть правде прямо в глаза? Когда с одной стороны только возбуждающий экстерьер и откровенная сексуальная раскованность, а с другой буквально ВСЕ, что только есть прекрасного, увлекательного, радостного в мире, в том числе и не меньшая, а большая сексуальная привлекательность и в высшей степени эстетичный и возбуждающий экстерьер, о чем можно говорить, что с чем сравнивать, что из чего выбирать?

А потому, пусть и не без труда пересиливая в себе кобеля, Михаил наглухо запретил себе домогаться постельной близости с залетной женщиной, хотя знал ее достоинства не только визуально, но – был грех – еще и на ощупь, и даже больше того – запретил себе откликаться на недвусмысленные приглашения вступить в связь без проблем и обязательств перед партнершей, обладательницей соблазнительной, но все же дутой ценности, да притом еще наперед уверенной в том, что ты влипнешь в нее сильнее, втянешься в нее больше, чем она в тебя, хотя этого она прямо и не говорит. Остерегаться было чего, никакие коврижки не стоили того, чтобы по дури и из-за похоти рисковать потерей своего реноме действительно любящего мужа в глазах любимой и несомненно любящей его женщины. Во время очередной встречи в институте Настя сообщила, что ее провинциал прибыл в Москву и, как договорились, живет у нее на квартире. Мама не против. Это означало, что выглядел молодой человек неплохо и вел себя пристойно. Никаких внешних

изменений в Настином лице Михаил не заметил. Впрочем, так и должно было быть. Для нее в этом не было ничего особенного. Это, наверное, она вглядывалась в лицо Михаила, чтобы заметить ожидаемые изменения. Михаил решил никак не проявлять эмоций, хотя они, естественно, возникли. Не так уж приятно слышать, какую замену тебе нашли в связи с твоим отказом. Дальше выяснилось, что Настя определила выписанного издалека милого учиться в ПТУ на паркетчика, хотя он и в Москве вполне мог бы шоферить. Однако это явно не входило в Настины планы – шоферы неведомо где разъезжают, неведомо с кем знакомятся и неведомо с кем могут лежать. Он и сам рассказывал Насте кое – о чем в таком роде. Поэтому лучше было держать его в рамках более оседлой профессии, хотя и паркетчиком, как представлялось Михаилу, вполне могла бы заинтересоваться скупающая и состоятельная домашняя хозяйка, пока муж на работе. А перестилать паркет заказывают, как правило, люди состоятельные. Так что паркетчик мог оказаться даже в большей близости к чужой постели, чем залетный шофер. Ну, это ладно, пусть наставница паркетчика сама соображает, что лучше и безопасней для нее. Пожалуй, Михаила удивило другое – что Настя не ограничилась сведениями о том, какие меры она приняла для перепрофилирования недавнего шофера. Правда, она заранее предупредила, что подробностей раскрывать не будет, но все-таки кое-что из интимной сферы она по собственному желанию сообщила ему («дрознит

или дает понять, что для меня по-прежнему ничего не закрыто?» – мелькнуло в голове у Михаила): узнав, что она сама спит в постели голой, паркетчик одобрил такую практику и сказал: «Хорошо, не надо будет приучать», а от себя Настя прибавила, что столь частых совокуплений, на какие он способен, ей даже не надо. Из этого можно было сделать вывод, что раньше или позже он начнет сбрасывать излишки на стороне. О соответствии или несоответствии их духовных интересов, как и прежде, не было сказано ничего. Значит, это действительно не занимало ни ту, ни другую сторону. Пораскинув мозгами так и эдак, Михаил решил, что семейным счастьем для Насти здесь и не пахнет. Не было даже уверенности в том, что связь останется долговременной, но этого он говорить не стал. Какие с его стороны могли быть заботы о женщине, чьими делами он твердо решил не заниматься сам – особенно теми, которые наиболее интересовали прельстительную даму? Однако слушать ее откровения было все-таки интересножизненные коллизии такого рода позволяли извлечь для себя, для своего жизненного опыта много нового и полезного. Знать обыкновенно бывает лучше, чем не знать.

В один из визитов в сектор Анастасии его ждал неприятный разговор. Затеяла его однако не Настя, а ее сотрудница Марианна Сергеевна. Вообще-то она неплохо относилась к Михаилу, но, видимо, его достаточно частые приходы все-таки раздражали ее. Ее высказывания сводились к сле-

дующему – Насте уже тридцать четыре, ей надо рожать, пока не поздно. Теперь у нее появился для этого подходящий шанс, а потому ей не следует больше мешать.

Михаил был удивлен, узнав, что он чему-то мешает. Кроме того, ему показалось странным, что Марианна, с которой он был вприглядку давно знаком, прежде казалась ему вполне добродетельной и преданной мужу дамой, не проявляющей к нему прежде никаких особенных чувств. Однако страсть и напор в ее непрошеной речи заставили Михаила немного усомниться, вполне ли равнодушна к нему была эта симпатичная сотрудница Насти – жизнь уже неоднократно приносила ему доказательства, что даже самые доброжелательно настроенные женщины органически не выносят, когда внимание или страсть интересующего их мужчины адресованы другим. Впрочем, это могло быть и обычным стремлением добиться торжества высокой морали.

Настораживало другое. Настя ни словом не помешала словоизлиянию Марианны. Можно было предположить, что до его появления здесь как раз и обсуждались всем женским сектором из четырех человек, как следует себя вести Насте в новой жизненной ситуации, где места для продолжения знакомства с Михаилом уже просто не должно было быть.

Он вопросительно взглянул на Настю – дескать, что она сама думает и решает по данному поводу, и скоро узнал то, что хотел. Взвинченным голосом, иногда почти что до виз-

га, и гораздо громче, чем требовалось, чтобы он услышал, Настя начала высказываться в том же духе, что и Марианна, добавив к этому, что ей уже с ним надоело. Когда тирада закончилась, Михаил, не перебивший ее ни словом, поднялся со стула, сказал, поочередно в лицо каждой из присутствующих дам: «Всего хорошего» – и вышел из комнаты сектора. Он не был обозлен ни на Марианну, ни на Настю, ни на кого на свете. Просто решил, что его здесь больше не увидят. Никогда.

Только где-то через год с лишним Михаил узнал кое-о чем, произошедшем после его ухода. Но сперва, опять-таки не сразу, а через несколько месяцев, он услышал в случайном разговоре с сотрудницей своего отдела, что Настя ходит уже с большим пузом. Сказано это было с явной к ней неприязнью. Следовательно, молва приписывала авторство в беременности не кому-то другому, а ему. Михаил хотел было выспросить какие-то дополнительные подробности, да вовремя спохватился, и сделал вид, что это для него не новость. Спустя еще месяцы сотрудница Насти Татьяна Анатольевна при встрече сказала Михаилу, что Настя родила сына и скоро выйдет из декрета. При этом добавила: «А знаете, Михаил Николаевич, в тот раз, когда вы ушли, Анастасия расплакалась, а потом, вытирая слезы, сказала: «Михаил к нам больше не придет». Марианна Сергеевна ей отрезала: «Придет как миленький!», но Настя стояла на своем – нет, не придет. И оказалась права она, а не Марианна.

Еще бы Насте было оказаться неправой. Он ведь как-то уведомил ее, что может поддерживать какие-либо отношения с женщиной только в том случае, когда она относится к нему уважительно. При проявлении пренебрежения им, независимо от того, было ли оно на людях или tete-a-tete, он больше ничего общего с ней не имеет, как бы ему ни хотелось обратного, и чего бы ему ни стоило удерживать себя от любого контакта. Значит, Настя поверила его словам. Ну что ж, правильно сделала. Тем более, что он до этого вообще не обманывал ее ни в чем.

– Танечка, когда Настя вернется на работу, передайте ей мои поздравления, – сказал Михаил. – Кстати, какое у него имя?

– Дима, – ответила Таня. – Дмитрий. Это Марианна посоветовала ей так.

– Хорошее имя, – подтвердил Михаил. – И как он ей дался, сын, я имею в виду?

– Да судя по всему – не просто. Последствий, правда, скверных, Слава Богу, нет, но роды были тяжелыми. Возраст, я думаю, сказался. Лучше было бы раньше рожать.

Михаил кивнул. С Таней ему было просто разговаривать, с какого-то времени проще, чем с Марианной. Во всяком случае, к разряду моралисток она не принадлежала. Таня вторым браком была замужем за сыном союзного министра, но по ее поведению принадлежность к сливкам советского общества в ней никак не ощущалась. Не в первый раз Ми-

хаил сталкивался с тем, что некоторые дамы из этого круга стараются никак этого не показывать. То ли из врожденного чувства уважения к другим, как к себе, то ли в результате личного знакомства с обычной средой обитания особо важных персон.

В институте работала еще одна дама, по рождению принадлежащая к высшему советскому сословию – как дочь союзного министра. Ее звали Тамара Ивановна. Она вела себя еще более скромно, чем Татьяна Анатольевна. И чувствовалась в ней такая трогательная уязвимость и нежность, что Михаил позволял себе только подчеркнуто уважительное, но сдержанное отношение к ней и называл не иначе, как по имени и отчеству. Она была лишь немного моложе его, но в своей скромности особенно прелестна. Она с готовностью помогала Михаилу без всякой очереди доставать из информационного фонда стандарты, если они вдруг требовались Марине на ее работе. Иногда Тамара Ивановна рассказывала ему о дочери, заканчивающей школу. Судя по всему это была обычная представительница поколения, которому досталось больше благ и удобств, чем поколению родителей, тем более таких, какие были у нее, хотя Тамара Ивановна ни разу не обмолвилась о муже. Жила ли она без него в результате развода, Михаил так и не узнал. Они оба довольствовались простым выражением симпатии друг к другу.

После того, как Настя вернулась на работу, она при случайной встрече с Михаилом во дворе предложила посидеть

с ним на лавочке перед фасадом старинного особняка возле цветочной клумбы. Выглядела Настя прекрасно – ничуть не хуже, чем до родов, а может быть, и лучше.

– Как твой сын? – спросил он.

– А что ему? Ест, спит и растет.

– То, что и требуется, – улыбнулся Михаил.

Настя улыбнулась в ответ и тут же поделилась:

– Пестерев встретил меня, поздравил, спросил, как я себя чувствую.

И никаких вопросов о том, кто отец ребенка.

– Нас с тобой вяжут?

– Вяжут! – кивком подтвердила Настя, показывая, что еще как!

Они дружно рассмеялись.

– А как же твой липецкий избранник?

– А его давно уже нет. Однажды заявил нам с матерью – либо делайте мне постоянную прописку в Москве, либо я ухожу. Ну, я и сказала: «Если так – уходи».

– Он ушел?

– Да, конечно.

– Однако, наверно, рассчитывал, что его позовут обратно.

– Не знаю. Возможно. Но я не позвала.

Настя снова улыбнулась, взглянув ему прямо в лицо.

– А вы как тут живете?

– Да плохо. Пестерев ведет себя довольно истерично, и хотя порой выказывает ко мне уважение, хорошо заметно,

что хамить мне ему куда приятнее, чем уважать. Феодосьев гадит исподтишка, потому как теперь он мне больше не начальник, Кольцову нет смысла воевать из-за меня с директором. Он ведь прежде всего прагматик.

– У вас с ним прежде были плохие отношения?

– Нет, вполне хорошие. Но он уже понял, что мы крутимся по разным орбитам, и ему нет резона обременять себя поддержанием хороших отношений со мной. Спасибо еще, что пока активно не вредит. А с тобой он как?

– Со мной – хорошо!

– Ну и Слава Богу! Вон, видишь, на лавочке за клумбой уселась дама?

– Вижу.

– Это Пестерева протее. Паевская. Приставлена наблюдать за мной и обо всем ему докладывать. Ей сейчас ужасно хочется слышать, о чем мы говорим. А приходится делать вид, что она поглощена чтением своих бумаг.

– Вы ее не жалуете.

Михаил пожал плечами:

– Было бы за что. В делах она, смею утверждать, ноль во всех измерениях, как говорил мой приятель по первой работе Соломон Мовшович. Правда, она тоже имеет степень кандидата технических наук, как и ты, и заведует сектором системных разработок. К счастью, от нее в мой адрес не исходит ни советов, ни указаний. А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо.

– Ну ладно, теперь я в курсе насчет ваших дел.

– В общих чертах.

– Может, теперь будете к нам заходить.

– Может быть, если позовете.

– Я уже пригласила.

– Нет, это пока только декларация о готовности терпеть мое общество у себя в секторе, – объяснил Михаил.

Ему не улыбалось показаться перед сотрудницами Анастасии как будто бы по своей инициативе, тогда как той с очевидностью хотелось, чтобы дело выглядело именно так.

– А что от меня требуется еще? – вроде как недоумевая, спросила Настя.

– Приглашение. С указанием времени, когда вы будете свободны для беседы. Если у меня будет возможность, зайду.

– Договорились.

Михаил вернулся к себе, размышляя о разговоре. Перед ним опять открывали путь к общению, только что ему было толку пользоваться им? Делать ее своей любовницей он все равно не собирался, как и прежде, и дело тут было в Марине, а не в ней. Настя не стала ни лучше, ни хуже, чем была прежде, однако ее натура сохраняла для него лишь умозрительно – познавательный интерес. А чего хотелось достигнуть ей? Показать, что она в состоянии управлять его волей? А зачем? Неужели ее так заело, что она до сих пор жаждет сатисфакции? По крайней мере во мнении работающих с ней женщин? Он подумал, что не сглупил, настаивая на публич-

ном приглашении. Что-то шло не так, как хотелось бы Насте, но что? То, что ей нужен не он, а победа над ним, Михаил не сомневался. Значит, осталось одно стремление – то самое, знакомое, прежнее: доказать – ее не покидают, пока она сама не выставляет за дверь. Ну что ж, достойная позиция для любого самолюбия.

– «Но ведь и мне блюсти собственное достоинство важно ничуть не меньше, – напомнил себе Михаил. – И вряд ли какая-то сторона отступит. Но если кто и отступит, то это буду не я. Уж постараюсь».

В тот момент он еще не знал, насколько близок к истине. Настя пригласила его зайти на следующий же день.

Все поздоровались с друг другом, как будто бы не было долгого перерыва. Разговор зашел о ребенке. Когда Настя сказала, что купает своего Диму не в ванне, а в детской ванночке в комнате, Михаил удивился вслух. Сделать стерильно чистой ванну в собственной, а не коммунальной квартире трудов не составляло. Но дамы поддержали Настю. Татьяна начала объяснять, что дело не только в том, в чем купать, но и где. – «Михаил Николаевич, вы бы видели ванную комнату в современных домах. Свободное пространство между ванной и стеной совсем небольшое. Поэтому, когда Анастасия Николаевна наклоняется над водой, она сразу упирается в стену, я извиняюсь, попой. Ну что тут сделаешь?» – «Я? Я вон что: буду, по примеру армянского радио, когда ему задали вопрос, что делать, если женщина не пролезает в ху-

ла-хуп?: три дня щелкать языком и с восторгом повторять? «Какая женщина!»».

Все засмеялись, а Таня особенно.

– Да ну вас, причем здесь «такая женщина»? Просто пространство слишком узенькое. Вон, посмотрите на эту маму.

– А я как раз о том и говорю, – защитился Михаил.

И снова всем стало весело.

Немного поговорив еще, Михаил поднялся и пригласил Настю заглянуть к нему, когда будет охота. Потом попрощался со всеми и ушел, ничего не загадывая: «придет», «не придет». Через несколько дней она действительно нанесла ему визит. Проговорили долго и с обоюдным интересом. Михаил даже дал Насте прочесть кое-что, написанное по поводу их знакомства. – «Это все?» – спросила она, передвигая кончиками пальцев несколько уже прочитанных листков туда-сюда. – «Нет, – улыбнулся Михаил, – это малая часть». – «Так дадите мне увидеть остальное?» – «Дам, но только здесь». – «А с собой не дадите?» – «Нет». На том и расстались. Но теперь Настя не шла. Думала, скорей всего, что он в своем авторском раже не выдержит и сам принесет ей бумаги. Конечно, любопытство и ее подталкивало к нему, но она решила настоять на своем, тогда как Михаил решил не допустить ее победы. Стоять на своем ему теперь было совсем не сложно. Вероятно, как и ей.

Вскоре все подтвердилось. Татьяна Анатольевна, столкнувшись с Михаилом в скверике перед институтом, спроси-

ла, чего он больше не заходит, добавив: «В прошлый раз, сказав, что идет к вам, Настя предупредила, что пробудет не долго, всего минут десять. А сама проговорила с вами два часа».

Он поблагодарил Таню. Она дала ему ценные недостающие сведения. Недостающие для того, чтобы сделать безошибочный вывод: Анастасия опять позволяет себе небрежность по отношению к нему, на сей раз, правда, за спиной. «Всего на десять минут», – воспроизвел про себя Михаил голосом Анастасии – немного странным голосом, в котором среди низких нот внезапно прорывались высокие, даже немного визгливые. – «А голос не обманывает насчет сущности человека и его искренности – напомнил самому себе Михаил. Подобное явление, но в куда худшем варианте, было особенно присуще голосу Титова-Обскурова, которому почти ни в чем нельзя было безоговорочно верить, хотя тот был и наблюдателен, и умен. Много позже Михаил нашел прямое подтверждение своей уверенности в правоте на этот счет не у кого-нибудь, а у самой Елены Петровны Блаватской – уж ей-то точно было известно, что фальшь в вибрациях, исходящих из человеческого голоса, говорит о фальши его нутра. И пусть у Насти в голосе это сквозило не всегда, но это не умаляло уверенности Михаила в том, что там далеко не все настолько благополучно, как ей кажется и в первую очередь неблагополучно для нее самой. А ведь она вполне искренне признавалась ему, что больших грехов

за собой не знает. Ну что ж – прекрасное чувство, создающее комфортные условия для пребывания на этом свете ВНУТРИ СЕБЯ. Оставалось пожелать Насте только одного – чтобы это чувство не испарилось. Может, тогда и Наверху ее признают праведницей. Но пока в этом можно было сомневаться. Впрочем, для таких сомнений у Михаила становилось все меньше и меньше времени.

По всем признакам борьба с институтским начальством вступила в заключительную фазу. По этой причине интерес к явлению по имени «Анастасия» отодвинулся далеко на задний план.

Михаила уже много лет занимало: почему, когда человек способен принести пользу обществу и даже делает это, официальная власть относится к нему как минимум с серьезным недоверием, а обычно – попросту враждебно, ставя всевозможные препятствия на его пути и последовательно изживая из той сферы, где он себя последовательно хорошо проявил, в то время, как та же власть всемерно поддерживает бесполезных по существу людей, не наделенных никакими творческими способностями и не стремящихся что-то создать, если они выглядят лояльно настроенными к власти и всегда готовы быть ее осведомителями или провокаторами. Таким она оказывает благодеяние почти в любом случае.

Советская власть в этом смысле принципиально не отличалась ни от какой другой, просто в ней описанная практика осуществлялась особенно последовательно, а лучше ска-

зять – почти неукоснительно. Почему она сажала в тюрьмы и губила таких творцов как Николай Иванович Вавилов, Андрей Николаевич Туполев, Сергей Павлович Королев, Владимир Николаевич Мясищев и множество других очень известных и неизвестных Кондратенко, Лангемаков, а обласкивала, награждала и выдвигала на руководящие должности доносчиков, лжецов, плагиаторов, профанаторов, но непременно льстивых демагогов и организаторов собственного успеха по алгоритмам, соответствующим социальной моде? Академик Лысенко среди этих последних казался едва ли не главной и уже символической фигурой, но на самом деле он не был ни главной, ни наиболее известной фигурой среди них. Разве Ворошилов и Буденный для советского общества значили меньше Лысенко или были менее известны, чем он, а ничтожества типа Жданова обладали меньшими возможностями и властью, чем любимый академик Сталина и Хрущева? Само явление такого рода было слишком масштабным и слишком систематичным по частоте встречаемости, чтобы не почувствовать за ним, в его основе, совершенно определенной закономерности, социального принципа, если угодно, то и внутривидового приоритета.

Здесь, в этом выводе о наличии закономерности, не было ошибки – это Михаил знал уже давно. Оставалось проявить ее и облечь в определяющие ее сущность слова. Михаил погрузился в размышления. Надо было отправляться от какой-то логической «печки», но какую из них избрать?

По всему выходило, что танцевать надо от чего-то определяюще важного для любого сущего. А что могло быть в большей степени важным для тех, кто существует, чем само существование, то есть жизнь? «Вот оно», – догадался Михаил. Жизнь в обществе, члены которого подчиняются биологическим законам, но не только! Если в природных сообществах существ разных пород побеждает и главенствует физически сильнейший, то в условиях хотя бы начальной цивилизации, как правило, побеждает и властвует уже другой. Самый умный? Вовсе не обязательно – и даже весьма редко. Самый беззастенчивый в выборе средств? Это уже ближе к действительности, но это недостаточно определенная характеристика поведения, чтобы прояснить суть успеха. А что именно из всех допустимых и недопустимых с точки зрения бытовой морали и совести средств наиболее регулярно служит успеху умственно серых и слабых? Правильно, в основе их желания выбраться в дамки на социальной шашечной доске лежит их желание жить, как ухитряются, по их мнению, самые умные, с которыми они никогда не смогут сравниться со своими мыслительными способностями. А что нужно для того, чтобы жить не хуже умственных умельцев? Нужно просто подчинить их себе, своим интересам и воле, создать для них такую зависимость от себя и себе подобных, чтобы они и пикнуть не могли бы против воли хозяев своих выдающихся мозгов. А тут что необходимо пускать в ход? Лесть, предательство, сговоры против особенно сильных и умных

с менее сильными и умными, но столь же желающими жить. Дарвин прав – выживает сильнейший, но среди людей это и не сильнейший мускулами, и не главный действительный герой. Это интриган и систематический лжец, фальшивый человек и беззастенчивый плагиатор чужих идей, ни одной из которых он сам не предан, поскольку у него есть только одна постоянная, зато своя и вполне эгоистичная – все должно быть обращено во благо исключительно мне – как говорится – по силе возможности. А затем, после достижения минимального успеха нужна диктатура в «подведомственном» масштабе, но не более того – не то обратишь на себя внимание и гнев более сильного, чего до времени не приведи Бог – наоборот, надо лестью и готовностью покорно служить ему в альянсе с несколько более сильными, чем ты, против самого сильного в данное время – чувство меры должно быть в этом случае безукоризненным, как и интриганское искусство на грани фола, но не за ним, поскольку последнее было бы слишком неосмотрительным, а главное, оно потребовало бы такой смелости, какой у даровитого интригана вообще не может быть.

Идеальным исполнителем такой алгоритмической партии следовало считать товарища Сталина, хотя не его одного (скажем, чем Сталин был лучше Мао? – ничем!). Даже когда он сделал вроде бы глупость – обхамил и оскорбил Надежду Константиновну Крупскую, жену еще живого Владимира Ильича – преждевременно обхамил, да и только! Но нет!

Очень даже своевременно – великий вождь был еще жив, но уже ничего не мог, а потому как нельзя удачней было одним плевком попасть сразу в две физиономии, наперед зная, что за это «тебе ничего не будет», А Владимир Ильич, горный орел по определению товарища Сталина, еще успеет осознать, как славно его уделали вчистую. Глумление над поверженным врагом, равно как и обессилевшим благодетелем, всегда входило в число самых желанных удовольствий, какие только мог доставить себе долготерпеливый льстец – карьерист, поскольку он жаждет возмещения ущерба, столько лет наносимого его самолюбию. Но это всего лишь заключительный аккорд триумфальной увертюры, а собственно главное действие, точнее деятельность победителя из числа посредственностей по уму (но не по интриганскому искусству!) начинается потом. Срочно, не откладывая ни секунды, надо начинать заниматься устранением (желательно физическим) любого, кто может или хочет занять место главного, даже больше того – кого главный может себе вообразить в виде нового главного независимо от того, действительно ли этот некто хочет стать таковым или нет. Вот уж тут воистину начинается самое сладострастное истребительское радение. Крылья вырастают за спиной от сознания, что для дальнейшего глумления – истребления-сокрушения действительных и мнимых врагов больше нет никаких препятствий. Можно делать еще и многое другое, но это – самое важное и приятное. Видимо, потоки крови жертв и в самом деле инду-

цируют в ауре заказчика жертв какие-то в высшей степени приятные и поддерживающие их статус, даже само их существование, эффекты. Михаил полагал, что суммарное число жертв сталинского режима из своего народа составило порядка восьмидесяти миллионов жертв, включая и погибших в ходе Второй Мировой войны, как о том говорят честные исследователи, и оно по крайней мере НЕ ЗАВЫШЕНО, а это значило, что при наличии, в одном человеческом организме около четырех литров крови, сталинский кровавый поток составил $80.000.000 \times 4 \text{ л.} = 320.000.000$ литров, то есть 320.000 кубических метров. Если представить себе, сколько потребовалось бы железнодорожных цистерн по 50 м^3 каждая, то для жертв кровопийцы потребовалось бы 6400 цистерн или шесть с половиной тяжелых поездов из ста цистерн каждый. Кладбища с их рассредоточенным распределением по лику Земли трудно себе представить как одно общее вместилище для жертв репрессий, войны, голода, и гонений, но шесть-то поездов по сто цистерн в каждом представить все-таки можно, если другие образы не колышут сознание сторонников и поклонников Сталина, обожающих его за «порядок» и за наведения страха на весь мир. Недоумки, они радовались и радуются страху, который по логике вещей должен был ужаснуть их самих раньше, чем кого-либо другого.

Но ведь все это вылакал, выпил, использовал не один живоглот, у него, как и у всякого главы государства, имелась це-

лая армия живоглофов и кровопийц, построенная по иерархической системе с убыванием кровепотребления на каждой ступени подчинения. И там находилось место даже для такой мелочи, как директор магазина и ресторана, конструкторского бюро и завода, главный врач больницы и зав. отделением, командир взвода и отделения, в том числе, в виде конкретных частных – Пестеревых, Феодосьевых, Плешаковых и т. д. и т. п.

Но это все же был командно-начальственный уровень. А что было делать умственно неспособным и непробившимся в самом низу? Вот тут и следовало бы вспомнить о Зоське. Тем более, что она и сама напонила о себе, причем не раз.

Однажды еще при Болденко, сотрудница Михаила Юля случайно услышала от их общей приятельницы Нины Милосворовой, что Зоська буквально послезавтра будет стараться через суд восстановиться на работе в их отделе. Михаил немедленно обратился к директору, чтобы узнать, как намерена действовать в связи с этим администрация. Выяснилось, что дело находится в руках Плешакова, а в том, что он незримый и явный покровитель Юдиной, сомневаться не приходилось. Михаил напонила Болденко, что за фрукт эта Зося и в самой категорической форме потребовал, чтобы Плешакову было указано, как себя вести, и Болденко пошел ему навстречу. Через своих райкомовских коллег он добрался до судьи, и ей разъяснили, чье дело она вот-вот будет рассматривать. Копия искового заявления Зоськи хранилась

у Плешакова в глубокой тайне от Горского. Прочитав его, Михаил понял, что оно составлено не самой Юдиной, а профессиональным юристом и что, тем не менее, в нем есть явно необычная, находящаяся вне рамок профессионализма особенность.

Среди обычных персональных данных, описывающих истцу, содержалось буквально следующее: «Юдиной Зоси Андреевны, 19... года рождения, проживающей ..., племянницы Академика Юдина...» Михаил задумался. Оказывается, суду, вопреки нормальной практике судопроизводства, официально давали понять, чья она племянница. А дядя ее меж тем был хорош: в сталинских расправах он служил не последней спицей в колеснице, занимая пост чуть ли не председателя Верховного Суда СССР. По расчету Зоськи и ее адвоката это уже должно было произвести сильное впечатление на судью, но главным назначением ссылки на родственную связь с могущественным палачом недавнего времени было все-таки, скорей всего, другое. Это была страховка на случай провала Зоськиного дела в суде первой инстанции. Зоська была готова дойти и до высшей, чтобы доказать, что в своем паразитизме она всегда права. Поэтому, имея в виду, как «внимательно» рассматриваются апелляции в надзорных судах, Зоська и воткнула буквально в первые же строки искового заявления, что она Верховному Суду, чтобы бывшие коллеги ее покойного дяди соответствующим образом отнеслись к ее делу.

Ну что ж, отказать ей в знании того, что, как и почему делается в советской судебной системе, было нельзя. Значит, следовало использовать против Зоськи другие особенности советской демагогической системы, нетерпимой к социальному паразитизму на словах. Михаил получил согласие Болденко на присутствие в суде, чем Плешаков был нескрываяемо недоволен, и сам предварительно поговорил с юрисконсультком института, которая должна была представлять институтскую сторону в суде. Эта дама легко поняла, кто будет ее противником и тоже настроилась на серьезный лад.

В суде все пошло не так, как желали Зоська с Плешаковым, хотя она в качестве свидетельницы и притащила на заседание свою тетку, вдову академика сталинского террора, хотя ее показания не имели никакого отношения к рассматриваемому делу. Выходит, ее присутствие и допрос должны были просто подтвердить, что Зоська действительно племянница академика, а не самозванка. А дальше основная нагрузка легла на плечи Михаила и юрисконсульта института.

Ему не составило труда объяснить, какими манипуляциями Юдина пользовалась для того, чтобы незаконно продлевать себе отпуск, что в рабочем смысле она была бесполезна, за что ее перевели в другой отдел, где могли быть использованы якобы имеющиеся у нее знания английского языка, но где сразу с очевидностью обнаружилось, что переводить она не способна, а учиться делу не хочет, что зам. директора по кадрам и режиму Плешаков старался внушить,

что Юдину нельзя увольнять из института, поскольку она получила в нем производственную травму, хотя здесь же, в суде, уже было разъяснено, что обязательства института перед ней сохраняются и в случае увольнения; наконец, то, что Юдина не работает нигде целых два года и в течение всего этого времени желает только одного – восстановиться на том месте, где она никакой пользы делу принести не может и где ее присутствие весь коллектив отдела считает издевательством над правилами внутреннего распорядка, трудовой дисциплиной и моральным кодексом строителя коммунизма (к счастью, был и такой), что и подтверждается протоколом профсоюзного собрания отдела, на котором рассматривались действия Юдиной. Зоськин адвокат пел куда менее убедительные песни, апеллируя к необходимости защиты права трудящейся Юдиной на труд, но тут уже дама – юрисконсульт высмеяла и саму «трудящуюся», которая целых два года нигде не работает, хотя безработицы в стране нет и не может быть, а последствия производственной травмы не вызвали у нее никакой потери трудоспособности, как было доказано медэкспертизой. А еще она высмеяла и Зоськиного адвоката, использовавшего художественный образ Маленького Мука из сказки Гауффа – гонимого всеми на свете существа. Кончилось тем, что суд отказал Юдиной в восстановлении на работе. О том, подавала ли она протесты в высшие инстанции, Михаил не слышал. Однако примерно через год в институте высадился десант из четырех юристов

из аппарата ВЦСПС с намерением защитить незаконно пострадавшую от административного и судебного произвола члена профсоюза Юдину. Естественно, они прибыли с заявлением не только от члена профсоюза, но и от племянницы академика Юдина. На сей раз оно было адресовано председателю ВЦСПС товарищ Бирюковой, в котором, опять-таки вопреки норме, описывалось, какое впечатление произвели на Юдину великолепные человеческие и женские качества этой в высшей степени высокопоставленной дамы.

Старший из прибывших юристов в кабинете Плешакова провел инструктаж насчет того, как осуществить проверку данных из заявления Юдиной, и «если что – восстановить». Михаилу инструктаж такого рода очень не понравился. Проверку явно стремились провести внезапно и быстро, чтобы ошеломить противника, то есть в том числе и его, Михаила Горского, и воспользоваться возникшей растерянностью.

Если сама главная хозяйка профсоюзов по заявлению какой-то девки, каких в ее ведении десятки миллионов, прислала целую бригаду юристов с прямым заданием «восстановить ее в правах», то, значит, ее чем-то заинтересовали или возбудили. В любом случае следовало безотлагательно заняться этой комиссией, отложив любые другие дела. Глава комиссии, тучный коренастый человек, был явно старше своих коллег и потому считал себя вправе отдохнуть после того, как лично им были розданы поручения юристам менее значимого калибра. Молодой, относительно молодой –

который больше других глянулся Михаилу, подошел к нему и поинтересовался, какую общественную работу вела Юдина. – «Никакую», – ответил Михаил. – «Как так?» – удивился юрист. Судя по акценту, да и по виду тоже, он был армянин. – «Она никогда не была замечена в подобной деятельности, продолжал настаивать Михаил. – А если вас интересует ее активность как члена профсоюза, защитой которого она так жаждет воспользоваться, то, увольняясь, она даже не пожелала взять с собой профсоюзный билет. И ни разу не заплатила с тех пор членских взносов даже в размере двадцать копеек за месяц». Встретив недоверчивый взгляд армянина, Михаил взял трубку местного телефона, попросил профорга Милю Чашкину, и сказал «В институт прибыла комиссия ВЦСПС по делу Юдиной. Принесите, пожалуйста, ее карточку и профбилет в кабинет Плешакова».

Через пять минут Миля появилась с затребованными документами. Армянин просмотрел их. В лице его отобразилась крайнее изумление. – «Так что, она фактически не была членом профсоюза?» – наконец, спросил он. – «По уставу ее могли официально исключить из членов, – подтвердил Михаил. – Но вот, оказывается, профсоюз ей вдруг почему-то понадобился. У вас есть еще вопросы к профоргу?» – «А перед ее увольнением вы ей напомнили взять профбилет?» – «Напомнила, – сказала Миля. – Мне он совершенно ни к чему». Армянин что-то явно старался сообразить в связи с открывшимся обстоятельством принци-

пиально важного плана, но, как видно, нужного решения не находил. Михаил вновь обратился к нему: – «Если у вас больше нет вопросов к профоргу, я попрошу вас отпустить ее». – «Да-да, конечно. Пока вопросов нет». Когда за Милей закрылась дверь, Михаил предложил: «Если вы хотите узнать, что думают о Юдиной ее коллеги, можете побеседовать с каждым сотрудником в отдельности без меня. Ваш визит в институт был для всех неожиданностью, и «подготовить» общественное мнение у меня не было никакой возможности». – «Нет, не надо» – ответил армянин, все еще пораженный тем, что сюда пригнали целую комиссию от высшего органа профсоюзов для защиты и восстановления даже не члена профсоюза. Об этой новости надо было сообщить кому-то наверху. Действительно, положение, в котором оказался этот думающий и добросовестный человек, выглядело просто дурацким – по определению. Профсоюзы всей мощью устремились в поддержку человеку, которому до сей поры было на них совершенно наплевать. И действительно, что для Зоськи, спекулянтки и осведомительницы органов госбезопасности, могла значить «школа коммунизма?» Она ее давным-давно окончила и прошла. И, тем не менее, новость, ошеломившая юриста, не произвела на высшее профсоюзное руководство никакого впечатления. По крайней мере старший из бригады созвал своих ребят на новый инструктаж (на нем опыт-таки присутствовал Михаил) и фактически повторил прежние указания – быстро произвести рас-

следование, а Юдину затем восстановить.

Из того безразличия, которое старший юрист из ВЦСПС проявил к вновь открывшимся обстоятельствам, можно было сделать только один вывод – установка от Бирюковой не изменилась, а его, Горского, считали пустым местом, никак не способным повлиять на заранее заданные выводы комиссии. Ну что ж, это вносило в ситуацию определенность, которая позволяла действовать без оглядок на приличия. На войне как на войне.

Михаил отправился к секретарю парторганизации института Басовой. Михаил всегда относился к ней с подобающим пиететом, она в свою очередь не забывала, что когда-то сама работала заместителем Михаила, и он помог ей укрепиться в занятиях УДК, а, кроме того, покончить с ее оскорбительницей эгоисткой и скандалисткой Прут.

У Михаила теперь осталась одна возможность отбить хорошо подготовленную атаку Зоськи – противопоставить силе ВЦСПС силу КПСС. Для этого он и явился к Басовой. Она внимательно выслушала его подробный рассказ о набеге профсоюзных юристов и об их заведомой ориентации в пользу Зоськи. Кто такая Зоська, ей объяснять не требовалось. Когда Михаил закончил изложение событий, Басина предложила написать их на бумаге у нее в помещении партбюро. Михаил тут же принялся за дело. Басина молча смотрела и не мешала. По мере заполнения листков Михаил передавал их ей для прочтения. Когда заявление на имя секретаря

парторганизации было готово, Басова удовлетворенно кивнула головой. Она позвонила в кабинет Плешакова, который предпочел на время исчезнуть из поля зрения противоположных сторон, и попросила главу комиссии ВЦСПС зайти к ней в партбюро. Тот явился несколькими минутами спустя. Басова, попросила присесть, затем сказала, что на ее имя поступило заявление от заведующего отделом, где прежде работала Юдина и куда она с помощью комиссии хочет вернуться.

После этого короткого вступления она передала ему заявление Михаила, на котором, как говорится, едва успели высохнуть чернила. Лицо юриста, рыхлое, в крупных складках по мере чтения становилось все более раздраженным.

– Так, – сказал он, отложив листки. – Вы находите необходимым поддержать заведующего отделом?

– Я удивлена тем, что ваше расследование ведется так односторонне.

– То есть как это – «односторонне»?

– То, что здесь написано, верно? – спросила Басова.

– Что именно?

– То, что касается вашей установки на восстановление Юдиной на работе – вне зависимости от того, что выяснилось в процессе вашей работы и от того, что осталось вами не выясненным. – Например, вы удостоверились, что Юдина фактически давно уже не член профсоюза, на который ей всегда было плевать, пока ей не пришло в голову использо-

вать профсоюз в своих целях. Вы даже не стали выяснять мнение трудового коллектива относительно Юдиной, а я, кстати, по своей должности его хорошо представляю.

– Это мнение заведующего отделом. И, судя по всему, он очень заинтересован, лично заинтересован, чтобы Юдина не была восстановлена на работе.

Молчавший до этого момента Михаил не упустил случая вмешаться, поняв, что юрист ожидает от него отрицания личной заинтересованности.

– Именно так, – подтвердил Михаил. – Я лично крайне заинтересован в том, чтобы Юдиной в возглавляемом мной отделе не было. Вам это, вероятно, безразлично, но именно я в соответствии с утвержденным положением об отделе отвечаю за выполнение плана, за обеспечение здоровой рабочей атмосферы в коллективе, за подбор и расстановку кадров. Мое должностное право давать оценку качества работы всех сотрудников. Руководство института согласилось с моим представлением Юдиной на увольнение по сокращению штатов. При этом учитывалось и мнение трудового коллектива, которое вы абсолютно проигнорировали.

– Мы ничего не игнорировали, – протестующие поднял обе руки юрист.

– Я предложил членам вашей комиссии поговорить со всеми сотрудниками без меня. – возразил Михаил. – Кто-нибудь из вашей команды сделал это? А ведь вас направили для объективного расследования.

– Нам лучше знать, для чего нас направили.

– Вот и я об этом. Негодного работника, грубого нарушителя трудовой дисциплины, пользующего подложными бюллетенями, игнорирующего обязанность члена профсоюза платить хотя бы двадцать копеек членских взносов в месяц, вы готовы восстановить на работе даже не выясняя ни того, как она работала, ни того, как она действовала на коллектив. Вас ничего такого не интересовало, о чем прямо свидетельствовал ваш инструктаж, на котором я лично присутствовал.

В этом месте нить разговора вновь взяла в свои руки Басова. Голос ее на сей раз звучал резко и определенно.

– Нам никто не позволит ухудшать нравственную обстановку в коллективе, где все сотрудники обоснованно – подчеркиваю: обоснованно! – считают Юдину лживой и бессовестной эгоисткой, для которой интересы коллектива просто тьфу! Это по ее милости отдел снимали с рассмотрения на классное место в социалистическом соревновании. Ей предлагали признать свою вину. Она отказалась, считая, что и так сумеет всем, прошу прощения, рога обломать. Почему профсоюз, большинство членов которого в низовой организации считает поведение Юдиной наносящим ущерб делу, защищает именно ее, а не интересы дела и трудового коллектива? Неужели вы думаете, что в райкоме партии спокойно отнесутся к подобному подходу?

Такого оборота дела юрист никак не ожидал. Перспекти-

ва переноса схватки в райком партии его явно не устраивала. Он был достаточно умудрен жизнью, чтобы понимать – не профсоюзы правят страной и производственными отношениями, хоть они и названы Лениным «школой коммунизма». Это партия от политбюро ЦК до райкомов управляла всем на свете от армии и органов госбезопасности до профсоюзов, которые по ее мнению были всего лишь полудекоративной организацией, у которой имелась лишь вторичная организационная роль в управлении и идеологии и ограниченные функции по устройству культурного отдыха, досуга и оздоровления трудящихся. Столкновение всего лишь с райкомом, правда, в столице, даже высшему профсоюзному органу победных лавров не сулило. Не дай Бог, если оно поспорит в конечном счете товарища Гришина с товарищем Бирюковой – кому тогда отвечать как не им, членам комиссии? Кто их знает, какой у них будет расклад сил? И уж, конечно, виноватые тогда найдутся не на уровне Гришин – Бирюкова. Скорее их, юристов, сгонят с тепленьких местечек почти как у Христа за пазухой – со своими санаториями и домами отдыха, с квартирами и дачными участками, с преимуществами в приобретении автомашин и бытовой техники.

Бригадир юристов был мало сказать раздосадован. Он, видимо, лишь мобилизацией всей своей профессиональной выдержки едва удерживался от крика с матом и перематом оттого, что какой-то шибздик испортил ему всю игру – сам, небось, такой, что клейма на нем негде ставить, но вот пу-

стился во все тяжкие и сорвал кавалерийскую атаку, а вместе с нею – выполнение прямого задания главной профсоюзной хозяйки.

Некрасиво вы себя ведете, с трудом придавая своему голосу иронию вместо ненависти, выдавил из себя юрист носитель абсолютного знания о праве и о том, что оно собой представляет.

– Мои представления о красоте поведения тоже отличаются от ваших, спокойно отозвался Михаил.

– В ваши годы следовало бы заниматься другим делом, чем этим, – юрист показал ему глазами на листки.

– В мои годы я именно так и поступаю: занимаюсь другим делом, пока меня не вынуждают приняться и за такое. Со своей стороны я не могу вам давать аналогичный совет – разница в возрасте не позволяет, однако полагаю, что для проявления профсоюзной солидарности и гуманизма и «восстановления попранной справедливости» вы свободно могли бы найти сколько угодно объектов для подобной защиты, куда более заслуживающих поддержки, чем Юдина. Без всякого труда.

– Ну, это не вам решать, кто нуждается в профсоюзной поддержке, – попытался отыгаться юрист.

– К сожалению, это действительно так, хотя я как член профсоюза как будто тоже имею право решать наряду с другими членами подобного рода дела.

– А что нам было делать по данному конфликту? –

не сдержался юрист. – Ведь он имел место!

– Вот именно! Надо было расследовать до тех пор, пока не выяснятся причины, а не инструктировать комиссию априори, к какому выводу она должна придти. Я дважды присутствовал на вашем инструктаже. Или вы там не очень понятно все разъясняли?

– Ну вот что, – вмешалась Басова, найдя нужным сказать свое решающее веское партийное слово в дискуссии. – Разговор уже пошел не по делу. Вы, – сказала она, обращаясь уже только к юристу, можете доложить руководству, что на месте разобрались с заявлением Юдиной и выяснили, что оснований для ее восстановления в прежней должности не существует. Разве вам мало фактов, которых вы до приезда в наш институт не знали? Понятно, почему сама Юдина о них не упомянула. Но ведь нельзя же допускать, чтобы профсоюзной защитой в своих корыстных интересах манипулировали, прямо скажем, далеко не самые достойные люди! Такие, как она, только и стремятся урвать от общества, ничего не давая взамен. О каком восстановлении справедливости здесь может идти речь?

Михаил чувствовал, что Басова очень довольна тем, о чем и как она говорит. Прежде ей подобного умения несколько не доставало. Ну, теперь-то оно пришло в норму. А юрист увял. Вбить клин между проклятым заведующим отделом и секретарем партийной организации не удалось. Надо было возвращаться восвояси ни с чем. Не то, глядишь,

доиграешься до еще большего разноса в связи с невыполнением задания.

Вернувшись в отдел и рассказав коллегам, чем закончилась компания по восстановлению Зоськи на работе в прежнем качестве, Михаил закончил грустным признанием:

– Видимо, весь гуманизм, на который способна советская власть, начисто исчерпывается в пользу таких, как Зоська. Другим уже ничего не остается. Просто лимит выбран – и все.

Сразу несколько голосов подтвердили, что так оно и есть.

Глава 14

Директорство Пестерева принесло нечто новое в институтскую жизнь. Выяснилось, что он гораздо амбициознее своих предшественников, коих было уже трое: Беланов, Панферов, Болденко – причем сразу во многих смыслах. Сделавшись, как он искренне полагал, абсолютным хозяином интеллектуального потенциала всех сотрудников института, он представил себе открывающиеся из своего статуса возможности во вполне конкретных целях и образах. Имея перед глазами пример Билла Гейтса, совершившего переворот в компьютерном деле и бизнесе, он тоже решил привести мини-компьютер на каждое рабочее место в стране и в каждую семью. При этом его не смущало, что в отличие от Гейтса он не помнит наизусть все статьи в энциклопедии, не говоря уже о многом, более важном для совершения действительных новаций. Подумаешь, какая важность, что он сам не может и не умеет того-то, того-то и того-то. На то он и директор, чтобы набрать или оставить из старого состава таких людей, которых он смог бы увлечь, а то и попросту заставить делать то, что ему нужно, чтобы стать богатым человеком и прославленным академиком. Мечта о членстве в Академии Наук СССР присутствовала во всех вариантах будущего успеха, которое он рассматривал про себя. Наружу это выплескивалось всего пару раз. Для начала он поставил задачу привлечь

к работе в институте в качестве оплачиваемых «совместителей» академиков, а на худой конец членов-корреспондентов Академии Наук, понимая, что без знакомств такого рода в это почтенное научное собрание не попадешь, тем более, что там все-таки выбирают новых членов, а не просто назначают с соизволения высших властей.

Но с этим заданием у Пестерева как-то не клеилось. Неведомо каким образом он завел было знакомство с одним членом-кором, работавшим в Историко-архивном институте. Увидев его, Михаил сразу понял, что Пестерев ошибся в выборе. Это был мягкий, спокойный, не очень уверенный в себе человек. На роль тарана, пробивающего брешь в твердыне академии для проникновения туда Пестерева он явно не годился. Но вот кто возрадовался пестеревской находке, так это Феодосьев. С ликованием, отражавшимся как в голосе, так и в лице, он излагал целый ряд новых требований к Горскому – он должен будет делать за него всю работу, оказывать ему различные услуги и даже поить коньяком за собственный счет – последнее Феодосьев подчеркнул с особым удовольствием. Михаил даже не понял, какие по преимуществу реакции на эти требования возникли у него сразу же, не сходя с места – возмущение или смех.

– Поить бездельника, получающего во много раз больше меня, коньяком по вашему указанию я не собираюсь. Если вам это так нравится, платите из своего кармана. Я тут ни при чем.

– Он должен стать председателем главной терминологической комиссии – возразил Феодосьев, все еще считающий, что на этом основании Горский обязан угождать ему и работой, и коньяком.

– Вы, должно быть, плохо слышите меня. Директор и вы собираетесь платить бездельнику из государственных средств. Против этого я не возражаю, хотя это и неправильно, исходя из установок коммунистической партии, членом которой вы в скором времени как будто бы должны стать. Но уж о том, чтобы я из своей зарплаты приплачивал ему и речи идти не может. Это ясно?

Феодосьев осекся. В реплике Михаила он распознал скрытую угрозу, а осложнять себе вступление в ряды КПСС ему не улыбалось. Вскоре, однако, вопрос как-то сам собой исчез из повестки дня. То ли после беседы с Пестеревым с глазу на глаз членкорр осознал, какого эффекта ждет от его деятельности новый «работодатель» (а он знал, что вопросы выбора в Академию таким образом не решаются), то ли счел предложенную должность слишком обременительной для себя за названные ему деньги, но он предпочел скромно удалиться. А других кандидатур из полновесного состава Академии не нашлось. Пестерев, видимо, понял, что, разбегавшись в мечтах, оказался впереди паровоза, и что ошибку надо исправить иначе – сделавшись директором академического института это был проверенный путь. Дальнейшее показало, что Михаил не ошибся. Вскоре он получил под-

тверждение своим прогнозам. Компетентные люди сообщили, что он пытается получить новое назначение через Государственный комитет по науке и технике, в двойном подчинении которого (вместе с Академией Наук СССР) находился головной институт страны по научно-технической информации.

А пока он пытался подойти к решению своих амбициозных задач с другой стороны. Вместе с собой из Зеленограда он привел, как он считал, способного инженера-электронщика Мотылева, способного по крайней мере на то, чтобы сконструировать первый отечественный мини-компьютер. Пестерев организовал ради своей затеи отдельный сектор вне тематики работ института и с нетерпением ждал решающего успеха от Мотылева. Еще одному сотруднику института, немцу из ГДР, он поручил создание или адаптацию начального программного обеспечения для этого миникомпьютера. Расчет был прост: если эти ребята успеют выполнить личное директорское задание до того, как он станет директором академического института, ему будет проще получить вожеленную должность, а вместе с ней – перспективу пробиться и в саму академию. Если же не успеют и он окажется в подходящем институте до этого, он просто возьмет их с собой, а уж получить серьезные шансы стать членкором у номинального создателя первого советского мини-компьютера было бы более вероятно, чем кому-либо еще. Пару раз, когда Пестерева особенно распирало сознание близящегося успе-

ха, он проговорился на совещаниях, намекая на то, что скоро у Мотылева и Дитрикса все будет готово. Но так продолжалось уже не один месяц, и Михаил затруднялся решить, выдавал ли Пестерев желаемое за действительное, или там действительно удача могла быть поймана за хвост, но в последнее как то не верилось.

В отличие от своих предшественников – директоров Пестерев довольно откровенно баловался женским полом. Беланов, например, ко времени организации института был достаточно пожилым и болезненным человеком. Панферов, хотя и имел одну зафиксированную в памяти «общественности» связь с одной охочей институтской дамой, которая разнообразила личную жизнь, кстати сказать, не только с ним, вел себя осмотрительно и в других романах замечен не был. Болденко, видимо наученный опытом нечаянных крушений чужих карьер на его глазах, вообще сторонился на работе женщин, в особенности тех, кто сами предлагали ему свои услуги. Среди них явно фигурировала одна очень давняя знакомая Михаила. Они с Кларой десять лет назад в один день поступили на работу в этот институт. Тогда это была действительно красивая женщина с роскошным телом тридцати с небольшим лет. Он помнил, как впервые поднялся за ней по лестнице на требуемый этаж, а она вдруг обернулась и прочла восхищение в его лице. Спустя полчаса они уже познакомились. Клара попала в соседний отдел, и они сразу стали приятелями. Она без сомнения ждала бурно-

го развития их отношений, но быстро поняла, что в институте его уже ждала вполне очевидная любовь с Олей Дробышевской, и порой, не скрывая досады, Клара показывала Михаилу, чем он был пленен – подкрашенными карандашом внешними уголками глаз – «вот тут вот», хотя на самом деле у Оли многое было лучше, чем у Клары, и заполучить Михаила, по крайней мере на этой работе, она не могла. Ну что ж, по этому поводу она лишь подсадовала, да и то недолго. Ею очень быстро всерьез заинтересовался заместитель директора Судьин и она охотно ответила на его ухаживания. Когда Судьин ухитрился обойти Беланова и выделиться со своим направлением стандартных справочных данных в самостоятельную организацию, Клара перешла на работу к нему, где сразу получила высокую должность, хотя новая организация осталась на прежней территории. Переход Клары к Судьину никак не сказался на приятельском духе их отношений. Она оставалась все той же манящей к себе женщиной («царь-бабой», как сказал ей однажды кто-то в метро), а она все еще нет-нет, да и напоминала ему подкрашенные Олины уголки глаз «вот тут вот». А потом самостоятельность Судьина «накрылась». Видимо, Беланов неспроста не пустился во все тяжкие, чтобы предотвратить откол своего заместителя. Он дал Судьину возможность распустить хвост перед высшим начальством, многое наобещать, за провал спросили только с Судьина. После обратного возвращения отколовшейся организации в юрисдикцию Бе-

ланова, Судьина сняли с работы, а Клара вдруг без всякого промедления, как ни в чем не бывало, оказалась в должности секретаря НТС института, которому недавно так определенно изменила с Судьиным. Михаил даже не сразу понял, как ей это удалось, пока не узнал, что направление стандартных справочных данных Беланов поручил возглавлять Титову-Обскурову, своему первому заместителю, и без того имевшему в своем подчинении больше половины института. А уж Титов мог пристроить свою новую страсть на любую должность, какую только хотел, если она этого заслуживала. Сомневаться в том, что Клара заслуживала, не было никаких оснований. Даровых благодеяний, особенно женщинам, от Титова-Обскурова быть не могло. Ну что ж. Это было ее дело, как распорядиться своей красотой и как обходиться с начальниками. Хотелось бы желать ей кого-то получше Титова, но на ее с Михаилом приятельстве и это не отразилось. А после того, как Михаил ушел в центр Антипова, они не виделись пять лет. Вернувшись в институт, Михаил нашел в Кларе заметные перемены. Она стала курить, причем довольно много. Стройная дородность зримо оплыла. Клара стала менее быстрой в движениях. У нее появились жалобы на высокое давление. Словом, с ней происходило что-то, чего красавице отнюдь не пожелаешь. Она была недовольна сыном, ровесником дочери Михаила, который рано и неудачно женился и испытывал какие-то сложности при поступлении в институт – впрочем, последнее бы-

ло неудивительно – с получением высшего образования год от года в стране становилось все сложнее и сложнее. То ли умники и образованные люди окончательно сделались нежеланными детьми у властителей государства, то ли их полуневежествам стало невмоготу от более культурного окружения, сладить с которым удавалось не всегда. Разговоры с Кларой, как и прежде, были откровенны. Существенно сузился только круг тем, которые они обсуждали. Пожалуй, теперь их откровенность напоминала больше историческую вежливость, чем искреннее стремление поделиться мыслями, какие не выскажешь кому попало. Зато он заметил, как участились ее оживленные разговоры с Полкиной, причем, какими они были до заседания НТС, на котором Сухов обвинил Полкину в плагиате, такими и остались. После этого с Кларой уже почти не хотелось «водиться», как когда-то говорили в детском саду. Тем не менее, однажды произошел случай, в котором прямо вспышкой высветилась перемена в их отношениях.

Клара стояла на лестничной площадке перед дверью своего научно-технического отдела, некоего подобия личного штаба директора, и курила. Михаил подошел к ней, поздоровался. Они поговорили о том о сем, как вдруг его взгляд остановился на продуманно приоткрытом воротнике – в не очень узкой щели виднелись уходящие под покров провоцирующие крупные груди. В голове мгновенно мелькнула озорная мысль, а что если поддаться на провокацию? На лестнице в это время не было никого, Михаил, не теряя

ни секунды, шагнул к Кларе и снизу ладонями приподнял ее груди. Клара рывком оттолкнула его и рванула на себя дверь в свой отдел. Дверь громко захлопнулась. Михаил прислушался и понял, что делает это не зря.

– Этот Горский – просто половой бандит! – завопила она.

На секунду ее крик сменился внимающей тишиной, в которой можно было разобрать только чрезмерно громкое Кларино дыхание. Медлить больше не стоило. Михаил распахнул дверь и, напустив на лицо, насколько мог, глубоко покаянное выражение, шагнул за порог и тихо признался: «Этой». Чуть раньше он успел одним взглядом оценить обстановку. Все многолюдное собрание было устремлено глазами в один фокус на Клару, грудь которой ходила от возмущения с такой амплитудой, какой позавидовала бы даже гротесковая опереточная дива из кукольного спектакля Сергея Образцова «Необыкновенный концерт». Однако случившегося после признания вслух своей вины, несмотря на явный комизм вида пострадавшей, Михаил все же не ожидал. Он мог точно сказать, что такого взрыва хохота и такой его продолжительности он никогда в жизни не слышал – ни на юмористических и сатирических концертах, ни просто при комических происшествиях. Неостановимо смеялись в захлеб и навзрыд абсолютно все. До этого дня Михаил ни разу не видел заведующего этим отделом Барабанского даже улыбающимся, настолько серьезную мину он всегда носил на лице, но вот, оказывается умел даже смеяться, да как громко, рас-

катистым басом. Его правая рука, Бичерский, автор институтских итоговых отчетных документов, верстатель институтских проектов планов и предложений, никогда не отличавшийся улыбчивостью, тоже заливисто смеялся в полный голос. Но особенно приятно оказалось смотреть на женщин. От души смеялась ладная и хорошенькая Нелечка Невзорова, довольно явно симпатизировавшая Михаилу; смеялась, причем не менее искренно, добродетельная замужняя красавица Лидочка Мамаева, за которой Михаил и сам не прочь был бы приударить, если б не останавливала мысль о Марине. Переводя взгляд с одного лица на другое, Михаил убеждался, что смеются все женщины без исключения, и на какое сочувствие в этом кругу сотрудников рассчитывала Клара (а она определенно рассчитывала, раз уж закатила такую показательную сцену), теперь нельзя было понять. Она замерла на месте с приоткрытым ртом. Грудь, этот источник нескончаемого соблазна, уже не ходила ходуном, вызывая громкое прерывистое дыхание. Мгновенно задуманная и осуществленная акция, громкий спектакль, который хотелось устроить Кларе, разом провалился. Публика своим смехом, прямо по Станиславскому, заявила артистке: «Не верю!». Михаил ушел, даже с некоторым сожалением подумав о том, до какого же уровня опустилась на глазах у работавших с ней людей прежняя «царь-баба». Не приходилось сомневаться, что Барбанский передаст эту комическую историю Болденко, а тот тоже будет ржать, потому что ему представляли на обозрение

уже не просто псевдо-скромную щель, а настоящий «декольт на двенадцать персон» – как определяла подобную картину сотрудница Михаила Нора Кирьянова, которую с его легкой руки за высочайший артистизм в различного рода при творствах и микро-спектаклях весь отдел называл не иначе, как Нора Бернара, в честь прославленной Сары, которой она, по общему убеждению несколько не уступила бы в мастерстве, если бы тоже оказалась на подмостках. Бросив прощальный взгляд на сцену, на которой он и сам оказался выступающим, Михаил слегка поклонился всем и никому в отдельности, а после этого вышел. За его спиной все еще продолжался громкий хохот. Ему-таки удалось уйти под аплодисменты. Прочь от прежней симпатии, а ныне ханжы и бывшей «царь-бабы».

У Пестерева разбегались глаза на более свеженьких. – нет, не девочек – таких он, видимо, все же боялся, предпочитая замужних, не заинтересованных в скандале. В конце концов, ему бы подошла и незамужняя, например, такая, как Анастасия – искушающая и свободная как в своих действиях, так и в морали. Но вот как раз с той, с кем особенно хотелось слиться в экстазе, пока не получалось ровным счетом ничего. Он боялся возможного отказа, хотя и согласие казалось вероятным, но ему нужна была лишь стопроцентная гарантия успеха. А вот этого-то в воздухе не витало. Наоборот, в воздухе витали слухи, что Анастасия спала с Горским, и ребенок у нее от него. Несомненно, психика дирек-

тора ужасно страдала от этих слухов, периодически приводя к взрывам и срывам. По всему выходило, что 1986 год, едва начавшись, станет последним годом пребывания Михаила в пестеревском заведении. Ожидая вот-вот начала решающей атаки против себя, Михаил решил хоть разок сыграть на опережение и с этой целью послал в адрес очередного исторического съезда КПСС письмо с разоблачением очковтирательства Пестерева и Феодосьева по поводу сдачи в эксплуатацию четырех тематических автоматизированных систем, ни одна из которых на самом деле не функционировала. Кроме этих двоих в письме не упоминался ни один человек. Михаил не рассчитывал на то, что реакция со стороны съезда КПСС – «высшего органа партии» (как вешалось в партийном уставе) принципиально изменит его положение и поможет закрепиться в институте. Его целью было отложить увольнение месяца на два – обычно секретариаты съездов не могли в режиме поступления заявлений справиться с нагрузкой, и съезд каждый раз обязывал свой секретариат продолжать работу до тех пор, пока не будут решены все поднятые партийными и беспартийными трудящимися вопросы. Собственно, так и получилось, Михаил ошибся только в одном – вместо двух месяцев затяжки с изгнанием он выиграл пять. Очевидно, лавина информации о положении людей и дел страны, уже вступившей в полосу серьезнейшего кризиса, по своей масштабности и остроте уступавшего разве что кризисам 1917-1920, 1929-1933,

1937-1939 и 1941-1953 годов, а по последствиям в принципиальном плане – и вовсе беспрецедентного, прямо-таки захлестнула высшую партийную канцелярию, которая сумела изготовить элементарное поручение – сопроводилровку в госкомитет, предписывающую рассмотреть заявление Горского по существу и сообщить о результатах секретариату съезда только четыре с половиной месяца спустя после получения письма Михаила. В госкомитете по приказу его председателя – министра была образована специальная комиссия.

Когда она явилась для работы в институт и Михаил увидел ее состав, стало ясно, что начальник технического управления Болденко ввел в нее людей, как он думал, вполне управляемых и даже лично испытывавших к Горскому определенную неприязнь. Болденко заблуждался только насчет двух членов комиссии: он не знал, что отношения с Евгением Мироновичем Фельдманом из главного вычислительного центра у Михаила были хорошими с самого момента его поступления молодым специалистом в отдел Горского и таковыми оставались и дальше, а с Леонидом Журавлевым молодым толковым программистом из того же вычислительного центра – они всегда находили общий язык, участвуя в международных совещаниях. Председателем комиссии являлся молодой человек – чиновник технического управления, попавший на приличную должность, скорей всего, благодаря каким-то личным связям. На него Болденко мог положиться вполне.

Фельдман прекрасно знал, что ни одна из четырех автоматизированных систем, сданных институтом в промышленную эксплуатацию, на самом деле не работает. И он, и Журавлев сами участвовали в приемке, знали, что в лучшем случае их еще надо основательно доводить до ума (что и было четырежды обещано теми же Пестеревыми и Феодосьевыми), чего до скандального разоблачения перед лицом съезда КПСС всерьез и не делали. Барахлило в основном программное обеспечение, изготовленные лично Феодосьевым сразу для всех четырех систем. Еще за две недели до появления комиссии в институте доброжелатели доложили ему, что в системном отделе и вычислительном центре института отменены выходные для всех, кто как-то связан со всеми зависшими системами. Это была отчаянная попытка доказать комиссии неправоту Горского и «несоответствия заявленным фактам», которые «не подтвердились». Когда Михаила вызвали на заседание комиссии, он вполне спокойно отвечал на вежливые, но часто каверзные вопросы, которые не стали для него неожиданностью. Он понимал, что у комиссии не будет никаких оснований для опровержения его заявления, если он не ответит, что и как надо было бы делать правильно и эффективно с его точки зрения. И он называл факты, представлял копии своих докладных, указывал, в каком разделе институтского прогноза о развитии автоматизированных информационных систем излагалось его видение ближайших и среднесрочных перспектив и работ (последнее

Пестерев и Феодосьев включили в прогноз без критики, поскольку сами ничего не выдумали, а сроки подготовки документа истекли – даже завзятый редактор стиля Бичерский не изменил в его разделе ни слова).

Но действительно острый интерес со стороны председателя комиссии был проявлен только к сообщению о том, что вне всяких планов, практически нелегально Пестерев организовал разработку мини-компьютера. Результатом стало то, что заведующий особым сектором инженер Мотылев уже на следующий день уволился из института по собственному желанию перепуганного директора. Михаил и раньше подозревал, что ликвидация его собственного отдела была затеяна в том числе и ради того, чтобы финансировать тайный замысел Пестерева, и Мотылев теперь пострадал именно по этой причине. Из госкомитета Надежда Васильевна сообщила, что за самодеятельность с незапланированным нецелевым расходом государственных средств Пестереву устроили жестокий нагоняй и, дабы пресечь дальнейшее предметное расследование, Мотылева без промедления выставили из института.

Михаил был изумлен, как много людей нелегально сообщали ему о всех действиях, которые планировалось предпринять против него. Среди них были и те, кого лично привел в институт сам Пестерев как своих добрых знакомых. Конечно, получаемая от них информация не могла изменить запланированный результат, но одно только желание посто-

ронных действительно помогать ему дорогого стоили. И в конце концов даже после редакции выводов комиссии со стороны Болденко был подтвержден факт липового ввода в промышленную эксплуатацию систем, правда не четырех (это было бы для госкомитета слишком!) а «только» двух. Зато разработку мини-компьютера на Мотылевких коленках подтвердить побоялись. Нет Мотылева – нет и факта. Тем более, что в самом заявлении его имя ни разу не упоминалось – оно всплыло только в процессе расследования.

Михаилу официально, правда, лишь в устной форме, сообщили, какой ответ будет отправлен из госкомитета в ЦК КПСС. Он не предпринял никакой попытки внести туда свои коррективы. Его заявление сделало свое дело – он выиграл у Пестерева – не иначе, как по Воле Небес – ровно столько времени, чтобы приспела возможность поступить на работу на новое место: во Всесоюзный научно-исследовательский институт патентной информации. Этому предшествовал случайный визит Саши Вайсфельда в институт – естественно, не к Михаилу, а к Ламаре.

Но все-таки Саша подсел к нему, и они немного поговорили.

Михаил в нескольких словах обрисовал свое положение, но о накале травли ничего не сказал. Однако Саша явно отреагировал именно на это умолчание. По его лицу было видно, что он порывается что-то произнести, но он почему-то осадил себя и промолчал. Михаил принял это за вы-

ражение сочувствия. Однако в Сашиных глазах промелькнула еще какая-то мысль, которую тот все же побоялся высказать в данный момент. Михаилу показалось, что Вайсфельд хотел предложить некий вариант выхода из кризиса своему бывшему шефу, реализация которого зависела в основном не от него, Михаил в свою очередь тоже предпочел не задавать никаких вопросов. Тем не менее он не ошибся. Саша Вайсфельд действительно сумел заинтересовать начальника своего отдела, а также его заместителя, которые и по своим каналам, оказывается, что-то знали или слышали о Горском. Их личное знакомство произвело на обе стороны позитивное впечатление. Михаилу действительно понравились и Григорий Саулович Мусин, и Сергей Яковлевич Великовский, а они в свою очередь пустили в ход механизм принятия Михаила на работу. Это было не очень просто, потому что для сохранения имеющего у него заработка им пришлось «выбивать» Михаилу персональную надбавку к окладу. Вышло так, что процедура оформления его на новую работу завершилась как раз в тот день, когда Пестерев и Картошкин закончили свою работу с членами научно-технического совета, на заседании которого кандидатура Горского, представленная на утверждение в должности заведующего сектора, была, как и планировалось, провалена с результатом 16 «против» и 6 «за». Для Михаила, правда, и такой результат явился в некотором смысле «приятной неожиданностью» – сам он был уверен только в двух голосах в свою

пользу. Размышляя об остальных четырех, он, вызвав кое-что из своей памяти, смог с большой вероятностью назвать еще троих доброжелателей без кавычек, но последнего подавателя голоса «за» идентифицировать не сумел. Зато он точно знал, что это не бывший майор Маргулис, хотя о нем Михаилу была сообщена любопытная подробность. После заседания НТС, где он дисциплинированно, а также из соображений самосохранения проголосовал против Горского, Маргулис, испытывая странный душевный дискомфорт, отправился не домой, а в гости к своей хорошей знакомой Елене Онуфриевне Турган, журналистке, работавшей в пресс-центре института. Елена Онуфриевна дружила с сотрудницей Михаила Люсей Хомутовой, а потому во всех подробностях представляла, как и почему его стараются выставить из института. Со своей стороны она через Люсю обещала ему устроить поддержку в прессе через знакомых журналистов, если он продолжит борьбу за свое пребывание в институте – как-никак началась перестройка. Развернув компанию в прессе, глядишь, можно будет и Пестерева скинуть с кресла. Но Михаил в это не верил – не верил, чтобы система, которая в административном смысле не только не рухнула, но даже в кадровом отношении ничуть не изменилась, не могла не защищать себя, то есть свои кадры. Он поблагодарил, опять-таки через Люсю, искреннюю и честную Елену Онуфриевну, столь непохожую на Болденко, который, как выяснилось, приходился ей двоюродным братом.

Маргулис в гостях у Турган никак не мог успокоиться в связи с изгнанием Горского, к которому только что сам обдуманно приложил руку. Ему совсем не хотелось проявлять нелояльность к директору – ведь в том, что Картошкин, обратившись за помощью в органы, которые и делегировали его в институт, поименно выявит всех проголосовавших в пользу Горского, он не сомневался. Однако что-то скребло изнутри его вполне привыкшую действовать по системным правилам душу. Он и вправду уважал Горского за небанальные мысли, за умение находить выход из нестандартных ситуаций, за книгу, наконец, из которой сам извлек для себя много ценного. И этот раздрай между долгом по службе и внутренней убежденностью, что прав именно Горский, а не хозяева института, вынудил его искать утешение ли, успокоение ли, прощение ли у Елены Онуфриевны, хотя по своему характеру она априори не была способна ни прощать, ни оправдывать поступки, подобные тем, который не далее, как пару часов назад совершил Маргулис. Михаилу казалось странным, чего же он теперь – то начал беспокоиться? Дело сделано. Сделать его иначе Маргулис органически не мог. И если совесть по свежим следам еще будоражила его, то это должно было скоро благополучно закончиться. Сам Маргулис обязан был это знать. Для этого только и требовалось, что оглянуться в прошлое свое и страны. А там можно было узреть только одно – и он, и остальные уцелевшие, всегда двигались так, как предписывал им сте-

реотип, и на кой бы черт ему было действовать иначе? А любованье или восхищение теми, кто вел себя иначе, но только тогда, когда тебе за твое любованье ничто не грозит, похвально, но стоит не очень дорого. Впрочем, пример храбрцов, отважных безумцев или вовсе идеалистов-новичков, не ведающих, что творят, очень редко становился предметом для подражания во все времена. На массовые исключения из этого правила указал научным и общественным кругам сын великих поэтов Ахматовой и Гумилева гениальный философ – историк Лев Николаевич Гумилев. Только когда пассионарность овладевает каким-нибудь этносом, а он заражает ею другие народы, подвергшиеся его воздействию (чаще всего истребительно-завоевательному), некое страстное устремление к определенной цели преодолевает в людях их биологические, гражданские и социальные страхи, и тогда они становятся такими же смелыми, инициативными и раскрепощенными в своих основных жизненных проявлениях, как и их вожди, задавшие вектор устремлений и строжайшую дисциплину единомыслия – единодействия ради достижения прежде немислимых амбициозных затей.

Но время пассионарности в СССР благодаря немолчной пропаганде и очевидному лицемерному ханжеству коммунистических правителей прошло – в огонь страсти социальной революции было брошено слишком много дров, которых и наломали-то больше среди своих, чем среди чужих. Костер любви к абстрактной идее торжества всеобщего ра-

венства и благоденствия людей (в рамках марксовско-энгельсовско-ленинско-сталинских представлений, разумеется) стало нечем топить – причем в буквальном смысле, начиная с желудков граждан. Состояние разоренности, прогрессирующей год от года, несмотря на ядерно-космические успехи, давно уже не могло поддерживать пламя народной страсти, тем более, что с некоторых пор стало ясно, что все-народную пассионарность ничем, кроме трупов увлеченных или одураченных людей не удастся сопроводить. И теперь героями становились редкие индивиды-рядовые или лейтенанты типа Алексея Очкина, а майорами, генерал-майорами, даже маршалами уже можно было становиться и без особой личной храбрости, да и без впечатляющего ума тоже, предлагая взамен них бессовестно неукоснительное подчинение любой воле начальства и интриганство по отношению ко всем остальным.

В каком настроении Маргулис ушел от Елены Онуфриевны, осталось неизвестным. Впрочем, Михаила заботили совсем другие дела. Предстояло начинать какую-то работу с нуля среди людей, из которых он знал, кроме Вайсфельда, только Мишу Берлинского, который прежде работал в отделе Феодосьева и показал себя хорошим специалистом, да и хорошим человеком тоже. Прежде чем уйти из института, Берлинский подал заявление на выезд в Израиль, в связи с этим подвергся обязательный унижающей процедуре осуждения в «родном коллективе», потом, однако, передумал (кажется,

из-за родителей, не хотевших уезжать) и взял свое заявление обратно. Но с клеймом полуизменника Родине ему было трудно оставаться на прежнем месте, как, впрочем и устроиться на новом – ведь клеймо кочевало вместе с человеком, однако во ВНИИПИ его взяли как раз в отдел Мусина, где он мог чувствовать себя среди своих. Григорий Саулович собрал под своим крылом полдюжины действительно сильных разработчиков, способных самостоятельно и инициативно вести за собой остальных сотрудников отдела. Михаил Горский пришелся там ко двору не только как работник нужного плана – он еще и не портил по существу кровный состав элиты отдела, будучи евреем по матери, но русским по отцу и по паспорту – что было очень полезно для обороны от обвинений в том, что у Мусина собралась «целая синагога».

Сколько-нибудь заметным религиозным рвением в области иудаизма люди, образовавшие «синагогу», не отличались, зато работали очень эффективно, и основная тяжесть работ по созданию автоматизированных систем по обработке и подготовке к изданию патентной информации легла на их плечи, хотя в этом же институте имелся и более многолюдный отдел практически с теми же задачами, но там дело шло как-то туго, а в отделе Мусина куда более споро, а главное – успешно. Из этого обстоятельства Михаил сделал вывод, что Мусин не просто любит евреев потому, как сам еврей, несмотря на свою предельно русскую фамилию, а, что еще гораздо важнее, умеет хорошо в них разбираться –

кто из них с хорошими мозгами, а кто – нет, и последние его не интересовали, пусть они себе и будут евреями из евреев. Короче, таких «образчиков», как Лернер, Берлин и Фишер из отдела классификации технической документации, которые в ходе спешного набора кадров достались Михаилу в институте Беланова (с одним – единственным способным Фельдманом) у Мусина в подчинении, Слава Богу, не было. Конечно, все сотрудники Григория Сауловича по своим личностным качествам весьма сильно отличались друг от друга, но работали с пользой для дела абсолютно все.

Григорий Саулович был крупным мужчиной высокого роста, подвижным, с открытым лицом и светлыми волосами. По его высказываниям чувствовалось, что в деталях создаваемых систем он разбирался не всегда как ас, но он с живым интересом выпрашивал о тонкостях своих сотрудников и, если надо было, просил объяснить ему более просто – «помонтерски» – как любил повторять он сам. В целом он имел в своей собственной голове достаточный запас представлений о деле, чтобы правильно определять, куда его вести. У него был достаточный запас искренней доброжелательности, чтобы большинство людей сами располагались к нему с уважением и симпатией.

Его главным советником во всех делах, действительным генератором идей и нововведений был его «заместитель по науке» Сергей Яковлевич Великовский. О том, что это человек со сложным и труднопереносимым характером, пре-

дупредил Михаила еще Саша Вайсфельд. По его словам, никто из интеллектуалов отдела не хотел сидеть с ним в одной комнате. Тем не менее, у Сергея Яковлевича было два рабочих места – одно в кабинете Мусина, другое – в его собственном, где уже находился не так давно поступивший на работу Борис Львович Румшиский, невысокий человек с лохматой шевелюрой и умным лицом. В эту же комнату попал и Михаил. Сергей Яковлевич, по всей вероятности, хотел поближе познакомиться с ним, чтобы составить собственное представление о новом сотруднике.

С этими двумя людьми – Великовским и Румшиским – Михаил и проводил большую часть своего времени на работе. Непосредственно с Мусиным он контактировал не очень часто. Зато Великовский, несмотря на то, что он делал множество разных дел, говорил с ним о деле – и не только – достаточно охотно и часто.

Сергей Яковлевич, видимо, был евреем только по отцу, заслуженному армейскому полковнику, и амбициозен он был совершенно иначе, чем Мусин. Тот хотел идти в ногу с прогрессом – и действительно шел, в то время как Верховский стремился возглавлять его. И если Мусин хотел преуспевать в делах для того, чтобы хорошо жила его семья и он сам, то Сергей Яковлевич Великовский вел себя так, будто главным в его жизни было служебное дело, потому как семейным человеком он по какой-то причине себя не представлял. Жил он вместе с родителями, мама, по его словам, сокрушалась,

что он уже в приличных годах – где-то на пятом десятке – все еще не женат, и со своей стороны она старалась познакомиться его с подходящими женщинами, а вот это всегда оборачивалось неудобными положениями и для него, и для маминой протее. Чтобы Михаил правильно понимал, что дело не в банальной причине, по какой мужчинам свойственно избегать женщин, Сергей Яковлевич, не входя в подробности, сказал, что с этим-то у него все в порядке, но бросать якорь в единственной гавани его совершенно не тянуло, и вот как раз о причине этого Великовский ничего не говорил. Михаил со своей стороны не проявлял особого любопытства, хотя и не прочь был бы знать: странности стимулируют любознательность, а ситуация, в которой у мужчины, у кого «с этим все в порядке», как будто бы не обязывает его дистанцироваться от дам – ведь и внешне Сергей Яковлевич был человек хоть куда – крепкий, ладный, стремительный, с волевым выразительным лицом и внимательными обычно холодными глазами, а уже внутренним содержанием мог удовлетворить любого интеллектуала или интеллектуалку. Его живой ум изобиловал знаниями и алчно поглощал новые – дополнительные – из книг, из разговоров с коллегами, из телевизионных передач – словом из любых источников, к которым мог припасть либо специально, либо по случаю – просто проходя мимо чего-то, показавшегося любопытным. Но даже и это не выглядело главной страстью Великовского.

Его поглощало стремление быть вечно первым среди са-

мых деятельных людей – по крайней мере, в институте. Надо было быть очень способным человеком, чтобы справляться с тем, что он брал на себя. Число работ прирастало год от года. Сергей Яковлевич брался за них и выполнял. Как организатор, как исполнитель, как внедритель, как лицо, сопровождающее систему в режиме эксплуатации. Его хватало на все, кроме как на собственную личную жизнь. Зачем ему было вести себя так, как вступившему в столь же явно закатную полосу жизни, в какой Михаил наблюдал заместителя главного инженера Мытищинского завода электросчетчиков Товстоногова, бывшего зам. министра, бывшего семьянина, искавшего себя в единении с производством, внутри которого дневал и ночевал? Великовский слишком рано заболел подобной болезнью. Но он не мог остановиться и постоянно работал на износ. Выдерживать такое год за годом было вряд ли возможно, и Сергей Яковлевич действительно доработался до того, что порой еле-еле удерживался от крика из-за боли в животе, а Михаил из уважения к его мужеству удерживал себя от выражения беспокойства по поводу его здоровья. Но Мусину он все-таки сказал, до какого состояния довел себя Великовский и попросил его что-то сделать, чтобы унять самоистребительный пыл, достойный все же лучшего применения, чем в сфере работы по найму. Михаил не мог себе представить, что, занимаясь важными, достойными и нужными, но всего лишь преходящими и текущими делами, человек способен удовлетворять свое

стремление сделать нечто протягивающее цепочку его следов в вечность. В конце-то концов, считать, что есть, пить, размножаться и заниматься многими другими делами ради добывания пищи, питья и размножения и есть смысл жизни на этой Земле, ему тоже казалось в каком-то смысле просто диким. Суть Божественного Творения не могла сводиться только к примитиву и стереотипу. Все люди обязаны были искать подоплеку материального процесса бытия – причем каждый сам для себя в первую очередь, но если ты делаешь какие-то системы автоматизированной обработки информации, о которых перестанут вспоминать через пять – десять лет в связи с прогрессом, определяемым мыслительным трудом других людей, ты вряд ли ощутишь проникновение в вечность, даже легкое прикосновение к ней. А в таком человеке как Великовский было слишком много энергии и творческих способностей, чтобы не жалеть о том, что он посвящает их только тому, что он делает на работе, ибо след его пребывания на ней скоро сотрется сам по себе.

Сергей Яковлевич по образованию был филологом. Михаил даже удивился, узнав об этом. Он успешно занимался программированием и проявлял себя в высшей степени грамотным системотехником, а это было весьма нехарактерно для лиц с филологическим образованием. Более того, он защитил кандидатскую диссертацию, как выяснилось, на кафедре, которую основал для себя в МГУ доцент Валов с помощью провозглашенной им на семинаре у Влэдуца так на-

зываемый «информационной лингвистики». – Великовский оказался единственным человеком с этой кафедры из тех, кого знал Михаил, в чьих трудах не было даже следов халтуры. И это отличало его от других «питомцев» данной кафедры едва ли не больше всего остального. И хотя он был очень самолюбив, в нем не чувствовалось сверхмерного честолюбия, присущего многим халтурщикам, которые доказывают свою правоспособность состоять при науке в первую очередь за счет обладания учеными степенями и званиями. Сергею Яковлевичу было много важнее кем-то быть на самом деле, чем казаться. Видимо, процесс самоутверждения себя в собственных глазах еще со школьных времен проходил внутри него очень негладко. Дисциплинирующее воздействие отца – полковника могло быть очень жестким по духу. Скорей всего, обычные мальчишеские вольности сына полковник считал проявлениями слабости духа, а самолюбивый Сергей вынужден был доказывать, что прямолинейно мыслящий отец ошибается и что сила духа у него достаточная для чего угодно. Михаил не видел иных причин, по которым после школы Великовский пошел служить в пограничные войска, стал там высококлассным радистом, заслужившим на учениях благодарность министра обороны. Полковнику стало не в чем упрекать сына – сержанта. Лишь после этого Сергей Яковлевич пошел в науку, вероятно, она давалась ему легко – во всяком случае, легче, чем многим. Но то, что он умел делать лучше других, побуждало его не столько к росту

самоуверенности в собственной душе, сколько к потребности постоянно доказывать это окружающим на практике.

В отличие от Мусина, Великовский не выглядел жизнерадостным человеком, да и не был им по существу. Григорий Саулович не хуже Сергея Яковлевича знал, в какой стране ему выпало родиться и жить, однако это не мешало ему с радостью, а порой и с восторгом стремиться к тому, что способно было сделать жизнь приемлемой, интересней, насыщенной с точки зрения жизнеутверждающего начала, заложенного в каждого человека помимо его воли. Он ценил друзей, и они у него были. Он любил женщин и знал счастье взаимности в этом высшем из чувств. В более молодые годы он ходил в спортивные походы, где научился переносить сверхмерную тяжесть рюкзака при прохождении безлюдных мест с диким рельефом ради их красоты. Он зарабатывал деньги и тратил их с толком, чтобы ему с семьей было комфортно жить. Безалаберного отношения к серьезным вещам Григорий Саулович никогда не терпел, но и скардным не сделался. Деньги заслуживали уважения в его глазах, однако он не позволял им брать верх над куда более ценными вещами, особенно теми, какие не купишь за деньги – будь то здоровье, искренность, симпатия, верность, счастье, любовь. Словом, Мусин был во всех отношениях красиво нормален, поскольку он жил так, как большей части человечества хотелось бы жить.

Сергей Яковлевич был иным. Главный вектор движущих

его сил лишь в малой степени уравновешивался гедонистскими устремлениями – такими как отдых на курорте, возможно – с необременительным романом, как постоянное использование такси, лишь бы не ездить в перегруженном метро (это удовольствие стоило ему весьма значительной части зарплаты). А так – что он видел в жизни кроме кипящей суеты на работе, быстро испаряющегося удовлетворения от сданных в эксплуатацию программ и систем? Такие вещи вряд ли стоили той степени посвящения, которую вынужденно или добровольно отводил им Великовский – как ни странно, весьма критично настроенный к себе человек. Это выяснилось не сразу, а потом – когда Сергей Яковлевич стал рассказывать Михаилу разные случаи из своей жизни, явно желая узнать, что думает коллега по поводу его нравственного и мыслительного выбора. Все свидетельствовало о симпатии и необычном доверии, которое появилось у него к Михаилу, хотя это тоже явно не входило в его нормальный житейский обиход. И в самом деле, кроме Мусина, Великовскому некому было доверять, но и Григорий Саулович не был ему совсем уж душевно близок. Горский оказался более подходящим конфидентом, почти духовником. Как такое стало возможным, Михаил и сам до конца не понимал.

Действительно, остальные члены интеллектуальной элиты отдела подчеркнуто дистанцировались от Великовского. Это было особенно заметно по поведению Венина, заведующего второй лабораторией в отделе Мусина. Арнольд Се-

менович Венин был не менее самолюбив, чем Великовский, но по честолюбию явно превосходил последнего. Венин был настолько переполнен сознанием собственного превосходства над всеми коллегами, что оно не помещалось внутри него и вылезало наружу. Да, он был вполне компетентен и по образованию – как математик, и по роду работы – как программист. Ему тоже было присуще стремление к лидерству, но, судя по поведению, в его сознании была размыта грань между двумя принципиально различными способами самоутверждения в первенстве: один из этих двух способов заключался в том, чтобы все делать для захвата лидирующих позиций самому, без оглядки на действия конкурентов, другой предусматривал еще и превентивное умаление заслуг противника, некую как будто бы объективную компрометацию, используя для этого даже самые слабые доказательства и мельчайшие формальные основания.

У Великовского главной отталкивающей чертой характера была одиозная уверенность в том, что все в человеке должно быть посвящено делу, которым он занят, а остальное не так уж важно. Тем не менее, к нему можно было почувствовать и сострадание, и симпатию, а к Венину – нет. Арнольд Семенович вкупе с двумя помощниками, вряд ли уступающими ему в профессиональном отношении, представлял собой силу, с которой, возможно и не без некоторого самопреодоления, вынужден был считаться Мусин даже в тех случаях, когда Великовский выступал против, имея

для этого серьезные мотивы. Оба Венинских коллеги были неплохо знакомы Михаилу, хотя Вайсфельда он знал не просто так – в приглядку, но и как бывший непосредственный начальник, то есть подробнее, чем Берлинского, с которым, правда, ходил вместе в один майский поход, и поэтому знал о нем несколько больше, чем совсем сторонний наблюдатель.

Саша, Александр Михайлович, с самого начала их знакомства вызывал у Михаила одновременно и достаточно определенную отчужденность, и достаточно явный интерес. В нем, в его натуре, плотно сплелись два человека: холодный любопытный наблюдатель поведения других людей в разных ситуациях, и лицо, наделенное аналитическими и творческими способностями, которое как будто искало для себя область серьезного самовложения в созидательную сферу – прежде всего для собственной души, но, как казалось Михаилу, так и не нашло. Саша был хорошим математиком, пожалуй, даже очень хорошим. Учение на мехмате МГУ давалось ему легко, может быть, даже легче, чем многочисленные романы, потому что каждая отдельно взятая женщина, с которой он сближался, въезжала в него сильнее, чем он в нее. Для кого-то из этих женщин прекращение связи с Сашей значило не очень много, для других это становилось драмой, тогда как для него это было всего лишь эпизодом получения острых удовольствий, но еще больше – способом обогащения опыта обращения с существами, созданными для услаждения мужчин, законно претендующих на неот-

разимость. Он все накапливал и накапливал этот опыт, даже будучи женатым по любви. Что Михаилу совершенно не нравилось в Саше, так это то, что он не желал держать язык за зубами и мог откровенничать насчет своих сексуальных подвигов и наблюдений даже с не очень близко знакомыми людьми, к числу которых Михаил с полным правом относил и себя. Платить таким образом женщинам, искренне отдававшимся ему, было и вовсе недостойно. Но он спокойно, как шмель, перепархивал с цветка на цветок, исполнив обряд оплодотворения в том или ином стиле, в каком побуждало его к этому любопытство и занимательность, не испытывая при этом никаких сожалений от расставания – цветков вон сколько! Целое поле! – а он такой всего лишь один – единственный, с чьими интересами и устремлениями ему надо считаться. Другие мужчины тоже имели право вести себя так же, как он – это пожалуйста, но о них, как о партнерах тех женщин, с которыми у него была связь, ему совершенно не было надобности заботиться – так же, как и об интересах самих женщин, которых он успел было осчастливить. Бонвиванская жизнь настолько вовлекла его в себя почти со всеми потрохами, что не только его друзья, но даже насмешливо относящиеся к нему сотрудницы считали его поведение естественным следствием его духовного устройства – пусть небеспорочного, но истинного и непритворного, как вдруг, уже год или даже больше проработав буквально бок о бок рядом с Ламарой Ефремовой, он вдруг открыл на нее глаза

и неожиданно для самого себя заболел настоящей любовью – со страданиями, с перенесением неудобств и даже унижений ради сохранения высокого чувства высшей привязанности, с не столь уж частыми случаями получения радости, тем более – блаженства. Завоевать Ламару оказалось непросто. Во-первых, потому что она видела и слышала, как Сашка Вайсфельд обращается с женщинами. Во-вторых, потому что она была требовательной дамой, причем требовательной сразу в нескольких разных аспектах: за ней должны активно и красиво ухаживать; серьезный претендент на ее руку и сердце должен был убедить ее, что сумеет обеспечить ей достойный образ жизни; наконец, она должна была получить убедительные доказательства того, что ухажер не просто пытается достичь победы над женщиной любой ценой, не ограничивая себя ради этого в расходах, а действительно желает жениться и все свое достояние готов сложить к ее ногам.

Саша, привыкший одерживать победы одним кавалерийским наскоком, понял, что старая тактика ему не поможет, и вынужден был принять стратегическое решение совсем иного рода: взять требования Ламары за основу и последовательно доказывать ей, что он вполне способен соответствовать им и соответствует им на самом деле, потому что он любит ее, возможно – до умопомрачения. Вот это уже могло заинтересовать Ламару, да и сам Вайсфельд был молод, умен, спортивен и хорош. В общем, попробовать стоило.

Походный опыт был у него достаточно большой. Несмотря

на то, что Ламару данное качество почти никак не интересовало, Михаил считал его достаточно важным для характеристики личности. Еще в студенческие годы Саша Вайсфельд не только ходил в спортивные походы, но и нанимался в геологические экспедиции. Это расширяло его жизненный опыт благодаря встречам с самыми разными людьми: охотниками, шкиперами речных судов, инженерами, рабочими из уголовников и многоопытными бомжами и бичами. Саша рассказывал, как в Бирюсинской тайге его и охотника – проводника атаковала росомаха, которую удалось уложить выстрелами лишь в нескольких шагах от людей. О такой неспровоцированной агрессивности этого хищника из отряда кунных, правда, величиной с небольшого медведя и не менее сильного, Михаил еще не слышал. Вайсфельд не раз попадал в рискованные ситуации, но ухитрялся благополучно выбираться из них. У него было своеобразное чувство юмора – чем жестче складывалась ситуация, тем с большей иронией (и самоиронией тоже) он описывал ее развитие, хотя сам при этом и не смеялся. Ему нравилось испытывать людей, особенно если это ничем ему не угрожало. Михаил вспомнил, как однажды оказался вдвоем с Сашей на разгрузке капусты на овощной базе. Вайсфельд брал в руки кочан и как бы невзначай неточно бросал его партнеру, будто тренировал реакцию и хватку футбольного вратаря. Михаил мог пресечь это безобразие и окриком, и ироничным замечанием, однако предпочел использовать вынужденное пребы-

вание на овощегноилище в качестве физкультурной тренировки. Возможно, Саша считал это своей победой над собственным начальником, безнаказанной издевкой, с которой тот ничего не мог поделать. На самом деле мог, но захотел узнать, насколько далеко способен был зайти в своей наглости сотрудник, молодой, здоровый, почти годящийся Михаилу в сыновья. Позднее он узнал, что подобное испытание Саша устроил и более пожилому человеку – бывшему сослуживцу своего отца и тоже полковнику, прошедшему всю войну и теперь работавшему в институте – Вострецову. Это уже совсем нехорошо пахло, хотя к полковнику Михаил и сам относился с обоснованной неприязнью, особенно когда он активно подыгрывал Плешакову и Климову по делу напившихся на дежурстве дружинников Прилепина и Паши.

Однако оба эти случая произошли еще в прежнем институте во времена директорства Панферова. С тех пор либо Саша повзрослел, либо в борьбе за обладание Ламарой он, как говорили в Одессе герои Бабеля, «оставил этих глупостей», либо произошло и то и другое вместе. Вожделенного обладания дамой сердца он добился – в этом ни у кого из отдела не оставалось ни малейших сомнений, но обладание ею лишь в течение одного библиотечного дня в неделю никак не могло удовлетворить дон Жуана, внезапно превратившегося в однолюба. Ламара не хотела разводиться со своим мужем по причинам, о которых никто ничего толком не знал. Она была трезво мыслящим человеком, и спонтан-

ных порывов от нее в пользу любимого нечего было ожидать. Саша не просто позаботился о том, чтобы освободиться от своих семейных уз, подав в суд заявление о разводе, но и достаточно грубо, бесцеремонно пресек попытку жены и женщины – судьи отложить решение на год. Прежний брак уже невыносимо тяготил его. Скорей всего, Саша полагал, что прежде, чем он разведется, Ламара не будет верить в серьезность его брачных предложений, однако и состоявшийся развод не приблизил его к вожденной цели. Тут уж недоумевал не только сам Саша, но и окружающие. Все знали, что Саша хорошо зарабатывает репетиторством, успешно готовя будущих абитуриентов к вступительным экзаменам в институты по математике. И хотя муж Ламары помимо зарплаты в институте получал гонорары за дизайнерские работы еще в разных местах, Сашины финансовые возможности превосходили по величине доходы ее мужа, тем более, что Саша тратил деньги на прихоти Ламары с куда большей готовностью, нежели муж. И, тем не менее, Ламара не только не находила настойчивые Сашины брачные предложения приемлемыми для себя, но и изо всех сил старалась показывать, что между ней и Сашей «ничего нет». Это было бы смешно, если бы не было очень странно, а для Вайсфельда еще и очень больно, но Ламара «железно» держалась принципов конспирации, хотя последняя была до бессмысленности бесполезна. Одна из сотрудниц в отсутствие Ламары призналась, что, когда она назвала Сашу ее любовником,

та, несмотря на воспитанность, просто вцепилась «за грудки» мнимой оскорбительницы своей чести, так что та даже усомнилась, правы ли все, считая ее и Сашу любовниками. Михаил, однако, по этому поводу заметил, что на данной почве другие цветы не произрастают. И Нора Бернара сходу подхватила его слова: «Ты слышала? – и затем своим хорошо поставленным певческим голосом продолжила, придавая им особую назидательность. – На этой почве другие цветы не про-из-рас-та-ют!» Но эта сцена произошла еще во времена правления Болденко, а теперь они работали уже в другом институте, где директорствовал воистину образованный и культурный человек Борис Сергеевич Розов – брат известного драматурга и сценариста. Взяв Горского на работу, Мусин и Великовский вскоре услышали от него, как он предполагает усовершенствовать языковое обеспечение для поиска патентной информации, убедили Розова создать целую группу во главе с Михаилом в числе трех человек. Михаил попытался было выторговать не три, а пять вакансий, но из этого ничего не вышло. Выбирать из пяти кандидатур три он представил отдельской администрации, поскольку у него самого не поднималась рука забраковать кого-либо из своих самых преданных сотрудниц по прошлой работе. Саша Вайсфельд предпринял энергичные меры к тому, чтобы среди принятых в новый институт обязательно оказалась Ламара. До ушей Михаила даже дошел слух, что она пообещала Саше выйти за него замуж в случае, если она поступит в группу Михаила

Николаевича. Это было довольно удивительно, если Ламара действительно была готова изменить свою позицию по отношению к Саше ради возвращения под начало Горского. Но спустя пару лет выяснилось, что Ламара выполнила свое обещание, которое действительно было ею дано. Одна из сотрудниц сообщила Михаилу, что сама видела штамп о браке с Вайсфельдом в ее паспорте. И все же Михаил полагал, что желание Ламары продолжить работу под его началом было лишь последней каплей в чаше, налитой до краев жгучим желанием Саши и доведенной до уровня выпуклого мениска неудовольствием Ламары от пребывания в отделе Феодосьева, куда ее с Наташей Меркуловой-Седовой перевели после ликвидации отдела Горского. Эти две дамы признались, что пока не попали туда, думали, что все начальники примерно одинаковы как руководители, если не как люди.

Но Феодосьев помог им понять различия между собой и Михаилом. В другое время это могло бы польстить ему, но сейчас на новом месте было уже все равно. Даже дурные сны когда-то проходят. Другое дело, их последствия продолжали ощущаться достаточно долго. Михаил заранее приготовил себя к столкновению с «эффектом сдавливания», который приходилось учитывать спасателям после извлечения пострадавших от землетрясения из развалин – их телесные органы, пережатые обломками, избавившись от давления, требовали немедленной тугой перебинтовки – иначе наступала смерть. У Михаила, как он и ожидал, проявилось нечто

в том же роде, но только не с телом, а с психикой. Нужно было не расслабляться, держать под контролем каждый свой шаг, как будто ему все еще приходилось то уходить, то отбиваться от преследования, как это продолжалось в течение последних трех с лишним лет. Он искусственно держал себя в напряжении, лишь постепенно ослабляя его, хотя вокруг себя Михаил видел, как правило, дружелюбно настроенных к нему людей, а о гонениях и преследованиях вообще не могло быть и речи. И психика восприняла этот вид самолечения как полезный и действительно исцеляющий. Но спустя месяц – полтора надобность в этом предохранительном, оберегающем напряжении отпала. Можно было начинать нормальную трудовую жизнь. И он начал.

Основным средством тематического поиска патентных документов была международная классификация изобретений – МКИ. Даже беглое знакомство позволяло увидеть ее достоинства и недостатки. К достоинствам безусловно относилось ее международное распространение. К недостаткам – слишком уж частое нарушение принципов иерархии, когда об одном и том же предмете говорилось сразу во многих рубриках разных разделов. Это, правда, несколько компенсировалось наличием алфавитно-предметного указателя к МКИ, но далеко не достаточно. Тем более, что на поиске должна была отрицательно сказываться еще одна особенность МКИ – большая часть ее нижних рубрик содержала не наименования конкретных предметов, а имена классов,

к которым их можно было бы отнести предметы изобретений либо по назначению, либо по принципу действия, либо по какому-то признаку еще. Для улучшения качества поиска тут прямо сама собой напрашивалась мысль о дополнении каждой из основных частей («разделов») МКИ тезаурусом, содержащим дескрипторы и их синонимы, от каждого из которых в нем имелись бы ссылки на индексы всех тех рубрик МКИ, к которым они относятся по логике вещей. Эта задача облегчалась тем, что некоторая часть синонимов наименований, встречавшихся в рубриках, уже присутствовала в алфавитно-предметном указателе.

Михаил рассказал о своем предложении Мусину и Великовскому, те одобрили, и именно под этот проект были приняты в группу Михаила Ламара, Наташа и Миля.

Венин сразу отнесся со скепсисом к работе по созданию тезаурусов. Как и большинству программистов, ему казалось, что достаточно сделать хорошее программное обеспечение для поиска, как будут решены все проблемы, хотя, как уже многократно случалось на практике, проблемы после этого только начинались – в ответ на запросы абонентов автоматизированные поисковые системы выдавали столько документов, многие из которых не относились к делу (не были «релевантными»), что пользователь захлебывался, пытаясь просмотреть все, что было в выдаче. Управлять же объемами выдачи, полнотой и точностью поиска на системной основе без тезаурусов было нечем. Из без-

условного блага автоматизация поиска легко могла превратиться в средство искусственного отягощения пользователей системы. Но на это-то большинству программистов и было чаще всего наплевать. Исповедуя убеждение, что примат программирования незыблим вообще потому-то им занят именно он, Венин он рассматривал образование группы Горского скорее как блажь руководства отдела, если не хуже – стремление пристроить к делу человека с группой из трех человек почти без всякой пользы для отдела из соображений благотворительности. Более опытный в делах тематического поиска Вайсфельд так не считал, тем более, что теперь рядом с ним начала работать Ламара. И если другая рука Генина – Берлинский – был солидарен скорее с Вайсфельдом, чем с Вениным, последний постарался настроить против создания тезаурусов по разделам МКИ заведующего третьей лабораторией в отделе Мусина Бориса Иосифовича Гольдберга. Это был самый молодой из завлабов. В функции его лаборатории входило решение задач передачи патентной информации по каналам связи и обеспечение работы в сети ЭВМ. Никого из ранее знакомых ему людей у Михаила в этой лаборатории не было. Не обнаружилось и никакой нужды вступать с ее сотрудниками в рабочие контакты. Внешне он, конечно, познакомился со всеми. Было понятно, что и там есть умные и приятные люди, но между ними и Михаилом уже зримо обозначился и возрастной барьер, что разделяло их, пожалуй, еще сильнее, чем тематическая

изоляция.

В этом новом для Михаила деловом мире, естественно, были и женщины. Ни одна из них, насколько он мог судить, не исполняла важной сольной партии в отдельном или лабораторном оркестре, но этого и не требовалось. Мужчины на своих инструментах вели основные мелодии, женщины по мере своих возможностей и способностей вторили им, сопровождая определяющим мелодистам. Среди них были и привлекательные женщины бальзаковского возраста, и юные леди, только-только закончившие институт и попавшие сюда по распределению. Численно они не преобладали над мужской частью общества, что было довольно необычно для организаций, занятых информационными проблемами. Для Михаила никогда не существовало понятия «женщины как женщины». Конечно, они везде образовывали свой особый мир, в котором обсуждались и решались проблемы женского обихода, такие как туалеты, обувь, косметика, модные стили, сексуальные связи и любовные дела, но в каждом таком обособленном мире наряду с типовыми чертами и НАД ними существовали уникальные черты лиц, фигур и характеров представительниц лучшей части человечества, с которыми было приятно и интересно общаться даже по пустякам, не говоря уже о вещах действительно важных. К общению с ними тянуло гораздо сильнее, чем с мужчинами, которые вне сферы делового общения никогда не выглядели умнее, привлекательнее и занимательнее в сравнении с жен-

щинами. Даже там, где они не вызывали острого или жгучего сексуального интереса, женщины здесь, как и всегда, украшали собой тусклую служебную обстановку, в которой и они, и более деятельные (по видимости) мужчины проводили треть своей жизни, причем подлинный прайм-тайм, не считая коротких отрезков вечерних и утренних удовольствий, которым они могли предаваться в семейном кругу. В отделе Мусина, пожалуй, не было лишь глупышек, что впрочем, следовало считать лишь относительно важным качеством, характеризующим поведение девушки или женщины на работе с одной – единственной стороны – интересно ли ей было то, чем она занимается, или она равнодушна к этому или даже вынужденно скрывает свое фантастическое отвращение к служебным обязанностям, поскольку ум её просто дремлет или погружается целиком и полностью в тайные мечты, из-за чего казалось, будто он полностью отсутствует там, где он мог и должен был бы быть востребован. К такому типу относилась Наташа Золотова, красивая, высокая, очень молоденькая женщина – блондинка с четырехлетним сыном от первого брака на руках ее родителей – сама она была уже во втором. Наташа заканчивала вечерний институт, ухитряясь почти ничему не научиться. Курсовые работы за нее делали влюбленные мальчики, на экзаменах ей делали скидку большинство преподавателей, хотя она и не расплачивалась с ними по известному секспрейскуранту. Но при этом она оставалась вполне органично весела

и интересна не только как обладательница ударно привлекательной внешности, но и как тонкий, умный, внимательный наблюдатель, своего рода глубокий натурфилософ под маской ветреницы – пустышки, стоило лишь внимательнее приглядеться к ней. Просто до сих пор ничто в жизни не заинтересовало ее сильнее, чем перепархивание, условно говоря, с цветка на цветок в саду, где ей бы только видеть и находить побольше удовольствий, но этого-то как раз и не получалось. Не было «живинки в деле», как говорил автор Уральских сказов Павел Бажов, но это выглядело скорей Наташиным – нет, не горем, – пожалуй, лучше сказать – обойденностью, чем будто бы присущей ей интеллектуальной слабости, Венин, взявший ее на работу, явно злился на себя за это. Он оказался не в состоянии ни загрузить ее полезной работой, ни заинтересовать получением недостающих знаний, ни, вполне возможно, тем, что не мог воспользоваться ее благосклонностью за то, что он терпит ее бесполезность во всем остальном. У Михаила она вызывала к себе просто симпатию. Он давно привык к тому, что на любой работе элементарное присутствие таких женщин оказывается лучше их отсутствия, тем более, что какая-то польза от них все-таки была. В работе по найму ничто другое не могло сделать принуждение к труду более переносимым (не считая, разумеется, подлинной увлеченности выполняемой работой, как высшим призванием), чем эстетическое воздействие сотрудниц, особенно если им присущи чуткость и способность

распространять на окружающих благоуханную ауру своего существа. Конечно, Наташиному поведению неизбежно сопутствовал определенный цинизм человека, который признает свой паразитизм, но который плевать на это хочет прежде всего потому, что так устроен мир, а не потому, что она аморальна или неполноценна – себя – то она как раз оценивала по положительной части шкалы и, надо отдать ей должное, совсем не чрезмерно, что опять – таки свидетельствовало о ее уме. Венин, по-видимому, чувствовал и ее правоту, но не желал смиряться с ней, полагая свою правоту абсолютной. Михаил не верил, что Венин во всех своих мыслях и мечтах витал в сферах программирования, там должно, по-человечески просто обьязано было, находиться место и для женских образов, в том числе и в рабочее время. Если у Сергея Яковлевича получалось ввиду его фанатичного отношения к делу вытеснять мысли о женщинах на послерабочие часы, то Венин был явно не таков. Он был прагматичен в той степени, за которой царит чистый по принципу цинизм: «Хорошо и правильно то, что полезно мне. До остального мне нет дела», По своей природе такой цинизм был скорее всего хуже того, какой позволяют себе восхитительные девушки, от которых нет иной пользы, кроме той их элементарной способности вносить собой в жизнь красоту, обаяние и чувственность.

Кроме Наташи Золотовой в лаборатории у Венина работала еще одна красивая молодая женщина, брюнетка, Алла

Штурм. Какой вклад в решение институтских задач вносила она, Михаил не видел, но, видимо, ее квалификация или воспитанность или там что-то еще позволяли ей быть не только украшением лабораторного и отдельского быта. Живость ее характера была другого рода, чем у Наташи, обладательницы обаяния милого котенка, Аллу скорее можно было представить властительницей собственного салона, остроумно поддерживающей светский разговор.

Еще одной представительницей яркого женского обаяния в лаборатории Венина была Рита Широкова. Характер у нее был озорной и заводной. Она не скрывала своего расположения к Саше Вайсфельду даже при Ламаре, с которой у нее быстро возникли близкие приятельские отношения. Пожалуй, самой главной ее чертой была непринужденная откровенность: что чувствовала или знала, то и говорила. Однажды Вайсфельд затеял странный разговор. Он умозрительно, но с увлеченным холодным взглядом рассматривал ситуацию, при которой он брал бы мадам Широкову силой. Она с некоторым недоумением, но без обиды сказала ему в ответ: «Зачем меня насиловать? Я и так согласна». Ей и в голову не приходило, что Саша в своей практике проявлял наклонности сродни маркизу де-Саду, испытывая от неудобств или унижения сексуальной партнерши дополнительное или даже основное удовольствие, а вовсе не то, которое по мнению Риты должно было сопровождать нормальное соитие нормальных людей. Наверно, Саша после услы-

шанного уже не так горячо желал близости, когда женщина, даже только умозрительно избранная в жертву, по-простому, безо всяких выкрутасов с готовностью отдается мечтающему о насилии. Рита Широкова не выдавала себя за особо полезную для лаборатории сотрудницу, но кое-что по делу она выполняла, а вот Ларису Танкову она всерьез считала настоящим специалистом, да и мужчины во главе с Вениным признавали ее вклад в дело очень ценным. Как предполагал Михаил, ребята, то есть Венин, Вайсфельд и Берлинский, обычно писали программы наспех. Им некогда было обдумывать все возможные варианты интерпретации логической основы алгоритма с целью нахождения оптимума, вот эту-то часть работы брала на себя Лариса. По существу в своей лаборатории она являлась главным редактором программ.

Сергей Яковлевич Великовский был в одном лице и разработчиком и сам себе редактором. В штате его лаборатории не было человека, который был бы способен контролировать и редактировать работу шефа. Одну из программисток, Таню Бахареву, Сергей Яковлевич привел с собой с прошлой работы. Симпатичная молодая женщина, она явно не считала свою работу самым главным делом жизни. Первое, что она сделала после выхода Михаила на новую работу, это то, что она мгновенно воспользовалась его появлением для переезда в другую комнату – якобы для освобождения места для него, а на деле, чтобы избавиться от прямого контроля шефа. Она его бесспорно уважала, ценила

в нем незаурядный ум, но жить так, как он, то есть посвящая себя всю, как есть, работе даже только в рабочее время, она категорически не желала, и Михаил ее в этом не только понимал, но и одобрял. Между ним и Таней сразу сложились отношения симпатии и доверия. Именно Тане Сергей Яковлевич поручил разработать программы формирования исходной для тезауруса базы данных по МКИ и алфавитно-предметному указателю к ней. А еще их сближало родство с авиацией: Таня была дочерью командира истребительного авиационного полка, размещенного в Закавказье, в то время как Михаил был вторым отцом Маринино сына Коли, тоже летчика – истребителя, к величайшему горю матери, да и Михаила тоже, погибшего в двадцать семь лет. Кстати, Таня вышла замуж за летчика гражданской авиации. Однажды сразу после взлета ее пилот попал в катастрофу, но выжил, к летной работе стал непригоден, а потому выучился на пчеловода. Таня относилась к мужу, по всей вероятности, испытывая нормальный комплекс чувств женщины, у которой уже выросла семнадцатилетняя дочь, которой муж по-прежнему нравится, которого она ценит и уважает, но в дополнение к которому для освежения радостей собственной жизни требуется кто-то еще.

Михаил заметил, что время от времени Таня звонила ему по телефону из соседней комнаты, чтобы узнать, где сейчас Сергей Яковлевич. Удостоверившись в отсутствии Великовского, она исчезала из института. Пару раз Михаилу случи-

лось удостовериться, что она сразу отправлялась на свидание – у нее при этом был обо всем говорящий вид. Несмотря на свою заочную симпатию к пчеловоду – летчику (правильней, конечно, к вертолетчику-пчеловоду), Таня была симпатична Михаилу и этим. Милая и отзывчивая женщина безыскусственно вела ту жизнь, которая была ей по душе, и плохо от этого никому не было, разве только небольшой ущерб наносился работе, да и то лишь с точки зрения Великовского, а на деле, скорей всего, нет. Удовлетворенный человек, в том числе и женщина, больше и лучше сделают даже на работе, если испытают душевный подъем и радость после удачной интимной встречи. Вот этого-то Сергей Яковлевич как раз и не понимал, а, пожалуй, ему лучше было бы это делать, поскольку кроме Тани в его лаборатории работали еще несколько женщин, в том числе и довольно колоритные. Молодая и красивая незамужняя (уже незамужняя, как потом узнал от нее Михаил) Наталья Ивановна Смирнова могла бы казаться миниатюрной, если бы миниатюрности не была бы присуща такая прекрасная, чарующая объемность фигуры – кстати сказать, вполне стройной и ладной. Так называемые «точеные» узкие фигурки волновали гораздо меньше. У Ларисы Танковой тоже была завлекательная фигура, притом более гибкая, чем у Наташи, но Наташа выглядела пикантнее. Она была уверена в своем ударном сексуальном воздействии на мужчин и вела себя соответственно: ходила очень уверенной походкой, не глядя по сторонам и не строя

глазки, чуть что, дабы привязать к себе мужчину – они привязывались к ней и без этого. После первого замужества, скорей всего, короткого, она больше не стремилась связать себя супружескими ограничениями. Полушутя – полусерьезно Михаил спросил ее: «Красавицы Кадикса замуж не хотят?» – и Наташа просто кивнула ему в ответ.

Свобода, которую она так ценила в своей любовной практике, не мешала ей ни верить в Бога, ни еженедельно посещать храм, где она навряд ли молилась о прощении за грехи – скорее просто искала общения со Всевышним, чтобы он даровал ей новые случаи и возможности для любви. У Наташи был хороший художественный вкус – природный или развитый ее тетей – скульптором – Михаил не знал, да это и не было важно. С ней можно было обсуждать и вполне серьезные темы, и тут она тоже оказывалась на высоте, не оправдывая ожиданий встретить в своем лице только поверхностную завоевательницу – кокетку. Короче, она могла заинтересовать собой буквально с любой стороны, но чаще ее удовлетворяло всего лишь одностороннее самопроявление. А зачем ей было бы больше? И так все срабатывало отлично. Пускаться во все тяжкие не было никакой необходимости. И все остальное, чем она могла прельстить к себе, оказывалось законсервированным в резерве, очевидно, на случай, когда ей захочется намертво приковать мужчину к себе, особенно если он сначала артачится. Чем она занималась на работе, Михаил не знал, да в этом и не было никакой

необходимости. А так – она позволяла себе незло иронизировать над Сергеем Яковлевичем, над его якобы равнодушием к женщинам на работе и даже над его «упитанностью», на самом деле вовсе не чрезмерной (Великовский был просто «плотного» сложения, а гурманом не являлся определенно).

Татьяна Степановна Семенова-Таншанская являлась единственной, кого Михаил немного знал до поступления в институт патентной информации. Она была близкой приятельницей Люси Хомутовой. Люся и познакомила их. Татьяна Степановна действительно имела отношение к знаменитой семье великого географа, графа, одного из богатейших людей России, обладателя семнадцати имений в разных частях империи. Танин муж, геолог, приходился правнуком Петру Петровичу, заслужившему почетную прибавку к родовому имени от названия горной страны, открытой для Запада именно им. Таню делал заметной не только ее высокий рост, красивое телосложение, но и умное, с несколько замкнутым выражением лицо. Она и впрямь обладала умом, который выделял ее из других сотрудниц. Великовский полагался на нее больше, чем на многих других. Однако познакомиться с нею ближе Михаила не тянуло.

По-настоящему глубоко знала все относящиеся к информационному поиску и его языковому обеспечению из числа сотрудников отдела Мусина только Алина Андреевна Протасова. Михаил «усек» это сам еще до того, как выяснил,

чем она действительно занималась. Но познакомиться поближе им довелось не скоро.

Зато с кем нельзя было не познакомиться в самые кратчайшие сроки, была Яна Долина, чуть излишне полноватая женщина, говорливая, памятьливая и остроумная, она сильно напоминала Михаилу его бывшую сотрудницу Нору Кирьянову, которую весь отдел вслед за ним называл Норой Бернарой. Яна имела двух детей, причем старший сын уже окончил школу и увлекался не то джазовой, не то поп-музыкой. Так же, как и Нора, Яна была великолепной артисткой, способной голосом и мимикой серьезно или иронично воспроизводить любую ситуацию. Надо думать, она была мила и очаровательна всего несколько лет назад, но что-то в ее внешности было уже безвозвратно потеряно, а может быть, не только во внешности, но и внутри. Она вплотную подошла к порогу, за которым ее прошлая жизнь, посвященная в основном детям, грозила потерять смысл, тогда как другого смысла она пока не находила. А жаль. Она могла бы стать не только артистическим украшением на работе, но и кем-то еще, вот только необдуманно все это упустила, хотя работала еще с самым опальным Гельфандом, пусть и на мало-значущих ролях.

В лаборатории Гольдберга, самой малочисленной в отделе, работали всего две женщины – Женя Лунц и Зина, фамилию которой Михаил так и не выяснил. Женя была той, кого называют интересной женщиной: живой, умной, актив-

ной и притом довольно красивой. Зина, постарше возрастом, казалась скромней и застенчивей. Редкие разговоры с ней как будто свидетельствовали о том, что Михаил нравится ей. Возможно, ей действительно хотелось пробудить в нем интерес к себе, но она не желала действовать с откровенностью, принятой среди нового поколения, к которому она уже не принадлежала. Но встречная симпатия была всем, что он мог дать ей в ответ. А Женя уже готовилась стать женой Бориса Гольдберга. Был ли это у нее первый брак, выглядело сомнительно. Такая женщина в силу переполняющей ее энергии старается узнать и получить от жизни все, что хочется, раньше других. Так оно и оказалось. Но все это тоже шло мимо Михаила. Знакомства с новыми женщинами носили для него характер приятного аккомпанемента во время длительного и в общем-то тягостного пребывания на работе. Основной его интерес был совсем в другом, хотя он достаточно интенсивно занимался тем, что они с Сергеем Яковлевичем называли «Справочником МКИ» – базой данных всего массива лексических единиц и индексов этой классификации. Судя по всему, эта затея вызвала в институте интерес. В МКИ и прежде пытались «влезть» с различными новациями ради повышения эффективности работы с ней со стороны внешних пользователей, в том числе и за счет ввода ее состава в машинную память и обращения к ней через компьютер. Однако это никак не удавалось осуществить должным образом. Единственное, чего достигли прежние авто-

ры затей, было машинное издание МКИ. Остальное зависло в воздухе. Поэтому на заседание секции научно-технического совета, где Михаил Горский выступал с докладом о путях совершенствования доступа к МКИ и о разработке тезаурусов по отраслевым разделам МКИ, пришло много народу не только из-за интереса к делу, но и просто для того, чтобы взглянуть, что за зверь этот Горский. Михаил чувствовал, что Мусин и Великовский предложили ему своего рода публичное испытание – как бы хорошо они к нему ни относились, но в деле-то они его еще ни разу не видели, довольствуясь только слухами, а им, конечно, следовало убедиться, что слухи не врут. С задачей подтвердить свое реноме, забывшее в институт поперед его появления, Михаил справился. С ним даже начали здороваться при встречах в коридорах некоторые люди, которых он не знал. У Сергея Яковлевича явно отлегло на сердце. Дальнейший путь для работ был открыт.

Михаил и его сотрудницы Ламара, Наташа и Миля в ходе предварительных исследований установили, что в МКИ преобладают «атерминологические» рубрики (то есть рубрики, в которых описываются общеродовые свойства относимых к ним предметов) над «терминологическими», то есть теми, где относимые к ним предметы назывались по именам) в соотношении 57 % на 43 % в пользу первых. Это подкрепляло идею о необходимости или, по меньшей мере, целесообразности разработки тезаурусов по отраслевым разделам МКИ.

Михаил не предполагал разработки сразу общего для всех разделов единого тезауруса, хотя это было бы еще более разумно, но для этого требовалось бы много больше сотрудников, да и времени тоже потребовалось бы больше.

Тогда же развернул свою работу и Борис Львович Румшицкий, при котором тоже образовали группу сотрудников. Борис Львович поступил в институт примерно за квартал или чуть больше до появления Михаила. Они с Сергеем Яковлевичем уже были «на ты». Точного представления о том, чем собирался заниматься Румшицкий, у Михаила пока что не было: тот прямо не говорил, а спрашивать было неудобно. Скорее всего это могло относиться или к автоматическому индексированию или к машинному переводу, в возможность обеспечения которого на должном уровне качества уже успел разувериться долго занимавшийся этой проблемой в институте известный прежде энтузиаст этого дела Леонид Григорьевич Кравец, в прошлом закордонный агент наших спецслужб – умный человек, хотя и с перенапряженным от нелегальной работы в опасных условиях нервным аппаратом, лечить который он, по слухам, давно пытался алкоголем. Михаил со своей стороны также не верил, что на нынешнем уровне знаний достичь приличных результатов в машинном переводе по универсальной тематике пока нереально – еще не было создано соответствующей и логически достаточной сводной лингвистической инфраструктуры, включающей как одноязычные и многоязычные машин-

ные словари, так и синтаксические средства различных языков, обеспечивающие стыковку обрабатываемых и выходящих текстов.

Борис Львович Румишский был далеко не новичком в этих делах. По его словам, он уже в третий раз должен был начать заниматься ими в своей жизни. – «Мало радости», отозвался на это признание Михаил. – «Мало!» подтвердил Борис Львович. Михаил представил себя на его месте, в тематическом смысле, конечно. Ранее не давали возможности доводить работу до конца, иногда останавливали непреодолимые проблемы из-за общей нехватки знаний – не только у него, но и у всего человечества. Модели автоиндексирования и перевода создавались довольно просто с завидной регулярностью то здесь, то там, то у нас, то у них за границей. А насыщать-то их оказывалось нечем, кроме элементарных словарей по узкой тематике, а с распознаванием разнообразнейших средств для выражения одного и того же смысла нынешние алгоритмы и подкрепляющие их лингвистические материалы справиться всерьез не могли. То, что без напряжения отождествлял по смыслу ребенок с пятилетнего возраста, умные дяди и тети, напрягаясь изо всех сил, не могли научить делать машину. И это только в области письменной и отчасти устной речи. А что касается прямого вербального мыслеобмена, то тут не было ясно вообще ничего. Михаил полагал, что только с этой стороны мог быть совершен реальный прорыв в безбарьерном обмене информации.

ей и знаниями в полном объеме, но одновременно чувствовал, что на прямой и тотальный мыслеобмен Небеса наложили веточеловечество не заслужило этого дара ни в прошлом (по крайней мере, в рамках нынешней цивилизации и культуры), ни в настоящем (а то, глядишь, его применение ограничилось бы только рамками спецслужб, желающих все знать о своих подданных, особенно их тайные мысли), велики были шансы на то, что и в будущем не успеет заслужить, потому что Всевышний Творец может окончательно прогневаться на так называемых «чад своих», которым он Высшей Милостью своею дал и разум, и свободу творчества, но которые куда чаще извлекали из этих милостей все новые и новые пакости и безобразия, и разом прихлопнуть весь неблагодарный род, всю породу, скомпрометировавшую и себя, и Его надежду насчет того, что и без постоянного Небесного контроля она сумеет удерживать себя на Промысленном Им благодатном пути.

Борис Львович был вполне достаточно умен и образован, чтобы понимать это не хуже Михаила. Кто-то в его присутствии обмолвился, что Румишский – сын академика. Сам Борис Львович об этом никогда не говорил. Единственная допущенная им в присутствии Михаила оговорка в разговоре с Великовским была буквально следующей: «в институте отца». Что это был за институт, Михаил не представлял, как не знал и того, кем был Борис Львович – потомственным математиком или, если так можно выразиться, «само-

родным». Еще одна оговорка, правда, без прямого упоминания об отце, была произнесена, когда он отпрашивался у Великовского на чьи-то похороны. Видимо, покойный был очень значимой личностью, т. к. как бы в обоснование своей просьбы Румишиский сказал: «Поскольку я имею наглость считать себя его учеником...» Скорей всего, это был друг семьи, в основном отца, и тоже академик на сей раз уж точно математик, раз Борис Львович, «посмел» считать себя его учеником.

В распоряжение Румишиского были переданы три молодых специалиста, попавшие в институт по заявке и распределению. Все они окончили филологический факультет МГУ по кафедре структурной и прикладной лингвистики. Это был симпатичный молодой человек Миша Волович, и две еще более симпатичные девушки: Оля Сазонова и Алла Мордовина, которая, впрочем, уже была замужем. Борис Львович с видимым рвением взялся за подготовку ребят к не совсем знакомому им делу. Такая педагогика была ему явно по сердцу. Сам он объяснял это тем, что очень любит детей, хотя детьми их можно было считать с очень большой натяжкой. Алла была весьма пригожа лицом, ходила вместе с мужем в походы на построенном им самим каркасно-надувном каяке. Оля тоже была хороша, особенно фигурой. На ее ножки можно было смотреть без скуки. Ей случалось работать в дальних экспедициях геологов поварихой во время каникул не то ради денег, не то для любимого человека. Один

полевой сезон она провела аж на Командорских островах, если точнее – на острове Беринга, а там со времен командора побывало не так много людей. Михаил и сам с удовольствием походил бы по столь отдаленным местам, как Камчатка, Чукотка, горная Якутия, но никогда не имел для этого необходимого времени и денег, а еще ему была противна мысль путешествовать с милицейского разрешения – без этого туда нечего было и думать попасть. Разрешения же могли получить либо посылаемые туда по работе, либо по туристской путевке на организованный маршрут, а Михаил давным-давно забыл о подобном участии в походах.

Миша Волович, мальчик из интеллигентной семьи, уже женатый «на Ленке» – такой же своей однокурснице, как и Алла с Олей, походами, похоже, не интересовался. Но он был развит именно так, как это дается только любимым детям из культурных семей – разностороннее знакомство с литературными, живописными, скульптурными, архитектурными и музыкальными ценностями, обладание или хотя бы только поверхностное знакомство с которыми позволяет легко возвращаться в мозг почти любым другим ценностям из универсума современных знаний. Девушки ласково именовали его так же, как в университете – Мишасик. Сидя в одной комнате с Румшиским и его командой, Михаил Горский невольно слушал их разговоры. В них было много новых для него слов, характерных для сферы лингвистического анализа, каким он никогда не интересовался.

Изредка слышал их от Бориспольского и некоторых его коллег, но и только. В разговорах и там и тут упоминались одни и те же фамилии признанных авторитетов, о чьих заслугах Михаил также ничего не знал, Но разговоры в комнате велись не только на узкопрофессиональные темы, особенно в отсутствие Великовского. Однажды обсуждались широко освещавшиеся в то время вопросы трансвестизма. По этому поводу Борис Львович заметил, что он и сам мог бы пойти на изменение своего мужского пола на женский – настолько он любит детей. Этот мотив, прозвучавший от него второй раз, заставил Михаила насторожиться. Что-то в облике Румишицкого не вязалось с образом «друга детей», по крайней мере в том стандартном смысле, который вошел как клише в сознание миллионов людей. Михаил вообще не понимал, что мешает любить детей больше всего на свете даже мужчине, тем более – зачем ради своего потомства и полноты собственных чувств менять свой пол на женский, дабы рожать (если биологически это вообще будет возможно после противоестественной операции), испытывая все специфические муки детопроизводства, которые выпадают на долю женщин? Ему и так претило все противоестественное, будь то искусство якобы абстрактного (на деле профанаторского) типа или логический нонсенс, он полагал, что – «Незачем из Европы ехать с Мекку через Серверный полюс» или делать другие глупости в том же роде. Конечно, генетика способна выдавать нестандартные сочетания физиологическо-

го (или соматического) и сексуального начал, особенно когда, по сведениям из эзотерических источников, после ряда реинкарнаций одной души ее пол при новом воплощении может смениться на противоположный, но уже от Бога, а не после самостоятельных человеческих инициатив. Ребята – лингвисты, похоже, также не считали трансвестизм чем-то вполне оправданным. Борис Львович остался в одиночестве со своими представлениями об этом спорном деле, но, как оказалось, ненадолго. Вскоре он взял на работу недавно окончившую школу Катю, дочь своих знакомых – девочку серьезного вида, возможно, благодаря очкам, привлекательную и, наверное, милую, потому что Борис Львович ради нее развелся со второй женой, от которой у него был второй ребенок (первым был сын от первого брака, давно уже взрослый – он жил уже в Соединенных Штатах и был главой крупнейшей в этой стране фирмы, выпускающей стеклянные игрушки), Катя вышла за него замуж, забеременев уже третьим его ребенком. Вопрос о любви к детям без использования оперативных и гормональных средств для изменения пола разрешился сам собой, правда, где-то через два года. Михаил не почувствовал никакой перемены в себе в отношении Бориса Львовича. Ну, соблазнился молоденькой девочкой – разве это редкость? Ну, пошел на поводу у страсти, которая отбила у него мозги. А то и не отбила – просто девочка, возможно, вполне современная по образу своих мыслей, сама намеренно соблазнила его и вынудила жениться на себе? Ни-

что не было ново под Луной. За что же тогда осуждать в общем-то действительно доброго, хотя и немного странного человека, уставшего от интеллектуального однообразия на работе, от эмоциональной неполноты бытия, в котором не было живительной (или оживляющей) пикантности? Должно быть, у Кати имелись далеко идущие планы, когда она привязывала к себе немолодого человека. Ей хотелось выехать из страны навсегда, и Борис Львович для этого подходил. Шла перестройка. Выезд в Израиль (или как бы в Израиль), а на деле в Америку уже не считался государственной изменой, хотя изъясном в биографии все-таки был. Возможно Катя рассчитывала, что старший сын, от которого у Румишицкого было уже двое внуков, удачливый бизнесмен, не оставит отца без помощи после переезда в Америку, где он, кстати сказать, уже побывал с реконосцировкой. Когда Михаил спросил его, собирается он в скором будущем еще раз съездить в гости к сыну, Борис Львович ответил, что в этом нет смысла – надо либо оставаться, либо уезжать туда с концами. Судя по его рассказам об Америке, Румишицкий примерялся к делу, которым мог бы заняться, эмигрировав из России. Кое-что его устраивало, кое-что нет. Он бы мог там продолжать работу программистом, если б только захотел. Но вот охоты у него как раз и не было. Но выход нашелся. Через какую-то еврейскую организацию религиозного характера он вместе с Катей вошел в общину правоверных евреев, которая могла их содержать на скудном вспомоществовании в Рос-

сии, пока они не передут в общинное владение где-то в Штатах. Он рассорился с Мусиным (с Великовским еще до этого) и написал заявление об уходе, которое Григорий Саулович немедленно подписал и передал наверх, боясь упустить возможность избавиться от человека, не оправдавшего его надежд. Других мотивов у заведующего отделом не было. Времена уже действительно настолько изменились, что ему уже не угрожали партийные и административные разборательства по поводу желания его подопечных уехать в Израиль. К этому моменту из лаборатории Венина уже уехали двое: Берлинский и Алла Шторм, а из лаборатории Гольдберга даже трое: он сам, его жена Женя и их сотрудница Зина. Мозговой центр отдела понес существенные потери, но в новых условиях жизни это уже не имело большого значения. Создание гигантских общесоюзных систем, которые государство тужилось построить без вливания достаточных ресурсов, окончательно застряло на месте и, если пока и требовало от разработчиков каких-то действий, то скорей по инерции.

Началась эпоха выживания, когда хозяйственным субъектам стало уже не до единых общегосударственных систем, требовалось только облегченное дешевое обеспечение перевода уже существующих информационных средств в более рациональный и экономичный режим. И это было все.

Единственным востребованным продуктом группы Горского оказался «Справочник МКИ» после того, как по подряду института стараниями Великовского частная фирма

Аркадия Воложа реализовала его с помощью своих программ не на большой ЭВМ ЕС-1050, а на персональном компьютере. «Справочник МКИ» хорошо продавался. Прибыль от этого коммерчески выгодного проекта, как понял Михаил, делилась между Воложем, с одной стороны, и Самойловым, главным инженером института, и Великовским, с другой. Ни Горскому, ни его группе никакой прибавки от этих прибылей не последовало. Это тоже не стало неожиданностью. Государственные предприятия если не разорялись, то работали на пониженных оборотах, а предприимчивые люди, хотевшие зарабатывать больше, чем при социализме, выхватывали из этого социализма только то, что обещало выгоду при капитализме и настоящем хозрасчете. Главное состояло в том, что капитализму требовались капиталисты, а их, по крайней мере, в законном виде, до сих пор не было, как не было и начальных капиталов у тех, кто хотел ими крутить – вертеть. Им оставалось только грабить и присваивать то, что прежде якобы принадлежало всем или, если спуститься сверху на землю, всему родному трудовому коллективу. Многие шли на грабеж и присвоение без проволок и сомнений – «Так надо!», – говорил кое-кто – испытывая угрызения совести, но думая практически то же самое: «иначе ничего не получится, так уж лучше мы, те, кто может чего-то достичь в новых условиях жизни и потянуть за собой часть сотрудников, немного приподнимая их над уровнем нищенских зарплат». В эту категорию привилегирован-

ных Михаил с его сотрудицами не попали. Можно было радоваться и тому, что их пока еще держат и не сокращают.

Венин обустроил лучшую жизнь себе, Вайсфельду и Ларисе Танковой (а больше у него никого и не осталось) за счет вышедшего повсеместно на большую дорогу экономическое стереотипа почти нового явления – отката. От имени своего института (естественно, с согласия заинтересованного руководства) он заключал договора с академическими институтами на создание программного обеспечения для оставшихся актуальными задач, например, – для записи патентной информации, включая графику, на дисках, которые потом неплохо продавались. При этом не меньше половины денег, полагающихся подрядившемуся институту за выполнение заказа, возвращались в институт патентной информации, но уже конспиративно, в виде «налички», «отката» и не всем, а руководству и Венину с его лабораторией. Это давало Венину право смотреть на других «коллег» (всерьез их коллегами он уже не считал) сверху вниз. Этим синдромом заразился и Саша Вайсфельд. «Сытый голодного не разумеет» – это правило работало тут, как всегда. Водораздел между лучшим и худшим материальным состоянием становился с каждым днем, неделей и месяцем все заметнее и существенней: галопирующая инфляция заставляла вырабатывать новый социальный (новый, конечно, только для СССР) категорический императив в душе и голове каждого человека, желающего догнать или перегнать ее: «всем не выжить,

и надо во что бы то ни стало оказаться среди тех, кто в состоянии обеспечить себя, пока страна и ее народонаселение все глубже погружается в нищету, за которой вот-вот может начаться массовый голод, безвластие и безграничный разбой, как в 1917 году после большевистского переворота».

Но все это произошло не вдруг. Какими бы резкими, стремительными и непривычными ни стали метаморфозы перестройки, для любого маневра, для каждой перемены ситуации требуется время, в течение которого, хочешь – не хочешь, приходится жить. Вот и растянулась перестройка как минимум на пятнадцать лет, а с учетом последствий ее отрицательных черт, гнусных намерений инициаторов и очень грубых ошибок менеджеров – еще на столько же.

Горбачев, выбранный Андроповым для совершения своего тайного замысла – обмануть историю и реанимировать социализм через капитализм, как это пытался сделать Ленин при помощи НЭПа – оказался неудачным кандидатом на эту роль. Вот уж кому еще больше, чем царю Александру I подходила Пушкинская оценка – «правитель слабый и лукавый»! Быть лукавым его обязывал сам замысел Андропова – обмануть весь мир (в первую очередь – свой народ), исполнить «финт ушами», а на эти уши еще навесить лапшу насчет временного отступления от плана построения коммунизма в мировом масштабе, чтобы потом, поправив истощенные тела экономики социализма, вернуть себе в глазах мира алчное бескомпромиссное мурло большевистской вла-

сти, на сей раз настолько окрепшей, чтобы никто бы не смог остановить насквозь милитаризированный, насквозь пронизанный контролем тайной полиции коммунистический общественный строй, и не допустить препятствий его распространению по всей Земле. И чтобы нигде в мире не осталось никаких организованных сообществ – ни больших, ни малых – у которых были бы иные взгляды на то, как должны жить «свободные люди», чем у тех, кто бандитским террором хотел захватить себе вселенскую власть. В мозгу у Горбачева билась только эта андроповская мысль. Но насчет того, КАК осуществлять андроповский проект, он имел смутные, слабые представления и потому подавал их в весьма расплывчатой форме, которая вскоре выродилась в болтовню ни о чем, буквально лишь в долгие потоки слов, не несущих никакого смысла, чем тотчас же воспользовались эстрадные юмористы, мастерски повторяя горбачевообразные речи собственного сочинения, не менее, но и не более содержательные в сравнении с оригиналом.

Те, кто в первое время хотели верить, что Горбачев желает стране и народу добра, избавления от тотального духовного порабощения, от идеологического вранья, быстро оставили возникшие было у них иллюзии. За словесными декларациями угадывалось только одно: узкий кружок посредственностей, обалдевших от неограниченной власти и впавших в маразм еще и по возрасту, под названием политбюро ЦК КПСС, довел страну до такого состояния, что она уже прак-

тически не могла существовать по установкам, получаемым от него, а, следовательно, не могла обеспечить и сохранность своих властителей. Им вот-вот должен был перестать подчиняться из-за голода карательный и войсковой аппарат, с помощью которого они семьдесят лет только и поддерживали власть над разоруженным народом. Разуверившимся в коммунистических идеалах массам надо было показать новый путь, однако Горбачев и его компания указывали на старый, уже лет пятьдесят – сто назад (где как) пройденный ныне материально процветающими странами – на путь «свободного» предпринимательства, которое складывалось, формировалось силами и деньгами людей, сконцентрировавших основные национальные богатства в своих руках либо путем государственного и частного («классового») грабежа и разбоя, в том числе колониального, либо путем инициативного, так сказать, индивидуального воровства и бандитизма, дабы вступить в разворачивающийся капитализм с начальным капиталом, обеспечивающим их власть над теми, у кого капиталов нет. И бандитский капитализм, которому открыл ворота Горбачев, начал со страшной быстротой подмигать под себя все, что было ценного в стране, а не только то, что в ней плохо лежало. В первых рядах новоявленных организаторов капиталистического рая шли те, кому и надлежало там быть по плану Горбачева: партийно-государственный актив, то есть партийные и комсомольские секретари – вплоть до районного уровня, министры, начальники главков,

директора предприятий и организаций – короче, доверенные лица партии, которым были розданы в управление государственные деньги, собственность и всевозможные активы «под отчет» с тем, чтобы они запустили в стране производство всяких благ по капиталистическому образцу, а приумноженные таким путем богатства по истечению периода «наращивания мускулов» вернуть родной партии, ее центральному комитету, чтобы затем все пошло по-старому – как пожелает политбюро или главный вождь – и чтобы КГБ и армия проследили за тем, чтобы воля партии неукоснительно выполнялась. Но неискренность и глупость – явно и то и другое сыграли с Горбачевым и его политбюро злую шутку. Если они ввали не только своей стране, но и себе – по глупости, разумеется, что доверенные лица партии, сделавшиеся капиталистами по ее решению, вдруг по сигналу из центра принесут свои капиталы назад под опеку и власть партийных и государственных органов – то это означало полное забвение ими – уже по причине полного кретинизма – их же собственной идеологической марксистской установки «бытие определяет сознание». Как же можно было надеяться, тем более рассчитывать на то, что вжившийся в жизнь успешного капиталиста партийный функционер или государственный чиновник сохранит коммунистический партбилет в собственном кармане и вернет партийному руководству все, что было отдано «в рост» «под отчет» до копейки за исключением мелочи на бытовые капиталистические об-

заведения? Если надеялись, значит, были непроходимо глупы. Но скорее они просто сознательно ввали, прекрасно отдавая себе отчет в том, что собой представляет перестройка, зачем и кому она нужна. А цель ее была чрезвычайно проста и не имела ничего общего с интересами управляемого народа: раз ситуация зашла настолько далеко, что лучшие люди страны, к которым они причисляли исключительно себя, не смогут дальше управлять страной по коммунистической схеме и правилам, то пусть ОНИ же продолжают свой правевж по капиталистической схеме и правилам – и пусть таковыми, то есть властителями – капиталистами и останутся во веки веков со своими детьми, которые получают деньги и власть по наследству на законных капиталистических основаниях. Это тоже было не Бог знает как умно, но все же эгоистически не глупо. А потом они обнаружили, что все идет не так, как задумано и в большом, и в малом.

На сцену вышли не только облагодетельствованные партией представители, делегированные в частный бизнес, являющиеся ее исторической надеждой. В казалось бы в разрешенную, якобы общедоступную сферу инициативной хозяйственной деятельности ринулись не только те, кому это было действительно разрешено, но и чертова уйма всякого разночинного сброда. Здесь были и истолковавшие по свободной жизни интеллигенты, имеющие за душой не столько деньги, сколько ценные и реализуемые идеи, и засыхающие от невостребованности государством в лице его полно-

мочных «структур» изобретатели и первооткрыватели, и люди без всяких творческих способностей, но шустрых в банальных видах труда – такие как повара, изготовители тапочек, деревянных ложек и игрушек, парикмахеры, торговцы, перевозчики на личном автотранспорте, портные, прежде шившие одежду скрытно от властей и так далее; а еще – и в страшном числе настоящие владельцы преступных предприятий – «цеховики» – нелегалы, вышедшие на свободу уголовники, миглом увидевшие для себя множество подходящих экологических ниш. Началась государственная борьба с этими лишними самозванными капиталистами. Их, частных, кооператоров беспощадно сажали пачками как людей, не имеющих официального допуска к новым капиталистическим кормушкам и даже отстреливали без особых разговоров. Но поток не иссякал, а объявленную было «свободу предпринимательства» еще никак нельзя было отменить, чтобы преждевременно не скомпрометировать андроповскую затею с горбачевским НЭПом. И «мелкобуржуазная стихия», которую так ненавидели коммунисты, начиная с Карла Маркса, уже захлестывала официальную власть и, самое страшное – уже перехлестывала, тем более, что доверенные лица партии вели себя совсем не так, как должны были бы вести себя достойные коммунисты. Первым пренеприятнейшим и получившим широчайшую огласку случаем было сообщение о том, что бизнесмен и коммунист Артем Тарасов, занимавшийся продажей в СССР персональ-

ных компьютеров, закупленных им за рубежом, заплатил в своей партийной организации положенные месячные членские взносы в размере трех процентов от месячного заработка в размере 90.000 рублей. Эта сумма просто оглушила всех в стране – и обывателей, легко подсчитавших, что Артем «заработал» всего за месяц немислимо огромную сумму 3.000.000 рублей, и руководство партии, возмущенное тем, как неосознанно или сознательно (скорее именно сознательно) скомпрометировал конспиративную деятельность «родной коммунистической партии, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов трудящегося народа». Разразился грандиозный скандал. Массы были возмущены, что одному человеку позволяют получать столько же, сколько зарабатывают в месяц две тысячи честных средних советских тружеников. Партийные бонзы негодовали, что какой-то гад, предатель и сволочь нарушил нерушимые правила конспирации, которая верно служила делу коммунизма еще со времени образования «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Партия не нашла ничего лучшего, как попытаться погасить огонь скандала решением о реституции всех компьютеров, проданных Тарасовым. И тут тоже возникло «кино» – в СССР если и знали, что представляет собой созвучное слово «проституция», то о реституции люди не слыхали никогда. Если оно означало что-то обратное проституции (все-таки приставка «ре» означает именно обратное), то что же все-таки «обратное проституции» по-

требовали от Артема Тарасова (кстати, из этого логически следовал еще один вывод – что тот зарабатывал не чем-нибудь, а именно проституцией – не больно ли дорого брал?). Но хитрый Тарасов умело ушел от удара. У него же было в заначке достаточно средств, чтобы выполнить не только решение партии, но и свою собственную задачу – вылететь из партии, освободиться от обязательств, которыми его связали как «доверенное лицо партии» и спокойно и безоглядно действовать на диком и ненасыщенном товарами советском рынке уже вполне самостоятельным бизнесменом. Кстати, несколько лет спустя Михаил, просматривая по телевизору одну новостную программу, сам стал свидетелем комической забывчивости все того же самого одиозного Артема Тарасова, который клялся, что никогда в компартии не состоял. С такими деньгами, которыми он теперь владел, можно было вешать лапшу на уши людям, уже вроде как забывшим, что Артем именно потому получил всесоюзную известность, что заплатил со своих доходов именно ПАРТИЙНЫЕ взносы, поскольку он хотел вести себя как настоящий член КПСС в соответствии с ее уставом (за этим, кстати, пристально следили органы партийного контроля. За жульничество со взносами запросто можно было «положить билет на стол» и тем самым положить конец своей карьере – после этого взять провинившегося на работу могли разве что в дворники). Видимо, вступив в новую фазу своего существования в качестве респектабельного капиталиста, Ар-

тем Тарасов нашел для себя полезным отмежеваться от своего коммунистического членства, заставить забыть о нем. Однако прошлого так скоро не смоешь. Не надо было платить членских взносов, тогда, возможно, и кануло бы в лету то, что он работал главным инженером какой-то московской организации, а это была должность, которую без партбилета в то время невыполнимо было получить. А ведь людям нерабочих профессий приходилось в очереди стоять, пока не будут в их организациях получены разнарядки из райкомов на прием новых членов. Неожиданная метаморфоза в обществе, оказавшемся не в состоянии «осчастливить» не только все человечество, но даже и собственных граждан, заставила очень многих стереть в своей памяти даже самые малозаметные следы тех удач, которых они так горячо и старательно добивались. А высший слой партократии забеспокоился всерьез. Власть уже перетекала к тем, кому было доверили, но кому доверять было нельзя. И наверху не нашли лучшего, чем из опасной, засасывающей топи стихийного капитализма попытаться вернуться обратно на кочку социализма, в чью твердость глупцы продолжали верить, хотя она тоже уходила в зыбь все глубже и глубже. С участием Горбачева политбюро вынесло решение свернуть перестройку, ушедшую «не туда», а заодно ликвидировать самого смелого и откровенного борца за радикальное контркоммунистическое обновление общества Бориса Николаевича Ельцина. Сам высокопоставленный партиец, кандидат в члены политбюро

ЦК КПСС, Ельцин порвал со своими «коллегами», которые позволили себе не только заявить ему, что его общественная деятельность закончена, но и посмеяться над его безнадежной беспомощностью, как вдруг обнаружили, что Ельцин не только не сломлен, но и стал куда опасней и сильней. В первый раз члены политбюро узнали, что такое реальная поддержка масс человеку, которого они исключили из социальной жизни. В первый раз изгой из рядов партии ухитрился «умыть» их руками и голосами тех, кто прежде безропотно им подчинялся. И таких вдруг оказалось подавляющее большинство. Пять миллионов голосов против сорока трех тысяч – с таким счетом Ельцин выиграл первую официальную схватку с похоронившей его камарильей. Новые попытки сокрушить Ельцина давали откровенно карикатурные результаты. Оставалось одно – похоронить Ельцина не просто в гражданском смысле, а радикально, на самом деле. И с этой целью был запущен в ход план политбюро по организации путча под эгидой «верной ленинским принципам» части партийного руководства, которую следовало именовать впредь государственным комитетом чрезвычайного положения (ГКЧП). Договорившись обо всем с остальными заговорщиками, президент СССР и генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев уехал в Крым отдыхать, пока его коллеги не проведут всю возложенную на них черную работу. Как главарь банды, он считал, что имеет право лично не марать рук и репутацию в грязном деле и полагал, что вер-

нется из отпуска в публичную политику сразу после победы заговорщиков и окончательного устранения Ельцина, за которое он, отпускник, естественно не мог нести никакой ответственности. Но заговорщики, оставшись без главаря, никогда не желавшего пачкаться и подставлявшего вместо себя других в качестве виноватых во всяких вооруженных подавлениях волнений, то там, то тут происходивших в стране, решили, что с них хватит такого верховного вождя, который сам ничего не хочет делать и боится за что-то отвечать, им это больше не с руки – терпенье кончилось. А потому вместо преподнесения ему переобновленной власти «на блюдечке с голубой каемочкой», соратники заключили его под домашний арест с тем, чтобы в дальнейшем полностью устранить его с политической арены. Изолированный, растерянный, едва державший себя в руках, но уже прозревший истину относительно своей дальнейшей участи Горбачев с на смерть перепуганной женой Раисой Максимовной, от страха потерявшей дар речи, с чувством избавления от гибели принял посланную ему Ельциным помощь во спасение, как чудо с Небес. К этому моменту Ельцин уже справился с заговорщиками. Но он не стал отправлять Горбачева вслед за его геккачепистами под арест. Он всего лишь поставил одно условие – Горбачев уходит с политической арены с миром, оставляет пост президента СССР, а сам СССР, который Горбачев не пожелал реформировать так, как хотели Россия, Казахстан и другие республики – в прежнем виде они себе остав-

лять не собирались.

Горбачев, но особенно его подручный Анатолий Лукьянов этого не понимали. Забравшись на «верх горы», они считали, что теперь все их замыслы будут автоматически выполняться, а их воля столь же автоматически станет законом. И сколько-нибудь сытая, без особой натуги сводящая концы с концами масса народонаселения, давным-давно обезоруженная своей вооруженной беспощадной коммунистической властью и во всем зависящая от нее, так бы и осталась послушна, но она жила уже на грани голода, а потому о надежде на прежнее послушание уже не могло быть речи. Люди стали нервными, их будоражил страх очень вероятной голодной смерти, с этим срочно надо было что-то делать, а Горбачев с компанией ничего такого не могли. Спустив за продовольствие на Запад весь золотой запас, перестав покупать за границей лекарства, необходимые для продолжения жизни множеству людей, оставив магазины без продовольственных товаров в буквальном смысле этого слова – в них было шаром покати – власть расписалась в своей неспособности и бессилии. Все, что у нее осталось – это ракетно-ядерные силы и возможность угрожать противникам из НАТО – если вы доведете нашу страну до вымирания, знайте – одни мы не умрем и не дадим вам исполнить канкан на наших костях. На Западе это очень хорошо осознали,

По обе стороны от «железного занавеса» никто не хотел умирать. И хотя желание уничтожить Россию как геополити-

ческого гиганта у западных правителей отнюдь не прошло, они были вынуждены подкармливать Россию «гуманитарной помощью», тем более, что это им недорого стоило при наличии огромных излишков продовольствия. Конечно, они старались получить за это огромные уступки, сокрушить колоссальную военную мощь – и они многого в этом действительно добились, хотя и далеко не всего, что хотели получить. В этом и была Главная Заслуга Ельцина и Гайдара. Проводя демократизацию в России по своей воле, именно по своей! – хотя и под контролем Запада, они невероятными усилиями и политической ловкостью, мало заметной со стороны, ухитрились увести страну от угрозы массового голода и продолжить жизнь уже на основе да бессовестного, да циничного и грабительского, но свободного капиталистического частного предпринимательства. Теоретически экономику страны, работавшую на 80 % на нужды милитаризма, можно было удержать от полного развала, если бы для этого были время, деньги на демилитаризацию промышленности и новые профессионально грамотные кадры. Но времени не было – голод не собирался ждать. Денег не было – все, что оставалось в казне, верхушка партии раздала своим «доверенным лицам». И руководящие кадры остались прежние – те же секретари верхних уровней партийной иерархии, те же министры, банкиры, директора. В новой экономической ситуации они не могли конструктивно мыслить, и единственное, к чему они теперь в высшей степени деятельно стремились –

это стать персональными и легальными хозяевами отраслей промышленности, банков, предприятий, и им это повсеместно удавалось. Это было именно то, что замыслил еще Андропов, только делалось оно не в интересах будущего возрождения компартии в ее прошлой мощи, а исключительно для обогащения и удовлетворения бывших лиц партхозноменклатуры, ставших главными капиталистическими магнатами страны. Демократия своими институтами стала работать преимущественно на них? Прекрасно! Можно не корчить из себя скромников, всячески ловчить, выдавая себя за таких же идейных борцов за победу коммунизма, как и рядовые члены партии. Зачем было ездить на «Волгах», когда гораздо комфортнее было в «Мерседесах», «ВМВ», «Ауди», «Тойётах», «Вольво», «Феррари», куда они и кинулись пересаживаться. Зачем было жить в одно-двухэтажных дачах, не видных за высокими заборами? Заборы, разумеется, надо было оставлять прежней высоты, но вот дома, увенчанные башенками, должны быть такими огромными и по площади, и по высоте, чтобы по ним можно было судить о реальном богатстве, реальной власти и могуществе их обладателей – и чтобы никакой забор не мешал это понимать. Кстати, такие дома и замки можно было строить не только на родине – их можно было возводить, а еще проще – прямо покупать за рубежом.

На Лазурном берегу Франции, на Канарах Испании, на Итальянской Сардинии было куда приятней отдыхать

в кругу богатых людей из всех стран, чем в Сочи, Гагре, Пицунде или в Крыму по соседству с домами отдыха для трудящихся, опекаемыми ВЦСПС. Деток не надо было устраивать по блату в лучшие отечественные ВУЗы. Гораздо престижней стало определять их в самые известные заграничные университеты – лучше всего в Англию, но неплохо и в Америку, и во Францию, где тоже кое-где умели хорошо учить. А после этого и деткам будет в полном объеме открыта возможность припеваючи жить, даже не думая о возвращении обратно в родную страну, где еще неизвестно, когда закончатся благие преобразования, да и кончатся ли они когда-нибудь вообще и не сменятся ли там властители, не будут ли они снесены новым цунами народного психоза, возбужденного властолюбцами и корыстолюбцами, не преуспевшими раньше, во время Великой капиталистической революции, свергнувшей власть коммунистов. Запасной аэродром всегда должен находиться на Западе, и будет очень неплохо, если он станет и основным для всех членов новых династий. Урвать как можно больше и быть готовыми в любой момент смыться за границу стало главным поведенческим принципом подавляющего большинства постсоветских капиталистов – выходцев из партхозноменклатуры и примкнувших к ним уголовных элементов. Образовалась олигархия в двух разнящихся исполнениях. Одна группа олигархов всячески способствовала тому, чтобы все знали, кто они такие и что именно они вершат ходом жизни в стра-

не. Они действительно были очень влиятельны и откровенно страшно богаты на фоне всеобщей скудости или нищеты. Другая группа олигархов совершенно не желала «засвечиваться» в качестве лиц, обладающих неконституционной властью. Их гораздо больше устраивала социальная конспирация и тайновластие как лучший способ ведения дел. Обладая легальной властью и привычкой к ней, они не могли допустить, чтобы кто-то в стране мог получать больше их. Чиновные олигархи без большого шума сделались сильнее и богаче олигархов от бизнеса, который был и столь же криминален, насколько была коррумпируема подкупаемая им (но не купленная на 100 %!) официальная власть. Это они считали своим естественным или, выражая то же понятие языком феодальной Европы, своим ленным правом. В меньшей степени естественно было и то, что на всех нижестоящих уровнях административной власти чиновники из всех сил подражали высшим слоям и даже стремились их превзойти. Без взяток нельзя было добиться практически ничего ни бизнесменам от местных чиновников, вольных разрешать или запрещать, ни больным от врачей, вольных лечить или отказать в помощи по тысячам предлогов. Поступление в ВУЗ, причем на места с бесплатным обучением! – вылилось в конкурс кошельков родителей абитуриентов, а размеры взяток нескольких видов (от якобы репетиторства, «добровольных» взносов на поддержание ВУЗа, до сумм на зарубежный счет декана) зашкалило настолько,

что коррумпированность высших учебных заведений превзошла заведомую продажность многих других сфер и вышла на второе – третье место в стране как по значимости для общества, так и по величине денежных сумм, поступающих в карманы мздоимцев.

Среди российских владельцев особняков в континентальной Испании и даже на Канарских островах появились якобы «нищие» профессора институтов и университетов. Это было действительно новое слово в экономике и в системе образования страны. Массовая коррупция поразила все чиновные этажи в вооруженных силах. Продавалось на сторону все – от солдатской тушенки и круп до стрелкового оружия и переносных зенитно-ракетных комплексов. Заказчики новой техники требовали от ее проектировщиков и производителей откат в размере до 90 % от номинальной стоимости заказа. А ведь в соответствии с официальной самоидентификацией воинского сословия это были самые честные и надежные патриоты из всех граждан страны – это именно они, как пелось в заказанной ими песне, говорили о себе: «Мы никогда и нигде не посрамили честь солдата», хотя под словом «солдат» понимали в первую очередь офицера, генерала и маршала. Вывод войск из ГДР ознаменовался чудовищными распродажами советского добра, от доходов которой собственно возлюбленная Родина генералов не увидела от них ничего.

Люди, существующие на нижнем этаже общества, то есть

трудящиеся, живущие на ничтожную в сравнении с взлетевшими до небес ценами зарплату, пытались как-то устроиться в новых условиях и в новых социальных ролях. Сокращенные с основной привычной работы, они вливались в ряды торговцев на рынках, которых нанимали выходцы из Азербайджана и Чечни, в армии «челноков», снующих из России за рубеж и обратно с сумками, набитыми каким угодно товаром, осуществляя прежде запрещенный вид деятельности – спекуляцию. Выслужившие срок по призыву солдаты и уволенные из армии и спецслужб офицеры массами устраивались в частные охранные предприятия, ставшие одной из основных легальных форм, служащих прикрытием рэкету и бандитизму. Спортсмены, вышедшие в тираж, особенно те, кто занимался стрельбой, боксом и единоборствами, стали ядром специальных фирм, занятых вышибанием денег из должников и убийствами по заказу. Туда же шли и оказавшиеся невостребованными спецназовцы ГРУ, ФСБ и министерства внутренних дел. Волна неожиданных превращений людей «из одних в другие», подобно цунами захлестнула всю страну. В несколько сглаженном виде она дошла и до института патентной информации. Начались крупные кадровые перемены. Григорий Саулович Мусин сделался заместителем директора. Прежний ушел в частный бизнес в качестве директора фирмы «Дипчел», что в развертке акронима означало «Дикая пчела» – она арендовала помещения в здании института. Этот заместитель директора ничем

особенным не запомнился сотрудникам, поскольку работал недолго. Но при нем прошла аттестация кадров, и Михаил нежданно-негаданно сумел обрадовать его как раз на заседании аттестационной комиссии, на котором рассматривалась, в частности, и его кандидатура. Григорий Саулович зачитал вслух характеристику аттестуемого Горского. Она прозвучала в ушах прямо-таки хвалебным гимном. Председательствующий, тот самый заместитель директора, обратился к Михаилу со стандартным вопросом, согласен ли он с данной ему характеристикой. – «По-моему, она чересчур лестна для меня», – ответил Михаил. – «Ну, наконец-то! – вскричал заместитель директора. – Все-таки нашелся один такой! А я уже думал, что такого и не услышу!»

Он прямо светился радостью, настолько его поразила откровенность Михаила. Наконец, он перешел к делу: «А с чем же вы, собственно, не согласны? Есть недостатки?» – «Есть», – «Какие?» – «Пожалуй, самый главный проявляется в том, что когда моей работе нет нужного разворота, я как-то расхолаживаюсь. Динамика, я имею в виду положительную динамику, держит в напряжении, и благодаря этому интерес к делу сохраняется, не спадая. К сожалению, я со своими сотрудниками занимаюсь информационно-поисковыми языками в условиях, когда эта тематика не выглядит самой важной и актуальной. Я, упаси Бог, никого в этом не обвиняю, но большинству людей везде и всегда постоянно кажется, что без такого-то и такого-то программного обеспе-

чения жить дальше невозможно, а без языка такого-то и такого-то типа и раньше как-то обходились, и в дальнейшем это тоже возможному, раз не хватает ресурсов – машинных, и денежных – чтобы развивать одновременно все направления одинаково интенсивно. Понять это я могу, но согласиться трудно. Чувствуешь себя человеком, от работы которого другие коллеги не видят пользы. Вот это и влияет на рабочее настроение. Недостаток это? Несомненно. И он у меня есть».

Михаил не кривил душой. Коллеги из числа программистов во главе с Вениным, а потом и Гольдбергом считали, что содержание группы Горского в отделе Мусина обеспечивается за их счет, что пользы от работы этой группы не видно. То, что она создала «Справочник МКИ», а тем более – тезаурусы по трем разделам МКИ, им казалось делом нестоящим. И без этих изысков система выдает ответы на запросы, а что улучшится при использовании тезаурусов, никто еще доказал. Михаил не мог сказать, честен ли, например, Венин, когда решает про себя вопрос, надо ли в интересах дела держать дальше группу Горского, есть ли смысл терпеть ее существование ради повышения эффективности системы информации, для которой он разрабатывает свои великолепные программы? Михаил был почти уверен, что мысль такого рода Венин сразу гнал вон из своей головы еще до того, как он мог всерьез оценить пользу или бесполезность работ группы Горского, потому что в его представлении величина квартальной премии, которая была бы у него выше, если бы

Горского и иже с ним в отделе и духу не было, заранее определял его выбор. Еще Румишский в свое время заметил, что Венин будет яростно бороться за лишние три рубля, в то время как он, Румшиский, предпочел бы просто отдать Генину эти три рубля из своего кармана, только ради того, чтобы прекратить базар. Эти образные «три рубля» безусловно были дороже Генину любых доводов в пользу интересов системы. Раз он работает ради денег, то будьте добры – избавьте его зарплату от паразитных расходов, а до остального дела нет – его-то программы действительно работают.

Михаила вовсе не удивляла позиция такого рода – он не раз слышал подобные рассуждения и прежде. Его занимал и удивлял, пожалуй, только сам Венин, безусловно, способный человек. Но уровень его собственной творческой самооценки, как видно, далеко превосходил по высоте уровень его реальных достижений. Он видел себя в мечтах великим человеком. Он и старался стать таким. Еще в студенческие времена он в составе спортивных туристских групп ходил в очень тяжелые маршруты, требовавшие предельного напряжения. Таковы были, например, походы по Верхней Ципе до озера Баунт, а далее по Нижней Ципе и Витиму, а также по рекам плато Путорана между Таймырской тундрой и Нижней Тунгуской. Оба маршрута, особенно первый, были сопряжены со сложными и долгими подходами к точке начала сплава, когда байдарки надо было тащить на себе, а не идти на них, либо имели очень опасные и сложные

участки, хотя и разного рода, причем ни на том, ни на другом пути почти не было никаких населенных пунктов, где можно было бы с уверенностью рассчитывать пополнить свои продуктовые запасы. Справиться с такими трудностями на лоне природы мог, как казалось Михаилу, только человек большой силы воли, к тому же стремящийся сделать для спутников не меньше, чем для себя. Волевым и настойчивым человеком Венин все-таки был – в этом сомнений не имелось – а вот был ли он и в молодые годы романтиком, сомнения не проходили. Тем более, что, повзрослев, он перестал ходить в походы, чего человек с душевными устремлениями к поиску смысла Бытия просто так делать бы не стал. Его амбициозность несмотря на успешную, казалось бы карьеру – как-никак кандидат наук, заведующий лабораторией, успешный программист, и все сам, без каких-либо поблажек – все равно никак этим не удовлетворялась. А на что – то принципиально большее он, вопреки своим мечтам и расчетам оказывался неспособен. Что остается тогда человеку, ощущающему себя выше других? Правильно – показать этим другим, что они его ниже – и тогда спасительная дифференциация будет ласкать душу, успокаивать разгулявшуюся амбицию, поможет восстановить самоощущение человека, вполне преуспевающего в жизни, как он и мечтал.

Мусин был гораздо умеренней в своих требованиях к жизни и, возможно, он именно поэтому в первую очередь преуспевал в карьере больше, чем Венин. Он стал заместителем

директора в момент крайней неустойчивости деловой жизни и в стране, и в институте. Переход от «развитого социализма» к начальному капитализму был не менее сложен и драматичен, чем переход от феодализма к капитализму в его первородном состоянии. России едва-едва удалось обойтись без всеохватных голодных бунтов и очередной гражданской войны. Эту заслугу команды Ельцина – Гайдара народ оставил без положительной оценки, хотя на проклятия им отнюдь не поскупился. Жизнь подтверждала, что для капиталистической экономики в той же самой стране не требовалось так много наемных работников, как экономике государственно-планового социализма. Только за счет сокращения штатов можно было увеличивать зарплату остающимся. Нехватку денег и идей старались компенсировать ловкостью, бессовестностью и обманом. Но и это приводило к успеху далеко не всех, готовых использовать для этого любые средства. Григорий же Самуилович Мусин как честный человек чурался методов, противных своей природе. Обеспечивать полную занятость людей, подчиненных ему, да еще и способствовать повышению их заработка в заметных размерах он не мог, а потому в скором времени покинул свой пост и ушел руководить в какой-то компактный коллектив, который мог целиком вписаться в одну из ниш, открывшихся в фасаде нового экономического строя.

Через какое-то время институт покинул и Сергей Яковлевич Великовский. Он, впрочем, не перегрызал пуповину,

связывающую его с прежней его работой, хотя то, чем он начал заниматься на стороне как руководитель маленькой фирмы (он взял с собой еще трех человек из числа прежних сотрудников), осталось для Михаила неизвестным. Бывший отдел Мусина соединили с отделом его бывшего конкурента Сипапина (который тоже уже ушел). Главой объединенного отдела сделалась Людмила Семеновна Алдошина, бывший, причем последний, секретарь партийной организации института. Людмила Семеновна была женщиной ясного трезвого ума и спокойного темперамента. Она никогда не старалась делать для торжества светлого будущего – коммунизма – больше, чем того требовали власть и обстоятельства. Вместе с тем в ней выработались навыки руководства людьми без диктата и демагогии. Оказавшись ближе к ней, беспартийный Михаил с интересом разглядывал Людмилу Семеновну. Она была явно очень хороша, пока не позволила себе слишком растолстеть, хотя и не настолько, чтобы красота и женские прелести перестали быть заметны. В новых условиях она ухитрялась сохранять отдел от всяких потрясений, не будучи ни большим специалистом по автоматизированным информационным системам, ни тираном, у которого хватает ума лишь на то, чтобы выжимать из способных людей то, что ей требуется, угрозами увольнения. Алдошина не задавалась и не вредничала, работать не мешала, дисциплиной не донимала, а результаты такого подхода были на лицо. Даже суперсамолюбивый Венин, попавший в под-

чинение «бабе», понимавшей в деле, по его мнению, лишь чуть-чуть, вынужден был признать про себя, что жить с таким начальством можно, и ограничивался для доказательства своего превосходства над кем-либо тем, что по своему обыкновению ставил под сомнения или опровергал (неважно – корректно или некорректно) все, что излагал любой другой докладчик на НТС. Он был записным оратором и действовал одинаково на всех заседаниях, страшно напоминая этим фигуру другого записного оратора из головного информационного института страны и тоже математика Юлия Анатольевича Шрейдера. Тот так же исправно витийствовал на всех заседаниях ученого Совета, о чем бы там ни шла речь. Михаилу казалось, что тот плохо себя чувствует до тех пор, пока не проявится своей речью на людях. Возможно, он и католичество принял именно для того, чтобы лишний раз заставить поговорить о себе, как и о том, что ему дал аудиенцию сам римский папа Иоанн-Павел II.

Юлий Анатольевич приходился зятем гораздо более интересной личности, чем он сам, это была профессор-математик Елена Сергеевна Вентцель, известная в мире интеллектуалов как весьма даровитый писатель, автор серьезных романов, выступавший под псевдонимом И. Грекова, что следовало читать как Игрекова. На ее фоне фигура зятя выглядела особенно карикатурно. В связи с «католичеством» Шрейдера Михаилу вспомнился еще один случай принятия христианской веры атеистом, ученым атеистом, математи-

ком и теплофизиком. Новообращенным был достойнейший человек, советский немец Борис Викторович Раушенбах. Репрессированный еще в молодости как и большинство российских этнических немцев – кто за «шпионаж», кто вообще ни за что после начала войны с Германией, он все равно остался патриотом своей действительной родины, в которой с ним обошлись гнусно и по-хамски. Ему выпало войти в самый высший круг ведущих разработчиков советских военных и космических ракет, несмотря на свое национальное происхождение. Там он сделался ведущим теоретиком газовой динамики, академиком, а затем и философом. Борис Викторович осознал именно умом Божественное происхождение всего материального бытия со всеми его реальными процессами и сущностями, которые он рассматривал прежде всего как физик и математик. А когда вера в Бога прочнейшим образом проявилась из его точных научных представлений, он задумался, к какой религиозной конфессии мог бы со своим новым сознанием принадлежать. Он сам писал об этом. И остановил свой выбор на православии самым естественным для благородного служителя науки образом. Раз уж он уроженец и патриот своей не очень ласковой к нему, но все же признавший его достоинства родины, то и веровать ему будет удобней именно так, как в ней веруют в большинстве случаев жители страны, принадлежащие православию. Если Шрейдер изо всех сил стремился «выпендриться», то Борис Викторович Раушенбах, напро-

тив, старался не отличаться от основной массы верующих, потому что главное – это верить в Бога – Творца и Вседержителя наших судеб, а не в то, посредством каких ритуалов каждая конфессия служит Ему.

Венин не был таким позером, как Шрейдер. Его поза была внутри него, а извне она оставалась не так уж сильно заметной. Но это не очень изменяло суть явления – самолюбивая заносчивость управляла его характером в той же степени, как и у Шрейдера. Понятное дело – любому хорошо образованному специалисту хочется самому резко обогатить свою фундаментальную науку, только это удастся далеко не всем, тогда как честолюбие из души никуда не испаряется. Вот оно и гложет и гложет человека изнутри, побуждая к ярким, по их мнению, внешним демонстрациям своей интеллектуальной состоятельности. Смирение, оказывается, дается действительно состоявшимся творцам зачастую гораздо легче и проще, чем тем, кто не сумел создать ничего особенно оригинального – отсюда и их стремление «из себя показывать» – как говаривала соседка Михаила по коммунальной квартире ткачиха с дореволюционным стажем тетя Мотя, Матрена Семеновна Иванова, которая сама никогда никого из себя не строила.

Подвижки в институте происходили и на самом вер-ху. Сначала взамен директора Бориса Сергеевича Розова, при котором Михаил поступил на работу, и который добровольно сложил с себя полномочия, не желая по новой мо-

де баллотироваться на свой пост, был выбран один директор. Он был недолго. Потом назначили второго. Он продержался более продолжительное время, и успел улучшить положение информационных отделов в ущерб научным. Его сменил бывший начальник отдела, которым теперь командовала Алдошина, но и он вскоре ушел, видимо, на более выгодную работу. Вслед за ним директором назначили начальника вычислительного центра, одновременно и главного инженера, и после этого в институт сразу вернулся Сергей Яковлевич Великовский вместе с одним сотрудником из тех троих, кого он увел за собой. С директором Самойловичем у него явно был полный контакт, и по ряду признаков чувствовалось, что они вместе делают параллельные дела, не подлежащие огласке, и, стало быть, приносящие какие-то «левые» деньги. Михаил изредка беседовал с бывшим шефом. Чувствовалось, что того занимают новые перспективы, открывшиеся в рыночной экономике. Каковы они были, Сергей Яковлевич уже не говорил. Из сотрудниц Михаила первой ушла из института Ламара. Вайсфельд устроил ее в частную фирму, возглавляемую его приятелем, которая, как казалось, всегда будет обречена на успех. Сам Саша сотрудничал, не уходя из института, еще с какой-то фирмой, во главе которой стоял еще один его приятель – туда он определил бывшую сотрудницу лаборатории Венина Риту Широкову. Однако процветание этих обоих предприятий оказалось недолгим. Ламара потеряла работу, но Саша один

вполне тянул за двоих. Потом уволилась из группы Михаила Эмилия – ее устроил в свою фирму муж на очень хорошую зарплату, и она без промедления позвала за собой последнюю сотрудницу Михаила – Наташу Седову, и та было тоже решила туда уйти, как вдруг передумала. Причина оказалась для Мили до обидного банальной. Бывшая приятельница, равная ей по чину коллега, как выяснилось, всю жизнь мечтала быть начальницей и хозяйкой, с которой положено соответствующим образом обращаться. Наташу такая перемена отношений с Милей не устраивала. Она отказалась от Милиного предложения, но та продолжала попытки добиться своего, потому что объяснить для себя обидный Наташин отказ можно только одним – тем, что Горский пообещал ей какие-то новые блага на старом месте. Ничего подобного Михаил, разумеется, не обещал – в институте для повышений окладов сотрудникам не было никаких ресурсов. Но Миле и в голову не приходило, что Наташу может не удовлетворять уготовленная ей роль человека на посылках, с которым «за хорошие деньги» будут обращаться подчеркнуто по-хозяйски, дабы удовлетворить свой комплекс мечты по началствованию над людьми.

Информационное дело уже отнюдь не процветало. И люди, и организации экономили на чем угодно, лишь бы выжить. Чувствовалось, что и последним занятиям в области информационно-поисковых языков вот-вот настанет конец. Где-то примерно через год попала под сокращение Наташа.

Михаил остался на работе только потому, что он еще лично участвовал в одном институтском проекте, который предстояло вскоре сдавать. Но и это отложило его увольнение не слишком надолго. Вернувшись из очередного отпуска, Михаил узнал о своем сокращении. Людмила Семеновна очень извинялась, что вынуждена принять такое решение. Алдошина и впрямь симпатизировала ему, нередко указывая сотрудникам на его ум и воспитанность, но перед ней стоял выбор – уволить Горского, которому уже шел шестьдесят второй год – или программиста Гену, гораздо более молодого человека с громадным рыхлым телом и контрастирующим с ним детского вида лицом: «Вы сами понимаете, Михаил Николаевич, его же нигде больше не возьмут, а у вас все-таки уже есть пенсия». Это была правда, и переть против нее не было никакого смысла. Михаил уверил Людмилу Семеновну, что все понимает. Они дружески поцеловались, и Михаил в очередной раз подумал, что эту женщину не испортила роль партийного функционера, которую она отчасти по охоте, отчасти по необходимости отыграла на местной сцене до самой ликвидации партийной монополии в стране. Но неожиданно остро на уход из института отреагировал Сергей Яковлевич Великовский. Когда Михаил зашел к нему попрощаться, Сергей Яковлевич, узнав о сокращении своего бывшего подчиненного и отчасти конфидента (в прошлом бывшего кем-то вроде полудуховника), пришел в волнение и заявил, что немедленно отправится к директору Самойло-

вичу, чтобы предупредить его этого не делать. Михаил совсем этого не жаждал. Он объяснил Великовскому, что да, его могут оставить, но какой в этом смысл, если дело, которым он занимался, все равно будет прекращено – в конце концов и ему самому небезразлично, за что его держат на работе – ради получения какой-нибудь пользы или «просто так».

Тем не менее Великовский поднялся, попросил Михаила подождать и минут через десять вернулся. Он сказал, что считает, что у Михаила есть все основания подать заявление в суд, чтобы восстановиться на работе, и суд, как он считает, примет сторону Горского. После разговора с Алдошиной втягиваться в судебное дело в свою пользу фактически не против института как такового, а против лично программиста Гены Михаил не собирался. Ему все еще казалась странной реакция Великовского – ведь жизнь уже и так раздвинула их по разным углам института – точнее продвинула бывшего начальника в центр, а бывшего подчиненного на периферию, и что бы сейчас они оба ни делали для отмены увольнения, Михаил все равно бы остался в категории институтских маргиналов. Удивляло еще и другое – прежней тяги к откровенности с Михаилом у Великовского больше не наблюдалось. В чем тогда была причина его участия? Интересы, как будто, не могло быть никакого. Тогда что? Сентементы? Да, Сергей Яковлевич был способен на них, хотя и не всегда позволял себе проявлять себе яв-

ную чувствительность. Горский действительно не был чужд ему по духу, хотя они и немало разнились. Ему не раз приходилось отстаивать Михаила от нападков Венина и Гольдберга. Но вряд ли он был готов постоянно защищать Горского в ущерб себе. Тогда, может быть угрызения совести? Но какие? Единственное, в чем Сергей Яковлевич мог считать себя виноватым перед Михаилом, было то, что задуманный ими обоими «Справочник МКИ» принес прибыль только Воложу, Самойловичу и Великовскому, а Михаил со своими сотрудниками остался ни при чем. Михаила это задело, но лишь слегка. Да, за счет разработчиков поживились и непричастные люди. Однако он отдавал себе отчет, что годы достаточно спокойного пребывания в хорошей обстановке на работе обеспечил и ему, и сотрудницам в первую очередь Сергей Яковлевич Великовский, проявляя при этом порой даже самоотверженность. Это дорогого стоило – в любом случае дороже, чем то, чего они не досчитались за свой труд по созданию «Справочника МКИ» – по крайней мере, Михаил так действительно считал, а были ли с ним согласны сотрудницы, он не знал. Но при нем они вслух не роптали. Это было единственным объяснением странного демонстративного заступничества Великовского в момент увольнения Михаила с работы. Ему дали понять, что если он поднимет волну и обратится в суд, Великовский ему, вероятно, поможет восстановиться – вариант который был бы не очень удобен и для заступника. Пожалуй, ему было бы проще вообще

отвести сокращение от Михаила, но он этого не сделал, хотя вероятность того, что он об этом заранее вообще не знал, не превышала и пяти процентов из ста.

Короче говоря, в этой истории оставалось еще много неясного, когда Сергей Яковлевич на прощенье предложил Михаилу обращаться к нему, если понадобится, когда угодно. Напоследок Михаил еще раз зашел к Алдошиной. Они поговорили о ее дочери, поступившей после школы учиться в медицинское училище. Михаил пожелал начальнице удачи, она ему тоже. Это было нечастое для людей, сопряженных только общей работой, расставание двух человек, ничем не осложнивших и не омрачивших друг другу жизнь. Больше он не видел Людмилу Семеновну до самых похорон Саши Вайсфельда.

Глава 15

Нельзя сказать, что смерть достаточно молодого Вайсфельда произошла абсолютно внезапно. Во время одного из не очень частых телефонных разговоров с бывшей сотрудницей Юлей она сказала Михаилу, что Саша очень болен, уже давно находится в Боткинской больнице, где привязан к аппарату диализа крови, потому что свои почки у него не действуют. Прежде не было слышно ни о каких серьезных проблемах со здоровьем у этого энергичного и горячо влюбленного в Ламару человека. Недоумевая насчет причины случившегося, Михаил позвонил Ламаре и сказал, что только что узнал о Сашиной болезни. – «А от кого?» – спросила Ламара, и он ответил: «От Юли». По вопросу чувствовалось, что Ламаре не хотелось говорить на эту тему, но она понимала, что опровергать Юлино сообщение бессмысленно, поскольку Юлин муж Витя неоднократно бывал у Саши в больнице, а потому она вкратце сообщила о хронологии болезни и нынешнем Сашином состоянии, не касаясь, однако, причин обострения, да и самого заболевания в целом тоже. Михаил посочувствовал, спросил, кто еще принимает участие в Сашином состоянии и бывает у него. Ламара назвала Бориспольского и еще нескольких человек, в том числе Витю, добавив, что все они до Сашиной болезни были заняты одним бизнесом и даже в больницу зачастую приезжа-

ют консультироваться с ним. По тому, каким это было сказано тоном, можно было догадаться, что Ламаре не нравилась интеллектуальная эксплуатация ее больного мужа людьми, которые старались выглядеть его друзьями. – «Какие у него виды на поправку?» – спросил Михаил. – «Положение настолько серьезное, что врачи пока не дают никаких обнадеживающих прогнозов. Хорошо, что удалось достичь какой-то стабилизации в нынешнем состоянии. Саше повезло с лечащим врачом. Это очень добросовестная женщина, армянка. Она полагает, что у Саши есть шанс поправиться настолько, чтобы не нуждаться в ежедневном диализе крови. Но в любом случае один или два раза в неделю ему придется проводить диализ, так сказать, в амбулаторном режиме. Вам я могу сказать, Михаил Николаевич, что мне теперь все страшно, любой поворот событий. Единственное, что дает мне какую-то надежду, это то, как Саша сам хочет выздороветь и готов делать для этого все, что только можно, со своей стороны». – «Ну, это-то как раз очень важный фактор» – сказал Михаил. – «Да, и его врач тоже так считает». – «Ну так и не теряйте надежды, и пусть Саша сам в это верит. По-моему, вы – главное, для чего он так хочет жить» – «Спасибо, Михаил Николаевич, вы всегда все понимаете». – «Передайте Саше мои пожелания выздороветь скорей». – «Передам обязательно». Они попрощались. Михаил положил трубку. Ему вспомнилась последняя встреча с Сашей в институтском коридоре. Саша тогда быстрым шагом

обогнал его, повернул голову, поздоровался и, не сбавляя хода, пошел дальше. Михаил понял, что Саше известно о сокращении, и теперь он стремится избежать разговора на эту тему. Все равно любая болтовня в пользу бедных ни к чему не приведет, а на возможную просьбу помочь устроиться куда-нибудь на новую работу у него нет никакого желания откликаться – отнюдь нет. Чтобы заставить Сашу ошибиться в своем прогнозе. Михаил окликнул его и спросил, собирается ли он в отпуск. Саша чуть сбавил обороты и повернув голову слегка назад, ответил, что нет, пока не собирается, сейчас много работы – и тут же вновь ускорил шаг. Должно быть, он все еще опасался, что за первым нейтральным вопросом последует какой-то другой, на который отвечать ему уже никак не хотелось. – «Ну что ж, дело хозяйское, подумал Михаил. Видимо теперь, Саша разделял мнение Венина насчет Горского и его пребывания в институте. Гулкие удаляющиеся Сашины шаги в пустом коридоре слышались сейчас Михаилу столь же отчетливо, как в день их последней встречи. Надежды врача на улучшение здоровья Вайсфельда через какое-то время действительно оправдывались. Ему уже светила перспектива выйти из больницы и продолжать лечиться, лишь регулярно посещая ее. Поэтому смерть по причине сердечной недостаточности, которой в общем-то не боялись, действительно стала неожиданным ударом.

На похороны пришли многие сотрудники Саши по двум институтам и кое-кто из однокурсников. Был также преж-

ний муж Ламары, от которого она ушла с сыном – старшеклассником к Вайсфельду. Этот сын присутствовал тоже. Михаил насчитал трех прежних начальников отдела, в которых работал Саша: Мусина, Алдошину и себя. Пришел и Михаил Петрович Данилов, чью изящно и математически точно сформулированную задачу построения классификации индуктивным путем для избирательного распространения информации Вайсфельд решил приближенным способом в своей диссертации. Пожалуй, среди видных коллег не было только Великовского. Отпевали Сашу по православному обряду, похоронили практически в ту же могилу, что и его отца, полковника Михаила Яковлевича, на старом, к тому же старообрядческом кладбище. Смерть Вайсфельда – сына была во многих смыслах вызывающей в анализе его жизни и поиску связей между причинами и следствиями во всем том, что имело место в его земном бытии, и предопределивших его неожиданно раннюю кончину. По дороге от морга Боткинской больницы к кладбищу Михаил, сидя в машине близкого друга Вайсфельда Саши Штольберга – основного программиста в отделе Феодосьева (которого кстати, на похоронах тоже не было) Михаил попытался выяснить, отчего столь внезапно обрушилось здоровье покойного. – Штольберг должен был знать причину, и Михаил удостоверился, что тот действительно знал, но излагал ее так неопределенно, подолгу обдумывая почти каждое слово, что Михаилу пришлось самому по крупицам воссоздать

мозаику из осколков. Картина получилась следующая. Вайсфельд, энергичный мужчина средних лет, которому удалось полностью завладеть любимой женщиной – Ламарой – после долгого периода, в течение которого он был только ее любовником, хотя все его любящее существо с самого начала связи жаждало ее целиком, внезапно ощутил спад своей сексуальной потенции, чего несомненно, учитывая его богатый и разнообразный опыт, никак от себя не ожидал (это была собственная преамбула Горского к дальнейшим рассуждениям – Штольберг своей информацией лишь заронил искру, от которой пошел луч поиска причин именно в сексуальном направлении). А дальнейшее – и это уже прямо следовало из объяснений Штольберга – заключалось в следующем. Саша обратился к знакомому врачу, и тот посоветовал ему прибегнуть к медикаментозным средствам. Была ли это именно «Виагра» или что-то в том же роде, Штольберг не говорил, но уже прием первой таблетки из выписанного курса привел к резкому обострению болезни почек, которая у Вайсфельда действительно уже была, но не вызывала особой тревоги. Тем не менее, он принял еще одну таблетку и обвалил работу своих почек окончательно. Все, чем ему можно было помочь это срочно подключить его к аппарату искусственной почки, к которому он оказался привязан до самой смерти.

Все выглядело и диковинно, и страшно: и причина обвала здоровья, и сама гибель, которая, собственно говоря, была точно такая же, как и у разумно ненавидимого Сашей

председателя КГБ СССР, а затем и генерального секретаря ЦК КПСС Андропова. И тому и другому было воздано одинаковым концом, хотя грехи у них, конечно, были разные. И у обоих их земной путь был оборван именно тогда, когда им удалось, наконец, достичь главной цели жизни, реализовать свою главную мечту. Над этим следовало поразмыслить поглубже, но в другой обстановке. Пока же ритуальная процедура была еще далека от завершения. В церкви вокруг гроба собрались провожающие покойного. Среди них Михаил узнал бывшую жену Вайсфельда Аллу, которую видел на одном из отшельских соборищ. Тогда она запомнилась ему главным образом тем, что называла Бориспольского просто По-лем – как оказалось, так было принято в их узком кругу. Эта дама выглядела несколько взвинчено – то ли из-за присутствия Ламары в изголовье гроба, то ли из-за непогаснувших чувств к бывшему мужу. Кто она и чем занимается, Михаил не знал. Ему было ясно только одно – что эта женщина душу Саше не перевернула.

Кроме Аллы в число провожающих влились и еще какие-то другие, уже совсем незнакомые люди. Под речитатив батюшки и пение двух певчих покойник приобщался к миру иному по крайней мере душой. Всякий раз, когда ему случалось присутствовать при заупокойных службах, Михаил ловил себя на том, что совершенно не может настроиться на Божественное присутствие в храме в большей степени, чем в любом другом месте – даже наоборот. Настоящим

храмом Божиим для него была и оставалась только перво-
зданная Природа – прямое Творение Создателя всего и вся.
Когда отпевание кончилось, Михаил испытал облегчение.
А потом осталось одно – проводить останки до могилы, бро-
сить горсть земли, постоять с остальными, пока еще сущими
на этом свете, наблюдая, как могильщики вершат могильный
холм. Потом начался долгий путь домой к Ламаре, в кварти-
ру, которую им с Сашей удалось поменять на две свои преж-
ние. На правах ближайшего друга первое слово на помин-
ках взял Саша Бориспольский. Право слово, о своей специ-
альности он рассказывал интереснее, чем о близком челове-
ке. И дело было не в волнении или переживаниях – ни то,
ни другое в Сашиной речи не ощущалось, хотя ему о многом
можно было бы вспомнить в данный момент. Было заметно,
что Ламара думает об этом точно так же, как Михаил.

Сегодня она практически впервые не скрывала от публи-
ки, что Саша был ее мужем, а она его женой. Эта странность
никогда и ни у кого не находила объяснения – и вот чело-
век был признан мужем, когда его здесь больше не было.
Еще на кладбище выяснилось, что поминки состоятся раз-
дельно в двух разных местах. Университетские товарищи,
бывшая жена Алла, сестра Саши Вайсфельда отправились
по другому адресу. Видимо, новый Сашин выбор «подруги
жизни» пришелся по вкусу не всем – не только его отцу Ми-
хаилу Яковлевичу.

Михаил уже давно не виделся с Норой Кирьяновой, ко-

торуую сам же назвал Норой Бернаррой за актерское мастерство в обычной жизни. Еще когда пришедшие в Боткинскую больницу томились перед моргом, к двум разговаривающим Михаилам – Данилову и Горскому – подошла именно она. Михаил спросил, жива ли ее тетка Татьяна Кирилловна, принимавшая живое участие в устройстве его личной жизни. Последний разговор с ней по телефону имел место около года назад, Татьяна Кирилловна сообщила тогда, что недавно похоронила мужа и добавила, что вытаскила бы его из болезни, если бы сама в это время не лежала в больнице. В это можно было хотя бы отчасти поверить, настолько энергично и настырно она умела заставлять медиков делать то, что они обязаны были делать, но делали далеко не всегда. Было жалко и овдовевшую добрую знакомую, и ее мужа, Олега Анатольевича, которого Михаил немного знал. Когда в стране, почти начисто лишенной алмазного сырья, вдруг открыли якутскую алмазоносную провинцию, встал вопрос об их промышленной обработке. Олег Анатольевич оказался среди тех, кому поручили организовать это дело. Специалистов по обработке алмазов, равно как и соответствующих предприятий, в СССР не было совершенно. Предстояло все начинать с нуля. Делегацию инженеров послали знакомиться с зарубежным опытом за границу, первым делом в Бельгию, которая отнюдь не горела желанием делиться секретными знаниями с советскими большевиками. Это касалось и правительства, и крупнейших воротил в ал-

мазном бизнесе. Однако делегацию приняли и представили тем, кто владел секретами технологии. Все-таки с непредсказуемыми Советами как-то надо было считаться – иначе, глядишь, они по глупости или со зла обвалят весь алмазный рынок. Проведя начальные переговоры с делегацией из СССР, один из алмазных королей, Ашер, заявил, что будет разговаривать только с Олегом Анатольевичем. Он так расположился к нему, что лично посвятил советскому инженеру массу времени, чтобы передать все тонкости обработки самых твердых природных кристаллов на Земле. После обучения у Ашера Олег Анатольевич разработал весь технологический процесс для нескольких алмазных предприятий – прежде всего для крупнейшего в Смоленской области, которые успешно заработали как на валютный рынок, так и на жен и любовниц высшей номенклатуры страны.

Оказалось, Татьяна Кирилловна ненадолго пережила своего мужа. Сказав об этом, Нора упомянула: «Она очень ценила вас». Михаил кивнул. Ему это было известно. Нора продолжила: «Знаете, когда она в чем-то сомневалась или чего-то не могла понять, она говорила: «Надо позвонить Мише, Как он скажет, так все и будет». Это было больше обычных оценок. Горский даже поймал на себе после таких Нориных слов удивленный взгляд Данилова. Действительно, насколько помнилось, Михаил давал Татьяне Кирилловне именно те прогнозы изменения жизни, которые вскоре сбывались, не говоря уж о практических советах по многим де-

лам, с которыми она к нему обращалась. Но на этом основании убежденно заявлять, что «как он скажет, так и будет» все-таки не следовало, хоть и звучало это очень даже лестно. Михаил предпочитал помнить, от Кого реально зависит будущее, и внутри себя слишком уж лестной оценки так никогда и не принимал.

Потом Нора отошла к другим знакомым. Ожидание церемонии затягивалось – видно Саша был не единственным больным, которому здесь, кроме последних почестей, ничего не требовалось. Михаил Петрович оглянулся на окружающих и неожиданно произнес. – «Пусть по мне ничего подобного не устраивают. Ждать уже, наверно, не долго. Надо будет сказать своим». Михаил Петрович Данилов сдержал слово. Примерно два года спустя, после того, как в морге Пятой Городской больницы, и затем в траурном зале крематория Донского монастыря с ним попрощались немногие – в сравнении с кругом его знакомств – друзья и коллеги, дочь усопшего Таня, которую Горский помнил еще девушкой – старшеклассницей, подошла к Михаилу. Теперь рядом с ней находился взрослый сын в более старшем возрасте, чем была его мать во время их давнего знакомства. Она, смущаясь, начала говорить, что папа велел не устраивать поминок. Михаил не дал ей договорить, сказав ей, что Михаил Петрович при нем принял такое решение, а в ответ Таня разрыдалась, и он как дочь прижал ее к своей груди. До этого момента Таня только часто курила, но не плакала. И вот...

Когда она немного успокоилась, Михаил попрощался с ней и кое-с кем из окружающих и пошел из монастыря к метро. К нему присоединилась Ламара. Она тоже поцеловалась с Татьяной Даниловой (давно уже не Даниловой – поправил себя Михаил), сказав, что очень хорошо ее понимает. По дороге к станции «Шаболовка» Ламара рассказывала о том, что после смерти Саши Вайсфельда жила крайне скудно, очень нуждалась в работе, но ничего не могла найти. Александр Бориспольский, ставший к этому времени директором не очень большого, но и не больно маленького информационного института – душ эдак на пятьдесят (он, кстати, тоже пришел на похороны Михаила Петровича) – так и не позвал Ламару к себе на работу, на что она, несомненно, надеялась как на друга и партнера своего мужа, о котором Бориспольский на поминках говорил, что тот в походах дважды спасал ему жизнь. – «Я тоже считал, Ламара, – признался Михаил – что он предложит вам работу у себя. Это когда мне советовали поговорить с Бориспольским о своем трудоустройстве в его институте, я отвечал, что это возможно только, если он сам позовет меня, в чем я сильно сомневался. Бывшему начальнику никогда не следует питать особых иллюзий по поводу того, что бывший подчиненный ему многим обязан и испытывает что-то вроде чувства благодарности и помнит за собой обязанность помочь бывшему шефу в трудный период жизни. Не сомневаюсь, что какую-то пользу он мог получить от такого сотрудника, как я. Но он предпочел ее

не получать, хотя мои обстоятельства ему были известны и, как я чувствовал, он ждал, что я его попрошу, но вот что бы он на это ответил, я так и не знаю. Думаю, правда, что скорей всего, он бы мне отказал. Но вот что он вас был просто обязан был взять, я не сомневался. Тем более, что и от вашего участия в его делах он тоже получал бы пользу. Можно подумать, что он набрал такой коллектив, где все сотрудники сплошь корифеи и вам там не место. И у него наверняка имелись такие участки, где, как он точно знал, вы бы прекрасно справлялись».

До сих пор Ламара слушала его, не перебивая, но тут она прервала молчание: «Я тоже этого ждала, считала, что он сам догадается, но не дождалась, а когда попросила его прямоком, знаете, что он сказал? – «Ламара, сейчас многим очень трудно. Спасаются торговлей. Там можно прилично зарабатывать...» Понимаете, Михаил Николаевич, это он мне предложил такое, зная, какая из меня может быть торговка. Да я увяну на такой работе еще быстрее, чем без любой другой!

Это была правда. У Ламары, как и у многих людей, хотя и далеко не у всех, стоял в голове барьер, который точно не следует преодолевать, если хочешь остаться самой собой. И дело не в унижительности ряда возможных занятий по прежнему представлениям о них, ибо нужда может быть еще унижительней и страшней, а сама работа – спасительной, просто помимо всех разумных и неразумных соображе-

ний есть уверенность, что из-за полного несоответствия рода работы всему сложившемуся внутреннему миру придет конец – он попросту распадется, и прежняя личность перестанет существовать. Даже если считать Ламару виновной в том, что она долгие годы изводила Сашу своей попыткой законспирировать их отношения даже после того, как они официально вступили в брак, а теперь предположить, что Саша Бориспольский хотел ей воздать за это, Михаил полагал, что тот в память о друге все равно был обязан поддержать ту, ради которой Вайсфельд готов был жить даже с помощью еженедельных, если не чаще, визитов в больницу для проведения гемодиализа, ЛИШЬ БЫ Ламара не терпела нужды. Ведь Вайсфельд действительно дважды спас Бориспольского. Один раз в туркменской пустыне, где они были вдвоем, когда Бориспольского хватил тепловой удар. Другой раз – на Полярном Урале зимой, когда он мог запросто замерзнуть. «Как тут не похвалить себя, подумал Михаил, за то, что не доставил ему удовольствия своей просьбой о приеме на работу?»

Тем временем Ламара продолжала говорить:

– И ведь приходит ко мне на каждый Сашин день рождения вместе с Витей и Юлей, иногда еще кое – с кем, и каждый раз вспоминает, чем он обязан Саше и в походах, и в делах, а потом они все рассказывают и рассказывают о своих путешествиях в Европу то в Альпы, то в Доломиты, то в Пиренеи на горных лыжах – тут тебе и Франция и Австрия, и Ита-

лия, и Ангора и я не знаю, что еще. И это все выкладывается МНЕ, в моем состоянии! А, да что об этом говорить!...

Да. Такта, выходит дело, у Вайсфельдовского друга Бориспольского было маловато. Все-таки пословицу «Сытый голодного не разумеет» люди сочинили уже очень давно – и не только для бедных. Богатым тоже лучше было помнить о ней для их же блага, хотя бы ради того, чтобы контакты между ними и малоимущими были возможны без взрывов – на то людям и дана такая вещь, как такт.

Было ли ей действительно воздано Небом за то, что она не больно ласково обходилась на людях со своим Сашей (как и ему за тех женщин, кого он недолго жаловал своей близостью прежде), но Ламара выдержала долгую полосу упадка и несчастий с достоинством, которое ничем нельзя было умалить. Ей было в очень многих отношениях тяжело: мучило безденежье, вынужденное временное приостановление деятельности риэлтерской фирмы, в которой работал ее сын, некоторым образом поддерживавший до этого ее бюджет, проявились болезни, неправильно срослась и болела после перелома рука, после чего ее пришлось снова ломать и сращивать, правда во второй раз благополучно; тиранили мысли, рождаемые в обстановке полного одиночества и отсутствия хотя бы моральной поддержки со стороны тех, кого она прежде считала родными или близкими людьми. Ей настолько не было кому излить свою душу, что она облегчала ее лишь во время редких телефонных разговоров (всего три-

четыре раза в год), когда ей с поздравлениями по праздникам звонил Михаил. Все свидетельствовало о том, что одиночество сомкнулось вокруг и против нее со всех сторон, но она сумела как-то превозмочь обстоятельства, не имея большой жизненной тренированности, будучи прежде скорее изнеженной ухаживаниями матери и мужчин, нежели крепко испытанной собственной заботой о них. У Михаила никогда не было сомнений, что Ламара очень высоко расценивает себя, о какой бы статье женской привилегированности ни зашла бы речь. Она умела во всем видеть себя первой. Но только теперь, когда рядом не было никого, с кем ей пришлось бы себя сравнивать, она заслуживала признания уже не от себя и кое-кого еще вроде Саши, а от любого, кто мог бы представить себя на ее месте, хотя лучше было бы вообще никак не оказаться на нем. Что же касается Вайсфельда, то ему вообще нельзя было дать никаких однозначных оценок. Он был полярно разбросан в хорошем и плохом. Учитывая его позднее служение любви в лице Ламары, хорошего в нем в итоге стало больше, чего раньше нельзя было бы сказать без риска ошибиться – уж больно много рафинированного эгоизма то тут, то там беззастенчиво сквозило в его взглядах и поведении. В «доламарином» прошлом он, как и она, тоже считал себя во всем *comme il faut*, хотя на больничной койке ему уже явно приходили на ум и другие мысли. Когда ощущаешь скорого вызова непосредственно к Господу Богу, и от этого холодеет душа, видишь себя

не только так, как привык о себе думать – память словно обретает какое-то невероятное свойство прозрачности сквозь все периоды прошедшей жизни – от ранних годов мальчишеского возраста с грубым непослушанием и абсолютной уверенностью в своей естественной правоте, через детсадовский, школьный, студенческий и уже вполне сознательный возраст сформировавшейся индивидуальности, через ощущение успеха в делах, достигаемого то тут, то там и разнообразных, побед над женщинами по мере роста их числа – и обогащения своей психики цинизмом до возраста ожидания расплаты за свои художества на всех пройденных стадиях и легкой растерянности оттого, что в памяти о своих делах не удастся найти столько добра, чтобы оно перевешивало то нехорошее и злое, что вольно или невольно, сознательно или бездумно выплескивалось из тебя, а ты при этом во все и не замечал в себе никакой скверны – наоборот – оправдывал ее, считая, что возможностей делать что-либо совершенно безгрешно попросту нет никаких, поскольку хорошее для одних тут же обращается в плохое для других – ведь ты весь связан – перевязан с другими людьми, в свою очередь тоже связанными – перевязанными в своем круге знакомств, и тут уж не ухитриться никого не задеть, никому не встать на ногу, не схватиться за что-то, вожаденное и для другого, или не избежать досады из-за того, что кто-то схватил и присвоил себе это вожаденное раньше тебя. И тут так просто вдруг увидеть себя самого внутри руин вместо роскошного

интерьера в здании, которое ты вроде бы сознательно строил всю жизнь, и нет шансов со спокойною душой оставить этот мир в сознании того, что в нем останется нечто ПОСЛЕ тебя в целости и сохранности, потому что там может сохраниться, не разрушившись, только то, что ты должен был сделать по Воле Создателя, осознанной в результате поисков своего высшего призвания. А если этого не произошло, то есть, во – первых, если ты не нашел, не обнаружил своего призвания (или вообще не потрудился его искать), во-вторых, если поняв, к чему ты призван, ты не исполнил предназначения в достаточно полной мере, и, в-третьих, если ты скомпрометировал себя, свои способности при исполнении призвания тем, что сделал еще что-то ВОПРЕКИ ему, то ты точно окажешься среди руин или в пустыне хаоса, где ничего значимого в твою пользу попросту нет. Койка привязывает к подобным мыслям с абсолютной неотвратимостью. Хорошо, коли найдется еще какая-нибудь свежая и ценная идея, которую можно будет развивать мысленно или на бумаге, а не то все время без сна будет уходить на самосуд. Да кто знает – оставят ли тебя эти мысли и видения даже во сне? Ведь ты уже весь, со всеми потрохами, попал в плен предстоящему Суду Самой Высокой Инстанции, ты уже весь целиком с головой погружен в атмосферу самого главного отправного пункта, в который ты уже в прежнем виде точно никогда не вернешься, а пункт назначения остается неизвестен, как и вся дальнейшая судьба твоей трепещущей сути.

Воистину счастлив тот, кто умирает мгновенно, лишь по проблеску Воли Божьей, если Она избавляет тебя от долгой постельной муки тела и души и прямым путем переправляет к иным берегам неведомого мира. Смерть при одинаковом диагнозе равняет не только математика – программиста с обер-полицмейстером тайной полиции и генсеком ЦК КПСС – она уравнивает кого угодно с кем угодно. Просто кого-то из них становится жаль, а кого-то вовсе нет, даже если он по совместительству еще и поэт и любитель новаторского театра, каким представлял себя сам Андропов. Сашу Вайсфельда было действительно жаль. Его способности позволяли ему заниматься не только делами, доступными многим. Даже решение задачи Данилова приближенным методом – тем или другим – могло быть достигнуто не двумя и не тремя специалистами, а и большим их числом. А вот решать свои сверхзадачи у него рука так и не поднялась. То ли он их вообще не искал или старался не замечать, то ли пробовал, но не получалось сходу, то ли погряз в тине отвлекающих халтур ради заработков, то ли отчего-то еще. Михаил допускал, разумеется, что у Саши имелись способности не только к освоению гигантского, воистину необъятного математического аппарата, созданного многими поколениями математиков в течение веков, но и к решению других, еще не решенных, действительно фундаментальных проблем, позволяющих далеко выходить за пределы известного, но такого в его жизни как раз и не было. Ведь не так уж редко люди сами

зарывают свой талант, полагая, что еще успеется, или всерьез испугавшись нищеты, угрожающей любому, кто посвятит себя служению великой цели, выбирая себе цели помельче, но повыгоднее. Последнее было допустимо и для объяснения творческой нереализованности Саши Вайсфельда. Михаил никогда не говорил об этом с Ламарой, а потому и не знал, что думает по данному поводу она, как не знал и того, интересовалась ли она чем-то интересующим Сашин ум кроме ее собственной персоны. Во всяком случае, он точно помнил, что ни разу не слышал от Ламары ничего насчет его математических устремлений, если не считать его занятый диссертацией. Единственное, о чем Михаил мог судить определенно, так это о том, что интеллектуально Вайсберг был сильнее, а по широте интересов богаче своих друзей – во всяком случае тех, кого Михаил знал сам. Словно в насмешку над этим мнением Бориспольский стал доктором наук как раз к тому времени, когда Вайсфельд стал кандидатом. А конечно, тут и речи не могло быть о каком-то состязании – это были птицы разного возраста и полета – но поскольку оба они ступили на поприще социального процветания и именно на него перенесли центры своей тяжести, приходилось признать, что Бориспольский успел на нем больше, ибо действовал прямолинейней и беззастенчивой, да и был более везуч, нежели Саша Вайсфельд.

Ко времени свертывания деятельности крупных информационных учреждений стало появляться все больше куда

более маленьких.

Работа шла в них и по государственным планам, и по заказам вне этих планов. Так было легче выживать и кормиться. В одном из таких небольших институтов директором стал доктор технических наук филолог Александр Борисович Бориспольский. Вот и сработала как надо высшая ученая степень в нужное время в нужном месте. Этим, кстати, институт Бориспольского отличался от аналогичных других в лучшую сторону. Докторов наук в информации по-прежнему не хватало, в большинстве заведений на постах директоров обходились кандидатами.

Михаил узнал об этом без удивления. Все, что могло и должно было приносить пользу, в конце концов приносило ее. Вот и докторская степень тоже. Самое смешное состояло в том, что эта степень, полученная Бориспольским в центре Антипова, сравнивала его с бывшим грозным шефом, который в новые времена возглавлял примерно такой же маленький институт, какой получил под свое начало Бориспольский. Время уравнило и по статусу и по масштабу человека, именовавшего себя не иначе, как сильный личностью (потому, что именно так он думал о себе), с другим человеком, которому титул сильной личности вообще не подходил, даже номинально, но кого приближали к себе именно «сильные личности» прежде всего за то, что считали таких безвредными для себя.

Став директором, Саша не очень изменился. Он про-

должал выезжать за границу на отдых в горнолыжные курорты. Разрешал старым сотрудникам обращаться к нему «на ты», но не задирали, правда, несколько изменил круг общения. Впервые Михаил услышал даже не от Юли, а от Ламары, что на свой шестидесятилетний юбилей Бориспольский не пригласил ни Юлю, ни Витю. Казалось бы нерушимый альянс, возникший еще с тех пор, как Юля, сперва ставшая любовницей Саши, вышла замуж за Витю, и это привело к тому, что кое-кто отпускал о данном трио шуточки в категориях закона, трактующего в качестве признака фактического брака, что в случае Саши, Вити и Юли речь идет о совместном ведении хозяйства. Так далеко в своих суждениях об этой троице Михаил никогда не заходил, но и резко отрицать гипотезу о совместном ведении хозяйства тоже не стал бы, потому что Юля всегда была настроена к Саше комплиментарно, а когда он сделался директором, она даже за глаза стала именовать его Александром Борисовичем, и тот, как убедился Михаил, уже не возражал против этого. Михаил же неизменно обращался к Саше только по имени и на «вы». В числе общих предметов владения тройственного альянса совершенно точно был один – парусный катамаран на надувных поплавках, которым трио обзавелось в складчину. После того, как Михаил и Марина купили деревенский дом на берегу Моложского залива Рыбинского водохранилища, Юля и Витя проявили интерес к этим местам, и Михаил пригласил их заглянуть к ним с Мариной, если они

на своем катамаране будут в их краях. Саша, будучи совладельцем судна, не так часто ходил на нем в походы, как Витя – главный энтузиаст парусных путешествий – и Юля, которая когда-то занималась яхтенным спортом и имела квалификацию яхтенного рулевого первого класса, хотя у них на семейном борту командовал все-таки Витя. Однажды Михаил получил письмо, в котором сообщалось время прибытия троицы в их деревню. Витя с Юлей шли на катамаране от Углича вниз по Волге, затем вверх по Мологе и в Весьегонске должны были принять на борт Бориспольского, который собирался прибыть туда поездом.

Михаил полагал, что все гости расположатся на участке по-походному, в палатке или палатках, но Саша сразу без обиняков заявил, что не хочет мешать супругам, а кроме того у него радикулит, и поэтому он собирается поселиться в доме. Ему выделили диван в горнице, но еще больше дивана он полюбил шезлонг, стоявший рядом. Им он завладел монопольно вообще без спроса. Михаил счел это проявлением директорской привычки в поведении гостя, но ничего не сказал, поскольку хозяева сами шезлонгом не пользовались, а двое других гостей на него и не думали покушаться. Витя в основном возился с катамараном, Юля то помогала ему в каком-либо ремонте, то вместе с Мариной готовила на всю компанию еду и исправно мыла всю посуду. Саша большую часть времени проводил в доме или перед ним (и там и там в шезлонге) с одной из книг, стоявших в доме

на полке, хотя иногда и присоединялся к Вите, Юле и Михаилу, когда они отправлялись из своей живописной гавани походить под парусами. В этих случаях Саша в ответ на расспросы Михаила пространно объяснил, чем он теперь занимается, какие задачи решает его институт, кто из знакомых работает у него (Витя и Юля в их число не входили), кто где-то еще. Он, как обычно, знал, кто, где и чем занимается. Среди других интересовавших его имен Михаил как бы невзначай спросил, что слышно о Вольфе Абрамовиче Московиче, который давно выехал в Израиль, но до него как будто так и не доехал – и тут произошла удивительная вещь – Саша, имевший точные сведения о жизни всех остальных знакомых эмигрантов со слегка озабоченным видом сказал, что о Московиче не слышал ничего, хотя даже помимо Саши до Михаила доходили сведения, что Вольф Абрамович профессорствует в одной из Европейских стран. Молчание насчет Московича со стороны Саши могло означать только одно – он не простил умному и маститому еврею отказ поддержать его диссертацию. Вспомнились слова Московича в передаче Михаила Петровича Данилова: «Я прочел вашу диссертацию. Это сплошная халтура. Дать на нее положительный отзыв я не могу». Тем самым Вольф Абрамович вывел себя за пределы корпорации «хороших людей» для Александра Борисовича Бориспольского. Получалось, что к этой оценке можно было бы добавить и слова Маяковского из его поэмы для детей «Что такое хорошо и что та-

кое плохо»: «Я такого не хочу даже вставить в книжку». Да – из книги своей жизни Саша выставил Московича вон вполне определенно. Отличился он в глазах Михаила еще одним поступком – взял к себе в институт Валентина Феодосьева. Видимо, этот директор – основатель собственной частной программистской фирмы с претенциозным названием «Лидер», потерпел бизнес-фиаско на поприще, переполненном массой отечественных программистов, которые вдруг лишились работы в своих прежних отраслевых, институтских и заводских вычислительных центрах. В страну вместе с импортными персональными компьютерами хлынуло готовое хорошо отработанное программное обеспечение для решения большинства задач, которые стояли перед специалистами самого разного профиля, и тут обнаружилось, что сама по себе профессия программиста вовсе не является прямым свидетельством принадлежности к элитарному слою работников умственного труда, и что в большинстве случаев программисты являются скорее ремесленниками, чем мастерами, в деле, которое в основном раньше и лучше сделали за рубежом. Кем бы в своих собственных глазах ни был Феодосьев – человек чрезмерного самолюбия, причем особенно любившего себя в то время, когда он был заместителем директора большого всесоюзного института, он был вынужден принудительной силой обстоятельств попроситься на работу к Бориспольскому, и тот взял его к себе, хотя спустя какое-то время очень об этом пожалел. Как за-

ведующий отделом с обостренным до уровня психоза само-мнением, он довел дело до того, что от него стали уходить лучшие сотрудники. Это переполнило чашу терпения Бориспольского, и он снял Феодосьева с должности заведующего отделом. – «Я еще никого не увольнял, то ли пояснил, то ли похвастал Саша, – ограничиваюсь переводом в более низкую должность. Ну, Валентин, конечно, вспыхнул и сам ушел». – «А ты что, до сих пор не догадывался о том, что это за фрукт? – возразил про себя Михаил. – Думал, что это я виноват в учиняемых им безобразиях?» – однако вслух ничего не сказал. Удивляться особенно было нечему. Вон тот же Штольберг, нынешняя правая рука Бориспольского, зав. отделом программирования, долгие годы прекрасно уживался с Валентином, тогдашним своим приятелем – начальником, да еще и оправдывал его, заботясь исключительно о своих интересах – на остальное ему было плевать, лишь бы не мешал ему жить, как нравится.

Все, о чем говорил Саша, сидя рядом с Юлей, Витей и Михаилом на мостике катамарана, укладывалось в одну часть мозга, тогда как другая жадно, как новое, вбирала в себя привычные картины водных просторов, зеленых островов, проливов, ведущих в соседние плесы. Витя, в отличие от Саши, был в большей степени зачарован чудесами природы, будь то вода, леса или горы. Когда он ходил со своим другом Левой Юдиным на Памир, они побывали при прохождении туристского маршрута (не в ходе специального восхождения!)

на двух его семитысячниках: на пиках Ленина и Евгении Корженевской. Витя оказался способным преодолеть себя и разные невзгоды ради того, чтобы перед ним распахнулось невиданное. Немалой решимости требовали и водные маршруты. В них Юля была ему надежной опорой. Она и в горный поход по Тянь-Шаню пошла вместе с мужем. Правда, тогда в их группе произошла неприятность. В числе их спутников находился и Миша Берлинский, сотрудник Вити в отделе Феодосьева, который потом работал у Венина. – Так вот, Миша в этом походе настолько обморозил ноги, что ему пришлось после возвращения ампутировать несколько пальцев. Берлинский допустил серьезную оплошность – не менял на ночь отсыревшие носки на запасные сухие, рассчитывая, видимо, что в спальнике на себе он их просушит. Витя не интересовался состоянием Мишиных ног, хотя какие-то поводы для этого, по-видимому, все же были. Считать Витю физическим виновником Мишиного несчастья оснований, конечно, не было, тем более, что и Миша отнюдь не являлся новичком, но некая моральная ответственность за случившееся на Вите как на руководителе все-таки оставалась.

Ночные температуры на леднике, да и собственные ощущения могли бы просигнализировать о необходимости выяснить, у всех ли все в порядке. Но Витя был поглощен собой и ни о чем не спрашивал. Ему было достаточно того, что с ним самим, возможно – еще и с Юлей – все в порядке.

Было ли это выражением обычного эгоцентризма, свой-

ственного многим, или чем-то похуже – вроде полного безразличия ко всем и вся, если в них нет никакой заинтересованности, Михаил себе голову не ломал. Ему вполне хватало того, что Витя сам исправно приятельствовал с Феодосьевым, когда после первого разгрома («реорганизации» – по Плешаковски) отдела Горского попал в отдел Феодосьева. Он действительно старался соблюдать нейтралитет в столкновениях Горского и Феодосьева, но когда обстоятельства требовали сделать выбор в пользу одного или другого, он неизменно принимал сторону Феодосьева, даже когда даже не по совести, а по уму точно понимал, что прав Горский, а не Феодосьев – так ему было проще жить. Ум у Вити был своеобразный. За долгую жизнь – а он был всего на четыре года моложе Михаила – он не потерял тяги к новому и готовности к учебе. Предметом его особого интереса были иностранные языки. Он старался проникнуть в основы санскрита, японского, тюркского, шведского и Бог знает каких языков еще. Возможно, в нем погиб слишком поздно проснувшийся специалист по сравнительному языкознанию, которым он в силу этого обстоятельства стал заниматься только как хобби, а не профессионально.

Еще его притягивала к себе теория паруса и корабля. Здесь в нем мог бы показать себя уже не лингвист, а физик, но Михаил не раз убеждался, что образованность в области физики, в частности – механики, не обеспечивала ему самостоятельное раскрытие довольно простых вопросов, кото-

рые занимали его. Но все равно – Витины потуги к познанию выглядели гораздо более праведными и благородными устремлениями, чем постоянная тяга Бориспольского к одному – всегда находиться на острие интеллектуальной моды в кругу себе подобных, конечно же, включая сюда и политику с ее штампами и контрштампами, набившими оскомину еще в советские времена, но вовсе не отправленными в утиль в постсоветскую эпоху. Кстати, верность Бориспольского своим предпочтениям легко было опровергнуть доказательством от противного. Михаил сразу приступил к испытанию.

– Саша, хотите посмотреть? – спросил он, протягивая стопочку бумаг.

– А это что?

– Это краткое изложение моей философии.

– Вот как? – слегка удивился Саша и прочел вслух: «Очерк философского осмысления бытия». Ну что ж, посмотрю.

Это было сказано без особого энтузиазма, но и без снисходительности в голосе. Бориспольский отложил в сторону книгу, с которой сидел в шезлонге и начал читать очерк. Михаил предвидел, что Саше его работа обязательно не понравится, однако не мог сказать определенно, по каким именно мотивам. Сашина реакция на достаточно любопытный и не скучно написанный труд оказалась крайне лаконичной, если не скупой. «Судя по дате, это написано четыре года на-

зад». Однако за внешней неадекватностью ответа – в нем не было как будто никакой оценки по существу – Михаил увидел полную определенность. Она заключалась в следующем. Сашу сильно поразила, задела и проняла логика рассуждений Михаила. Это должно было бы вылиться в признание достоинств работы Михаила, но таких выводов Саша не мог себе позволить – это было бы равносильно возведению Михаила в ранг корифеев, а таковым Бориспольский его никогда не считал и потому признавать не собирался. Он был настолько внутренне оскорблен тем, что это было продумано и написано не им и не кем-то из тех, от кого он мог бы это ожидать, а Горским, чей «потолок» был давно уже известен всезнающему Бориспольскому, что его возмущенный ум искал хоть какой-нибудь способ принизить зарвавшегося автора, не имеющего права быть таким прозорливым, каким он себя показал. Прямых оснований для принижения оценки он не находил. Поэтому Саша использовал единственное явное место, которое могло принизить Михаила хотя бы слегка и стать чем-то вроде легкого щелчка по слишком высоко задранному носу Горского – дать ему понять, что может быть, четыре года назад он и имел основания чувствовать себя умным человеком, но четыре года спустя он подобного права уже не имеет.

Логика Бориспольского развеселила Михаила. Поэтому он решил при случае дать ему новый урок, а если понадобится – то и уроки, чтобы заставить Сашу аккуратней выражаться

о своем бывшем шефе, пусть тот и думать не мог подняться на такой же директорский уровень, какого уже достиг Бор-испольский.

Случай вскоре представился, по радио и телевидению все еще говорили о причинах гибели гигантской российской подводной лодки «Курск», причем окончательный официальный вывод гласил: причиной гибели корабля был самопроизвольный взрыв торпеды внутри его корпуса. Это была вопиющая ложь, которую опровергали даже известные детали официальных сообщений.

– До чего надоело слышать эту лажу насчет торпед «Гранит», – сказал Михаил.

– Почему лажу? – встрепенулся Саша, и Витя тоже повторил, только не возмущенно, а заинтересованно: «Почему?»

– Хотите знать? Тогда слушайте. Мой анализ опирается исключительно на сведения, в разное время публиковавшиеся от имени официальных лиц и инстанций, в чьем ведении был корабль, а затем и следствие. В этом множестве разноречивых фактов и суждений мне удалось выстроить логическую цепь и устранить кажущиеся противоречия. Если логика моей интерпретации вам не понравится, попробуйте опровергнуть.

Итак, что было известно с самого начала об этой истории? Довольно многое. Первые океанские боевые учения Северного флота после развала СССР широко освещались в прессе. В частности, было заявлено, что проведение столь до-

рогостоящего мероприятия было особо согласовано с Минфином и другими правительственными органами, и на него были выделены крупные денежные и материальные ресурсы. Из этих сообщений прямо-таки выпирало слово «океанские» учения, под которыми понимаются действия флота вдали от родных берегов, где-то там – за дальними горизонтами. А где реально проходили учения? Где, на какой глубине затонул «Курск»? На континентальном шельфе к северу от нашего Кольского побережья и побережья Норвегии, то есть рядом с берегами. Глубина в месте гибели лодки называлась всегда одна и та же – 108 метров. Это вам не открытый океан и не дальний поход с маневрами. Что касается «океана» – это первая ложь, вступающая в противоречие с заранее обнародованной истиной – Северному флоту государство выделило очень крупные средства на океанские учения. А что следует из этого противоречия? То, что командование Северного флота под газетную трескотню провело обманную операцию – вместо дальнего похода – ближний. Разница в стоимости того и другого огромная: это десятки тысяч тонн топлива, это сотни вагонов с провиантом, и нет никакой сложности в том, чтобы эту «сэкономленную» разницу между запланированными и израсходованными материальными ресурсами втихаря продать на свободном рынке, а выручку распихать по карманам форменных штанов с широкими лампасами. Вот почему гигантская подводная лодка водоизмещением 24000 тонн проводила «учеб-

но-боевые действия» в акватории с глубинами порядка 100 метров. Это все равно, что купать слона в квартирной ванне – неэффективно (для этого предназначены и существуют другие корабли, в том числе и гораздо меньшие подводные лодки) и опасно, что и подтверждено печальной судьбой «Курска». Такой гигант сделан для операций в океанических глубинах, где он практически не заметен, где можно идти с высокой скоростью, не опасаясь, что внезапно, при небольшом смещении с заданного горизонта воткнешься в морское дно. А так «Курск» полз себе со средней или малой скоростью, вряд ли превышающей 15-20 узлов, скорей всего на перископной глубине и при этом под днищем лодки оставалось не более 50 метров. Что было сообщено постфактум, то есть после гибели лодки, о том, что этому предшествовало? А было сообщено, что последним сообщением с лодки была радиограмма командира лодки Лячина командованию флота с просьбой разрешить торпедную атаку. По логике учебно-боевых действий лодка уже выполняла свою автономную задачу, и если она должна была по плану провести торпедную атаку, то зачем дополнительно спрашивать на нее разрешение, демаскируя себя? Ведь ей для этого требуется посылать акустические сообщения находящимся поблизости надводным кораблям, а те уже могут ретранслировать их по радиоканалам. Источник же акустического излучения под водой легко пеленгуется. Если иностранные подводные лодки находились в районе наших маневров (а они там без-

условно были, о чем также сообщалось в прессе) они легко могли определить текущее место и курс нашего «Курска», что, несомненно, и было ими сделано. Но вернемся к запросу Лячина на разрешение кого-то атаковать торпедами. Во-первых, как я уже говорил, в данном случае разрешение могло потребоваться либо потому, что в задании на этот день и час торпедная атака вообще не планировалась; либо, если планировалась, ее целью был другой объект, а не тот, который предусматривался уже выполняемым заданием. Инициатива по изменению планового сценария исходила от командира подлодки. Что он мог захотеть атаковать с разрешения штаба флота? Я считаю, что целью могла быть только иностранная подводная лодка, обнаруженная «Курском», а конкретнее – американская или английская атомная субмарина.

– Вы что, считаете, что он просил штаб разрешить ему утопить американскую или английскую лодку? Но ведь это война! – не выдержал Саша. – Нет, это совершенно невозможно!

Вы ошибаетесь, возразил Михаил, – и сейчас я объясню, почему. Военным маневрам любого флота, в том числе и нашего, всегда предшествует сообщение соответствующего МИД»а о районе их проведения с просьбой судам и самолетам всех морских держав в такой-то период не посещать акваторию и воздушное пространство над ней, ограниченное такими – то и такими-то координатами. Для чего это делается? Для того, чтобы не подвергать чужие корабли и самолеты

опасности гибели – ведь там флот будет проводить боевые стрельбы, и если кто-то сунется туда на свой страх и риск, ему мало не покажется. Конечно, противостоящие друг другу флоты не слушаются предупреждений – и мы посылаем свои корабли, подводные лодки и самолеты в район чужих учений, и это все ради того, чтобы узнать возможно больше о чужих кораблях, их оружии и тактике в процессе практических действий. Таким образом, если бы Лячин утопил иностранную подводную лодку, Россия не понесла бы за это никакой ответственности – ведь мы просили туда не соваться и не рисковать.

– И вы считаете, что Лячину разрешили торпедировать иностранную лодку? – всерьез напрягшись для спора, спросил Саша.

– Именно так.

– Но это невозможно себе даже представить! Это просто преступление и даже нонсенс с точки зрения теперешних отношений с Западом!

– Что это по существу преступление – не спорю. А с точки зрения отношений между Россией и Западом, победившим в холодной воде, вовсе не нонсенс, особенно с точки зрения военных. Они долгие годы рассматривали друг друга только через прицелы, и из их сознания образ врага отнюдь не исчез.

– Но теперь-то это противостояние в позе готовности к броску прекратилось!

– Кое-что действительно прекратилось – скажем, отменены рейды стратегических бомбардировщиков над океаном на позиции атаки вражеских территорий, а кое-что – нет.

– А что именно?

– Военные с обеих сторон по прежнему стремятся нанести максимальный ущерб военной мощи даже бывшего противника. Чаще это, конечно, делается дипломатическими средствами – путем заключения договоров об уничтожении таких-то и таких-то средств нападения и обороны, но если только они усматривают возможность нанести противнику-партнеру еще больший ущерб, чем это следует из договоров, да еще и безнаказанно – будьте уверены – они это делают. – Так что же, по-вашему, решили в нашем штабе? – Решили одобрить инициативу Лячина. Я даже догадываюсь, в каких именно выражениях они первоначально мотивировали свое согласие на торпедную атаку. – Спрашиваете, в каких же? Узнав, что «Курск» обнаружил на подходящем расстоянии для атаки чужие лодки, они высказали одновременно протест против наглого вторжения и согласие с Лячиным в самой убедительной форме: «А не хуя им тут делать!» Уверен, что эта фраза вырвалась сразу вместе из нескольких ртов. Затем они ответили Лячину, что разрешают сделать то, о чем он просит. Не упустите, кстати, из рассмотрения еще одну немаловажную деталь – Лячин был уверен, что за уничтожение чужой атомной субмарины он непременно удостоится звания Героя России, и это несомненно подо-

гревало его боевой энтузиазм, если вообще не было первопричиной его инициативного предложения. Забегая вперед, можно отметить, что лично насчет себя он не ошибся. Ему действительно присвоили звание Героя России, правда, по-смертно, к тому же, вопреки уже всякой логике – за бездарную гибель его же корабля.

– Почему вы так считаете?

– Потому что чужую лодку он не уничтожил, как собирался. Потому, что он понятия не имел о том, что с точки зрения обеспечения безопасности нашего государства – а это в истории с «Курском» самое печальное и даже самое страшное – что американцы не испытывали никаких затруднений с прочтением шифровок Лячина и штаб флота. Беру на себя смелость утверждать, что это и стало главной причиной нашей трагедии. Смотрите сами. Главнокомандующий всем военно-морским флотом России адмирал Комоедов – а вслед за ним то же мнение высказал и вице-премьер правительства Илья Клебанов – заявил, что «Курск» был протаранен иностранной подводной лодкой в носовой части, что подтвердилось фотографией пробоины, у которой кромки загнуты внутрь корпуса. Впоследствии это честное объяснение было официально отвергнуто (но не опровергнуто), адмиралу Комоедову приказали замолчать, но своего первоначального мнения он все равно не изменил, хотя по логике правительственной солидарности от него этого обязательно должны были требовать. Итак, еще один важный факт – все мы

видели по телевидению снимок этой пробоины – действительно, с кромками, вогнутыми вовнутрь. Это подкрепляет мою гипотезу о знании американцами Лячинского плана атаки, и я скажу, почему командир американской лодки понял, что его корабль находится в смертельной опасности практически в тот же момент, когда Лячин прочел разрешение из штаба флота. Что он мог предпринять в качестве меры защиты? Удрать – нереально, торпеда догонит, пустить в дело свои торпеды, чтобы утопить «Курск» до того, как он уничтожит его субмарину? Но тогда это уже настоящий казус белли, агрессия, вооруженная агрессия и пролог большой термоядерной войны – ведь это американская подлодка находится там, где ее просили не быть ради ее же безопасности, и вдруг она «ни с того, ни с сего» нападает на нашу лодку и становится несомненным агрессором по всем статьям международного права. Что тогда американцу остается делать? Только таранить (При этом штатное оружие не будет пускаться в ход, а таран можно будет выдавать за ненамеренное столкновение, каких в морской практике случается сколько угодно). После того, как созрело его решение таранить «Курск» во спасение собственного корабля, надо было решить куда, в какие места наносить удар. Не дай Бог было повредить атомные реакторы – этого бы не простили даже союзники по НАТО. Не стоило, исходя из профессиональной морской солидарности подводников всех стран, и губить в ходе тарана больше людей, чем требовалось для срыва ата-

ки – без каких-то жертв все равно не обойтись. Это желание вкупе с мыслью о том, что оружие, подготовленное на «Курске» для атаки, находится в его носовом отсеке, предопределило выбор американца. Народу там всего ничего из целого экипажа – лишь несколько торпедистов – таранить «Курск» надо в носовую часть. Этот маневр был выполнен американской лодкой столь точно, что саму эту точность можно было считать свидетельством того, что американцы с помощью своей аппаратуры практически видели (звуковидением, что ли) весь корпус «Курска» и потому так удачно нанесли удар. Надо думать, перед этим командир американской лодки приказал своим людям покинуть новый отсек, который у него наверняка серьезно пострадал – ведь наши поисковые корабли обнаружили их лодку на грунте, где она приходила в себя до тех пор, пока в сопровождении наших самолетов не доплелась до Норвежского Бергена, где ее поставили в док на ремонт. Вот кто был достоин самой высокой награды – так это американский командир. Спас и лодку и экипаж, а наш умник Лячин погубил свой «Курск» со всеми людьми и себя в том числе. Ну, об этом потом.

А после тарана картина на «Курске» была такая. Я думаю, в первый миг никто ничего не понял, а если даже и понял, предпринять ничего не успел. Потому что в пробоину площадью больше квадратного метра в корпус «Курска» мгновенно хлынуло несколько сотен тонн воды – это как минимум, а то и несколько тысяч. Лодка тут же клюнула носом

вниз и пошла дальше с этим дифферентом с прежней скоростью наклонно ко дну, а оно – то рядом в пятидесяти метрах по вертикали максимум. Я тут сделал приблизительный расчет, сколько времени прошло до столкновения «Курска» с дном, исходя из предположения, что дифферент был 100, а скорость 20 узлов. Получилось, что через десять секунд после тарана. Экипаж за это время ничего не успел бы предпринять – горизонтальщик не смог бы выровнять лодку, даже если бы старался изо всех сил, механик не успел бы дать максимальный задний ход, чтобы уменьшить скорость, потому что масса «Курска» – 24000 тонн, а чтобы лучше это представить – масса четырех тяжеловесных поездов из ста железнодорожных вагонов по 60 тонн каждый. Кто такой поезд заставит замереть на месте, если он идет на скорости около сорока километров в час? Никто. А лодка в четыре раза массивней. И вот тут-то произошла окончательная катастрофа. «Курск» врезался в грунт, подготовленные к атаке торпеды от прямого удара взорвались и разнесли в пух и прах первые два отсека – носовой торпедный и второй – командный. Это было ясно сразу. Во втором отсеке живых никого не осталось. Командир и другие офицеры погибли. Некому и нечем было обеспечить срочную продувку балластных цистерн, чтобы начать аварийное всплытие, если оно вообще было возможно после внутренних разрушений. Ни с какого другого поста в середине или на корме подлодки этого нельзя было сделать. Те, кто пока еще был жив, оказались беспо-

мощны в глухой западне. Средства индивидуального и группового спасения в затонувшей лодке имелись только в разрушенном втором командном отсеке. Это уже был неустранимый дефект конструкции лодки, заложенный еще в ее проект – какая бы авария ни произошла лишь в одном только командном отсеке, весь экипаж был обречен на смерть. Кстати, мой примерный расчет времени столкновения «Курска» со дном оказался почти совершенно точным. У нас по радио и телевидению сообщали, что Норвежская сейсмостанция зафиксировала два взрыва один за другим, причем первый – слабый, отделяло от второго – очень сильного – всего двенадцать секунд. За эти двенадцать секунд американская лодка типа «Огайо» водоизмещением в 6500 тонн успела отскочить от «Курска» на некоторое расстояние, где она смогла перенести гидравлический удар после взрыва торпед, подготовленных к выстрелам из аппаратов «Курска», хотя, надо думать, ее потрясло очень сильно, так что часть экипажа наверняка получила там всякие травмы от падений и ударов о разные предметы.

А в «Курске» медленной страшной смертью в это время умирало больше тридцати людей, уцелевших после взрыва, из реакторных и кормового отсеков. Наши спасатели не сумели пристыковаться к кормовому люку, если, конечно, правдой было то, будто кто-то пытался пристыковаться. Воспользоваться кормовыми торпедными аппаратами для того, чтобы с серьезным риском для жизни попытаться спастись

по одному, никто тоже не смог – возможно, потому, что, в частично затопленном отсеке торпедные аппараты оказались глубоко под уровнем холодной воды внутри корпуса. А на поверхности над «Курском» царила растерянность и неразбериха. Как уже давно повелось на всех наших флотах после перестройки, все спасательные суда зарабатывали деньги в иностранных водах. На случай серьезных катастроф у себя дома никого не оказывалось. Об этом в газетах писали уже давно. Начальство трепетало в ожидании расследования и наказаний. Было ясно, что уже никого не спасти. Но Путин принял решение до конца следствия о причинах катастрофы никого с должностей не снимать и сосредоточил усилия на дипломатических переговорах. Наши предъявили американцам обвинение в том, что они угробили нашу лодку, хотя их просили в этой акватории даже не появляться, американцы отвечали, что виноваты русские, которые собирались торпедировать их субмарину – и в доказательство предъявили перехваченные шифровки. Наши отказывались признавать расшифрованные бумаги доказательными документами, американцы отказывались признавать свою вину за таран, хотя отрицать сам его факт было бессмысленно. Словом, шел упорный циничный торг, который завершился компромиссной договоренностью. Американцы обязались втихаря возместить стоимость «Курска», включая расходы на подъем корабля с морского дна. Русские обязались отказаться от публичных обвинений в адрес американ-

ской лодки в преднамеренном таране. Американцы потребовали, чтобы для обеспечения сокрытия факта тарана носовой отсек «Курска» должен быть отрезан от всего корпуса еще под водой и там взорван и оставлен в виде мелких фрагментов. России предоставлялась возможность придумать любое объяснение причин катастрофы, не задевающее американский флот. За это компания по производству глубоководных работ, находящаяся под контролем вице-президента Соединенных Штатов Ричарда Чейни «Хали Бертон» обязалась обеспечить подводное отрезание носового отсека «Курска» и подъем на поверхность всего остального корпуса и доставку его в Российский плавучий док в Кольском заливе с помощью специальной разъемной баржи, заказ на которую они разместят и оплатят на верфи Северного завода в Северодвинске. Это была беспрецедентная работа по подъему корабля такого водоизменения с такой глубины, хотя в интересах нефтедобытчиков с морских месторождений водолазам Запада случалось работать и на больших глубинах. Смешно и печально вспоминать на фоне нашей беспомощности и несостоятельности, что именно в Советском Союзе был поставлен мировой рекорд водолазного погружения в море и последним Героем Советского Союза перед его распадом стал именно автор этого мирового рекорда. Впрочем, в интернациональную бригаду водолазов «Хали Бертон» включили и российских водолазов – глубоководников, квалификация которых никак не уступала членам основной команды.

Очевидно, наши водолазы получили задание присматривать за западными коллегами, чтобы они не стырили что-нибудь секретное, а кроме того, обучились тонкостям подводных технологий, которыми мы еще не владели. И в итоге все глубоководные работы были сделаны в срок, лодку без первого отсека оторвали от грунта и подняли внутрь баржи в ее донный колодец, выполненный по форме рубки корпуса лодки, закрепили останки на барже и отвели в Российский плавдок в Кольском заливе. Вы сами видели, как это происходило. А затем начался заключительный акт трагического фарса – следствие о причине катастрофы. Главой следственной комиссии Путин назначил генерального прокурора Устинова. Следственная бригада в его присутствии начала расследование с раскуроченного и перекореженного взрывом второго отсека. По нему было крайне трудно прокладывать путь. Грузный Устинов не нашел ничего лучшего, чем рассказать миру в своей книге о собственном мужестве на этом этапе расследования. Он сам объявил, что крайне опасно было проводить следственные действия, поскольку то там, то тут обнаруживались фрагменты головных частей запасных торпед «Гранит», не сдетонировавших при взрыве в момент катастрофы. Этот умник даже не понял, что данным свидетельством фактически аннулирует итоги всей следственной работы, в результате которой причиной гибели «Курска» была якобы дефектная конструкция торпед, служивших до того времени верой и правдой на вооружении флота уже ряд

лет. Вдумайтесь сами – если вам говорят, что торпеды якобы взорвались сами по себе, в то время, как находящиеся рядом с торпедными аппаратами на стеллажах запасные торпеды при страшном взрыве были сами разрушены, но не взорвались и в виде пригодной для использования взрывчатки разметаны по всему отсеку, то как хватало ума, неграмотности или наглости (не знаю, чего больше), чтобы обвинять конструкцию такой торпеды, которая не сдетонировала даже в аду?

Ложь от начала и до конца сопровождала катастрофу «Курска». Врали, что проводили океанские учения, а не прибрежные – как было на самом деле (врали, потому что многое хотели украсть). Врали, что флот пытался спасти экипаж, хотя ни на лодке не оказалось пригодных средств спасения, ни у флота не было нужных технических средств. Дезавуалировали правду о таране, высказанную адмиралом Комоедовым и вице-премьером Клебановым. Единственное, о чем благообразно умолчали – это об инициативе командира подлодки «Курск» Лячина насчет торпедирования чужой подлодки и о поддержке ее командованием флота. После следственного разбирательства, хоть и насквозь фальшивого (напомню, что еще до подъема «Курска» со дна были физически изъяты, а затем уничтожены все улики, подтверждавшие факт американского тарана), заключительным аккордом которого стало незаслуженное обвинение торпед «Гранит», президент Путин снял с должностей весь высший команд-

ный состав Северного флота. Были ли возбуждены против кого-либо из этих адмиралов уголовные дела, неизвестно, хотя, «художеств» за ними было явно выше крыши.

Бывший командующий Северного флота адмирал Попов отделался от возможных обвинений по крайней мере в халатности при исполнении своих командных и контрольных функций очень легко. Сначала он стал чиновником областного масштаба, а вскоре даже сенатором, членом Совета Федерации, обладающим парламентской неприкосновенностью, то есть неподсудностью. Об остальных адмиралах пресса не упомянула ровным счетом ничего. Еще одним последствием разбирательства были возникавшие спонтанно то тут, то там (но не на официальном уровне) обвинения в адрес проектанта лодок типа «Курск» – ОКБ «Рубин» под руководством академика Игоря Спасского. Действительно, с точки зрения техники спасения людей в случае аварии или катастрофы на атомном корабле было предусмотрительно чрезвычайно мало – только в одном месте, в командном отсеке, стало быть, фактически лишь для старших офицеров корабля. Не было предусмотрено вообще ничего для управления всплытием лодки с другого поста, если погибнут люди в командном отсеке. Я старался представить себе как инженер, что можно было бы сделать чтобы люди в подводных лодках не превращались все как один в заложников аварии в каком-то одном ее отсеке – ведь их судьбе не позавидуешь. Мне представилось, что корпус лодки в принципе мож-

но сконструировать по той же схеме, по какой строят многоступенчатые космические ракеты – то есть разъемные, когда одна часть корпуса может при использовании специальных пиротехнических средств отделяться от других и всплывать на поверхность автономно, хотя решать такую задачу для кораблей наверняка будет сложнее, чем для ракет.

Можно было бы встраивать внутрь каждого отсека спасательную капсулу для всех людей данного отсека с запасом для людей, которые могут перейти сюда из аварийного отсека. Этот вариант, пожалуй, проще осуществить, хотя он тоже усложнит и удорожит конструкцию. Об индивидуальных средствах покидания лодки я не говорю – пока не будут созданы жесткие скафандры, способные выдерживать давление на рабочей глубине лодки с серьезным запасом по глубине погружения, об этом почти несерьезно рассуждать. А в конце все упирается в позицию адмиралов – заказчиков подводных лодок. Многие из них – славные и заслуженные люди, побывавшие в разных переделках даже без войны, но уцелевшие, что само по себе не так уж просто. По статистике во всех флотах мира каждая двадцать пятая лодка погибает даже в мирное время. И вот эти опытные люди, ранее рисковавшие жизнью наравне с другими подводниками – братьями по коробке, теперь перешли на другую орбиту. Они избавились от страха погибнуть под водой, но у них появились новые проблемы взамен этой. Теперь от них требовали заказывать подводные лодки числом по-

более, ценою подешевле, чтобы ударная мощь флота была возможно выше, а ограничителем, как всегда, был бюджет. Что выбрать, вернее – между чем и чем – способностью нанести наибольший ущерб врагу или заботами по сохранению жизни своих людей с поврежденных подводных крейсеров? Во время войны потери неизбежны. И они тем больше, чем меньший ущерб наносится врагу. Адмиральская логика опирается именно на этот тезис. А в запасе у них есть еще и второй: если хотите сделать подводные лодки более безопасными для экипажа и менее уязвимыми для врага, стройте их такими, чтобы они были в состоянии работать на больших глубинах, развивали бы большую скорость, легче маневрировали и меньше шумели и излучали. Вот тогда людям на лодках будет действительно безопасней. А так – все эти капсулы и остальное прочее все равно, что мертвому припарки. Вспомните хотя бы гибель подлодки «Комсомолец» проекта «Тайфун» (он еще больше «Курска»), в котором имелась спасательная капсула, которая едва-едва всплыла на поверхность, а затем все равно затонула – из нее успел выбраться только один человек. Так что и адмиралам не скажешь, что они совсем не думают о своих подчиненных. Думают, еще как думают, только не как обычные нормальные люди, а как те, которые ради этих самых своих нормальных людей должны быть готовы уничтожить как можно больше чужих. Вот, собственно, и все, что я прояснил для себя из истории с «Курском».

Михаил посмотрел на обоих своих слушателей. И Саша, и Витя молчали. Вид у них был какой-то ошеломленный или пришибленный. – «Нет, не логикой доказательства, – подумал Михаил – а тем, что его предъявил им я, тогда как они, располагая теми же сведениями, ничего подобного прояснить для себя не могли. Надо полагать, что услышанное произвело особенное впечатление на директора и доктора Бориспольского. Это следовало из того, как в тот же день за обедом Саша отреагировал на шуточный рассказ Михаила о том, как он задумался о происхождении и смысле кондового русского выражения «Олух Царя Небесного», и что из этого получилось.

– Ну, и что? – заинтересованно откликнулся Саша.

– Первое, что пришло в голову, это то, что слово «Олух» – не нарицательное имя, а собственное – русские люди в устной речи очень часто преобразуют звук «ф» в разных словах в звук «х». Сразу стало видно, что это скандинавское имя Олуф. Кто на Руси мог иметь такое имя? Только варяг. Предводителя или князя с таким именем мне не известно, да и из самого выражения «Олух Царя Небесного» следовало, что Олуф при ком-то состоял из земных властителей – не при Господе же Боге, в самом деле, на особом положении находился этот варяг. И тут в моем воображении возникла такая картина: сидит варяжский князь на своем престоле и правит суд над своими подданными. Естественно, сам князь только выносит решения, а исполняют его другие. Так

вот, когда князь изрекал свое решение по тому или иному поводу, он кивком головы в сторону своего доверенного лица и произнесением его имени давал понять, что передает дело для окончательного завершения в его руки. Этим лицом, неукоснительно выполнявшим приговоры князя, был Олуф, должно быть, фигура безжалостная, не рассуждающая и ни от чего не смягчающаяся, вызывавшая естественное чувство страха в народе.

– Насчет Олуфа при князе – понятно. – признал Саша, но тут же возразил:

– А при чем тут тогда Царь Небесный?

– Ну, это-то как раз просто, – усмехнулся Михаил. – Если у князя есть на все готовый исполнитель Олуф, то уж у Царя Небесного такой тип тем более должен был быть. – не самому же ему руки марать об грешников? Вот тогда-то собственное имя конкретного лица, исторического, хотя давно уже и позабытого персонажа перекочевало в нарицательное, функциональное и переместилось из статуса подручного князя в статус помощника Господа Бога.

– Я принимаю такое объяснение! – громко объявил Саша.

Оказывается, в нем сразу проявилось должностное лицо высокого ранга. Его изречение «принимаю!» следовало считать устным эквивалентом письменного клише на титуле работы, в данном случае проделанной Горским: «Утверждаю» директор А. Б. Бориспольский. Далее подпись и дата. Вот, оказывается, как надо заявлять о своем верховенстве

несмотря на собственную несостоятельность! С этим Саша что-то явно перебирал. А уж когда Михаил услышал ответ на свой вопрос, где сейчас Лахути: «Он преподает в Московском Государственном Гуманитарном университете, заведует кафедрой. Я достал его из нафталина. Он не так давно защитил докторскую, правда, на старых материалах». – стало окончательно ясно, что директора Бориспольского уже совсем зашкалило. Михаил не знал, чего в нем после этого ответа появилось больше: смеха или негодования? Саша в мыслях позволял себе возноситься выше человека, который рядом с ним по всем параметрам выглядел восьмитысячником против среднерусского холма. Один из пионеров информатики как науки в нашей стране, человек величайшей научной любознательности, порядочности и искренности в уважении и интересе к любым чужим достижениям в подлинных знаниях, он всегда имел кристальную репутацию, которую никто не посмел чернить среди коллег, где зависть была самым обыкновенным и ожидаемым явлением. А этот директор и с позволения сказать доктор имел наглость заявлять, что он достал такого человека ИЗ НАФТАЛИНА и сумел проветрить настолько, что тот все-таки смог защитить докторскую диссертацию, хотя и состряпанную из старых, то есть насквозь пронафталиненных материалов, тогда как он, Бориспольский, стал доктором по новейшим представлениям о деле, по самым модным вопросам – и тем самым показал, кто идет в первых рядах творцов науч-

но-технического прогресса – не Лахути же, такой старомодный и в мыслях и в морали – ведь он даже халтурить не умел. Вслух Михаил ничего не сказал. Нечто сродни отношения к глупости ребенка, вообразившего себя пупом Земли, отеснило в нем негодование куда-то на задний план. Оказывается, добрый малый, каким Саша Бориспольский прежде выглядел в глазах знавших его людей, на самом деле был не таким уж добрым – добрым ему имело смысл быть, пока он еще не вышел в дамки. – Теперь он избавлялся от надоевшей маски, по крайней мере, уже выглядывал из нее, демонстрируя нечто новое, давно просившееся на волю сквозь то, что в нем ценили и за что его прощали многие окружающие, и от чего ему бы не стоило избавляться даже из соображений выгоды. Но вот ведь – начал избавляться потихоньку.

Михаил с сожалением оценивающе взглянул на него, но Саша ничего не заметил. Он любовался собой, как глухарь на току при исполнении последнего колена своей песни, когда он не способен ничего слышать, кроме музыки внутреннего ликования, распирающего грудь.

– Щелкай, щелкай! – подумал Михаил. – Неужели у тебя до такой степени отказали тормоза, что ты уже летишь выше крыши? А Лахути тебе не стоило бы трогать. Рядом с Делиром и не такие личности тускнели, а тут кто? – доктор Бориспольский, директор Бориспольский – и больше ничего!

Не зря же Саша вошел в кружок «избранных», воображающих о себе примерно то же, что и Бориспольский. В него

входили: бывший директор Бориспольского «сильная личность» доктор технических наук математик Антипов, несомненно ощущающий себя главой кружка, Морис Семенович Волчинский и Александр Маркович Ланцман – все непременные члены оргкомитетов всех всесоюзных конференций по научно-технической информации последках двух десятков лет. Состав был, что надо: Антипов, очень неглупый, но настолько снедаемый честолюбием и завистью, что Господь купировал его таланты, и потому вынужденный довольствоваться только словесным наукообразным модничанием типа провозглашений «теории фреймов», «фазированных информационных пространств» и другой дребеденью в том же роде; Волчинский, раздутый от самомнения до невозможности, воспринимающий себя не иначе, как выдающимся корифеем, тогда как это был всего лишь воздушный шарик, которые никакого труда не стоило проткнуть; Ланцман – человек из всей этой компании казавшийся самым скромным, поскольку он довольствовался просто постоянным присутствием среди делающих себе громкое имя коллег и тем самым делавших имя и ему; и Александр Борисович Бориспольский – среди них самый новенький, самый передовой – как только что отчеканенный червончик – в своем собственном представлении – настоящее украшение кружка самопровозглашенных авгуров от информатики. Михаилу невольно вспомнилось любимое выражение Норы Бернары, взятое из семейной копилки (а там были и пре-

интересные особы, и в их числе знаменитая парижская актриса и куртизанка Жёдит, которой так восхищался корифей театрального искусства Константин Сергеевич Станиславский, а именно тем, как она с совершенно невинным видом нетронутого целомудрия исполняла совершенно матерные куплеты) – а это была фраза, произносимая по-русски с польским акцентом: «Общество было невелико, но бардзо пожённо (весьма избранное или знатное): я, Ксендз и две проститутки». По словам Бориспольского, произнесенным, кстати сказать, с чувством глубокой гордости, это «бардзо пожженное общество» собиралось регулярно, там обменивались новостями профессионального плана, вели философско-информационные дискуссии, обсуждая, в частности, книгу Антипова, написанную на эту тему, где он действительно философствовал об информации, (правда Михаил не знал, как именно, и любопытства по этому поводу не испытывал, хотя само это стремление у Антипова одобрял – все-таки пробовал человек самостоятельно до чего-то докопаться). Однако веры в интеллектуальную мощь этого с позволения сказать «ареопага» не было никакой – априори. – «Ну что ж, – подумал Михаил о Бориспольском: Будь-будь в этом кругу, источай лесть в ответ на лесть – это наилучшее средство для подпитки и утоления жажды вознесения над плембсом».

Теперь Саша производил впечатление человека, достигшего своего естества, будучи, тем не менее, произведением

собственных рук. Естество состояло в том, что он жил теперь, как мечтал, то есть – будучи человеком авторитетным и значимым в своей сфере, достаточно хорошо обеспеченным, чтобы можно было позволить себе приятный комфортный отдых либо в своей стране, либо за рубежом. Красоту мира можно было обнаружить в любом месте – была бы охота. Она не локализовалась только в широко известных местах, хотя там она тоже была безусловно. Кстати, Саша немало удивил Михаила, заявив в конце пребывания в их с Мариной доме: «Вот это был настоящий отдых!» И это, по всей вероятности, следовало считать высшей похвалой от такого человека, как он – видевшего всякое здесь и там, за бугром, знающего, что почем и что не обязательно все хорошо только потому, что за это заплачены большие деньги. Но поразмыслив над неожиданной Сашинной оценкой, Михаил согласился с ним. Он прожил неделю без всяких хлопот (если что и делалось силами гостей, то это касалось только Юли и Вити). Он делал исключительно то, к чему в данную минуту лежала его душа: хотел – читал, сидя в шезлонге, пока не уставали глаза или же тело не затекало; хотел – выходил на живописные плесы на катамаране, где обязанности капитана и матроса выполняли опять – таки Витя и Юля, а уж застольные разговоры, оживленные напитками, привезенными гостями с собой, и особенно вишневой наливкой, собственноручно изготовленной Михаилом, были просто на высшем уровне, какой можно было себе представить –

все говорили на любые темы, высказывали любые взгляды, как свои, так и чужие, сшибались в разногласиях и остались при собственных убеждениях. Это была своего рода Валгалла, рай, только не для скандинавских героев, а для вооруженных интеллектуальным неубывающим оружием людей, которые ценили словесные стычки не меньше, чем скандинавы ценили райскую рубку мечами, за которой следовал искренний дружеский пир. Такое действительно не найдешь в любой выбранной по туристскому проспекту стране, если не заедешь в нее сразу общей компанией любителей подобного удовольствия, а такое возможно организовать далеко не всегда. Здесь у Саши даже перестала болеть спина. Он не чувствовал обделенности ни в чем, отдыхая даже от жены, оставшейся на подмосковной даче, где она и удовлетворяла свою тягу к возделыванию собственного огорода ради заготовки экологически чистых продуктов (такой вид отдыха его не интересовал, а раздражал). Правда, судя по его прошлому пристрастию к прекрасному полу, он мог здесь скучать без близости с одной из его представительниц, но как знать – был ли он здесь кратковременным лишенцем женской ласки, пусть и не внутри дома, а на пленере. – Не зря же Михаилу сразу почудилась фальшь в Сашиных словах насчет того, что ему неудобно ночевать в одной палатке с супругами Витей и Юлей. Так что все компоненты в высшей степени приятного отдыха имелись налицо: красота, расслабление, свежесть впечатлений, полная отстраненность от городских

дел, любимые беседы, которыми можно было упиваться даже с большим наслаждением, чем хорошим вином, а потому его оценка была просто справедливой, хотя облачил он ее в форму, которая позволяла по его директорскому обыкновению обезличить похвалу от имен тех, кто доставил ему, вероятно, в стремлении проявить соответствующее естественное уважение; «вот этот настоящий отдых».

Когда настало время уезжать, Витя с Юлей разобрали катамаран, решив приехать сюда еще раз в будущем году. Михаил перевез их на своей полусамодельной байдарке (на нее пошли каркасные детали двух прежних – «Салюта» и дареного разбитого «Тайменя») через двухкилометровой ширины залив. В ней имелись места для четырех человек, и она была испытана Ладогой, Онежским озером и Белым морем. – На этой байдарке они дважды бывали с внучкой Светой и двумя своими колли даже там. Пожав руки мужчинам и поцеловавшись с Юлей, всегда готовой отправиться навстречу новым приключениям в новых местах, Михаил показал им дорогу через лес к городу. Они цепочкой, согнувшись под рюкзаками, поднялись по тропе на высокий мысовой яр, с которого открывался великолепный вид на плесы и острова в секторе трех четвертей окружности. Это вдруг щемящим образом напомнило выходы из альплагеря на восхождения в молодости. Он поймал себя на том, что уже много-много лет – и к счастью! – не ходит никуда цепочкой ни в составе группы, ни, тем более, отряда. Это давно ушло

в глубину памяти, но, оказывается, не пропало. Михаил совсем не почувствовал тяги к тому, чтобы вернуться туда, в «Алибек» или в «Уллу-Тау» для хождения в вытянутой по тропе многолюдной колонне. Но горы по-прежнему привлекали, звали его к себе – и вот на тебе! – даже от вида небольшой цепочки людей под походным грузом у него защемило что-то внутри, странным образом напомнив о снежных горах на Среднерусской равнине, где, пожалуй, иногда лишь сверкающие стены облаков напоминали гигантские хребты и вершины Гималаев.

Перед расставанием он негромко сказал Юле, чтобы в следующий раз они с Витей взяли сюда Нину Миловзорову, которая дала им с Мариной приют для первых свиданий в своей квартире. За это они оба испытывали к Нине вечную благодарность. О Саше он ничего не сказал.

Глава 16

Благодаря двум походам больше четверти века назад Михаил и Марина сблизились с семьей Коли и Тани Кочергиных, да так и остались близкими людьми, несмотря на то, что потом вместе в походы не ходили. Мальчишкой с юношеской непосредственностью прибегал к ним на площадь Павелецкого вокзала от своего «дома на Набережной» сын Коли и Тани Илья, Илюшка, как они называли его между собой – иногда один, а чаще со своими воспитателем и опекуном – точь – в точь Пушкинским Савельичем, только в собачьем облике – небольшим и абсолютно преданным песиком Бобиком. Время шло и быстро превращало Илью в настоящего красавца – высоченного, со страстным огнем в глазах, пугавшего свою маму Таню не столько тем, что на сына так и будут вешаться бабы и он пойдет специализироваться только по этому делу, сколько его безразличием к получению какого-либо образования после того, как будущая профессия переставала ему нравиться. Перепробовав многое: химию (из-за родителей), геологию (из-за первой жены), китайский язык (по собственному любопытству), он ни в чем не нашел будущее счастье в труде, пока не попал, опять-таки по глубинному внутреннему влечению, на Алтай работать в заповеднике, и там специальность, профессия, любимое дело, призвание само схватило его железной хваткой и принуди-

ло целиком отдаться счастью и тяжким испытаниям изнурительной и окрыляющей литературной работы. Илья доказал, что красота Мира, как и прямое знание немилосердной силы Бытия, толкнувшие его к писательству, сделали из него не только адепта, поклоняющегося Божественному Творению, но и настоящего мастера проникновения в его духовную суть. За очень короткий период он вырос из восхищенного юноши, пишущего этюды на природе среди буквально завораживающих душу красот и волнений, в точного, лаконично расходуемого слова на все, что он хочет передать на бумаге, буквально чудотворца, перемещающего читателя внутрь написанного им текста. Илья уже давным-давно перестал забегать к ним домой, чтобы поделиться впечатлениями, спросить совета насчет мест, где еще сам не бывал – они и виделись теперь только в дни рождения его отца, на которых уже много лет за столом не сидел сам Коля – он умер, чуть-чуть не дотянув до шестидесяти лет. Это был страшный удар прежде всего для Тани, хотя этой смертью были ошарашены и все его знакомые и друзья.

Никто не представлял, что человек, закаленный скуднейшим детством военного времени, снабженный своими родителями – крестьянами высочайшей жизнеспособностью и наследственным здоровьем, покинет этот мир в столь раннем для такого прочного существа возрасте. Коля был одарен редким свойством внушать к себе искреннюю симпатию. Его обаяние нельзя было определить одним словом, действующим

щее начало этого свойства было интегральным.

Красавец? – вряд ли прямо скажешь. Ладен? – бесспорно. Азартен? – Да! Тверд в симпатиях и убеждениях? Да как редко кто! Взыскателен, авантюрен, отзывчив, мил? Да, да, да, да! А еще легок на подъем, душа компании, страстный поклонник всего, что только стоит любить в этом мире – и «конечно же, женскую красоту». Таня, надо сказать, обладала всем необходимым женщине, которой не жалко посвятить себя целиком несмотря на наличие вокруг других красавиц и даже на привычку откликаться на их зов. Природное чувство такта, так же как и врожденное благородство духа обязывали ее саму постоянно оставаться на уровне безупречно высокой морали по отношению к мужу, которого она страстно, но не безумно любила, по отношению к своему родному сыну Илье, которому она, несмотря на любовь к мужу, могла посвятить себя без остатка, по отношению к приемному сыну Вадиму, Димке – который остался с отцом после его разрыва с первой женой, эмигрировавшей в Америку. Димке Таня тоже смогла бы стать настоящей матерью, если бы он сам в полной степени этого захотел, но, видно, Бог не дал ему столь явного желания, вернее Димка сам не воспользовался всем, что Бог предоставил ему в лице Тани, и потому она просто делала для него все, что должна делать хорошая женщина по отношению к отпрыску ее любимого человека, зачатого им от другой. Что же поделаешь – насильно мил не будешь. Но уже вполне взрослый Вадим, отец школьни-

цы, когда после смерти Коли и развода с первой женой уехал в Америку на постоянное жительство, он вдруг обнаружил, что приемная мать ему дороже и ближе родной, с которой он теперь мог видеться, сколько хотел. Он часто звонил ей по телефону из своей Америки и был несказанно счастлив, когда Таня по его приглашению приехала к нему в гости на целый отпуск. Между собой единокровные братья Илья и Дима были дружны.

Илья незаметно подошел к возрасту творческой зрелости, когда писатель перестает удовлетворяться жанром рассказа или повести не потому, что они – «не то» или плохо удаются (с этим у него, Слава Богу, все было в полном порядке), а потому что в душе уже бродит сок, который он обязан превратить в высококлассное вино, то есть в многогранный роман – многогранный и сложный, как сама Жизнь.

В таком состоянии человек бывает резко недоволен собой, поскольку он уже забеременел замыслом, который никак не хотел определяться и изливаться на бумагу, подобно женщине, которую подташнивает, когда до родов еще далеко. Михаил не сомневался, что вино у Ильи добродит, и из-под его пера выйдет замечательная вещь. При этом его совсем не обижало прекращение общения с Илей, хотя, по всей вероятности, он мог понять его лучше, чем кто-либо другой. Теперь и Таня верила в это. После прочтения первого романа Михаила она нашла в нем самом так удивительно много неожиданного для себя, что прямо так и выска-

залась сначала Марине, а потом и ему, что прежде считала его обычным человеком своего культурного круга – ну вроде Ильи Гильденבלата или Гени Борисова или Олега Ивановича, а он, оказывается... – дальше Михаилу было бы неловко повторять. После этого Михаил ощутил, что общением с ним Таня как-то компенсирует нехватку откровенности со стороны Ильи – другого писателя, которому первый, кстати сказать, уверенно предрек успех в литературном деле.

Илья показал ему свои первые рассказы. Михаил совсем не считал, будто он вывел Илью на писательскую орбиту, потому как точно знал – на нее может выйти только сам автор, причем не как личность, а лишь как сублимация его существа в виде созданных им произведений. Для большинства людей, любящих классику, Пушкин – это в первую голову не неумный соблазнитель светских дам и постоянный посетитель борделей, сожитель обеих своих своячниц, живущих в его доме, – нет! – он создатель дивных и проникновенных, входящих в душу, как музыка, откровений Небес, стихов а, сверх того-еще и, прозаик, превзойти мастерство которого едва ли возможно. Как ничего плохого о Пушкине, читатели ничего плохого не желают знать и о Лермонтове – желчном, злом, некрасиво ведущем себя и со многими женщинами, и со многими друзьями, ибо он – автор поразительной лирики и философского осмысления жизни, с которой он не был согласен, автор космического «Демона» и несостоявшегося в своих лучших возможностях «героя нашего време-

ни». Точно так же редко припоминают великому Льву Николаевичу Толстому, что он напропалую портил крестьянских девушек, смел предъявлять претензии к отдавшей ему и его детям всю свою жизнь жене Софье Андреевне, а в конце концов буквально по-свински сбежал от нее (за что тут же был покаран смертью Господом Богом), а все помнят и видят его творцом «Хаджи-Мурата» и «Кавказского пленника», «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресенья» и «Отца Сергия». А что остается в памяти о таком человеке, как Генри Миллер, который САМ о себе рассказал все, что не под силу выдумывать даже самому непримиримому его врагу? А то, что он как раз и есть самый честный писатель – честней не бывает, что он велик в своем мастерстве привлекать к себе друзей и искренне привязывать их к себе, несмотря на его свинские поступки, хотя он и не реже умел проявлять благородство к любым людям, встречавшимся ему на жизненном пути, будь то жены, любовницы или проститутки, для которых он почти сразу переходил из клиентов в искренне любимого человека, которого они сами брались содержать, или мужчины, спасавшие его деньгами в критические минуты, знающие, что ему еще очень долго нечем будет отдавать, или неведомые остальному миру мыслители, с которыми он сам любил общаться и которые приходили от него и его мыслей в восторг со своей стороны. Это творчество Генри Миллера задало тон исповедальной честности лучшим образцам современной прозы, это он

прочертил в небе орбиту, до которой прежде не смели подниматься другие его коллеги из писательской гильдии, это он столь блестяще владел мастерством, что первый убедил человечество, что откровенность в сексе не есть ни порнография как таковая – без идей, без чувств любого плана, кроме похоти, ни мерзость типа той, которую откровенно выдавал из самого грязного дна своей поганой души нарочитый унинитель своих объектов сексуально-извращенного влечения маркиз де Сад. Михаил полагал, что камертон, настроенный на частоту честности Генри Миллера, должен задавать эталонную волну в голове каждого писателя, заслуживающего этого звания, и он уже имел доказательства, что в голове Ильи Кочергина она действительно звучит. А потому Михаил желал Илюшке успеха, как родному ребенку, несмотря на то, что между ними не было никакого родства, кроме духовного, и в дополнение к этому у него было одно желание, совсем не обязательно осуществимое – дожить до того времени, когда Илья решит свою сверх-задачу и сделает ЭТО – напишет превосходный роман.

Ну, а Таня все никак не хотела разделить уверенность Михаила в возможностях своего сына. Она боялась себе это позволить. Наверное, Илья своими прежними метаниями уже выбрал у нее весь лимит ее прямых надежд, и теперь она соглашалась просто плыть по течению, наблюдая за проявленными действиями Ильи и ничего не загадывая насчет потенциалов, пока что не проявляющихся. От подобных мыслей ее

отвлекало и постоянное исполнение долга перед слабой здоровьем матерью, перед внучкой и внуком от разных браков Ильи, перед Колиными друзьями (а потому и ее тоже), которые вошли в возраст, когда у людей все меньше здоровья и все больше болезней.

И лишь Виточка из всех людей, находившихся в поле зрения Михаила, оставляла лично для себя меньшую долю своей собственной жизни, чем Таня Кочергина. Она была женой троюродного брата Михаила Марика по линии мамы. Марик являл собой яркую и многосторонне развитую личность. Он с детства занимался акробатикой, великолепно владел своим телом и, несмотря на то, что был на четыре года моложе, вызывал искреннее восхищение у Михаила. Он и умом был под стать своему прекрасному физическому развитию. Как и Михаил, Марик сначала сделался инженером, а уж потом параллельно посвящал себя призванию писателя. Еще обучаясь в Московском авиационном институте на моторном факультете, он завоевал себе общеинститутскую известность выступлениями на студенческих вечерах со своими юмористическими произведениями. Даже известный потом всей стране и за ее пределами сатирик Михаил Задорнов, выпускник того же моторного факультета МАИ, уже став известным человеком, первый здоровался с ним при встречах как с мэтром в своем жанре. И хотя Марик и сожалел, что под влиянием своего очень понимающего в жизни, в том числе в математике, химии и инжене-

рии отца поначалу выбрал не ту специальность для которой, как потом оказалось, был рожден, он оставил весьма заметный след и в инженерной науке, став, по сути дела, одним из мировых пионеров в области гибридных ракетных двигателей, то есть двигателей, работающих на твердом топливе и жидких окислителях. Работая в ведущем научно-исследовательском институте страны в области газовой динамики и ракетных двигателей, Марик стал не только теоретиком и практиком по тематике гибридных двигателей, но и счастливым человеком. Туда же поступила после развода с первым мужем Вита, которая после второго курса оставила Московский энергетический институт в связи с рождением сына и лишь потом возобновила учебу уже на вечернем отделении самолетного факультета МАИ. Михаил не знал подробностей их с Мариком знакомства, так как в старшие школьные студенческие годы почти не встречался с Мариком. Однако мама из семейных клановых чувств не уставала напоминать Михаилу о троюродном брате и рассказывала о его житье-бытье. Когда они вновь случайно встретились, Марик уже тоже стал инженером. Михаил сразу узнал его, а Марик не узнал, и потому Михаил вынужден был объяснять ху из кто, и кто кому ху. А потом, спустя несколько лет, желание мамы осуществилось – Марик с Михаилом сблизились, притом не по причине маминых уговоров, а потому что общение стало взаимно интересным.

Михаил еще до этого слышал от мамы, что Марик же-

нился на сотруднице своего института, женщине с ребенком, но очень хорошей. Мама была права. Вита была под-
стать Марику по всем статьям. Он хорош – она тоже. Он
умен – она не хуже. К тому моменту, когда Михаил и Ма-
рина познакомились с ней, она уже была не только опыт-
ным инженером с дипломом МАИ, но и активным научным
работником, кандидатом наук, притом по заслугам, без ма-
лейшей натяжки. Она могла бы защитить свою диссертаци-
ю даже много раньше, чем сделала это, если бы пошла
навстречу желанию должностного лица, разрешающая под-
пись которого была необходима. Но это лицо заявило: «По-
едешь со мной в отпуск в Прибалтику – подпишу». Она по-
вернулась и ушла. Минула пара лет, когда этого начальни-
ка на том же посту сменил другой, более порядочный. Ви-
та часто превращалась не просто в экспериментатора раз-
личных опытных установок, но и в организатора взаимодей-
ствия разных институтов, конструкторских бюро и предпри-
ятий, участвующих в решении одной проблемы. Нередко ее
включали в состав комиссий, выясняющих причины аварий
и неудач в запусках новых объектов. На первых порах в муж-
ских составах комиссий, как правило, ее встречало оскорби-
тельное высокомерие, покуда она не доказывала, что права
она, а не эти напыщенные индюки, больше озабоченные вме-
шательством представительницы женского пола в дела, кото-
рые не касаются женщин по определению, чем выяснением
действительных причин неудач. Иногда доходило и до исте-

рик: «Уберите женщину с полигона!» – это видите ли, дурная примета, как и присутствие женщины на борту боевого корабля! Женщину удаляли, ракета благополучно взрывалась, а потом эта же женщина указывала на причину взрыва, и умники вынуждены были соглашаться и исправлять собственную ошибку. Вита обладала таким избытком энергии, что начала удивляться этому только через десятилетия. А до этого она носилась по институту и командировкам, защищала диплом, а затем и диссертацию, родила вместе с Мариком дочку, вела все домашнее хозяйство и растила двоих детей. Марик в этом участвовал, но немного, и Виту это устраивало, потому что она его любила, а собственной энергии ей без особых изнурений действительно хватало на все, даже на «культурную программу», то есть на чтение, театры, концерты, кино. Для любого обычного человека, даже для обычной советской женщины такое было бы чересчур, но она жила и не тужила. Потом дети выросли, закончили школу и институт. Детей не заводили ни сын, ни дочь. Правильно пела с эстрады Алла Пугачева: «Мода на детей совсем пройдет». Однажды Михаил не совсем осторожно поинтересовался у Виты, сколько лет ее дочери Арине. Оказалось, уже за тридцать. «А рожать она пока не думает?» – «Вроде нет». – «А не опоздает?» – «Может,» – со вздохом сожаления отозвалась Вита. Они поговорили и забыли. Но оказалось – забыл один Михаил. Как-то при встрече Виточка сказала, что Арина согласилась на семейное воспроизвод-

ство. Это согласие она облачила в следующую форму. – «Если хочешь, я рожу тебе ребеночка». Пообещала и родила, но действительно не себе, а матери. И на первых порах – еще и отцу. Вита и Марик получили внука Валерия в свое полное распоряжение. Арина считала, что свое обязательство по договору выполнила полностью, а дальнейшее уже не ее дело. Ей надо работать, а как работать журналистом, если ребенок вяжет мать по рукам и ногам: его и корми, и прогуливай, и купай, и носись с ним на руках, когда он орет, а не спит, тогда как ее и утром, и днем, и вечером ждут с материалами в редакции. Аринушка была любимым дитем, и она со своей стороны тоже любила маму уже никак не меньше большинства взрослых дочерей, живущих самостоятельной жизнью на этой Земле. Ей дали понять, как мать ждет внука или внучку, потому что им обеим уж столько лет, что им можно и не дожидаться – дочери, потому, что может прекратиться натальная способность, а матери – потому что до их появления не доживет – и вот она прониклась этим и родила, а это тоже не так просто, особенно если самой не очень хочется ходить с пузом и мучиться, пока не разрешишься еще неизвестно как и кем. Дочь действительно исполнила долг женщины по продлению рода. Виточка хотела, чтобы Арине свободно работалось в газете, потому что там ей было лучше, чем в книжном издательстве. Живой характер Арины побуждал вести динамичный образ жизни. Недаром и спорт она выбрала для себя нестандартный, при-

чем требующий смелости – скачки с препятствиями – конкур. И по всему получалось, что растить и воспитывать внука придется именно ей, Вите, Валеркиной бабушке, с некоторой помощью дедушки.

Обязанностью Марика было взять на себя заботу о внуке после его пробуждения. Покормив его тем, что приготовила перед уходом на работу Вита, он катил внука на коляске гулять. Как только Валерка начал бегать, за ним уже стал абсолютно необходимым неусыпный контроль. Этот чертенок, едва поднявшись с колен, начал лезть в окно, в аквариум, в компьютер, в горку с хрустальной посудой. Чуть зазеваешься – все: он уже подготовился для рывка в неведомое. Такого живчика в лице Валерки никто не ожидал найти. Марик даже не жаловался, скорее продолжал изумляться, когда говорил Михаилу: «Понимаешь, как только он открывает глаза, я уже не могу делать ничего. НИ-ЧЕ-ГО», подчеркивая произнесением последнего слова свою абсолютную, прямо-таки кандалную привязанность к внуку, потому что иначе он или вылетит из квартиры через окно, или уйдет с головой в аквариум, или его где-нибудь ударит током, или случится еще что-то такое, чего наперед и представить нельзя. Когда Вита, сделав кое-что на работе, возвращалась домой, Марик получал временный отпуск и приступал к работе над книгой. Он писал детектив. Потом Вита опять уходила по своим делам, и Марик снова поступал в распоряжение внука, – так до вечера. Но даже такой образ жизни был воз-

можен лишь потому, что и он, и Вита были уже пенсионерами. Их бы охотно выставили из института совсем, если бы не скудные зарплаты научных сотрудников. Молодежь на такую зарплату работать не шла. Те немногие, кто на это соглашались, лишь отработывали свой долг по распределению, а затем уходили кто куда. Профессиональная преемственность знаний пока еще как-то сохранялась только благодаря продолжающим работу пенсионерам, и они пользовались этим, чтобы выторговать себе льготный режим присутствия на службе. Марик делал институтские дела в основном дома, равно как и свою работу по призванию. Вита должна была присутствовать в институте гораздо чаще. Так они вдвоем доростили Валерку до возраста двух лет с небольшим, когда Марик внезапно умер. Сердечный приступ произошел с ним по дороге на дачу, когда он был за рулем. Он успел остановиться до того, как ему стало окончательно плохо. Кто-то из проезжавшего мимо и остановившегося рядом автомобиля вызвал скорую помощь. Она приехала быстро и довезла Марика до больницы, но там смерть поставила последнюю точку на его жизни еще до того, как за него всерьез принялись врачи.

Марик внешне сильно изменился с тех пор, как он перестал активно заниматься акробатикой, в которой он достиг квалификации кандидата в мастера спорта. Он не потерял живости в движениях, мог, как и прежде, делать сальто на месте, но он сильно располнел, а соблюдать диету, по-

нятно, ему совсем не хотелось. Зачем? Он и так чувствует себя вполне дееспособным, а лишать себя такого удовольствия, как еда, приготовленная руками и душой его жены, было вообще за пределами смысла. У него и раньше случались неприятности со здоровьем, приводившие на больничную койку, но он каждый раз выбирался из серьезных положений и в целом был готов продолжать жить так, как привык жить.

Виточка осталась одна. Любовь мужа, довольно мало помогавшего ей по дому (по крайней мере, до появления Валерки), все-таки давала ей столько сил, что она могла со всем справляться одна. Теперь это ОДНА превратилась в абсолют. Дома ОДНА, с Валеркой ОДНА (смерть отца ничего не изменила в образе жизни Арины, потому что мать-то еще Слава Богу жива), в постели ОДНА, зарплата и пенсия у нее тоже ОДНА. Участие окружающих, как водится, быстро сошло на нет. Все промелькнуло быстро: похороны, поминки, сборище на девять дней, еще одно на сорок дней – и все. Дальше только отдельные визиты время от времени. Нельзя сказать, что у Виточки не было возможности покончить с одиночеством. Давние ухажеры и даже бывший супруг, женившийся было во второй раз, но опять пребывавший в разводе, предлагали свою помощь немедленно, а кое-кто звал ее и замуж, но ее не тянуло ни к кому. Марика не хватало ни в доме, ни в мыслях. Виточка взялась завершить подготовку к изданию книги, которую они с Мариком

и еще с парой коллег написали по тематике гибридных ракетных двигателей. Теперь эта книга тоже должна была стать памятником мужу, ушедшему в другой мир, чтобы о нем не забывали оставшиеся коллеги. Дел на нее ежедневно наваливалось выше крыши – отвести Валерку в детсад, ехать на работу, ехать за Валеркой после работы, кормить его ужином, следить за тем, чтобы он совсем уж не утонул в компьютерных играх, куда он склонен был уходить с головой, купать его и укладывать спать – и после этого она уже просто валялась с ног, а надо было еще стирать, убирать и готовить, и на все на это она была одна, одна, одна... Михаил стремился хоть чуть-чуть облегчить ей жизнь вниманием и добрым словом, а получилось, что еще больше обременил. Виточка вызвалась обеспечить ему на работе с помощью своих «девочек» набор на компьютере его романа – Михаил, вопреки веяньям века, писал по старинке, рукой. Нельзя было сказать, что это сильно отягощало Виточку, но ведь все равно – сколько-то занимало. Еще за несколько лет до смерти Марика Михаил подарил ему и Виточке экземпляр своего философского труда, набранного на компьютере Светой. Марик не стал сразу читать его, и это пришло ему в голову только однажды ночью, когда никак не удавалось заснуть. Вот тогда он и вспомнил, что есть чем заняться – как был уверен Михаил, – только потому, что рассчитывал на чтение философской работы как на снотворное (как обычно и случается при знакомстве с ними даже среди бела дня), но, сев

за стол, прочитал все залпом до конца единым духом. Кроме того, и он, и Вита прочли и первую повесть Михаила, и вот теперь Виточка хотела прочесть его роман, ожидая от него еще больших впечатлений, чем от прежних работ, которые она высоко оценила.

Михаила радовало, что он способен хоть чуть-чуть поднимать Виточкино настроение – слишком уж многое ее угнетало и слишком немногое радовало. Внук, собственно синего ореола вокруг чела которого окружающие не замечали, явно принадлежал к числу детей-индиго. Он был очень разумен, в ясельном и детсадовском возрасте прекрасно овладел компьютером, стал разбираться в причинах сбоев порою лучше взрослых специалистов, был крайне своеволен и настойчив в достижении своих целей (главной из них было неограниченно долго заниматься на компьютере), не любил гулять и практически не нуждался в детском обществе, да и во взрослом, пожалуй тоже, если не считать бабушки Виты.

После смерти Марика Валерку пришлось отдать в детский сад. Ему там не очень нравилось, а у Виты появилась новая обязанность отвозить его туда и забирать оттуда. Ей некогда было думать о себе кроме тех дней, когда ее почти совсем приканчивала сильнейшая головная боль, и она не знала, дойдет ли она до детского сада или не дойдет. Спасали – и то не всегда – очень сильнодействующие таблетки, уступавшие по силе только наркотикам.

Михаил с самого начала знакомства с Витой убедился в правильности маминой оценки – ОЧЕНЬ хорошая женщина. Она была хороша и лицом, и фигурой, и движениями. В ней прямо-таки искрилось чарующее сочетание силы и нежности, воли и способности следовать чувству. Он был рад за Марика, который обрел Милостью Божьей такую жену, как радовался за себя, что Милостью Божьей нашел Марину и соединился с ней. Будучи непохожими внешне, Марина и Вита имели много общего в своих характерах и убеждениях. Они были неизменно благородными и честными женами, верными своим Любвям. Обе представлялись Михаилу причастными к сонму лучших представительниц женского пола, каких только можно встретить на этом свете, однако Марина по-прежнему была для него любимей и желанней всех. Да, он любил и Виточку, хотя его любовь не имела, если так можно выразиться, явного сексуального наклона. Оказывается, и такая любовь была возможна. Просто душевная теплота и радость при встрече, безграничный обмен мыслями без опасений, что тебя не поймут и из-за разности взглядов на житейские проблемы или государственные дела положат конец общению. Нет – это им не грозило и не изменилось в ней даже со смертью Марика. Было ясно, чего ей в жизни без мужа должно было не хватать. Но времена законного левирата, когда уцелевший по жизни брат получал право и даже имел обязанность удовлетворять в постели жену покойного, давно миновали. Михаил и не мыс-

лил своего поведения с Виточкой в категориях левирата, сознавая, что Марина нашла бы в этом ущерб для себя, а это по всем статьям было недопустимо. Вита точно то же признавала насчет себя – для нее было неприемлемым портить жизнь Михаила, ставя его в двойственное, само по себе действительно очень опасное положение, так же как ронять себя в глазах Марины. К тому же по мононастроенности своего духа и души она была бы неспособна делить любимого с другой женщиной вообще, даже если бы он исправно перепархивал из одной постели в другую. Это было ясно и Михаилу, и Виточке почти без слов. Им достаточно было каждому обрисовать свое отношение к своим Любоям почти без слов. Ни на что более ценное, чем на полное взаимопонимание и готовность быть друг для друга душевной опорой, они пойти не могли – и не собирались. И такой их любви ничто не мешало.

Нельзя было сказать, что Марина ничего не замечала, Михаил чувствовал, что ей не очень нравятся их долгие телефонные разговоры с Витой и даже то, что он очень редко называл ее даже за глаза, иначе, чем Виточкой, хотя виделись они по-прежнему редко, и Марина всегда была в курсе встреч, которые происходили без нее. Но, видно, не стоило требовать от природы женщины больше того, что она способна чувствовать и делать с тем устройством, какое было заложено в ее самую глубину Творцом. Для Марины тоже было неприемлемо делить любимого с кем-либо еще. И хотя

статус – кво в отношениях не нарушался, прозрение угрозы многолетнему счастливому союзу было вынесено из глубины на поверхность и доведено до сведения Михаила в форме, которая прямо никого не задевая, обрадовать не могла. – «Ты меня больше не зови вместе с тобой к Виточке. Я ей неинтересна, а быть там просто при тебе я не хочу». Михаил только и нашелся тем, что сказать: «Я только твой и другим не буду». Никакого ответа на свое утверждение – обещание он не получил. Когда после этого разговора приблизился очередной день рождения, и Марина спросила, как он хочет его отметить, Михаил сказал, что никак. Видеть Виточку она не хочет, а ему устраивать сборище и не позвать ее будет стыдно. – «Нет, почему же, – возразила Марина, – зови». И они отметили его в обществе Виточки, Тани Кочергиной (которую он тоже любил спокойной и ровной любовью, притом же считая ее сына Илюшку отчасти еще и своим) и кузена Сережи Горского, младшего из всех трех его двоюродных братьев со стороны отца и единственного, кто еще оставался жив. Их связывало нечто более прочное, чем чувство кровного родства, которого, кстати сказать, и не было – ведь Михаил был усыновлен родным дядей Сергея, а сам Сережа после ранней смерти его родной матери Вали, а затем родной тети Нади, которая растила его как мать, надолго остался сиротой.

Но уже во взрослые годы Михаил вместе с Сережкой прошли три сложных похода, не говоря о многих непродолжи-

тельных в майские дни. К любви и искреннему участию друг в друге общее походное прошлое прибавило еще и взаимное признание тех ценных качеств, которые позволяют преодолевать долгие пути, препятствия и невзгоды ради простого вознаграждения знания, что ты со своими спутниками на самом деле прошел все то, что выпало пройти, и за это каждый обрел память о том, какие красоты и люди ему открылись. Когда они ходили вместе, рядом с Михаилом была Лена, и Сережа нежно любил ее. Когда Михаил обрел другую жену, Сергей понял, что двоюродный брат обрел в лице Марины не меньшее, а даже большее для себя и в смысле мужского счастья, и в смысле походного участия. Пожалуй, ничуть не разочаровавшись в Лене, он полюбил Марину еще преданней и нежней, чем Лену, хотя он с Мариной ни разу не ходил. Сам Сережа женился поздно, считая, что торопиться незачем, да и зацепить его серьезно ни одна из знакомых женщин так и не смогла. Даже такая редкостная представительница прекрасного пола как Вера Соколик, полюбившая его, не удержала его при себе, хотя он тоже ответил ей удивившим его самого чувством. Сережка был красив мужественной красотой восточного человека – не то кавказца, не то кого-то еще. Из всех братьев Горских более или менее ровесников Михаила – он один, притом больше всех, походил на деда Григория, отца своей матери, младшей из четырех детей полковника ветеринарной службы еще царской армии. Он окончил Дерптский университет (ныне Тартус-

кий), куда вместе со своим родным братом сумел поступить ценой принятия православия, что заодно открыло ему путь и к женитьбе на Вере Александровне, бабушке Алеши, Володи и Сережи Горских – а номинально еще и Михаила. Он был единственным блондином среди темноволосых братьев, но их это не смущало. Сережка, конечно, был смуглее и темнее всех, пока не поседел. Он едва на всю жизнь не стал летчиком бомбардировочной морской авиации (с возможным продолжением в роли пилота гражданской авиации), если бы Хрущев не ликвидировал ряд военных училищ, в том числе и то, которое уже заканчивал Сергей Горский. После сокращения из вооруженных сил ему довелось перепробовать всякое – быть и фрезеровщиком на почтовом ящике, и дозиметристом в Курчатовском институте, и лаборантом в вакуумном институте, пока он не закончил вечернее отделение Московского инженерно-физического института (в котором когда-то учился Михаил – под названием Московского Механического, пока его полфакультета не перевели в МВТУ) и он не стал инженером-физиком. Последним местом его работы стал институт космических исследований – гражданское лицо и витрина всей засекреченной и управляемой военными отрасли.

Вера Соколик не умела любить иначе, чем полностью посвящая себя объекту своей любви. После ее сближения с Сережей в походе по Пане, Варзуге и Стрельне на Кольском она до такой степени окружила его своей требующей тако-

го же ответа опекой, что Сережка был просто напуган, до такой степени его, вольного искателя женских прелестей и удовольствий, лишали хоть какой-нибудь свободы оставаться привычным самим собой. Вера переиграла, передавила, перестаралась, потому что не могла, не умела ограничиваться нужным уровнем вхождения в его внутреннюю, всегда в какой-то степени обособленную глубоко личную область самовосприятия и самоутверждения, в которую она устремилась своей таранной женской мощью и красотой. Этого Сережка перетерпеть не мог. Связь распалась. Михаил и Лена так и не породнились с Верой Соколик, хотя уже казалось, что могли. Потом у него были другие женщины, много женщин, из которых Михаил видел только одну, которую Сережка представил родителям Михаила, в которых он видел самую близкую себе родню. Валя Михаилу понравилась. Казалось, кузен вот-вот женится на ней, но почему-то не женился, хотя девушка тоже хотела этого. Они как раз тогда вернулись из «свадебного» похода по Топ-озеру и Поньгоме, куда ходили на байдарке вдвоем. А потом он долго еще никак не мог определиться. Посещая маму Михаила, Сережка постоянно слышал от нее требовательное: «Сережа, тебе давно пора жениться. Почему ты не женишься?» – на что она слышала столь же постоянный ответ: «Теть Зин, жениться, конечно, можно, можно жениться, только на ком?» – Услышав дежурную фразу, тетя Зина взрывалась. Это происходило столь постоянно, что напоминало игру, в которой оба персо-

нажа играли роли, приносившие им вполне ожидаемое и даже желаемое взаимное удовольствие. И вдруг Сережка решился. Его избранницей стала Ира, программистка из Центрального института прогнозов погоды, с которой он тоже сходил в поход по Приполярному Уралу. Она не настаивала на том, чтобы он на ней женился, она вообще ни на чем не настаивала. Она была рада его любить без всяких претензий, а когда забеременела и решила, что Сергей ее в связи с этим бросит, сказала ему, что все равно родит. И родила сына. Это было то, чего ему раньше не доставало, чтобы перешагнуть черту между холостой и женатой жизнью. Он переселился к Ире, которая жила вместе с матерью, работавшей в том же институте прогнозов, только на куда более значимой должности – Нина Николаевна считалась одним из лучших метеорологов страны. Она была волевой и не склонной к компромиссам женщиной, но Сережка ухитрился «обломать» и ее. Обе дамы – мама и бабушка – уже договорились, как назвать новорожденного мальчика. Услышав это, Сергей вознегодовал:

– Толик? Какой Толик? Филипп!

И его сын действительно стал Филиппом, а не Толиком, хотя отец еще не решил формально жениться на его матери. Это произошло, когда Филя уже в буквальном смысле слова «ходил пешком под стол». Мать Иры Нина Николаевна, будучи главой экспедиции на научном судне, бесстрашно направляла его к центру тропического урагана, но она едва

не пришла вслед за дочерью в отчаяние, когда в утро посещения ЗАГС» а Сережка не мог найти второй носок к парадному костюму, и женщины предложили ему надеть другие, а он заявил, что в других носках расписываться не пойдет, они не знали, что делать. К счастью, это не был формальный предлог для того, чтобы уклониться от уз Гименея. Носок нашелся, брак состоялся. Михаил сам видел, как Нина Николаевна перевела дух, когда на нее, наконец, перестала давить упрямая воля и непредсказуемость поведения зятя. Женившись, Сергей не изменил образа жизни. Он не считал нужным ставить Иру в курс своих дел, мог пропадать неизвестно где с утра до вечера, возвращаясь домой только для того, чтобы спать. Но Ира оставалась верной себе. Она не могла не догадываться, что Сережа не зря тратит время где-то на стороне, однако предпочитала в подробности не вникать и даже вообще не входить – и, видимо, только этой броней защищала свой семейный союз от распада, а муж поневоле научился ценить такую жену, хотя, конечно же, среди его женщин тоже находились такие, которые были непротив завладеть им совсем. Не будучи шибко сентиментальным, Сережа все-таки очень полюбил сына, которого грубовато, но с искренней радостью звал дома Филимоном. Филимон с самого раннего возраста, когда начинает проявляться личность ребенка, показал себя умным и настырным парнишкой. Благодаря шмоткам, которые Нина Николаевна привозила из поездок за границу, мальчик выглядел американцем,

а то, как он разговаривал со взрослыми, выдавало в нем логичного мыслителя, старающегося и умеющего быть неприятным. Михаил ожидал, что таким он и вырастет. Сергей думал о сыне иначе, и ему рисовалась в мозгу будущая значимая карьера Филиппа, ибо Бог его действительно умом не обделил. Сын принес огорчения папе с другой стороны. Уже учась в Московском университете на философском факультете, который выбрал сам, он вместе со своим приятелем – сокурсником влюбился в одну девушку, а она выбрала приятеля, а не его. Это было очень огорчительно не только для Филиппа, но и для Сережи, не привыкшего терпеть фиаско на сексуальных полях сражений. Но это было бы еще ничего в сравнении с тем, что ему пришлось испытать при продолжении этой истории. Девушка, отказавшая было Филиппу, прожив несколько лет с приятелем в браке и родив сына, разошлась с мужем, и Филипп поспешил жениться на ней, будто она его уже однажды не забракковала, будто вообще без нее в мире не нашлось бы куда более душевных и привлекательных женщин, чтобы не жениться именно на той, которая, по соображениям старшего Горского, того не стоила. Да, настоящему мужчине еще, может быть, и имело бы смысл воспользоваться ею в постели, чтобы получить сатисфакцию, но жениться на такой он просто никак не был должен – это опрокидывало все представления Сережи с ног на голову – как так? Неужели Филимон мог мириться про себя с таким позором? Но Филипп о позоре не думал. Он ду-

мал о семье, о приемном сыне и собственной дочери, которая вскоре появилась. На вопрос Михаила, любит ли он внучку Соню, Сережа пожал плечами и сознался, что почти равнодушен к ней. Видимо, такое отношение было следствием его представлений о негодном предприятии, устроенном его сыном, и теперь он переносил свою неприязнь с жены сына даже на ее дочь от собственного любимого дитяти. Михаил был на четыре года старше Сергея и думал, что тот всегда будет моложе его по крайней мере внешне. Но оказалось не так. Когда Сережа перешагнул через рубеж в шестьдесят лет, стала заметна не только седина, но и какое-то общее увядание. Михаил и Марина с болью констатировали это. Оставалось только надеяться, что Сергей еще будет взбрыкивать ногами, как старая цирковая лошадь под звуки бравурного марша, но пока что он больше жалел, что не тогда родился, что перестройка застала его нищим и поэтому не на что было развернуть дело как частному предпринимателю. Чем он хотел бы заняться в постсоветское время, Михаил не спрашивал, зная, что Сережка действительно способен на многое. Если уж он при советской власти построил легковой автомобиль своими руками, включая оригинальный корпус, на свой более чем скромный бюджет, то мог осилить и что-нибудь попроще и понадежнее. Но еще больше он страдал из-за Филимона. После перестройки кормиться за счет одной философии стало почти невозможно, хотя в отличие от многих своих прежних коллег он занимался не научным коммуниз-

мом и диалектическим материализмом, а трудами Хайдеггера в оригинале. Имея двух детей и требовательную жену, Филипп устроился грузчиком на мясокомбинат. Когда жить стало несколько легче, он закончил бухгалтерские курсы и стал работать бухгалтером сразу в пяти фирмах. Так поступали многие интеллектуалы, занятые прежде научной работой. Но Филипп и тут доказал, что он не такой как все. В отличие от многих других, кто ради денег навсегда расстался с наукой, он занялся ею, правда, уже не философией, а экономикой. Он поступил в университетскую вечернюю аспирантуру и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Руководитель его диссертационной работы считал, что ему надо идти дальше. Но пока все тормозила проклятая занятость в бухгалтериях пяти фирм, так как найти высокооплачиваемую работу экономиста без личных знакомств в этой сфере оказалось невозможно. А в том, что голова у Фили работала очень хорошо, Михаил убедился сам в ходе продолжительной беседы с племянником. Ему не понравилось только, что Филипп говорит так тихо, что приходится сильно напрягаться, и это очень снижало комфортность беседы, что раздражало, надо думать, не только дядю, но и тех работодателей, к которым он пробовал наниматься, понижая тем самым и без того малые шансы на получение денежной должности. Михаил поделился наблюдением с братом. Сергей сказал, что они с Иррой тоже говорили сыну об этом недостатке. Тихую речь

многие расценивали как показатель нехватки энергии и уверенности для того, чтобы делать бизнес с таким сотрудником. Помогло ли мнение Михаила усилить воздействие родителей на Филю, чтобы убедить его расстаться с милой привычкой тихо говорить ради того, чтобы заставить собеседника внимательней себя слушать, дядя так и не узнал. Однако сам Михаил понял, что племянник оказался много выше его ожиданий и зауважал как за способность выживать, перешагивая через въевшиеся вовнутрь стереотипы, так и за преданность влечению к научным занятиям в условиях, когда другие сдаются.

Как всегда, Михаил и в этот день рождения вышел проводить Виточку и Таню до метро, а потом вернулся домой, где Сережка с удовольствием сидел до поздна, пока вплотную не подходил час прекращения работы городского транспорта. Виделись братья очень редко, хорошо если трижды в году и, расставаясь, они уже давно не имели уверенности, что смогут увидеться живыми вновь. Еще не так давно они встречались за столом у именинника впятером. Старший брат, Михаил, собирал всех не только потому, что все кузены глубоко нравились ему, но и в память о всех их родителях, которые могли бы радоваться тому, что их дети все еще собираются вместе и дорожат своим общим родством и тем самым поддерживают угасающую семейную традицию. Следующий по старшинству, всего на двенадцать дней моложе Михаила, тоже Миша Горский, долгое время работал

на трех работах в равной степени из любви к своей профессии инженера научного работника и из-за денег. На основной работе в своем закрытом институте он создавал теорию повышения точности акселерометров, в Московском институте электронных систем преподавал студентам дисциплины, которые следовало изучить его преемникам по основной работе, для души активно сотрудничал с журналом «Изобретатель», ибо сам был изобретателем до мозга костей. Этот Миша умер несколькими годами позже своего родного младшего брата Володи, появившегося на свет три года спустя после старшего. Володя кончил приборостроительный факультет Московского авиационного института, где нашел себе и жену. Братья любили друг друга до Володиной смерти. Он был отличным специалистом в своем деле и, как и Миша, стал кандидатом наук «без дураков». Однако главной его чертой и достижением было то, что он всю жизнь до конца был очень добрым человеком, в природе которого просто не находилось места ни для какого зла. Володя умер из-за проблем с сердцем, тогда как Миша от рака крови. Был ли грешен Володя в чем-нибудь еще кроме некоторой (но не абсолютной) любви к выпивке, Михаил не знал, но Володе было дано лишь чуть-чуть перешагнуть через шестидесятилетие. А вот в том, что Миша вообще не позволял себе грешить ни по женской части, ни по части выпивки, Михаил был уверен абсолютно. На Алешину порядочность во всех смыслах можно было положиться без риска ошибиться. Он все хо-

тел делать совершенно безукоризненно. Например, он даже вполне искренне переживал, что свою диссертацию по акселерометрам он из-за секретности работы вынужден был защищать в закрытом режиме, когда на заседание ученого совета практически допускаются люди, лишь исключительно желательные соискателю степени. Зная, как часто этим злоупотребляют пустышки-карьеристы, Алеша пугался одной мысли о том, что его могут поставить на одну доску с таким балластом советской науки – сам он не страшился никаких оппонентов, зная, что его результатов не сможет опорочить никто. Через год после Володи скончался Марик, тоже из-за проблем с сердцем. Он, правда, был не Горским, а Нилендером, но они, то есть братья Горские встречались у Михаила с Мариком столько лет, что и он перестал быть для них неродным.

Двое оставшихся – самый старший и самый младший – приближались каждый к своей последней черте, радуясь, что все еще держат друг друга в поле зрения, могут почти без слов одновременно вспомнить то, что вместе прошли на этом свете, и испытать при этом такое чувство единения, какого не могут знать люди, не причастные к испытанному в общем прошлом – это удел уцелевших в боях комбатантов, да путешественников, ухотивших в дальнюю даль, из которой не просто вернуться.

После них регулярное общение между их потомками уже начисто исключалось. Мишина Аня, Кирилл другого Миши,

Серезин Филя и Володина Анюта, Марикова Алена уже почти никогда друг с другом не встречались – их могло соединить на весьма короткое время разве что участие в чьих-то похоронах. А дальше и того меньше. Дети их детей уже и слышать не слышали о каких-то там еще на одну ступень родства отдалившихся родственниках.

Родство, по-видимому, исчерпывало себя на уровне троюродности вообще, а уж в век смешения реального и виртуального мира – еще раньше. Дай Бог было общаться родным братьям и сестрам после того, как они заведут собственные семьи.

Михаил с детьми своей дочери Ани виделся от двух до четырех раз в году. Сама Аня без детей бывала у них еще несколько раз. Это было напрямую связано с ее последним, третьим браком. В первом обошлось без детей. Муж был ее ровесником. Он окончил журфак МГУ, в то время как она философский. Был период, еще до свадьбы, когда он отошел от Ани, затем вернулся, женился, но Михаил полагал, что ему это отольется – и действительно отлилось. На какой-то философской конференции, проходившей в Подмоскowie, она познакомилась с парнем, с которым почти тотчас начался бурный роман. Аня об этом не сообщала, пока не ушла от первого мужа совсем.

Внешне оба ее мужа отличались не очень сильно. Но если первый был из претенциозной культурой семьи, с которой Михаил не имел никаких контактов, то второй, тоже

как и Аня, окончивший философский факультет, был претенциозен сам, будучи отпрыском семьи с гораздо меньшими амбициями. Этот второй муж, от которого Аня родила сына, изображал из себя (да и не только изображал) полностью влюбленного в жену человека, который с ума сошел, став оскорбленным собственником, когда Аня встретила своего будущего третьего мужа. Он тоже был выпускником философского факультета, правда, значительно более ранним, и этот понравился Марине и Михаилу сразу безоговорочно. Для него союз с Аней тоже был не первым, но вел он себя, как человек, абсолютно окрыленный любовью, буквально светился ею и был столь обаятелен, что к нему действительно нельзя было остаться равнодушным. Самое смешное состояло в том, что третий Анин избранник, покоренный ее красотой, являлся сыном члена политбюро ЦК КПСС периода перестройки, который, не вылезая, как правило, на передний план, работал на сокрушение губительной для страны коммунистической монополии на власть. Михаил мало интересовался предстоящим родством, поскольку чувствовал себя в таком же положении, в каком оказался бы Александр Сергеевич Пушкин, доживи он до второго брака своей дочери Марии, когда она стала женой принца Нассау, потомка царя Николая Первого. Вот бы порезвился «ай да Пушкин! Ай да сукин сын!» узнав, что у него с царем общие внуки! При оформлении последнего брака в ЗАГС»е практически не было никаких церемо-

ний, поскольку Аня должна была вскоре родить дочь от нового любимого. Присутствовали только Михаил с Мариной и еще одна супружеская чета, все из тех же философов. Члена политбюро не было. Там явно не одобряли женитьбу на «охотнице за женихом», как было доложено органами государственной безопасности в ответ на запрос партийного босса, решившего узнать по своим каналам, «кто такая Анна Горская». Михаилу хотелось бы понять, какие такие сверхвыгодные партии обустроила себе его дочь – охотница, если он помогал ей деньгами после ее вступлений в столь перспективный и выгодный союз. Однако долго воротить нос от женщины, напрочь привязавшей к себе сына столь высокопоставленной семьи, член политбюро и его супруга не смогли. И приют им дал в своей квартире не «сват», член политбюро, а Михаил, живший вместе с Мариной в ее квартире, и именно там появилась после роддома Аня с дочерью Поленькой. Тут-то впервые произошла встреча с родителями Аниного мужа. До сих пор Михаил видел свата только по телевизору или на газетных фотографиях, а сватью – так и и вовсе никогда. Сват, хоть и слыл прогрессистом, оказался человеком с остро развитым классовым, а точнее сказать – кастовым чутьем. Приехав в дом Михаила, он повел себя так, будто это Михаил явился к нему домой, по крайней мере, единственное, до чего он позволил себе снизить, было неохотно сделанное молчаливое рукопожатие. Как ни удивительно, но стыд за его поведение мгновенно испытала его же-

на. Она предпринимала массу усилий, чтобы сгладить впечатление от поступка мужа, который увел сына для разговора на лестничную площадку, хотя кроме коридора, в котором произошло знакомство, в квартире было еще две комнаты и кухня. За все время пребывания в новой семье сына, где находились еще и сваты, член политбюро не произнес ни слова. Прощаясь с новыми родственниками, после нового молчаливого рукопожатия с членом политбюро, Михаил сказал, подчеркнуто обращаясь исключительно и только к его жене: «Был очень рад с вами познакомиться». Извинять проявленное хамство он не собирался, впопыхах забыв даже другое слово, целиком подходящее к данному случаю и ставшее известным из трудов основателя советского государства Владимира Ильича Ленина: «КОМЧВАНСТВО» – ведь он только что встретился с ним во плоти, причем с самим что ни на есть классическим и настоящим. Вернувшись от ребят домой, Марина и Михаил обсудили увиденное. Внучка Поленька пришла им по душе – явное дитя любви, а не побочное и нежеланное последствие связи. Теперь Аня могла успокоиться. Предыдущий муж не желал отдавать ей сына. К чему он только ни прибегал, чтобы заставить Аню вернуться. Михаил понял, что превращать Антошку в поле сражения будет плохо со всех сторон. Во-первых, плохо было бы самому ребенку. Во-вторых, эта борьба за сына придает смысл подлым и глупым действиям бывшего мужа. В-третьих этот бывший муж вцепился в сына и за-

нялся его «воспитанием» единственно для того, чтобы вернуть себе жену, хотя при этом он наговаривал ребенку массу гадостей о матери. В-четвертых, собственно Антошка был ему совсем ни к чему. Во всем этом проявился стереотип мстительного животного, которому, по деревенской традиции, как минимум полагалось разворотить обидчику крыльцо, а лучше поджечь дом и хозяйственные постройки, ибо на что еще походило то, что он постарался устроить во всех домах, где бывал сын Антон: испортить незаметно телефоны, дверные замки и не отдавать вещи, которые на время ремонта квартиры Михаила свезли на недавно полученную им и Аней квартиру.

Михаил и Марина сошлись во мнении, что в конце концов использовать Антона как орудие возвращения беглой жены или мщения станет бессмысленно, поскольку Генке это будет обходиться слишком дорого, и Антон без явного противодействия со стороны Ани и ее родни скорей окажется у матери, чем в ходе активной борьбы. Чего Генка еще не использовал, к чему не посмел прибегнуть ни разу, так это к прямому выяснению отношений с счастливым соперником, и не потому что было страшно связываться с сыном члена политбюро, а потому, что, будучи физически сильным, он все равно уступал в мощи Толе и просто боялся, что ему самому еще морду набьют – не то бы полез драться обязательно.

Потом Марина хорошо высказалась по поводу поведения свояка.

Михаил редко видел ее до такой степени возмущенной. В принципе он был с ней вполне согласен, но тут он подумал, что кроме свинства и комчванства поведение свояка могло определяться еще и таким мотивом. Возможно, что его уже достали односельчане и родственники просьбами в чем-то содействовать, куда-то устроить, за кого-то похлопотать – ведь не у всех же есть такой близкий человек, который почти все может. Вот и от родителей второй жены своего сына он мог априори ожидать такой же атаки, как и от тех, кто уже изнурил его своими просьбами или требованиями. А закончил Михаил и вовсе примирительно.

– Знаешь, любушка, – сказал он, Марине – наверное, без проявленного хамства его бы в этот круг просто не приняли бы. Оно там нужно как воздух. Конечно, мне и это противно, но я все-таки напомнил себе, что в этом политбюро он все-таки лучший, а не худший. Во время войны матросов морской пехоты в атаки водил восемнадцатилетним лейтенантом, пока его не покалечили так, что он и по сию пору хромает. И сейчас вот старается, как умеет, ликвидировать власть КПСС, в высший орган которой он пробился сознательно, чтобы преобразить партию, а если не выйдет, то и развалить. Хрен с ним с хамством и комчванством – лишь бы сделал главное дело. Остальное простим.

В ответ Марина пожала плечами. Было видно, что она все равно не согласна. Наверно, после трех лет своей учебы в МГИМО она считала, что дипломату все равно недопусти-

мо вести себя подобным образом, будь он хоть трижды высшим партийным директором. Раз ему выпало после деревни получить высшее образование и стать послом, ему непозволительно с кем-либо держаться так, чтобы это позорило его дипломатический ранг.

И опять с Мариной было трудно не согласиться. Мало того, что свояк задел в ней глубоко личное и оскорбительно вел себя в разговоре с ее любимым человеком, так он еще и профессией своей, пусть и вынужденной, ссыльной, насквозь не проникся, хотя прослужил послом аж шесть лет! За это время новый ВУЗ можно закончить, не то что успеть выучиться этикету и вообще нормальному обращению с людьми.

Но как бы то ни было, Аня целиком погрузила себя в Толину семью. Ей показалось так славно переселиться из Москвы в большой загородный дом, только что отстроенный свекром как частным лицом, а не членом политбюро, в академическом поселке. Это так льстило ее самолюбию, это настолько соответствовало ее давней мечте, что Михаил удивился только одному – как он сам этого раньше за ней не замечал?. Где могут хорошо чувствовать себя дети? Где здоровый чистый воздух? Где еще так часто можно общаться с природой, как не там, да еще рядом с любимым человеком, да еще при его знатных родителях – ведь не чета же они маме, доктору философских наук, а тем более – папе, который, как поется в песенке о цыпленке жареном, цыпленке паре-

ном: «Я не тильям, пам, пам, пам, пам»? Новая жизнь выдвинула её в распахнувшемся перед ней будущем, и это отодвинуло мысли о родных родителях далеко на задний план. Теперь она могла не тянуть деньги от одной зарплаты до другой, несмотря на то, что тратила куда побольше прежнего. Ее гардероб украсили новые туалеты и обувь, а быт облегчили разные дорогие машины и устройства, с которыми было либо-дорого работать по дому. И Антошка сам вдруг потянулся к матери и стал постоянно жить вместе с ней. Через год с небольшим она родила еще одного сына, Колю, а в общей сложности вместе с дочерью и сыном Толи от первого брака она стала обладательницей и заботливой матерью для пятерых детей, хотя Толина старшая дочь бывала в семье только наездами. И со всеми у нее были прекрасные отношения, и все у нее получалось, как надо, в качестве маленькой хозяйки большого дома. Дом и впрямь оказался немаленьким, в этом они с Мариной убедились, после того как Аня выполнила условие отца – пригласить их в загородный дом, когда там не будет Толиных родителей. Это еще не был особняк того типа, которые в массе размножились примерно в том же районе здорового климата для семей новых богачей буквально через пару лет – безвкусные и помпезные КАК БЫ средневековые замки с башенками, отличающиеся от исторических только тем, что теперь караулки размещались вокруг замка, а не так, как раньше, когда гарнизон прятался внутри каменных стен, а их в свою очередь прикрывал ров, напол-

ненный водой, и через эту преграду можно было проникнуть внутрь въездных ворот только по опущенному на другой берег подъемному мосту.

Но и этот дом был обширен. Хозяин или хозяйка явно имели склонность соблюсти в одно время и помпезность, и скромность, и вкуса в этой смеси явно не хватало. Но в нем можно было жить вполне комфортно, потому что на двух этажах и в полуподвале хватало места на все и на всех. Правда, здесь же, метрах в тридцати от большого дома, стоял куда более маленький и скромный, хотя тоже о двух этажах, еще слегка недооборудованный изнутри дом, который предназначался для обширного Толиного семейства, но Аня почему-то, как показалось Михаилу, не думала о том, что ей придется царить именно в нем, но отнюдь не в большом доме. Это случилось примерно еще год спустя. Член политбюро КПСС, правда, давно уже бывший, тем не менее во вполне привычном старом стиле потребовал от Толи и Ани, чтобы они переселились из его большого дома в свой маленький «в двадцать четыре часа».

Поскольку эта сакраментальная фраза была произнесена дважды, стало ясно, что старшие больше не потерпят непосредственного шумного соседства с детьми и особенно внуками, а заодно и Аниного хозяйничания на их заповедной территории. Это требование в стиле категорического императива советской эпохи явно сразило Аню если не под корень, то вполне основательно. Ей вдруг в один момент стало

пронзительно ясно, за кого ее здесь держали: за приятную, культурную, образованную, красивую прислугу семьи человека исключительной значимости, в которой и Толя не имел на самом деле права решающего голоса, хотя, как догадывались Михаил и Марина, именно Толя про себя мыслил совершенно иначе – он умнейший в семье, он ее глава, хотя по справедливости следовало бы признать, что на эту роль у него не было никаких прав и оснований. Чем дольше он жил с Аней, тем явней со стороны бросалось в глаза, что он все больше думает о собственной значимости и всё меньше считается с женой. Стало ясно и другое – что Толя старательно прячет Аню за городом от чужих взглядов и новых знакомств. Было ли это признаком неуверенности в себе или признаком его неуверенности в Ане, ни Михаил, ни Марина не знали. Однако в главном сомневаться не приходилось – Аня была прочно привязана к жизни на даче, и ей разрешалось без особых разговоров только раз в неделю ездить на работу в философский журнал, отдавать там отредактированные материалы и получать новые. Сам Толя в эту пору был выше крыши занят переводом и редактированием статей американской энциклопедии «Кольерс» и всем своим видом показывал окружающим, но в первую очередь Ане, что более важного дела ни у кого во вселенной нет, потому что не может быть никогда. Это была вредная иллюзия. Несмотря на редкость их встреч, Михаил видел, что в душе его дочери рушатся воздушные замки, которые она успела

было там возвести и даже поверить в реальность нереального. Толя все последовательней вел себя как муж – диктатор и собственник, чем как тот окрыленный любовью, очарованный Аней и испускающий обаяние во вне человек, который так понравился ему и Марине с первого взгляда. Метаморфоза казалась пока еще обратимой, и Михаил решил высказать Толе, что тот ступает на рискованный путь. Когда случай представился, Михаил высказал любезному зятю все, что хотел. Что Аня без разнообразия положительных эмоций стала слишком часто плохо себя чувствовать, что ей требуется не только домоседство, но и впечатления от театра, концертов, выставок, не говоря уж об общении с друзьями, которых у нее раньше всегда было много. Что он и сам, в конце концов, знает, что Аня способна на решительные поступки, и лучше до этого не доигрывать. Толя слушал молча и все больше мрачнел. Михаил не мог угадать, будет ли прок от его предостережений. Оказалось, что не было, если не считать того, что Толя почти совсем перестал общаться с домом тестя. Хуже, пожалуй, было то, что отец переоценил тягу к свободе у Ани. Она сдалась, имея на руках трех своих детей, привыкнув к достатку, какой можно было получить не в каждой другой семье. Ей было уже под сорок, и хотя она выглядела значительно моложе своих лет, ей пора было задуматься и об этом – найдется ли желающий полюбить ее и такую. Однажды, когда она устроила экскурсию Поле и Коле по Московскому кремлю, ей пришлось в голову пригласить

заодно и деда. Заговорив с Аней о том, что не видит положительных сдвигов в ее образе жизни, и что Толя совсем не тот теперь, каким он был, ухаживая со всей возможной нежностью и страстью, Михаил услышав в ответ:

– Папочка, я уже давно разочаровалась во всем, в чем только можно.

– И ты примирилась, – сказал, а не спросил Михаил.

– Да, я примирилась.

– Я не верю, что тебе уже ничего не светит, – возразил он.

– Видишь ли, теперь все равно мне надо думать не о себе, а о них, – кивнула Аня на детей, забежавших вперед по валу вдоль москворецкой стены кремля.

– Эх, моя милая! Не успеешь ты оглянуться, как они станут взрослыми и улетят. А себя ты упустишь – и как творческая личность, и как женщина. Неужели еще не ясно?

– Ясно-то ясно, папочка, да что поделаешь?

– Как что? Бывать на людях. Смотреть вокруг. Уж тебя-то обязательно заметят. Уж как мне обидно, что ты вся себя уткнула в детей и в мужа, который мягко говоря, позволил себе при твоём попустительстве изменить себя в худшую сторону.

– Толин отец и сам удивляется, что я его не бросила.

– Ну, вот видишь! Я тебя уже не смею спрашивать, любишь ли ты своего Толю. Слушаешься, зависишь – это знаю. Но разве это любовь?

Аня промолчала, затем все-таки призналась.

– Он было дал мне счастье, а потом я и незаметила, как оно ушло.

– А ты все еще вела себя так, будто он продолжал тебе его давать?

– Да.

– Но ведь он давно его не дает. Я понимаю – он неравнодушен к тебе, он боится тебя упустить и потерять, не веря, что без его домашней деспотии ты всегда будешь с ним. Тогда бы он совсем опсихел.

– Ты так считаешь?

– Анюта, он давно уже псих, правда, еще не совсем законченный. А может быть, был им еще до того, как познакомился с тобой. Это первая волна любви на время подняла его над психозом. А так – смотри: он не имеет покоя уже из-за одного того, что его отец – более значимая, верней – куда более значимая личность, чем он сам, хотя он всю жизнь силится доказать обратное. Тужиться – то он тужится, да только ничего у него не выходит. Чем он занят после этой энциклопедии «Кольерс», с которой возился, как с писанной торбой, воображая, что ничего более важного на свете нет?

– Переводит правозащитные материалы. В основном с английского, но и на английский тоже.

– И создает впечатление, что если он на минуту выйдет из этого процесса, мир остановится в развитии, а потому отпуск у него может быть только на католические рождественские каникулы, когда даже неусыпные западные правозащит-

ники берут недельный тайм-аут.

– Но он так обязался.

– А другого дела он хотя бы с помощью отца не мог бы найти? Кстати сколько за это он получает?

– Полторы тысячи долларов.

– Немало, но и не густо. По его претензиям на собственную значимость почти ничего. Ох, и расстраиваешь ты меня, ох, и расстраиваешь! Как подумаю о тебе, так и спрашиваю себя, куда ты подевала свой ум, на что разменяла? Учти, дорогая, ты ведь веришь в Бога: раз он дал тебе большие способности, так Он и спросит, как ты ими распорядилась, какие духовные ценности, используя их, успела создать? А что сможешь сказать? Что вырастила детей и дала им хорошее разностороннее образование, из которого они используют лишь ничтожно малую часть? Да, это заслуга. Но ведь детей должны растить и воспитывать люди любой образованности и способностей. Так что одними детьми, знающими науки и языки, не оправдаешься. А на что ты растратила свой творческий потенциал? На редактирование чужих текстов, как правило, эпигонских, а не оригинально разумных? Диссертацию не захотела защитить – ладно, твое дело, хотя, по-моему это совсем неумно и безответственно. Ведь тебе твои подружки, давно остепененные, обещали устроить «зеленую улицу» при прохождении всех этапов, а всего-то трудов тебе было начатую диссертацию дописать. Тут Толя тоже хорош – всячески воздействует на тебя, чтобы

ты не защищалась – якобы, все это глупость. А на деле вовсе не глупость. Сравнявшись с ним в кандидатстве, ты стала бы самостоятельной, получила бы возможность сама зарабатывать себе на жизнь больше, чем сейчас. Ему этого не надо. А чего он еще больше не желает, это чтобы жена выглядела умнее его. И ты с этим тоже смирилась. Горько мне. Я вот тоже не кандидат – и именно из-за того, что тебе-то никак не помешает: мне противно кого-то просить признать меня умным, но тебя-то девчонки прямо – таки протащили бы вихрем через все инстанции, только пальцем о палец ударь. Но не ударила – не захотела, видите ли, Толеньку огорчать. И после этого он не псих? Тебе – то уже сорок, а ему – все пятьдесят. Пора бы к этому возрасту понять, что он сам собой представляет в интеллектуальном плане. Но в реальных итогах ему сознаться никак невозможно. Лучше позволять себе издевочки над такими докторами, как твоя мама, хотя, честное слово, она – таки сказала свое слово в истории арабской философии, тогда как он оказался неспособен даже на что-то подобное. Молчишь? Неприятно? А мне-то каково думать о тебе? Как мы ни далеки теперь друг от друга, безразличием к тебе я не заболел. Смотришь – девка вроде бы удалась хоть куда, по всем статьям – красива, умна, образованна, воспитана, могла бы заслужить всестороннее счастье. И характером упрямым Бог тебя не обделил – или мы с мамой, но куда оно девалось, на что пошло твое упрямство? И вот тебе нечего больше на это сказать, и мне тоже. В об-

щем, больно. И твои дети скоро, очень скоро все до одного поймут, кто их отец, а кто мать, и что они представляют друг для друга, можешь не сомневаться.

Этот разговор по-над кремлевской набережной нет-нет, да и вспоминался Михаилу, и не столько его же собственным назиданием, которого он совсем не хотел, поскольку никогда особенно не верил в его эффективность, если только слушающий сам не жаждал его получить (а Аня, конечно же, не жаждала), сколько горьким признанием дочери: «Я уже давно разочаровалась во всем, в чем только можно разочароваться». Это было сказано искренно, с полным убеждением, что все так и есть, но Михаил – то с высоты своих лет мог ей возразить: «Нет, Анечка, еще не во всем, в чем только можно разочароваться. Тебе еще дети не все сюрпризы преподнесли, какие могут, а потом, глядишь, и внуки добавят своё в ту же копилку. Так что тебе лучше бы заранее настроиться на это, и не питать иллюзий насчет счастья в потомстве. А если такое все же выпадет тебе, как Небесная Награда, что ж, тем радостнее будет его принимать. А не то выпадет тебе такое же «приятное» открытие, какое преподнесла мне Света.

Нет, насчет Светы он Ане ничего рассказывать не стал. Это был предмет обсуждений и разговоров главным образом с Мариной, а временами еще и с Витой и с Таней Кочергиной. Света была единственной из всех внуков и внучек, вся сознательная жизнь которой с полуторалетнего воз-

раста прошла на глазах и под влиянием Марины и Михаила. После того, как Коля разбился на испытательном полигоне в Эмбе, Света с матерью переехала из гарнизона в Москву и несколько лет прожила в бабушкиной квартире. А потом, когда ее мать получила, наконец, свою, новый дом оказался совсем неподалеку и большую часть времени Света все равно проводила у Марины и Михаила. Ей тут нравилось больше, чем у матери. Люда однажды передала им разговор с дочерью, когда она принялась ее воспитывать по какому-то поводу. – «Ты меня воспитываешь?» – возразила Света. – «Да, а то кто же?» – «Ты меня только кормишь и одеваешь. А воспитывает меня дед!». В этом ответе было два преувеличения. Кормила и одевала Свету не только мать, но и бабушка с дедом, хотя по крови он и не был родным. И воспитывал внуку, конечно, не один Михаил, а в не меньшей степени и бабушка. Но вот где влияние Михаила на внуку было превалирующим и бесспорным, так это на ее интеллектуальное развитие. Михаил воспитал в Светлане логичный, взыскательный и скептический ум, который впоследствии так пригодился ей как во время работы юристом в правозащитной организации «Право матери», так и в дальнейшем в крупной страховой компании, где она уже выступала в роли менеджера и проектировщика. Хотя Михаил и не мечтал о том, чтобы Света по своему собственному влечению стала заниматься тем, что интересовало его, ему представлялось вполне реальным, что внука в случае удачи на соб-

ственном поприще издаст его труды хотя бы после смерти деда. Чем обернулись мечты о том, что Света станет его душеприказчицей, стало ясно еще до конца ее обучения в Московской Государственной Юридической академии. Прошло уже лет пять или шесть с тех пор, когда мать Светы передала Марине и Михаилу еще одну значимую сентенцию дочери: «Самое противное – это то, что дед всегда прав». Когда Михаил услышал это, его наполнило что-то вроде гордости за себя и за признание его правоты духовной воспитанницей. Радоваться, конечно, было чему, однако другое возникшее вслед за этим чувство не помешало ему распознать в выражении «самое противное» не только образное подтверждение правильности его рассуждений и прогнозов. На самом деле его следовало понимать не метафорически, а буквально, то есть так, что постоянная дедова правота ей обидна, противна и в некотором смысле ненавистна. Это выяснилось в ту пору, когда она утвердилась в своем сознании как самостоятельный, успешный и хорошо зарабатывающий человек. В самом деле, за всю свою жизнь Михаил и Марина не зарабатывали вместе столько денег в свободно конвертируемой валюте, сколько совсем молоденькая Света за несколько лет, так что ей было чем задаваться. Но не здесь скрывалось главное, а главного на самом деле было два. Первое легко выводилось из Светиной формулы, если присоединить к ней всего несколько слов: «Мне, самостоятельному и успешному человеку, противно, что всегда бывает прав дед, а не я, уже

доказавшая ему свое превосходство по крайней мере в отношении заработка Почему я как маленькая девочка должна продолжать смотреть деду в рот в ожидании, пока он что-то скажет? Почему он вообще ожидает, что я должна думать так же, как и он? Почему он всегда уверен, что так и будет выигрывать интеллектуальное соревнование со мной впредь?»

Светлана исходила из здравых посылок, ошибаясь лишь в одном. Михаил ее тренировал, не думая соревноваться. Вероятно, соревнование ей чудилось из-за того, что ее ум жаждал комплиментарного признания, и она его действительно получала, в том числе и со стороны Михаила, но только не по поводу тех проблем, которые удастся решать после осмысления опыта собственной жизни, чего не может заменить в полной мере никакая образованность и никакое воспитание. А ей казалось, что она уже вполне достаточно научена жизнью и вразумлена. Относиться к деду как к гурзу Светлане больше не хотелось, а раз не хотелось, то уже всякий новый тренинг с его стороны не только пропускался мимо ушей, но и начинал заметно раздражать. Михаилу хватило всего пары фраз с ее стороны, чтобы почувствовать в них это, и он резко изменил свое обращение к ней. Собственно, интеллектуальное общение со Светой начисто прекратилось. И тут стало ясно, что других общих интересов у них не было и нет, если не считать их разговоров и обмена мнениями о собаках, которые по-прежнему оставались

между ними искренними и откровенными. Марина, да и Михаил тоже, переживали, что Света очень мало читает, а то, что все же читает, вообще лучше было бы не читать. Регресс в интересе к чтению и вкусовых предпочтениях в сравнении со временем их молодости был пугающе страшным. Но говорить со Светой на эту тему не имело смысла. Этому регрессу содействовала общая мода, витающая в обществе молодых и хорошо устроившихся в жизни людей. Однако существовало еще одно главное. Света с первого курса влюбилась во влюбленного в нее студента из ее же группы и вступила с ним в связь в девятнадцать лет. Как Света сама сообщила деду, у Андрея она была первой, так же как и он у нее. В ответ Михаил просто удовлетворенно кивнул. Он не считал, что людям следует избегать общения в постели, когда они созрели для этого, откладывая полное узнавание до той поры, какую предписывает ветхозаветная мораль (впрочем, и она отличалась от нынешней не только большей строгостью, но и тем, что позволяла выдавать девок замуж, как только они могли начинать рожать, то есть кого в одиннадцать лет, кого в тринадцать, по существу разрешая то же самое, что сейчас). Мать Светы, Люда устроила дочери бенц по поводу потери невинности. Заплаканная Светка пришла к бабушке и деду и спросила: «Можно я у вас поживу?» Ее приняли с дорогой душой, вскоре дали согласие и на то, чтобы она жила у них со своим Андреем. В те поры он благоговел перед Светланой. Длинный, приятного вида, в очках, он

походил на типичного студента из фильмов, которые немного странны, немного нелепы, но в основном хороши. Таким они, то есть Марина с Михаилом, его и приняли. Молодые люди учились на вечернем отделении, поскольку оба работали. Выяснилось, что место работы Андрея – это бывшая советская академия народного хозяйства, в которой готовили к более ответственной работе выдвиженцев из низших слоев партхозноменклатуры. Он там работал на компьютере среди людей, очень слабо разбирающихся в возможностях персональной техники, и потому Андрей довольно долго котировался там как ценный работник. Было видно также, что Андрей старается быть полезным в доме, где его держат, не требуя свидетельства о браке. Курс за курсом они двигались к получению квалификации юристов. И тут начали прорисовываться новые вещи. Случалось, Андрей не ночевал дома, в то время как для Светланы это было неожиданностью, хотя оба имели мобильные телефоны и могли соединиться когда угодно. Еще Андрей позволил себе заявить, что Светлане ставили по всем предметам одни пятерки, поскольку она учится за плату, в то время как он – за счет госбюджета. Это уже было настоящим индикатором личности. Андрей получил бесплатное обучение по двум причинам. В-первых, он отслужил в армии и, во-вторых, среди обучаемых юриспруденции настолько преобладали женщины, что мужчинам явно отдавалось предпочтение при поступлении в академию.

Светлана же, несмотря на очень хорошую подготовку,

на бесплатное обучение принята не была. Для этого ей не хватило одного пресловутого балла. В ВУЗ»ах было принято выставлять справедливые оценки только тем абитуриентам, за которые экзаменационным комиссиям или деканату были наперед уплачены суммы в несколько тысяч или десятков тысяч долларов (в зависимости от ВУЗа и степени подготовленности или наоборот – неподготовленности поступающего). Денег на взятку у Светы не было. То, что имелось в семье Марины и Михаила, было потрачено на подготовку к ключевому экзамену частному репетитору, преподававшему на юрфаке МГУ. По окончании курса подготовки этот преподаватель под строжайшим секретом сообщил, что для поступления на вечернее отделение требуется заплатить УЖЕ НЕ ЕМУ три тысячи долларов. Иначе ничего не получится – и действительно не получилось – там в первый раз не хватило одного балла, в Юридической академии – во второй. В первом случае Светлана была просто травмирована цинизмом взяточников, во втором уже просто задета за живое. С натугой выплачивая деньги за учебу, она еще дважды – после первого и второго курса, законченных по всем дисциплинам только на пять, сдавала приемные экзамены на первый курс, чтобы ее перевели на бесплатное обучение соответственно на втором и третьем курсе. И снова она, отличница, не добирала одного балла. Установка ректората была предельно ясна – гони монету, другого не будет. Казалось, эту стену уже не пробить. И все же Света так за-

кусила удила, что после отличного окончания уже третьего курса получила, наконец, проходной балл по всем вступительным экзаменам и с большими дополнительными усилиями заставила ректора перевести себя на бесплатное обучение. И вот за свое без кавычек героичество Светлана получила вроде как от любящего ее парня «подарочек» – ей, оказывается до сих пор ставили отличные оценки только за плату. Эту теорию она опровергла без труда – как училась на отлично за деньги, так отлично училась и задаром, в то время как ее милый учился все хуже и хуже, потому что ничего не хотел делать. Светлана писала курсовые работы за себя и за него. Андрей принимал это как должное. Однако дело не ограничивалось только учебой. Андрей внедрил во все поры Светланиной жизни, начав с массажированного воздействия на ее вкус. Он определял, какой костюм ей идет, какой не идет, какую обувь надо носить, какую не надо. Марина и Михаил диву давались, насколько однообразно, а часто и безвкусно выглядят обновки внучки. Их было много, одна другой дороже, но вполне однотипные. Все пальто – коричневые, чуть разнящихся оттенков, все свободно-мешковатые, скрадывающие фигуру. Брюки и вовсе лишь двух сортов – черные или джинсовые. Обувь – желтовато-коричневые ботинки без каблука, иногда черные башмаки на каблуке. В конце концов стало ясно, что Андрей, прикрываясь велениями моды, добивался того, чтобы Света во всех этих нарядах выглядела как можно менее привлекательной. А ведь ей

куда как шло и многое другое, причем больше того, что она теперь носила и что могло стоить куда меньше. Но прошли времена, когда она тратила деньги разумно и экономно – теперь потребительское дело пошло с настоящим размахом, причем сразу по двум каналам – в пользу Светланы и в пользу ее милого. Разумеется, и то и другое из ее кошелька. Андрей получал на своей работе на порядок меньше Светланы, да, впрочем, и не утруждался на службе совсем. Однако домой он приходил одновременно с ней, как правило, только в день получения ею зарплаты. Он ждал ее тогда около офиса ее компании, и они сразу отправлялись по магазинам, откуда приходили, нагруженные новым барахлом. Выяснилось также, что теперь оба они радовались не столько самим купленным одеждам, сколько лейблам на этих вещах. Характер, да и вся Светланина личность менялась в том же темпе, что и ее вкус. Глядя на нее, Михаил все чаще чувствовал к ней какую-то в высшей степени неприятную смесь жалости с презрением, но говорил об этом только с Мариной, которая расстраивалась не меньше его. Особенно отвратно было смотреть как Света чистит обувь не только себе, но и своему глисту – паразиту, который в конце концов доигрался до того, что его поперли с работы. Но он ничуть не огорчился. Наоборот – стал чувствовать себя после этого еще лучше. Не надо было ходить на службу даже время от времени. И стало еще больше времени для исследования содержимого престижных магазинов, где он высматривал новые предметы

для очередной приобретательской сессии. Диплом он тоже не думал писать. В конце концов, потеряв терпение, Светлана сообщила об этом его родителям. Последовал разнос, после которого Андрей стал делать вид, что чем-то занимается, но и диплом за него в конце концов написала все та же Света.

Ситуация давно приобрела черты карикатурного фарса, унижающего достоинство любого самолюбивого человека, а уж в нормальном состоянии Светлане в самолюбии отказать было никак нельзя. Да она и теперь сохраняла высокомерно-надменный вид, если она общалась с кем-то, кроме Андрея. Так куда, черт возьми, подевалась ее гордость по отношению к нему? После тщательного анализа всех своих и Марининых наблюдений Михаил пришел к выводу, что Света порабощена отнюдь не любовью, а чем-то иным. Тогда чем? И снова Михаил принимался пересматривать и сопоставлять разные факты, пока, наконец, не пришел к твердому убеждению, что Андрей был паразитом не только в манере жиголо, но и, что выглядело гораздо хуже, паразитом духовным, подавившим ее личность и волевым дух. Как это ни называй – зомбированием, подавлением личности, психическим модифицированием поведения жертвы – результат был один – Светлана бессловесно и уже безрадостно служила альфонсу, который в подметки ей не годился. Каким способом он этого достиг, осталось неясным. Однако несомненным было и то, что он подействовал так не только на Свету, но и на ее мать Люду, вообще говоря, не по-

следную специалистку в бытовом колдовстве. Значит, Андрей в каком-то оккультном аспекте настолько превосходил Люду, что она работала в его интересах с бóльшим старанием и рвением, чем в пользу любимой дочери, которой, как она сама с достаточным основанием считала, посвятила всю свою жизнь после гибели мужа. Надо было думать, что Андрей силится получить власть и над бабушкой и дедушкой Светы, но с этим у него ничего не выходило. Он, разумеется, ощущал к себе их презрение, но из принципа они ничего ему не говорили, считая, что это раньше или позже, но придется сделать самой Свете. Они следили за тем, чтобы его власть не выходила за пределы комнаты, которую они отвели внучке. Сколько могло продолжаться это состояние ни мира, ни войны в доме, где обосновался неглупый, наглый и жадный тип, пьющий Светины соки под предлогом любви, осталось неизвестным, потому что оно прекратилось почти в один момент. Светин одноклассник Сережка Солдатов – красивый умный парень, равнодушный к ней с первого класса – в один из выходных дней познакомил ее со своим приятелем Антоном, с которым уже давно познакомился на почве общей любви к волейболу. Солдатов сделал это не ущерб себе, потому что за Светой так и не решился серьезно ухаживать. За него бы она пошла, против чего не возражала бы ни ее, ни его родня, а уж их учительница немецкого языка Эмма Алексеевна так была бы вовсе счастлива – лучшей пары, чем эти двое ее любимых учеников в немецкой

языковой школе она и представить себе не могла. Но – что-то пробуксовало, проскочило в мозгах или сердце Сережки мимо Светланы. Он уже был женат на «доске» – так именовали между собой его плоскогрудую избранницу Марина и Михаил за нехарактерную для существа женского пола фигуру, которая, судя по всему, еще и не блистала умом. Так что Антон влетел в поле зрения Светы метеором, который не нанес ущерба никому, кроме Андрея. Он был обаятельно красив, ладен, строен, силен – и притом скромн, внимателен и трудолюбив. Единственным человеком, сходу забравшим нового муж-френда Светланы, была ее мать. Люда руководствовалась, по крайней мере вслух, чисто формальным критерием: у Антона нет высшего образования. Она все еще пыталась воздействовать на решение дочери, лоббируя интересы Андрея и начисто позабыв, кто сделал высшее образование ему. Антон и вправду бросил педагогический институт после второго курса и больше в ВУЗ не поступал. Зарабатывал себе на жизнь он, однако, очень неплохо. Его специальностью был монтаж и установка автономных дизель-электростанций в подмосковных домах богатеев, которых уже развелось видимо-невидимо, но которые все равно продолжали плодиться. Так что работой Антон и его бригада были обеспечены на годы вперед. Он немного смущался соседства со Светланиными предками, но в конце концов убедился, что они ведут себя по отношению к его сожителю со своей внучкой без бумаги более чем лояльно.

Антон, особенно после альфонса Андрея, показался Марине и Михаилу столь подходящим человеком, что от него трудно было не захотеть получить детей уже в виде правнуков. Как оказалось, к тому все и шло, хотя и не совсем гладко. Не раз и не два случалось так, что Света и Антон вместе уезжали в выходные или праздничные дни за город в какие-то пансионаты, а затем Светлана до срока возвращалась домой в Москву одна, мрачная и замкнутая. Вопросов ей никто не задавал, но возникало подозрение, что таковой была ее реакция на то, как на ее красавца вешались другие бабы и девки. Тем не менее, вернувшись поздней осенью после полугодового пребывания в своем деревенском доме на Рыбинском водохранилище, Марина и Михаил узнали, что ребята должны пожениться дней через двадцать. Уже было подано заявление в ЗАГС, отработан список родни и знакомых с обеих сторон, которых молодые собирались увидеть на собственной свадьбе, Света в сопровождении бабушки и матери объезжала магазины с целью выбора свадебного туалета, который вскоре и был приобретен, как вдруг Света сообщила, что Антон просит перенести свадьбу не то на квартал, не то на полгода, и что она решила, что в этом случае свадьба ей вообще не нужна. Какая причина подтолкнула Антона запросить пардона и переноса срока, предки узнали не сразу. Однако через несколько дней она перестала быть тайной, которую, как выяснилось, Светлана скрывала от всех уже несколько месяцев. Обаятельный и впол-

не благовоспитанный как в моральном, так и трудовом отношении Антон оказался патологическим игроком, не имеющим сил не нести свои деньги в казино. Первым предположением Марины и Михаила было то, что Антон проиграл деньги, отложенные им на свадьбу. Вполне возможно, что он решил выиграть побольше, так как боялся, что имеющихся средств может на все не хватить. Результат такой экономической бизнес-затеи не заставил себя ждать и обрушился на Антона таким ужасом после содеянного, что он даже заговорил со Светой о том, что будет лечиться от игровой страсти, но это благое намерение вошло в его голову слишком поздно. Теперь у него не осталось сторонников ни в лице обманувшейся в ожиданиях невесты, ни в лице ее бабушки и деда. Поверить в то, что игрок может излечиться от пагубной страсти, если ее до сих пор не одолела любовь, они уже не могли. Выходить же замуж за игрока было не меньшим безумием, чем за человека, который изменял бы жене со всякой встречной юбкой, или за непроходимого пьяницу.

К тому же выяснилось, что Антон так сильно задолжал в связи с этим фатальным проигрышем, что теперь сама его жизнь висит на волоске, если он не погасит долг до того, как его «поставят на счетчик». Надо было срочно достать десять тысяч долларов, чтобы уйти из-под удара, а где их достать, Антон и ума не мог приложить. Спасла его Света – скорей всего, в память о том счастье, которое он уже успел ей дать, пообещав было дать в дальнейшем еще больше. А еще,

наверное, потому, что он, в отличие от Андрея, даже будучи игроком, не паразитировал на любимой. Светлана взяла кредит на требуемую сумму, которую Антон обещал вернуть ей по частям в течение года, и действительно начал отдавать. Но уже через несколько месяцев, когда он вновь решился заговорить с ней о будущности их любви, задав ей вопрос: «Скажи, у тебя теперь кто-то есть?» – она ответила ему: «А ты как думаешь?», потому что долго жить без мужчины сама по себе она уже не хотела и не могла, и потому, что мужчина у нее уже действительно появился. Это был сотрудник Светланы из другого департамента ее страховой корпорации, ведущий программист из фирмы по имени Денис. Он тоже оказался добросовестно трудовым человеком, еще более стесняющимся Светиных дедушки и бабушки, чем Антон. Познакомившись со Светой, как говорится, «по всей форме», он все-таки продолжал жить в квартире из трех комнат, которую он еще с двумя своими институтскими друзьями снимали на паях, поскольку не имели в Москве собственного жилья. А там каждый мог без стеснения перед кем-либо жить со своей любимой или просто какой-нибудь временной любовницей сколько душе угодно. Однако возраст (около двадцати восьми лет, как и у Светы), да и умудрение жизнью брали свое – хотелось устроиться более фундаментально. Сначала один из друзей, пожив со своей девушкой сколько-то времени, решил жениться на ней, затем по его стопам собрался последовать другой. Одному Денису сни-

мать такую квартиру стало не по карману, и Светлана, которая часто ночевала у него, уговорила его наконец, переселиться к ней в бабушкину квартиру, уверяя, что предки примут его без возражений. Да он и сам это знал, потому как Света летом привозила его в деревню познакомиться с дедушкой и бабушкой, и те без слов сразу отвели им раскладной двухспальный диван, хотя могли разместить их и каждого по отдельности – спальных мест там хватало. В первый же день после приезда в деревню Света умотала милого в дальнем рейсе на байдарке и крепко умоталась сама, стараясь попасть в особенно понравившееся ей в прошлые приезды место. Но тогда она ходила вместе с дедом и все получилось гораздо легче, а в этот раз они уже решили возвращаться, даже не достигнув цели, как вдруг, приткнувшись к берегу, увидели с него, что находятся на узком мысу, отделяющем берег огромного водохранилища от оконечности длинного, узкого, напоминающего фиорд озера, столь памятного Свете после прежнего посещения. Но сил пройти вглубь открывшейся манящей озерно-лесной дали у них уже не было. Михаил подумал даже, не отвратит ли Дениса этот не совсем удавшийся опыт от дальнейших попыток войти с интересом в походную жизнь, знакомую Светлане с детства, но тут выяснилось, что ему не были противны ее занятия дайвингом, а ей – его увлечением сноубордом. Так что путешествовать, хотя и не своими ногами, они все-таки стали, подтвердив тем самым наблюдение Михаила и Марины,

что путешествия «в поте лица» связанные с перемоганием трудностей и изнурения, характерные для времени их молодости, у последующих поколений все более определенно вытесняются комфортными поездками даже в тех случаях, когда их целью являются занятия не только рискованными, но даже откровенно опасными новомодными видами спорта – такими – как фристайл на горных лыжах или «бордах», бейс-джампинг, маунт-байк или сплав на каяках по рекам с несусветным падением уровня и водопадами порядка тридцати метров. При этом от таких экстремальных предприятий так и разило деньгами, как когда-то выразился по подходящему случаю Джон Стейнбек в своих записках «Путешествие с Чарли в поисках Америки». Да, деньгами разило даже тогда, когда спорт не требовал супер – дорогостоящего и сложного в эксплуатации технического обеспечения, с которым связаны астрономические расходы, как в случае джампинга на гидроциклах, авиационного слалома, технодайвинга и изощренных видов байкерства на мотоциклах. Даже элементарная экипировка для занятий модными нервно – щипательными, но еще все-таки безмоторными, мускульными видами спорта, требовала затраты от одной до нескольких тысяч долларов – только-только для того, чтобы можно было начать делать что-то значимое. А уж чего требовал высотный альпинизм в Гималаях, Каракоруме или Андах, тем более на Баффановой Земле или в Антарктиде, трудно было себе вообразить.

Спортивная доблесть из занятий современным спортом не ушла, кое – в чем она даже со страшной силой продвинулась вперед, поражая наблюдателей со стороны своей смелостью и противоестественной беспардонной наглостью по отношению к естеству ради упоения остротой соседства со смертью за тонким – тонким пограничным словом в схватке со стихиями или с натуральными врожденными охранительными инстинктами; зато, не считая фантастического лазания без страховки по вертикальным или нависающим скальным стенам или по стенам небоскребов и каркасам высотных конструкций, эти новые виды психических испытаний естества человека все далее уводили от испытаний долгим, на грани выживания, самопреодолением, которое закаляло человека веками, выковав его характер и силу воли для борьбы с чем угодно вообще, для противостояния гибельным ситуациям, длящимся не секунды, не минуты, не часы, а сутки, недели, месяцы, годы. Михаил не пытался определить, что хуже, что лучше. Он лишь констатировал разницу, прикидывая, какое умение из области внутренних преодолений больше походит для получения удовлетворения в условиях цивилизованной (по преимуществу) жизни в сравнении с условиями жизни в глухих, суровых и диких местах, где борьба за выживание практически всегда идет без перерывов. Вот здесь он мог сделать определенные выводы.

Цивилизация век за веком оттесняла человека от при-

роды. Более того, она вовлекала в свою сферу все большие пространства естественных биотопов, изгоняя и истребляя всех остальных диких обитателей отовсюду, когда считала место ценным и подходящим для себя. Ограничений в этом стремлении завладеть всей природой и сделать ее исключительно средой обслуживания человеческих потребностей и интересов в сколько-нибудь мыслимой перспективе видно не было. Человечество продолжало где бездумно, а где и вынужденным образом размножаться. Плоды безграничного размножения угрожали стать убийственным кошмаром для природы, ну а затем с неизбежностью и для людей. Из этого следовало одно: человечество продолжает идти вразнос, а применительно к остроте экологических проблем (в том числе и техногенных) даже не идти, а уже бежать и лететь с нарастающей скоростью. Спасительные, защищавшие людей в физическом и волевом плане инстинкты и навыки (включая инициативно-ответственные), выработанные на протяжении тысячелетий, становились все менее востребованными у массы людей. Цивилизованная жизнь со всеми имеющимися у нее удобствами все определенной диктовала подданным любых государств подчинение дисциплине, устанавливаемой правителями, как главному фактору обеспечения их устойчиво безбедной жизни, обоснованно внушая управляемым, что иначе их благополучию настанет конец. Вместо индивидуальной инициативы и индивидуальной «спонтанной» волевой устремленности к достижению сугу-

бо личных целей жизни (что можно было бы правомерно считать подлинным проявлением личной человеческой свободы) подданным в принудительном порядке предлагалось, как говорили в Одессе, «оставить этих глупостей» и разделять мнение правителей насчет того, чего всему подвластному им обществу следует добиваться, какими интересами руководствоваться и в каком духе, с какими представлениями о мире и о социуме воспитывать их детей. Инициатива снизу не столь жестко пресекалась в материально-прикладных видах деятельности, будь то технические новинки с небывалыми свойствами, приемы экономии и обогащения в экономике, в медицине, поддерживающей все более и более жизнеослабляемые организмы в их стремлении к удлинению времени жизни – и, пожалуй, не больше, хотя и в этих признанных ценными делах все тоже шло не шибко гладко. Где в таком случае могли быть востребованы важнейшие исторически и генетически приобретенные ценности характера человека, важнейшие психические достижения породы, такие как волевая пионерская инициатива, выносливость, способность выживать и переносить перегрузки, тогда как власти не поощряли социального приложения этих качеств к жизни – ведь величайшая из всех видов инертности – психическая инертность (как привычка) никуда не может выветриваться в один момент из натуры живущих даже по велению властей? Не даете проявляться всему этому ценнейшему благоприобретению в обычной жизни – по-

лучайте ее в экстраординарной – будь то блуд, преступные деяния, или экстремальный, неостановимо развивающийся спорт! Несомненно, экстремальный спорт всегда был лучше криминальных деяний, какими бы хитроумными они бы ни были. Ну, а что лучше экстремальный спорт или секс, в том числе экстремальный, решить было сложнее. Большинству больше нравится секс. Он органичней, доступней, ему все возрасты покорны. Он может требовать огромных денег, но может быть и бескорыстным и сочетаться в высшей гармонии с любовью. Но его разнообразный арсенал все же явно ограничен, в то время как предела экстремизма спортсменов пока как будто бы нет. Правда, такое поприще могло вбирать в себя немногих. Но они будоражили сознание и воображение всех остальных. Их пионерские действия постоянно демонстрируют очень важную вещь – человек никогда наперед не знает, на что он способен, и реализация невозможного, невероятного доказывает всем неисчерпанность, а, возможно, и неисчерпаемость его потенциала. В этом – неумирающая, неистребимая ценность экстремального спорта. В частности, еще и потому, что он отнюдь не мешает заниматься другой волнующей, влекущей и величайшим образом примиряющей с существованием в плотном мире деятельностью – сексом, особенно если он соединен с любовью. Как и любовь, экстремальный спорт взыскивает с человека полную отдачу и совершенную честность. Фальшь, подделка и все другое в том же роде невозможны –

они караются, так же, как неудача – гибельно или тяжелейшими травмами, как и многие неудачи в честнейшем из сценических искусств – цирковом, где артистов, как правило, с раннего детства растят и воспитывают экстремалами. Нет числа людям, посетившим цирковые представления, завороженных силой, смелостью, ловкостью и гармоничным взаимодействием людей, творящих чудеса на арене и под ее куполом, коих совсем немного. Не так часто массам доводится видеть «в натуре» подвиги и чудеса, совершаемые спортсменами – экстремалами. В наши дни они наблюдают экстремалов по телевидению, но подвиги некоторых не наблюдает никто. Их арена – места проблемного и немислимого обитания. Рядом с ними нет ни обеспечивающих команд вспомогателей, ни телеоператоров. Одни не желают специально продемонстрировать кому-либо свои свершения, другие были бы не против показаться публике, да лишены возможности тащить за собой свиту фиксаторов, наблюдателей – короче – свидетелей. Таким экстремалам никому из посторонних ничего нельзя доказать. Их удел – самый спартанский, самый вознаграждаемый, но зато и самый достойный по высшему счету: им, победителям самих себя, дается единственная награда – чувство «я это сделал», а свидетелем на все времена остается только Господь Бог. Никакой публичности, никаких показушных доказательств для посторонних. Это Театр или Цирк или что-то еще, чему даже имени нет в связи с невообразимым масштабом арены (возможно, ее в бук-

вальном смысле слова можно назвать «КОЛОССЕЙ») того единственного Зрителя, который Сам создал «Арену» и тех, кто на ней показал себя существами более высокого порядка по сравнению с собратьями, после того, как они сделались победителями своей ограниченности на глазах у Него.

Если кому-то этого казалось мало, то не Михаилу. Он давно пришел к выводу, что более высокого вознаграждения не существует ни для кого из творцов. Затертые слова, точнее – кажущееся далеко не абсолютно верным утверждение Михаила Афанасьевича Булгакова «рукописи не горят» (сколько их на самом деле обратилось в пепел!) обрели точный смысл только в одном аспекте – они навеки негорючими и несгоревшими остаются в безграничной памяти Всеведущего Творца вне зависимости от того, что случается с ними в мире смертных людей.

Конечно, творцы, оставшиеся без посторонних внешних свидетелей и документальных подтверждений, обречены на риск получения обвинений во лжи, в злонамеренном подлом обмане со стороны любых недоброжелателей и скептиков. Ярчайший пример такого рода – горькая судьба великого американского путешественника доктора Фредерика Кука, первого человека, достигшего Северного Полюса в 1908 году и гнусно оболганного соотечественником командором Робертом Пири, неоднократно пытавшимся совершить то же самое, но так и не совершившим. Этот завистник, убедивший себя, что честь первооткрывателя Полюса может

принадлежать только ему, поднял в прессе такую кампанию, привлек на свою сторону столько могущественных покровителей, что с их помощью на десятилетия обманул весь мир, будто бы он достиг Полюса в 1909, а Кука в 1908 «там не стояло». Однако последующие десятилетия не прошли даром. Год за годом полярные исследователи накапливали факты, подтверждавшие правильность сообщений Кука о феноменах ледовой обстановки по его маршруту и лживость версии Пири. Кстати, единственным авторитетным человеком, который поверил Куку и не поверил Пири, был еще более великий путешественник Роал Амундсен, за что ему устроили бойкот со стороны общественности Соединенных Штатов. Доктор Кук подвергся также и другим обвинениям: будто бы он не совершил первовосхождения на вершину горы Мак-Кинли и будто бы его нефтеносный участок земли в Техасе после продажи другому владельцу оказался пуст (за это Кука даже посадили в тюрьму, где его и посетил Роал Амундсен). Но впоследствии новые восходители шаг за шагом убеждались, что все наблюдения Кука на пути к вершине верны, и даже нефть на якобы «пустом» участке была-таки найдена. Лично доктор Фредерик Кук на этом свете реабилитации по всем обвинениям не дождался. Его реабилитировали в глазах общества и всего человечества свидетели из следующих поколений. Надо думать, за его честность ему воздавалось только в Мире Ином. А ведь наверняка бывали и другие случаи неверия честным людям, обвиненным во вранье, чью

правоту земные люди так никогда и не признали. Что они только не претерпевали в пору гонений, каким только изощренным и беспардонным обвинениям и издевательствам они по невежеству обвинителей не подвергались! А все отчего? Раз ты совершил нечто выдающееся без компетентных свидетельств, то ты все равно как ничего не совершил, а потому «молчи в тряпочку». Можешь тешиться мыслью, что ты прав, только это никого не волнует. Для нормальных людей, которых ты не смог «обмануть», ты все равно останешься вралем вроде барона Мюнхгаузена или капитана Врунгеля.

Да. Далеко ходить в поисках обвинителей не требовалось. Случалось и Светлане обвинять дела во лжи, хотя он в жизни никогда ее не обманывал. Конечно, это бывало не по поводу открытий и серьезных свершений Михаила, не выходя за пределы плоскости бытовых претензий, но ведь бывало – в силу жгучего желания усмотреть свою, а не дедову правоту. До поры ей даже не было за это стыдно, а примирительные слова из нее потом выходили с трудом, а главное – с опозданием.

Михаил больше не верил в родство их умов и душ. Он убедился, что любимой внучке нет дела до истины, если Истина ей не удобна. Не такой он ее растил, и она действительно росла не такой, пока вдруг не преобразилась в другую – чужую и в каком –то смысле даже чуждую личность, с которой не то что родственных, но и вообще каких-либо контактов не хотелось иметь. Так минуло года два. Общие раз-

говоры случались только вокруг собак, которых у них в семье уже стало четверо. Пожалуй, лишь о собаках они могли говорить, не заботясь о самоограничениях, об отсутствии или наличии интереса у собеседника к этой теме, поскольку для всех членов семьи это было по-прежнему очень важно. Во всем остальном общение уже несколько не напоминало прежнее. Теперь оно смахивало скорее на отрывочные фразы, которыми обменивается квартирант с квартирными хозяевами. Потом прошел еще год, который Света прожила без альфонса с Антоном. И только после несостоявшейся свадьбы с проигравшимся женихом, когда на авансцене в их доме появился Денис, в Светлане стали заметны некие признаки того, что она желает вернуться к прежним отношениями с дедом. Что ж, это было приятно, но не особенно радостно. Михаил уже определенно знал, что прежнего расположения к внучке уже не вернуть, хотя он не перестал ее любить и никогда не желал ей зла. Воспитывать Светлану, как он это делал в детстве, не имело смысла, мириться с тем, что теперь ему в ней не нравилось, он тоже не собирался. Больше всего Михаила поражала даже не грубость, проявлявшаяся в ее поведении далеко не каждый день, а зримая атрофия любознательности, которую прежде было так приятно наблюдать и развивать. В возрасте, наиболее пригодном для того, чтобы насыщать свое сознание и память как можно большим множеством представлений о значимых для своего развития вещах, Светлана занималась почти исключи-

тельно своей работой по найму, а если делала что-то еще, то это была учеба на курсах при академии им. Плеханова (в просторечье в «Плешке»). От ее развлечений, не очень и частых, тоже не разило увлечением ценностями культуры. На знакомство с материалами гламурных журналов тратилось куда больше времени, чем на выставки, театры, даже кино. К чему прикладывался способный интеллект, Михаил уже просто не понимал. Еще до «нормализации отношений» он отправил с Мариной из деревни в Москву поздравления Свете с двадцатипятилетием. Он вполне искренно отметил все лучшее, что успело проявиться в ней к этому знаменательному возрасту, отметил – опять – таки в качестве ее достижения – что у него теперь пропала всякая охота давать ей советы по какому-либо поводу, потому что она теперь в полной мере сама себе голова, а в заключение вместо обычных слов «Крепко целую. Твой любящий дед Миша», употребил новое выражение: «Крепко целую. Твой дед и бывший тренер Михаил Горский». По свидетельству Марины, наблюдавшей за чтением Светланой дедова письма, его текст и концовка впечатлили ее. Но все равно это был лишь единичный эпизод, когда Михаилу удалось пробиться через защитную броню Светы, да по существу он и не значил ничего для поворота отношений в лучшую сторону. Это был не упрек, а просто констатация факта – птичка выросла и выпорхнула и ни в чьей опеке, Слава Богу, больше не нуждалась. Мавр сделал свое дело. На сей раз мавром Михаил

с полным правом мог считать себя, а что этот мавр должен делать после исполнения функций, Михаил знал и без Шекспира, сам по себе.

Когда Света стала достаточно состоятельной женщиной, она заявила, что хочет съездить в Париж с мамой и бабушкой. Марина всегда хотела побывать во Франции, тем более, что она хорошо знала язык. Михаил был доволен, что внучка хочет поспособствовать осуществлению бабушкиной мечты, а о себе он такого никогда не думал. Зачем? Чужие города его утомляли и даже быстро начинали раздражать. Так случилось в Софии, Варшаве и Будапеште. Конечно, эти города вряд ли могли конкурировать с Парижем в глазах всех людей, кроме тамошних уроженцев, но Михаила все равно туда не тянуло – разве что в Лувр, музей Д'Орсе и на секс-ревю в «Лидо» или «Мулен-Руж», что само по себе было не так уж важно. Он совсем не был обижен тем, что Света выбрала в спутники бабушке не его, а свою мать. Уже по одной по этой причине ему надо было остаться в Москве с собаками – не оставлять же их на чужих людей. Марина вернулась из Франции очень довольной. Кроме Парижа, они посетили и Страсбург – тихую столицу европарламентаризма с грандиозным собором, оказавшимся в строительных лесах. Зато Париж не обманул ни ее, ни Светиных ожиданий. Одна Люда жаловалась знакомым, что кроме Эйфелевой башни в Париже смотреть не на что, а так – город грязный и скучный для нее. Ну что ж, как говорил, шутя, ее погибший муж Коля:

«Каждому свое!» – и Люда не выпадала из-под действия этого принципа. Ни шедевры живописи из Лувра, ни импрессионисты в музее Д'Орсе, ни скульптуры Родена в музее этого гения на нее впечатления не произвели, хотя она исправно посещала все места вместе с увлеченными дочерью и свекровью. Но и этот факт не подействовал на Михаила раздражающе. Все равно ведь Эйфелева башня и вид с нее ей понравились куда больше, чем вид с башни собора Парижской Богородицы, который она могла обозревать в соседстве с безобразными рожами химер.

Но спустя еще пару лет и Михаил был удивлен, когда Света спросила, действует ли еще его заграничный паспорт, которым он так еще ни разу и не воспользовался. Он ответил, что паспорт уже просрочен. – «Тебе надо оформить новый. Я дам тебе деньги на это». Михаил, сидел за столом, а Светлана стояла рядом. Он вскинул на нее глаза и спокойно спросил в ответ: «Ты думаешь, я на что-нибудь претендую?» Он и вправду не собирался куда-либо ехать за ее счет и даже в мыслях не имел попрекать ее за все, чем она могла считать себя ему обязанной. На секунду Светлана смешалась, потом овладела вновь выражением своего лица и повторила настойчиво-просительным тоном: «Нет, дед, ты обязательно сделай себе новый паспорт», – и добавила: «Я тебя прошу», – а затем поцеловала. Он не спорил. Абсолютно не вдохновленный какой-либо мечтой, он обратился в ОВИР за паспортом и после возвращения из деревни получил его без вся-

кой мысли о том, на кой он ему. Оказалось, что Света вы- знала у бабушки, что когда-то дед был не прочь увидеть Ка- наду или Норвегию. Михаил не знал, сбудутся ли намерения Светы угостить его видами фиордов Норвегии или хребтов Британской Колумбии, но решил наперед ничем не мешать внучке осуществлять задуманное, полагая, что до этого де- ло дойдет не скоро и, как знать, не окажется ли к тому вре- мени его уже бесплотный дух где-то совсем в других кра- ях – и не в русских, и не в норвежских и не в каких других, кому-либо известных на этой Земле. В конце концов, если в груди у внучки и шевельнулось какое-то чувство привя- занности к деду, будь то любовь или благодарность или по- каяние, не было смысла препятствовать ее желанию воздать ему чем-то желанным в его мечтах. Ничего дурного в этом не было, даже если сам дед уже не нуждался в экскурсион- ных поездках – в первую очередь потому, что отдал душу по- ходам по самостоятельно выбранным маршрутам, пройден- ным на своих судах или своими ногами, и оттого смотреть на красоты через окна автобусов или с огороженных барьера- ми из труб смотровых площадок его больше не тянуло с той памятной силой, которая властно отправляла его в те места подлунного мира, где он должен был сам достигать самой волнующей красоты.

Глава 17

Живя в деревне на берегу Моложского залива Рыбинского водохранилища неработающим пенсионером, Михаил продолжал придерживаться прежних принципов – знакомиться с местными красотами в пеших прогулках или передвигаясь с помощью гребли на байдарке или надувной лодке. Это были лучшие часы деревенского бытия. Рядом с ними можно было поставить разве что вечернюю пору внутри их просторского пятистенного дома, когда горницу заливал желтый свет предзакатного солнца, от которого янтарно светились освещенные сквозь окна участки бревенчатых стен, а в камине, который по Марининому заказу сложил печник из не очень далекой деревни – бывший штурман военно-морского флота, – горел яркий животворный огонь. Но для того, чтобы в полной мере ощутить прелесть уюта русской избы, надо было вволю находиться в свежую погоду на веслах или под парусом и уж после этого наслаждаться отдохновением в цивилизованной обстановке, которая никому, кроме русских, не покажется особенно цивилизованной, а им-то, русским, почитай, лучшего и не было надо никогда.

Марина редко составляла Михаилу компанию на борту их судна, чаще вместе с ним и собаками ходила в лес пешком. А так у нее всегда был огород и какие-то хозяйственные хлопоты, от которых ее было трудно оторвать, потому

что огородом Марина, к немалому удивлению мужа, увлекалась всерьез. Отчего это ей нравилось заниматься землей, Михаил затруднялся понять. Близких крестьянских предков в ее роду как будто бы не было. Разве что бабушка по линии матери, которую дед-дворянин привез из Болгарии после ее освобождения от турок, была специалисткой по земледелию. Родня Владимира Владимировича Гурнова не могла допустить, чтобы дед по всей форме женился, по естеству обвенчался, с красавицей болгаркой Николиной Матовой из-за ее крестьянского происхождения, но вынуждена была смириться с тем, что он жить без нее не мог – и действительно жил, так сказать, во грехе, и она родила ему девятерых детей, из которых выжило семеро, и уж их-то дед одного за другим удочерял и усыновлял. Бабушка Николина, которую, видимо, по желанию матери деда, в России переименовали в Елизавету (так было понятней и приличней), не только была хозяйкой, у которой на земле все росло лучше, чем у кого-либо вокруг, но и являлась носителем особой силы, которую теперь признают за экстрасенсами. Это доказывалось многочисленными примерами целительства, а также тем, что к ней не прилипла зараза даже в тифозных бараках во время Гражданской войны. От Михаила Марина требовала для огорода немного – иногда кое-где вскопать целину или задернованную старую залежь, укрыть теплицу полиэтиленовой пленкой, помочь поливать грядки. Последнее стало совсем несложно, когда на участке пробурили скважину

и поставили электронасос, особенно после того, как Михаил развел шланги ко всем возделываемым участкам и бане. Вот париться в бане Марина любила всегда и умела так все подготовить для хорошего пара и прогрева, что даже Михаил, не любивший высоких температур, все-таки искренне расположился душой к их черной бане. Вопреки его ожиданиям, дышалось в этой бане хорошо, а дыма после правильного «выстаивания» бани внутри ее совсем не оставалось.

Но еще больше, чем мыться в бане, они любили купаться по утрам «на речке». «Речкой» местные жители по старой памяти называли приток Мологи, который теперь напротив деревни был двухкилометровой ширины. Купаться они начинали сразу после приезда во второй половине апреля, иногда еще, пока не весь лед уходил, а заканчивали перед отъездом в конце сентября или в первой половине октября, если не слишком дождало или не буйствовал ветер. В таких случаях они обливались водой из скважины на участке.

Михаилу хорошо думалось и работалось в близости к природе. Прошел участок – и ты уже в лесу. Прошел задами на восток вдоль деревни – и вышел к яру, с которого далеко видна затопленная водой долина реки Мологи где на шесть километров, а где и на двенадцать. Мологу Михаил про себя называл морем и не уставал любоваться водой и поразительным небом над ней как с берега, так и с байдарки. А до воды от дома тоже было недалеко. Выйдешь за калитку, пересечешь дорогу – и там уже участок кондового сос-

нового бора совершенно Шишкинского излюбленного типа, и по нему до спуска с яра к пляжу еще метров триста, а дальше ты уже сам себе вольный человек – гребь куда хочешь или иди под парусом, если ветер не в лоб. В распахнувшемся над водами мире Михаил нет-нет, да и наблюдал такое, чего не видывал даже в далеких походах в тайге и по горам, хотя по тем путевым впечатлениям он уже успел накопить немалую коллекцию поразительных открытий для себя.

Единственной общей их чертой было то, что все они внезапно выводили за пределы привычных ощущений от того, что на каждом шагу встречается в жизни. Первым чудом, правда, показалось Михаилу увиденное в подмосковном лесу возле Малой Вязёмы. Он шел ранней весной по хмурому лесу, когда вдруг начался обильный снегопад. Снег быстро большими слипшимися снежинками стремительно спускался вниз и на уровне гладкого ровного черного зеркала большой лужи соударялся с точно такими же ливнями точно таких же снежинок, только летящими им навстречу снизу вверх. В ходе непрерывной и точной сшибки они бесшумно исчезали, а им на смену сверху и снизу с одинаковыми скоростями непрерывно стремились к новым столкновениям в точках встречи потоки новых снежинок, где и совершалась беззвучная аннигиляция снежного вещества.

Еще раз Михаилу довелось наблюдать нечто подобное уже вместе с Мариной с борта байдарки в майские праздники на реке Уще на юге Псковской области. Такая же черная во-

да выставляла навстречу падающему снегу столь же интенсивные потоки вылетающих из ее толщи потоки белых частиц. И снова им было явлено в одно время два невероятных чуда – антигравитация и аннигиляция, не сопровождающаяся взрывным выделением энергии. Природа совершала эти процессы без шумов и эксцессов вопреки всем теориям физиков. Было отчего обалдеть!

Однако этим не ограничивались феномены, случающиеся по Воле Божьей при наблюдениях за водой из атмосферы. Иногда гидросфера мимикрировала под свою небесную сестру – атмосферу. Впервые Михаила сильно потрясло это неожиданное явление, когда он со своими спутниками Ваней и Ларисой Киселевичами летел из Иркутска в Улан-Удэ над акваторией Байкала, направляясь к одному из самых сложных походов по Баргузинской горной стране.

Уже после набора самолетом высоты эшелона Михаил мельком взглянул через иллюминатор вниз – и обмер: никакого низа не было ни в каком направлении – он проверил. Везде был только воздух – прозрачный, безоблачный, голубой – единственная безбрежность, не соприкасающаяся ни с одной из двух ожидаемых первородных стихий – воды и тверди. Не было земли по курсу самолета, где должен был находиться восточный берег Байкала и станция Танхой. Не было хребта Хамар-Дабан к югу и юго-востоку. И первой мыслью было, куда же мы попадем, если кроме забортного воздуха в мире не осталось ровным счетом ничего? Какая –

то невидимая, но непрозрачная вуаль была наброшена на берега Славного Моря, в то время как внизу простиралась голубая вода, совершенно не отличимая от воздуха.

Зрелище было потрясающее. Но оказалось, что возможно еще и не такое. Это случилось уже в деревне «на речке» – притоке Мологи. Михаил вышел из своей гавани в предвечернее время на байдарке. Стоял, вообще говоря, редко случающийся в этих краях абсолютно полный штиль. Вода не колебалась, отражая леса по отдаленным берегам и огромные белые облака в небе. Где-то на полпути к другому берегу Михаил положил весло и о чем-то задумался, а когда вернулся к действительности, на какую-то микросекунду все его существо пронзил страх – он со своей байдаркой висел в воздухе. Выше него стояли гигантские белые облака и ниже они тоже стояли. А там, где их не было, в любом направлении голубел только воздух. Возникшее чувство оказалось посильнее того, которое охватило при полете над исчезнувшим Байкалом. Ведь там он находился внутри многоместного Ан-26. Моторы работали, фюзеляж подрагивал от обычных вибраций – стало быть, под крыльями образовывалась подъемная сила, позволяющая выиграть время, когда что-то вокруг прояснится и определится. Здесь же он не создавал никакой подъемной силы (да и как он мог создать ее одним своим двухлопастным веслом?). Да и Архимед не мог создать свою спасительную выталкивающую из воды силу на корпус лодки, потому что корпус никуда, кроме воздуха,

не был погружен. А потому Михаил вместе с байдаркой только каким-то непонятным чудом оставался висеть в хрупком равновесии, не проваливаясь куда-то вниз, и от этого было боязно даже пошевелиться.

В следующий миг Михаил, конечно же, понял, что опасность ему не угрожает, что его охватил было страх перед совершенно новым восприятием того же самого окружающего мира, в котором он существовал постоянно. Наваждение зависания без какой-либо опоры прошло. А Михаил еще долго дивился тому, как важно, оказывается, иметь в голове уверенность, что начало твоих координат привязано к какой-нибудь тверди. Без этого психика начинает паниковать.

С большой водой около их деревни у Михаила были связаны еще два откровения. Как-то вечером в конце лета он отправился задами к берегу Мологи, спустился по порядочной крутизне с яра к заплесточку, огляделся. Он знал, как маловероятно застать здесь уток или увидеть их во время перелета с места кормежки, и тем не менее, решил подождать. С ружьем в руках в высоких сапогах Михаил зашел с берега в воду и стал ждать. Кругом было тихо. Глубокие сумерки опустились на черную, кое-где в светлых зеркальных полосах воду. Ожидание всегда тяготило его, потому что тормозило или обесмысливало любое занятие. Так он начал чувствовать себя и на этот раз, как вдруг что-то явно новое в обстановке дошло до его сознания. Нет, тишина не была нарушена ни в воздухе, ни на воде. Почти полную темень тоже

ничто не нарушало. Он взглянул перед собой вниз, потом под ноги – и весь напрягся. Он твердо помнил, что шел от берега по совершенно гладкой поверхности воды, расположенной строго горизонтально, раздвигая ее голенищами сапог. Но теперь – то он каким-то образом оказался на вершине водяного бугра, плавно выпирающего из окружающей воды. Вершина бугра, на которой он стоял, казалось, была высотой где-то до полуметра, а его круговое основание было диаметром около пятнадцати метров. Михаил подумал, что это какая-то волна, но время шло, а она не опадала. Да, он явно находился на оси какой-то дефектной гравитации, из-за которой вода в этом месте приподнялась.

Ему сразу вспомнился рассказ академика Бреховских, выступавшего по телевидению после возвращения из экспедиции в район Бермудского Треугольника, которую он возглавлял. Говоря об особенностях этой с худой репутацией зоны, академик признал, что единственным аномальным явлением, которое они точно установили, было то, что поверхность океана была там несколько вогнута по отношению к сфере, что свидетельствовало о большей силе гравитации, чем в соседних районах Атлантики. Объяснить суть явления академик не брался – видимо, был изумлен не меньше, чем Михаил много лет спустя на другом краю света, хотя один наблюдал увеличенную гравитацию, а другой – ослабленную, но и у того, и у другого вода ни внутрь воронки, ни с вершины бугра НЕ СТЕКАЛА вопреки всем представлениям

гидравлики, основанным на понятии геометрического напора. Михаил не поленился в то же время на следующий вечер придти на то же место, где вчера стоял посреди возвышенной воды, но на сей раз ничего похожего на вчерашнее не случилось. Ничто не нарушило горизонтального состояния поверхности вод.

А еще Михаилу выпало вместе со Светой на большой четырехместной байдарке перевозить через «речку» к очень раннему междугородному автобусу двоих ее гостей: муж – френда Андрея и его брата. Ночь была спокойная, ясная и безлунная. Разместив всех в байдарке, Михаил сел на свое место в корме и выключил фонарь. Он распорядился, чтобы никто, кроме него, не греб – из водохранилища уже основательно спустили воду через Рыбинскую плотину – дабы не наскочить в темноте на приличной скорости на какой-либо пень или корягу. Внучке, сидящей в носу, он велел как впередсмотрящему вглядываться вперед по курсу и в случае подозрений светить вперед фонарем. Он размеренно греб веслом, едва-едва угадывая хорошо известные, но почти совершенно незаметные ориентиры. И вдруг словно пелена у всех на борту упала с глаз. Все богатство звездной ночи охватило их сразу со всех сторон. В небе и под ними, справа и слева, спереди и сзади байдарки не было ничего, кроме черноты и светящихся звезд. Это было так дивно и странно, что Михаил мигом ощутил то же самое, что должны ощущать, улетев от родной Земли в дальний космос ре-

шившиеся на безумный рейс космонавты, которых подвигла к этому храбрость неведения. Небось, они до этого думали только о том, как бы им хватило времени жизни, воздуха, воды и еды, да герметичной прочности корабля, тогда как больше следовало бы заботиться о том, как они будут обходиться без спасительного ощущения начала координат в голове, какое не покидало их ни на Земле, ни на околоземной орбите. Только когда истаяла бы Земля даже как чуть заметная светлая точка, они осознали бы значение этой утраты. Какую волю надо иметь, чтобы совладать со своими нервами, привыкшими за миллионы лет видеть горизонт, знать, где верх, где низ и попирать именно ногами нечто находящееся на поверхности родной планеты, будь то естественная или искусственная твердь? Даже тем китайцам, которые рождаются, живут и умирают на джонках, свойственно иметь и использовать ту же систему естественной ориентации, которую выработали люди, никогда не покидавшие твердой материковый коры.

А следом Михаил подумал, что в качестве тренировочного теста не лишне было бы включить в программу подготовки экипажей для полетов в дальний космос и такую вот вещь – плавание на безмоторной лодке во тьме безлунной ясной тихой звездной ночи.

Все эти случаи вторжения воздушной стихии и звездного неба в стихию воды ошеломляли Михаила каждый в свое время с достаточной силой. Но оказалось, что не мень-

шее потрясение может произвести вид сквозь воду туда, где по всем постоянным жизненным представлениям мог присутствовать только воздух.

Это случилось в дальнем Забайкалье, в походе со сплавом по рекам Большой Амалат – Амалат – Ципа – Витим, куда Михаил с Мариной и ее сыном от первого брака Колей и с еще тремя спутниками отправились во второй год своей любви.

Прибыв из Романовки к началу маршрута, они застали низкую воду, едва позволявшую непрерывно двигаться по главной струе, да и то с неизбежными продирами оболочек. Пошли дожди и залили все Витимское плоскогорье, а уж с него-то, либо скального, либо сплошь покрытого мерзлотными грунтами, во»ды без задержки сливались в ручьи и речные пади, на глазах поднимая уровень рек. Сплав стал интересней и веселей, а кое-где он уже выглядел даже пугающе. На последнем участке маршрута после того, как Ципа сшиблась с Витимом у острой высокой скалы, которая осталась в памяти Михаила вздыбленным гребнем гигантского динозавра, они вдруг выскочили уже на очень широкую воду, где стесняющие реку хребты заметно отодвигались друг от друга. В предпоследний день сплава они остановились у стоявшего на якорях каравана моторных судов поговорить с экипажем. Выяснилось, что они стоят в ожидании спада уровня Витима – паводок был такой резкий, вода перла с такой скоростью и силой, что благополучно пройти

нижние пороги, особенно знаменитый Парам, нечего было и думать. Получив от речников в подарок ногу лося и отдавившись консервами, они продолжили сплав и остановились на ночлег, зайдя немного вверх по притоку Витима Нижней Джилинде. Там на высоком берегу стояла хорошая тайга, и они быстро нашли подходящее место для бивака. Михаил проснулся очень рано, но почувствовал, что больше не заснет. Он тихо выбрался из палатки, чтобы не потревожить Марину. Коля спал крепко – его было трудно разбудить. Сумерки быстро отступали. Михаил взял ружье, спиннинг и столкнул байдарку на воду. Отойдя на несколько десятков метров от берега, Михаил взялся за спиннинг и начал блеснить. Уже после третьего заброса блесна за что-то крепко зацепилась. Михаил подгреб к месту зацепа и заглянул с борта вниз. То, что он там увидел, врезалось в его память на всю жизнь. Глубоко под ним сквозь удивительно прозрачную воду стояли довольно рослые деревья с зеленой листвой. Над верхушками самых высоких из них было по три метра воды, а от земли до поверхности, пожалуй, побольше десятка. Михаил никогда не думал, что может наяву увидеть что-то подобное картине, созданной сказкой Шарля Перо «Спящая красавица», где все жители королевства заснули на сто лет, но сейчас ему вспомнилась именно эта сказка – настолько находящееся внизу под водой не подходило для ведения нормальной активной жизни, будто там действительно все погрузилось в глубокий сон. Только не было там ни придвор-

ных, ни слуг, ни поваров. И даже листики на ветках деревьев почти не колыхались. Прибывающая вода Джилинды упиралась в воды поднявшегося Витима как в плотину и застывала на месте. Только здесь Михаил до конца убедился в том, какой фантастической силы и высоты могут достигать летние дождевые паводки в зоне распространения вечной мерзлоты. Это ведь было не весеннее половодье, когда максимальный подъем уровня вод вызывается быстрым таянием колоссального запаса зимнего снега, а всего лишь короткая дождевая сессия, не располагающая такими грандиозными водными ресурсами, как вешние половодья. И все же здесь они были соизмеримы и первенствовал по подъему уровней то один, то другой, Случайно ли, но несколько раньше в том же походе на бурной многоводной Ципе, не уступавшей по мощи Витиму, Михаила с Мариной поразил еще один невиданный феномен. Это была радуга, возникшая при них в полутора-двух десятках метрах у скального мыска, мимо которого они проносились со скоростью около двадцати километров в час. Никогда ни во сне, ни наяву радугу нельзя было представить себе иначе, чем исполинской многоцветной дугой, уходящей высоко в небо из оснований на земле, которых обычно даже не видно, настолько они отдалены от наблюдателей, а тут – вот оно – место рождения сказочного исполина, свершившегося на их глазах, едва унялся сильный дождь и мысок высветился на солнце! Того, что они увидели тогда на Ципе, Михаил не встречал больше нигде. Как ни-

где не заставлял больше такого зрелища, которое дано было увидеть ему в иллюминатор маленького «Ан-2» при перелете из Багдарина в Читу над все тем же отнюдь не плоским, а очень даже рельефным Витимским плоскогорьем. Самолет шел на высоте порядка тысячи метров над скалами, приближаясь к перевалу, около которого, правда, чуть позже, казалось, что ему не хватит сил перескочить через седловину. Но пока еще дно воздушного океана находилось далеко, и тут стало видно, что в трех разных местах, находящихся на расстоянии пары-тройки километров друг от друга, перекинулись над долинами сразу три радужных дуги. Едва ли не больше, чем их числу, Михаил поразился их скромным размахам. Вместо обычных километров, разделяющих основания дуг друг от друга, здесь, видимо, были только сотни метров. Соответственно и высота, на которую поднимались эти символы благих предзнаменований, была очень много ниже высоты, на которой над данной местностью летел самолет. Сразу столько всего было необычным при виде этих радуг, что Михаил не вдруг собрался с мыслями, чтобы перечислить все удивительное в наблюдаемом про себя:

– во-первых, их сразу много – целых три – причем ни одна не дублирует другую небольшим сдвигом в сторону от основной, как обычно бывает на равнинах;

– во-вторых, они видны глубоко внизу, тогда как еще не было случая, чтобы на вершину радужной дуги не приходилось смотреть иначе, чем, задрав голову вверх;

– в-третьих, размах всех трех дуг был много меньше привычного;

– в четвертых, все они были одинаково яркой цветности и интенсивности, что тоже выходило за пределы накопленного опыта наблюдений.

Оказалось, что единственный, вошедший глубоко в сознание образ радуги, укоренившийся там, на самом деле вдруг перестал соответствовать привычному феномену, который оказался сложней и многовариантней того, который сроднился с другими представлениями о фундаментальных красочных ценностях жизни, да так там и заостенел.

Безусловно, в каждом походе, во всех в них без исключения, происходило эстетическое обогащение души. Новые памятные образы присоединялись к прежним, образуя и пополняя личную сокровищницу Михаила. Он бы мог вслед за великим художником Рокуэллом Кентом повторить: «This is my own» («Это мое собственное»), но предпочитал считать по-другому: «Это то, что Творец дал мне узнать сверх обыкновенного». Михаилу и в голову не приходило, что редкие явления наблюдал только он один, потому что где-то подобное выпадало и на долю других наблюдателей, но ведь даже и не очень редкие феномены могли поражать не меньше, чем действительно уникальные, как, например, случилось, когда он впервые увидел оляпку.

Маленькая серая птичка скакала по обледенелой гальке вдоль потока незамерзающего Баксана вблизи Терско-

ла, как вдруг она сама, без какого-либо внешнего принуждения, кинулась в реку, а там стала быстро и непринужденно перебегать по дну Баксана от одного камня к другому, погружая в какие-то щели свой клюв. Набегавшись, она как ни в чем не бывало выскочила из воды на берег и вела себя так, будто с ней ничего особенного не произошло. Да так оно и было на самом деле. Она вела совершенно привычный для себя образ жизни, охоты и существования вообще. Она была создана для такого экзотического бытия, довольно неожиданного для маленькой птички, которой, как она это только что показала, был нипочем мороз в воздухе, холод и бурное течение под водой. Как она, то есть ее предки, приспособились к этому, было очень трудно себе вообразить. Но ведь приспособились же – это она уже продемонстрировала безо всяких особых приготовлений, доказав в совсем непринужденной манере, что мечта милитаристов сделать самолет, ныряющий под воду, или подводную лодку, способную вылететь из воды и продолжить полет по воздуху – не так уж безумна в принципе, как должно было бы показаться инженерам, занятым или проектированием только самолетов, или проектированием одних субмарин.

Еще одно диво явила Михаилу другая птица, побольше. Это случилось на реке Тёше в майском походе, начатом от города Арзамаса. Берега Тёши, на большом протяжении безлесные, казались скучными и не обещающими встретиться с чем-то особенным. Однако в конце концов и на Тё-

ше обнаружилось интересное место. Там она текла под смы- кающимися с обоих берегов кронами деревьев, как в зеле- ном тоннеле. Лишь кое-где в этой кровле зияли прорехи, сквозь которые к воде падали наклонные солнечные столбы света, а так в целом внутри тоннеля было довольно темно- вато. И вдруг Михаилу в глаза прямо-таки полыхнуло си- ним – действительно синим! – огнем. Он не успел даже по- нять, что вызвало странного цвета вспышку. Но вот новая вспышка в столбе солнечного света оказалась поближе пер- вой, и он углядел необычную птицу. Ее оперение было си- ним, как в сказке. Оно-то и вспыхивало на солнечном освещении переливчатым огнем, и это преобразование цвета каза- лось даже более поразительным, нежели бег оляпки по дну горного потока. Клюв у новой знакомой птицы был довольно длинным, но не тонким. Особым изяществом весь ее силуэт тоже не отличался, однако ее способность порождать вспыш- ки синего пламени, заставляла забывать обо всем другом.

– Какая это птица? – спросил Михаил у спутников.

– Зимородок, – отозвалась Рина, занимавшаяся не только философией, но и биологией.

– «Вот, оказывается, как зовут волшебную птицу сча- стья», – подумал Михаил. Прежде он слышал о птицах этой породы, однако даже не подозревал, что именно они симво- лизируют своим видом самую желанную человеческую меч- ту.

А еще через пять лет после встречи с зимородком другие

птицы до крайности изумили Михаила, повторив в точности то, что люди умеют достигать только с помощью музыкального инструмента. На сей раз местом действия оказалась Тувинская котловина. Рано утром Михаил выбрался из палатки. Марина еще оставалась внутри. И вдруг до ушей отчетливо долетела правильная барабанная дробь. Кто отбивал на барабанах ритм старой пионерской песни:

«Старый барабанщик, старый барабанщик, старый барабанщик крепко спал.

Он проснулся, перевернулся, всех фашистов разогнал».

Однако, естественно, там, откуда доносилась дробь, никакого пионеротряда не было, да и не могло быть. В этом пустынном месте Улуг-Хем, рожденный слиянием у города Кызыла Бий-Хема и Ка-Хема (Большого и Малого Енисея), еще не сделался собственно Енисеем, как его называли после вхождения в трехсоткилометровый горный каньон в Западных Саянах, прохождение которого, собственно, и было главной целью похода Марины и Михаила. Но если не пионеры, то кто выстукивал ритм на барабанах? Наконец, Михаил заметил быстро приближающуюся небольшую, но крепко сбитую стайку малых серых уток, породу которых он не знал. Они летели прямо над галечным пляжем на высоте метров пяти, и не свернули с курса, прекрасно видя, что прямо перед ними в полный рост стоит человек. Вид у всех уток был предельно сосредоточенный и отрешенный – в этом у Михаила не возникло ни малейших сомнений. Передовая ут-

ка, лидер, своим клювом отбивала барабанный ритм, а все остальные послушным строем следовали за ней. Оставалось предположить, что музыкальное сопровождение предназначалось для выработки у молодых птиц наиболее рационального ритма работы крыльями во время перелета в теплые края через всю Азию – ведь уже подступала вторая половина сентября, а в Сибири морозы всегда начинались без задержки. Это было понятно. Но вот почему глава стаи не выбивала простой однотонный ритм как метроном, а выдавала настоящую ритмическую мелодию, догадаться было нельзя. Или встроено в каждое живое существо чувство прекрасного заставляло искать нечто более тонкое из звуковых средств воздействия на психику тех, о ком заботишься, чтобы учеба давала больше проку – и в смысле памятности, и в смысле облегчения борьбы с усталостью в долгом-долгом и сложном перелете?

По мере накопления впечатлений от всего необычного, увиденного в природе, Михаил все чаще обращался к мысли о том, к каким выводам они его устремляют – неспроста же они переворачивали или расширяли многие представления, свойственные не ему одному. И все чаще на ум приходил ответ – косность взглядов при столкновении с любыми новыми явлениями, происходящими в мире, способна здорово мешать человеку в успешном познании Божественного Устройства Бытия, если он позволяет себе думать исключительно привычно, то есть стандартно, и не хочет взгля-

нуть на действительность с другой стороны, кроме традиционной. Ведь следуя только привычным подходам, как будто бы вполне проверенным на практике, поневоле упускаешь из виду, что они потому и ограничивают познание, что слишком плотно привязаны к ограниченной человеческой или общественной практике и непродуктивны при попытках постижения неизвестных сторон Абсолюта.

Да, этот вывод Михаил, по-видимому, усвоил довольно крепко. Пожалуй, он даже незаметным образом перебрался из сознания в сферу подсознания или сверхсознания. Только этим можно было объяснить себе, почему порой – и не очень редко – ему удавалось находить решения таких вещей, с которыми не могли справиться никак не менее умные, но при этом более образованные и, если так можно выразиться, специализированные люди. Пожалуй, наиболее определенно это проявилось в умственной работе над доказательством теоремы Ферма. В отличие от тех случаев, когда Михаил занимался логическим выяснением обстоятельств Чернобыльского взрыва, гибели Гагарина или подлодки «Курск», где было известно достаточно много начальных данных, чтобы на основе сопоставления и ассоциаций можно было сконструировать серьезную версию происшедшего, а затем последовательно доказывать ее, то с доказательством теоремы Ферма все было много лаконичней и сложнее: вот тебе исходное уравнение – и больше ничего, доказывай, если сумеешь – это уже пробовали до тебя тысячи людей в тече-

ние трех с половиной веков, но с той убедительной остроумной простотой, на которой настаивал автор формулировки теоремы, ее автор Пьер де-Ферма, не потрудившийся, однако, записать свое доказательство. Считалось, что теорему Ферма удалось мучительно сложным, громоздким путем доказать профессору математики англичанину Эндрю Уайлсу, которому и была выплачена обещанная премия. Факт доказательства, предложенного Уайлсом, был подтвержден некоторыми авторитетными специалистами, коих и среди математиков-профессионалов нашлось очень немного. Михаил никогда не подвергал сомнению факт Уайлсовского доказательства (для этого, как минимум, потребовалось бы знать ту математику, которую он использовал), хотя в мире остались скептики, не признающие победы своего удачливого коллеги. Но Михаила эти интриги совершенно не занимали. Его интересовало одно: можно ли получить то же самое остроумное и простое доказательство, которое уже совершил когда-то Ферма, во что Михаил истово априори верил, хотя скептики, сомневающиеся в этом, тоже, как говорится, имели место быть.

А началось все тогда, когда Михаил случайно обнаружил, что ничего слыхом не слыхал ни о самом Ферма, ни о его теореме. Ему шел уже сорок второй год, он еще работал в центре Антипова, когда в его лабораторию поступил по распределению молодой специалист, только что закончивший механико-математический факультет МГУ Сергей Борисович

Говоровский. Сережа в первый день выхода на свою первую работу по найму выглядел крайне серьезным и озабоченным. Михаил невольно вспоминал себя в подобном же положении, когда сам восемнадцать лет назад появился на Мытищинском заводе электросчетчиков. Он тогда ждал того же, что и Сережа – что его сразу же включат в горячее дело, дадут серьезное поручение (считай что экзамен на комплексную проверку его компетентности) и будут следить за тем, как он справляется. Заявку в МГУ на выпускников мех-мата Антипов подписывал с большой охотой. Как и многим в ту пору, ему казалось, что поприще научно-технической информации еще не породило настоящих научных теорий именно потому, что на нем пока не потрудились математики – единственные специалисты, которые могли моделировать всевозможные процессы и ситуации, а без математических моделей какая может быть наука информатика? Сережа Говоровский был далеко не первым, кто попал в центр Антипова после окончания мех-мата.

До него тоже приходили умные и образованные ребята, да так и уходили, не оставив после себя ожидаемых моделей. Да и сам директор Антипов тоже ничего конкретного – в виде математического аппарата, способного хотя бы приближенно моделировать какие-то процессы – ничего не смог породить, потому что дальше слов-заклинаний насчет моделей дело и у него не шло. Оставалось надеяться на приход свежих людей и мозгов с их абсолютной непредвзятостью. Михаил

относился к вопросу создания моделей, а тем более к пользе от них, мало сказать, что сдержанно. Он признавал, что если задать какие-то формализованные посылки для модельного описания с грехом пополам сейчас еще можно, то чем, какими данными можно насытить даже работоспособную модель, когда этих данных нет, поскольку статистика почти на чисто отсутствует и не похоже, что сбор необходимых сведений, характеризующих как процесс, так и перерабатываемый в системе продукт в течение ближайших пятнадцати-двадцати будет налажен? Но жгучее желание Антипова и иже с ним к обладанию таким модным предметом, как модель, нельзя было унять одними соображениями о ее практической нереализуемости в имеющихся условиях. Можно было бы сослаться на пример прогнозирования погоды путем расчета на моделях вариантов ожидаемых событий, но ведь там-то исходные данные о погоде поступали со всех концов мира регулярно со строгой периодичностью, тогда как в системе научно-технической информации ничего подобного не существовало. И Михаил начал вводить молодого математика в курс реального положения вещей, стараясь, тем не менее, не создавать у него в голове ощущения полной безнадеги, и акцентируя его внимание на том, что, так сказать, абстрактные и не рассчитанные на практическое применение в настоящее время модели разрабатывать все-таки можно и даже в определенной мере полезно – ведь мысль всегда должна предшествовать целесообразным действиям. Тем более пра-

вильно, когда рациональная теория идет впереди ползучего эмпиризма. А потому Сереже лучше всего самому познакомиться с тем, что сейчас представляет собой система научно-технической информации и насколько она действительно является системой. Пока что она лишь в слабой степени перерабатывает – лучше сказать – слегка обрабатывает и реформатирует поступающую в нее исходную информацию в виде различного типа документов, и почти, за редкими исключениями, не производит ни их содержательной оценки, ни смысловой обработки – и в этом, скорее всего, и коренится главная трудность для разработки автоматизированных и, тем более, автоматических средств глубокой переработки информации. А непосредственно со смыслом документов информационные органы пока не работают и еще долго не будут работать, пока мозговеды и лингвисты не выяснят, как мы думаем и во что, кроме слов, облакаем свои мысли. Сережа оказался человеком не только внешнего обаяния, работа мысли в нем чувствовалась ежесекундно. Поэтому он с легкостью освоил рекомендации Михаила, и между ними сложились отношения глубокой искренней симпатии – в чем-то средней между расположенными друг к другу старшим и младшим и между доверяющими друг другу равными по духу людьми. Это очень явно чувствовалось во время их бесед на самые разные темы. Однажды, говоря о чем-то, о чем Михаил уже и не помнил, Сережа, как будто заключая свой вывод, произнес – «ну прямо теорема Ферма».

При этом незнакомом названии Михаил сразу внутренне напрягся – само по себе оно ни о чем ему не говорило, хотя он ощущал, что речь идет не о самой теореме, какой бы она ни была, а о смысловом или образном переносе какого-то ее характерного свойства на другой предмет. Значение этой метафоры можно было бы уяснить сразу, спросив у Сережи, что она означает. Обычно Михаил так и поступал, не маскируя своего незнания и не стесняясь его, но тут, как он чувствовал, сразу могла пострадать и увянуть та особая атмосфера полной доверительности, сложившейся во время беседы, когда Сережа привел какой-то очень близкий ему образ, целиком полагаясь на то, что собеседник его поймет.

Разрушить этот дух единения, столь ценный для обоих, Михаил не решился, но название теоремы запомнил. В дальнейшем Сережа неоднократно упоминал о теореме Ферма, и Михаил постепенно вытянул из него то, что при большей математической образованности мог узнать много раньше – это был живой символ давней недоказуемости. Но даже безотносительно к теореме Ферма у Михаила остались о Сереже Говоровском самые теплые воспоминания и уверенность в том, что тот где-нибудь проявит серьезную силу своего интеллекта. Но с тех пор, как Михаил оставил центр Антипова, они всего несколько раз общались по телефону.

Лишь в возрасте семидесяти двух лет Михаил узнал точную формулировку теоремы Ферма и историю попыток ее доказательства после решения проблемы самим Пьером де-

Ферма. Как-то на досуге в деревне ему пришло в голову подумать, что может быть общего между конкретными уравнениями вида, $a^n + b^n = c^n$ соответствующими одинаковым целым числам a и b при разных, но обязательно целых значениях показателях степени n – таких, как:

$$a^2 + b^2 = c^2;$$

$$a^3 + b^3 = c^3;$$

...;

$$a^n + b^n = c^n;$$

...;

Сначала ничего общего, кроме изоморфной структуры, между ними не просматривалось. И вдруг Михаил понял, что общее между ними будет, если все члены приведенных уравнений в левой и правой части разделить на число c в соответствующей каждому из этих уравнений степени n :

$$a^2 / c^2 + b^2 / c^2 = 1;$$

$$a^3 / c^3 + b^3 / c^3 = 1;$$

...;

$$a^n / c^n + b^n / c^n = 1;$$

...;

А после этого простого преобразования Михаилу сразу бросилась в глаза парадоксальная ситуация, имеющая место во всех уравнениях, где целое число n было больше 2: формально в каждом из уравнений сумма отношений a/c и b/c в соответствующей степени $n > 2$ была равна единице, а по су-

ти являлась числом, меньшим единицы, если сравнивать ее с известной суммой тех же отношений в степени $n=2$, которая в соответствии с теоремой Пифагора всегда представляет единицу: $a^2/c^2 + b^2/c^2 = 1$.

Михаил прибег к такой необычной форме публикации своего доказательства теоремы по следующим причинам.

Во-первых, и прежде всего потому, что он не был математиком. Одно это гарантировало ему неприятие со стороны значительной части мирового сообщества математиков, а, возможно, и всех. Кто он такой, чтобы иметь наглость заявить, что им сделано (впервые после Ферма) то, что не подавалось лучшим математическим умам с 1637 года, то есть в течение 367 лет? Не может же быть, чтобы этот невежда – выскочка Горский или как его там, не допустил никакой ошибки в логике доказательства с точки зрения ПРАВИЛЬНОЙ методологии! И несогласные с его решением действительно быстро нашлись, хотя нашлись и вполне согласные.

Во-вторых, существовала очень большая вероятность, близкая к 100 %, что ему не дадут опубликовать свое доказательство ни в одном из специализированных математических журналов, чтобы широкие слои лиц, заинтересованных в знакомстве с простым и кратким доказательством теоремы Ферма, соответствующим, образно говоря «завещанию» ее автора способом, в корне отличающимся от сверхсложного доказательства этой же теоремы Эндрю Уайлсом объемом в 130 страниц, опубликованного в 1995 году, дабы не уро-

нить честь профессионального математического мундира.

В-третьих, из уважения к памяти великого французского математика Пьера де-Ферма, Михаил хотел бы, чтобы доказательство теоремы, данное им, было бы впервые опубликовано на родине де-Ферма, то есть во Франции.

Однако вслед за этим желанием пришло весьма отрезвляющее соображение: Франция, издавна известная своими славными математическими традициями и умами (даже Михаил знал поименно ряд многих из них: Огюстен Коши, Гийом Лопиталь, Эварист Галуа, Анри Пуанкаре, Пьер Лаплас, Жозеф Лагранж, Жан Д / Аламбер, Николя Бурбаки) наверняка не будет обрадована тем, что рожденная на ее земле теорема окажется доказанной чужаком, тем более – почти что неучем.

А потому французские рецензенты будут жаждать его крови не меньше, чем их коллеги из России, Англии, Германии, Израиля или США.

А в том, что именно такой «горячий прием» будет ждать его статью в любой математически авторитетной стране, Михаила убеждала принципиально сходная ситуация, с которой столкнулся автор одной теории, весьма неудобной для его коллег-физиков. Фамилия этого человека звучала для российского уха несколько странновато: Шабетник, если не догадаться, что это фонетически более близкое к исходному еврейскому архетипу слова, вполне понимаемому и на Руси – субботник. Из радиопередачи о нем Михаил услышал,

что Шабетник был научным сотрудником Физического института Академии Наук (сокращенно ФИАН) и в ходе своих исследований пришел к выводу, что во Вселенной, которая доступна нашему изучению, господствуют и определяют ее устройство электрические Кулоновские силы, тогда как гравитационных Ньютоновских сил на самом деле в природе нет. Естественно, из рассказа автора теории, Шабетника, в рамках всего лишь научно-популярной радиопередачи Михаил не мог уяснить себе его аргументацию. Но он живо представил себе то, что и прежде весьма его интересовало: в чем причина абсолютной изоморфности формул определения величины силы гравитационного притяжения масс у Ньютона и силы взаимодействия электрических зарядов у Кулона:

$F_g = f_1 ((m_1 \times m_2) / r^2)$ у Ньютона, и

$F_e = f_2 = (q_1 \times q_2) / r^2$ у Кулона, где f_1 и f_2 – соответствующие коэффициенты пропорциональности; m_1 и m_2 – соответственно массы; q_1 и q_2 – электрические заряды, а r – расстояние как между взаимодействующими массами, так и зарядами.

Даже глядя на эти формулы, можно было заподозрить, что такое сходство между ними имеет место неспроста. И вот физик Шабетник из ФИАНа, оказывается, тоже так полагал, но от простых подозрений он перешел к серьезному поиску причин подобия, а кончил тем, что в рамках своей тео-

рии Ньютоновские силы признал несуществующими. Могли быть у Шабетника отправные посылки для подобного вывода из натуральных наблюдений? Михаил полагал, что могли. Взять хотя бы такие явления, как вариации гравитационного поля, причины которых не удается установить, или, тем более, левитация, то есть способность людей взлетать без всяких технических устройств над поверхностью земли, держаться в воздухе и даже совершать полеты. По всем научным представлениям, гравитационные силы могут быть только силами притяжения, в то время, как силы взаимодействия электрически заряженных тел могут быть как силами притяжения для разнозаряженных (положительно и отрицательно заряженных), так и силами отталкивания для одинаково заряженных тел. Если отталкиваться от теории Шабетника, то можно предположить, что в норме гравитация в условиях, например, Земли, объясняется разной заряженностью самой планеты и отделенных от ее массы ставших для нее посторонними тел, будь то обломки горных пород или живые организмы. Но если под воздействием, допустим, психической энергии, в существовании которой не приходится сомневаться несмотря на то, что приборами ее до сих пор зафиксировать и измерить ученые не могут, происходит перезарядка частиц живого организма, то это позволяет всему организму оторваться от поверхности Земли и совершить полет в воздухе. Такой способностью обладали такие просветленные святые, как Франциск Асизский и Серафим Са-

ровский. Существуют свидетельские показания многих лиц, наблюдавших их «воспарение». При этом, например, тело Святого Франциска, взлетевшего под купол храма, излучало яркий свет, заставлявший подумать, что среди ночной тьмы вдруг наступил рассвет, а свет, кстати сказать, имеет электромагнитную природу, и испускание фотонов происходит под воздействием электромагнитного поля, то есть порожденного заряженными телами. Пусть подобные умозаключения Михаила (не Шабетника) выглядят наивно и вульгарно, но они все-таки предлагают хоть какую-то гипотезу для объяснения причины левитации, в то время как физическая наука (без Шабетника) не предлагает вообще никакого даже в виде гипотезы. Наука не предлагает, а Шабетник (и вслед за ним даже какой-то Горский) имеют наглость ее предлагать? Как это расценивать? Как скандал? Конечно, как скандал! Однако среди тех, кого Шабетник познакомил со своей теорией и кто серьезно, глубоко вник в нее, был академик Леонид Вениаминович Келдыш, кузен президента Академии Наук СССР Мстислава Всеволодовича Келдыша. Так вот, менее известный Келдыш, но все равно бесспорно авторитетный профессионал, сказал Шабетнику: «Вы можете совершить крупное открытие. Только вам не дадут этого сделать». И действительно – как в воду смотрел. Когда по поводу теории Шабетника обратились к заведующему теоретическим отделом ФИАНа академику Виталию Лазаревичу Гинзбургу (который в то время еще не был увенчан за свои дав-

ние труды Нобелевской премией), этот знаменитый ученый отозвался с подкупающим остроумием и простотой о своем младшем коллеге из ФИАНа: «Я не знаю физика с такой фамилией». Вот и весь разговор! А ведь Шабетник наверняка был соответствующим образом профессионально образован – в отличие от Михаила Горского, который «проходил» в институте всего два раздела высшей математики: математический анализ и аналитическую геометрию

Вот почему выбор Михаила пал в пользу необычного способа публикации в рамках приложения к литературному роману. Впрочем, во Францию его доказательство тоже пошло по электронной почте на двух языках – русском и французском, причем над созданием французского текста потрудились и дочь Михаила Анна, и ее подруга со школьных времен преподаватель французского языка Татьяна Лаврова и еще какие-то консультанты Тани Лавровой, которых Михаил не знал. Ответа из Франции, особенно положительного, он, честно говоря, не ждал – будет, так будет, не придет, так не придет. Безразличие Михаила к вопросу признания или непризнания правильности его доказательства теоремы Ферма не было ни показным, ни абсолютным. Скорей всего, его следовало бы назвать фаталистским. В самом деле, хотя ему и пришлось потрудиться над доказательством, но это не заняло у него много времени, не поглотило слишком много нервных сил. Как ни странно, само доказательство он нашел быстрее, чем сформулировал начало и концовку теоре-

мы в том виде, в каком их легче всего было осознать неискушенным в математике, но все-таки кончившим среднюю школу людям. Если говорить о последствиях доказательства теоремы Ферма для духовной и материальной жизни человечества, то у него, у Горского, и у Уайлса они существенно различались. Уайлс не просто извлек из мозгов человечества занозу, беспокоившую математиков в течение нескольких сотен лет, но и, по словам знатоков, свел воедино все достижения теории чисел двадцатого века и создал новые методы, которые использовал в ранее немыслимых сочетаниях с известными методами и тем проложил путь к решению ряда других проблем. Его напряженный труд в течение восьми лет, посвященный решению теоремы Ферма, воистину стал крупным научным вкладом в интеллектуальную историю человечества, тогда как доказательство Михаила на дальнейшее развитие математической науки никак не влияло.

Но это была лишь одна сторона дела. Михаил был счастлив оттого, что уже больше тридцати семи лет живет в любви с Мариной, а еще тем, как живет: скромно, не испытывая нужды, вполне довольствуясь тем, что Марина и он имеют Милостью Божьей, и это позволяет им радоваться почитай что каждому новому дню жизни, заниматься любимыми делами, будь то работа за письменным столом, чтение, утоление любознательности, погружение в музыку, обмен мнениями об увиденном, услышанном, постигнутом и возможном для постижения, а если коротко – то погружение в общий

для них драгоценный духовный мир, из которого выходить не хотелось. Это было самым ценным в их жизни, которая шла к закату – возможно, и в не очень быстром темпе, но все-таки вполне определенно шла. Представить, что их почти идиллическая жизнь, особенно в деревне, способна заметно измениться, притом не обязательно только в лучшую сторону вследствие простого факта признания в мире полученного Михаилом доказательства теоремы Ферма, означало впустить в свою голову сразу множество возмущающих покой мыслей – и тех, которые прежде не волновали, и тех, какие могли беспокоить каждого пожилого человека. Недолгая масштабная известность. Явный и искусственно раздутый, а потому и отчасти фальшивый общественный интерес. Напористое, нахрапистое, а то и наглое, бесцеремонное вторжение прессы в частную жизнь. Публичные мероприятия, на которые из модных побуждений хотят затащить нашумевшего автора, не спрашивая ни его, ни народ, зачем это нужно, если никто не собирается после встречи с публикой даже задуматься насчет того, в чем следовало бы изменить свою жизнь или взгляды, и чем стоило бы заниматься по мнению приглашенного как будто бы уважаемого человека. Возможно, это многих и радовало – как же! – известность, слава, внимание, почтение, уважение, награды. А с ними, тоже вполне вероятно, зримое пополнение скромных доходов, подключение к разным видам привилегированного обслуживания и создание собственного семейного страхового денеж-

ного фонда «на случай чего», в котором до сих пор денег было «кот наплакал». Что все, включая душевное благополучие, могло от этого покачнуться, было ясно, и что придется как-то противостоять опрокидывающему жизнь моменту, если не хочешь, чтобы она перевернулась килем вверх – тоже. И стоили ли внезапно свалившиеся новшества больше неудобств, возмущающих бесценную и наиболее желанную среду их с Мариной совместного гармоничного обитания, Михаил не мог сказать, потому что болезни известности, как и любые другие болезни, никогда не удастся излечивать по заранее выработанному плану.

В таком случае спрашивается, зачем отсылать доказательство теоремы Ферма во Францию или еще куда, если перемены в связи с признанием могут принять нежелательный оборот? Вот на этот вопрос Михаил как раз знал ответ: раз уж Господь Бог сподобил тебя доказать эту проблемную теорему, значит, в Его Воле было и то, чтобы ты попытался опубликовать озарившее тебя Волей Небес ее решение. Ты ведь не гонишься изо всех сил за славой, не хочешь выставиться напоказ и выпендриться над всеми ради быстро проходящей популярности публике постоянно требуются новые приятные раздражители помимо новостей о катастрофах, преступлениях и скандалах, а кому захочется постоянно держать в голове память об авторе простого доказательства теоремы Ферма?

Да и сейчас кто знал о нем? От силы дюжина людей,

и их мнения распределились довольно интересным образом. Два инженера-кандидата технических наук, имеющих дело с математикой, признали, что теорема Ферма доказана Михаилом полностью. Один амбициозно настроенный почти юный математик и один физик-теоретик заявили, что в доказательстве Михаила есть ошибка. Этот математик в ответ на вопрос, в чем именно ошибка, ответил, что так вообще нельзя доказывать теорему, отправляясь от частного случая к общему: «Решив, что так нельзя», он не стал читать доказательство до конца. Физиком-теоретиком был муж кузины Михаила Инны. Он признался, что у себя в Америке с нетерпением ждал получения текста доказательства теоремы Ферма, когда Михаил сказал ему по телефону, что сделал это. «Миша, мне так хотелось, чтобы ты оказался прав, но...» – «Рауф, я в твоей искренности несколько не сомневаясь. Мне тоже не хотелось тебя огорчать. Но скажи, в чем ошибка?» И Рауф начал объяснять. Михаил внимательно слушал, изредка задавая дополнительные вопросы. Он действительно ничуть не сомневался в добросовестности Рауфа, но из его объяснений отнюдь не следовало, что Михаил в чем-то ошибся – Рауф говорил о совсем другом. И вдруг Михаил понял – речь идет не о его ошибке, а о неправильности представлений Рауфа, который самостоятельно стал развивать последствия убывания величин отношений a^n / c^n и b^n / c^n с ростом величин a и b и особенно – величины n . Рауф заговорил о том, что Михаил использует в доказа-

тельстве бесконечно малые, что было совсем не так. Михаил возразил, что, во-первых, все эти отношения – конкретные дробные числа, пусть и очень малые, но не бесконечно малые, а, во-вторых, что еще более важно – действительная величина этих дробных отношений сама по себе несколько его не интересовала и привлекалась им к доказательству ради одного: что сумма $a^n / c^n + b^n / c^n$ при $n > 2$ всегда в численном выражении меньше единицы. – «Ты ведь знаешь, – закончил он объяснения Рауфу, – что в математике и физике бывают парадоксы?» – «Да, знаю», – подтвердил Рауф. – «Ну вот и здесь я говорю о наличии парадокса, а не о чем-то другом».

Рауф задумался: «Миша, ты доказал теорему для малых чисел», – признал он наконец. – «Нет, не согласен. – для любых, были бы они целыми и притом, что n был бы больше двух». – «Ну ладно, давай мы еще оба об этом подумаем», – предложил Рауф, и Михаил согласился: «Давай!» А еще Рауф сказал ему, что начал смотреть доказательство Уайлса, но признал: «Там слишком тяжелая артиллерия для меня». – «Это-то и осмысливало мою работу,» – засмеялся Михаил. – «Ну, ладно» – «Ну, ладно», – улыбнулись они друг другу напоследок. А Михаил вдруг, наконец, догадался, что имел в виду математик, сходу забраковавший его доказательство. Математиком был приемный сын Ани и родной ее мужа Толи от его первого брака. Сережа был очень способным человеком и столь же нервно-амбициозным, как его отец. Од-

ного упоминания о сумме отношений $a^n / c^n + b^n / c^n = 1$, то есть о теореме Пифагора, которую Михаил рассматривал как эталонную только для сравнения с суммами отношений тех же величин в больших степенях, Сереже хватило для того, чтобы обвинить Михаила в том, что он методологически неверно строит доказательство общего на частном случае. С точки зрения Михаила данное обвинение было неправомерно. До этого момента Михаил думал только о том, что у него обязательно найдутся недобросовестные оппоненты подобные тем, какие уже нашлись и у Шабетника, готовые дружно подвергнуть его труд умолчанию и ostracismу, но он не представлял, что оппоненты могут быть ФАНТАЗИРУЮЩИМИ по мотивам, навеянным им собственно рассматриваемым доказательством, но не имеющим к доказательству прямого отношения. Рауф зафантазировал насчет неправомерного использования бесконечно малых (которых в доказательстве НЕ БЫЛО), Сережа, сын Толи, стал фантазировать о методологической ущербности доказательства, хотя как математик должен был бы понимать, что сравнение с теоремой Пифагора уже заложено в формулировку теоремы Ферма тем, что в ней прямо говорится о показателе степени $n > 2$, то есть большем, чем у Пифагора.

Еще одно мнение профессионального математика было передано Михаилу из Нью-Йорка мужем другой его кузины Тани, который по своей инициативе дал ему познакомиться с доказательством Горского. Этот математик заявил, что до-

казательство весьма оригинально. Но верно оно или ошибочно, не сказал.

Виточка, которая была среди тех двоих кандидатов наук, которые безоговорочно одобрили доказательство Михаила, показала его у себя на работе еще двум образованным математикам. Их мнение было снова неопределенным: «Очень интересно», – и никаких итоговых оценок. После этого до Михаила дошла еще одна вещь, о которой он заранее не думал. Математики проявляли крайнюю осторожность, если не сказать – опасливость. Ошибки сами они не нашли, но резервировали себе позицию невиновности на случай «а вдруг ошибку, ускользнувшую от их внимания, обнаружит кто-то другой» – но и тогда их профессиональная репутация останется незапятнанной ложной оценкой.

Еще несколько человек априори заявили, что они в этом деле ничего не понимают, хотя в свое время успешно одолели школьный курс и по арифметике, и по алгебре, а большего для понимания доказательства, данного Михаилом, ни от кого и не требовалось. Если на то пошло, его вполне можно было включить в программу восьмого класса школы.

А вот то, что образованные инженеры сразу признали доказательство Михаила верным, как раз и не удивляло. Они читали текст, рассматривали формулы, следили за корректностью авторских выкладок и НЕ фантазировали, потому что привыкли оценивать вещи как они есть, а не то, что по поводу данных вещей еще можно подумать. Теперь

Михаил мог ожидать и каких-то новых, еще не известных ему методов порождения неприятия.

А пока что Михаила лишь забавляла мысль о его отношениях с математикой, да и с физикой тоже, в течение достаточно долгой жизни. Проявлялись ли у него в отрочестве и юности какие-либо определенные математические способности? На этот вопрос Михаил с чистой совестью мог ответить – нет. И в то же время уже в старших классах и у него случались кое-какие выбросы («флуктуации» – если «научно» выражаться о случайных выделяющихся на общем фоне колебаниях, когда некоторые из них отличались большей амплитудой), которые их преподаватель математики Иван Тимофеевич Егоров все-таки определенно отмечал.

Как-то раз в восьмом классе, дав ученикам понятия об аргументах и функциях, он тут же предложил им изложить, что они себе по этому поводу представляют. Поднялось несколько рук, в том числе и Михаила. С него-то Иван Тимофеевич и начал опрос – Михаил еще тогда решил, что, скорей всего, потому, что учитель был не больно высокого мнения о его способностях. Однако образный пример Михаила настолько понравился учителю, что он пришел в восторг, а этого с ним вообще никогда не случалось. И с тех пор Иван Тимофеевич в шутку не раз называл Михаила Горского «корифеем математики». Много времени спустя, когда они уже проходили стереометрию (пространственную геометрию), произошел более значимый случай. Для контроль-

ной работы Иван Тимофеевич выбрал задачу, в решении которой требовалось проявить не только геометрические, но и алгебраические знания. При определении итогового параметра требовалось решить биквадратное уравнение. Ну, это в классе умели делать практически все, и никого особенно не беспокоило, что из четырех корней этого уравнения только два были действительными величинами, а другие два – комплексными. Естественно, в реальности эти два комплексных, то есть включающих в свой состав и мнимые величины, для определения конкретного параметра объемного тела подходить никак не могли. Михаила самого так и подмывало желание отбросить эти два корня без всяких разговоров, но он все – таки преодолел себя и решил рассмотреть все четыре следующих из уравнения случая, поскольку формально все корни были согласно правилам математики равноправными. Поэтому он добросовестно рассмотрел каждый вариант и после анализа выбрал единственный, который мог соответствовать действительности. Кстати говоря, на это ушло не так уж много времени. Он сдал свою контрольную одновременно с большинством других учеников.

На следующий урок Иван Тимофеевич пришел чернее тучи. Все ученики уже давно знали признаки его плохого настроения и поэтому ошибиться не могли. Но они еще плохо представляли силу его гнева. Еще не дойдя до учительского стола, он швырнул на него стопку проверенных тетрадей. Сидевшие на первой парте ребята жестами показали Миха-

илу, что сверху лежит его работа. По обычаям Ивана Тимофеевича это означало, что она признана лучшей. Затем Иван Тимофеевич отрывисто приказал дежурному раздать тетради. Раскрыв свою, Михаил увидел отметку пять с минусом. Какой изъясн был наказан минусом, он так и не запомнил, но это была лучшая оценка из всех. Неужто всем остальным Иван Тимофеевич выставил только четверки и тройки? Однако все оказалось хуже. Следующий ближайший оценкой была только тройка с плюсом. А дальше Иван Тимофеевич, захлебываясь горечью как от личного оскорбления, объявил, что из двух параллельных классов «А» и «Б» только один «товарищ Горский» исследовал все случаи решения задачи по числу корней. Всего сказанного им Михаил уже, естественно, не помнил, но смысл и пафос его речи состоял в том, что подобной подлости он от своих учеников не ожидал. С высоты своего тогдашнего опыта Михаил не находил тогда в своем поступке какой-то особой доблести. Ну, подумаешь, более внимательно отнесся к анализу корней, хотя априори нечего было и думать, что комплексные величины к решению действительной задачи могли бы подойти. Но случай с решением данного биквадратного уравнения запомнился ему самому как некое назидание на будущее – не отбрасывай без рассмотрения ничего, что может относиться к прояснению Истины.

Априори отброшенные выводы могут привести к ошибкам или просчетам, а иной раз к потере важнейшего смыс-

ла. Взять хотя бы историю сэра Александра Флемминга. Разве стал бы он создателем пенициллина и благодетелем человечества, если бы выбросил без вдумчивого рассмотрения чашку Петри с культурой бактерий, в которой завелась очистительная плесень? Нет. Другие исследователи все как один повыбрасывали «бракованные» культуры, а он не выбросил. Оказывается, априорные представления о чем-либо слишком часто свидетельствуют о заведомой ограниченности научного работника, иными словами – об ущербности, практикуемой по привычке без достаточных на то оснований, а пренебрежение чем-либо, чего еще не понимаешь, всегда в конце концов оборачивается в лучшем случае каким-то досадным промахом.

Вот, пожалуй, и все, чем в математическом смысле «отличился» Михаил за время учебы в школе, если не считать, конечно, того, что на выпускном письменном экзамене по математике он логически правильно решил задачу, но раз за разом во время вычислений совершал одну и ту же арифметическую ошибку при делении одного числа на другое. Его словно заклинило в этом месте, и многократные проверки так и не позволили ему выйти на правильный численный результат. Лишь много лет спустя Михаил понял, что это была не досадная случайность, а некий знак Свыше, указавший ему на неправильность предполагаемого им выбора дальнейшей судьбы. Он, как и его друг – одноклассник Гриша Любимов и вслед за Гришей, намеревался поступить в универси-

тет на механико-математический факультет. В теории вероятностей академик Марков ввел понятие о так называемых «цепочках» событий, получивших в дальнейшем его имя. На каждом этапе, когда сложившаяся ситуация в каком-либо процессе могла разрешиться с какими-либо вероятностями двумя или более разными исходами, тот из них, который, делался реальным, предопределял характер всех последующих событий в дальнейшем процессе, отличный от характера всех тех вариантов, которые так и не состоялись. Так вот, для Михаила и его профессиональной деятельности начальным событием в его личной Марковской цепочке стала та арифметическая ошибка на выпускном экзамене по математике, которую он упорно не замечал. Из-за этого в его аттестате зрелости по математике появилась четверка, и если до этого ему определенно светила золотая медаль, то теперь ему досталась только серебрянная, притом именно с такой ущербностью против золотой, которая меньше всего подходила для поступления на механико-математический факультет – там ведь не имело значения, что по двум предметам его ответы на выпускных экзаменах были признаны «особо выдающимися» (существовала и такая официальная оценка, нечто вроде шести баллов в пяти-бальной системе оценок), но это были литература и химия, то есть для мех-мата пустой звук.

Тем не менее, сознание ущербности в аттестате не заставило его сразу отказаться от намеченного выбора. За него это

сделали на факультете. Как медалист по правилам того времени Михаил полностью освобождался от сдачи вступительных экзаменов в любой ВУЗ. Вместо них полагалось пройти только «собеседование» в приемной комиссии. Собеседовал с Михаилом довольно молодой и спортивного вида человек. Вместо ожидаемых вопросов по части математики собеседователь задавал совсем другие вопросы: кто его родственники, где работают, чем занимаются; не был ли кто из них в плену или на оккупированной немцами территории. Мамин родной брат дядя Юра, Харьковский архитектор, во время войны в 1942 попал в Харьковский же котел, устроенный немцами бездарному советскому командованию, собиравшемуся начать наступление именно из этого города с целью вышвырнуть немцев из Украины. О дяде Юре от кого-то дошли сведения, что он мог попытаться выскочить из котла на грузовике, но уступил место раненому, а сам был вынужден скрываться. – возвращаться в Харьков, где его многие знали, ему было нельзя, и потому он остался в городе Валки. Из соображений конспирации он изменил в документах только свое отчество – вместо Икавововича стал Никодимовичем, а так ни его внешность, ни фамилия и имя у немцев никакого сомнения не вызывали. Но и в Валках в конце концов нашелся бывший его сокурсник по институту, который сообщил в гестапо, что светловолосый от природы Юрий Никодимович Рейзеров на самом деле еврей. Дядя Юра был арестован и расстрелян.

Михаил сказал математику в погонах, которые тот на время оставил где-то неподалеку, что его дядя был на оккупированной территории. Только дома, когда он передал родителям, как прошло собеседование, Михаил уяснил, что он, скорее всего по упущению с их стороны, оказался плохо подготовлен к этой процедуре. Отец объяснил ему, что в категорию лиц, называемых «близкими родственниками», дяди и тети не входят – это только мать, отец, родные братья и сестры, а больше никто, и поэтому он имел полное право о дяде Юре ничего не говорить. Урок несколько запоздал, поскольку Михаилу отказали в приеме на мех-мат, однако все же не пропал даром. Михаил понял, что теперь ему не остается ничего другого, как поступить в престижный технический институт (он и раньше думал об этом, колеблясь, что выбрать – мех-мат или инженерию). Самыми престижными в то время считались два столичных технических ВУЗа – Московское высшее техническое училище им. Баумана и Московский энергетический институт. Почему-то ни к тому, ни к другому душа у Михаила не лежала. Изучая справочник, он обратил внимание на Московский Механический институт и решил поступить туда, даже не подозревая, что три года спустя он будет переименован в Московский инженерно-физический институт и тем более не зная, специалистов для каких отраслей там готовят. Вот здесь-то урок, который преподавал собеседователь из органов, и пригодился ему в полной мере. Больше ни разу в жиз-

ни, даже при оформлении на секретную работу, Михаилу не приходилось заполнять таких грандиозных по объему анкет, какая предлагалась каждому абитуриенту в ММИ. Львиная доля вопросов касалась в ней одной СВЕХ-ТЕМЫ – лояльности существующей власти от дореволюционной эпохи до настоящего времени. Надо было мастерски отбиваться от внешне миленьких и безобидненьких вопросиков: служили ли Вы (последовательно): в царской армии, в белой армии, в оккупационных войсках Германии, имели ли Вы награды (последовательно) в тех же армиях – везде Вы с большой буквы; имели ли Вы колебания в проведении линии партии, участвовали ли Вы в оппозициях и уклонах, имели ли Вы партийные взыскания и если имели, то за что; подвергались ли Вы или Ваши ближайшие родственники репрессиям и в связи с чем; есть ли у Вас родственники за рубежом – и многое еще в том же роде. По каждому вопросу надо было писать ответ чисто, без поправок и обязательно развернуто, типа: «В уклонах и оппозициях не состоял», «Ни я, ни члены моей семьи репрессиям не подвергались», «в царской армии не служил», «в белой армии не служил», «наград в царской армии не имею» и т. д. Украсив свою анкету подробными отрицаниями и завершив ее великолепной фразой: «Компрометирующих сведений о себе, которые не были охвачены вопросами анкеты, не имею» Михаил был допущен к собеседованию с амбициозным ассистентом с какой-то кафедры, который долго пытал его вопросами, далеко

входящими за пределы школьной программы, и в конце концов был зачислен на факультет № 1. Со временем выяснилось, что его название – механико-технологический, а группа, в которую попал Михаил, после третьего курса должна была специализироваться по металловедению. Вот так продолжилась индивидуальная Марковская цепочка Михаила Горского в Московском Механическом институте, где не было принято спрашивать студентов, чем они хотят заниматься, потому что институт принадлежал не столько министерству высшего образования, сколько министерству боеприпасов, которому на тот момент, как оказалось впоследствии, была поручена разработка и изготовление атомного оружия. Обнаружилась еще одна деталь. Факультет № 1 был наименее престижным и поэтому, в частности, укомплектовывался серебряными медалистами. Золотых медалистов зачисляли на третий факультет. Он имел название «инженерно-физический». Второй факультет занимал среднее положение и был приборостроительным. Так студенты трех факультетов и именовались: – механики, прибористы и физики. Сначала особых различий в преподавании основных дисциплин между факультетами не было. Математику, физику, химию и теоретическую механику преподавали одни и те же преподаватели. Михаил не мог сказать, чтобы кто-то из них, исключая преподавателя аналитической геометрии Марка Ивановича Сканава, нравился ему по существу, хотя еще более колоритной фигурой можно было считать преподавателя теоретиче-

ской механики Некрасова. Звали его Николай Викторович. Имя и отчество он произносил правильно, а вот свою фамилию, равно как и все слова, содержащие звуки «с» и «з», озвучивал иначе: «с» в его исполнении превращалось в «ш», а «з» – в «ж», и оттого его речь изобиловала шипящими: доцент Некрасов превращался в Некрашова, занятия в жаниятия, семестр в шемештр и так далее. Свой предмет он знал буквально наизусть и, произнося важные формулировки, попутно сообщал студентам, что надо подчеркнуть одной чертой, что двумя, а что и волнистой линией в знак особой важности понятия. На зачетах и экзаменах был строг, но строгость не отдавала садизмом и злобой. Николай Викторович не только читал лекции, но и вел семинары. Постепенно стало заметно, что Некрасов несколько выделяет Михаила, который нередко в сложных случаях говорил с места, что надо делать дальше в том и ином случае. Нет, любимчиком не становился, поблажек никаких не получал, но одобрение в глазах довольно сухого по видимости преподавателя время от времени все-таки замечал. Но однажды произошло почти невероятное. Когда кто-то из студентов их группы застрял с решением задачи у доски, и Некрасов повернулся к аудитории, предлагая вмешаться, Михаил сходу сказал, куда будет направлен вектор и что из этого следует, и за это удостоился прямой словесной похвалы за проявление умственной находчивости. Михаил в ответ «сыграл на понижение»: – «Ну, где уж нам, ведь мы не физики», – имея в виду, конечно

только студентов третьего факультета, а не физиков вообще.

На это Некрашов без промедления выдал прямо как контр-удар: – «Да вы любого физика жа пояш жаткнете!»

Похвала, конечно, абсолютно не соответствовала самовосприятию Михаила, хотя, с другой стороны, он был уверен, что Некрашов врать не умет и не будет, особенно в таком малозначащем случае.

Уж какие непроявленные способности Николай Викторович разглядел у Михаила, отправляясь всего лишь от немногих проявлений догадливости, так и осталось неясно. Надолго. Практически навсегда.

И до того самого момента, когда, Михаил осознал, что до получения им простого доказательства теоремы Ферма в свои семьдесят два года, никаких других проявлений сколько-нибудь серьезных математических способностей ни он сам, ни окружающие в нем так и не замечали (конструктивное использование распределения Брэдфорда для определения потребностей информационных фондов в коммуникациях между ними для достижения удвоения и даже утроения полноты информации по запросам пользователей информационной сети, предложенное Михаилом еще во время работы в центре Антипова, в счет не шло).

А после того, как теорему Ферма Михаил счел доказанной в той же простой и остроумной манере, в которой впервые доказал ее автор, Пьер де-Ферма, у него в голове мелькнула

мысль, а не выпадет ли ему в таком случае удостоиться чести получить в каком-либо университете, возможно и в МГУ, который так и не стал для него «родным», степень почетного доктора наук – Honoris Causa – по математике? Такая ситуация показалась – разумеется, только умозрительно – очень забавной. С одной стороны, получалось, что степень почетного доктора могла бы достаться лицу, никак не причастному к профессиональной образованности в области математических наук, что в нормальной ситуации следовало бы расценивать просто как нонсенс. С другой стороны, оставить без внимания факт получения простого доказательства теоремы Ферма только через 367 лет после самого Ферма, если, конечно, оно будет признано за Михаилом, тоже было бы неразумно и неприлично, в то время как из него можно было бы сделать на время предмет национальной гордости. В таком случае существовала вероятность получить приглашение на торжественное заседание ученого совета, где ему могли бы выдать на руки диплом с мантией и квадратной в плане шапочкой, приличествующими почетному доктору. Там ему предложили бы выслушать хвалебные мнения ученых, а потом – высказаться самомуразумеется, с благодарностью за оказанную честь. А стоило бы ему благодарить за признание, особенно в университете, куда его не приняли учиться? Воздать ли им за это хоть чем-то? Или оставить без внимания? Или только вроде как с юмором упомянуть о том, насколько он счастлив, что ему выпала почти такая же

судьба, как величайшему оперному композитору Джузеппе Верди, которому отказали в приеме в консерваторию, ныне носящую его имя, по причине отсутствия способностей к музыке? Можно было бы добавить еще, что неисповедимы пути Господни, приводящие одних напрямик к избранной цели, тогда как других – по много раз изломанный кривой к какой-другой. – кому как выпадет по Воле Божией.

Вот его школьный друг и одноклассник Гриша Любимов, который, если он жив и здоров, вполне мог занимать место в президиуме торжественного заседания, уже как глубокоуважаемый Григорий Александрович Любимов, ныне, скорей всего академик или, как минимум, член-корреспондент – доктором он сделался давным – давно – лет сорок пять тому назад. Вот его научный путь и вообще вся карьера шла напрямик, тогда как путь Михаила был достаточно извилист и внешне не больно успешен. Завидовал ли Михаил Гришиной судьбе, такой по видимости удачной и рационально устроенной? Нет, не завидовал, наоборот – радовался везению, причем вполне заслуженному, своего друга. Было довольно странно, почему они вдруг так сблизились в старших классах. Гриша по завету своего погибшего отца – полковника с отроческих лет серьезно занимался бегом на лыжах в ЦСКА и в восьмом классе выиграл практически всесоюзную юношескую лыжную гонку на приз «Пионерской правды». Спорт превратил его в атлета с красивой фигурой, впечатление от которой не портили даже очки,

которые он постоянно носил из-за близорукости. Возможно, сойтись в одну компанию, которую они сами окрестили «квartetом литераторов», на почве любви к русской литературе и ее преподавательнице Тамаре Николаевне, Грише Любимову, Гоше Гиммельфарбу, Марику Ливищу и Мише Горскому действительно помогла общность их впечатлений от новой учительницы, появившейся в девятом классе. Она только что окончила Педагогический институт, была всего лет на шесть-семь старше своих учеников, а потому они очень быстро сблизились во взаимных симпатиях. Общей точкой общения, естественно, в первую очередь стала литература. Ни мальчишки, ни Тамара Николаевна не использовали литературу в качестве пристойного покрывала для их особого, душевного общения. Легкая влюбленность была, конечно, у всех мальчишек. И симпатия к ним, большая, чем обычно, у Тамары Николаевны тоже была. Приятная эйфория от необычной привязанности стала особо дорогой стороной их школьной жизни. К восьмому марта парни подготовили своей наставнице подарок – купили вскладчину только что вышедший из печати «Толковый словарь русского языка» Ушакова в четырех томах и поднесли фото-портрет самой Тамары Николаевны, который сделал Михаил, тогда как остальные участники купили багет и вставили фотографию в раму. Тамара Николаевна была очень расстроена ими всеми вместе и каждым в отдельности. Она уже была замужем, но это не помешало Грише влюбиться в нее

по всей форме. У Михаила и Гоши уже были свои любви к девушкам-сверстницам, поэтому их чувство к учительнице было в достаточной степени платоническим, тогда как у Марика дело пошло не совсем так, как у них. До того Первомайского праздника, когда старшие классы тоже были посланы демонстрировать свое полное единство с родной коммунистической партией и советским правительством, когда весь квартет держался рядом с Тамарой Николаевной, а потом она, уединяясь с каждым из них во встречных дворах, удостоила особым индивидуальным горячим поцелуем, Марик не устоял, и вслед за Гришей влюбился в литературную богиню на полном серьезе, в то время как Гоша и Михаил устояли. Было ли целью Тамары Николаевны сблизиться с каждым из своих питомцев – выпускников, одолевало ли ее специфическое любопытство, подталкивавшее к выяснению, на что способен в любви не только Гриша, но и остальные милые ей мальчики, потому что у каждого из них была своя прелесть: Гриша был умница, брюнет и атлет, Гоша – красавец – блондин с вьющимися волосами, симпатяга и удалой молодец, Марик подвижный и красивый юморист со светлым завитым чубом, Миша – лучший знаток литературы и искусств, самый мечтательный юноша во всем квартете и также блондин? Возможно, Тамара Николаевна опережала в своем развитии то время, в которое ей довелось появиться на Свет Божий и заблестать на мальчишеском небосклоне. Это ведь теперь никому не показалось бы сверх-

странным, чтобы молодая привлекательная женщина устроила личную жизнь сразу со всеми членами своего кружка, да и предосудительным – тоже не очень. Мало ли кого какие сейчас устраивают браки или сексуальные игры, в которых партнеры не только не переживают, что они не единственные обладатели своей пассии, но даже и радуются за нее и за своих друзей – коллег, вместе с которыми общими силами доводят ее до сверх-оргазма, заодно получая и свой? Но тогда... Тогда это показалось бы недопустимым не только родителям мальчиков и «общественности», которые даже в страшном сне не могли бы представить себе любовь ученика и учительницы в простой паре, не то что с четырьмя или двумя участниками ее любовных развлечений. Это спустя четверть века времена изменились разительным образом. Теперь и Михаил в умозрительном плане не увидел бы ничего плохого, если бы образованная, искушенная в любовном искусстве дама ввела бы сразу всех учеников своего квартета в чертоги любви как действительно любящий наставник. Но тогда, пятьдесят два года назад, он полагал иначе, и, повинувшись долгу дружбы, рассказал Грише о том распляющем поцелуе, который получил от Гришиной любимой, и Гоша тоже признался ему в этом, а Марик – нет, поскольку попал-таки под страшные чары, с которыми уж не мог или не хотел совладать. Винил ли Гриша Марика за то, что он изменил дружбе? Михаилу казалось – нет, потому что Гриша по себе знал силу воздействия Тамары и своего ответно-

го тяготения к ней. Какая тут дружба устоит, если ТАК любишь? А вот со стороны Тамары это был удар, да не единичный, а тройственный. Другое дело, что два из них оказались неэффективными, но еще-то один сработал – и не просто в пользу Марика, а против того, кого она клялась, что любит! Любит вообще и притом больше, чем мужа! Нет, к этому нельзя быть готовым в восемнадцать лет без специального сексуального воспитания. И Гриша понес на своих атлетических плечах угнетающую, раздавливающую тяжесть любовного обмана, любовной измены, крушения будущности его великой любви. Михаил понимал это и старался в меру сил содействовать тому, чтобы Гриша все выдержал, потому что сам уже знал, что взамен любви, не принесшей счастья, возникнет другая, если достойно выдержишь и перенесешь всю боль предшествующей душевной травмы. Грише, судя по всему, поддержка Михаила не казалась лишней. Это укрепляло их близость, однако к поре начала дружбы не относилось. Хотя спортсменом Михаил был практически никаким (разве только бегал быстро на коротких отрезках пути, а выносливости ни скоростной, ни какой-либо другой вообще тогда не имел совершенно), у них быстро обнаружили сходные интересы. Это была еще не вошедшая в моду для серьезной реализации тяга к путешествиям на суше и на море. А что могло бы быть привлекательней для мальчишек-романтиков, чем путешествия по воде под парусами? И вот здесь-то Гриша уже был практически

знаком с делом, о котором Миша только мечтал. Гришина мама, Александра Ярославна, приходилась родней крупному ученому-аэродинамику и авиаконструктору Виктору Федоровичу Болховитинову, академику академии наук СССР. Однако Гриша чаще называл его либо дядькой, либо генералом. Так вот, после победы над Германией генералу досталась реквизированная у разгромленного врага крейсерская парусная яхта с мотором на случай безветрия или попадания в критическую обстановку. Каждую весну вместе с командой яхты Гриша шкрабил, шпаклевал и красил ее корпус свежей краской, чтобы она не старела душой и легче шла в любой ветер, занимался такелажными работами, а потом под водительством дядьки-генерала или своего ровесника и кузена Юры Екимова, в котором рано прорезался стратег и тактик парусной борьбы, участвовал в походах или соревнованиях. Юру Екимова Гриша почти никогда не именовал за глаза иначе, чем Хабеасом, причем, сколько Миша ни спрашивал, что это означает, вразумительных объяснений от приятеля так и не узнал. Вот о Хабеасе даже при заочном знакомстве с ним (впервые Михаил увидел его только после окончания школы) можно было твердо решить, что это человек, определенно рожденный для занятий математикой и теоретической механикой, чего Миша не мог сказать ни о Григории, ни о себе. Хабеас нередко настолько погружался в свои мысли, что отключался от окружающей обстановки. Однажды в таком состоянии он на улице налетел на столб и так сильно

приложился к нему лбом, что только и приговаривал: «Хорошо, что пополам!» Когда его спросили, о чем он, Юра ответил: – «Хорошо, что в формуле кинетической энергии E равно произведению массы тела на квадрат его скорости, деленному пополам. А то бы, наверно, череп не выдержал и треснул». Вот ему и без рекомендации академика-генерала был ясен путь на мех-мат МГУ, но генерал и Грише посоветовал сделать тот же выбор. Михаил не мог сказать, что Гриша являлся для него высшим авторитетом, но авторитетом тот все-таки был, и поэтому он тоже задумался о мех-мате. По собственной оценке он знал, что они с Гришей на поприще математики и физики примерно одного поля ягоды. А образование по данному типу могло подходить к массе разных специальностей, в том числе и к тем, которые считались инженерными. Да что было далеко ходить? Ведь сам генерал был и академиком и авиаконструктором, причем и там и там доказал всему миру свою полноценность. Видимо, даже сам Сталин считал его более чем полезным человеком в своем государственном хозяйстве, если не посадил, как и многих его коллег по самолетостроению, в тюрьму, особенно после того, как на самолете его конструкции пропал при попытке перелететь на четырехмоторной машине через Северный Полюс в Америку экипаж Сигизмунда Леваневского, хотя сам Виктор Федорович такого оборота дела ожидал и ни дома, ни на работе не расставался с чемоданчиком с необходимыми вещами, уж слишком обычным делом были аресты

в любой сфере жизни в СССР, тем более, когда имел место громкий или скандальный повод (а как иначе можно было расценить провал одобренного Сталиным перелета, если не скандалом в глазах всего мира и провалом амбициозной большевистской затеи?).

Но, Слава Богу, генерал и академик Болховитинов смог теоретически и практически познакомить племянников Гришу и Юру с яхтингом, а потому и Гриша смог подробно объяснить Мише, как благодаря наличию у яхты развитого килля или шверта можно лавировать под парусами против ветра. Первый курс в разных ВУЗах не очень разделил Мишу и Гришу. Они виделись не очень редко, с интересом слушали друг друга о житье-бытье и даже решили в августе до начала второго курса вместе сходить в туристский поход по Карельскому перешейку, но незадолго до этого Грише предложили поехать в университетский спортлагерь Красновидово, чтобы тренироваться в легкой атлетике, и он согласился. У Михаила пропала охота ехать в незнакомое место без друга, но мама убедила, что там он быстро перезнакомится со всеми и ни о чем не будет жалеть. Так оно и вышло. И жалеть о том, что Миша отправился в поход, в дальнейшем пришлось уже не ему, а маме. Несмотря на то, что он то и дело был вынужден перемогаться и во время долгой гребли, и на пешем переходе под увесистым рюкзаком, для него уже не существовало другого полноценного способа отдыха и одновременно самоперевоспитания, чем поход-

ная жизнь – с восемнадцати лет и до самой старости. Больше они с Гришей не пытались скоординировать свой отдых, хотя и продолжали держать друг друга в поле зрения. После второго курса Гриша поехал на Кавказ в альплагерь и за две смены подряд заработал себе не обычный значок «Альпинист СССР 1-ой ступени», а третий спортивный разряд. Это было хорошим дополнением к его первому разряду по лыжам. От отца с довоенной поры у Гриши осталась разборная немецкая туристская байдарка, у которой все детали каркаса были деревянные, а резина красноватого цвета на оболочке великолепно сохранила все свои ценные свойства. Она была тяжелее появившейся где-то возле 1955 года первой советской байдарки «Луч» подобного же типа, но зато по живучести резины здорово превосходила «Луч». Гриша, обладая этим сокровищем, смог раньше Михаила заняться водными походами именно на байдарке, а не на деревянной лодке типа «Фофан», с которой Михаил хорошо познакомился в первом походе по Карельскому перешейку. Михаил в середине второго курса пошел в лыжный поход по Клинско-Дмитровской гряде от Александрова до Солнечногорска, после которого сильно полюбил лыжи, а в летнее время еще раз сходил пешком по Подмоскovie от Сходни до Звенигорода, а потом в Дагестане от аула Гуниб-последнего оплота имама Шамиля до грузинских поселков Ахали-Сопели и Цинандали. Это был несложный, но все-таки горный поход, подавший ему второй сигнал (первым был вид заснеженного хребта Ка-

ратау, в котором, кстати сказать, отец его одноклассника Гоши геолог Борис Михайлович Гиммельфарб открыл мировые залежи фосфоритов) к тому, чтобы тоже заняться альпинизмом, как это уже сделал Гриша. Стремление в горы не было подражательством другу, хотя Михаил ничуть не пренебрегал тем, что именно Гриша подавал ему положительный пример, да и глупо было бы поступать иначе – кто из них был исконно спортивным человеком? – конечно, Гриша – не он же, Михаил, которому только занятия спортивным туризмом в студенческую пору помогли открыть для себя радость гармоничного развития тела и духа, тогда как Гриша для себя открыл это много раньше. Хочешь-не хочешь, а все равно получится, что подражаешь хорошему примеру, который он дает. Чего же тут, собственно, было стесняться? Михаил занялся альпинизмом в следующий летний сезон, и тоже всего за две смены заработал себе третий разряд, хотя между этими двумя сменами был промежуток величиной в семь лет. Зато в байдарку «Луч» он пересел за два года до того, как повторно втянулся в альпинизм.

Первый шаг в сторону горных лыж опять-таки сделал Гриша, но и на этот раз Михаил от него не очень отстал. А потом, с ходом времени, удаляющим их от прошлой школьной и институтской юности, Михаил совсем перестал отставать, когда речь зашла уже о сложных водных походах. Гриша женился на студентке Тане Баранович, когда сам уже был аспирантом, притом через три года после того, как Михаил же-

нился на Лене. В этом деле он Гришу обошел, хотя оно было и не из числа спортивных. Правда, как считать – и Лена и Гришина Таня ходили с мужьями и на байдарках и в горы, и где-то в эти годы Михаил стал выходить в туризме вперед.

Гришина учеба, а затем и рабочая карьера складывалась исключительно удачно. Он сам и его кузен Хабеас кончили отделение механики на мех-мате по кафедре академика Седова. Только спустя много лет из воспоминаний другого академика – Андрея Дмитриевича Сахарова – Михаил узнал, что Леонид Иванович Седов участвовал в атомном проекте, занимаясь механикой взрыва, за что и был разнообразным образом вознагражден советской и академической властью.

Сразу после окончания мех-мата и Гриша, и Хабеас получили от Леонида Ивановича приглашение поступить в аспирантуру опять же на его кафедру. Приемный экзамен для своих избранников академик организовал следующим образом. Он пришел в аудиторию, где претендентам предстояло сдавать экзамен по специальности, отобрал своих ребят, сказав, что намерен проэкзаменовать их сам, и повел их в свой кабинет. Там он, по словам Гриши, поставил каждому из них по пять баллов и расписался в экзаменационной ведомости. Так элегантно Гриша взял первый важный профессиональный барьер – прямо – таки по щучьему велению, по Леонида Ивановича Хотению. Позавидовал ли ему Михаил? Да, но лишь немного и с восхищением – всякий бы так хотел устраиваться в аспирантуру, и хорошо, что та-

кая удача выпала другу Грише, раз уж не ему, ни в какую аспирантуру не поступающему. Если он попал не на мехмат МГУ, а на механико-технологический факультет ММИ, его возможности уже в силу одного этого факта в принципе отличались от возможностей выпускников кафедры Седова, ценимых шефом. Тут, в ММИ, все решалось по-другому. После возвращения из своих первых походных каникул на второй курс, Михаил не узнал института – в коридорах, на лестницах, переходах было не протолкнуться. Оказалось, в институт перевели инженерно-физический факультет какого-то Ленинградского ВУЗа, группы или факультет из физико-технического факультета МГУ в Долгопрудном, который в скором времени стал самостоятельным Московским физико-техническим институтом, инженерно-физические группы из МВТУ им. Баумана. Был срочно организован еще один факультет – № 4 – физико-механический. В этом новом составе групп институт просуществовал два года. Затем где-то наверху решили поручить институту подготовку специалистов по вычислительной технике. Реорганизацию провели очень быстро. На первом факультете учредили новые группы, а из состава старых перевели в них примерно половину студентов, тогда как других до конца третьего курса оставили в прежних группах.

По какому принципу производился отбор или перераспределение студентов, Михаил догадался не сразу. Успешность была тут явно не при чем. Но потом поступи-

ли сведения, что студенты трех групп прежней специализации будут переведены в МВТУ им. Баумана на четвертый курс тамошнего механико-технологического факультета, а сам ММИ будет преобразован и переименован в Московский инженерно-физический институт – МИФИ. Радости, прямо сказать, было мало. Ни один студент не выразил энтузиазма по поводу перевода в самый прославленный технический ВУЗ страны. Их родной институт собирались сделать еще более закрытым, чем до этого и, стало быть, переводимых в МВТУ студентов забраковали просто по анкетам. Что именно не понравилось органам, никто ничего не знал. Но тем, кто не желал переходить, пресекли всякую возможность остаться. Из всего состава переводимой части факультета отмотаться от перевода удалось только одному студенту, который незадолго до этого был переведен с инженерно-физического факультета.

В МВТУ из «новеньких» сформировали две группы для специализации в области прокатки и волочения. Марковская цепочка Михаила Горского преломилась еще один раз. Сама атмосфера нового учебного заведения показалась ему отличающейся в худшую сторону от ММИ. Дух казенщины, даже больше того намеренно бездушного отношения к студенчеству в деканатах и, что еще «интереснее» – в руководстве комсомольских бюро всех уровней – курсовых, факультетах и института просто бросался в глаза.

Нодеться некуда – надо было учиться и выживать в новых

условиях, где хозяева смотрели на вновь прибывших с подозрительностью и свысока. И в целом переведенные из ММИ студенты доказали, что они ни в чем не уступают коренным бауманцам, а скорее даже превосходят. Причину Михаил находил в том, что самостоятельность мышления в условиях ММИ, где дышалось посвободнее, развивалась в большей степени, чем в условиях МВТУ.

На пятом курсе состоялось распределение студентов по местам будущей работы. Михаила комиссия уpekла на Ташкентский кабельный завод, куда он все-таки благодаря усилиям тестя не поехал и получил новое назначение на Мытищинский «Счетчик». Это был новый излом Марковской цепочки – вместо работы по одной специальности предстояло трудиться по другой. Но, Слава Богу, как в ММИ, так и в МВТУ их готовили инженерами-механиками широкого профиля. Этот термин студенты демонстративно проносили врасстяжку, нараспев, сопровождая расходящимися в разные стороны движениями рук: «Я – специалист широ-о-окого профиля!». Профиль, конечно, и в самом деле был ОГО-ГО! – и позволял справляться с разнообразной работой, только счастья от этого что-то не было видно. Если бы ко времени работы инженером у него не созрело увлечение литературным трудом, дальнейшая жизнь складывалась бы еще тягостнее. Переехав с Леной и Аней от тестя и тещи из Мытищ в Москву, Михаил обзавелся, наконец, новой работой, как он полагал – ближе к серьезному инже-

нерному творчеству. Оказалось наоборот. Его Марковская цепочка снова изломилась в новом направлении. Общетехнические нормы авиационной техники, система чертежного хозяйства, система обозначений, разные положения, порядки и инструкции, регламентирующие деятельность конструкторов и производственные отношения. Важно ли было то, чем он по воле обстоятельств, поступив в ОКБС практически втемную, начал заниматься? Да, важно. Порой даже существенно важно. А интересно ли? За редкими исключениями – нет. А ведь отсюда выросла его профессиональная специализация фактически на все последующие двадцать пять лет, в течение которых он еще четырежды менял место работы, а Марковская цепочка от этого почти не изламывалась – шла почти по прямой, с легкими отклонениями то вправо, то влево – совсем как у Гриши Любимова от поступления на мех-мат до защиты кандидатской диссертации.

А вот у Гриши как раз после защиты диссертации произошли тематические изменения. Неугомонный ум академика Седова выбрал для себя и своей школы новое направление исследовательской работы – магнито-гидродинамические генераторы энергии, коротко – МГД-генераторы. Гриша вкратце объяснил Михаилу, что это такое. Плазма, то есть материальная среда, состоящая не из молекул, как газ, а из обломков молекул, обладает магнитными свойствами, и если ее поток прогонять между магнитными полюсами с обмоткой, она будет генерировать в обмотке электри-

ческий ток. Плазма обычно существует при очень высоких температурах – например, на поверхности солнца находится «холодная» плазма, поскольку в ней «всего» 20.000 0С. И вот теперь для практического осуществления нового способа получения электроэнергии необходимо теоретически и экспериментально выяснить, как ведет или может вести себя плазма в различных условиях, как моделировать происходящие в ней процессы, как ее изолировать, ну и так далее. Это Михаил уже понимал. Академик Седов начал со своей школой все эти работы настолько вовремя, что он явно опередил американцев, и оттого американцы с большим рвением звали работающих по этой проблеме русских, в том числе и Гришу, к себе на всякие научные мероприятия в надежде вытянуть из них побольше того, чего еще сами не знают. Платили американцы гостям за их «любезное пребывание» очень щедро. Гриша привез из командировки массу всякой всячины – и спортивное снаряжение и разную аппаратуру, и пластинки с записями музыки, которых здесь не достанешь, и еще разное шмотье. Пребывание в Америке он проиллюстрировал также с помощью своего собственного кинофильма и слайдов. По всему чувствовалось, что Гриша поднялся уже на очень высокую профессиональную орбиту. У Михаила не осталось сомнений, что докторскую степень Гриша заработает столь же стремительно, без задержек, как и кандидатскую. Успех Гриши был понятен и закономерен, с какой стороны на него ни взглянуть. Он точно по-

пал после школы в нужное образовательное учебное заведение к очень хорошему и дельному руководителю, постарался стать достойным представителем его школы, развивающим в частных направлениях общие идеи шефа, не выходя при этом за пределы отведенного сектора действий и демонстрируя благодарное подчинение шефу. Да и зачем ему, то есть Грише, было бы пытаться уходить от него или изпод него? Леонид Иванович Седов был ледоколом, проламывающим паковый лед по генеральному курсу, а свита его учеников разбивала обломки и расчищала фарватер для движения транспортных судов, нагруженных полезным грузом. Сам Гриша в одиночку такого никогда бы не достиг, и поэтому ему в заслугу следовало записать то, как он грамотно и точно выбрал стратегию своего поведения в том достаточно узком круге высокообразованных и успешных ученых людей, куда крайне неохотно пускают выходцев из других слоев общества, не соответствующих принятым в этом круге правилам хорошего тона независимо от того, талантливы они или не очень. Правильное отношение к корифеям, а также к их непосредственно приближенным лицам есть главный пропуск в возглавляемый ими круг. Гриша тщательно изучил эти правила и, соблюдая политес по всем его пунктам, был принят туда пока что на младшие роли. Это Михаил понял сам, когда узнал, что на майские праздники Гриша собирается в поход по реке Лопаспе. Заметив, что Гриша после этого признания сразу смутился и замялся, Михаил сказал,

что не собирается проситься в его компанию, но хотел бы знать, может ли Гриша достать ему на время похода палатку в спортклубе МГУ. Это Гриша исполнил с облегчением и радостью. В пути по Лопаспе они с Леной и Соломоном Мовшовичем в двух местах встречались ненадолго с Гришиной компанией, и Михаил удостоверился, что правильно представлял себе ситуацию в ней, а также и то, что это для Гриши важный коридор к обители высшей научной власти. Там действительно были пожилые деятели, не желавшие расставаться с престижным и полезным увлечением самостоятельными путешествиями по воде, позволяющими сохранять в душе ощущение молодости; при них находились гораздо более молодые люди, как мужчины, так и женщины, судя даже по мелочам, весьма хорошо воспитанные. Среди них и находился Гриша со своей невестой Таней, принадлежавшей, как показалось Михаилу, к данному кругу по происхождению. Все эти подробности Гришиных практических действий ради дальнейшей карьеры Михаил воспринимал без удивления и без огорчения. Ему было ясно, что Гриша действует по уму, а он и дан человеку не для того, чтобы им пренебрегали. Раз в той части общества, куда он считает полезным для себя попасть, приняты такие порядки, то лучше для последующего успеха соблюдать их, а не пытаться вламываться туда с помощью грубой силы, оскорбляющей членов этого избранного сословия самой непристойной грубостью ее природы. Но Михаил знал, что это лишь

одна трасса, ведущая в высшие слои научного сословия, которой решил воспользоваться Гриша. В параллель он подготовил на всякий случай и запасную – которая и при Сталине, и при ныне действующем Хрущеве обещала едва ли не более серьезные гарантии успеха. Это был не очень уважаемый (а то и совсем неуважаемый) путь к овладению научными высотами, смотря по тому, кто возглавлял научную школу – вполне лояльный и обласканный властью лидер, или едва скрывающий нелояльность, даже если и обласканный, поневоле терпимый в силу необходимости человек, но Гриша освоил и этот путь – партийно-комсомольскую карьеру. Он последовательно и целеустремленно становился членом комсомольского бюро курса, потом факультета и, наконец, был признан подходящим активистом для включения в состав вузкома МГУ – так назывался комсомольский комитет всего университета, имеющего права районного комитета ВЛКСМ. И это было единственным, что Михаилу действительно не нравилось в Гришином поведении. Все остальное он делал верно. Окажись Михаил на Гришином месте, он скорее всего по многим причинам действовал бы так же, как он. Только вот делать карьеру в науке с привлечением к этому органов власти и политических демагогов, которые науку рассматривали только в качестве инструмента, без которого не могла бы долго существовать в этом постоянно изменяющемся мире никакая власть (хотя для нее было бы лучше, если б она могла обойтись), ему, Михаилу, бы точ-

но было противно, а вот Грише – нет. Этот путь и его полезность был ясен ему со школьных лет. Но если в комсомол большинство вступало не из карьерных соображений, а просто ради ощущения полноты своего статуса в обществе (как в Германии мальчики и девочки точно по той же причине вступали в Гитлерюгенд), то уже во взрослом состоянии всем приходилось осознанно решать, хотят ли они продолжать быть (или хотя бы только считаться) активными проводниками бесчеловечной политики или нет. Эту важную точку принятия решения они с Гришей миновали разными путями. И опять-таки – это не стало поводом для того, чтобы разочароваться в Грише – просто это стало одной из многих причин, по которым жизнь разводила их по разным направлениям, пока они не перестали различать друг друга вдали. Несколько случайных встреч после этого были радостны для обоих, но в принципе ничего не меняли. Через одного из знакомых Михаил знал, что Гриша действительно стал доктором наук в то самое время, которое предположили они оба – один как заинтересованное лицо, другой – как любознательный наблюдатель. А потом и этот канал информации перестал функционировать, и Михаил лишь умозрительно пытался представить, когда Гриша станет членом-корреспондентом, но практически проверить свой прогноз не мог.

Лишь в возрасте семидесяти двух лет (значит, Грише должно было бы стать уже семьдесят три) он в каком-то ре-

портаже по телевидению, посвященном церкви барочного стиля возле Чистых Прудов позади главного почтамта, увидел беседу корреспондента с печального вида женщиной в очках, которая что-то говорила по поводу церковной проблемы, и вдруг внизу экрана высветились титры «Татьяна Баранович, прихожанка». Михаил знал, что выйдя замуж за Гришу, известная ему Таня Баранович, кстати, тоже постоянно носившая очки, не изменила девичью фамилию. Однако по происшествии стольких лет Михаил не мог определенно сказать, та ли это Таня, которую он знал, как Гришину жену, или другая, но все-таки больше склонялся к тому, что как раз та самая. Судя по тому, что репортер интервьюировал даму по церковному делу, она была выбрана для беседы не случайно, а как член, если так можно выразиться, «церковного актива». А что в России заставляет высокообразованную женщину-интеллектуалку регулярно посещать церковь, если не безвременная утрата дорогого человека, о котором безмерно скорбит, желая ему в то же время попасть сразу в Царствие Небесное, или если кто-то из близких настолько занедужил, что осталась надежда только на Милость Божию, поскольку все другие доступные средства исцеления не дали положительного результата. Скорбный вид прихожанки Баранович заставлял предположить скорее первое, чем второе.

– «Неужели Гриша?» – содрогнувшись, подумал Михаил. Неужели его школьный друг, часто служивший ему опе-

режающим примером, такой здоровой в сравнении с ним, Михаилом, в школьные года, раньше него покинул этот мир, который во время Гришиной сознательной жизни отнюдь не был для него скорбным, скорее наоборот – интересным, комфортным и приятным? Что могло ускорить уход такого человека, какая причина в доступном для понимания людей виде послужила тому, что такой все правильно понимающий и так правильно поступающий в жизни здоровый мужчина мог оказаться по другую сторону от того бытия, которое его вполне устраивало, причем скорее всего – до исчерпания его жизненных сил? Или Михаил все-таки что-то неправильно понял?

Значит, мысленно представляющаяся Михаилу картина заседания ученого совета на мех-мате МГУ по случаю вероятного присвоения ему степени доктора Honoris Causa (которую зять Толя в веселом и презрительном тоне именовал не иначе, как Ханурик Кауза) за простое доказательство теоремы Ферма с Гришиным участием осуществиться, скорей всего, уже бы никак не могла. А он-то уже мысленно представил, как с искренним удовольствием прилюдно обнялся бы с другом, ничуть не сомневаясь в том, что узнал бы его почти через полвека, независимо от того, кем бы Гриша ни стал – академиком, член-корром или просто профессором и доктором настоящего достоинства, а не Хануриком Кауза, как он, Михаил.

М-да. Жизнь в старости оставляет у человека все меньше

иллюзий. Вот и еще одна на глазах растаяла безвозвратно, если не считать, что сразу две: и Гришу Любимова, видимо, не обнимешь, и заседания никакого не будет, где тот мог бы присутствовать в качестве члена совета.

Ну, а если посмотреть на вещи шире – и притом прямо правде в глаза, то на самом деле следовало бы расстаться со всеми иллюзиями вообще: и родственными, и творческими, и социальными.

До того, как Света закончила Юридическую академию, Михаил с радостью и благой надеждой думал, что его внучка и воспитанница станет если не продолжательницей его дела (на такое он, честно говоря, все же не рассчитывал), то, по крайней мере, сделается его добровольной добросовестной душеприказчицей и издаст каким-либо образом его работы – как литературные, так и философские – в память о деде. Но уже следующие после окончания Академии годы не оставили камня на камне от его надежд. Не требовалось затрачивать много усилий, чтобы понять – дед скорее неприятная, зачастую ненавистная фигура в том раскладе сил, который имел место на домашней шахматной доске. С одной стороны, там стояли бабушка Марина, против которой Света не решалась изливать свое недовольство и зло, и дед Михаил, в отношении которого она уже не испытывала никаких моральных неудобств, а с другой, стороны находился столь милый ей альфонс, обладающий над ней магической властью, и сама Светлана, уже хорошо представляющая,

как ей строить свою дальнейшую самостоятельную жизнь, не допуская никакого влияния извне, особенно же со стороны деда с его давным-давно надоевшей всегдашней правотой. Когда власть альфонса над Светой иссякла под чарующим воздействием внезапно появившегося в ее жизни Антона, и отношения с дедом внешне как будто бы нормализовались, Михаил не очень расслабился – по меньшей мере – не в той степени, чтобы прежние иллюзии насчет Светы вернулись в его воображение. Он и раньше не готовил ее специально в свои восприимчивики, просто думал, что судя по развитию и расположению к нему девочки, потом девушки, так может получиться само собой. И впрямь – к этому были определенные «показания», как выражаются медики, но иногда, как шило из мешка, выскакивали и другие признаки, уже совершенно противоположного толка. До поры – до времени Михаил старался не придавать им большого значения, хотя они все-таки его огорчали, но потом оказалось, что это отнюдь не случайные выпоры шила сквозь материю благожелательства, а закономерные длинные, жесткие и острые колючки, выросшие из субстрата никуда не девавшейся после расставания с альфонсом и унаследованной от него ненависти и потребительской расчетливости, которую постоянно культивировала в ней мать. До известной степени Света была слугой и орудием двух чувств к деду – любви и ненависти то одновременно, то попеременно. В конце концов этот факт пришлось безоговорочно признать и Марине, пришед-

шей к аналогичному убеждению не в результате уговоров Михаила (он и не уговаривал), а в результате собственных наблюдений как за внучкой, так и за ее матерью (о последних она рассказывала мужу не всегда). Где уж тут было разбегаться в мечтаниях насчет того, как она сохранит духовное наследство деда! А на дочь Аню он и вовсе никак не рассчитывал ни до, ни после того, как разочаровался в Светлане. Какие иллюзии можно было питать в отношении человека, для которого суммарная ценность всего, что отец сделал в литературе и философии, значила меньше простого факта, сделали ли младшие дети – Поля и Коля – уроки на завтрашний день по всем предметам, или того хлеще – не сдвинет ли муж Толенька брови, узнав, что она как-то там хлопочет (собирается хлопотать) насчет сохранения духовного наследства тестя – ишь, умник выискался, ему еще в историю путь открывать! А кому она обязана посвящать все свои усилия? Может, думает, что не ему, не мужу? Для него и так нож острый в сердце сознавать, что кто-то умеет думать лучше, чем он. А она что? Об этом забыла?

Но нет – свои обязанности перед Толенькой и детьми, а также перед свекром и свекровью Аня не забывала никогда. А на другое ее и не оставалось.

Старший сын Тани, Антон, слишком долго напряженно учился под контролем матери в частной спецгруппе с лучшими преподавателями, которых только можно было достать за деньги для пяти учеников ради уверенности родителей,

что они сделали все, чтобы их дети стали великолепно образованными людьми. Три европейских языка! Два мертвых: латынь и древнегреческий, математика, литература, история, география, биология – все в исключительных объемах! А в итоге у парня отпало всякое представление о своей ответственности за собственные дела. Когда не стало каждодневной тирании матери в отношении его занятий, Антон отдыхал от них в полную меру. Он с таким удовольствием ничего не делал по программе, что дважды едва не вылетел из педагогического института, где вдруг испытал острое отвращение к ботанике, а затем и с философского факультета, куда его по большому благу определила мать, и где он прослыл таким шалопаем и лоботрясом, что только соединенными воздействиями Ани и бабушки Лены удалось убедить знакомого декана и заведующего кафедрой западной философии дать ему шанс еще раз сдать заваленный предмет. Неизвестно, чем бы закончилась его учебная эпопея, если бы на факультете он не познакомился и не полюбил лучшую студентку курса и гордость факультета Юлю, которая тоже его полюбила и взяла в свои умелые руки. И Антон сумел закончить полный курс факультета – притом очень неплохо – скорей всего потому, что вырвался прочь из-под материнского гнёта. Впрочем, и Аня вздохнула с облегчением, когда Юля и Антон поженились и стали жить абсолютно отдельно от родни с обеих сторон. Ни с какой философией их трудовая деятельность связана не была, а кормились они в рекламном

деле вполне прилично, и это их обоих устраивало, и больше им было ни до чего.

О младших внуках – Поле и Коле, хотя они уже стали старшеклассниками, наперед гадать было бы просто глупо. Поленька, прелестная юная особа, еще только погружалась в мир, суливший заинтересовать ее новым делом – любовью, а остальное ее занимало мало, да и то из-под маминой палки, а ее младший брат Коленька (или Николаша) пока даже до предощущения любви еще не дорос. И он не горел желанием заниматься уроками без маминого контроля, хотя она и любила его больше дочери. Можно было безошибочно сказать, что ошибка с воспитанием и образованием Антона мать троих детей ничему не научила. Она готова была повторять ее раз за разом с каждым из своих чад. В ней сидело что-то несгибаемое от бабушки Зины, матери Михаила, только помноженное на расширенные возможности обучения каждого ребенка, открывшиеся перед Аней в семье члена политбюро. Она не могла понять, что толку от образованности из-под палки не получится, а заинтересовать детей учением, как ни стремилась, так и не смогла – не хватало для этого ни фантазии, ни изобретательности.

Так что со всеми прямыми потомками в смысле наследования ему по духовной части был, как говорится ныне, полный абзац. То есть вакуум. То есть безнадега. Рассчитывать же на какую-то случайность (вдруг, например, преобразится Поля или Коля, о которых наперед еще ничего не из-

вестно) было несерьезно.

Оставалось смириться с тем, что написанные им труды могут проследовать, минуя человечество, по единственному адресу, зато по самому главному – Господу Богу, которому одному благоугодно было решать, пускать ли их в человеческий оборот или не пускать, а если и пускать, то когда. А потомки... А потомки ни на что не годились ни для кого, кроме самих себя и своих детей, от которых они тоже, скорей всего, ничего хорошего не дождутся.

Могут ли люди мечтать о наступлении лучших времен на Земле, точнее – смеют ли они об этом мечтать, если сами не стараются стать лучше, а с постоянной любовью к собственным персонам остаются такими же, какими они были едва ли не от начала времен? Михаил давно осознал, что нет, не смеют, и, собственно, только благодаря этому начал пытаться изменить себя к лучшему. Хвастать успехами в этом деле было почти что нечем, но все-таки некоторую поддержку себе не изнутри, а извне он определенно почувствовал. Это ощущалось по итогам многих поступков и событий, в основном не очень значительных, но заканчивающихся благополучней, чем можно было ожидать. Например, когда его однажды укусила гадюка, которую он даже не заметил в траве, он с помощью Марины обвязал ужаленную в палец руку, быстро опухшую и сразу же разболевшуюся, сырым болотным мхом – сфагнумом корнями к коже, и это сразу значительно уменьшило боль, хотя опухоль держалась долго,

а кожа пошла синевато – багровыми пятнами, напоминавшими о вероятности гангрены. В больницу он не поехал, наперед зная, что противоядия от яда гадюк там нет. Оставалось надеяться на Милость Божию, и она была явлена. Опухоль, пятна на коже и боль окончательно прошли в течение недели. И, сравнивая свое выздоровление с помощью моховых обкладок с тем, как ему удалось вылечить от укуса гадюки в голову своей тогда совсем молодой собачки Яны – а на это ушло два часа после того, как они с Мариной обложили Янину голову сфагнумом и прибинтовали, после чего Михаил остался держать Яну на руках, чтобы она не сорвала повязку – он понял, до чего людской организм и его защитные системы несовершенны в сравнении с собачьими, потому что за два часа у Яны полностью опала опухоль, собака повеселела, поела и пошла гулять!

Имели место и другие происшествия, исход которых вполне мог обернуться куда хуже, чем вышло на самом деле. Вот из всего – то этого Михаил и сделал вывод, что его старания удерживаться от сомнительных поступков и побольше трудиться, совершая благие дела, как бы ни были малы его успехи, все-таки неизменно оценивались благими воздаяниями, и в итоге он теперь гораздо лучше, чем прежде, представлял, какие его деяния угодны Богу, а какие нет.

Приближаясь естественным образом к последнему рубежу, Михаил все чаще сравнивал в мыслях людей своего поколения со следующими. Как и у большинства стариков во все

времена, его выводы в общем были не в пользу потомков. Отчасти это легко объяснялось тем, что дети обычно остаются должниками родителей, так же как те всегда остаются должны уже своим предкам. Но это была только одна сторона дела. Другая же никогда не становилась предметом пристального внимания – потомки слишком часто когда с безразличием, а когда и с яростью отвергали от себя духовные и культурные постижения и достижения предков, с легкостью пуская их в распыл или предавая забвению. Таковую обиду было труднее простить, чем долги детей и житейские знаки пренебрежения. Ведь по существу дети сами обкрадывали себя, причем по самым ценным статьям, даже не отдавая себе в этом отчета. Сиюминутное увлечение пустышками занимало их гораздо сильнее, чем ценнейший опыт прожитых и самооцененных жизней матерей и отцов, которым те от души хотели наделить чад своих, дабы лучше вооружить их против невзгод и уберечь от прегрешений для их же блага. Но вот по части готовности воспринять опыт предков у молодых сменщиков не происходило ни малейших подвижек. Наоборот – трещины между поколениями только расширялись – и притом все быстрее и быстрее. Если от библейских времен до девятнадцатого века и начала двадцатого возраст одного поколения составлял примерно двадцать пять лет, то с ускорением прогресса цивилизации и техники он снизился до семнадцати – двадцати уже во второй половине двадцатого века, а в двадцать первом грозил дойти до двенадцати.

ти – пятнадцать лет. И причина заключалась не столько в физической и гормональной акселерации детей новых поколений в сравнении с прежними, хотя, конечно, это тоже влияло, сколько в возрасте проявления неприятия и отвержения детьми ценностей из прошлых жизней – и прежде всего людского опыта, а также в том, что и родители все с большим трудом оказывались способны осваивать то новое и действительно ценное, что появилось в обиходе детей. Но и эти новые несомненные ценности часто несли в себе если не убийственные, то серьезно обедняющие натуру человека последствия. Если массовая автомобилизация грозила начисто отучить людей ходить пешком, то массовая компьютеризация и устремление людей общаться через Интернет с успехом выхолащивала из них проявления живых чувств, предоставляя взамен куцые стандартные символы – имитаторы живых эмоциональных реакций типа восклицаний «вау»!, «смайликов» и тому подобных убожеств, начисто убирающих трепетность из того, что можно ощутить при реальном личном общении или при чтении письма, написанного рукой от души. Да, самая интимная и дорогая сенсорная часть человеческого существа подвергалась все более безжалостному изгнанию из обихода, и никто не опасался, что таким образом люди сами затрудняют себе путь к счастью, если вообще не рискуют утратить возможность достижения такого возвышенного эмоционального состояния вообще, а без него какое может быть ощущение счастья? Вот по этому-то пара-

метру, по его неуклонному уменьшению предки и вынуждены были приходиться к неутешительным выводам насчет судьбы потомков. И если Лермонтов сказал: «Печально я гляжу на наше поколение, его грядущее иль пусто, иль темно», то относительно следующих поколений можно было бы смело добавить, что пустоты и тьмы в их жизни с ходом времени только прибавится.

Это в равной степени касалось богатых и бедных, образованных и неученых, культурных и бескультурных. Даже если кто-то внутри ощущал себя человеком прошлого века, все его социальное окружение не позволяло ему полностью посвятить свою деятельность жизни в атмосфере тех ценностей, которые были ему особенно дороги.

Социальный стандарт в отношении к каждому гражданину означал предъявление к нему вполне определенных конкретных требований как положительного, так и отрицательного характера почти ко всему, внутри чего человек существовал: к одежде (в зависимости от моды и места появления), к образованности, к поведению в различных ситуациях, к табу, которые предписано уважать, находясь в обществе, к самоограничениям, на которые рекомендуется пойти ради достижения всеобщего блага в будущем.

Однако стандарт почти всегда задавал только нижнюю планку того или иного положительного человеческого качества, а потому многие члены общества, освоив этот минимум, просто не находили нужным расходовать свое время

и силы для достижения большего – им уже и так всего хватало, и никто, точнее мало кто, понимал, что этого только КАК БУДТО хватает, потому что столь скудный минимум не может обеспечить пришествие Царствия Божия на грешную землю, в возможность которого люди так страстно хотели бы верить, а лучше сказать – так страстно хотели бы этого для себя. Нашлось немало наивных дураков, особенно у нас в России, которые согласились с наивными или же, наоборот, циничными и расчетливыми лгунами – пропагандистами, что для всеобщего счастья надо СНАЧАЛА построить соответствующий специальный институт и соответствующую специфическую социальную формацию, которая и позаботится, чтобы все ПОТОМ стали счастливы. Ну что ж, ничего не скажешь – попробовали. Строили царствие, но оказалось, не для себя, а для политбюро и всех структур, благодаря которым оно утверждало себя вопреки общественным интересам и благу. Терпели строительство светлого будущего под научным названием «коммунизм», долго, очень долго отказывая себе ради этого очень во многом, почитай – во всем, пока не изуверились в возможности возведения здания коммунизма, едва не похоронившего под собой массу рядовых подневольных строителей.

В чем же была главная ошибка и главная коренная ложь руководителей порочного социального переустройства мира, если отвлечься от их реальной поставленной перед собой цели – захвата власти над всем человечеством? А все в том,

будто можно кого-то сделать лучше и осчастливить со стороны, извне, тогда как единственный правильный способ мог быть только прямо противоположным – сначала всем (конечно, по возможности всем) делать лучше себя, изживая, выдавливая из себя по каплям раба и господина, завистника и ненавистника, зазнайку и спесивца, жадину и безмерного эгоиста – вот ПОСЛЕ этого можно получить, да и то лишь умозрительно, шансы на то, чтобы построить гармоничное общество Всеобщего Счастья. А когда во главе общества строителей коммунизма стояли гнусные эгоисты с неразвитыми, а то и вообще потухшими слабомыслящими мозгами, на какое гармонично развивающееся общество можно было рассчитывать? Только на такое, какое в разные времена описали Томазо Кампанелла в «Городе солнца», Джордж Орвелл в «1984 году», Олдос Хаксли в «Этом дивном прекрасном мире», Евгений Замятин в романе «Мы» и Андрей Платонов в «Котловане», «Ювенильном море» и других вещах, а в действительности – даже еще хуже – как у Солженицына «В круге первом» и в «Архипелаге ГУЛАГ», у Варлама Шаламова во всех произведениях, у Анатолия Жигулина в «Черных камнях» и у Олега Волкова в «Погружении во тьму». Так что о счастье народном – в смысле простонародном – лучше было бы не заикаться даже тем, кто как будто припеваючи жил при «развитом социализме» дорогого Никиты Сергеевича и дорогого Леонида Ильича, не говоря уже об императоре товарище Сталине.

Ну, а о «счастье», как будто легко достижимом для очень состоятельного человека в постсоветские времена, красноречиво свидетельствовал случай, о котором в одном из телевизионных ток-шоу рассказал пожилой врач, не то психиатр, не то психоаналитик. Его пациент находился в развлекательном круизном плавании на борту собственной яхты. По словам пациента, у него был «полон трюм самых красивых проституток», но однажды он вышел на палубу с бутылкой виски в руке, и вдруг ему стало все так отвратительно, что он со всего маху приложился бутылкой по мачте, вторым ударом вскрыл себе вену. Очевидно, в тот миг, когда он подчинился вспышке очевидности, которая высветила в его мозгу бессмысленность сразу всего: богатства, комфорта, развлечений, красивых продажных женщин и отпускаемых ими за деньги ласк, потому что во всем, чем он владел, не было ни настоящей любви, ни подлинного достоинства. То есть ничего такого, ради чего действительно хотелось бы продолжать жизнь и притом не нужно было бы взбадривать себя приятным шелестом долларовых банкнот, алкоголем и целой выставкой голых наемных женщин. Наверно, ему припомнилось, что он находился куда ближе к счастью, когда жил по-простому, ничего особенного не имея: ни роскошных машин, ни собственной яхты, а то и самолета, ни замков в Приморских Альпах и в Адалузии – короче, без всей той пыли, которая пудрит мозги тебе же самому, хотя на нее и слетаются всякие псевдо-друзья, охочие до халявы и денег,

услужливые специалисты любого профиля и поразительные красавицы, для которых ты желанный партнер до тех пор, пока у тебя не кончатся на них деньги или ты сам больше не захочешь им платить. Кто бы мог заранее заподозрить, что так получится, когда ты отринешь от себя существование в скудости и ограничениях и перед тобой распахивается весь мир?

Хочешь – и на тебе: Карибы, Багамы, Сиамы, Мальдивы.

Хочешь – и на тебе: сафари, жирафы, слоны, львы, кенгуру, анаконды.

Хочешь – и на тебе: водопад Виктория и Ниагара, Тибет и Гималаи.

– и все без какого-либо приложения усилий ног и рук, не переставай лишь отстегивать банкноты из толстых пачек. Долго ли все это сможет радовать тебя?

Заплатил – посмотрел всякую разную экзотику, среди которой жить не захочешь.

Заплатил – завладел движимостью и недвижимостью, которыми – это наперед знаешь – не сможешь пользоваться чаще раза в год неделю – другую.

Заплатил – и можешь пихать свой член в женщину куда захочешь, не интересуясь, понравится ли это ей или нет.

Но сколько же можно выносить такое? Все, что можно купить, достается без боя. Ничего не надо добиваться – либо вынимай из кармана кэш, либо пиши сумму прописью в чеке – и этого достаточно. А все, что не продается за деньги,

для тебя становится еще более недоступным, чем прежде: здоровье и бодрость без стимуляторов, любовь по влечению души и без корысти, культура и радость познания того, чему по естественному влечению посвящаешь себя и от чего ждешь не денежных дивидендов, а воспарения духа.

Когда-то кое-что из всего этого было с трудом, но доступно, а теперь нет – деньги хватко оттаскивают прочь от всего этого, потому что ты уже служишь не своим, а их интересам, одеваешься, питаешься и развлекаешься по регламенту, который предписывают они для таких же своих подданных, как и ты, потому что иное с их денежной точки зрения совсем неприлично. Деньги со всех сторон наблюдают за тобой, карают тебя, чтобы ты, упаси Бог, их не унизил: все должно быть самое дорогое: и особняки, и яхты, и бляди из самых шикарных борделей или из столь же дорогих ресторанов, где они дежурят в ожидании клиентов, подобных тебе. И попробуй не подчиниться этим уродским правилам – ты же в своем кругу окажешься чужим человеком. А почему все это ДОЛЖНО нравиться тебе, лично тебе, а не твоим деньгам? Почему на НИХ должен сойтись весь твой белый свет? Ведь и у тебя внутри под любой версачной одежкой сохраняется собственное естество, которое ты по какому-то дурацкому стечению внешних обстоятельств уже не имеешь права по-своему удовлетворять! Ведь даже не говоря о любивших тебя порядочных женщинах, разве не может дешевая начинающая бедствующая проститутка

дать тебе большее услаждение, чем женщина из заведений для элиты, которая получит от тебя несколько тысяч евро за ночь или несколько десятков тысяч за непродолжительную сексуальную сессию во время морского круиза? Не обязательно, но может – потому что у нее из-за вынужденности занятий этим делом еще не очерствела и не отлетела душа, особенно если она в тебе увидит человеческое к ней отношение, но ты себе и эту возможность пресек! Тебе не к лицу покупать дешевок!

Нет, неспроста пациент доктора из телешоу от ненависти к своему бытию, которое шаг за шагом пакостит ему имеющимися сверх – деньжищами собственную душу, ебанул бутылкой сначала по мачте, а потом по себе. У него имелись веские основания поступить подобным образом, только права такого не было – Бог, Создатель, не дал. А ведь допекли человека угнетающие мысли вроде бы не тогда, когда ему должно было бы быть особенно плохо – он все – таки совершал ненапряженное приятное плавание, дышал свежим воздухом, развлекался и «оттягивался» с женщинами, мог любоваться морем и видом острововкорочеотдыхать, а не работать ради умножения денежных запасов и собственности, то есть исхитряться обманывать, обдуривать кого только можно, ибо дополнительными деньгами в своем обиходе могут стать только чужие деньги после того, как ты их присвоишь. Вряд ли даже успешное ведение этого процесса может дать столько же удовольствия, сколько расслаб-

ляющее необременительное плавание. И все же – по видимости совершенно нормальный в прошлом человек предпринял попытку суицида, когда возможности приятного отдыха были далеко еще не исчерпаны. Как будто бы он, мягко говоря, поторопился, если уже был крайне недоволен всей своей жизнью – ну хоть дождался бы окончания приятной полосы перед тем, как возобновить опостылевшее существование, нацеленное на добывание денег. Однако вот и дожидаться не стал, не захотел.

Из каждой прожитой жизни посторонним людям можно извлечь какие-то ценные знания для себя, а те, кто прожил эти жизни, часто сами хотят наделить ими всех желающих, но в первую очередь своих родных и любимых людей, дав им выводы из собственного опыта и если не прямой полезный урок, то по крайней мере, толчок к многостороннему самостоятельному представлению ситуаций, с которыми неизбежно придется сталкиваться и справляться любому человеку. Однако редко кто из них протягивает руку, чтобы взять бесплатно отдаваемое с трудом нажитое чужое умственное достояние – ведь это всего лишь опыт и рекомендации, выведенные из него, а не деньги и имущество, от получения которых, по-видимому, никто бы уклоняться не стал. Плохо это? Плохо. Предостережения сторонних или родных людей ничем не помогут, ничему заблаговременно не научат. Следствием будут ошибки, которые можно было бы предотвратить. Но разве жизнь из-за этого остановится? Нет, без-

условно не остановится. Она пойдет своим чередом как шла до сих пор – в том же режиме накопления опыта каждым, но только или главным образом для себя. Откуда же взяться подлинному и зримому прогрессу всей человеческой породы?

Каждый новенький начинает танцевать все от той же самой, образно говоря, печки, от которой стартовали предшественники, а вовсе не от другой, на какую хотелось бы рассчитывать, чтобы сделать основательный шаг вперед.

И еще однопричем чрезвычайно важное! – что для большинства людей оставалось в их практике неизменным – иго труда. Как должны были люди, будучи животными существами, повседневно заботиться о пище насущной, так другими, не зависящими от этой низменной животной потребности они и не делались, если не считать индийских святых мудрецов – садхи, умеющих обходиться без еды. Тирания труда обязывала людей в принудительном порядке выходить на работу, когда удобно государству или другому работодателю, а не им самим. Это было очень похоже на то, к чему принуждают заключенных, отбывающих каторгу, только вместо вооруженного и немедленно пресекающего попытки к вольности конвоя их приковывал к своей «трудо­вой тачке» страх – самый обыкновенный страх остаться без средств к существованию, усугубить до непереносимого предела и без того непреходящие трудности текущего бытия. Да, эта пара труд-страх постоянно тиранила все челове-

чество везде, где бы оно ни обитало. Повсеместно требовалось искать, добывать, возделывать, транспортировать, продавать, руководить, воевать и истреблять каждому не сверхпривилегированному члену общества. В итоге все «выходили на работу» от царей и воротил бизнеса до рядовых рабочих, крестьян и проституток. И только некоторые из них – малая часть! – от пяти до шести процентов от общего числа трудящихся – работала с удовольствием, будучи увлеченными тем, что делают. Их не страшила работа – им было страшно другое – что их могут отлучить от дела на привычном излюбленном поприще. Впечатляющим представителем этой редкостной когорты людей был великий изобретатель, конструктор и аэрогидродинамик Ростислав Евгеньевич Алексеев, открывший эру кораблей на подводных крыльях и летающих над водой судов – экранопланов. Это был воистину мировой лидер, которому в собственном управляющем ведомстве чиновники во главе с министром Бутомой всячески вредили и препятствовали делать крайне важное государственное дело, а он его исступленно и фанатично продолжал, добиваясь неслыханных успехов, пока противники не нашли способ и повод покончить с ним раз и навсегда – отлучить его от руководства работами своего же, им же созданного конструкторского бюро, хамски передав его проекты другому лицу, подонку – и тем добиться, чтобы он умер еще во цвете творческих сил – всего лишь шестидесяти четырех лет от роду. Но это было далеко не единичное преступ-

ление верхушки власти подобного типа. У Михаила имелись серьезные подозрения насчет того, что и у творца – пионера космической техники Сергея Павловича Королева была по существу столь же горькая судьба. Его лрикончили с помощью операции, острой необходимости в которой не было. Саму операцию подготовили из рук вон плохо – не приготовили большого запаса подходящей крови, неправильно давали наркоз словом угробили в точности по тому же сценарию, который Сталин разработал для устранения Фрунзе, и которое было описано в «Повести непогашенной Луны» Борисом Пильняком-Вогау. Историю с Королевым Михаил знал из двух источников – из доверительного сообщения Оли, чей отец, профессор – терапевт, консультировал в кремлевской больнице, и из телевизионного выступления дочери самого Королева – врача по образованию. И к этому в недавнее время добавилось дополнительное знание насчет гибели выдающегося физика в области нелинейной оптики ректора МГУ академика Рема Викторовича Хохлова, судьба которого занимала Михаила в первую очередь потому, что он был еще и известным альпинистом. Раньше Михаил располагал только сведениями о том, что Рем Хохлов без должной акклиматизации отправился на восхождение на Пик Коммунизма (7495 м. над уровнем моря) – высочайшую вершину СССР. После выхода на заключительный участок пути он почувствовал себя очень плохо. Его сумели довести назад до Памирского фирнового плато, куда в свою очередь су-

мел приземлиться до предела разгруженный вертолет и эвакуировать его в больницу в Ош или Душанбе, где ему было бы не сумели оказать достаточно квалифицированную медицинскую помощь, отчего он и скончался, хотя его и успели затем живого довести из Средней Азии в Москву. Но эти сведения относились к 1977 году, то есть к «эпохе Брежнева». А через тридцать лет кое-у кого раскрылись рты, и клиническая часть этой истории стала после этого выглядеть совсем по-другому, да и предшествующая часть, относящаяся к самому восхождению – тоже.

Иван Богачев тот самый, который заявил в Федерации Альпинизма СССР, что не все члены команды мастеров под руководством Игоря Ерохина, в которую он сам входил, в полном составе взошли на Пик Победы (7440 м в Центральном Тянь-шане), как о том было заявлено, потому что старейшему в команде Ивану Галустову стало на подходе к вершине крайне плохо, и Ерохин отправил нескольких человек сопровождать Галустова вниз, когда до вершины оставалось всего метров 50 по высоте, после чего команда Ерохина подверглась административно-спортивному разгрому – так вот, тот самый Иван Богачев, оказывается, был другом Хохлова и его конфиденентом на последнем восхождении. Богачев в телевизионной передаче, посвященной памяти Хохлова, признался, что Хохлов сообщил ему по секрету (в палатке они были вдвоем), что перед отъездом в эту альпинистскую экспедицию его вызывал к себе второй человек

в КПСС – секретарь по идеологии Суслов – и провел с ним длительную беседу, говоря о том, что партия озабочена тем, что важные государственные и партийные проблемы решаются людьми, возраст которых не позволяет им в нужной степени соответствовать требованиям времени, и что назрела необходимость существенно омолодить командный состав. Сначала Хохлов решил, что в такой манере ему предлагают стать преемником академика Анатолия Петровича Александрова – Президента Академии Наук СССР, но все оказалось много-много серьезней – Суслов намекнул, что в Хохлове партия видит преемника генерального секретаря КПСС, дорогого Леонида Ильича Брежнева, уже очевидно впадающего в маразм. С этим Рем Викторович и отбыл на свое последнее восхождение, разумеется, не думая, о том, что оно непременно окажется последним, что, на взгляд Михаила, свидетельствовало о верности старой истины – «на всякого мудреца довольно простоты», хотя при желании и сам Хохлов мог бы догадаться, какой страшной опасности подверг его откровенный разговор с Суловым, в сравнении с которой блекли постоянные опасности высокогорья: лавины, обвалы, срывы, высотная горная болезнь и все прочее.

Брежнев не был бы Брежневым на высшем партийном и государственном посту в течение восемнадцати лет, если бы не знал, о чем ведут секретные разговоры его ближайшие коллеги по политбюро, а Андропов не был бы главой КГБ и секретарем ЦК по вопросам обеспечения гос-

безопасности, претендующим на пост генерального секретаря без аналогичных знаний. Надо полагать, что ни Брежнев, ни Андропов не оставили конфиденциальную беседу Сулова с Хохловым без соответствующего внимания. А когда Рему Викторовичу стало плохо на высоте и героическими усилиями его успели довести до больницы на вертолете (разумеется, как этого требовало положение VIP-персоны), за дело взялись, как оказалось, не какие-то провинциальные медики-неумехи, а специалисты высшей квалификации, обладатели богатейшего опыта в лечении подобных болезней, потому что больные такого типа к ним в руки поступали достаточно часто. И лечение стало быстро давать положительные результаты. После невольного пребывания в больнице у среднеазиатских компетентнейших медиков выздоравливающий Хохлов был по приказу из Москвы без консультации с местными врачами срочно перевезен в Москву, в Центральную клиническую (то есть кремлевскую) больницу, о которой весьма образно выразился в стихотворной форме поэт Александр Галич: «Пола паркетные, врачи – анкетные» – в смысле проверенные органами «от и до». И вот этими-то анкетными врачами в Москве было назначено совсем иное лечение, чем то, которое уже так хорошо помогало больному Хохлову – и об этом прямо заявила в той же передаче, где поделился своими откровениями Иван Богачев, вдова Хохлова, мадам Дубинина. Все ее попытки повлиять на их неправильное решение оставались без внимания. И де-

ло было успешно доведено анкетными специалистами от госбезопасной медицины до заказанного свыше – как Брежневым, так и Андроповым – конца. Рема Викторовича не стало. И больше некого стало предлагать взамен дорогого Леонида Ильича вразрез с интересами Юрия Владимировича Андропова, ставшего следующим Генеральным секретарем после Брежнева, правда, всего лишь на один год, пока у него окончательно не отказались работать почки – точно так же, как до этого окончательно отказались работать мозги у дорогого Леонида Ильича.

Как видно из истории с Хохловым, тайны кремлевского двора могли вылезти наружу с самой неожиданной стороны. Кто бы мог подумать, что спортивное увлечение альпинизмом может иметь серьезное значение в расчетах и интригах грязных и немощных политиков в ходе борьбы за сохранение или достижение высшей власти? А что же с Королевым, который на высокие должности в управлении страной и партией никогда не претендовал – прежде всего потому, что это было ему совершенно неинтересно? Его-то зачем было убирать, тем более, что его имя вне сферы его профессиональной деятельности было совершенно не известно стране? Просто он был всего лишь безымянным Главным Конструктором космических кораблей (правда, первые два слова в титуле с заглавных букв)? А вот зачем. Королев был могуч в сознании собственной правоты, несдвигаем и неуправляем, когда речь шла о готовности его «изделий» к запус-

ку к удобным с точки зрения коммунистической пропаганды срокам (обязательно к годовщине Октябрьской революции или к Первому мая), чтобы новые космические достижения СССР можно было подать всему миру как очередные подарки стране по случаю великого праздника. Королев мог и матом послать представителя ЦК и не принять прибывшего в ОКБ-1 генерального секретаря КПСС в своем рабочем кабинете, скрываясь от него «в цехах». Короче, слишком уж осмелевшего – до бесцеремонности! – Королева решили заменить кем-нибудь менее самостоятельным и послушным. А для этого удобнее всего было совсем его убрать. На радость Брежневу, ради удобства Андропова и на прямое благо «мирового империализма». Советская власть хорошо научилась избавлять себя от хлопот с самыми разными людьми, общей особенностью которых являлось одно: все они были увлечены своей творческой работой и реализовали свое высшее предназначение, к которому их призвали Небеса. Они являлись трудоголиками в высшем смысле этого слова, в максимально возможной степени используя свои дарования для того, чтобы распахнуть новые горизонты перед всеми людьми. Но их трудовой энтузиазм был бельмом на глазу у тех, кто занимался своими делами с достаточной долей отвращения и вовсе не хотел переутомляться, а что до открытия новых горизонтов – на это им было наплевать. Нет, конечно же, властям был чужд только тот тип трудоголиков, для которых это было желанное одухотворенное твор-

чество, а вот в трудоголиках, занятых на стереотипной работе, они, наоборот: постоянно нуждались, всячески прославляли таких, если их удавалось найти, призывая остальных трудящихся следовать их «доблестному примеру». Ну, а если не удавалось, «министерство правды» (по Орвелу) легко могло их выдумать и вырастить даже без пробырки и без экстракорпорального оплодотворения исключительно методами «самой передовой в мире» идеологии марксизма-ленинизма.

Конечно, отворачиваться от собственных талантов и гениев умели не только в СССР и России. Опередивший своих коллег американский конструктор танков Кристи не нашел понимания на родине и продал образцы своих машин большевикам, а те уж, приложив к американским находкам Кристи и свои советские мозги, сделали, отправляясь от приобретенного прототипа, свой знаменитый танк военного времени «Т-34». Роберт Оппенгеймер, не найдя в США поддержки своей идее создать атомную бомбу раньше германских нацистов, еще перед войной обратился с тем же предложением к советскому правительству в лице Сталина и Берии (в доме последнего Оппенгеймер жил в условиях полной конспирации, в чем признался сын Берии Серго, бывший на переговорах переводчиком). На беду или на счастье Оппенгеймера (как знать) Советы не нашли возможности в то время заняться атомным проектом, они сделали это потом, когда уже серьезно отстали от Америки, Англии и Ка-

нады, объединенными трудами сделавших ядерное оружие.

Но в СССР и России отказы в поддержке реализации идей самых умственно продвинутых граждан случались все-таки много чаще, чем где-либо в странах с европейской цивилизацией. Это даже переросло в особую социальную тормозную систему, ведущую роль в которой играли профессиональные импотенты – доносчики и ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ. Одних – как Вавилова, Чайнова, Флоренского уничтожили, других, как Туполева, Мясницева, Бартини, Королева и Глушко подолгу держали в тюрьмах, лагерях и шарагах, которых выдергивали из «легальной» советской почвы либо с корнями, либо скашивая верхушки, словно это были сорняки, а не полезнейшие культурные растения. Немалый вклад в дело истребления армейских кадров и целых соединений внес выдающийся советский полководец Георгий Жуков.

Новые сведения, благодаря которым Михаил значительно продвинулся вперед в понимании личности и поведения маршала Жукова, сначала относились как будто не столько к нему самому, сколько к генерал-лейтенанту Михаилу Григорьевичу Ефремову. Он командовал некоторое время Западным фронтом, но не сразу. С самого начала Великой Отечественной войны этот фронт под командованием генерала армии Павлова бесславно отступал от границы на восток через Белоруссию к сердцу Европейской части России к Москве. Немцы успешно делали блиц-криг, свою заплани-

рованную молниеносную войну. Для исправления положения растерявшийся было от паники до полной недееспособности товарищ Сталин снял с должности и арестовал генерала армии Павлова и с ним еще ряд генералов, ответственных, как он считал, за крах на Западном фронте. Все они в скором времени были расстреляны. Таков был один из итогов первого этапа войны, который иначе, чем позорнейшим поражением Красной Армии назвать было просто невозможно. А если взглянуть на самую первую фазу войны и ее истоки с несколько более высокой позиции, то дело обстояло так.

Несметная масса советских войск – пехоты, артиллерии, танков, самолетов с соответствующими складами боеприпасов и всевозможного военного имущества по плану «гениального вождя и учителя товарища Сталина» была придвинута к самой границе СССР с оккупированной немцами частью Польши, а также к румынской границе. Сделано это было для того, чтобы ударить по Германскому Рейху, как только он изготавится к прыжку через пролив Ла-Манш в Англию, и еще лучше – когда этот прыжок будет совершен. Гений Сталина полагал, что Гитлер не сумеет понять его вероломный замысел, поскольку эти двое вселенских злодеев заключили договор о взаимном ненападении еще в 1940 г, известный под названием «пакта Молотова-Риббентропа», который развязывал как будто руки немцам для военного разбоя на Западе без опасения за свои восточные тылы. Гитлер сперва вполне серьезно полагался на этот договор (на этом

основании Сталин считал, что обдурил Гитлера), но вскоре Гитлер узнал, что ему готовят чудовищный удар в спину, и в качестве превентивной меры нанес Советскому Союзу упреждающее нападение ДО того, как все стянутые к границе силы будут по-настоящему приведены в боевую готовность, доукомплектуются новой техникой и освоят ее. Опоздай Гитлер на месяц-два, как ОЧЕНЬ хотелось товарищу Сталину – и его участь могла бы быть решена очень скоро. Но Сталин спешил отмобилизоваться к войне так открыто, так грязно и безобразно (как по отношению к Гитлеру, так и к своим войскам), что вывел свои вооруженные силы, особенно личный состав, на стартовые позиции задолго до того, как можно было действительно стартовать (месяц-два – это было очень много!), и в результате опережающий гитлеровский удар пришелся по неорганизованным в достаточной степени советским частям и соединениям, по прифронтовым аэродромам, на которых была сосредоточена почти вся советская авиация, и по ближним тылам, где размещались командные пункты и всевозможные припасы. Ущерб Красной Армии был просто ошеломляющим. Введя в бой бронетанковые силы, немцы сходящимися глубоко проникающими в советские тылы клиньями взяли многие войска в оперативное окружение и дезорганизовали управление обороной, к которой, кстати сказать, советские доблестные полководцы и командиры совсем не были готовы – их учили только наступать. Итог разгрома был страшнейший, действительно ужа-

сающий: в первые же дни немецкого наступления были взяты в плен около трех миллионов красноармейцев и командиров, потеряно не менее восьмидесяти процентов военной авиации (в основном на земле), захвачены в огромном числе артиллерийские орудия (которые часто нечем было транспортировать), танки без заправки горючим, склады оружия и боеприпасов и другие материальные ценности от шинелей до сапог.

Эффективно противостоять немецкому натиску оказалось некому и нечем. Сталин впал в транс или в ступор, поняв, что не он обманул Гитлера, а Гитлер переиграл его. План кампании, целью которой был захват и советизация всей Европы, в одночасье рухнул в тартарары. Сталин это понял сразу, а его начальник генерального штаба советских вооруженных сил – нет. Получив известия о событиях на фронте, он тут же выслал всем фронтам новую директиву – перейти в наступление и разгромить противника на его территории. Этим молодцом был бравый генерал армии Жуков, незадолго до этого славно разгромивший японские войска в Монголии, в районе реки Халхин-Гол; и получивший за это звание Героя Советского Союза. На посту начальника генерального штаба он сменил маршала Бориса Михайловича Шапошникова, который еще в царское время стал полковником генерального штаба и в этом звании провоевал всю Первую Мировую войну, то есть был образованным и компетентным специалистом своего дела. Однако весь план раз-

грома гитлеровской Германии, захватившей со своими союзниками практически всю континентальную Европу, кроме нейтральных Швеции и Швейцарии, одобренный и утвержденный Сталиным, на практике реализовывал не он, а Жуков. И фактически, и юридически Жуков являлся правой рукой Сталина в военно-стратегических вопросах и, в немалой степени, даже его мозгом, а, следовательно, и столь же виновным в страшном разгроме советских войск почти во всей приграничной полосе, как и главный вождь. Было очевидно, что немцы во главе с Гитлером вчистую переиграли большевиков во главе со Сталиным не только в силу внезапности (которой не было, поскольку Сталина предупредили о дне нападения не только его надежнейшие агенты, но и политики – доброхоты от Черчилля до Чан-Кайши), высочайшей организованности и обученности германских войск, но и благодаря абсолютному превосходству мысли германского генштаба над советским. Каким бы ни был действительный уровень профессиональной военной компетентности генерала армии Жукова в канун войны – высоким или низким, а одно дело этот будущий «великий» полководец (впоследствии даже «величайший»), знал абсолютно точно: виновны в разгроме не Сталин и Жуков, боявшиеся привести приграничные армии в полную боеготовность и способность нанести противнику ответный удар, дабы этим «до времени не спровоцировать войну с Германией», а люди более низкого ранга. Командование всех уровней было

запугано угрозой расстрела каждого, кто посмеет спровоцировать нападение немцев (это уже заранее сделал своими директивами Жуков), и оно послушно не приняло никаких чрезвычайных мер для подготовки к боям, даже когда сама напряженность на границе, да и добровольцы – перебежчики от немцев яснее ясного давали знать, что удар состоится двадцать второго июня 1941 года. Чего ж тут было удивляться, что советские войска были застигнуты врасплох?!

Еще лучше Жуков представлял себе и другое – как только Сталин придет в себя после стресса, он тут же начнет искать другого виновника катастрофы, но никак не себя – величайшего вождя, безошибочно ведущего советский народ к победе коммунизма в мировом масштабе. А тут и искать-то никого, собственно, не требовалось – вот он – виновник, действительный, а не мнимый – начальник генштаба генерал армии Жуков. Это он представлял Сталину все проекты военных действий. Это он, когда вместе со Сталиным, а когда и только от своего лица, выдавал директивы в войска, в том числе и обязывающие их к фактическому бездействию, это он предложил разоружить укрепленную полосу вдоль старой советско-польской границы – ведь если бы она была цела, немцы сходу дальше «предполья» перед ней не проникли. Это он затеял реорганизацию управления военными соединениями, переведя армейские структуры и функции на корпусные при всем том, что корпуса были еще только на бумаге и штатной техники не получили. Это он отдал в вой-

ска абсолютно невыполнимую директиву перейти в наступление против немцев тотчас после учиненного ими разгрома, что прямо свидетельствовало о том, что Жуков не имеет никакого представления о реальной ситуации на фронте.

Все это даже не требовалось представлять как преступную некомпетентность, халатность, неинформированность, беспечность и глупость товарища Жукова – все это имело место на самом деле, и, стало быть, он, Жуков являлся главным кандидатом на чрезвычайную расправу.

Короче, лично у Жукова было гораздо больше оснований для ужаса, чем у товарища Сталина. Тот было испугался, что его соратники по политбюро сбросят его как обанкротившуюся политическую и государственную фигуру, но они, льстецы, лизоблюды и посредственности, не решились это сделать, и генеральный секретарь ВКП (б), оклемавшись, сделал себя Верховным Главнокомандующим, а рука его рефлекторно потянулась к карающему топору палача.

Что было делать Жукову? Ждать, пока его после пыток не потянут на плаху? Нет, это не годилось. Значит, надо было срочно найти других виновников вместо себя. Главная катастрофа произошла на Западном фронте, в «хозяйстве» генерала армии Павлова. У этого «испанского» героя в подчинении были главные силы вторжения, а Он их бездарно и преступно дал разгромить, потерял управление войсками, короче – стал предателем и паникером, деморализовавшим разрозненные и понесшие огромные потери, но все-

таки еще очень не маленькие по уцелевшему личному составу войска, непрерывно отступавшие сначала по Белоруссии и из Прибалтики, а затем и по российским просторам в направлении Москвы и Ленинграда. Нет никаких сомнений в том, что именно так, спасая собственную шкуру и трясущееся от страха нутро, начальник генерального штаба Жуков твердым голосом докладывал товарищу Сталину. По не вполне понятным причинам товарища Сталина ТАКАЯ постановка вопроса удовлетворила. То ли потому, что кроме Жукова он уже не видел вокруг себя других способных военных деятелей (а тот совсем недавно хорошо проявил себя на Халхин-Голе), поскольку в припадке паранойи сам отправил в расход или заключил в лагеря не менее девяноста процентов прежнего подготовленного высшего командного состава от маршалов Егорова, Блюхера и Тухачевского до командиров полков включительно.

Даже если из остатков старых кадров на службе и остались способные в воинском отношении люди, они были запуганы и деморализованы репрессиями, бушевавшими к ним вплотную и уже ни на что не годились в качестве инициативных командующих (этого-то Сталин как раз и добивался). А Жуков, гляди-ка, на Халхин-Голе не растерялся. Прибыв туда, он сразу кого надо расстрелял, бездарностей, допустивших создание угрожающего положения для советско-монгольских войск, с помощью Сталина изгнал за пределы театра военных действий – вот и поправил дело, дав наступа-

тельный импульс войскам. Может, ему снова такое удастся?

Да, вождь с усами мог поверить в вероятность повторения такого сценария. А что ему, собственно, оставалось делать? Не маршала же Тимошенко, рубаку и пулеметчика, ставить во главе генштаба, хоть он и нарком обороны. И уж тем более не Ворошилова и Буденного. Первый провалился еще в войне с Финляндией. А второй так и остался сидеть в кавалерийском седле в сопровождении пулеметных тачанок против танков – одно горе с этими «умниками» в современной войне.

У Сталина в пользу Жукова мог найтись и еще один мотив – уже не военный, а политический. Если вину за отступление (разумеется, за отступление, а не за полный разгром!) возложить на Павлова и окружавших его генералов, это послужат остальным фронтовым командующим хорошим назидательным уроком и в то же время не создаст у народа впечатления о том, что плохо не на одном Западном фронте, а везде – от Черного моря до Баренцева, тогда как в случае обвинения в неудачах самого главы генштаба всему советскому народу станет понятен уже другой, гораздо более убийственный масштаб сокрушительного поражения Красной Армии.

И Сталин принял жертву, подсказанную Жуковым. Павлов и ряд других генералов из его подчинения были убиты сначала морально, затем физически – причем навсегда. Жуков, пока был жив, не позволял никому даже пикнуть что-

то насчет их посмертной реабилитации, тем более, что и помимо него оставалось полно заинтересованных лиц, чтобы ничего в этом деле не пересматривать.

Однако, почти невероятно, но факт, что даже в этой чудовищной обстановке почти тотального разгрома советских вооруженных сил имели место и события совсем другого характера, причем и выявились люди, не поддавшиеся страху нарушить своей воинской подготовленностью директиву Жукова, запретившего таким путем «провоцировать» немецких фашистов, не впавшие в ступор перед появившимся противником, и без промедления ответившие ударом на удар.

В первую очередь это относилось к наркому военно-морского флота адмиралу флота Николаю Герасимовичу Кузнецову и его главному военно-морскому штабу. Он отдал в самый канун войны на свой страх и риск в связи с очевидностью неотвратимой угрозы военного нападения Германии директиву всем западным военным флотам СССР: Черноморскому, Балтийскому и Северному – дать отпор немцам всей мощью их оружия. Результат был налицо: при «внезапных» воздушных нападениях гитлеровской авиации на военно-морские базы Советского флота никакого серьезного ущерба ни кораблям, ни береговым сооружениям нанесено НЕ БЫЛО. Этот отпор агрессору, данный со стороны флота, находился в разительном контрасте с тем, что творилось почти повсеместно на сухопутье и должно было рассматри-

ваться не иначе, как обвинение в адрес Жукова и пощечина его «победоносной» репутации (пройдет время, и уже после войны Жуков Кузнецову за это хорошо отомстит). Воспользовавшись тем, что итальянским боевым пловцам из команды князя Валерио Боргезе удалось взорвать в Севастопольской бухте трофейный итальянский линкор «Джулио Чезаре», получивший в СССР новое имя – «Севастополь», а из-за глупого, бездарного поведения адмирала Пархоменко, который находился на борту «Севастополя» и отменил приказ дежурного офицера дать ход и посадить линкор на мель, линкор остался стоять на месте, пока не перевернулся вверх килем и через некоторое время затонул, унеся под воду многие сотни людей в трюмах корабля, поскольку Пархоменко не разрешил эвакуировать экипаж, а сам отделался легким испугом. Его даже не разжаловали. Зато стараниями министра обороны Жукова Кузнецов был смещен с должности военно-морского министра и понижен в звании из адмирала флота Советского Союза до вице-адмирала).

Другим примером положительного характера, уже на сухопуте, надо было считать успешные наступательные действия армии Юго-Западного фронта под командованием генерала-лейтенанта Андрея Андреевича Власова. В то время он еще отнюдь не являлся предателем родины, а как раз наоборот – был предметом гордости Красной Армии. Основной задачей Юго-Западного фронта был захват нефтяных румынских месторождений в Плоешти, без продукции кото-

рых Германия не могла бы продолжать войну. Дело заключалось вот в чем. Своих месторождений немцы не имели, и поэтому вынуждены были поить моторы самолетов, танков, подводных и надводных кораблей, автомобилей синтетическим жидким топливом, которые получали путем перегонки угля. Но даже искуснейшие немецкие химики не сумели создать технологию получения искусственного жидкого топлива без добавки в него какой-то доли натуральной нефти.

Именно на этом направлении советские войска 22 июня 1941 г перешли в наступление, и оно шло вполне успешно, пока ситуация на их правом фланге не стала угрожающей – там наши войска быстро отступали, и над наступающей армией Власова нависла серьезнейшая угроза оказаться в окружении глубоко в немецко-румынском тылу. Пришлось прекратить наступление и срочно начать ретираду. Она была проведена организованно, грамотно и успешно. Генерал Власов твердо управлял своими войсками, и это сразу было отмечено Сталиным. Потом руководимые им войска отличились и в битве под Москвой. После этого Власов стал очевидным кандидатом на пост командующего усиленной Второй Ударной армией, которой была поставлена задача деблокировать Ленинград вместе с отрезанными от главных сил войсками Ленинградского фронта, согласованными встречными ударами по немцам с двух сторон. Судьба этого наступления с юга на север сначала складывалась весьма удачно. Ар-

мия, имеющая огромный конный транспорт, легко прошла по зимнему времени лесами и болотами через немецкие порядки и стала быстро продвигаться по неудобьям для техники в сторону Ленинграда, но, дойдя до линии железной дороги, захваченной немцами, была остановлена прочной обороной, а в это время тылы Второй ударной были отрезаны немцами от остальных советских войск. Началось бесперспективное пребывание армии Власова в котле. Встречного удара по немцам со стороны Ленинградского фронта также не получилось. Немцы активных действий против Второй ударной не предпринимали, даже без особых препятствий пропускали в котел свежие дополнительные войска, но обратно их уже не выпускали. Да и товарищ Сталин по совету своего заместителя по Верховному Главнокомандованию Жукова вовсе не хотел идти навстречу настоятельным требованиям Власова разрешить возвращение к своим из котла до того, как армия перемерет от голода. Пока что ее спасали тела павших от голода лошадей – это был единственный источник питания, но, когда, уже весной 1942 г. начались теплые дни, конина окончательно испортилась, и продовольственный вопрос достиг величайшей остроты. Но и в этих условиях Сталин не торопился спасти голодающую армию от бессмысленной смерти, а Жуков, его заместитель, тем более. Он уже не был начальником генштаба. Этот пост снова занял с июля 1941 года маршал Шапошников, крайне больной человек, на прием к которому генералы записывались только после

санкции товарища Сталина. Какова была позиция Шапошникова по вопросу вывода Второй Ударной армии, Михаил не знал, но какую позицию занял на этот счет Жуков, у него никаких сомнений не было – точно такую же, какую он занял по отношению к армии генерал-лейтенанта Михаила Григорьевича Ефремова, брошенной в наступление под Вязму и там попавшую в окружение как благодаря усилиям немцев, так и благодаря плохому взаимодействию с другими армиями, брошенными Жуковым в наступление, но остановившимися раньше Ефремова.

Ефремов, видимо, не случайно продвинулся дальше своих коллег в немецкую оборону. Каков был по своим качествам полководца этот генерал, пожалуй, больше и лучше слов свидетельствует один факт. После снятия и ареста генерала армии Павлова его разгромленный Западный фронт из отступающих войск и из свежих подкреплений возглавил генерал-лейтенант Ефремов, и именно при нем под Смоленском было впервые остановлено и задержано на целый месяц наступление немцев на Москву. Тем, кому не ясно из этого события его стратегический значимости для ВСЕГО дальнейшего хода войны, надо пояснить следующее. Немецкие генералы, разрабатывавшие план войны с СССР, предупредили Гитлера, что добиться победы можно будет, только выиграв молниеносную кампанию в течение летнего-раннеосеннего сезона. Затяжная война с Советами выиграна быть не может. Гитлер согласился со своими стратегами, очевид-

но, вспомнив также опыт Наполеона, и утвердил план победоносного блицкрига. Так вот – именно в Смоленском сражении, продлившемся целый месяц, и был похоронен блестящий план молниеносного захвата Москвы и западных областей Европейской части СССР. После Смоленской битвы самые умные из Германских военных аналитиков, несмотря на многие новые крупные победы вермахта, уже знали, что концом войны будет полный разгром Германии.

Как должен был реагировать Жуков на эту в высшей степени важную стратегическую паузу в немецком наступлении, выигранную у противника под руководством генерал-лейтенанта Ефремова? А очень просто в соответствии со своей натурой. Лучше всего было бы приписать этот успех себе, но прямо не получалось – Западным фронтом в этот период командовал Ефремов, а не Жуков, и Сталин конечно, это прекрасно понимал. Тогда Жуков убедил Сталина срочно создать между войсками Западного фронта и Москвой новый – Резервный фронт. Оба они понимали, что Ефремову против массы переброшенных против него новых немецких войск долго под Смоленском не продержаться, что линия фронта раньше или позже (но скорее раньше) будет все-таки прорвана, и тогда останавливать немцев будет уже негде и нечем. Резервный фронт был срочно создан, и Сталин поставил Жукова на пост его командующего. После прорыва Западного фронта немцами, его отступающие, но ещецелевшие части были влиты в Жуковский Резервный фронт,

который тотчас снова стал Западным. Этим формальным актом Жуков узаконил свои исторические претензии на ключевую роль собственной личности в проведении Смоленского сражения. Большого для себя он пока что получить от Ефремова или вместо Ефремова не мог. А свое положение будущий Маршал Советского Союза в это и отчасти в последующее время представлял, тем не менее, как не больно-то прочное. У Сталина перед глазами вместо всего одного-единственного способного генерала-полководца Жукова-теперь маячили и другие фигуры, о которых он, памятуя приграничную катастрофу, так и не прикрытую полностью трупом Павлова, вполне мог подумать, что они даже способнее Жукова. Кто? Да те же генерал-лейтенанты Ефремов, Власов и очень хорошо показавший себя под Москвой генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский – бывший комдив Жукова, когда тот был всего командир полка. Что с этим было делать? Ну, ладно, под Москвой все эти трое были под начальством Жукова, и все их суммарные успехи он считал себя в полном праве приписать лично себе. Но так можно было вполне замолчать только роль Рокоссовского, тем более, что он был ранен и находился на излечении, в то время как у Ефремова и у Власова имелись и другие заслуги, которые при всем желании Жукову нельзя было приписать себе. И вот в ходе успешного Советского контрнаступления под Москвой Жуков вдруг понял, что у него есть отличный шанс поломать очень уж хорошую репутацию

генерала Ефремова. Всем советским наступающим армиям в то время многого не хватало, но на просьбы и требования Ефремова присылать ему боеприпасы и продовольствие должной положительной реакции не было. Поняв, что в этом случае армия умрет в окружении без всякой пользы для Родины, Ефремов настаивал на разрешении пробиться назад к своим, пока у него есть еще кто-то и что-то. Жуков требовал оставаться там, где армии Ефремова уже невозможно было оставаться. Историки установили, что в ходе обмена мнениями подчиненного Ефремова и командующего Жукова последний не поленился записать в служебной аттестации Ефремова, что он недисциплинирован, неисполнителен, неинициативен в роли командующего армией (чтобы и дураку было понятно раз не справляется как следует с армией, куда уж ему управлять фронтом?). Наконец, когда положение в армии Ефремова стало совсем отчаянным, Жуков разрешил отход. Естественно, тогда уже было поздно. Голодные, обмерзшие, почти без боеприпасов войска уже не могли вырваться из окружения через немецкие боевые порядки – у противника благодаря Жукову было вдоволь времени, чтобы хорошо подготовиться к отражению прорыва. Ефремов был ранен, а когда стала ясна прямая угроза попадания в плен, он застрелился. Немецкий генерал, командовавший войсками на этом участке, приказал похоронить вражеского генерала с воинскими почестями в знак признания его исключительной боевой доблести и в назидание собственным

подчиненным насчет того, как надо воевать и умирать.

Жуков, естественно, похоронил Ефремова без салюта, зато окончательно и навсегда. А то, что доблесть генерала Ефремова была столь высоко оценена врагом, можно было аккуратно интерпретировать и в несколько ином духе: «а не была ли Ефремовым проявлена доблесть в адрес противника и в ущерб собственной армии?»

Теперь все внимание было перенесено на Власова. Жуков прекрасно понимал, что мобильность Второй Ударной армии на конской тяге очень относительна. Да, она позволяла идти сквозь леса и по подмерзшим болотам, из-за которых немцы и не удалялись от захваченных железных дорог. Но чем можно было кормить в таком наступлении массу лошадей? Столько фуража, сколько надо было иметь на несколько недель глубокой и тяжелой операции, они, то есть лошади, везти на санях не могли – в них были люди, боеприпасы, продовольствие для людей, а сено – разве что для подстилки. Единственное усиление, которое могла себе позволить в рейде по такой местности Вторая Ударная армия, была артиллерия – полевые пушки еще царского образца калибра 76 миллиметров. Для преодоления прочной немецкой обороны вдоль железных дорог (а в том, что она прочна, сомнений быть не могло) ни мощности огня такого орудия, ни числа стволов было явно недостаточно, что и подтвердилось на практике. Гибнувших с голодухи лошадей постреляли, пока они еще годились для еды людям. Это поз-

волило Власовской армии держаться внутри котла дольше, чем армии Ефремова. Ну что ж, Жуков готов был подождать с разрешением Власову на прорыв из окружения дольше, чем Ефремову. Перспектива бессмысленной гибели второй армии второго его конкурентного врага его нимало не беспокоила, лишь бы рядом с ним не оказалось военного специалиста, способного показаться Сталину более умным и дельным стратегом, чем Жуков.

Сценарий устранения «пищевого конкурента», как сказали бы зоологи, был уже успешно апробирован на Ефреме-ве. То, что его армия погибла, Сталина не очень удручило – у него уже столько армий сгнуло на разных фронтах и в разных котлах, что одной больше – одной меньше особой разницы для него не составляло. На этом фоне потеря еще одной, правда, очень крупной Власовской армии, тоже не выглядела уж очень крупной катастрофой. Тем более, что еще перед началом рейда Второй Ударной Жуков успешно осуществил кабинетно-штабную операцию: с его подачи Сталин возложил координацию взаимодействия этой армии с войсками Ленинградского фронта на совершенно бездарного маршала Кулика. Таким образом за срыв стратегически важной операции по деблокаде Ленинграда в случае чего должен был отвечать не Жуков, а Кулик. А тут еще и сам Власов помог, так что даже не потребовалось портить ему служебную аттестацию – он сам ее начисто перечеркнул.

Надо думать, отличающийся большими умственными

способностями Власов знал об участии Ефремова и понял, по чьей воле она таковой получилась. Примерить ефремовскую ситуацию к своей персоне не составляло труда. Без всяких слов было ясно, что Кулик никакого встречного удара по немцам со стороны Ленинграда не организует – и сил там для этого не хватало, и Кулик со своим военным «дарованием» не внушал никаких надежд на то, что он способен будет сделать что-нибудь «по уму». А поняв, ради чего была послана на бессмысленную гибель его Ударная армия и что за всем этим в критический для Родины час стоит гнусное эгоистическое честолюбие одного генерала, который мечтает стать величайшим полководцем, но умеет только одно (не считая Халхин-гоа) – присваивать себе чужие победы и успехи, пододвигая к гибели их настоящих авторов. И этот анти-патриот, душегуб собственных войск, несмотря ни на какие свои сверх – художества остается в чести у тирана-хозяина страны, которому все равно, во что обойдется народу его победа! Нет, таким гнусным варварам, истребителям народа своего и собственной армии, человеку с умом и талантом служить невозможно – это просто противно природе вещей. Жуков ждет, что он застрелится, как Ефремов? А с какой стати? Лишь бы больше не было препятствий для продолжения успешной жуковской карьеры? Это насколько же надо не уважать себя, чтобы лить воду на мельницу этого мерзавца, да еще и добавить в эту воду собственную кровь?

Известно, к чему привели размышления генерал-лейтенанта Власова в канун катастрофы, постигшей большую часть войск его Второй Ударной армии. Он не застрелился, а сдался немцам в плен и – больше того – стал идейным врагом большевистского сталинского строя и пошел на бесперспективный для него самого сговор с врагом, предложил создать из ставших военнопленными из-за бездарности Сталина, Жукова и иже с ними русских людей, которые массами умирали с голоду в немецких лагерях, Российскую освободительную армию (РОА) с командными кадрами исключительно из русских же офицеров и генералов. Этот план был принят и одобрен Гитлером. Власов стал командующим РОА, произвел в лагерях агиткомпанию и набор военнопленных в воинские части РОА и решил до конца посвятить себя борьбе с людоедским большевистским строем в родной стране. Набором людей в РОА он в первую очередь спасал их от голодной смерти. Немцы не спешили выставлять части РОА на фронт против советских войск, как об этом принято думать со слов советской пропаганды. Им настолько покуда не доверяли – очевидно, в первую очередь, потому, что весь командный личный состав был там русским сверху донизу. Параллельно немцы на базе советских военнопленных создавали и части другого типа – в них командный состав был уже немецким, но и на эти части советские пропагандисты перенесли клеймо «власовцев». Да, предателями Родины с точки зрения советской воюющей стороны были

и те, и другие – что действительно власовцы, что и немецкие части из русских солдат. Но если первых немцы на фронте почти не использовали, то вторых бросали в самое пекло очень часто. И тогда они сражались отчаянно настолько, как и самим мастерам военного дела – немцам – не снилось. Это они, в частности, в глубоком тылу после советского окружения держали больше месяца город Бреслау, хотя Власов и РОА тут были ни при чем.

Зато Власов и РОА оказались очень даже причастны к другой важной операции, о которой советская пропаганда как в рот воды набрала. Когда в начале мая 1945 г. восстала против немцев Прага, и на подавление восстания были брошены эсэсовские части, вовсе не войска 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева разгромили эсэсовцев – они просто не успевали завершить свой бросок через Судеты до того, как немцы уничтожат восставших, взывавших о срочной помощи – это сделали войска РОА, настоящие власовцы во главе со своим генералом. Потом все они были захвачены в новый плен, и судьба их была решена. Кого ждал расстрел, кого каторга в сталинских лагерях, а Власова после военного суда – смертная казнь по тому образцу, который использовал Гитлер для заговорщиков против своей персоны, устроивших неудачный взрыв в «Волчьем логове», где располагалась гитлеровская ставка, Главные участники покушения были тогда повешены за челюсть на мясницкие крючья, и это так понравилось Сталину,

что он именно данный способ мучительного умерщвления взял на свое вооружение и применил его как к Власову, так и к старому знакомому по Гражданской войне – к белока-зачьему генералу Краснову – этот когда-то лично противо-стоял великому вождю советского народа во время обороны Царицина. По слухам, тот же способ покончить с изменни-ком Родины Пеньковским был санкционирован и преемни-ком Сталина на посту высшей власти Хрущевым.

Гадать в настоящее время, могла ли быть организована операция по деблокаде Ленинграда более основательно, с хо-рошими шансами на успех, а не так, когда на убой посла-ли армию Власова, теперь вряд ли актуально, но ясно од-но – без большой концентрации техники такой, как артил-лерия, авиация и танки, победа была невозможна, что и по-казала реальная успешная операция по прорыву блокады в 1944 году. Героическая, но как оказалось, бесполезная эпо-пея по удержанию войсками Ленинградского фронта плац-дарма на Невской Дубровке на левом берегу Невы, обо-шлась советским войскам, так и не превратившим этот плац-дарм в стартовую позицию для нанесения немцам удара на-встречу армии Власова, по оценкам специалистов, примерно в 500.000 человеческих жизней – там с конца войны и до сих пор все раскапывают и раскапывают слой за слоем остан-ки воинов, оказавшихся на этом насквозь простреливаемом пяточке всеми видами немецкого оружия. Слава Богу, Вла-димир Путин – старший, отец президента Российской Фе-

дерации, побывавший в этом аду, после полученного ранения был переправлен через Неву к своим и сумел выжить, но подобное счастье обломилось немногим. В основном люди там пропадали с концами. Выходит, не иначе, как чудом России повезло получить от Владимира Путина – старшего сына и нового правителя, оказавшегося способным управлять страной при выводе ее из пике, в которое она свалилась при переходе страны от «социализма» к капитализму.

Ну, а что стало в стране победившего капитализма с репутацией главного наградоносца советского времени (не считая дорогого Леонида Ильича Брежнева) – четырежды Героя Советского Союза маршала Жукова? А ничего плохого. Она была лишь укреплена в сознании многих граждан путем очень простенькой операции – Жукову, помимо всего, что он с помощью своих мемуаров издание за изданием приписывал себе сам – пропагандисты советского милитаризма, который прав и победоносен «всегда и везде» – переписали на личный счет Жукова буквально все, что только числилось прежде за самим товарищем Сталиным. Большинство генералов и офицеров, уцелевших на войне и доживших до глубокой старости, именно потому и сохранились, дожили до новой эпохи, что мало бывали или совсем не бывали «на передке», зато, возглавляя разные ветеранские организации, провозгласили именно Жукова величайшим полководцем современности.

Им не было дела до того, что солдаты, знавшие безразли-

чие великого маршала к их жизням, называли его по-солдатски же точно и прямо мясником. В своих мемуарах Жуков не писал, что имел обыкновение гнать пехоту в атаку за атакой на неподавленные пулеметы и артиллерию, прогонял войска колоннами по минным полям, довольствуясь «восхитительным» аргументом – что потери при этом не больше чем от пулеметного огня (этой ценной мыслью он поделился с оторопевшим генералом Дуайтом Эйзенхауэром). Он не сознался в мемуарах, что именно им, по его инициативе, две трети советских войск были сосредоточены на Центральном фронте, который в 1942 г под его руководством так и не сумел не то что вышвырнуть немцев за пределы России, как обещал Сталину, но даже и Ржева не взял (его немцы сдали только в 1944 году), в то время как две трети своих сил вермахт бросил на Сталинград и Северный Кавказ. Это по его стратегической «милости» страна во множестве больших и малых военных операций потеряла больше 14.000.000 людей на полях сражений (по словам товарища Сталина, заявившего Черчиллю, что каждый Божий день СССР безвозвратно теряет 10.000 человек, в то время, как союзники не чешутся открывать второй фронт, а война-то длилась 1.410 дней!). Если Сталину нести такие потери было не слишком жалко (хотя именно ему надлежало думать о восполнении убыли резервами), то Жукову как военному надлежало думать о сбережении войск, относясь к ним хотя бы как к дорогостоящему инструментарию. Но нет, он

и на войне этим пренебрегал, и после войны тоже. Не верите? А зря! Ради чего ему понадобилось в бытность министром обороны при Хрущеве в порядке эксперимента на Тоцком полигоне пропускать через зону поражения после ядерного взрыва целых пятьдесят шесть тысяч военнослужащих разных родов войск в качестве подопытных животных, чтобы посмотреть, как факторы ядерного поражения сказываются на войсках! Ну, что ж – сказались. В большей части случаев не мгновенно, но все равно убийственно. Из этих подопытных мало кто долго прожил. Зато любознательность людоеда была удовлетворена. Все это было известно издавна. Но вот о том, что великий или даже величайший маршал современности не только смело, мужественно и отважно бросал на убой свои войска (почему на убой? Да потому что минимум на четырнадцать миллионов наших боевых потерь немцы потратили не более трех миллионов своих жизней! это ли не постыдно!), но и сам мужественно дрожал за собственную шкуру и храбро защищал ее от близости более даровитых военных, создающих неудобный контраст для его дальнейшей карьеры, не щадя при этом не только самих полководцев, но и их армии! А если с кем-то так обойтись не удавалось, можно было отодвинуть кое-кого в сторону от уже подготовленного успеха, как например, он, подговорив Сталина, добился перевода маршала Рокоссовского с 1-го Белорусского фронта на 2-ой Белорусский фронт, когда тем была уже организована операция «Багратион», открывавшая путь на Бер-

лин (при этом Жуков еще дополнительно ограбил и без того слабо обеспеченный 2-ой Белорусский фронт на правах заместителя верховного главнокомандующего, чтобы Рокоссовский уж никак не сумел бы «выпендриться», а тот все-таки ухитрился. Адмирал Николай Герасимович Кузнецов, несомненно виновный в глазах Жукова в том, что большинство первых городов –героев – Одесса, Ленинград, Севастополь – стойко держали оборону благодаря в первую очередь флоту, поэтому стал ему особенно ненавистен. Признать, что это было так, Жуков был органически неспособен – ведь это ощутимо «отщипывало» от него как от величайшего полководца часть ЕГО славы. Потому им была пущена в ход логическая инверсия – это флот слишком дорого обходился советской армии, а вовсе не флот был краеугольным бастионом, об который враг обламывал себе зубы. К его сожалению, до адмирала Кузнецова он добрался только после войны – но ведь добрался же! И почти сумел стереть в памяти потомков следы славной деятельности этого военного моряка и стратега. Чуть-чуть только не повезло – Николая Герасимовича все-таки после разжалования восстановили в высшем звании адмирала флота Советского Союза, но здоровью его эта жуковская акция обошлась очень дорого.

Вот так, шаг за шагом ковалась несокрушимая репутация величайшего из полководцев. Сомнения в его величии уже явно следовало считать государственной изменой. Ибо Жуков был везде, а там, где появлялся Жуков, дости-

галась победа. В этой атмосфере безудержного восхваления не то что «вякать», но даже и думать о том, все ли так славно было в итоговой биографии «величайшего гениального стратега», как о том в голос кричат записные патриоты на каждом шагу, было опасно. Настоящему гражданину и патриоту своей великой Родины стало просто не к лицу думать иначе, чем в согласии с официальной версией, уже десятки лет внушаемой обывателям. И в отступлениях, и в наступлениях этот гений военного дела терял минимум в три с половиной раза больше солдат, чем немецкий противник – в том числе и тогда, когда Жуков обладал многократным преимуществом над врагом в артиллерии, танках, самолетах и боеприпасах, как было, например, во время Берлинской операции. Нет, право слово, было бы незаслуженным подарком маршалу Жукову присоединиться к хору его односторонних восхвалителей и почитателей. Раз уж они хвалят своего кумира, не находя ни в нем, ни в его репутации ни малейших изъянов, то пусть и хвалят ЗА ВСЕ, за ВСЮ его развернутую деятельность.

А если так им будет неудобно или неловко интерпретировать факты, которые не вяжутся с каноническим образом исполина целиком из нержавеющей стали, с несокрушимой волей без страха и упрека, что ж, пусть проходят мимо неприятных фактов, а мы не будем.

Жуков много сделал для страны, это так. Только вот чего больше – хорошего или плохого, полезного или вредно-

го для армии и для страны? У него были огромные возможности развернуться – действительно как ни у какого другого маршала и полководца. А что выходило? Затяжная, кошмарно изнурительная война вместо разгрома врага в первом же приграничном сражении. Везде соотношение наших и немецких людских потерь в среднем около пяти к одному (только на Халхинголе у Жукова получилось наоборот – там наши потери к японским составляли один к трем). Везде, где командовал лично Жуков во время Отечественной войны, преобладали лобовые атаки пехоты на пулеметы вместо маневренной борьбы техникой, огнем и людьми. И не надо защищать Жукова тем доводом, будто в первые два года войны войскам ничего не хватало – оттого и затыкали все дыры людьми. Воевать стало нечем по Жуковской вине – весь арсенал почти даром достался противнику или был им истреблен. И если Советский Союз выстоял и победил Германию, то не благодаря военному гению Жукова, а вопреки тому, что он делал, потому что его воля и ум прежде всего порождали горы трупов своих людей против скромных холмов трупов противника. Выходит, это главное мерило величия «нашего лучшего» полководца – сколько он положил своих, а не чужих? В саморекламе Жуков достиг действительно феноменальных результатов, в оттирании конкурентов от их достижений – тоже, фальсифицируя историю под гром оваций, аплодисментов и панегириков в свой адрес. Этому надо было положить конец, дабы не питать по-

томков отравленной пищей. Жуковские поклонники кричат, что они свидетели! Отчасти – да. Но и мы свидетели и современники войны. Это к нам, в наши семьи, не вернулись миллионы фронтовиков – отцов, дедов, дядей – и десятки миллионов других невоенных людей, которые погибли в войне и из-за войны. У нас тоже есть право голоса, а уж у Истины – тем более.

А для того, чтобы показать, что Михаил в своих представлениях о Жукове, его действительных поступках и исторической роли не одинок, Михаилу помогли реально воспоминания, реальные свидетельства современников самого известного советского маршала Жукова, к тому же совершенно компетентных в вопросах вооруженной борьбы с фашистским воинством. Они изложили своё виденье фактов по телевидению.

Первый из этих свидетелей – генерал авиации Попков, Дважды Герой Советского Союза, в некотором смысле прообраз главного героя известного и удачного художественного фильма «В бой идут одни старики» комэска Титаренко.

Личное «знакомство» тогда еще простого офицера и будущего генерала Попкова произошло тогда, когда он воевал в воздухе на Сталинградском фронте. Обстановка на фронте, как на земле, так и в воздухе, в 1942 году была адова. Немцы господствовали в небе как за счет того что наших в небе было мало, а их много, так и за счет того, что туда были специально направлены подразделения, состоявшие

из гитлеровских летчиков – асов. Лично у Попкова на тот момент на боевом счету было шесть сбитых немецких самолетов. Это не помешало Жукову вызвать Попкова и ряд других успешно проявивших себя в боевом деле пилотов для гнуснейшего разноса. Прежде всего представитель ставки Верховного главнокомандующего Сталина и его заместитель Жуков обвинил их в трусости, что было для них прямым незаслуженным оскорблением. А чтобы у них не возникло желания протестовать, Жуков тут же заставил их присутствовать при расстреле ряда офицеров, обвиненных в невыполнении приказа «стоять насмерть». После этой показательной казни Жуков добавил живым офицерам еще один «стимул» для боевой активности военных летчиков: приказал НЕ ЗАПИСЫВАТЬ сбитые ими немецкие самолеты на их боевой счет. Более низкую подлость трудно себе вообразить.

Много лет спустя после войны Попков, глядя прямо в глаза «великому маршалу», спросил Жукова, как же он позволил себе такое, и Жуков ответил: «В тот момент я не видел другого решения». И это была правда. Он вообще ни в какой момент своей военной карьеры не находил иного решения кроме сдобренных матом угроз расстрела или разжалования в угоду своему сверхраздутому убеждению в собственной храбрости и мудрости, не говоря уже о бесконечном честолюбии.

И об этом очень ясно говорит другой свидетель – Екатери-

на Катукова, медицинская сестра и боевая подруга, а затем и жена первого гвардейца в Советском Союзе Дважды Героя Советского Союза маршала бронетанковых войск Катукова. Екатерина Катукова практически всю войну была неразлучна с генералом Катуквым.

Во время операции советских войск по захвату Берлина в апреле 1945 года танковая армия Катукова входила в состав войск Первого Украинского фронта маршала Конева, которая должна была зайти во фланг и тыл немецкой группировки в районе Берлина, чтобы обеспечить окружение города. В канун решающей операции Катукovu позвонил лично маршал Жуков: «Катук, сделай так, чтобы Конев не смог быстро продвигаться», на что сразу понявший в чем суть дела – чтобы Жуков мог стать единственным полководцем, взявшим Берлин и соответственно присвоил себе все победные лавры – Катук без промедления ответил: «Вы, товарищ маршал, и Конев тоже маршал. Вот и решайте кому, что и как делать между собой». – «Ах ты, мать-перемать, – тут же услышал Катук, – да знаешь, что я с тобой сделаю? Все звезды с тебя снимаю, мать-перемать!...» – на что последовал ответ Катукова: «Не вы мне звезды давали, не вам их и снимать!»

В итоге операция войск Конева, располагавшего куда меньшей численностью и средствами усиления в сравнении с Первым Белорусским фронтом под командованием Жукова, принесла гораздо более серьезный результат и была про-

ведена Коневым с большими, но всё-таки вдвое меньшими потерями в сравнении с войсками Жукова, который, начиная со штурма Зесловских высот, положил за шестнадцать дней до окончательного взятия Берлина 108 тысяч человек, побуждая свои войска к победе во чтобы то ни стало к празднику Первого мая, но войска сломили немецкую оборону только второго мая.

Вот так, даже в своей последней заключительной операции во Второй Мировой войне Жуков к желанной дате готов был класть в могилу сколько угодно своих солдат, лишь бы никто другой не смог бы претендовать на победные лавры. Свои потери не заботили его всерьез никогда.

Постепенно у Михаила созрело убеждение, что на самом деле прогресс любой цивилизации был вовсе не связан со всеобщим свободным процветанием всех людей под ее крылом. Да, как правило, свобода обеспечивала гражданам общества повышение уровня материального благосостояния, но в других аспектах прогресса в том же обществе могло не быть либо никакого, либо он мог даже сменяться регрессом. Самым прискорбным неотъемлемым спутником материального процветания в современную пору стал упадок культуры в массах. Это не значило, что перестали появляться новые достижения в области науки, культуры и просвещения, однако это значило, что очень большая их часть не усваивалась обществом и не делалась достоянием большинства нормальных граждан. А причин такого положения

вещей было две. Люди, в массе довольные своей обеспеченностью, ничем больше и не интересовались, кроме улучшения комфортности своего существования за счет получения новых вещей и благ – это во-первых. Власти «свободных» стран отнюдь не способствовали тому, чтобы плоды умственного труда творчески активной части общества в максимальной степени внедрялись в общественный обиход, будь то новые социальные идеи или теории, фантастические, но трудно осуществимые проекты, глубокое, заставляющее критично и самокритично относиться к действительности искусство и литература, и вообще все, способное само по себе возбуждать и беспокоить общество, угрожая стабильности жизни в нем это во-вторых.

Невосприимчивость и властей, и самого социума к большой доле производимых в его недрах интеллектуальных и культурных ценностей становилась внешним тормозом для деятельности инициативных творцов, когда обнаруживалось, что столько всего полезного основная масса землян просто не освоит: у нее не получится прослушать столько песен, концертов, симфоний, ей нельзя будет просмотреть столько спектаклей любого жанра, не удастся прочесть всех книг и реализовать сразу все предложенные изобретения – даже если все они хороши, приятны и полезны. Общество и без такого бешеного изобилия уже зашкаливает от психо-эмоциональных и умственных перегрузок – куда же тут еще! Нет, сверхмерные блага мысли и духа – это вообще

не для всех, что уже было очевидно давно, судя по отношению большинства членов социума к этому изобилию. А потому бессмысленно, то есть на самом деле вредно поощрять рост продуктивности обладателей беспокойных мозгов, которая может вызвать только нежелательный резонанс в массовом сознании. Ох, как прав был в оценке будущей ситуации Олдос Хаксли, прорицая, какими способами власти будут сохранять стабильность в «этом дивном прекрасном мире»! В лучшем случае потенциальных возмутителей общественного спокойствия ждет бескровная ссылка в дальние ненаселенные края, изоляция и забвение. В худшем – уже по советским сценариям – оголтелый террор.

А в качестве транквилизаторов ненужной творческой активности массам можно предлагать попу вместо искусства и физкультуру и экстремальный спорт, участие в религиозно-ритуальной деятельности разрешенных властями конфессий, развлекательное телевидение, кино и немного чтения – по преимуществу тоже развлекательного. Так что ласковость социал – коммунистических обещаний проявляется и здесь, в лозунге: «Каждому по потребностям, от каждого – по способностям». Ведь потребности всегда удастся регулировать сверху, а способности сверх необходимого «оптимума» (определяемого опять же властями) следует либо консервировать, либо отсекать.

Нет, определенно мечта человечества о пришествии Царства Божия на Землю к реальному воплощению в практике

именно того человечества, которое сейчас населяет планету, была определенно не пригодна для осуществления. Идеалы райской жизни в действительности опрокидываются на каждом шагу даже теми, кто их знает и даже провозглашает их вслух. Когда это соответствует эгоистическим интересам властителей, они делают вид, что провозглашают эти идеалы не только для себя, но и для всех, однако когда это им не выгодно, они попирают их без малейшей задержки и сомнений с цинизмом, который они великодушнейшим образом «не замечают» за собой, а прощают себе вранье и вовсе без всякой задержки.

Те редкостные святые люди, у которых практика жизни не расходится с их высокими идеалами – вроде Франциска Асизского или Матери Терезы – которые как будто бы годились для основания улучшенной породы людей, по иронии судьбы (но скорее по Прямому Промыслу Божьему) давали обет безбрачия, и потому потомства иметь не могли, а самих их Господь за их совершенство безвозвратно забирал к Себе, в лучший Мир, о котором мы как толком ничего не знали, так и не знаем. По всему этому видно, что побуждать людей становиться лучше, чем они есть, кому-то еще удастся, а вот добиться принуждением, чтобы они стали лучше, не удалось еще никому.

И с чего бы после этого ждать от своих детей и внуков какого-то особого почтения к тебе, тоже, мягко говоря, далекому от совершенства? Ты был должен – и остался дол-

жен – своим родителям, а они, потомки, в свою очередь останутся должны тебе, и будут, вроде тебя, питать какие-то иллюзии насчет пиетета в свой адрес со стороны своих детей, пока сами в канун перехода в Мир Иной тоже не поймут, что напрасно на это надеялись. Что, надо плакать по этому поводу? Нет, лучше обойтись. Тем более, что жизнь по причине дисгармонии между предками и потомками никогда не прекращалась. Всё, знаменующее отношения между поколениями, таким образом, было, есть и останется неизменным. Нравится ли нам такой порядок вещей – это уже другое дело. Но нас об этом не спрашивают, просто дают возможность уклониться от действующего стандарта не только в худшую, но и в лучшую сторону. Если последнее нам иногда удается, уже можно говорить о большой жизненной удаче. Конечно, это еще не само счастье, но немалый шаг к нему. А если за этот удачно и правильно выполненный шаг дается еще и любовь, на которую ее объект отвечает взаимностью, а непреодолимых барьеров между любящими нет, то это уже настоящее, полноценное счастье, вполне осмысливающее прожитую жизнь! О Большем, видимо, и мечтать бесполезно: дети будут жить сами по себе, внуки – тем более, а потому посвящать себя кому-либо до конца, кроме любимого человека, любящего тебя, бесполезно, да и не имеет смысла. Однако посвящать себя какому-либо благу призванию надо всегда. Не уважать в себе Дар Божий столь же преступно, как и профанировать любовь. Можно оспаривать

справедливость законов, выработанных людьми, но нельзя воображать, что человеку по силам улучшить Законы Божественные, которые, кстати сказать, он еще и не удосужился осознать в полном объеме, тем самым еще раз доказывая, что тягаться с Божественной Мудростью ему никак не к лицу – ни по уму, ни по своим представлениям о справедливости и несправедливости той участи, на которую он обречен. Естественно, каждому хочется в целом легкой и приятной жизни, но если жизнь в действительности совсем не такова, и человеку хочется возопить: «Господи, за что?!», об этом все-таки лучше сначала спрашивать не Всевышнего, а себя самого.

Это очень сложная, во многом неприятная работа – рассматривать собственные поступки, как вольные, так и совершенные по принуждению, с разных сторон: со своей и противника, с личной и с общественной, с восторженной и с трезвой. Возможно, хорошо попрактиковавшись в этом разностороннем рассмотрении любого желания, любого процесса, любого предмета мысли, удастся хоть в какой-то степени успешно постигать Божественный Промысел и Справедливость того, что происходит по Воле Творца.

Старая русская пословица гласит, что кашу маслом не испортишь. Точно так же трудно испортить себе правильное представление о жизни во всем, что в ней есть, проявляя взыскательность к себе и критичность в собственный адрес. Но и этим неприятности для желающего правильно мыслить

человека не исчерпываются – после получения верного, истинного представления о себе надо будет учиться делать себя лучше и добиваться успехов в том, чтобы не соблазняться кажущимися выгодами, если не все ясно с тем, во что это со временем обернется. Обуздывать себя в страстях и желаниях надо сейчас, а позитивный эффект это может дать лишь потом, да и то без гарантии, что он непременно будет достигнут.

Глава 18. Эпилог.

Считается – и вполне разумно – что истинность теории проверяется ее соответствием практике, то есть тому, что происходит в действительности независимо от желания автора теории. Но человеческая жизнь, насколько можно судить, не описывается никакой определенной теорией, известной людям. Они способны абстрагировать для себя лишь некоторые фрагменты истины на основе своих наблюдений, но, главным образом – на основе анализа своих ошибок и прегрешений. Собственные ошибки были и остаются главным материалом, побуждающим к переосмыслению своего поведения и к выработке новых правил своего поведения ради достижения личного прогресса в любом аспекте бытия – в духовном, мыслительном, чувственном, телесном, если действительно есть стремление делаться лучше, чем прежде.

Но у нас есть весьма ограниченные возможности для верной самооценки – критерии, которые мы привыкли использовать для этого, трудно считать надежными и незыблемыми. К ним больше подходит другое определение – желаемые, а желаниям – то как раз очень часто сопутствуют нетерпение и заблуждения.

Потому-то итоговую оценку своей жизни на этой Земле каждый человек получает от своего Создателя после то-

го, как он пройдет ее. Персонажи, действующие на арене данной книги, могли бы быть разделены на три категории. К первой можно отнести тех, кто уже определенно закончил свой земной путь, ко второй – тех, кто пока еще не достиг все равно неизбежного перехода в Мир Иной, к третьей же тех, чья судьба не известна автору или не сочинена им в подкрепление его представлений о сущности жизни – выдумка же здесь не всегда уместна. Из литературных жизнеописаний не должно торчать каркаса схематических конструкций, чтобы это не вредило убедительности литературы в том, что в ней действительно соответствует жизни. А в ней – то как раз происходит всякое. Из четырех близких, но не родных братьев Михаила Горского, остался в живых один Сергей. Родные братья Михаил и Владимир Горские, а также Марк Нилендер покинули этот мир раньше самого старшего из них. Все они успели проявить свои способности к творчеству и доказали, что эти способности были не даром им даны. Михаил Петрович Данилов – обладатель универсального энциклопедического ума, в том числе приложенного к ряду практических задач – при более внимательном к нему отношении со стороны всего человечества наверняка сумел бы сделать больше того, что успел передать людям до своей кончины. Еще раньше всех них скоропостижно скончался прекрасный человек и походный друг Михаила Коля Кочергин.

Александр Вайсфельд успел сделать для себя много тако-

го, что в первую часть его жизни казалось ему правильным и удачным, а в завершающей части – нет, хотя именно в ней у него появилось убеждение насчет того, в чем он мог бы найти истинную гармонию, но познать ее в достаточной полной мере ему уже не удалось.

Прилепин из потенциально пригодной для творчества личности превратился всего лишь в непрерывно действующего курильщика и алкоголика явно на почве гнетущего его представления о провале своих надежд на крупные успехи в науке – и умер он раньше, чем успел воплотить хоть что-то из вертящихся в его голове мыслей. То же самое внутреннее разочарование постигло и Виктора Титова-Обскурова, вообще говоря, далеко не лишеного способностей, но употребившего их только на осуществление своих карьерных планов и на получение садистских удовольствий. Его снесло и таки догрызло властолюбие, когда он уже потерял над другими людьми всякую власть.

Свояк Михаила Горского – свекор его дочери Ани, бывший член политбюро ЦК КПСС, в заключительной части жизни успел сделать главное: деятельно и целеустремленно привести власть своей партии к полному краху.

За это в высшей степени богоугодное дело он был удостоен столь же Великой Милости Небес ему было Дано скончаться буквально на полуслове, когда он увлеченно развивал какую-то мысль и совершенно не думал о смерти. Вряд ли можно представить какую-то иную более явную и значимую

награду человеку за его благой жизненный труд. (Кстати, это произошло на глазах у дочери Михаила Ани). Суловым, Брежневым и Андроповым ничего похожего не обломилось.

Во все более редящем привычном человеческом окружении, хочешь – не хочешь, надо рассматривать и свою кандидатуру на выбывание. Всякое сообщение об очередной кончине кого-то из близких или знакомых, как бы оно ни было грустно само по себе, уже не вызывало ни особой жалости к судьбе покойного, ни чувства облегчения, что пока это все-таки кто-то другой, а не ты, потому что на самом деле надо было жалеть остающихся без дорогого им человека, и на передний план выдвигался вопрос: а когда же ты? Долго ли еще Господь Бог будет придерживать тебя здесь, где пока не всё вокруг изменилось для тебя до неузнаваемости? Или другой – еще страшней первого: как жить, если останешься без самого любимого человека? Или каково придется ему, если он останется один без тебя? От этих мыслей действительно становится мучительно. На фоне такой тревоги все остальные беспокойства просто меркнут.

И тем более перестают занимать отношения с теми, кто не был особенно близок. Если ты и прежде на них не больно-то рассчитывал, то теперь и вовсе не сможешь. Даже если они в прошлом не раз рассчитывали на тебя и ни разу не пожалели об этом.

Слава Богу, Михаил убедился в том, что ждать каких-то значимых проявлений благодарности от своих под-

чиненных по большому счету не имеет смысла, еще задолго до того, как понял то же самое насчет детей и внуков. А к чужим по духу людям особых чувств у него и так не возникало никогда.

Саша Бориспольский в роли директора скромного информационного института пробыл не очень долго, вряд ли больше пяти-шести лет. По какой причине от него отвернулась удача, не было известно, но Саша из-за этого не унывал, что, пожалуй, даже делало ему честь.

По-видимому, он больше не посещал кружок авгуров от информации, который сложился вокруг Антипова, но из-за этого тоже не страдал! Зато он снова сомкнулся поближе со своими давними друзьями, от которых несколько отделила его прежняя высокая должность, и даже дважды приглашал Михаила с Мариной к себе на день рождения. Там все было почти как в давние времена, разве только без Саши Вайсфельда, хотя и с Ламарой.

Однако не только Марина, но и Михаил, знавший присутствующих куда дольше ее, не испытывал на этих встречах особого воодушевления. Разговоры в компании повторялись старые, уже неоднократно выслушанные. Единственным обновлением в них оказывались сведения о новых европейских и азиатских горно-лыжных курортах, на которых за «отчетный год» побывали хозяин дома и некоторые из его гостей. Судя по их разговорам между собой, они являлись людьми, довольными своей жизнью. Конечно, они хорошо представ-

ляли себе, что с другими, причем большими, деньгами они могли бы жить еще лучше, но и так получалось хорошо и интересно. А что до науки, которой они вроде бы служили, исходя из внутренних побуждений, то она действительно работала им на пользу, у кого-то отчасти занимая мозг, как, например, у Вити Белозерова, или у самого Александра Бориспольского, который читал лекции по курсу информатики в гуманитарном университете и благодаря своей докторской степени получал максимально высокие деньги за труд. Но вот наука от них в ответ получала либо совсем мало, либо совсем ничего. Да, обычно они знали то, что другие научные работники узнавали раньше их и БЕЗ них. Но на новации по существу никто из них не оказался способен. В силу амбиций они на словах покушались на это – а как же иначе! – но задача оказывалась неподъемной, а ум слабоват. Критицизма хватало всегда, и надо сказать, власть от них получала свое по заслугам. Скептицизма к научным новшествам хватало тоже, но абсолютно без всякой критики и на ура встречались модные и модерновые штучки, если они порождались в тех кругах и слоях, которым, по мнению людей типа Бориспольского, только и могла принадлежать монополия на прогресс – все остальное находилось за пределами правового поля. В этом они были внутренне убеждены. Зато ораторствовать по любому поводу они любили и умели. Наблюдая за бывшими младшими по возрасту коллегами, Михаил с усмешкой думал о том, что им было бы уместней занимать-

ся парламентаризмом, чем наукой, но, несмотря на их явную пригодность к работе в говорильне, они все-таки не сделались циниками в той степени, чтобы стать завзятыми политиками и заинтересовать собой обладателей денежных мешков, ищущих рупоры для публичной защиты их интересов. Они везде застревали на полдороги, кроме как в своем кругу. Вот там они были почти сами собой, но тем не менее, оставаясь несвободными по всем статьям, за исключением одной – свободы упоения разговорами. Для посторонних они были неинтересны, и потому Михаил чувствовал себя в знакомой компании все более и более посторонним.

От Бориспольского Михаил случайно узнал, что уже довольно давно нет в живых человека, которого он искренне уважал как раз за то, чего не было у большинства знакомых информационщиков – за принципиальность и твердость в убеждениях, за способность самостоятельно идти нехоженым путем. Это был Евгений Николаевич Казаков, Женя, на которого можно было положиться во всем. Как и дворянские братья, он тоже уступал Михаилу в возрасте – и, тем не менее, уже не стало и его.

Слава Богу, еще жил, трудился и мыслил на этом свете Делир Гасемович Лахути, ровесник Михаила – личность без изъяна, с какой стороны ни посмотри. Лучшим в себе Делир считал себя обязанным влиянию отца, персидского поэта Абулькасима Лахути, который в молодые годы увлекся идеей совершения социалистической революции на сво-

ей родине, в Иране, при поддержке советской России. Революцию, начатую этим поэтом в городе Тебризе, по слезной просьбе российских товарищей пришлось прекратить, ибо, разгорись пожар в Иране, Россия непременно подверглась бы новой иностранной интервенции, а общая разруха в то время не позволила бы ей как-нибудь противостоять. С боями революционеры пробивались к советской границе, где их, разумеется, злонамеренно сочли агентами британского империализма, но все-таки вынуждены были освободить. А потом Абулькасим Лахути был в Москве избран одним из секретарей союза советских писателей и запомнился нуждающимся коллегам как человек, готовый помочь им не только своим участием, но даже из личных средств. Насколько велико было внутреннее благородство этого человека, можно было понять из того, какой образ жизни он выбрал для себя из двух возможных вариантов. Первый – вести почти роскошный, во всяком случае – сибаритский образ жизни, который вели знакомые ему иранские коммунисты, признанные советским правительством в качестве полезных кадров на будущее. Второй вариант – жить в бедняцкой стране по совести, зарабатывая своим трудом, как все остальные люди, строящие социализм в сплошном капиталистическом окружении. Поэт выбрал второе и пошел работать наборщиком в типографию, печатавшую газету на фарси. Так он, наверное, обеспечивал себе еще одну жизненно важную вещь – общение с родным языком.

Да, Делир был, скорей всего, прав, считая, что лучшим в себе, особенно гуманной настроенностью к окружающим людям, обязан своему отцу. Нечто сходное Михаил ощущал в себе от своего отца. Живой пример поведения родителя – это ли не главное средство воздействия на психику и поведение сына – независимо от того, родной ли ему отец по генам или нет. Вот духовное – то родство и предопределяло самые основы в будущей самостоятельной личности. Об отце, поэте и революционере, Делир рассказал Михаилу сам, ощутив в собеседнике искренний интерес к человеку, о котором тот знал очень мало, но чью значимость ощущал интуитивно. Со стороны Делира это была откровенность в ответ на откровенность. Михаил дал ему прочесть свой первый роман и просил высказать именно то, что тот о нем подумал.

Их дружеское откровенное общение в глазах Михаила выглядело и очень доверительным и запоздалым. Они были знакомы, правда, всего чуть-чуть, пятьдесят два года, со студенческой поры, встречались еще через десяток лет, пока спустя еще несколько лет оба не оказались на одном профессиональном поприще разработки информационно-поисковых языков. Правда, Делир там уже занимал видное положение, тогда как Михаил только что на него ступил. Однако через какое-то время они уже встречались как знакомые друг с другом коллеги, хотя дальше обмена мнениями по рабочим вопросам специальности дело почти никогда не заходило. Из всех известных Михаилу специалистов по информацион-

ному поиску, имеющих ученые степени, не считая уехавшего в Америку Влэдуца, он готов был просить одного Лахути стать научным руководителем своей возможной диссертационной работы, но так и не решился это сделать. Что удержало его от этого шага, Михаил и сам себе не мог толком сказать. Постеснялся просить об одолжении уважаемого и занятого человека, слишком мало по существу знакомого с тобой? Да, эта мысль сидела в голове у Михаила. Боялся, что Лахути сочтет представленные Горским мысли и находки не дотягивающими до уровня полноценной и нехалтурной диссертации? Да, боялся, хотя и не очень сильно. Ждал какого-то проявления высокомерия со стороны Лахути к себе, значительно уступающему ему в известности? Почти нет, не ждал, потому что позиция высокомерия по внешним признакам никак не шла Лахути, но ведь одни лишь внешние признаки могут обмануть. И все это вместе оказалось сильнее желания обратиться к Делиру с просьбой о принятии на себя научного руководства по работе не самого близкого из его коллег. Больше того, Михаил не без внутренней борьбы решил попросить Делира прочесть его роман, зная, что тот продолжает работать в гуманитарном университете, будучи пенсионером уже пятнадцать лет, и что у него нет столько свободного времени, чтобы спокойно, без натуги, прочесть объемистую книгу. Но на этот раз Михаил все же решился и позвонил Лахути. Михаилу показалось, что Делир был немало озадачен просьбой и отнюдь не загорелся желанием во что бы то ни ста-

ло прочесть роман странного коллеги, потому что после секундного замешательства он спросил Михаила, в каком виде существует этот роман. Михаил успокоил его, что рукопись набрана на компьютере и он может представить распечатку. Тогда Делир согласился, но предупредил, что быстро прочесть не успеет. Для Михаила это уже не имело значения – сколько потребуется, пусть столько и читает.

Однако с чтением Делир справился быстрее, чем можно было ожидать. Сидя рядом со своим гостем на диване, Михаил приготовился выслушать его суждение о собственном опусе. Делир начал с того, что выделил в романе четыре разных плана описания: Первым был назван план описания жизни работающего интеллектуала в профессиональной среде; вторым – описание социального фона жизни в обществе; третьим – описание походов и центрального в романе путешествия; а четвертым – отношения героя романа и женщин. Насчет четвертого плана он сразу предупредил, что о женщинах ничего говорить не будет, но обо всем другом рассказал. По всему было видно, что их позиции и взгляды по множеству предметов были сходны или совпадали. Делир даже особо отметил язык автора, найдя его грамматические конструкции сложными, но ясными и хорошо согласованными во всех элементах речи. По поводу же реалий жизни в обществе вообще и на работе в частности, Делир, прежде чем высказаться по существу, вдруг спросил: «Вы знаете, что означает аббревиатура ППКС»? – «Нет», – ото-

звался удивленный Михаил, – «Она раскрывается так: подписываюсь под каждым словом».

Такого Михаила, признаться, не ожидал. В том, что походная часть романа произведет на читателя впечатление, он не сомневался. Но вот по поводу всего остального суждения могли быть самые разные. Впрочем, напомнил себе Михаил, о женщинах и отношении к ним героя романа Делир предпочел не высказываться, хотя там было, о чем поговорить.

Вот так на последнем участке финишной прямой жизни приоткрывалась вдруг почти напрочь упущенная возможность для гораздо более разностороннего общения двух людей, о которой они оба прежде и не думали. Разумеется, атмосферу их беседы нельзя было даже мысленно экстраполировать на ту, которая – это не исключалось – окружила бы их в случае возникновения явного интереса друг к другу много лет назад. Мало ли у каждого бывает близких знакомств с другими людьми, которые выпадают из общения по каким-либо мотивам с одной или обеих сторон? И все же подтверждалась старая истина: «Лучше поздно, чем никогда!» Во всяком случае, Михаил об общении с Делиром Лахути думал именно так. Делир Гасемович принадлежал в сознании Горского к тем немногим, кто не перестал вызывать у него интерес.

Зато тех, кто перестал, было достаточно много. Продолжают ли они жить, что-то делать или как-то себя проявлять, Михаила совсем не занимало. Если бы без малейших стара-

ний с его стороны к нему поступали сведения об этой публике, он, разумеется, специально не затыкал бы уши, а, напротив, сопоставил бы услышанные новости с тем, что знал о ком-то из таких людей прежде, чтобы убедиться, совпадают ли прежние представления о них с появившимися в более позднее время, а если он когда-то и делал насчет них прогнозы, то сбылись ли они. С точки зрения проверки умудренности жизненным опытом это следовало признать не лишним, даже если исходить из позиции безразличия к тем из знакомых, кого Милостью Божией уже давно не было видно рядом с ним в жизни.

А о чем же на самом деле хотелось знать, с кем хотелось общаться, какие занятия – из числа доступных – оставались или становились привлекательными и желанными?

Знать хотелось бездну всего – и о том, насчет чего власти не разрешают рассказывать современникам и историкам насчет серьезных событий в разных эпохах; и о том, какие возможности и ловушки ожидают детей – индиго в самом скором времени; и о том, получится ли в возрасте старости освоить хотя бы основные эзотерические истины о подлинном, но не проявленном Мироустройстве, о действительном месте Земного человечества в сонме мыслящих и познающих Истины (либо обладающих Истинами) существ.

Было бы так интересно анализировать и ассоциировать ранее неизвестные факты с теми, которые прежде удавалось по крохам собрать, стараясь извлекать для себя и других

представления о том, что происходило на самом деле и – тем более! – почему.

А заниматься хотелось следующим: удовлетворяя посильным образом любознательность, излагать свои мысли и впечатления, описывать события, которые так или иначе касались и всех, и тебя. Ведь мозг, накаленный попавшей в него информацией, жаждал непрерывной ее переработки и внятного, по человеческим понятиям, культурного изложения, которому для вящей убедительности хотелось придавать музыкальность, поскольку она сама по себе присуща речи, но, как выяснилось в процессе литературной работы, ее по возможности следовало специально проявлять. Это было бы, как и прежде, поглощающим занятием, только более свободным и широкозахватным в смысле тем и предметов, коим, конечно же, нет числа.

Желанными оставались только близкие любимые люди вместе с собаками. В редеющем кругу родных существ продолжать жить и действовать пока еще было все равно радостно даже на фоне потерь. С теми, кто ушел, повышались шансы скоро увидеться. Но поспешать за ними все равно не хотелось, пока рядом с тобой на Земле жила твоя любовь. Както не верилось, что без нее действительно оставалась бы настоящая заинтересованность в продлении жизни. Ведь тогда основным ее содержанием стала бы тоска. А что до рода занятий в окружающем одиночестве, то, наверное, самым осмысленным было бы такое, как при отправлении во вся-

кое плавание – отдавать концы от пристани один за другим. И делать это, сохраняя присутствие духа, если, конечно, их и без тебя как-нибудь не отдадут.

Но из-за этого ничего в мире не могло измениться. Вместо состарившихся актеров в театре жизни на авансцену всегда выдвигались новые, свежие кадры, для которых обязательно надо освободить место, чтобы не погубить человечество вообще. Мечты о вечной жизни в одном неизменном теле, занимающие так много места в сознании многих людей, особенно сверхбогачей и верховных правителей, на самом деле не имели под собой ничего кроме безумного эгоистического страха перед кончиной благоденствия, как они его понимали, и полного неведения относительно вечного существования духа. Короче, бессмертие они представляли себе совсем не так и не там, где оно действительно имеет место. Вот к этому – то и следовало осознанно готовить себя по мере приближения к видимому финалу земного бытия. И в этой связи можно было только пожалеть, что воспитанникам западной вещной цивилизации так не хватает для этого знаний, накопленных на Востоке, и решимости действовать в соответствии с ними.

Сколько еще лет, десятилетий, веков понадобится для конструктивного восприятия древних знаний и ликвидации зияющей пропасти, разделяющей культуры Запада и Востока, чтобы страх перед смертью сменился бестрепетным ожиданием перехода в Вечный Мир, предсказать было

НЕВОЗМОЖНО.

А ведь всего-то и надо было понять, что в словах знаменитого советского авиамарша: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» – просто следовало бы представлять себе другую сказку – не земную, а воистину Небесную. – сказку о полетах среди неизвестных или забытых Миров, действительно существующих, а не иллюзорных.

Но пока и в мечтах не удастся представить родную страну свободной от абсурдных идей и поступков. В нашей России (а «не в этой стране», как говорят ныне прозападные модники) после краха протиестественной коммунистической иллюзии с энтузиазмом подхватили новые. Дескать, царь Николай II, своим управлением доведший государство до разрушительного взрыва, который смёл и всю царствующую династию и почти целиком духовное сословие, оказывается, на самом деле святой человек, а спасители новой России от голодной гибели Борис Ельцин и Егор Гайдар организаторы геноцида русского народа. Исключительно волевой и бессовестный, но в остальном бесталаннейший карьерист себялюбец, под началом которого своих войск было погублено в пять раз больше немецких Георгий Жуков объявлен величайшим полководцем всех времен и спасителем отечества, невиновным ни в чем, кроме исключительной доблести... в сокрытии правды. И, веря хорошо оплачиваемой пропаганде, многие соотечественники считают, что это действительно так, тем более, что и с церковного амвона им

не кричат: «Православные! Братья во Христе! Очнитесь! Вас опять путает Дьявол! Вам что – не жаль деток своих?» Но зачем кому-то нарываться на резонный ответ: «А чего их жалеть? Они теперь живут лучше нашего. Это им свойственно смотреть на нас с презрением и жалостью».

Так-то оно так. Но люлька качелей, падая вниз по одну сторону качельного маятника, взлетает на высоту по другую сторону, чтобы сверзнуться вниз уже оттуда. Не надоело ли качаться туда-сюда всей великой страной – каждый раз с новой иллюзией? Не лучше ли каждому глубоко задуматься на этот счет?

Post scriptum.

Следуя своему обычаю, автор отразил в данной книге смесь из своих фантазий и действительного опыта собственной жизни. Поэтому персонажи данной книги также относятся к двум разным категориям – одни являются порождением фантазий автора и не имеют материальных проекций в житейской реальности, тогда как другие взяты именно из реальности и потому названы в книге собственными именами. За возможные проявления сходства между вымышленными персонажами и какими-либо реальными людьми, если таковых кому-то окажется возможным усмотреть, автор данной книги ответственности не несет.